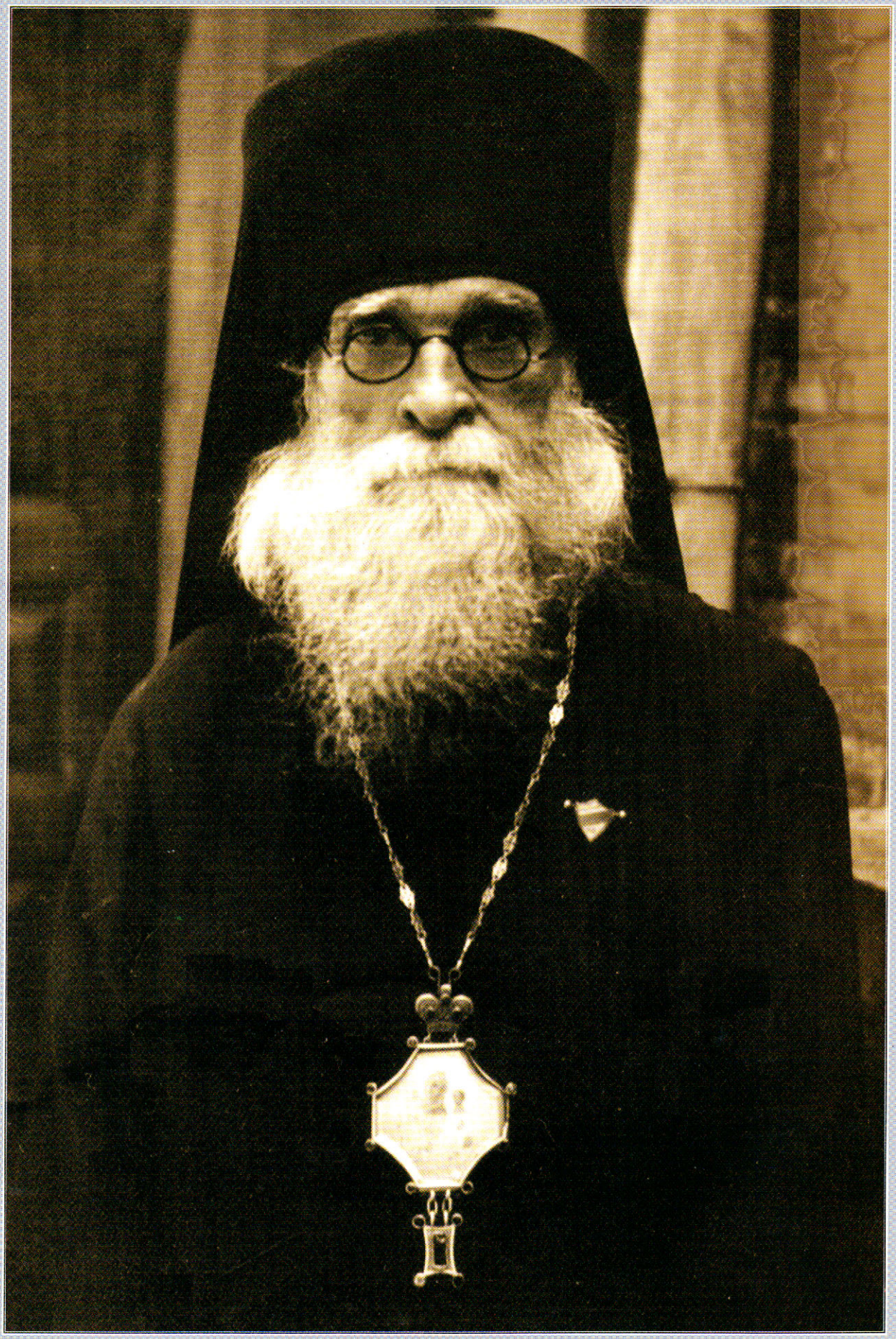
Санкт-Петербургские ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Выпуск 37-38



Архиепископ Хайларский Димитрий (Вознесенский).
Харбин, 1943 год

Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости

Главный редактор
Высокопреосвященнейший ВЛАДИМИР
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

Редактор И.В. Попов

Выпуск 39

СОДЕРЖАНИЕ

Новая Ладога 3

ПРАВОСЛАВИЕ И РОССИЯ

Ладожское викариатство С.-Петербургской (Петроградской–Ленинградской) епархии 5

СВЯТЫЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

***Иеромонах Никодим (Кононов)*. Прп. Киприан Стороженский** 13
Память о преподобном Киприане Стороженском 15
Об упраздненном Стороженском монастыре 18
***Игумен Антоний (Бочков)*. Зеленецкий лес (поэма)** 22

ПОДВИЖНИКИ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ

***И.А.Сергеева*. Протоиерей Алексий Колоколов – духовник, молитвенник, целитель (1836–1902)** 28
Успенский Остров 48

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX века

Духовенство и храмы Новоладожского уезда в 1937 году. *Волховский, Киришский и Мгинский районы* 61
Протоиерей Иоанн Алексеевич Лебедев (1884–1937) 64
Протоиерей Владимир Александрович Талицкий (1888–1938) 67
***Т.А. Богданова, А.К. Клементьев*. Путь Хайларского святителя** 70

НАШИ ХРАМЫ

***А.К. Галкин*. Собор Рождества Богородицы в Новой Ладоге** 158
Святыни Новой Ладоги и окрестностей 165
Крестовоздвиженская часовня на канале Императора Александра III 175
По Ладожским каналам от Шлиссельбурга до Новой Ладоги *(в цветных фотографиях С.М. Прокудина-Горского)* 176

НЕБЕСНЫЙ ПОКРОВ НАД РОССИЕЙ

***А.К. Галкин*. Чудотворный образ свт. Николая Чудотворца в Новой Ладоге** 179
***А.К. Галкин*. Осадный крест из Климентовской церкви в Новой Ладоге** 184

ПРОПОВЕДЬ

***Протоиерей Владимир Шамонин*. Наставления мирянам** 187

БЫЛОЕ

***А.Ю. Егоров, Н.Г. Рогулин*. А.В. Суворов в Новой Ладоге** 190
***Н.Ф. Морозова*. Новое о Новоладожской Георгиевской (Суворовской) церкви** 196
***В.В. Саблина*. Два Муромских протоиерея** 200
***А.К. Клементьев, Т.А. Богданова* «Православная Русь» и Типографское иноческое братство Преподобного Иова Почаевского в Ладомировой на Карпатах** 206

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

И свет во тьме светит 236
***Н.Г. Китер*. Письма о Церкви. Свободу во Христе возлюбившие. В Царском Селе. Часовенка на Николаевском мосту. Владыка Стефан (Бех). Путешествие в Макарьевскую пустынь. Русские страстотерпцы нашего времени** 236
***А. Нельский*. Молебен в антирелигиозном музее** 266

Стихи. *Юлия Бажанова*. Внук. *Н.А. Некрасов*. Было двенадцать разбойников(21). *Ирэна Сергеева*. Успенский остров. Помолимся (46). *Юлия Бажанова*. 1924 год. Начало (60). *М.И. Червяков*. Странник. Распятие Христа (161) *Марианна Колосова*. Памяти героев (154). *Александр Вертинский*. Молись, кунак; Сумасшедший шарманщик. *Томас Мор*. Вечерний звон. *Георгий Адамович*. Когда мы в Россию вернемся (155) *Ангелина Малаховская*. Если тебя обидели. Я в вас верю (199). *Алексей Хомяков*. России (272).

НОВАЯ ЛАДОГА

Почти одновременно с основанием С.-Петербурга древнейшая столица Руси, город Ладога, утратила свой городской статус. (Старой Ладоге, древней столице Руси и ее святыням был посвящен предыдущий выпуск «Санкт-Петербургских Епархиальных ведомостей», № 35-36). В сентябре 1704 года царь Петр I, по пути из Новгорода на Олонецкую верфь, «присмотрел… на самом Ладожском озере, где впадает в оное озеро река Волхов» место, «полезное быть к коммерции». По указу царя большая часть ладожан вынуждена была переселиться на тринадцать верст вниз по реке, туда, где издревле существовал Николо-Медведицкий монастырь. Так возник город Новая Ладога, монастырь же «на Медведце» был упразднен. Его строения оказались внутри спешно построенной земляной крепости, сооружение которой было завершено к 1710 году. Укрепления Новой Ладоги напоминали в миниатюре первоначальную Петропавловскую крепость с тою разницей, что земляная крепость на Неве имела шесть бастионов, а на Волхове – только четыре. Позднее в валах бывшей крепости будет возведен кафедральный Новоладожский собор.

После победы в Северной войне Новая Ладога, потеряв всякое военное значение (ее «фортецию» упразднили в 1741 году), превратилась в оживленный торговый центр.

В 1708 году Новая Ладога была приписана к Ингерманландской, (с 1710 г. именовавшейся Санкт-Петербургской) губернии, с 1727 по 1781 гг. относилась к Новгородской, а затем вновь вошла в состав С.-Петербургской губернии уже на правах центра обширного уезда. Его земли, лежащие по берегам Ладоги и Волхова, включили в себя погосты бывших Обонежской и Водской пятин. Тогда же, при Императрице Екатерине II, был утвержден герб города. В XVIII веке учреждается Ладожское викариатство, центром которого первоначально был Староладожский Никольский монастырь. В 1865 году Ладожское викариатство было восстановлено уже в пределах С.-Петербургской епархии и просуществовало с некоторыми перерывами до 1990 года, когда правящим архиереям вновь был усвоен титул митрополитов Санкт-Петербургских и Ладожских.

Статус торговой и административной столицы уезда Новая Ладога сохраняла до первой трети XX века, – этому в значительной степени способствовала прокладка четырех Ладожских каналов, Старых и Новых, – от Невы до Волхова и от Волхова до Свири. Оставалась все это время Новая Ладога также и важным духовным центром, – к 1917 году здесь действовали шесть православных храмов: собор Рождества Пресвятой Богородицы (по приделу именовавшийся также Иоанно-Богословским), древний Никольский собор бывшего Медведского или Медведицкого монастыря, церкви Спасская, свт. Климента, папы Римского, Александро-Невская тюремная и Георгиевская-Суворовская, обязанная своим основанием и строительством великому русскому полководцу, служившему здесь.

Среди чтимых святынь Новой Ладоги, пользовавшихся огромной известностью и любовью горожан и селян, следует назвать чудотворный заалтарный образ святителя Николая древнего Никольского собора, а также знаменитый «Осадный крест» из Спасской церкви, прославленный чудесами с XVII века. Обе эти святыни исчезли из Новой Ладоги в лихолетье безбожия.

Вниманию читателей этого выпуска «Санкт-Петербургских Епархиальных ведомостей» предлагается рассказ о Ладожском викариатстве и судьбах епископов Ладожских. Здесь же – статьи о святынях и храмах Новой Ладоги и уезда, а также о пребывании в Новой Ладоге графа А.В. Суворова и святынях, связанных с его именем. Публикуется также уездный синодик расстрелянных в 1937–1938 годах представителей духовенства Новоладожского уезда. В разделе «проповедь» опубликованы наставления мирянам известного петербургского протоиерея Владимира Шамонина, служившего в начале XX века на приходе села Сари Новоладожского уезда.

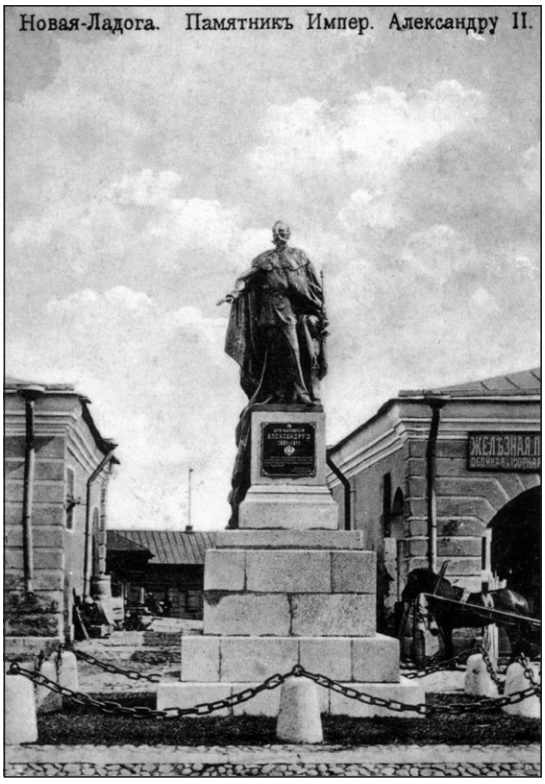
От эпохи основания и возрастания обителей Северной Русской Фиваиды в Новоладожском уезде сохранялись упраздненные при Екатерине II Сароцкая пустынь и Киприанова-Стороженская обитель,

а также вновь действующий и восстанавливаемый ныне Мартириев-Зеленецкий монастырь. Читатели смогут ознакомиться в этом выпуске журнала с житием преподобного Киприана Стороженского († после 1598), составленного иеромонахом Никодимом (Кононовым), будущим епископом Белгородским, священномучеником. Публикуется также поэма игумена Антония (Бочкова) «Зеленецкий лес», в которой рассказывается о праведной кончине подвизавшегося в Зеленецком монастыре и позже жившего здесь на покое митрополита Новгородского Корнилия († 1688 или 1689).

Вниманию читателей предложено обширное жизнеописание праведного петербургского пастыря, протоиерея Алексия Колоколова (1836–1902), уроженца Новоладожского уезда, выстроившего на своей родине несколько храмов (в селах Помялово, Хотово, Верховина и других), основавшего и поддерживавшего при своей жизни целый комплекс благотворительных заведений на Успенском острове посредине Волхова, близ села Прусынская Горка. Здесь располагались храм и часовня, училищные дома и детский приют, богадельня, дом инвалидов и множество зданий больничного городка с амбулаторией, хирургическим и инфекционным отделениями. Комплекс построек Успенского острова служил людям и после революции, до 1960-х годов, когда был окончательно разорен и заброшен. Будет ли восстановлено когда-нибудь это создававшееся с любовью трудами многих людей детище протоиерея Алексия?

Впервые в этом номере публикуется подробное описание жизни и трудов архиепископа Хайларского Димитрия (Вознесенского; 1871–1947), одного из выдающихся архипастырей Русской Церкви, просветителя, духовного писателя, подвижника, молитвенника и аскета. Описаны годы, проведенные им в Центральной России и на Дальнем Востоке, в Маньчжурии, и вновь в России. Публикуются впервые многие ценные документы и фотографии, в том числе о последних месяцах жизни архипастыря, кончина которого последовала в январе 1947 года в городе на Неве.

Также в журнале публикуется материал о Типографском иноческом братстве прп. Иова Почаевского в Ладомировой на Карпатах и трудах братии обители по духовному просвещению русских людей «во Отечестве и рассеянии сущих» в 1920-х–1940-х годах. Публикуются рассказы о духовной жизни Петербурга и окрестностей в 1920-е и 1930-е годы, впервые напечатанные в годы войны в издававшейся братством газете «Православная Русь».



Новая Ладога. Памятник Императору Александру II –
точная копия памятника царю-освободителю в Московском Кремле (скульптор А.М. Опекушин, 1898).
Новоладожский памятник был торжественно открыт и освящен 16 июня 1913 года.
В 1918 году памятник был сброшен с пьедестала и утоплен в реке Волхов

Ладожское викариатство С.-Петербургской (Петроградской–Ленинградской) епархии

В XIX – начале XX веках правящий архиерей «царствующего града Святого Петра», за исключением очень небольших периодов, был первоприсутствующим членом Святейшего Синода. Для помощи ему в епархиальных делах в 1817 году была учреждена должность викарного епископа. Митрополит столицы Российской империи носил тогда титул «Санкт-Петербургского, Новгородского, Финляндского и Эстляндского», викарию же был усвоен титул «епископа Ревельского» – по главному городу Эстляндской губернии Ревелю (ныне Таллинн, столица Эстонской республики). Ревельское викариатство в пределах С.- Петербургской епархии просуществовало почти полвека. Но 25 апреля 1865 года состоялся указ Святейшего Синода о причислении Эстляндской губернии к Рижской епархии, учрежденной 15 годами ранее. Соответственно, были изменены титулы правящего архиерея столицы, который стал именоваться «Санкт-Петербургским, Новгородским и Финляндским», и его первого викария (второе викариатство С.- Петербургской епархии – Выборгское – было учреждено в 1859 году). 24 июня 1865 года епископ Ревельский Геннадий (Добросердов) получил именование епископа Ладожского. Все 11 Ладожских епископов XIX века были викариями самого долголетнего С.-Петербургского митрополита – Исидора (Никольского; † 7 сентября 1892), с кончиной которого викариатство на четверть века прекратило свое существование.

Епископ Геннадий (Добросердов)

24 июня 1865 – 25 января 1866

В миру Георгий Иванович Добросердов (26 октября 1809 – 24 июня 1880). Родился в Иркутской губернии, в селе Бельск Балаганского округа. Рукоположен во епископа Ревельского 13 января 1864 года. Скончался епископом Астраханским и Енотаевским.

Епископ Аполлос (Беляев)

21 февраля – 12 декабря 1866

В миру Иван Егорович Беляев (11 апреля 1812 – 27 ноября 1885). Уроженец села Волохова Александровского уезда Владимирской губернии, он окончил Киевскую Духовную академию и в 27 лет принял монашеский постриг. В сане архимандрита о. Аполлос был ректором Астраханской (1854–1856), а затем Псковской

Духовной семинарии. Во время службы в Пскове, где по должности ректора он состоял также настоятелем Псково-Печерского Успенского монастыря, издал «Слова на церковные праздники» (Псков, 1859) и книгу «Псково-Печерский монастырь», выдержавшую два издания (СПб, 1860; Новгород, 1864). 16 февраля 1864 году архимандрита Аполлоса хиротонисали во епископа Старорусского, викария митрополита С.-Петербургского, Новгородского и Финляндского Исидора по Новгородской епархии. Со Старорусского викариатства он был переведен на Ладожское, но очень скоро получил в управление самостоятельную епархию – Вятскую. Ее он возглавлял 19 лет, причем в 1880 был возведен в сан архиепископа. Последние месяцы жизни архиепископ Аполлос провел на покое в Крестовоздвиженском монастыре в городе Слободском Вятской епархии, где и погребен.

Епископ Палладий (Раев)

18 декабря 1866 – 15 июля 1869

В миру Раев-Писарев Павел Иванович (20 июня 1827 – 5 декабря 1898). Родился в селе Пешелань Арзамасского уезда Нижегородской губернии. После окончания Казанской Духовной академии преподавал в родной Нижегородской семинарии. Рано овдовел (его сын Николай в 1916–1917 годах был последним обер-прокурором Святейшего Синода царской России). Принял монашеский постриг с именем Палладий и в 1864–1866 годах был ректором С.-Петербургской духовной семинарии в сане архимандрита. С этого поста призван к архиерейскому служению и посвящен во епископа Ладожского. Осенью 1867 года совершил поездку в Новоладожский уезд и 10 сентября освятил Введенскую церковь в селе Хотове, построенную трудами священника Алексия Колоколова. В июле 1869 года был командирован по Высочайшему повелению в Петрозаводск и в Вытегру, для разрешения спорного вопроса о месте строительства в Вытегре нового храма на капитал, завещанный одним давно умершим жертвователем. Во время путешествия епископа состоялось его назначение на Вологодскую кафедру. В Вологде он оставил по себе память перестройкой соборной колокольни, распорядившись, чтобы она стала «наиболее величественною и высокою в епархии». Позднее занимал Тамбовскую (1873–1876), Рязанскую (с 1881 – в сане архиепископа) и Казанскую кафедры, а 29 сентября 1887 года был назначен экзархом Грузии. После кончины митрополита Исидора, 18 октября 1892 г. получил назначение в столицу с титулом митрополита С.-Петербургского и Ладожского. При этом титул викарных епископов Ладожских был изменен только 24 октября 1892 г. Таким образом, и правящий митрополит и его викарий титуловались втечение недели по одному и тому же городу. Митрополит Палладий был большим любителем пышных, «обстановочных» богослужений с большим числом сослужащих архимандритов и митрофорных протоиереев, включая о. Иоанна Сергиева (св. Иоанн Кронштадтский). Был погребен в Исидоровской церкви Александро-Невской лавры. После закрытия храма в конце 1931 года останки митрополита перезахоронили на лаврском Братском кладбище рядом с могилой митрополита С.-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского).

Следующие четыре епископа Ладожских, Павел, Тихон, Палладий и Гермоген, последовательно проходили должность вторых и первых викариев митрополита Исидора: их перемещали на Ладожское викариатства с Выборгского.

Епископ Павел (Лебедев)

29 августа 1869 – 23 июня 1871

В миру Петр Васильевич Лебедев (12 декабря 1827 – 23 апреля 1892), уроженец Весьегонского уезда Тверской губернии. Окончил курс С.-Петербургской духовной академии в 1853 году; в том же году постригся и был рукоположен во иеромонаха. С 6 ноября 1857 года – инспектор С.-Петербургской Духовной семинарии (с сентября 1858 – в сане архимандрита), а с 15 октября 1859 года – академии. 23 августа 1861 назначен ректором Смоленской, а 20 декабря 1866 – С.-Петербургской Духовной семинарии. Хиротонисан во епископа Выборгского 8 сентября 1868 года. Будучи епископом Ладожским, 25 мая 1871 года освятил тюремную Александро-Невскую церковь в Новой Ладоге. В 1871 году занял Кишиневскую кафедру (с 1879 года – в сане архиепископа), с 1882 возглавлял Грузинский Экзархат; 29 сентября 1887 года перемещен на Казанскую кафедру.

Епископ Тихон (Покровский)

16 августа 1871 – 13 июня 1873

В миру Александр Павлович Покровский (21 февраля 1821 – 16 апреля 1885). Его родина – село Ушаково Каширского уезда Тульской губернии. Высшее образование он получил в С.-Петербургской Духовной академии. Окончив ее в 1847 году, он остался в столице и 12 ноября 1850 года был рукоположен во священника к ветхой деревянной Спасо-Колтовской церкви на Петербурской стороне. Эта церковь давно требовала замены на каменную. Но Высочайше утвержденный еще в 1850 году проект архитектора Есаулова оказался слишком дорог. Благодаря настойчивости о. Александра был разработан новый проект (архитектор А.Т. Жуковский). Строительство храма, заложенного по нему 10 июня 1862 года, растянулось на долгих 12 лет. Едва на храме утвердили крест, как рухнул главный купол, и верх здания пришлось сооружать заново. Вскоре после того, как достройка храма возобновилась, о. Александр был в 1869 году избран смотрителем Александро-Невского Духовного училища. В должность он фактически не вступил: почти сразу же митрополит Исидор представил его своим вторым викарием. Протоиерей А. Покровский принял монашеский постриг с именем Тихон и 14 сентября был рукоположен во епископа Выборского, а через год и 11 месяцев переведен на Ладожское викариатство.

Молитва епископа Ладожского Тихона предварила открытие обширного городского кладбища близ станции Обухово: 19 ноября 1872 года он освятил деревянный Преображенский храм, давший название кладбищу. С 13 июня занимал Саратовскую и Царицынскую кафедру, с 6 марта 1882 – Волынскую и Житомирскую в сане архиепископа. Еще в сане священника он получил широкую славу церковного оратора: его слова ценились за то, что были просты по слогу, но умилительны. В 1860-х годах он часто помещал свои проповеди в журнале «Духовная беседа».

Епископ Палладий (Ганкевич)

28 сентября 1873 – 9 сентября 1876

В миру Павел Федорович Ганкевич (17 августа 1823 – 13 января 1893). Родился в с. Городецкое Чаусовского уезда Могилевской губернии. По окончании в 1851 году С.-Петербургской Духовной академии двадцать лет служил в Могилеве преподавателем, инспектором, а с 1863 года – ректором Могилевской Духовной семинарии. Рукоположен во священника в 1853 году, принял постриг в 1860 году; 30 декабря 1862 года возведен в сан архимандрита. Викарием митрополита Исидора оставался пять лет (посвящен во епископа Выборгского 22 августа 1871 года), затем был правящим архиереем в Тамбове (1876–1885) и в Житомире (с 4 мая 1885, с возведением в сан архиепископа). В Тамбове епископ Палладий 31 января 1882 года рукоположил во священника Василия Богоявленского – будущего священномученика Владимира, митрополита Киевского. 25 ноября 1889 уволен на покой, с местопребыванием в Почаевской лавре.

Епископ Гермоген (Добронравин)

9 сентября 1876 – 24 апреля 1882

В миру Константин Петрович Добронравин (21 февраля 1819 – 17 августа 1893). Сын священника села Ильеши Ямбургского уезда С.-Петербургской епархии. В 1828 году его отец был перемещен в Московскую Славянку Царскосельского уезда, отчего во многих биографиях владыки местом его рождения ошибочно указывают это село. Окончил С.-Петербургскую Духовную семинарию (1841) и академию (1845). 26 октября 1846 года рукоположен во священника к Волковской кладбищенской церкви. Рано овдовел; тяжесть разлуки с горячо любимой женой помогла ему перенести работа над книгой «Утешение в смерти близких к сердцу» (СПб, 1854; многократно переиздавалась). В 1854–1869 годах состоял законоучителем 3-й С.-Петербургской гимназии и священствовал в Крестовоздвиженской гимназической церкви. Оставил по себе память умного, доброго и влиятельного наставника. Применительно к гимназическим программам подготовил «Очерк истории русской церкви» (СПб, 1863), «Очерк истории христианской церкви» (СПб, 1866), «Очерк истории славянских церквей». Призван к епископскому служению вторым викарием митрополита Исидора в 1873 году из смотрителей Александро-Невского Духовного училища. Знакомство владыки с Новоладожским уездом началось еще в бытность его епископом Выборгским: 4 июля 1876 года он освящал Параскевинскую церковь в Верховинах. В июне 1878 года возглавил в Новой Ладоге торжества освящения двух обновленных церквей – Георгиевской Суворовской, в присутствии светлейшего князя А.А. Суворова, внука полководца-храмостроителя, (29 июня) и Климентовской (30 июня). Опубликовал «Справочный листок о церквах и духовенстве епархиального ведомства в С.-Петербургской епархии за 1876 год» (Церковный Вестник. 1877, № 28. С. 8-11; № 30. С. 13-16; № 32. С. 6-9; № 34. С. 9-10; № 35. С. 7-8;

№ 36. С. 10-13). Владыке Гермогену обязано своим успешным становлением Исидоровское епархиальное женское училище (основано в 1870), которым он заведовал все 8 лет служения викарием митрополита Исидора. С 1882 года епископ Гермоген занимал кафедру епископа Таврического, а с 1885 года до кончины – Псковского. Опытный педагог, известный духовный писатель, автор монографии «Таврическая епархия» (Псков, 1887), церковный гимнограф и поэт. Составил службу св. благоверному князю Довмонту-Тимофею Псковскому. В сане епископа Псковского и Порховского часто бывал в С.-Петербурге и 14–15 июля 1888 года возглавил богослужения в Князь-Владимирском соборе, ставшем центром торжеств, посвященных 900-летию Крещения Руси. Скончался в С.-Петербурге и был погребен в Исидоровской церкви Александро-Невской лавры. В 1932 году его останки, найденные нетленными, перенесены на Никольское кладбище и «захоронены у кладбищенской стены». Однако к настоящему времени могила владыки ничем не отмечена: уже к 1953 году она затерялась.

Епископ Арсений (Брянцев)

17 мая 1882 – 28 марта 1887

В миру Александр Дмитриевич Брянцев (27 августа 1839 – 28 апреля 1914). Родился в селе Волста-Пятница Юхновского уезда Смоленской губ. После окончания Киевской Духовной академии в 1867 году законоучительствовал в Киеве, а в 1873 году был утвержден ректором Таврической Духовной семинарии в сане протоиерея. В этой должности в 1875 году принял монашеский постриг и был возведен в сан архимандрита. 17 апреля 1882 состоялось его назначение епископом Выборгским, но через неделю, 24 апреля, освободилось Ладожское викариатство. В связи с этим 3 мая 1882 Высочайшее утверждение получил доклад Святейшего Синода «о бытии назначенному на кафедру епископа Выборгского, второго викария С.-Петербургской епархии, ректору Таврической Духовной семинарии архимандриту Арсению – епископом Ладожским, первым викарием той же епархии». В 1883–1887 годах состоял ректором С.-Петербургской духовной академии. При нем в 1885 году академию окончил священномученик Философ Орнатский, а также будущий митрополит Киевский Антоний (Храповицкий), постриженный епископом Арсением на IV курсе. При нем же студентами академии стали будущие Всероссийские Патриархи – св. Тихон (Беллавин) в 1884 году и Сергий (Страгородский) – в 1886 году. В 1887 году назначен епископом Рижским и Митавским (с 15 мая 1893 – архиепископ). По благословению владыки в Риге в 1891 году началось устройство женской общины (с 1902 года – рижский Троице-Сергиев женский монастырь), а с 1894 года – и ее пустыньки под Митавой. Его же заботами возник и быстро получил широкую известность Пюхтицкий Успенский монастырь. 31 января 1893 года епископ Арсений возвел в С.-Петербурге в сан игумении устроительницу этого монастыря монахиню Варвару (Блохину). 4 октября 1897 года перемещен на Казанскую кафедру, а 8 февраля 1903 – на Харьковскую. 6 мая 1912 года награжден орденом св. Владимира I степени. В рескрипте на имя архиепископа Арсения отмечалось, что он являет собой «высокий пример архипастыря благостного, ревностно хранящего заветы православия, учительного словом и делом и неослабно пекущегося о благе преемственно вверяемых вам паств».

Епископ Сергий (Серафимов)

24 апреля – 5 декабря 1887

В миру Александр Алексеевич Серафимов (13 октября 1836 – 13 апреля 1902) , родом из с. Пельно Юрьевецкого уезда Костромской губернии, выпускник Московской Духовной академии 1862 года. Хиротонисан во епископа Выборгского 5 декабря 1882 года. 24 апреля 1887 император Александр III утвердил синодальный доклад об открытии кафедры третьих викариев в С.-Петербургской епархии, получавших титул «Нарвских». В тот же день епископ Сергий был назначен епископом Ладожским, первым викарием столичной епархии. С 5 декабря 1887 года – епископ Вятский и Слободской, а с 10 августа 1896 – Астраханский и Енотаевский.

Епископ Митрофан (Невский)

14 февраля 1888 – 12 июля 1890

В миру Матвей Васильевич Невский (около 1837 – 23 мая 1899). Уроженец с. Васильевское Ливенского уезда Орловской губернии. Окончил Киевскую Духовную академию в 1861 году. Рукоположен во священника 24 февраля 1864 года; был законоучителем Воронежской гимназии. С 11 декабря 1868 по 16 января 1888 года, до назначения епископом Ладожским, вторым викарием С.-Петербургской епархии* – ректор Курской Духовной семинарии (в сане протоиерея). Затем последовательно управлял епархиями: Пензенской и Саранской, Астраханской и Енотаевской (с 13 ноября 1893), Орловской

*Епископы Ладожские Митрофан и его преемник Николай (Налимов) состояли вторыми викариями митрополита Исидора: первым викарием 16 января 1888 г. был утвержден епископ Выборгский Антоний (Вадковский) с сохранением титула.

и Севской (с 10 августа 1896) и, наконец, Смоленской и Дорогобужской (с 2 января 1899).

Епископ Николай (Налимов)

5 августа 1890 – 24 октября 1892

В миру Николай Александрович Налимов (19 июня 1852 – 13 июля 1914), сын священника Климентовской церкви Новой Ладоги, в 1872 году переведенного в Парголово. Каменная Спасо-Парголовская церковь, которая за все время своего существования (освящена в 1880 году) никогда не закрывалась, была построена по инициативе и под руководством протоиерея Александра Александровича Налимова († 6 апреля 1883), отца будущего архипастыря. Николай Налимов в 1877 году окончил С.-Петербургскую Духовную академию и до пострижения в монашество в 1885 году оставался преподавателем столичной семинарии в светском звании. Через полгода после пострига он стал ректором Смоленской Духовной семинарии в сане архимандрита. 21 марта 1889 года состоялся его перевод на ту же должность в С.-Петербург, а в августе следующего года он стал епископом Ладожским, вторым викарием С.-Петербургской епархии. После кончины митрополита Исидора и разделения митрополии на три самостоятельных епархии – Санкт-Петербургскую и Ладожскую, Новгородскую и Старорусскую и Финляндскую и Выборгскую – епископ Николай 24 октября 1892 года был переименован во епископа Гдовского, первого викария С.-Петербургской епархии. Первой его самостоятельной кафедрой стала Саратовская (с 13 ноября 1893), а 16 января 1899 он был назначен архиепископом Финляндским и Выборгским. Занимая Финляндскую кафедру, владыка имел возможность часто бывать в С.-Петербурге, где служили его братья-протоиереи: придворный – Владимир († 16 ноября 1909), епархиального ведомства Симеон († 15 августа 1907) и профессор Тимофей († 1925). При этом архиепископ Николай не упускал случая совершить богослужение в Спасо-Парголовском храме. Местные крестьяне полюбили его и встречали хлебом-солью. Его служение в Финляндии пришлось на годы, когда царское правительство взяло курс на полное уничтожение особого статуса Великого Княжества в составе Российской империи, и православный архиерей в глазах финнов вольно или невольно представлялся олицетворением этого курса. Революционные события 1905 года заставили императора Николая II «восстановить законность», дарованную Финляндии Александром Благословенным. Бурной весной 1905 года, 8 апреля, архиепископ Николай перемещается вглубь России, на Тверскую кафедру. Но меньше чем через три месяца владыка получает назначение экзархом Грузии – на национальную окраину, еще более растревоженную, чем Финляндия. Грузинские сепаратисты встречают его с нескрываемой враждебностью, и 9 июня 1906 года архиепископ Николай был уволен от должности экзарха. 23 июня 1906 владыка получает назначение на древнюю и связанную с множеством событий русской истории Владимиро-Суздальскую кафедру, которой и управляет до кончины, последовавшей в С.-Петербурге накануне объявления Первой Мировой войны. В кафедральном соборе во Владимире-на-Клязьме владыке Николаю довелось встречать тело своего преемника по Грузинскому Экзархату, архиепископа Никона (Софийского), павшего в Тифлисе от рук националистов 28 мая 1908 года. (Уезжая на Кавказ, владыка Никон оставил завещание похоронить себя в Успенском соборе во Владимире). Сам архиепископ Николай погребен на лаврском Братском кладбище рядом с могилой митрополита С.-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского), своего предшественника по Финляндской кафедре.

Вскоре после Февральской революции 1917 года в Петрограде состоялись выборы правящего архиерея на столичную кафедру. При свободном голосовании клира и мирян подавляющее большинство голосов получил первый викарий Петроградской епархии епископ Гдовский св. Вениамин (Казанский). По итогам выборов Святейший Синод утвердил его 25 мая архиепископом Петроградским и Ладожским, но уже 17 июня 1917 года титул святителя Вениамина был изменен на «Петроградский и Гдовский». Соответственно, прекратило существование Гдовское викариатство. Тот же день стал вторым днем рождения Ладожского викариатства, в связи с переименованием епископа Кронштадтского в епископа Ладожского.

Епископ Мелхиседек (Паевский)

17 июня 1917 – 26 (13) мая 1919

В миру Михаил Львович Паевский (15 ноября 1879 – 17/4 мая 1931). Родился в семье сельского священника Бельского уезда (г. Бела – ныне Бяла-Подляска, Польша) Гродненской губернии (впоследствии, при образовании Холмской губернии, этот уезд вошел в ее состав). В 1904 году окончил Казанскую Духовную академию в сане иеромонаха (принял постриг на I курсе). Последующие 6 лет был настоятелем четырех монастырей разных епархий – Могилевской, Таврической, Чернигов-

ской. В 1910 году назначен инспектором Владикавказского Духовного училища, а в 1914 – ректором Тифлисской Духовной семинарии. Переведенный в конце 1915 года из Тифлиса на Петроградскую кафедру митрополит Питирим (Окнов) представил его своим четвертым викарием с титулом «епископа Кронштадтского» и с местопребыванием в Староладожском Николаевском монастыре. Посвящен во епископа 8 сентября 1916 года.

24 февраля 1917 года отбыл на постоянное жительство в Старую Ладогу. 9 мая 1917 в Новоладожском Никольском соборе рукоположил кандидата богословия выпуска 1916 года Николая Ломакина (1890–1965) во диакона, а через день в Староладожской Иоанно-Предтеченской церкви – во священника (резолюцией временно управляющего Петроградской епархией епископа Гдовского св. Вениамина от 26 апреля 1917 года Н.И. Ломакин был определен священником в древнюю Георгиевскую церковь Старой Ладоги. Впоследствии протоиерей Николай Ломакин войдет в историю как один клириков блокадного Ленинграда). С 17 июня 1917 года епископ Кронштадский Мелхиседек стал именоваться епископом Ладожским. Меньше чем через два года, 23 (10) апреля 1919 года, митрополит Вениамин ходатайствовал: «По причине совершенного разорения Староладожского Николаевского и Троице-Зеленецкого монастырей, доставлявших средства епископу Ладожскому и отсутствия надобности в викарии – достаточно викариев Нарвского и Лужского – Ладожское викариатство закрыть». Однако Святейший Патриарх Тихон и Священный Синод рассудили иначе: постановлением от 26 (13) мая 1919 года епископ Ладожский Мелхиседек получил новое назначение – епископом Слуцким, временно управляющим Минской епархией, Ладожское же викариатство было оставлено незамещенным. В 1920 году епископ Мелхиседек был утвержден епископом Минским и Туровским, а в 1922 году он решительно уберег епархию от попыток главарей обновленческого раскола подчинить ее себе. Состоявшийся в Минске 23 (10) июля 1922 года церковный собор провозгласил Белорусскую церковь автономной и возвел епископа Мелхиседека в сан митрополита Минского и Белорусского. Большевистский режим воспринял это как очередное свидетельство развала Русской Православной Церкви и не препятствовал Белорусской автономии. Но как только св. Патриарх Тихон вышел на свободу, митрополит Мелхиседек сразу вернулся под его омофор. В 1923 и 1927 годах владыка Мелхиседек подвергался арестам, ненадолго он уклонялся в григорианство, но в июне 1927 года принес покаяние митрополиту Сергию (Страгородскому) и даже сложил с себя сан митрополита. К Пасхе 1928 года он был возведен в сан архиепископа и вскоре получил назначение на Красноярскую кафедру. Скончался архиепископ Мелхиседек в Москве, куда прибыл на сессию временного Патриаршего Священного Синода. Скоропостижная смерть застигла его в воскресный день в алтаре храма Покрова, что в Красном селе.

Епископ Иннокентий (Тихонов)

9 апреля (27 марта) 1922 – между 1927 и 1930

В миру Борис Николаевич Тихонов (22 мая 1889 – ноябрь 1937)

Родился в г. Троицке Оренбургской губернии. Окончил реальное училище в Томске и поступил в 5-й класс Томской Духовной семинарии. Высшее образование получил в Петроградской Духовной академии (кандидат богословия выпуска 1915 г.). Постригся на II курсе, 5 апреля 1913 года; в 1914 году рукоположен во иеромонаха. Был оставлен при академии на 1915/16 учебный год профессорским стипендиатом по кафедре церковной археологии; одновременно состоял духовником одного из столичных лазаретов. В 1917 был принят в братию Александро-Невской лавры и назначен заведующим ее древлехранилищем. С утверждением 26 января 1918 года митрополита Петроградского св. Вениамина в правах настоятеля лавры начался самый яркий период жизни иеромонаха (с 1921 – архимандрита) Иннокентия. Весной 1918 года он вместе с братьями иеромонахами Гурием и Львом (Егоровыми) организовал при Лавре занятия Законом Божиим с детьми школьного возраста, а в феврале 1919 года стал одним из руководителей Александро-Невского братства. Для членов братства митрополит предоставил свою Крестовую церковь. В эту более чем просторную церковь братчики собирались на богослужения, в соседних с ней помещениях проходили собрания братства, здесь

же находилась и братская библиотека. Как отмечал сам о. Иннокентий, его «духовным склонностям и академической специальности» более всего соответствовала изучение и популяризация русской церковной старины. Он создал при братстве кружок любителей православного богослужения, выступил инициатором открытия иконописной мастерской.

Весной 1922 года митрополит Вениамин представил архимандрита Иннокентия к архиерейскому служению и 10 апреля (28 марта) возглавил его хиротонию во епископа Ладожского. Какое поле деятельности в его любимой научной области открывалось перед ним и какую пользу делу сохранения и исследования церковных древностей, которыми тогда еще был так богат Новоладожский уезд, он мог принести! Однако у большевиков, захвативших власть в России, был свой подход и к церковным ценностям, и к их знатокам и защитникам. Меньше чем через два месяца после хиротонии владыка Иннокентий был арестован по делу «организации нелегальных братств» (при тоталитарном режиме легальна лишь одна организация – правящая партия). Приговор был не слишком суров – два года ссылки. К лету 1925 году он вернулся в Ленинград, вступил в управление Ладожским викариатством, вошел в Епископский совет. До конца года, пока владыка находился на свободе, он успел посетить многие приходы своего викариатства. Служить он любил в простом полотняном облачении, им самим изготовленным по древнерусским образцам. Такая «скудость ризная» не была игрой в старину: она наглядно подчеркивала «святое бесправие» Церкви, и архиереев в первую очередь, в советских условиях. Однако для большинства верующего народа и после революции едва ли не самым важным в епископе было богатство парчового облачения… Новый арест последовал 19 декабря 1925 года, и в 1926 году епископу Иннокентию определили 3 года лагерей. С 1929 года он жил в ссылке в Вологде. (Вероятно, в 1927–1928 годах он лишился своего титула «Ладожский»: после издания «Декларации 1927 года» Московская Патриархия десятками, если не сотнями, почисляла архиереев, находившихся в лагерях и ссылках, «на покой»). В 1930 году владыка мог получить регистрацию и кафедру, правда, на Дальнем Востоке, в городе Благовещенске, но от этого назначения он отказался. Власти сочли такой отказ признаком нелояльности, и в 1931 году епископ был вновь арестован. Для перевоспитания его направили рыть Беломоро-Балтийский канал: 20 июня 1933 водный путь вступил в эксплуатацию. В том же году освободилась кафедра в Старой Руссе: митрополит Старорусский Алексий (Симанский) в августе был назначен митрополитом Новгородским, а через два месяца переведен в Ленинград. 19 октября 1933 года владыка Иннокентий стал епископом Старорусским. В 1936 году архимандрит Гурий (Егоров) прислал к нему из Средней Азии для тайного рукоположения своего постриженника, монаха Иоанна (Вендланда) – будущего митрополита Ярославского. В январе 1937 года епископ Иннокентий был возведен в сан архиепископа, с назначением на Харьковскую кафедру. Там он встретил 15-летие своей архиерейской хиротонии, а через 2 недели, 23 апреля 1937, перемещен архиепископом Винницким. 29 октября 1937 года архиепископ Иннокентий был арестован в четвертый и последний раз. Датой его расстрела указывают ноябрь 1937 года.

На сей раз вслед за ликвидацией архиереев сталинский режим приступил к «ликвидации» целых епархий. К 1940–1941 году все храмы Винницкой области были закрыты, то же случилось и с храмами бывшего Ладожского викариатства. Последующая их судьба сложилась по-разному. За два с половиной года оккупации Винницкой области верующий народ возродил в ней до 700 храмов (практически 100 %) и 4 монастыря. Территория Ладожского викариатства была разрезана линией фронта. После войны там удалось открыть всего 3 храма (менее 10 % от их прежнего числа). При этом большевики не постеснялись составить акты об «осквернение» закрытых и разграбленных ими храмов (например, в селе Хотове) немецкими оккупантами (Никитин М.Н., Вагин П.И. Чудовищные злодеяния немецко-фашистских палачей. Л., Лениздат. 1943. С. 106-107).

В 1970 году, когда Русская Православная Церковь едва начала оправляться от «бескровного» гонения, воздвигнутого на нее наследником Сталина – Хрущевым, в Новом Свете, некогда «Русской Америке», воссиял в лике святых преподобный Герман Аляскинский. «Апа Герман» прибыл в Русскую Америку в самом конце XVIII века из Валаамской обители, что на Ладожском озере. Почти одновременно с прославлением св. Германа в очередной раз восстанавливается и Ладожское викариатство, только на сей раз епископ с этим титулом нес архипастырские труды в США. Однако духовные корни нового Ладожского епископа тянулись к берегам Ладоги, к Старому Валааму.

Епископ Марк (Шавыкин)

11 августа 1970 – 29 декабря 1983

В миру Леонид Леонтьевич Шавыкин (10 июля 1910 – 13 января 1989). Сын петербургского оружейного мастера; родился в пос. Райвола Выборгской губ. (ныне Рощино Ленинградской обл.). После отделения Финляндии от России (1918) остался в Финляндии. В 1931 году принят на послушание в Валаамский монастырь, где 4 апреля был пострижен и вскоре рукоположен во иеродиакона. В начале 1940 года, незадолго до занятия Валаамского архипелага Красной армией в ходе «Зимней» войны 1939–1940 годов, покинул Старый Валаам вместе со всей его братией. Рукоположен во иеромонаха 14 декабря 1942

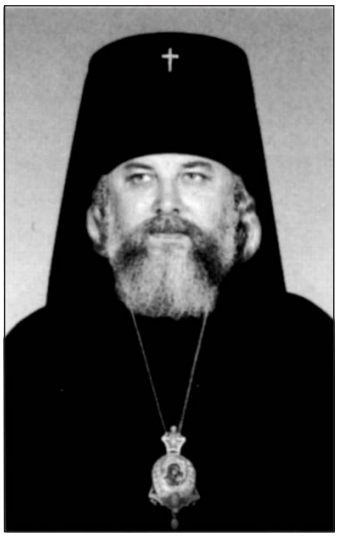
года в г. Куопио. После Второй Мировой войны служил на приходах Финляндской Автономной Православной церкви, а в 1954 году переехал в США, где продолжил церковное служение. В 1959 году, по прошению, был принят в клир Московской Патриархии и назначен настоятелем Никольского собора Сан-Франциско. 2 февраля 1969 года митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов) возглавил его хиротонию во епископа Сан-Франциского в Никольском соборе Нью-Йорка. После того, как в апреле 1970 года Московская Патриархия предоставила автокефалию Православной Церкви в Америке, епископ Марк вышел на покой, но уже 11 августа 1970 года ему был усвоен титул «Ладожский». При этом он получил возможность совершать богослужения в тех приходах в США, которые пожелали находиться в юрисдикции Русской Православной Церкви Московского Патриархата. В мае 1978 года принял участие в торжествах по случаю 60-летия восстановления Патриаршества, состоявшихся в Москве. С 29 декабря 1983 г. пребывал на покое; скончался в Финляндии.

Вслед за празднованием 1000-летия Крещения Руси вновь, но ненадолго, было замещено Ладожское викариатство. Митрополит Ленинградский и Новгородский, Таллиннский и Эстонский, управляющий Олонецкой епархией и Патриаршими приходами в Финляндии Алексий (Ридигер) отказался от традиции именовать викариев Ленинградской митрополии «епископами Тихвинскими» и сменил их титул на «Ладожский». К этому времени уже шла подготовка к возрождению монашеской жизни в древней островной обители на Ладоге: первые иноки прибыли возрождать Валаам 13 декабря (30 ноября) 1989 года.

Епископ Арсений (Епифанов)

5 октября 1989 – 20 июля 1990

В миру Георгий Александрович Епифанов (род. 3 марта 1955, с. Востряково Домодедовского района Московской обл.). После окончания средней школы и службы в Советской армии поступил алтарником в Никольскую церковь в Бирюлеве, в Москве. В 1976 году был принят в Московскую Духовную семинарию, курс которой прошел в три года; в 1983 году окончил Московскую Духовную академию. С 1978 года – иподиакон, а затем личный секретарь митрополита Таллинского и Эстонского Алексия (будущего Святейшего Патриарха); в 1984 году рукоположен им во диакона. С назначением в 1986 году митрополита Алексия на Ленинградскую кафедру прибыл с ним в Ленинград и был рукоположен во пресвитера. 13 сентября 1989 года определен епископом Ладожским, викарием Ленинградской епархии. При постриге получил имя Арсений, в честь преподобного Арсения Коневского. Хиротония состоялась 5 октября в Троицком соборе Александро-Невской лавры. 25 мая 1990 года митрополит Алексий в сослужении епископов Ладожского Арсения и Тапаского Виктора (Пьянкова) совершил освящение нижнего храма Преображенского собора Валаамского монастыря. Вслед за избранием митрополита Алексия на Патриарший престол Преосвященный Арсений был назначен епископом Истринским, викарием Московской епархии; 25 февраля 1997 года возведен в сан архиепископа.



А.К. Галкин

Священномученик Никодим (Кононов)

ПРЕПОДОБНЫЙ КИПРИАН СТОРОЖЕНСКИЙ

Память 26 августа/8 сентября и 2/15 ноября,

а также в дни празднования Собора Карельских, Новгородских и С.-Петербургских святых

Свт. Николай Чудотворец и прп. Киприан Стороженский – покровители Стороженского храма

В Восточной части С.- Петербургской епархии, на землях бывшего Новоладожского уезда (ныне – Волховский район области) располагается одно из самых интересных достопримечательных и святых мест Северо-Запада – село Сторожно. Лежит оно на северной оконечности Загубского полуострова, близ Стороженского (Избушечного) мыса, на самом берегу бескрайнего Ладожского озера.

Состоит село из одной улицы, на которой расположены два ряда домов, вытянутых вдоль берега. Те, кто оказывается в Сторожно, поражаются уединенностью и самобытностью этого места: «как будто попадаешь в какое-то средневековье. В домах вместо окон – иллюминаторы, кругом сушатся сети, колышется на ветру вяленая рыба, а на глади серебристой Ладоги застыл гордым силуэтом баркас. Только в Сторожно можно постоять на балкончике самого высокого маяка в Европе (71 м) и любоваться крупнейшим озером Европы».

На самом берегу Ладоги, на пригорке, в конце единственной улицы села стоит каменная Никольская церковь (основанная в XVI веке), древнейший сохранившийся храм на всем Ладожском озере. Некогда принадлежал он Стороженскому Никольскому преподобного Киприана мужскому монастырю, существовавшему здесь в XVI–XVIII веках. Возле его стен погребен был основатель обители – прп. Киприан Стороженский.

По преданию, некогда на Избушечном мысу стояла избушка сторожа, который помогал новгородским купцам проводить суда в устье Свири и обратно. Известтно также, что в этих местах шайки разбойников – ладожских пиратов промышляли тем, что грабили и топили суда, проходившие по Ладоге. Пиратский вертеп находился несколько восточнее, возле мысов Разбойничьего и Волчий Нос.

Со Стороженского (Избушечного) мыса им подавали сигнал (скорее всего, с помощью костра) и тогда суда суда разбойников поднимали свои черные паруса. Известно, что в XVI веке ужас на местных мореплавателей наводила шайка ладожских разбойников под предводительством некого Козьмы. Однажды, во время погони пираты попали в ужасный шторм и дали обет в случае спасения построить монастырь в честь покровителя мореходов – святителя Николая Чудотворца. Монастырь действитель был основан и существовал здесь более 200 лет. По преданию, в нем принял постриг с именем Киприана сам предводитель морских разбойников. Бросив свое ремесло, в посте и молитвах проводил он здесь оставшеся поприще своей земной жизни. Действительно, в Стороженской обители под 1587 и 1598 годами в царских жалованных грамотах упомянут строитель Киприан.

Временем основания монастыря на Стороженском мысу считается середина XVI века. Вероятно, еще при прп. Киприане на берегу озера был построен двухэтажный трехпрестольный каменный храм святителя Николая Чудотворца. Есть упоминание о датировке постройки храма под 1595 годом новгородскими строителями Денисом Родионовам и Подосенко Фоминым. Церковь архаична и напоминает крепостное сооружение. Прямоугольная в плане, она не имеет алтарных апсид, почти лишена декора, в грубой кладке применены валуны. В нижнем теплом этаже находился Успенский придел, в верхнем холодном, – Никольский и Богоявленский. Храм соединен с одностолпной трапезной. Над захоронением прп. Киприана рядом с церковью возвышалась часовня, еще одна часовня была посвящена свт. Николаю. Стороженский монастырь упомянут в Писцовой книге Обонежской пятины под 1582–1583 гг., – он владел вотчинами в Христорождественском Пашском погосте. Являлась обитель и укрепленным сторожевым пунктом в противостоянии со шведами; о ее значении говорит тот факт, что она в 1587 и 1598 гг. освобождалась от податей. Рядом возникла Подмонастырская слободка (Сторожки), жители которой, как и братия, занимались рыболовством. В 1718 г. был образован приход в ближайшей дер. Загубье, где была построена деревянная Спасо-Преображенская церковь, которую освятил настоятель обители. Позднее, в 1824-29 гг. она была заменена каменной. В 1764, по другим данным в 1778 г. монастырь был упразднен, церковь в Сторожно стала приходской; с 1833 она была приписана к храму села Загубье. С открытием судоходства по Сясьскому каналу в 1806 г. (от Свири до Волхова) судоходство по Ладоге сократилось и значение места упало. В 1910 г. сгорели колокольня Стороженского храма, крыльцо и наружная деревянная лестница. В 1914 его исследовал археолог Н.И. Репников (1882–1940), однако начавшаяся Первая Мировая война и революция помешали научной реставрации древнего храма. В 1930 г. церковь была закрыта, перестроена в 1939, и использовалась под склад. В годы советской власти было утрачено внутреннее убранство, луковичная глава, завершавшая храм, а также обе часовни.

К счастью, храм, хотя и пребывает в плачевном состоянии, но сохранился до наших дней. С 1999 г. Никольский храм в Сторожно приписан к церкви Рождества Христова в селе Надкопанье, настоятелем которой является игумен Антоний (Кузнецов); первая Божественная литургия в Сторожно была отслужена им 16 мая 2001 года.

Сведений о самом прп. Киприане Стороженском очень мало. Датировка лет жизни преподобного затруднена. Исходя из известных нам событий жизни его, родился он, вероятно, в конце XV – начале XVI века. Обращение его прп. Адрианом Ондрусовским (†1549 или 15.05.1550) и оставление им разбойного промысла могло произойти только при жизни прп. Адриана, то есть между 1493 и 1549 гг. В надписи же на надгробной плите прп. Киприана, доныне не сохранившейся (уничтожена в советское время), годом его кончины назван, по одной версии, – 7000 (1492), по другой – 7006 (1498) годы. Если свидетельства о встрече его с прп. Адрианом подлинны, то возможно на плите следует читать 7060, или 7066 г. (т.е 1552, или 1558 г.), что представляется более вероятным.*

Упомянутый в царских грамотах конца XVI в. настоятель Стороженской обители строитель Киприан († после 1598) носил то же имя, что и легендарный основатель монастыря. Если живший в обители строитель Киприан и прп. Киприан Стороженский – одно и то же лицо, то в этом случае, обращение бывшего разбойника на путь покаяния могло быть совершено не самим преп. Адрианом, а другим игуменом Адрианово-Ондрусовской обители, настоятельствовавшим в ней полвека после кончины преподобного Адриана. Но всё же вероятнее, это разные люди, которые носили одно и то же имя. При этом основателем обители был, скорее всего, 1ый Киприан, а строителем каменного храма – второй.

Ниже читателю предлагается материал, собранный о преподобном Киприане Стороженском иеромонахом Никодимом (Кононовым), будущим епископом Белгородским, священномучеником (†1918, память 28.12/10.01). Известный духовный писатель и церковный историк, составитель многотомного труда «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков», Архангельского и Соловецкого патериков, впервые опубликовал эти сведения в труде: «Русские святые и подвижники благочестия, подвизавшиеся и чтимые в пределах Санкт-Петербургской епархии XIV–XVII вв.», изданном в С.-Петербурге в 1901 году. Здесь мы найдем описание подвигов преподобного Киприана и свидетельств его почитания церковным народом.

Память о преподобном Киприане Стороженском

Нападение ладожских разбойников на купцов. Клеймо иконы прп. Киприана Стороженского. Конец XX века

В Новоладожском уезде в с. Сторожном погребен один из подвижников XVI в. – преп. Киприан.

О жизни его сведений сохранилось немного. Кто он был по своему происхождению, какое носил имя в миру – неизвестно. Сохранилось только предание, что Киприан был сначала разбойником и обратился на путь покаяния лишь по молитвам прп. Адриана, Ондрусовского чудотворца. Вот что мы читаем касательно этого в сочинении «Андрусова Николаевская пустынь, Олонецкой губернии» *(Историко-статистический очерк; издание 2-е, исправленное и дополненное, СПб, 1884 г.).* «Есть местное предание, что в первое время своего здесь водворения, преп. Адриан встртил людей неприязненных: в дремучих лесах острова Сала (Salo, финск. – дебрь), лежащаго против его пустыни, укрывался недобрый человек (в житии прп. Адриана упомянутый как Ондрус (Андрей). – *Ред.)*, который с шайкою своею делал нападения на пловцов по Ладожскому озеру. Близкое соседство пустынника, в сожитие к которому начали собираться многие, ищущие спасения, тревожило атамана разбойников: он с угрозами требовал, чтобы отшельники оставили берега озера. Скорбно было преподобному расстаться с местом, благословленным ему на жительство святым его наставником. Он умолял гонителя оставить мирное убежище труженикам Божиим. Не имея ни сребра, ни злата, чтобы предложить выкуп разбойнику, Адриан обещал ему ходатайствовать о нем в молитвах своих пред Господом, советуя притом покинуть свой пагубный промысл. Разбойник, не понимая пустынника, посмеялся словам его; но потом, Божиим произволением, слезы Адриана смягчили ожесточенное сердце грабителя и отшельники оставлены были в покое.

Прп. Адриан Ондрусовский

* Водворение московского дворянского рода Завалишиных на Северо-Западе могло состоятся только после 1479 года (завоевание Новгорода). Если предположить, что юный боярин Андрей Завалишин (будущий прп. Адриан Ондрусовский) родился здесь, в «родовом имении» Андреевщина (Кондуши), как повествует о том его житие, то на момент встречи его с прп. Александром Свирским (1493) ему было не более 14 лет. Но скорее всего, он был чуть старше, и наверное, еще ребенком был привезен сюда, в Обонежскую пятину, своим отцом, получившим от царя Ивана III (1440-1505; правил с 1462) поместье, конфискованное у кого-либо из новгородцев. После завоевания Новгорода царем Иваном III (15.01.1479) 15 тысяч боярских и купеческих новгородских семейств были им выселены отсюда в Москву, Владимир, Кострому, Нижний. На их место были поселены новые люди из Москвы, в их числе, вероятно, и отец Андрея Завалишина с семейством.

Берег Ладожского озера возле храма в Сторожно. Фото 2005 года

Вид Никольского храма в Сторожно и часовни на месте погребения прп. Киприана. Фото Н.И.Репникова. 1911 год

На каменистом мысу Ладожского озера, называющемся ныне Стороженским, жил тогда же другой разбойник, который, завидуя успехам в грабежах соседу Адрианову, всячески искал погубить его. Случилось, что оба соперника, разъезжая с шайками своими для промысла, встретились – и страшная битва закипала между враждующими. Счастие изменило жителям острова Сала: они побеждены, предводитель взят в плен и скованный брошен в ладью врага своего. Несчастный знал, что его ожидают страшные мучения, и близкая смерть напомнила ему всю гнусную прошлую жизнь его. Он вспомнил советы и обещания пустынника; раскаяние отозвалось в суровой душе его – и вдруг он видит пред собою Адриана.

–Милосердием Господа, ради Которого я просил у тебя пощады братству нашему, ты свободен, – сказал отшельник, – и оковы упали с разбойника – он очутился на берегу, но Адриана уже с ним не было!

Недоумевая своему избавлению, разбойник тщетно призывал избавителя своего; напоследок он решился идти в обитель. На псалмопении застал он Адриана и сподвижников его. С удивлением отшельники выслушали разсказ разбойника и поведали ему, что настоятель их всю ночь провел с ними на молитве, не отлучаясь из храма ни на минуту, и объяснили недоумевающему разбойнику силу Божию, чудесно вспомоществующую по молитвам работающих ему со страхом и трепетом. Грешник умилился, пал к ногам преподобнаго и просил его научить служению Господу. Он оставлен в обители и окончил в ней дни свои, очистив себя покаянием. Многие из прежних его сообщников в злодеяниях последовали его примеру и на пути добродетелей: иноческими трудами в Адриановой обители они старались загладить прежние преступления и умирить свою совесть.

Вид верхнего храма в Сторожно. Фото 1910-х годов

По молитвам старца Адриана Господь не оставил и обитателя Стороженского мыса погибнуть в беззакониях: он уразумел свое нечестие, раскаялся: на месте вертепа разбойничьего основал иноческую обитель и постригся в ней под именем Киприана. Многотрудною жизнью своею и благодеяниями Киприан заслужил пред современниками забвение прежних дел своих и пользовался даже общим уважением. По преставлении, погребен в основанной им обители, где и доселе видна могила его. Господь прославил ее многими чудесными знамениями, и православные христиане приходят к ней испрашивать себе предстательства пред Господом блаженного Киприана» *(5–7 стр.)*.

Эти же сведения повторяет и преосвящен. Филарет, архиепископ Черниговский, в своем сочинении *«Русские святые» (т. 2-й изд. СПб 1882 г., 535-536 стр.).*

Господин же Барсуков в своем сочинении *(М.П. Барсуков.«Источники русской агиографии». СПб, 1882 г.)* сообщает еще следующие подробности: «Ему приписывают основание монастыря Стороженского Николаевского, который находился в Новгородской Обонежской пятине, при Ладожском озере, на месте, называвшемся Сторожка. В 1722 г., монастырь приписан к Новгородскому архиерейскому дому. Мощи почивают в Николаевской, бывшей монастырской, церкви.

14 мая 1587 г. царь Феодор Иоаннович пожаловал Николаевской Стороженской пустыни несудимую грамоту, в которой, между прочим, читаем: «Строитель Киприан нам бил челом и сказал: «было де и в том монастыре двадцать братов, а ныне де и в том монастыре тридцать братов, а нашие де и милостины оброчнаго хлеба и денег в тот монастырь не идет ничего, питаютца от своих трудов; и отец наш блаженные памяти царь и Великий Князь Иван Васильевич всея Руси пожаловал, дал в тот монастырь обжу земли, на воск и на ладан, и в руги и в милостины место, и обелил им тое обжу ото всяких податей». Грамоту эту, еще при жизни строителя Киприана, 25 июня 1598 г., подтвердил царь Борис Годунов *(«Дополнение к актам историческим» I, 211, 212 стр.).*

Этим и исчерпываются все сведения о жизни преподобного Киприана.

Что касается вопроса о церковном его почитании, то мы имеем следующие сведения.

Имя прп. Киприана находится в рукописных святцах под 2 ноября, где читаем: «Преподобного отца нашего Киприана, строителя Никольского монастыря Стороженскаго, иже на Ладогском езере», Новгородскаго чудотворца, от Свирскаго монастыря 60 поприщ; подобием сед, брада аки священномученика Антипы, ризы преподобническия и в схиме» *(Филимонов, стр. 38)*.

Все духовные писатели о русских святых называют Киприана преподобным и говорят, что его мощи почивают под спудом; как-то авторы *«Истории Российской иерархии» (III т. 330 стр.), «Словаря исторического о святых» (2-е изд.* 1862 *г. СПб 132 стр. – Киприан) Ратшин (422 стр.)* и в *«Историко-статистических сведениях о Санкт-Петербургской епархии» (1 т., I отдел. 15, 57 стр. IX т., 297 стр.)*. Архимандрит Леонид в сочинении «Святая Русь» сообщает: «Киприан, прп. Стороженский, основатель Стороженского Николаевского монастыря, находившогося в Новгородской Обонежской пятине, при Ладожском озере, на месте, называемом «Сторожка» *(98 стр.)*.

Высокопреосвященный Филарет *(«Русские святые», 2 т., 536 стр., 160 примеч.)* говорит: «В Сторожке Загубского прихода близ церковной стены стоит часовня и в ней на каменной плите надпись говорит: “на сем месте по-гребен св. обители сей начальник – строитель преподобный Киприан; преставился в л. 7000”.

Сторожно. Современный вид храма. 2004 год

Храм каменный в честь Святителя Николая и Богоявления Господня, а в нижнем этаже престол в честь Успения Богородицы. А господин Зверинский пишет *(В.В.Зверинский.«Материал для историко-топографическаго исследования о православных монастырях в Российской империи» II ч. СПб 1892 г. № 1009 стр. 239)*: «По преставлении, Киприан погребен здесь, где и доселе видна могила, которая прославилась многими чудесными знамениями и к которой стекаются богомольцы».

Фото Сергея Смирнова

Сторожно. Алтарная стена храма свт. Николая Чудотворца и Богоявления. Фото 2005 года

Об упраздненном Стороженском монастыре

Упраздненный монастырь Сторожно или Сторожевский, надо полагать, существовал до 1806 года, т. е. до времени открытия Свирского канала и судоходства по нему.

Об основании здешней обители существует такое предание. На мысе Сторожно жил некогда атаман разбойников, который, со своею шайкою, занимался грабежом проходящих в то время судов из Свири в Волхов. Насытившись таким ремеслом, он, в последствии уразумел свое нечестие, раскаялся и на месте вертепа разбойничьего основал иноческую обитель и постригся в ней под именем Киприана – заслужил перед современниками забвение прежних своих дел и пользовался даже общим уважением. По смерти погребен он в основанной им обители, где и доселе видна его могила, и православные христиане приходят к ней испрашивать себе предстательства блаженнаго Киприана пред Господом.

Образ святителя Николая из иконостаса Никольской церкви б. Стороженского монастыря. Фото 1910 год

В настоящее время около бывшего монастыря, расположена Ведомства Государственных Имуществ деревня Сторожно или село Подмонастырское – жители в нем не только что зажиточны, но, можно сказать богаты,– все рыбаки и другого промысла не имеют.

От бывшего монастыря остались только следы и церковь, которая перешла в сельскую, но без местного священника.

Церковь построена почти вся из булыжного крупного камня, двухэтажная и самой незатейливой архитектуры. Стены ее весьма толсты, сложены неправильно, – местами выпуклы; окна величины различной и расположены без всякой симметрии. Церковь составляет четыреугольник длиною в 10, а шириною в 5 сажен. В ней три предела: вверху – Николая Чудотворца и Рождества Богородицы, а внизу – Успения Божией Матери. Низ церкви разделен вдоль капитальной стеной; в южной стороне находится теплая церковь Успения, а в северной – пустые комнаты; верх же разделен толстой поперечной стеной, и восточная сторона занята самою церковью, где устроены два предела, а в западной – находится как бы какой-нибудь зал с уродливыми сводами, опирающимися на толстый столб находящийся посреди комнаты. Пол во всем здании кирпичный, в котором

Тропарь
преподобному Киприану Стороженскому, общий

В тебе, отче, известно спасеся еже по образу: / приим бо крест, последовал еси Христу, / и дея учил еси презирати убо плоть, преходит бо, / прилежати же о души, вещи безсмертней. / Темже и со ангелы срадуется, преподобне отче Киприане, дух твой.

Фото Сергея Смирнова

Сторожно. Начата консервация, – над храмом установлен крест. 2007 год

Сторожно. Иконостас Никольского храма бывшей обители прп. Киприана Стороженского. Фото 1910-х годов

Ограда храма свт. Николая, бывшей обители прп. Киприана Стороженского. Фото 1910-х годов

глина мята с таким крупным песком, что в некоторых кирпичах есть камни более голубиного яйца: впрочем, кирпич обожжен хорошо и крепко.

В нижней церкви есть могила, на которой плита с надписью такого рода: «На сем месте погребен Киприан, начальник и строитель обители сей, лета от сотворения мира 7006». Следовательно, от смерти Киприана теперь 382 года, да положим, что Киприан с братиею жил в монастыре хотя 30 лет, то и выходит этому храму в 1874 году 412 лет! Древность порядочная, что видно по младенческой архитектуре, вероятно собственно Киприаном придуманной.

Мы полагаем, что этот храм есть единственный памятник древности на всем Ладожском озере; он может служить образчиком каменных построек храмов тех времен, разумеется кроме купола и колокольни, которые уже подновлены.

Стороженский храм кругом обнесен деревянною оградою, бревенчатою и тоже какой-то особенной архитектуры. Для крепости, на каждых 10 саженях сделан сруб, такой, какой делается для колодцев, – и все это покрыто небольшим навесом. На север выходят ворота и, как видно, они были с келией привратника. На уцелевших бревнах стен этих сохранились вырезанные надписи и разнообразные кресты. На надписях почерк все древне-славянский и иногда весьма искусный. Самая старая надпись такая: «июля 30 дня 1764 года, тихвинские купцы Семен Ягодов и Лука Сгонов, да мещанин Сергий Ионов здесь погоду стояли». Прочие надписи все в том же роде: имена и фамилии лиц и что они погоду стояли! Даже досадно однообразие подписей: хоть бы написали — откуда и с чем шли, да с которой стороны была погода. Неграмотные же ставили кресты и все осьмиконечные.

Позже 1806 года надписей не видать, и оно понятно: Сяський канал окончен в 1801 году, а Свирский в 1806; следовательно, по открытии судоходства на этих каналах, ход судов из Свири в Ладогу озером прекратился; вероятно и монастырь в то же время упразднен по недостатку доброхотных дателей на пользу служителей алтаря, и монастырская церковь обратилась в приходскую деревни Сторожно.

Келии братии и службы монастырские были за храмом, в ограде, где и ныне виден их дым, т. е. следы развалившихся печей и изб.

На северо-востоке от Сторожно, на мысу, в Олонецкой губернии, на другой стороне Свирской бухты, было тоже обиталище иноков, которое называлось Гумбарицы. Надо полагать, что это было подворье, в котором жили монахи или с Ондрусовской или с Сяндемской пустынь, находящихся в Олонецкой губернии. Духовные эти лица тоже пользовались разными крохами от плававших и разбивавшихся судов, что случалось нередко при таком опасном в то время плавании по озеру; но с открытием Свирского канала, и это подворье или пустынь – уничтожилось.

«Ондрусово-Никольская пустынь».
С.-Петербург, 1866 год.

Белая ночь в Сторожно.
С картины худ. Льва Овчинникова. 1962 год

Сторожно. Никольская церковь и часовня над местом погребения прп. Киприана

Юлия Бажанова

ВНУК

Ветер.
По побережью ветер.
Жизнь уже прожита,
Руки привычным движением
Сеть поправляют
Ладони в мозольных буграх.
Прикрывают от солнца глаза,
Щурятся.
Хмурятся брови.

Ветер.
По побережью ветер
Разгонит тучи.
Жизнь уже прожита.

Он не мешает тебе, –
Тронет легонько колени,
И побежит по песку,
Оставляя неровные ямки следов.
А упадет, будет звонко
И долго смеяться.
Белая челка прилипнет
К вспотевшему лбу...
Ветер.

***

Каждый раз
Ожидая чуда,
Вспарываю брюшко
У рыбы...

Красная Горка
29.06.1996

Н.А. Некрасов

БЫЛО ДВЕНАДЦАТЬ РАЗБОЙНИКОВ

Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр атаман.
Много разбойники пролили
Крови честных христиан!

Господу Богу помолимся,
древнюю быль возвестим!
Так в Соловках нам рассказывал
инок честной Питирим.

Много добра понаграбили,
Жили в дремучем лесу.
Сам Кудеяр из-под Киева
Вывез девицу красу.

Господу Богу помолимся,
древнюю быль возвестим!
Так в Соловках нам рассказывал
инок честной Питирим.

Днём с полюбовницей тешился,
Ночью набеги творил.
Вдруг у разбойника лютого
Совесть Господь пробудил.

Господу Богу помолимся,
древнюю быль возвестим!
Так в Соловках нам рассказывал
инок честной Питирим.

Бросил своих он товарищей,
Бросил набеги творить;
Сам Кудеяр в монастырь ушёл
Богу и людям служить!

Господу Богу помолимся,
древнюю быль возвестим!
Так в Соловках нам рассказывал
сам Кудеяр – Питирим!

Стороженский маяк, выстроен в 1906 году

Игумен Антоний (Бочков)

ЗЕЛЕНЕЦКИЙ ЛЕС

Поэма

Зеленецкий монастырь зимой

Игумен Антоний (в миру – Алексей Поликарпович Бочков, 1803–1872), известный в прошлом литератор, знакомый с А.С. Пушкиным и Н.В. Гоголем, не оставивший писательского поприща и после монашеского пострига, родился в Петербурге 14 марта 1803 года в богатой купеческой семье. Рано лишившись отца, мальчик остался на попечении своего деда-крестного Афанасия Бочкова. Получив образование в одном из лучших иностранных пансионов, Алексей хорошо знал французский язык, несколько хуже немецкий и английский, неплохо рисовал, писал благозвучные стихи.

В начале 1820-х годов Алексей Бочков женился на Анне Пономарёвой, дочери богатого купца-сахарозаводчика. В 1824 году в молодой семье родился сын Алексей. Однако семейное счастье Бочковых было недолгим. Слабая здоровьем жена была настолько потрясена страшным наводнением в Петербурге в ноябре 1824 года, что вскоре заболела, а через три года умерла.

Алексей Бочков находил отдушину в литературном творчестве. Его вкусы сформировались под влиянием романтических произведений В. Скотта и А.А. Бестужева-Марлинского. Путешествия в Ревель усилили его увлеченность средневековьем. Полученные живые впечатления нашли отражение в его «Письмах из Ревеля», опубликованных А.Е. Измайловым в нескольких номерах журнала «Благонамеренный» в конце 1825 – начале 1826 года, и в очерке «Екатеринентальский сад и церковь св. Николая в Ревеле», увидевшем свет в «Календаре муз на 1826 год». В этих произведениях чувствуется его интерес к истории, культурным ценностям и бытовым традициям Эстляндии.

После смерти жены в 1827 году А.П. Бочков пережил тяжелое психическое расстройство с мучительными галлюцинациями, во время которого дал обет в случае выздоровления уйти в монастырь. Исполнить свое намерение он не спешил: с 1828 года путешествуя по обителям как паломник, он искал свой идеал монашеской жизни. Позднее он писал в дневнике: «Восстановление монашества, благолепия церковного и внутренних светильников, вот что бы видеть хотел я до кончины своей: мантиями покрытых Ангелов и таинства Неба в дольних храмах! Утреню тихую, молитвенную и полудень светлый, Святую Литургию и Вечер церковный, покаянный, умиленный, не грешный…». Бывал он в Козельской Оптиной пустыни, где его наставником стал преподобный старец Лев (Наголкин,1768–1841).

В 1837 году он поселился в Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга, архимандритом которой с 1833 года был святитель Игнатий (Брянчанинов,1802–1867), впоследствии епископ Кавказский и Черноморский. Образованный и талантливый о. Игнатий, автор «Аскетических опытов» и духовных стихотворений, стал наставником и другом А.П. Бочкова. Много лет они состояли в духовной переписке.

В Троице-Сергиевой пустыни Бочков прожил до мая 1844 года. В этот период он часто бывал в Петербурге, где останавливался в доме тестя П.И. Пономарева, на попечении которого остался его сын Алексей.

В 1844–1846 годах А.П. Бочков формально числился в Троицком Густынском монастыре Полтавской епархии, а фактически жил в доме епископа Полтавского Гедеона, весьма к нему благоволившего. Преосвященный Гедеон постриг его с именем Антоний 5 ноября 1844 года. 13 декабря 1845 года его рукоположили во иеродиакона и еще через 4 дня – во иеромонаха. В 1846 году о. Антоний переходит по собственному желанию в Старо-Ладожский Николаевский монастырь Петербургской епархии. Здесь он живет в двухэтажном деревянном доме, окруженном садом и цветниками. На втором этаже в двух комнатах мезонина живут его послушники. В конце 1850-х — начале 1860-х годов одним из них был В.М. Максимов, будущий художник-передвижник.

В 1847–1848 годах о. Антоний совершает свое первое паломничество на Святую Землю. К этому времени относится его письмо оптинским старцам, найденное в архиве Оптиной пустыни и опубликованное духовным писателем С.А. Нилусом. Обеспокоенный французской революцией 1848 года и оскудением христианской веры, о. Антоний писал, предвидя будущие социальные катаклизмы в России и Европе: «Теперь страшен уже не раскол, а общее европейское безбожие. <…> Все европейские ученые теперь празднуют освобождение мысли человеческой

от уз страха и покорности заповедям Божиим. Посмотрим, что сделает этот род XIX века, сбрасывающий с себя оковы властей и начальств, приличий и обычаев. <…> Если восторжествует свободная Европа и сломит последний оплот – Россию, то, чего нам ожидать, судите сами. Я не смею угадывать, но только прошу премилосердного Бога, да не узрит душа моя грядущего царства тьмы».

В 1840–1850-е годы о. Антоний переписывался с преподобным Сергием Святогорцем (Семеном Авдиевичем Весниным, 1809–1853), духовным писателем, в 1843–1847 годах подвизавшимся в Пантелеимоновом монастыре на Афоне. В 1852 году о. Антоний вновь направляется в путешествие, на этот раз на гору Афон в Греции. Здесь в русском монастыре св. Пантелеимона он делает крупное пожертвование — иконостас для домовой церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Этот иконостас произвел неизгладимое впечатление на писателя и философа Константина Леонтьева, жившего в Пантелеимоновом монастыре в начале 1870-х годов.

После посещения Афона Бочков направляется снова на Святую Землю, а по возвращении переходит в Новгородский Большой Тихвинский монастырь (ныне Петербургской епархии), но в 1857 году вновь возвращается в Старо-Ладожский монастырь и становится его духовником. В 1857–1858 годах он совершает третье путешествие в Иерусалим через Одессу, а обратно в Россию едет через Италию и Австрию.

В 1850–1860-е годы о. Антоний Бочков пишет много стихов. Его пребывание в Новгородской епархии и знакомство с историей монастырей оказывает влияние на его литературное творчество. Основываясь на предании, услышанном в Зеленецком Свято-Троицком монастыре, в 1852 году он пишет поэму «Зеленецкий лес», дающую представление об его поэтическом творчестве этого периода. Герой поэмы — старый отставной солдат, участник Бородинского сражения, совершающий многолетнее паломничество по монастырям. Незримо путешествует с ним и автор, рисующий суровые картины болотистого северного леса в окрестностях Зеленецкого монастыря, куда направляется солдат. С литературно-художественной точки зрения стихи Бочкова несколько затянуты и уступают лучшим произведениям русской пейзажной лирики, но образны и читаются легко. Зеленецкий лес, жизнь которого описывается автором во все времена года, можно назвать своего рода героем поэмы. В обители, основанной в середине XVI века преподобным Мартирием Зеленецким, скончался в 1698 году живший на покое бывший настоятель, митрополит Новгородский Корнилий. В поэме живо и лаконично рассказывается, что Петр I, услышав на допросе одного из участников стрелецкого бунта о причастности к делу митрополита Корнилия, приказал лишить его сана. Царский гонец прибыл в монастырь, когда святитель уже лежал в гробу. Гонец так ни с чем и вернулся ко двору. Убедившись в невиновности святителя Корнилия, Петр I отменил указ, но усопший до этого четыре недели не был погребен.

В июне 1862 года о. Антоний был назначен настоятелем в Череменецкий Иоанно-Богословский монастырь (в 20 км от г. Луги). До этого он два года был настоятелем Свято-Введенского Островского монастыря, причем с марта 1861 года в сане игумена. Хоть благодаря руководству о. Антония заштатная Череменецкая обитель стала восстанавливаться и украшаться, своими обязанностями он тяготился В 1866 году игумен Антоний по собственному заявлению был уволен на покой и в том же монастыре пробыл до апреля 1871 года.

К сожалению, стихотворения игумена Антония не были изданы и ходили в списках среди его знакомых и духовных чад. В частности, несколько стихотворений имелось у кн. Н.С. Голицына.

Весной 1871 года о. Антоний перешел в подмосковный Николо-Угрешский монастырь по приглашению его настоятеля архимандрита Пимена (Мясникова). Старец, раньше не раз бывавший на Угреше, поселился на покое в уединенном домике в Петропавловском скиту, что на берегу живописного пруда. Келья его, построенная для тогда уже покойного бывшего настоятеля Илария, в схиме Илии, была удобной и просторной. Здесь, казалось, о. Антоний нашел место, почти удовлетворяющее его представлениям о созерцательной монашеской жизни, как в первые века христианства. Иногда он участвовал в монастырских богослужениях, например, в праздничной соборной службе 27 августа 1871 года, в день именин архимандрита Пимена.

Однако спокойная жизнь престарелого игумена продолжалась менее года. В Москве разразилась страшная эпидемия тифа. Екатерининская больница для чернорабочих, находящаяся на Страстном бульваре, была переполнена. Больных и умирающих было так много, что приходское духовенство не успевало совершать необходимые требы: исповедь, причастие, соборование, отпевание. Зимой 1872 года митрополит Московский Иннокентий подписал воззвание к монашествующим с приглашением добровольно служить страждущим в больницах. Одним из первых на него откликнулся о. Антоний Бочков. «Идти на призыв в Москву – значило идти почти на смерть. Но о. Антоний в порыве христианского милосердия к ближним с мужеством и твердостью настоял на своем решении идти в Москву – и пошел. Едва прибыв туда, в Екатерининскую больницу, он сразу же приступил к исправлению духовных треб для всех больных и умиравших от тифа, исправлял их ежедневно, еженощно и почти ежечасно, не имея при этом почти ни минуты покоя, отчего, конечно, истомился, ослабел, получил расположение к заразе, заразился и слег в постель и, как добрый пастырь, а не как наемник, положил душу свою за ближних. Во время пребывания своего в больнице он заболел. Я (архимандрит Пимен – Ред.*) предлагал ему возвратиться в монастырь, но он не пожелал, говоря: «Ежели такова воля Божия, то я желаю умереть на подвиге». Желаемое им исполнилось: он скончался 5 апреля 1872 года.*

Е.Н. Егорова Игумен Антоний (Бочков) инок и литератор. (Публикуется в сокращении)

Есть край болотистый печальный,
Покрытый тению лесов.
Там ели черной, погребальной[1]
Острeет верх пирамидальный
Между рябиновых кустов.
И ольха тощая колеблет
Бледно-зеленые листы,
И повилика там объемлет
Давно-гниющие листы.
Там и береза молодая
Благоухает меж дубрав,
И незабудка голубая
Глядит из тинистых канав.
И стоги сена, как гробницы,
Стоят желтея по лугам.
И перелет зловещей птицы
В дубраве слышен по ночам.
И где над рощей округленной,
Как над Зеленою горой,
Верх сосны, гордо вознесенной,
Раскинул руки обагренны
И каплет темною смолой.
И где от первых дней творенья
Одна лишь времени коса
Стирает тихо до истленья
Глухо-ветвистые леса.
Там робкий заяц скоро гложет
Одежду молодых ветвей,
Он слушает: – ...его тревожит
Полет испуганных гусей.
Там стаи чистой лебединой
Над озером белеет пух,
И журавли веревкой длинной
Несутся на далекий юг
Или к морям земли восточной,
Но, оставляя край полночный –
Приют своих пернатых чад,
В полете жалобно кричат.
«И я тебе, мой край родимый,
Священный край, многолюбимый,
Сказал бы радостно: прости, –
Когда-бы, никому незримый,
Я мог бы сам себя нести
По синеве небес широких,
Превыше облаков высоких.
На легких крылиях носим,
Слетал бы я в Иерусалим,
Во град святый, в страны далеки,
Туда, где солнце на восток
Восходит ровно круглый год
И где за наш погибший род
Распялся сам Христос Спаситель,
Где ясли Господа и гроб
И где, следы оставя стоп,
От нас вознесся Искупитель![3]
Но горе мне! Я стар и хил,
И скоро я жилец могил;
Издалека Святую землю
Одной любовию объемлю».
Так, отирая слезный взор
И проходя сквозь темный бор,
Шептал в себе старик прохожий.
«Я утомился». – Но храм Божий
Крестами ярко заблистал.
Благоговейно шляпу снял
И поклонился старец низко.
«Ну, слава Богу! – Я уж близко:
Вот можжевеловый пустырь,
Вот Зеленецкий монастырь!» –
И путешественник усталый,
С лица стирая крупный пот,
Не доходя святых ворот,
Идет к часовне обветшалой:
Их много на земле родной –
Святыней наша Русь богата.
В часовне виден крест святой
С известной надписью Пилата;
Подножие, копье при нем
И губа с желчию на трости;
А под спасительным крестом
Глава Адамова и кости.
И преклонился путник мой,
И что-то шепчет со слезами:
Он молит о стране родной
Невыразимыми словами...
Но замерли его слова...
Вздохнул он – и его глава
К главе Адамовой склонилась.
И сердце в нем уже не билось.

Зима настала. Снег пушистый
Замел бугры поляны мшистой.
И томно блещет из-за туч,
Как бы сквозь слезы томный луч.
И лес ответствует слезами,
Алмазных игол бахромами.
Все мертво; тихо; все бело:
На ели, сосны вековые
В охлопьях снегу нанесло,
Слепило в бюсты гробовые[4].
На белой скатерти снегов
Везде написаны узоры:
И волка хищнаго шагов,
И птиц и заячьих следов.
И вот стремится легкий, скорый,
Младой олень в лесную даль.
Нам как-то свойственна печаль,
И русскому приятна эта,

Лучами солнца не согрета,
Оледенелая земля
И бело-снежныя поля.

Зима царица. Ей в лицо
Никто бесстрашно не заглянет.
Пред ней и солнце низко станет,
Сокрыв лучи свои в кольцо,
И как в плену, с проводниками
Между багровыми столбами,
Свой краткий совершив обход,
В темницы севера идет,
И запада не достигая,
Краснеет, ярко догорая.
Спустилась ночь. Зарделся звездной,
Необозримый небосклон,
В столбах тумана искор бездна
И пар идет со всех сторон.

Опасна ночь. Мороз трескучий
Жжет члены, режет, как ножом,
И воздымает снег сыпучий
Непроницаемым столбом.
Но некогда в его сугробы
Бежали сами, как во гробы,
Те злополучные полки
Времен последних полководцев,
Когда их гнали казаки
На берег хладныя реки,
Где и гонимый мог бороться
Орел российский с тем орлом,
Кто тучею прошёл как гром
Над всеми царствами вселенной.
Отчаянный, окровавленный,
Но все еще не умерщвленный,
Он громогласно отвечал
На нашу позднюю тревогу,
И отлетая, рассыпал
Стальные перья на дорогу[5].

Один из тех, кто был в бою
На славной Бородинской битве,
Тот витязь голову свою
Склонил здесь тихо на молитве.
Российской армии солдат,
По виду кроткий и почтенный.
Медаль и крест его висят,
Дар Богу воинств посвященный.
Он странствовал десяток лет
По всем обителям российским
Везде трудился, хоть был сед
И с нравом гордо-богатырским.
Везде на воле; на привале,*
Почасту не имея крова,
Смерть выпалила – и он пал
К подножию Креста Христова.

Что это? Быль или мечты
Какой-то праздной головы?
Когда меня спросили вы –
Быть может, что одно сказанье.
Прошу я в этом мне простить,
Что человеческой фигурой
Осмелился я оживить
Картину, сходную с натурой.
Изобразите вы хоть рай –
И он все пуст без человека;
Тем более сей дикий край
И эти темные простые
Заветные его луга
Доступны только для пернатых,
Для лосей диких и рогатых,
И редко топчет их нога.
Едва пустынник пробираясь
Между согнивших мостовых[2],
Идет на посох опираясь,
Чернеясь в воздухе один.
Кругом все ровно отдаленно:
Алеютъ запад и восток.
Едва рябит уединенно
Вдали болотный островок
И кое-где из тёмной ели
Стена зубчатая идет.
Страна молчания!.. Отселе
Ко гробу легче переход.
Земля свой саван неохотно
Снимает здесь на краткий срок,
И ненадолго зверь болотный
Выходит из своих берлог.
Опять на зимний сон готовы
Поля и тундры. Неба свод
Подернут тучею свинцовой,
Предвестницею непогод.
Едва расцветший луг желтеет,
Колосья к жатве налились,
Корал рябины уже рдеет
И птицы к югу понеслись.
Уже прокрался непогодный
В густые рощи ветерок,
И пахнет осенью холодной,
И жёлтый падает листок.
И пар росистой пеленою
Возносится до облаков.
Под этой дымкою густою,
Сквозь этот занавес лесов,
Все видится необычайно:
Как будто бы облечена

* Ñëîâî âîâåííå, îçíà÷àåò ñòåíû, ãäå îæèâ ïðèâàëèòüñÿ

Непроницаемою тайной
Непроходимая страна.
Дерев исторгнутых коренья
Преобразились в серых змей;
Сидят немые привиденья –
Остатки обгорелых пней.
И сосен повиты вершины
Густой, туманною чалмой.
Идешь – и леса исполины
Идут рядами в дымный бой[7]*,*
Поочередно изчезают,
Как тени, в белых облаках.
Все тихо. Только воздыхает
Ночная птица на кустах.
Пустынный лось вблизи дороги
Стал и задумчиво глядит,
Ветвистые закинув роги,
И дятел в дерево стучит.
И на вершине голос чей-то,
Печален он, как звуки флейты:
То ястреб кличет над гнездом.
Он летний дом свой покидает.
И векша резвая летает
И машет огненным хвостом.

Леса болотные, простите!
Пойдем. Нас колокол зовёт.
Трапезы час. Благословите,
Отцы святые, наш приход.
Как величаво в этом мраке
Обитель древняя стоит.
И только у святыя раки
Лампада тихая горит.
Молись о нас, борец великий
И победитель тёмных сил,
Да внидем во святыя лики,
Куда ты радостно вступил.

Сей монастырь еще хранит
Одно заветное преданье,
Хотя об нем не говорит
Архивное рукописанье[8]*.*
Когда Софию Петр Великий
Судом правдивым осудил,
Когда и пыткой, и уликой
Сообщников сестры открыл,
Тогда в неправом подозреньи
Новгорода митрополит
Как бы сообщник преступленья
Царевны гордой был открыт.
«Снять сан с него». Петра рукою
Подписан страшный приговор,
Хотя Корнилий для покою
Оставил древний свой собор.
В Зеленом острове святитель
Последний час свой доживал.
Свою любимую обитель
Богатством многим наделял,
И утвердив рукописаньем,
Сном праведника опочил.
Тогда с царевым приказаньем
Какой-то комиссар спешил.
Усопшего святое тело
Уже лежало под шатром,
Когда известье прилетело
И разразилося, как гром.
Как бы живой, первосвятитель
Почувствовал грозы удар:
Когда посланья исполнитель,
Сей неизвестный комиссар,
Читал у самыя гробницы
Петра Великаго указ,
То со святительской ресницы
Слеза скатилась, как алмаз,
И легкого стыда румянец
В ланитах старца заиграл.
Великаго царя посланец
Во ужасе затрепетал.
В указе было: неотменно
Снять со главы его клобук –
Но исполнитель устрашенный
Не смел приблизить к телу рук.
Пред ним святитель поседелый
В молчаньи страшном возлежал
И посох и клобук свой белый
Ему покорно отдавал.
Как бы вещали губы бледны:
Я повинуюся царю.
«Нет! – вопиял посланец бедный.–
Нет, никогда не сотворю
Я над мощами поруганья!» –
В столицу возвратился он,
И до втораго приказанья
Корнилий был не погребен.
И в это время Вседержитель
Царю великому открыл,
Что Новагорода святитель
Невинен в этом деле был.
Когда с отрадным разрешеньем
Другой посланец прилетел,
Господь угодника нетленьем
Прославить тело восхотел.
Открыли гроб и покрывало –
Оно, как спящее, лежало.

1852 год

Примечания автора:

[1] Ель я потому назвал погребальною, что ею посыпаются помосты и пути погребальных процессий. Елью усаживали древние славяне сопки, погребальные курганы; елью доныне усаживают раскольники у часовен своих кладбищ. В Германии видны целые холмы, усаженные елью около костёлов, особенно замечателен этим австрийский Юденбург.

[2] Мостами и мостовиками называются болотныя дороги, сделанныя из древесных перекладин. Олонецкая лесная дорога, сделанная Петром Великим, еще не вовсе изчезла.

[3] О восходе солнца всегда на одном месте неба рассказывают наши странники, как о необыкновенном!.. Следы ног Спасителя показываются на Элеоне.

[4] Снег, особливо в феврале и марте, садится скульптурными глыбами на сучья дерев.

[5] Наполеона словили, как раненаго зверя, но он ускользнул, и последняя его оборона была славная.

[6] Это тип, мало-известный городскому образованному миру, известен в монастырях. Отставные солдаты нередко странствуют по обителям России; живут в них, зарабатывая хлеб своими руками, и многие остаются в монастыре навсегда. В Соловецкой обители много монахов из отставных воинов. Некоторые из них, сохранив малую лепту жалованья и собрав от доброхотных дателей небогатую помощь, отправляются во Иерусалим. Северное воображение сохранило о св. граде свои народныя предания: о восходе солнца как бы всегда в равноденствие; о пещере, откуда есть спуск до ада; о дереве, на котором повесился Иуда-предатель, – все это в смешении с любовию ко святым местам. Поклонники наши переносят невероятныя трудности и лишения из любви ко Гробу Господню. Русской инвалид, соединивший с храбростию благочестие, – замечательное лицо. Наши солдаты, настоящие монахи-рыцари, лучшие по дисциплине древних крестоносцев. Волею и неволею они сохраняют обеты послушания, нестяжания и девства и постничества. Вместо обетов – присяга. Каждый полк, как монастырь, имеет свою церковь, свои знаки, хоругви, священника (aumoniers). Вот где настоящий чин (l'ordre) равенства. Утро и вечер с молитвою; праздники полковым святым (patrons). Все это общество удивительно и достойно лучшаго пера, нежели моя странническая кисть. С пострижением волос солдат отрекается своего рода и племени, от своей воли и произносит обет послушания. Его наплечник (это писано в 1852 г.) не легче монастырского парамана и почти также крестообразно препоясаны его воинския чресла. Адамова голова – смерть – всегда близка к нему, и меч его так же страшен врагу, как четки со именем Иисуса Христа безплотному противнику христиан. Отец Савва, живший более сорока лет в обители печальной юдоли преподобнаго Саввы Освященнаго, из наших русских воинов. Его имя было известно в Палестине, и все наши путешественники упомянули о седовласом старичке, жителе высокой скалы. Отец Сергий Комаров Афонец, строитель церкви святителя Митрофана в Русики, взят был в солдаты в 1812-м году; был в Париже, в европейских кампаниях и в Турецкую в 1828–29 годах; хорошо знает Балканы и Дунайские берега. Вот два представителя священной дружины и молитвенники за Родину и за царя православных.

Еще одно слово. Редкие из наших странников не достигали своей цели – Иерусалима. Очень немногие умирали в путешествии. Бывает иногда (как у ветерана зеленецкаго), что душа за горами, а смерть за плечами.

[7] Очень обыкновенное, но фантастическое оссиановское зрелище лесной дороги, особенно в тумане. Когда приближаешься к отдаленным деревьям, то и они – разумеется – идут навстречу, и потом, как великаны, уходят, точно в дымное сражение, в тумане, где изчезают. Росные туманы наиболее живописны в конце августа или в начале сентября, особливо в Белоруссии.

[8] В монастыре это предание относят к делу царевича Алексия Петровича, но Корнилий скончался в 1688 или 1689 году (не помню верно), а царевич скончался в 1720 году. Последний стрелецкий бунт был именно в годы смерти преосвященнаго Корнилия. Как ближайшее лицо к патриарху и кандидат патриаршаго престола, Корнилий мог быть в чем-либо подозрителен царю-реформатору. Одно слово или несогласие видов могли тогда навлечь и казнь, как и пытку. Со дня кончины пр. Корнилия до дня погребения его 29 марта протекло 28 дней. Надеюсь поверить это когда-либо на месте. Святитель Корнилий, бывший некогда настоятелем Зеленецким, особенно любил эту обитель и во время своего архиерейства в Новегороде оделил эту пустыню многими угодьями, приписными монастырями, вкладами, колоколами, святыми иконами. При упразднении ея более 300 икон взято было в Новгороде. Но и теперь иконостас холоднаго собора отменно *хорош.* Особенно замечательна икона последняя с левой стороны, изображающая собор апостолов, между которыми св. апостол Петр председательствует на более возвышенном среднем престоле. Вероятно, наши иконописцы того времени помудровали по-своему, что нередко бывало с ними.

Текст поэмы публикуется по авторской рукописи: РГИА, Ф. 1680, Оп. 1, Д. 13, Лл. 5–6 об., 57–58. Сохранена пунктуация оригинала. После текста поэмы следуют авторские комментарии (не имеющие отсылок в тексте).

Поэма игумена Антония (Бочкова) «Зеленецкий лес» найдена в РГИА (ф. 1680, оп. 1, д. 13, Лл. 5-6 об., 57-58) и опубликована Е.В. Крушельницкой в книге «Мартирий Зеленецкий и основанный им Троицкий монастырь» (СПб, «Алетейя», 1998)

Этой публикацией редакция исполняет давнюю просьбу игумена Германа (Подмошенского) отыскать и напечатать это литературное произведение.

Вид Зеленецкого монастыря с высоты птичьего полета.
Фото конца 1990-х годов

И.А. Сергеева

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСИЙ КОЛОКОЛОВ – ДУХОВНИК, МОЛИТВЕННИК, ЦЕЛИТЕЛЬ (1836-1902)

Память 29 января/11 февраля.
Тезоименитство 17/30 марта, прп. Алексия человека Божия

«Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам Слово Божие, ихже взирающе на скончание жительства, подражайте вере их» (1 Солун. 4, 18)

«Это был из ряда вон выходящий пастырь, особенный и в своем роде единственный… замечательный духовник, глубоко проникавший в сердца духовных чад, умевший и потрясать сердца, и умилять, и успокаивать их».
Св. Философ Орнатский

Русский народ, насильственно погруженный в бездну безверия на восемь десятков лет, в конце XX века вновь потянулся к Церкви. Словно бы произошло второе Крещение Руси. Укрепляя в православном народе веру, Господь подает нам видимую помощь. Прославляется подвиг новомучеников, становятся известными забытые имена подвижников веры и благочестия,находятся свидетельства их подвигов.

В бывшем Новоладожском уезде, в двадцати километрах от города Волхова, на полузаброшенном кладбище урочища Сиглинка, она же бывшая Олешенская лесная дача, или Лесной скит 15 июня 2001 года было найдено долгое время пребывавшее в забвении место захоронения одного из выдающихся пастырей-благотоворителей и молитвенников XIX века как Санкт-Петербургской епархии, так и всей России, протоиерея Алексия Колоколова.

Если сказать точнее, – место перезахоронения его в 1935 г. из церкви, позже разрушенной, где он был торжественно погребен. А первоначально похоронен был отец Алексий возле Успенской церкви на Успенском острове, острове-приюте для детей-сирот. Чудесно-сказочный остров возвышался над водами Волхова и был со множеством построек, храмов средоточием целого ряда благотворительных учреждений, созданных по благословению и при деятельнейшем участии о. Алексия на его родине. Сохранилась мраморная плита, где значится: «Здесь покоится тело протоиерея общины Святого Георгия отца Алексия Петровича Колоколова, строителя и настоятеля храма сего, основателя и попечителя Богоугодных учреждений Успенского острова, покровителя и благотворителя всех бедных и несчастных. Родился в селе Прусина 20 февраля 1836 года, скончался в Петербурге 29 января 1902 года во вторник в 9 часов утра».

Поискам нынешнего места захоронения протоиерея Алексия Колоколова предшествовало освящение часовни Рождества Иоанна Предтечи в с. Прусынская Горка, расположенном на правом берегу Волхова, рядом с бывшим Успенским островом. Храм Рождества Иоанна Предтечи с. Прусынская Горка был выстроен в 1688 г. на месте прежнего деревянного, построенного в 1582

г., возобновленного в 1863 г. и закрытого в 1936 г. Во время военных действий в 1941 г. церковь была взорвана немцами. В июне 1990 г. в село приехали ветераны из Германии, воевавшие в этих местах. Бывший солдат вермахта Франц Фогель, лично подорвавший храм, пожертвовал средства, собранные немецкими ветеранами, на которые на месте взорванного храма были построены военный мемориал и часовня Рождества Иоанна Предтечи. По инициативе местных жителей сюда, к часовне, стоящей на месте разрушенного храма, к могилам родителей о.Алексия, решено было перезахоронить с лесного заброшенного кладбища и его прах. В ответ на просьбы жителей села и тогдашнего главы администрации Бережсковской волости, председателя фонда «Благовест» Н.Ф. Шверикаса о небходимости восстановления памяти пастыря, соорудившего несколько храмов в Новоладожском уезде и оставившего по себе добрую память на своей родине, настоятелем храма св. Архангела Михаила в г. Волхове протоиереем Андреем Яхимцом по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира 12 октября 1999 года было совершено освящение восстановленной часовни и перезахоронение о.Алексия Колоколова.

Попечением Николая Федоровича Шверикаса были произведены поиски места захоронения о.Алексия и записаны некоторые свидетельства жителей.

Рассказ жительницы д. Бережки Волховского района Екатерины Федоровны Смагиной (1918 г.р.), уроженки д. Болотово. Записан Л.А. Беловой 7 июня 2001 г.

Она передает свидетельство своей православной болотовской односельчанки Екатерины Тихоновой. В 1930-е гг. во сне к Екатерине Тихоновой явился о. Алексий и просил захоронить его в церкви под алтарем.

Испуганная, она проснулась. Она знала, что прах о. Алексия и его духовных дочерей Анны и Александры после разорения церкви был перенесен с Успенского острова в церковь на Лесном ските, что в двух километрах от их деревни. После закрытия и этой церкви приход был разогнан: священник о. Александр Касаткин, монашка Дуня, тетка Саша, Катя Ануфриева…

Едва дождавшись рассвета, Екатерина побежала к соседям, плача рассказала им о ночном видении и своем беспокойстве, – «все ли в порядке на могилках?». Вместе пошли в скит. Опасения оправдались: захоронение осквернено, вскрыта могила, честные останки о. Алексия вытащены из гроба, голова находится в стороне, одежда – серебряное, золотое шитье, поручи – порваны, наперсный крест украден. Обливаясь слезами, женщины снова поместили останки пастыря в гроб, запаха тления не было. Просили прощения, что не уберегли от святотатцев. Односельчане-мужчины похоронили гроб.

Река Волхов возле села Прусынская Горка – родины протоиерея Алексия Колоколова.

Помялово

Церковь во имя Пресвятой Троицы в селе Помялово была построена в 1873–1877 годах по проекту архитектора М.А. Щурупова. Это еще одна церковь, строить которую помогал о. Алексий Колоколов (1836–1902).

Закрыли церковь в 1941 году и, видимо, тогда же, при наступлении немецких войск на г. Волхов она и была разрушена. В книге «Ленинград действует» Павла Лукницкого есть упоминание о том, что представляла эта земля после того, как советские войска отбросили захватчиков от г. Волхова:

«Мы ехали без задержек часа два с половиной по территории, еще так недавно очищенной от немцев, разоренной ими... Следы боев и немецкого хозяйничанья я наблюдал повсюду: изуродованные автомашины, тракторы, повозки, превращенные в жалкие железные скелеты, опрокинутые, торчащие из снежных сугробов вдоль широкой снежной дороги. Деревни без жителей, с разбитыми артиллерийским огнем полуразваленными домами, церкви – со снесенными куполами и колокольнями, ощерившими в розово-голубое небо острые ребра досок за зубцы разбитого камня».

Сейчас в деревне даже некого спросить, где стояла и когда была разрушена эта церковь. Местных жителей в деревне нет, т.к. она стала просто дачным поселком, а нынешних обитателей Помялова вообще не интересует история. Один встреченный дачник с трудом вспомнил, что на местном кладбище есть какой-то крест, и его вроде поставили там, где была церковь.

Найти крест удалось, но уточнить его историю было уже не у кого. Есть некая доля уверенности, что церковь стояла все-таки здесь, т.к. рядом с крестом есть довольно большая «гряда» валунов – возможно остатки от фундамента. Кроме того, встреченные на кладбище приезжие женщины, сказали, что про церковь они не слышали, но при рытье могил для их родственников приходилось пробиваться сквозь большое количество кирпича...

Сайт «Саблино»

С. Помялово. Крест на месте разрушенной церкви Святой Троицы, выстроенной о. Алексием.

Свидетельство жителя д. Бережки Анатолия Александровича Родина. Записано председателем фонда «Благовест» Н.Ф. Шверикасом 14 мая 2002 г.

Ранней осенью 1964 года четырнадцатилетний подросток Толя Родин из д. Заречье Прусиногорского сельсовета, собирая грибы, заблудился в лесу. Несколько часов блуждал он в лесной чаще, выходя по кругу на одно и то же место. Наступили сумерки. В отчаянии, никогда прежде Господу не молившийся, но крещеный, Анатолий громко крикнул: «Боже, помоги мне найти дорогу!» Вскоре на ближайшей тропе вырисовалась фигура мужчины с непокрытой головой и длинными волосами, похоже, он был стар. Он шел вперед. Мальчик решил тихо идти за ним. Через некоторое время, следуя за поводырем, он вышел к знакомым местам, к реке Сестре недалеко от д. Прусынская Горка. Идущий впереди оглянулся, но не произнес ни слова, не сделал ни жеста, исчез неожиданно, как растворился в сумеречном лесу.

Через многие годы Анатолий Александрович Родин, увидев фотографию о. Алексия Колоколова, признал в нем своего лесного спасителя.

Всю жизнь свою священник Алексий Колоколов спасал души людские, отдавая себя служению Господу, а служба эта священническая длилась 53 года.

На берегах Волхова
Родители и прародители.

В метрической книге церкви Рождества Иоанна Предтечи села Прусыня Новоладожского уезда С.-Петербургской губернии за 1836 год в актовой записи значится: Алексий родился 22 февраля 1836 г., крещен 24 февраля 1836 г. Отец – Петр Дмитриев, священник с.Прусыня. Мать – Марфа Димитриева[1].

«Село Прусыня стоит на правом берегу р. Волхов, в 140 верстах от Санкт-Петербурга и в 50-ти от Новой Ладоги. В старину было выставкою Городищенскаго погоста и принадлежало Заонежской половине Обонежской пятины. Прусынею называется от реки Прусыни, впадающей в Волхов. По писцовым книгам видно, что здесь еще в 1582 г. была церковь Рождества Иоанна Предтечи с приделом Николая Чудотворца».

Подробные сведения по истории церкви Рождества Иоанна Предтечи приложены к прошению на имя петербургского губернатора в 1887 году по поводу избрания его в почетные члены попечительства прусынской церкви. Тогда в связи с 200-летием церкви со дня постройки ее (8 июля 1688 года – на месте сгоревшей) решили ее обновить.

Сохранялись там и святыни: «В сей церкви особенно уважается икона Иоанна Предтечи «с деяниями». Предтеча изображен с крыльями. В левой руке его свиток с надписью: се *агнецъ Божій вземляй грехи міра*. Образ этот по мнению прихожан существует здесь с основания церкви.

Там же, в Прусыне, в 1818–1819 годах за ветхостью холодной деревянной этой церкви, освященной священником Димитрием Матвеевым, с помощью прихожан построена новая каменная теплая церковь во имя Казанской Божией Матери. Она освящена в 1819 году»[2].

Димитрий Матвеев – дед Алексия Колоколова по материнской линии.

В XVIII веке не у всех священников были фамилии, имя сына в клировых ведомостях, как правило, соединяли с именем отца. Фамилии присваивали тем, кто учился в духовных училищах и семинариях, иначе слишком много было бы однофамильцев.

Род священников села Прусыня можно непрерывно и точно проследить за век с лишним, начиная с Георгия Аверкиева (1726–1796).Старший сын его Матвей Георгиев (1746–1799) начал служить в селе Ояцком того же уезда, потом на его место «по выбору приходских людей» был в 1799 году рукоположен сын Василий Матвеев.

Село Прусынская Горка. Могила о.Петра Колоколова (1807-1846)

(1766–?). В Сясьском погосте, в то время в Успенской церкви, до 58-ми лет прослужил Яков Матвеев. А третий сын – Димитрий Матвеев (1773–1831) был рукоположен к прусынской церкви, где после о. Георгия Аверкиева, деда Димитрия, приход наследовал Дорофей Георгиев (1764–1798), его дядя, рукоположенный во священника в 1790 году.

Священник Димитрий Матвеев, дед Алексия Колоколова, все силы отдал служению на приходе в своем небольшом деревянном храме Рождества Иоанна Предтечи. А «1831 года августа 31 дня умер сей церкви священник 58 лет, родимцем»[3], то есть – от паралича. По рассказам о. Алексия, о. Димитрий был праведной, даже святой жизни человек. Спустя 60 лет после его кончины ставили ограду на могиле, нечаянно наткнувшись на гроб, увидели, что даже бархат на гробе цел. Когда сняли крышку, оказалось, что тело нетленно[4].

После смерти о. Димитрия храм остался без настоятеля. Нельзя было долго оставлять приход на «входящих» священников. И не прошло еще и полугода, как 5 февраля 1832 года состоялась свадьба Марфы Димитриевой с будущим прусынским пастырем Петром Колоколовым. Венчал их в церкви села Прусыни священник села Загубья Феодор Иванов Беляев. При совершении брака находились села Поречья дьячок Василий Моисеев и пономарь Иван Димитриев. Поручители Новоладожского Николаевского собора – по жениху – дьячек Феодор Алексеев Федоров, по невесте – пономарь Михаил Димитриев Попов[5].

Жениху шел 25-й год, невесте – 19-й. Состояли «на пропитании» молодого священника теща, а также свояченицы – Параскева 16-ти лет и Ольга – 14-ти. Брат их, Иван Димитриевич Матвеев, служил пономарем той же Иоанно-Предтеченской церкви, имел свою семью.

Как значится в «Ведомости о церквах Новоладожского уезда села Прусыни за 1843 год», священник Петр Димитриев Колоколов, священнический сын по окончании курса Санкт-Петербургской Духовной семинарии уволен с аттестатом второго разряда, а 1832 года марта 30 дня рукоположен к сей церкви во священника[6].

«Причта положено по штату издавна: священник, диакон, дьячек и пономарь. Священноцерковнослужители жалования ниоткуда не получают, кроме что с трети прихода собирается по 30 копеек медью в год с каждой ревизской души. Содержание их посредственное».

Не считая 9-ти дворов отставных военных, остальные прихожане – государственные крестьяне – 755 мужчин и 882 женщины.

В самой Прусыне был 31 двор, в котором проживало 114 человек. Ближние деревни: в одной версте – Горка, Блитово, Холм, Завражье, Гнилка; в пяти верстах – Каменка, Хотучи, Наволок, Заречье; в семи верстах – Моисеево, Никитино, Никифорово.

О. Петр Колоколов рукоположен был во священника и в тот же день, 30 марта 1832 года, служил первую свою требу – отпевал крестьянина. Двенадцать лет трудился он в Прусыне и скончался, оставив сиротами детей: двенадцатилетнюю Марию, девятилетнего Василия, семилетнего Алексия и шестилетнюю Анну. Это был скромный и добросовестный сельский священник*. Отец Алексий Колоколов потом вспоминал «с особенною любовью, что его батюшка и умер, простудившись при требоисполнении»[7], – так писал архимандрит Никодим**, бывший смотритель Александро-Невского Духовного училища, лично знавший семью отца Алексия

Обратившись к церковной метрической книге, находим запись, что о. Петр умер 22 марта 1847 года от чахотки, приобщен священником с. Помялово Сергием Лукиным, погребен 24 марта 1847 г. священником Городищенского погоста Ильей Величским и причетником с. Прусыни Павлом Лебедевым на приходском кладбище[8].

Как видно, в весеннюю распутицу и непогоду, отправился он причащать больного или умирающего, простуда обострила болезнь, и он скончался. Похожее случилось потом и с самим отцом Алексием: полубольной, он не мог не проводить на кладбище свою духовную дочь, и это ускорило его кончину.

Детство и отрочество о. Алексия. Родные

Детство Алексия Колоколова было подобно детству других детей сельских священников в то время – учение по Псалтири чтению, прислуживание в храме, молитвы, помощь родителям по хозяйству, игры со сверстниками, походы в лес за грибами и ягодами. Алексий рос живым, веселым, здоровым мальчиком. Но

---

* В последние годы жизни о. Петр имел многие искушения. Преодолевая болезнь, трудился батюшка на приходе. Не очень повезло о. Петру с диаконом его церкви Василием С. Приходя на требы и в церковь, даже в алтарь пьяным, он причинял страдания о. Петру. В этом деле мнения прихожан церкви разделились. Большинство было на стороне священника. Проходивший по улице житель села слышал, как возле дома о.Петра диакон поносил его и матушку. Даже сторонний свидетель, старообрядец, правдиво обрисовал непотребное поведение диакона. Человека два, быть может сами страдавшие тем же грехом, стали на сторону пьяницы и ругателя. Разбор этой истории длился два с лишним года (с февраля 1838 по декабрь 1840 г.). Увещевания о. Петра не повлияли на поведение диакона (ЦГИА СПб, ф.19, оп. 30, д.124).

На увещевания священник Петр Колоколов не жалел сил. С декабря 1843 по апрель 1845 священник старался повлиять на крестьянку деревни Прусыни вдову Дарью С., «совратившуюся из православия в раскол» (ЦГИА СПб, ф.19, оп 35, д.2).

А за год до смерти о.Петр много претерпел от крестьянина Петра К., который подал жалобу о невенчании брата его с девицею старше его на девять лет. О.Петр следовал правилам церкви: неравенство лет и отсутствие документов по невесте от волостного начальства препятствовали венчанию. Благочинный поддержал священника, но все эти волнения усугубили болезнь о.Петра. – *Авт.*

** Архим. Никодим (Кононов), будущий епископ Белгородский – священномученик, расстрелян большевиками после ухода из Курской губ. Белой армии (†1918). – *Ред.*

есть подтверждения раннего избранничества младенца Алексия в пересказе его духовной дочери: «Когда о. Алексию было четыре года, свирепствовала оспа, тетушка его, Прасковья Дмитриевна, говорит однажды: «молитесь, детушки, чтобы вас Господь помиловал и вам не умереть от оспы…», и мальчик тотчас встал на колени и со слезами принялся молиться, чтобы Господь поберег его и брата, и сестер, и если Богу угодно послать болезнь, то чтобы она была «хоть маленькая», и он показывал на своей ручке: «с ноготок». В этой первой, дошедшей до нас, молитве младенца-избранника Божия уже сказались особенности православного его характера: покорность воле Божией, любовь к ближнему. Видна здесь и сила его молитвы.

Его просьба была услышана. Все заболевшие дети выздоровели, хотя у некоторых запечатлелись на лице следы оспы. Но красивые черты его лица не пострадали, остались лишь два пятнышка, зато пальцы все переболели, и как раз на одном из ногтей осталась отметка на всю жизнь.

На всю жизнь запечатлелась в душе о. Алексия первая поездка с отцом, священником Петром, в Тихвин к чудотворной иконе Божией Матери Тихвинской, звон большого монастырского колокола. Детскую мечту иметь в своем селе большой колокол, в конце концов осуществленную, оправдывал он так: «Недаром я Колоколов. Люблю колокола». О. Алексий говорил, что самое душеспасительное дело – соорудить колокол при церкви: всякий, кто услышит, перекрестится, это и есть молитва за того, кто поставил колокол[9].

Воспоминания о служении отца помогало о. Алексию не раз. Однажды позвали о. Петра исповедовать болящего. Батюшка должен был ехать в Ладогу и спросил, нельзя ли отложить. Ему ответили, что человек умирает. Когда умирающий вышел на крыльцо встретить его, о. Петр подумал, что можно было бы не спешить. Однако, едва он причастил болящего, тот скончался. Он потом указывал сыну на необходимость судить обо всем вдумчиво.

На девятом году жизни в сентябре 1845 года вместе со старшим братом, будущим о. Василием Колоколовым, о. Алексий отвезен был в Александро-Невское Духовное училище. Закончив его, братья продолжили учебу в семинарии, всего проучившись двенадцать лет. Голодное и холодное время «бурсы» не сломило отрока, не свернул он с избранного пути. В балловых ведомостях за экзамены значатся оценки «4», хотя встречается и «3». О способностях записано – хорошие, о поведении – тих, скромен.

После ранней смерти Петра Колоколова на его место 1 марта 1849 года определили окончившего С.-Петербургскую Духовную семинарию двадцатишестилетнего Василия Ивановича Соболева. Его младший брат Иоанн Иоаннович Соболев, тоже окончивший семинарию в Петербурге, был рукоположен во священники к Успенской церкви Сясського погоста того же уезда.

Василий Соболев дал обязательство осиротевшему семейству, состоявшему из вдовы, двух сыновей и двух дочерей, выдавать на содержание 60 рублей серебром в год. А старшая, Мария, ей было шестнадцать, стала его женой.

Мальчиков-племянников опекал также Иоанн Димитриевич Колоколов, это на его иждивении находился их отец Петр Димитриевич во время обучения в семинарии.

Священник, ключарь, позже настоятель Морского Богоявленского Николаевского собора, о. Иоанн прослужил там 30 лет. Кроме того, бакалавр Духовной Академии, он преподавал греческий язык, временно – патристику и учение о Священном Писании. В 1846 году был возведен в сан протоиерея, в 1848 году назначен членом С.-Петербургской Духовной консистории, а в 1860 настоятелем кафедрального Исаакиевского собора, где прослужил ровно девять лет, до своей смерти[10].

Во многих изданиях того времени дана биография о. Иоанна Колоколова. Он был близок митрополиту С.-Петербургскому Исидору, отсюда в дальнейшем особое внимание владыки к его племяннику, Алексию Колоколову. Несомненным было влияние примера пастырского служения и авторитета на племянника – будущего о. Алексия.

В формировании личности Алексия Колоколова как священника, проповедника, духовного отца ряда известных пастырей, огромное значение имело понимание роли священнического рода Колоколовых в истории русской Церкви, ответственности, которая в связи с этим ложится на него.

В клировых ведомостях об отце и братьях отца – Колоколовых: Алексие (1797–1829), Иоанне (1799–1869), Никаноре (1802–?), Петре (1807–1846), Адриане (1814–1878) указано, что они – сыновья священника

Большой Тихвинский Успенский монастырь, куда к чудотворному образу Божией Матери совершал в детстве паломничество будущий о. Алексий вместе со своим отцом

Тверской губернии. В документах Тверского Духовного училища за 1811 год об учениках Алексие и Иоанне Колоколовых есть уточнение: «г. Осташкова Преображенской церкви священника Димитрия сыновья».

В свою очередь, о. Димитрий Колоколов наследовал это место от своего отца, Николая Колоколова, закончившего Тверскую Духовную семинарию, сына священника Игнатия из Кашинского уезда. Сам о. Николай был рукоположен к новой, Преображенской, только что отстроенной церкви в 1762 году[11].

Димитрий Николаевич Колоколов вместе со старшим своим братом Андреем, выйдя из Тверской Духовной семинарии, закончил Московский университет. Андрей был рукоположен к осташковскому же Троицкому собору.

Господь одарил род священников Колоколовых разнообразными талантами. Одни, как о. Иоанн, издавали свои и переводные богословские сочинения, другие, как Алексий, старший, и Адриан, стали превосходными преподавателями.

Алексий Димитриевич Колоколов, первенец отца Димитрия, закончивший Тверскую семинарию кандидатом, вышел потом магистром третьего выпуска из Петербургской Духовной академии (1815–1819). Он сразу же был назначен профессором в Киевскую Духовную семинарию, а в декабре 1825 года определен в Киевскую Духовную академию преподавателем греческого языка. Скончался он 29 июня 1829 года на 33-м году жизни[12]. Память о нем хранилась в семье как о достойном сыне. Отчасти не потому ли дали имя это и племяннику – Алексий, и Киев уже тогда вошел в жизнь о. Алексия – памятью о дядюшке?

О. Адриан Колоколов закончил свои дни настоятелем петербургского Казанского собора. Образование получил в Петербурге в Духовнуй семинарии и академии, Кандидат богословия,он был инспектором, ректором Александро-Невского Духовного училища. О. Адриан Колоколов был тем священником, которому поведала девица Мария Солопова, будущая игумения Таисия Леушинского монастыря и духовная дочь Иоанна Кронштадского, о бывшем ей явлении Иисуса Христа.

Многие таланты своих предков соединил в себе о. Алексий Петрович Колоколов: дар проповедания слова Божия, пастырский дар созидателя храма веры Христовой в душе пасомого и дар храмоздателя. На отношение к о. Алексию Колоколову тех, кто знал его, влияли многие личные его качества – христианская любовь, доброта, смирение, трудолюбие, веселый нрав, сметливость, любовь к знаниям.

Обладая прекрасной памятью, Алексий многое из того, что читал, помнил наизусть, а читал он немало. И он всем сердцем принял слова Святого Евангелия, жития святых. Когда в семинарии была эпидемия тифа, он лежал в горячке, ему чудились святые мученики, он говорил с ними, поверяя им свои мысли.

С.-Петербург. Александро-Невское Духовное училище, где учился о. Алексий.

Жизнь юноши была в опасности, собрался консилиум врачей… А ему виделся Христос, в окружении ангелов, к Которому подводили людей, Он отсылал или принимал их. А про юного Алексия Господь сказал: «оставьте его, он не готов…» Сознание вернулось к больному, и он возблагодарил Господа в молитвах.

В праздники братья Алексий и Василий гостили у дяди, о. Иоанна, в то время служившего в Никольском соборе, пешком проделывая путь от Лавры до его квартиры на Екатерининском канале.

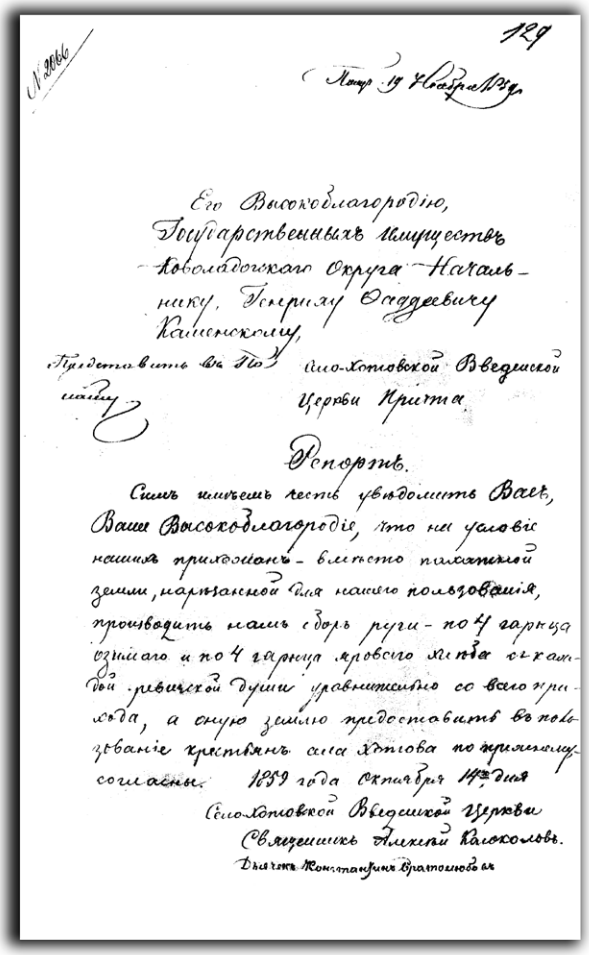
«Леша», в отличие от Васи, смиренно выполнял все поручения тетушки: ходил в лавку, мыл цветы, чистил лампады. В награду им давались три копейки на двоих, и они покупали на копейку – четыре репки, на другую – одно яблоко, и одна копейка оставалась.

Если братья отправлялись на праздники к матери, в Прусыню, дядюшка тоже их одаривал, и они покупали большой ситник (белый хлеб). Разрезав его пополам, намазывали маслом. А черный хлеб им выдавался из училища. По Неве и каналу они плыли вместе с другими ладожскими священническими детьми на телячьей барке-трейшкоте. Денег хватало только до Ладоги, и дальше они шли пешком, проходя без какой-либо горячей пищи по шесть верст в день.

Однажды ладожский священник дал каждому из них по три рубля в благодарность за помощь его сыновьям в учении. Отец Алексий до конца жизни не забывал это добро, на каждой литургии поминая протоиерея Илию. Так же молился он и за прусынского дьячка Павла Лебедева, который приглашал их косить и убирать луг перед домом, за что угощал сирот ячменным кофе с молоком[13]. Павел Степанович сослужил при погребении о. Петра Колоколова, помнил его и жалел сирот.

Пастырское служение. Село Хотово

Окончив семинарию с аттестатом 2-ого разряда 1 июля 1857 года, Алексий Колоколов женился в 1858 году на Пелагии Васильевне Соколовой, старшей



129

№ 2066

Его Высокоблагородію,
Государственныхъ Имуществъ
Новоладожскаго Округа Начальнику, Генералу Оттадеевичу
Каменскому,

Представить въ Село-Хотовской Введенской церкви Причта

Репортъ.

Симъ имѣемъ честь увѣдомить Васъ, Ваше Высокоблагородіе, что на условіе нашихъ прихожанъ – вмѣсто пахатной земли, нарѣзанной для нашего пользованія, производить намъ сборъ руги – по 4 гарнца озимаго и по 4 гарнца яроваго хлѣба съ каждой ревизской души равнительно со всего прихода, а оную землю предоставить въ пользованіе крестьянъ села Хотова по прежнему согласны. 1859 года Октября 14 дня

Село-Хотовской Введенской Церкви
Священникъ Алексѣй Колоколовъ.
Дьячекъ Константинъ Братолюбовъ

Собственноручное прошение (репорт) о.Алексия Колоколова о содержании Хотовского Введенского храма.

План церковной земли хотовского прихода. 1857 год

дочери священника церкви Тихвинской иконы Божией Матери села Мыслова Новоладожского уезда, о. Василия Соколова. Пелагия родилась 27 апреля 1839 года, отец ее был тогда священником Солецкого погоста, мать – Анна Матвеевна. Крещена Пелагия 2 мая 1839 года. Восприемница – девица Ольга Александровна, дочь статского советника Бестужева. Пелагия, тихая, благонравная, окончила курс в Царскосельском училище для девиц духовного звания, что было тогда достаточно редко[14]. В 1859 году у них родилась дочь Варвара.

14 октября 1858 года Преосвященнейшим Агафангелом, епископом Ревельским викарием С.-Петербургским о. Алексий был рукоположен во священника к село-Хотовской Введенской церкви Новоладожского уезда. Место, можно сказать, незавидное.

Еще в 1853 году сходом крестьян села Хотово Глажевской волости было задумано строительство часовни, а после церкви, так как село окружено болотами, весной и осенью почти непроходимыми, соседние же церкви отстояли достаточно далеко – в Помяловском, Глажевском и в Михаило-Архангельском погостах. Разрешение было получено, образован новый приход. В 1858 году построена Введенская деревянная церковь, где и начал свою службу новый священник[15]. Сохранился «Репорт», написанный красивым почерком о. Алексия в канцелярию Государственных Имуществ Новоладожского Округа на имя Начальника, что на условие «наших прихожан вместо пахотной земли… производить нам сбор руги – по 4 гарнца озимого и по 4 гарнца ярового хлеба с каждой ревизской души, а оную землю предоставить в пользование крестьян села Хотова по прежнему согласны». Подписано Село-Хотовской Введенской церкви священником Алексеем Колоколовым и дьячком Константином Братолюбовым. 1859 года октября 14 дня[16].

С 1 ноября 1859 года и все годы, пока служил в Хотове, о. Алексий исполнял должность учителя в сельском училище. Он завел образцовую школу, в которой преподавал, кроме грамоты, Закон Божий и церковное пение, так что когда преосвященный Павел приезжал для ревизии, он с умилением воскликнул: «Да они у тебя богословы!».

10 января 1861 года супруга о.Алексия скончалась от порока сердца, он остался с маленькой двухлетней дочкой на руках и весь отдался делу пастырского служения. Пастырь вел жизнь скромную, пищу любил самую простую, даже «тюрю» – накрошенный черный хлеб с водой. Паству он получил духовно неразвитую, с языческими пережитками, нетрезвым образом жизни. Прихожанин мог спросить, когда в Великий Пост о. Алексий служил Часы, – «Что ты за обедню служил, что младенцев нельзя было причащать?» На исповеди кающиеся не называли своих грехов, а только повторяли: «Грешен..», «Грешна…» Батюшка старался объяснить Заповеди, Закон Божий. Частое говение, приобщение Святых Таин, о.

Алексий с начала своего служения считал самым верным средством исправления людей.

Однажды эпидемия поразила окрестности села. О. Алексий бесстрашно посещал больных и силою молитвы помогал им.

Порой, чем более трудится на ниве Христовой праведник,тем яростнее наступают на него злые силы. Не миновало это и молодого священника Алексия.

«Батюшка рассказывал, что в начале своего служения его в продолжение целого года обуревали искушения неверия. Батюшка боролся и молился,.. страдал до изнеможения, до сильных неослабевающих головных болей. И вот однажды на Литургии, когда он со слезами изливал свою скорбь пред Богом и молился,.. ему ясно представились в памяти и повторились в уме слова Спасителя: «никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною» (Ин. 14, 7), и усиленнее прежнего воззвал он ко Спасителю… и был услышан – искушения прекратились, нераздельные мир и радость о Господе водворились в его душе»[17].

Жизнь он вел самую аскетическую. Он стал известен народу множеством исцелений бесноватых.

Объясняя это однажды одному православному, он, прежде всего, выражал глубокую веру, что бесноватые – больные не только психофизически, но, действительно, находятся под влиянием злого духа. Признавая силу за заклинательными молитвами и изгнанием злого духа именем Господа, о. Алексий придавал значение добровольному желанию бесноватого избавиться от вражьей силы. Первая задача пастыря – отделить сознание страждущего от внушения духа. Когда же он молитвами и убеждениями это достигал, тогда старался пробудить веру в возможность избавления от беса через принятие Святых Христовых Таин. Для этого он тихо и подолгу читал молитвы и потом уже приобщал[18].

Лечение состояло в говении не только больного, но и самого священника. В результате такого лечения из уст бесноватых раздавались проклятья и угрозы батюшке.

Когда одержимые собирались в церкви, о. Алексий просил всех прихожан истово молиться и читать молитву «Да воскреснет Бог…»

Бывали и исцеления пьяниц. Так силою своих молитв спас о. Алексий одного актера, которого во время припадка не могли удержать четверо мужчин. Привезенный родными актер посещал службы, каялся, причастился и уехал совершенно здоровый.

Батюшке советовали записывать случаи исцеления, но он возражал: «Кто видел, верит и без записывания, а кто не верит, не поверит и подписям тысячи свидетелей».

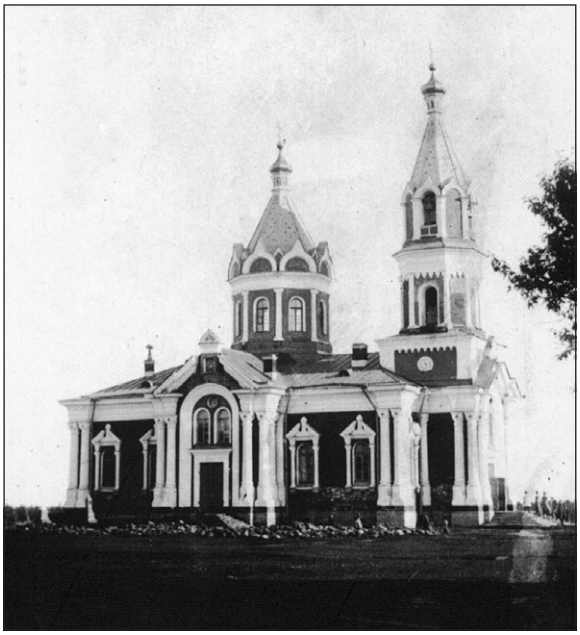
«Мало-помалу молва стала повторять его имя как имя подвижника. Вообще эта эпоха его жизни окружена особым ореолом и имеет черты чисто «житийные», какие мы встречаем в сказаниях о святых» – свидетельствует Е. Поселянин*, – «Простой народ обладает особой жаждою видеть праведников и учиться у них. Народ из дальних мест потянулся к Хотову. Нередко можно было видеть вереницы людей, неспешным, размеренным шагом богомольцев идущих по малоустроенным, топким дорогам Новгородской губернии и ближайших к Ладожскому уездов Петербургской губернии. – «Куда идете?» – спрашивали их. – «К о. Алексею Хотовскому», – отвечали они обыкновенно[19].

Как сообщает клировая ведомость церкви Хотова за 1863 год, «За хорошее поведение, пастырское влияние на народ и безмездное преподавание в сельском приходском училище 18 октября 1863 года награжден набедренником»[20].

Церковь в селе была деревянная, и о. Алексий опасался пожара и раза три видел во сне, что церковь горит. Так и случилось в марте 1861 года на Крестопоклонную неделю по нерадивости сторожа, оставившего горячую золу без присмотра. Отец Алексий увидел пламя из окна, стремглав кинулся к своему храму. С этого дня у него часто стало болеть сердце. Сгорело все, кроме креста, который скатился вниз, невредим. Сторож забрался наверх и не мог спуститься. Тогда о. Алексий подбежал, быстро снял с себя зимнюю беличью рясу и, держа ее, вместе с крестьянами, велел сторожу прыгнуть. Ряса загорелась, но человек был спасен[21].

На кладбище была построена временная деревянная церковь Воздвиженская и освящена в ноябре того же года. А потом Господь помог своему усердному молитвеннику в строительстве взамен сгоревшей церкви – большого, красивого храма из кирпичей собственного

* Евгений Николаевич Погожев, духовный писатель, умученный безбожниками, расстрелян в 1931 г. по делу Преображенского собора, прославлен Русской Православной Церковью Заграницей в сонме святых Новомучеников и исповедников Российских в 1981 году.



Село Хотово. Введенский каменный храм, выстроенный о. Алексием.

обжига[22]. «Эту беду скудного, захолустного прихода о. Алексей обратил в новый случай прославления Бога… Сам трудился в поте лица. Ездил и сам возил почти за двадцать верст железо и другие материалы», – вспоминал архимандрит Никодим[23].

«Нам как православным христианам невозможно оставаться без храма Божия», – писали в прошении от 26 апреля 1962 года хотовские крестьяне[24]. Их в Хотове было 898 душ: 424 – мужчин и 474 – женщин.

Хотово

Село Хотово бывшего Новоладожского уезда, первое место, где начинал свою деятельность великий волховский подвижник – о. Алексий (Алексей Петрович Колоколов). Сюда он был направлен в 1857 году, после окончания Духовной семинарии. Церковь во имя Воздвижения Креста Господня – это первая церковь, которую ему в 1861-1862 годах пришлось возводить на месте сгоревшей. Стояла она на месте нынешнего деревенского кладбища.

Другой хотовский храм был перестроен из часовни в 1854 году и освящен во имя Введения во Храм Пресвятой Богородицы. Первоначально выстроенный деревянным он сгорел в 1861 году. В 1863 году, о. Алексий, при участии генерала Скворцова, петербургских купцов Лесникова и Петухова, по проекту архитектора А.П. Мельникова (1820–1872), заложил новый –каменный храм.

В 30-х годах XX века обе церкви были закрыты и переданы под сельхознужды.

Во время войны деревянная Воздвиженская церковь была уничтожена, а каменная, Введенская, сильно пострадала.

После войны каменный храм опять стали использовать под сельхозхранилище, а с началом перестройки и вовсе забросили. Долгое время на шатровой крыше колокольни сохранялись позолоченные звезды и полумесяцы. Рассказывают, что в 60-х годах прошлого века, один местный искатель приключений решил поживится ими, но упал с храма, поломал обе ноги и к подобным подвигам больше не стремился.

Сейчас позолота еще видна на крестах церкви и колокольни. На снимках с сильным увеличением видно, что кресты, яблоки и купола пробиты охотничьей дробью. Видно кто-то таким образом пытался сбить оставшиеся позолоченные элементы.

Внутри храма силами верующих наведен небольшой порядок. Мусор в основном убран. Местами на полу лежит только битый кирпич от разрушающихся стен и сводов. От бывшего убранства церкви осталось только несколько кованных решеток на окнах, верхняя часть иконостаса со следами позолоты, да несущие бревна и перила хоров. Кирпичная кладка разваливается, в потолке зияют дыры.

Сайт «Саблино»

Хотово. Введенский храм. Современный вид.

На строительство в Палате Государственных имуществ было получено разрешение в августе 1862 года. Храм строился хозяйственным способом, деньги же дозволено было собирать государственному крестьянину д. Залесье Степану Павлову, «совершенно к тому благонадежному по своей нравственности».

Из привлеченных о. Алексием жертвователей на церковь особенно усердными были генеральша Скворцова, петербургские купцы Лесников и Петухов и академик Мельников. Именно архитектор Алексей Прокопьевич Мельников составил план церкви и наблюдал за постройкой.

Храм крестообразный в плане с полукружием для алтаря. «По архитектуре в нем есть переход от византийского стиля к германскому. Фундамент из путиловской плиты. Купол храма, идущий вверх двумя, едва заметными уступами, украшен колоннами, между колоннами – восемь полуарочных окон. Над крышею купола – осьмигранный фонарик, а над ним – луковицевидная глава и крест с яблоком, крест и яблоко вызолочены. Крыша храма железная,окрашена медянкою, с вызолоченными звездами». Так же завершалась и глава колокольни. На колокольне часы с боем. Колоколов шесть, самый большой – в 213 пудов 10 фунтов, на нем изображены Спаситель, Введение во храм, Воздвижение и св. мученицы, воспоминаемые 17 сентября. (Вера, Надежда, Любовь и София). На колоколе надпись: *«Воскликнете Господеви вся земля, воскликните, радуйтеся и пойте», «Вечер и заутра, и полудне, повем и возвещу глас мой», «Отлит сей колокол в село Хотово, при священнике Алексее Колоколове, усердием благотворителей, в С.-Петербурге, на заводе Т. Васильевой, 1870 г.»*

Купол был утвержден на четырех гладких граненых столпах, вверху переходящих в арки. Арки голубого цвета с разбросанными по ним звездами. Стены выкрашены под мрамор. Пол из путиловской плиты. Солея возвышается на четыре ступени и обнесена железной решеткой. Иконостас в три яруса с золоченой резьбой. Царские врата решетчатые, из витого винограда.

Из икон в храме были замечательны: икона Тихвинской Божией Матери, копия с чудотворной, в серебряной ризе с вызолоченным венцом, в нем четыре самоцвета, дар митрополита Исидора, икона св. Тихона Задонского с мощами его, дар митрополита Исидора, она лежит на аналое, а также иконы Покрова, Успения Божией Матери, икона Положения Иисуса Христа во гроб, а также – Рождества Иисуса Христа и Рождества Богородицы. Серебряные дарохранительница, сосуд для мира, запрестольный Крест. Из напрестольных крестов самый большой весом в два фунта – дар митрополита Исидора, из трех Евангелий одно, обложенное серебром с украшениями из бирюзы, – дар его же. Из кадил одно серебряное весом в 4 фунта, дар генеральши Скворцовой (инициалы ее в клировой ведомости не указаны).

Опись церковной утвари можно было бы продолжать долго. Видно, что для храма, где служил о. Алексий, много было жертвователей, да и сам батюшка не жалел ничего: из пяти сторублевых билетов, принадлежавших храму, четыре были от о. Алексия и один от крестьян.

10 сентября 1867 года храм был освящен преосвященным Палладием, епископом Ладожским.

В наши дни, и полуразрушенный храм поражает своим величием и стройностью.

На сторонах престола были начертаны священные тексты, выбранные самим отцом Алексием. На западной: «Господь воцарися, в лепоту облечеся: облечеся Господь в силу и препоясися. Ибо утверди вселенную, яже не подвижится. Готов престол твой оттоле». На южной: «Вознесу Тя Боже мой, Царю мой, и благословлю имя Твое во век и в век века. На всяк день благословлю и восхвалю имя Твое во век». На восточной: «Коль возлюбленна селения твоя, Господи сил, желает и скончивается душа моя во дворы Господни. Сердце мое и плоть моя возрадовастася о Бозе живе». На северной: «Господь пасет мя и ничто же мя лишит. На месте злачне, тамо всели мя, на воде покойне воспита мя. Душу мою обрати»[25]. Примечательно, что эти священные тексты выбраны о. Алексием так, чтобы и священники, и дьякон могли каждый со своей стороны престола видеть самые главные слова.

В душе и в памяти о. Алексия жили строки Священного Писания. Как свидетельствовали потом духовные его дети, отец Алексий часто повторял слова Спасителя: «Всяку розгу о Мне не творящую плода изметь ю и всяку творящую плод отребить ю, да множащий плод принесет». О. Алексий имел в виду прежде всего духовные плоды.

«Все, кто имел случай искать батюшкиного совета, испытали его мудрость и даже прозорливость, – писала позже одна из его духовных дочерей, – мне передавал один хорошо знавший его протоиерей, что когда ему приходилось в праздники приходить к батюшке, он заставал его за столом, окруженным таким множеством народа, что невольно смущался и думал, что не придется ему поговорить… Иногда, даже не обращаясь лично к нему, батюшка высказывал те мысли, какие были нужны приходившему».

В 1866 году о. Алексий был награжден скуфьей, в 1868 – «за особенные труды по постройке каменной церкви, безвозмездное преподавание в сельском училище и благочестивую жизнь (редко встречающаяся формулировка) награжден наперсным крестом, в 1869 – камилавкой.

Тогда же, видя успехи отца Алексия в строительстве каменного храма, его пригласили быть членом строительной комиссии при постройке церкви св. мученицы Параскевы в соседнем селе – Средней Верховине.

Крест над куполом хотовской церкви. Вся главка прострелена охотничьей дробью.

Хотово. Остатки разоренного иконостаса Введенского храма. Современный вид.

Хотово. Интерьер Введенского храма. Современный вид.

Верховина. Храм св. вмц. Параскевы. Современный вид.

И здесь архитектором стал А.П. Мельников. Старообрядцы, в большинстве составлявшие население села, чинили строительству препятствия. Состоялась долгая богословская беседа-спор о. Алексия со старообрядцем в присутствии многих селян. Батюшка убедил всех знанием текстов Писания и их толкованием. Раскольники уступили православным место для строительства. Церковь строилась с 1869 по 1873 год[26].

В Хотово к о. Алексию прибывало все больше людей – и простого народа, и купечества, и представителей высшего общества – за советом, за исповедью, за молитвой.

При этом батюшка так одухотворялся, по рассказам очевидцев, что входил для вечерни в четыре часа, исповедовал, потом погружался в молитву и так проводил ночь, потом служил обедню и снова оставался в храме. Иной раз, войдя в храм в пятницу, выходил оттуда только в понедельник – не чувствуя ни голода, ни жажды.

«Служение о. Алексия было невыразимо прекрасно. Он весь сосредоточивался и уже ничего не видел в часы служения, кроме Бога. Воздействие сильной души его было таково, так проникало всю церковь, что я всегда инстинктивно угадывал, входя в церковь и не слыша его возгласов, он ли служит», – вспоминал его духовный сын[27].

Нельзя не привести тут свидетельство священника Паозерского о том, как служил утреню св. Иоанн Кронштадтский: «…чтение не выразительное, даже не музыкальное, но подкупает своею прочувствованностью. Вот он читает: «…священницы воспойте, люди превозносите во вся веки». И чувствуешь, что он и сам в это время поет Господа «внутренними своими» и хочет, страстно хочет, чтобы все люди превозносили Его во вся веки»[28].

Митрополиту Исидору часто жаловались на о. Алексия столичные приходские священники, что он, молодой сельский батюшка, исповедует их прихожан. На это митрополит отвечал: «Отчего же ваши прихожане идут не к вам, а к о. Алексию? Он дальше, вы ближе. Постарайтесь стать ближе своим пасомым»[29].

Нельзя не привести еще одно, очень личное, воспоминание духовного сына батюшки. – «Сам о. Алексий, когда исповедовал, являл зрелище необыкновенное. Видно было, что грехи кающегося тяжким камнем падали на его душу. Он переживал их с таким страданьем, точно это были собственные грехи его. Тяжелые вздохи вырывались из его измученной груди, и быстрыми, нервными делаемыми на стороны, знамениями креста он отгонял от исповедника того врага спасения, который ни на секунду не оставляя ее, гонится за душою всякого человека… Много и долго толковал на исповеди о. Алексий, утешая, поддерживая кающегося… Затем он начинал молиться. То не были только слова разрешительной, обычно произносимой молитвы. Он становился у престола на колени и, приникнув к нему головой – любимое в алтаре положение его, молился о душе кающегося, о помощи ей от Бога, об укреплении в борьбе с искушениями. От напряжения молитвы все его тело вздрагивало, и так молился он тайно, сосредоточенно, со вздохами, долго-долго»[30].

А вот еще воспоминание об отце Иоанне Кронштадтском: «…он опустился к подножию престола и, сложив руки на краю его, приник к ним головою. Как раз в это время запели херувимскую песню. Что-то строгое, почти суровое разлилось по лицу его, и я, как в книге читал на нем: “Никто же достоин от связавшихся плотскими похотьми и сластьми приходити, или приближитися, или служити Тебе, Царю славы…” И мне страстно, неудержимо захотелось также вот пасть перед

Верховина

Церковь во имя святой великомученицы Параскевы в деревне Верховина (Средняя Верховина) была построена в 1869–1876 годах по проекту архитектора Алексея Прокофьевича Мельникова. В ее строительстве жителям деревни помогал о. Алексий Колоколов (1836–1902) служивший в те годы сначала в деревне Хотово Новоладожского уезда, а затем в Санкт-Петербурге.

Раньше деревни разделенные речкой Лынной назывались Средняя и Заречная Верховины. Средняя Верховина была православной и в ней и была построена православная церковь. В Заречной же жили староверы и у них была своя молельня. Одна из жительниц рассказывала, что еще до войны, будучи девочкой, она жила в Заречной Верховине. Родители у нее были староверами. Однако она очень не любила ходить в свою молельню, так как она была мрачная и темная. Иконы старого письма еще больше подчеркивали это. Зато она очень любила забегать в православный храм и любоваться его иконами и росписью. За это ей естественно очень попадало дома.

Все убранство церкви сохранялось до Великой Отечественной войны. После революции сняли только кресты. Первыми разорение храма начали немецкие войска, оккупировавшие эту землю. По рассказам местных жителей, немцы, сняв в храме все, что можно, повезли добытое лесными дорогами на юго-запад, к реке Волхов. Однако не доехали, а сгинули в огромных топях, окружающих деревню.

Сейчас храм стоит в полном запустении. От убранства не осталось ничего. Все стены, внутри и снаружи испохаблены местными варварами. В алтаре жгут костры, а стены разрисовали сатанинскими изображениями. Настолько изуродованных надписями и картинками стен вы не увидите больше не в одном заброшенном храме Ленинградской области.

Сайт «Саблино»

престолом Всевышнего и плакать, плакать и «о своих грехах и о людских неведениях»[31].

Сходство внешних проявлений во время служения в храме двух этих замечательных молитвенников, которые, возможно, и не знали друг друга, очень красноречиво. Те же свидетели пишут о «рубашке, словно вынутой из воды» у о. Иоанна, о напряженном состоянии молитвы, выражавшемся «обильным потом», у о. Алексия.

Слова «во исцеление души и тела», произносимые священником, когда он приобщает верных, были для о. Алексия словами, облекавшими его глубокую, пламенную веру в это таинство, и передавались пастве.

«До батюшки о. Алексия ведь все православные причащались не более одного раза в год, и всем казалось диким, когда здоровый с виду человек заявлял, что хочет причаститься в иное время, кроме Великого поста», – пишет его духовная дочь[32]. Действительно, в исповедных ведомостях многих храмов столицы тех лет отмечен только Великой пост.

Особенно о. Алексий наставлял чаще причащаться женщин, которым предстояли роды: благодать при этом передается и младенцу.

Чтобы как можно большее число православных поняли эту святую свою обязанность об исповеди и причастии, о. Алексий издал в 1883 году небольшую, собравшую основные его мысли, книжечку: «Слово о святом таинстве евхаристии». Там он пишет: «…не странна ли и не поразительна слепота тех, кои своевольно удаляются от Святой Чаши?.. Но не менее ужасно встретить и недостойно причащающихся...Свобода требует, чтобы природа наша для приобретения разумной и блаженной жизни сама участвовала в нравственном движении: отсюда и является медленность благодати Божией в деле нашего духовного возрастания… При удалении от сего Источника света Христа что ожидать, кроме дел тьмы и нигилизама?

Чем теперь и богатеет мір…Заблуждающиеся, не прельщайтесь своим суемудрием, но отбросив своеволие, облобызайте слова святой Апостольской Церкви: «Христос единою Себе принес, яко приношение Отцу Своему, присно закалается, освещаяй причащающияся»[33].

Исповедуясь у о. Алексия, один сановник признался в грехе ненависти к людям, стремящимся лишить его доверия Государя. Он никак не мог раскаяться в этом и не желал. О. Алексий не допустил его к причастию и велел, преодолевая злобу, подавать поминовение об этих врагах. «Возможно, они вначале еще более ожесточатся, – сказал батюшка, – но благодать сильнее зла, и они смягчатся». Как он сказал, так потом и случилось.

Одна из духовных дочерей о. Алексия была замужем за человеком не совсем нормальным и опасалась за будущее своих детей, он посоветовал почаще причащать детей. Во младенчестве их приобщали еженедельно, и

Верховина. Храм св.Параскевы

дети выросли здоровыми и физически, и нравственно[34].

Известны случаи, подтверждающие дар прозорливости о. Алексия. «Одна дама была на исповеди у батюшки, – рассказала его духовная дочь, – а дети ее в это время сидели внизу в экипаже. Уходя, она подумала, что надо попросить батюшку благословить ее детей, а в это время батюшка сам подошел к окну и, называя каждого по имени, благословил их.

Молодая девушка приходила при мне просить батюшку благословить ее брак. Три года ранее этого она спрашивала его благословения на брак с мастеровым, и он сказал: «Не советую, а сходи в Казанский собор и Царица Небесная укажет». И вдруг человек, о ком она и мечтать не смела, прислал ей письмо. И тут о. Алексий благословил ее.

Один человек несколько раз бывал у о. Алексия и все забывал мрачная спросить какого числа ему совершать поминовение по своему отцу. Однажды, когда он уходил, забыв опять спросить, о. Алексий, прерывая разговор с другими, сказал: «А память мученика этого празднуется тогда-то…»[35].

Петербург. Георгиевская община

26 ноября 1870 года по инициативе графини Е.Н. Гейден была образована община сестер милосердия, созданная во имя Святого Георгия для безвозмездного ухода за больными и ранеными. Покровительницей стала Цесаревна Великая княгиня (будущая Императрица) Мария Феодоровна. Возглавила общину Е.П. Карцова, сестра милосердия, известная своей деятельностью в Крымскую войну[36], а потом – в Турецкую.

На место настоятеля церкви общины наметили отца Алексия. Как о молитвеннике и целителе душ знали о нем и в придворных кругах. Однако ездить в Хотово к нему было далеко и трудно, легче было перевести его служить в Петербург.

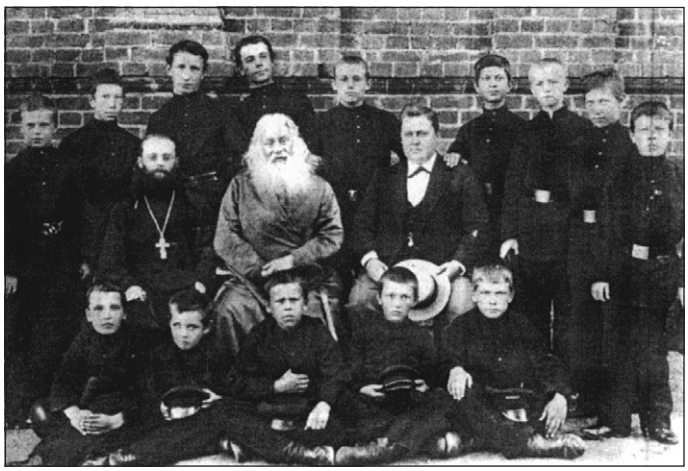
Еще во время строительства хотовской церкви, разъезжая по уезду, отец Алексий узнал о замечательном подвижнике благочестия столетнем старце Амфилохии Реконском, жившем в землянке, скрывавшемся за непроходимыми болотами, восстановившем Реконскую пустынь. Старец через богомольцев вызвал о. Алексия. Тот посетил его. И старец предсказал ему: «Скоро тебя будут звать переселиться в Петербург. Не соглашайся. Останься в Хотове». Но этому совету о. Алексию последовать не удалось. Его долго уговаривали те, кому он не смел отказать.

В 1872 г., 1 октября, «вследствие отношения Ея Императорского Высочества Евгении Максимилиановны, принцессы Ольденбургской, и согласно своему прошению» он был перемещен епархиальным начальством к церкви Георгиевской общины сестер милосердия[37].

Красноречиво свидетельство его духовной дочери из Георгиевской общины: «Сколько им потрачено драгоценного времени на руководство и наставление сестер! Говорил он с каждой отдельно, беседовал с целыми группами, приходившими на исповедь перед посвящением их, сколько неверующих обратил к вере, сколько колеблющихся поддержал… Нет возможности передать его дивных речей о Божией Матери, о воплощении Сына Божия, о блаженствах, о Таинствах Святой Церкви».

«Идешь, бывало на Выборгскую сторону мрачная, угрюмая, унылая и на людей, и ни на что смотреть не хочешь, а возвращаешься к себе радостная, бодрая, словно крылья выросли – тем же людям готова простирать объятия, с которыми прежде тошно было и встречаться, за ту же работу принимаешься, как за что-то священное…»[38].

Санитарный персонал общины насчитывал более двух сотен сестер. Трудились они в разных местах: и в Мариинской больнице для бедных, и в Дворцовом госпитале, и в Клиническом Военном госпитале, и в частных домах, и в своей общине. Среди имен сестер значатся: сестра-настоятельница баронесса Вера Егоровна Врангель, сестра София Николаевна Шамонина, сестра Елена Александровна Колоколова…



Протоиерей Алексий Колоколов с воспитанниками Духовного училища на Успенском острове.

Петербург. Здание Георгиевской общины сестер милосердия. Сампсониевская наб., 9. Фото 1900-х годов

На этом милосердном пути наставлял их о. Алексий. Он сам был милосерден, участь каждого принимал он через сердце, потому и страдал «грудными болями».

Провожая санитарный отряд добровольцев в действующую армию, о. Алексий 22 мая 1877 года в церкви Георгиевской общины произнес речь: «...ничто не удерживает вас от служения братьям нашим, пострадавшим на брани. Патриотизм и ревность по Бозе царят в вашем сердце. После сего, как нам не быть уверенными, что герои Отечества получат от вас истинную отраду и утешение. От плодов ваших познают они, что вы с ними – тоже поборники правды»[39].

Влияние личности отца Алексия, его помощь духовным чадам разных сословий сказалась на благоустройстве общины. Крупные вклады сделали: Император Александр II, митрополит Исидор, купцы отец и сын Елисеевы, граф Платон Зубов, фабрикант Людвиг Нобель. В числе других оказывал материальную помощь из года в год почетный член-благотворитель граф А.Д. Шереметев, содержащий на свой счет диакона, псаломщика и хор певчих при церкви общины. В свою очередь, о. Алексий служил периодически в домашней церкви в особняке графа Шереметева, что на набережной у Литейного моста.

Сначала община находилась на Петербургской стороне у Сампсониевского моста, где устроена была церковь и освящена в присутствии Императорской Семьи 21 декабря 1874 года. В 1879 году начали возводить новое здание Общины с церковью и лазаретные корпуса[40].

Сам батюшка жил в небольшом деревянном доме неподалеку. Его помощником, делопроизводителем Совета Общины стал его зять – надворный советник Михаил Иванович Скипетров, родной брат будущего новомученика петроградского протоиерея Петра (†1918).

В клировой ведомости за 1892 год церкви Святого Георгия записано, что в семействе у о. Алексия дочь Варвара, а Михаил Скипетров значится там как чиновник Государственного Контроля[41].

Больница общины имела первоначально корпуса для терапевтических больных, перевязывать хирургических

Протоиерей Алексий Колоколов в окружении строителей здания общины св. Георгия: князя И.А. Накашидзе, Е.П. Карцовой, Е.И. Брагина, Н.П. Богоявленского, Н.А. Мельникова, П.В. Юшкова, А.Ф. Матушевича, графини Е.Н. Гейден. 1890-е годы

больных приходилось или в общих палатах или в ванных комнатах, служивших нередко и для проведения операций. Только в 1888 году, когда отец Алексий принял на себя заботы по изысканию денежных и других средств для сооружения нового здания, хирургический корпус был выстроен, снабжен мебелью, инструментами и необходимым хирургическим инвентарем. Помещение было торжественно освящено 2 декабря 1888 года в присутствии Государыни Императрицы Марии Феодоровны. «Нужна была вся энергия и все горячее участие, словом и делом, неутомимого сотрудника о. А.П. Колоколова, сумевшего отыскать и воодушевить жертвователей»[42].

«Ввиду громадных заслуг перед Общиной настоятеля ея церкви протоиерея А.П. Колоколова членами Общины были собраны 3000 рублей на устройство в хирургическом бараке кровати его имени».

Храмоздательство и благотворительность

Для записи всех наград и поощрений о. Алексия в клировой ведомости у Георгиевской общины просто не хватает места. Вот некоторые вехи его жизни того периода:

2 июля 1876 г. Митрополитом Новгородским, С-Петербургским и Финляндским возведен в сан протоиерея.

18 апреля 1881 г. По засвидетельствованию Святейшего Синода об отлично-усердной службе Всемилостивейше сопричислен к ордену Святой Анны 3-й степени.

11 мая 1881 г. Министром внутренних дел утвержден Попечителем Богоугодных заведений на Успенском острове Новоладожского уезда.

15 мая 1883 г. За отличное служение Церкви Всемилостивейше пожалован в день Коронации Их Импера-

Сестры милосердия в амбулатории Алексеевского общества. 1900–1910-е гг. Фотограф И.М. Пономарев

Сестры милосердия Свято-Георгиевской общины. Петроград. Фото 1915 г.

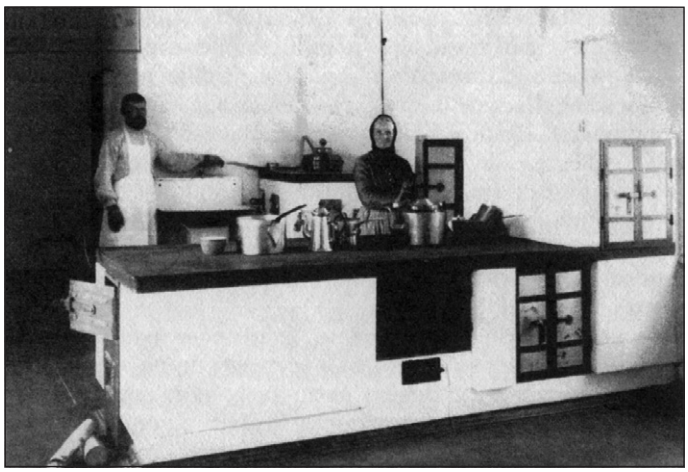
Киев. Введенский женский монастырь, в устройстве которого деятельное участие принимал о. Алексий.

торских Величеств золотым крестом с бриллиантовыми украшениями из Кабинета Его Величества.

25 января 1884 г. За благотворное влияние на общину вообще и на подготовляемых к трудным обязанностям сестер милосердия в особенности Ее Императорское Величество Государыня Императрица изволила в знак особенной признательности пожаловать свой фотографический портрет, украшенный Царскою Короною при бумаге №357.

24 мая 1889 г. Награжден наперсным крестом на Красной ленте Патриархом Иерусалимским Никодимом[43].

Нам известно, что митрополит Петербургский Исидор знал семью Колоколовых и со вниманием относился к о. Алексию, ценил его способности как строителя храмов, не раз приносил в дар возведенным о. Алексием церквам прекрасные иконы, ценную утварь. Неудивительно поэтому, что однажды он привлек о. Алексия к строительству обителей в Киеве. Сам митрополит Исидор (Никольский) не порывал связей своих с Киевом: в Петербург из Киева он был перемещен в 1861 году. Митрополит прислушивался к просьбам, исходившим от священников и благочестивых жен, пользуясь, в свою очередь, помощью других.



Успенский остров. Больничная кухня. Фото начала XX века

Киевская Свято-Введенская женская община была задумана Матроной Александровной Егоровой, которая родилась в Силистрии (Болгария) в 1810 году. Потеряв мужа, она переселилась в Киев и, скупив здесь ряд домов в районе Печерки, испросила у митрополита Киевского Филофея разрешения учредить здесь общину на 33 человека вдов и сирот. Кроме земли с домами, она представила основной капитал в 21 тысячу рублей. Однако скоро деньги кончились. Делу помог митрополит Исидор, он близко к сердцу принял нужды М.А. Егоровой. Ее рассказы о снах и видениях, явленных ей, нашли отклик в душе митрополита, которому самому бывали откровения свыше. Митрополит Исидор направил в Киев о. Алексия, зная, как много ему жертвуют его духовные чада. В течение двух лет о. Алексий подолгу бывал в Киеве, свидетельствовала его духовная дочь, прихожанка Георгиевской церкви, и потратил на строительство 80 тысяч, собранных им[44]. Замечательный иконостас Введенского храма общины был выполнен и установлен петербургским мастером Пошехоновым. Освящение Введенского храма совершил 14 (27) ноября 1878 года митрополит Киевский и Галицкий Филофей. М.А. Егоровой не довелось там присутствовать, она скончалась в Петербурге 9 (22) марта того же года, приняв перед смертью иноческий постриг с именем Димитра. Монахиня Димитра была временно похоронена в Александро-Невской лавре, а 7-8 (20-21) августа 1878 года с Высочайшего разрешения ее прах был перевезен в Киев и захоронен в нижнем этаже общины в склепе, где спустя год была устроена и освящена церковь св. вмч. Димитрия*[45].

С благословения митрополита Исидора и по приглашению Великой Княгини Александры Петровны, в иночестве – Анастасии, как свидетельствует архимандрит Никодим, о. Алексий участвовал также в устройстве ее Покровской общины в Киеве. Других, более подробных, свидетельств и документов, правда, пока не имеется.

Находясь в Киеве, о. Алексий духовно близко общался с митрополитом Киевским Филофеем, которого всегда поминал за богослужением. Там же встретился с известным старцем Ионой[46].

Всего около двадцати храмов построил и благоустроил о. Алексий за свою жизнь, при его деятельном участии были сооружены храмы не только в Петербургской губернии, (в Новоладожском уезде и в Куйвози), но и в с.Ляхи Владимирской губернии. Все постройки хранят, как говорит современник, следы его тонкого вкуса, и невозможно подвести итог вложенным им в строительство средствам: «Безденежье часто тяготило его. И бывали дни, когда он, выдав за несколько дней до того целый капитал, радовался, как ребенок, какой-нибудь трехрублевой бумажке».

Как дети, которые, если любят кого-то, то не жалеют ничего, так и он вкладывал в дело, которому служил, все средства и самого себя без остатка.

Успенский остров

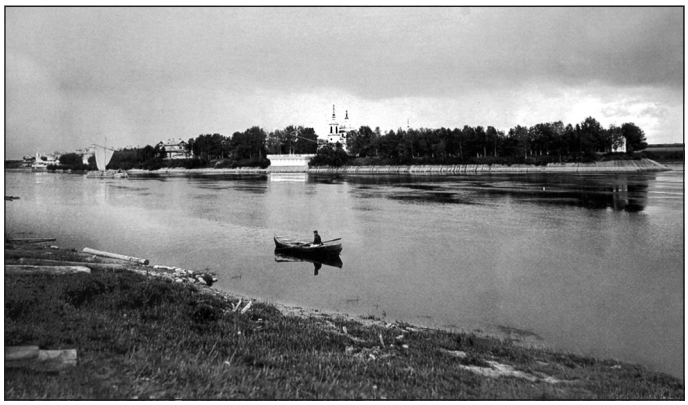
С первых лет своего служения в общине Святого Георгия о. Алексий не забывал о своей родине. Быть может, во многом в решении перевестись в Петербург сыграла роль возможность помогать приходам Новоладожского уезда.

С мая 1871 года он занимал место Председателя Хотовского приходского Церковного попечительства. С 1874 по 1890 год состоял членом комиссии по постройке церкви в с. Помялово.

За пожертвование на ремонт приходского дома церкви села Хотова ему в июле 1878 года преподано благословение Святейшего Синода с выдачей грамоты. В ноябре 1891 года за изыскание средств по обновлению древнего Предтеченского храма в с. Прусыне преподано благословение Святейшего Синода с выдачей грамоты[47]. Все это – записи из клировой ведомости Георгиевской церкви за 1892 год.

Но, наверное, главным делом жизни о. Алексия стал Успенский остров. Напротив села Прусыни посредине р. Волхова, на островке, – позже он стал называться Успенским, – памятном отцу Алексию по его детским играм, он устроил целый городок – истинно райский уголок.

Осталось подробное описание острова: «…Воздух чистый, свежий, около островка луга, ароматом веет от лугов и лесов, и звон колоколов далеко разносится в окрестностях…



Успенский Остров. Фото 1900-1910 годов

На одном конце острова находится церковь во имя Успения Божией Матери… От церкви по прямой линии вдоль острова идет широкая аллея. Налево сначала два дома, а потом рощица. Направо – ряд зданий: три причтовых дома, Успенский детский приют, больница, богадельня более чем на 100 человек, другие дома и ограда. Здания построены несколько в древнерусском стиле, частью каменные, частью деревянные, удобные и чистые. На конце острова часовня в виде церкви. Везде масса зелени, клумбы, цветники, беседки, аллеи березовые, сосновые и еловые. Везде чистота, порядок, масса вкуса и следы многих трудов. Кругом островок обнесен оградкою. В левом рукаве Волхова купальня, лодки, в правом пароходная пристань и терраса... Отрадное, жизнерадостное впечатление тишины и мира!»[48].

Начало этому чуду положила духовная дочь о. Алексия Анна Ивановна Скворцова, рожденная Шабельская. Дочь генерала, она с детства хотела посвятить себя Господу. Ее уговорили выйти замуж, и она вскоре неизлечимо заболела, оставаясь недвижной до конца жизни. Ее хлопотами остров передали о. Алексию.

* Первой игуменией общины назначили рясофорную послушницу Новгородского Десятинного монастыря Евфалию (Евпраксию Лебедеву). 30 апреля (13 мая) 1901 года община стала монастырем. В 1930-е годы монастырь закрыли. В 60-е годы захоронение м. Димитры было перенесено на киевское Зверинецкое кладбище. В 1992 году при Введенском монастыре образовалась мужская община, которую возглавил игумен Дамиан. И 8 (21) августа гроб м. Димитры крестным ходом был перенесен в помещение нижнего храма. В конце XX века в Киевском Введенском монастыре на стекле образа Божией Матери «Призри на смирение» проявился нерукотворный отпечаток этого образа, особо почитаемый народом.

Успенский Остров. Здание больницы. Фото 1907 года

Успенский остров. Трапезная больницы. Фото нач. XX века

Сначала был построен дом, где перед постелью болящей стояла большая икона Иверской Божией Матери в ризе, украшенной фамильными драгоценностями Шабельских. Умирая в 1883 году, Анна Ивановна завещала наследникам выплатить капитал, обеспечивающий содержание приюта и церкви.

Церковь Успения Богородицы с приделом во имя святителя Тихона Задонского была построена в 1876 году, к церкви примыкал дом отца Алексия. Богослужения там стали ежедневными. Служили Литургии в день праздников, молебны Божией Матери, свв. Николаю, Спиридону, Митрофану, Тихону и Феодосию, свв. великомученикам Георгию, Пантелеимону, прп. Антонию Римлянину и прп. Алексию, человеку Божию, наиболее чтимым о.Алексием святым.

На Успенском острове о.Алексий проводил летнее время, сам наблюдал за всеми работами. На лето приглашал он учеников-сирот Александро-Невского Духовного училища, заботясь о них, как о родных детях. В 1893–1901 за девять каникул по два месяца ежегодно у него побывало более ста человек. Там были сироты нашего духовенства и славяне, и американцы, и греки, и немцы – дети посольского духовенства.

С уходом из жизни о. Алексия, по словам архимандрита Никодима, «Успенский островок остался без хозяина. Призреваемые в богадельне старцы, старицы и дети были здесь истинно под его крылышком, и тяжко осиротели они, лишившись своего отца и благодетеля»[49].

В память вечную жив будет праведник.

Скончался о.Алексий в С.-Петербурге 29 января 1902 года. Похороны о. Алексия показали искреннюю любовь к нему православного люда разных сословий. 30 января в 3-м часу дня собором духовенства совершена была панихида. В 6 часов вечера совершен был вынос тела в церковь Георгиевской общины. 31 января заупокойную литургию отслужил преосвященнейший Иннокентий, епископ Нарвский в сослужении архимандрита Никодима, протоиереев Ф.Н. Орнатского, П.И. Скипетрова, Д.Н. Заозерского, Н.В. Соболева, А. Сперанского, Н. Травинского, А.Ф. Каминского и многих других. Чин отпевания длился два часа. Здесь, прежде всего, присутствовали священники, родственно близкие о. Алексию: Николай Соболев – родной племянник, сын сестры, а также Петр Скипетров, брат зятя, и Философ Орнатский – женатые на родных сестрах Заозерских.

На богослужении присутствовали: граф Н. Гейден, князь Мещерский и князь Накашидзе, врачи общины Е. Боткин и А. Коренев, графини М. Шереметева, О. и Е. Гейден, М. Мусина-Пушкина, генералы Кропоткин и Кузьмин-Караваев, игумения Новодевичьего Воскресенского монастыря мать Валентина, начальница Георгиевской общины баронесса В. Врангель.

Траурная колесница проследовала по набережной Невки, по Финляндскому проспекту, через Литейный мост, по Литейному и Невскому проспектам – к Лавре. Тысячные толпы народа, перезвон колоколов, частые литии, сонм духовенства… Гроб был временно поставлен в склеп Никольской кладбищенской церкви, чтобы весной перевезти его на Успенский остров[50].

О том, кем был для православных священник Алексий Колоколов точно выразил в своей речи, сказанной за литургией по запричастном стихе протоиерей Философ Орнатский, будущий новомученик:

«Это был из ряда вон выходящий пастырь, особенный и в своем роде единственный… Отец Алексий был по преимуществу великий молитвенник за свою паству и ее духовный наставник... Кто из его духовных чад не умилялся духом при совершении им Божественной литургии, в его служении особенно продолжительной, которую

Надгробие о. Алексия Колоколова, его родителей и духовных чад. Современный вид.

Надгробие о.Алексия, перевезенное с Успенского острова на Сиглинку, и ныне находящееся на его могиле в Прусынской Горке

он переживал всем существом своим? Как он старался сообщить свое настроение и всем предстоящим в храме, требуя от сослужителей благоговейного служения, вознося в слух всех возгласы, обычно читаемые тайно, подолгу удерживая причастников у Чаши с призыванием на них очистительной благодати Святаго Духа! Только очевидцы тайнодействия в алтаре почившего о. Алексия знают, с каким пламенным чувством он относился к Божественной Жертве…

В чем будем находить утешение в лишении своего наставника: в подражании его вере через благотворение, да продолжается его жизнь в нашей жизни. Да живет он в вечной памяти святой Церкви, как живет он по духу, ибо, скажем словами Господа,не умер брат и отец наш, но спит»[51].

Примечания:

[1] ЦГИА СПб. Ф. 19, оп. 111, д. 548, л. 419.
[2] ЦГИА СПб. Ф. 253, оп. 3, д. 2237, л. 13.
[3] ЦГИА СПб. Ф. 19, оп.127, д. 178.
[4] «Церковь Бога Живаго». Дорогой памяти незабвенного духовника. С-Пб., 1907.
[5] ЦГИА СПб. Ф. 19, оп. 124, д. 181, л. 20.
[6] ЦГИА СПб. Ф. 19, оп. 113, д. 1054, л. 100.
[7] «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX вв. Январь». /Сост. архимандрит Никодим/, М., 1906. С. 174-197.
[8] ЦГИА СПб Ф. 19, оп. 124, д. 185, лл. 57 об.-58.
[9] «Церковь Бога Живаго». Дорогой памяти незабвенного духовника. С-Пб, 1907.
[10] *Родосский А.С.* «Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов С-Петербургской Духовной академии. 1814 –1869». СПб, 1907.
[11] ГАТО. Ф. 575, оп. 1, д. 939.
[12] *Родосский А.С.* «Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов С.-Петербургской Духовной Академии. 1814 –1869». СПб, 1907.
[13] «Церковь Бога Живаго». Дорогой памяти незабвенного духовника. С-Пб, 1907.
[14] ЦГИА СПб. Ф. 730, оп. 1, д.1, л. 103.
[15] ЦГИА СПб. Ф. 266, оп.1, д. 381-а
[16] ЦГИА СПб. Ф. 266, оп.1, д. 381-а, л. 129.
[17] «Церковь Бога Живаго». Дорогой памяти незабвенного духовника. С-Пб, 1907.
[18] «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX вв. Январь». /Сост. архимандрит Никодим /, М., 1906, С. 174-197.
[19] *Поселянин Е.* «Протоиерей Алексей Петрович Колоколов». (Воспоминания духовного его сына) – «Прибавление к церковным ведомостям», 1902, № 7.
[20] ЦГИА СПб. Ф.19, оп.113, д. 1946.
[21] «Церковь Бога Живаго». Дорогой памяти незабвенного духовника. С-Пб,1907.
[22] «Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии». СПб, 1884.
[23] «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX вв. Январь». /Сост. архимандрит Никодим /, М., 1906, С. 174-197.
[24] ЦГИА СПб. Ф. 266, оп.1, д. 381-а
[25] «Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии». СПб, 1884.
[26] «Церковь Бога Живаго». Дорогой памяти незабвенного духовника. С-Пб, 1907.; «Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии». СПб, 1884.
[27] *Поселянин Е.* «Протоиерей Алексей Петрович Колоколов». (Воспоминания духовного его сына) – «Прибавление к церковным ведомостям», 1902, № 7.
[28] *Паозерский М.* «Впечатления первого сослужения о. Иоанну (Сергиеву) Кронштадскому на Божественной литургии. – «Санкт-Петербургский духовный вестник»,1897, № 32, 619.
[29] «Церковь Бога Живаго». Дорогой памяти незабвенного духовника. С-Пб, 1907.
[30] *Поселянин Е.* «Протоиерей Алексей Петрович Колоколов». (Воспоминания духовного его сына) – «Прибавление к церковным ведомостям», 1902, №7
[31] *Паозерский М.* «Впечатления первого сослужения о. Иоанну (Сергиеву) Кронштадскому на Божественной литургии. – «Санкт-Петербургский духовный вестник»,1897, № 32, 619.
[32] «Церковь Бога Живаго». Дорогой памяти незабвенного духовника. С-Пб, 1907.
[33] *Колоколов А.П.* «Слово о святом таинстве евхаристии», СПб, 1883
[34] *Поселянин Е.* «Протоиерей Алексей Петрович Колоколов». (Воспоминания духовного его сына) – «Прибавление к церковным ведомостям», 1902, № 7.
[35] «Церковь Бога Живаго». Дорогой памяти незабвенного духовника. С-Пб, 1907.
[36] «Исторический очерк Общины сестер милосердия Святого Георгия. За 25-летие. 1870–1895». СПб, 1895.
[37] «Отчет Общины Святого Георгия за 1903 год». СПб, 1903.
[38] «Церковь Бога Живаго». Дорогой памяти незабвенного духовника. С-Пб., 1907.
[39] *Колоколов А.П.* «Подвиг спасения, вызываемый особыми обстоятельствами» (Речь по случаю отправления санитарного отряда, состоящего из добровольцев, к месту действующей армии). СПб, 1877.
[40] «Исторический очерк Общины сестер милосердия Святого Георгия. За 25-летие. 1870-1895. СПб, 1895.
[41] ЦГИА СПб. Ф. 19, оп. 113, д. 3634., л. 255.
[42] «Исторический очерк Общины сестер милосердия Святого Георгия. За 25-летие. 1870-1895. СПб, 1895.
[43] ЦГИА СПб. Ф. 19, оп. 113, д. 3634., л. 255.
[44] «Церковь Бога Живаго». Дорогой памяти незабвенного духовника. С-Пб, 1907.
[45] «Свято-Введенская обитель». Киев,Свято-Введенский мужской монастырь, 1998.
[46] «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX вв. Январь». /Сост. архимандрит Никодим /, М., 1906, С. 174-197.
[47] ЦГИА СПб. Ф. 19, оп. 113, д. 3634., л. 255.
[48] «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX вв. Январь». /Сост. архимандрит Никодим /, М., 1906. С. 174-197.

[49] «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX вв. Январь». /Сост. архимандрит Никодим /, М., 1906. С. 174–197.

[50] *А. Н. /Архимандрит Никодим/* Памяти протоиерея о. Алексея Петровича Колоколова. – «Церковный вестник», 1902, 36. С. 172–174.

[51] *Орнатский Ф.Н.* «Пастырь-духовник и благотворитель. Памяти протоиерея А.П. Колоколова». Из речи у гроба при отпевании – «Православно-русское слово», 1902, № 4. С. 294-299.

Использованы также материалы с сайта «Саблино» (http://www.sablino.ru)
Редакция благодарит авторов и администраторов сайта.

К сожалению, жестокий XX век обратил в руины почти все творения о. Алексия «Хотовского» в Приладожье. Не сохранилась Никольская в п. Куйвози Всеволожского района, разрушена церковь св. вмц. Параскевы в Средней Верховине, комплекс милосердных учреждений на Успенском острове пришел в запустение, в 1964 году его покинули последние обитатели –инвалиды областного дома социального обеспечения… Лишь в забытой «бесперспективной» Волховской деревушке Хотово как упрек и напоминание нам, потомкам, стоит полуразрушенная каменная церковь Введения Божией Матери во храм, сохранившая даже в унижении и запустении следы былой красоты.

К великой скорби, судьбу своих творений повторил посмертно сам строитель – протоиерей Алексий Колоколов, останки которого неоднократно выносились из земли. Захороненные 31 января 1902 г. в Успенской церкви Успенского острова, в 1935 г. останки о. Алексия были вынесены за пределы острова новыми его хозяевами, и тогда-то, без огласки, были перезахоронены верующими. За годы богоборчества и военной разрухи место захоронения о. Алексия было утрачено, и лишь в 2002 г., благодаря помощи верующих людей, было обретено вновь в руинах церкви св. Алексия человека Божия на Сиглинке. Но, учитывая поруганное состояние захоронения, его отдаленность и беззащитность на малопосещаемом погосте «Сиглинка», с благословения митрополита С.-Петербургского и Ладожского Владимира, останки протоиерея Алексия Колоколова были перезахоронены по церковным канонам на родине о. Алексия, на сельском кладбище с. Прусына Горка, возле родительской могилы. Совершил перезахоронение настоятель Волховского храма Архангела Михаила – о. Андрей Яхимец.

УСПЕНСКИЙ ОСТРОВ

Он назвал «Успенским» остров,
Основал на нем приют,
Там теперь пустыня просто…
Только ангелы поют
Нам о старце том хорошем,
Что призрел детей-сирот…
Плачут ангелы о прошлом…
Слух идет из рода в род
Об отце, об Алексие:
«Он молитвой исцелит!»
Слава Богу, жил в России,
И в России не забыт
Храмоздатель и учитель,
И отец округи всей,
Пастырь и благотворитель,
Колоколов Алексий…

Чтоб возрадовался пастырь,
Подобает грешным нам,–
Несравненным и прекрасным
Возродить Успенский храм.

Ирэна Сергеева

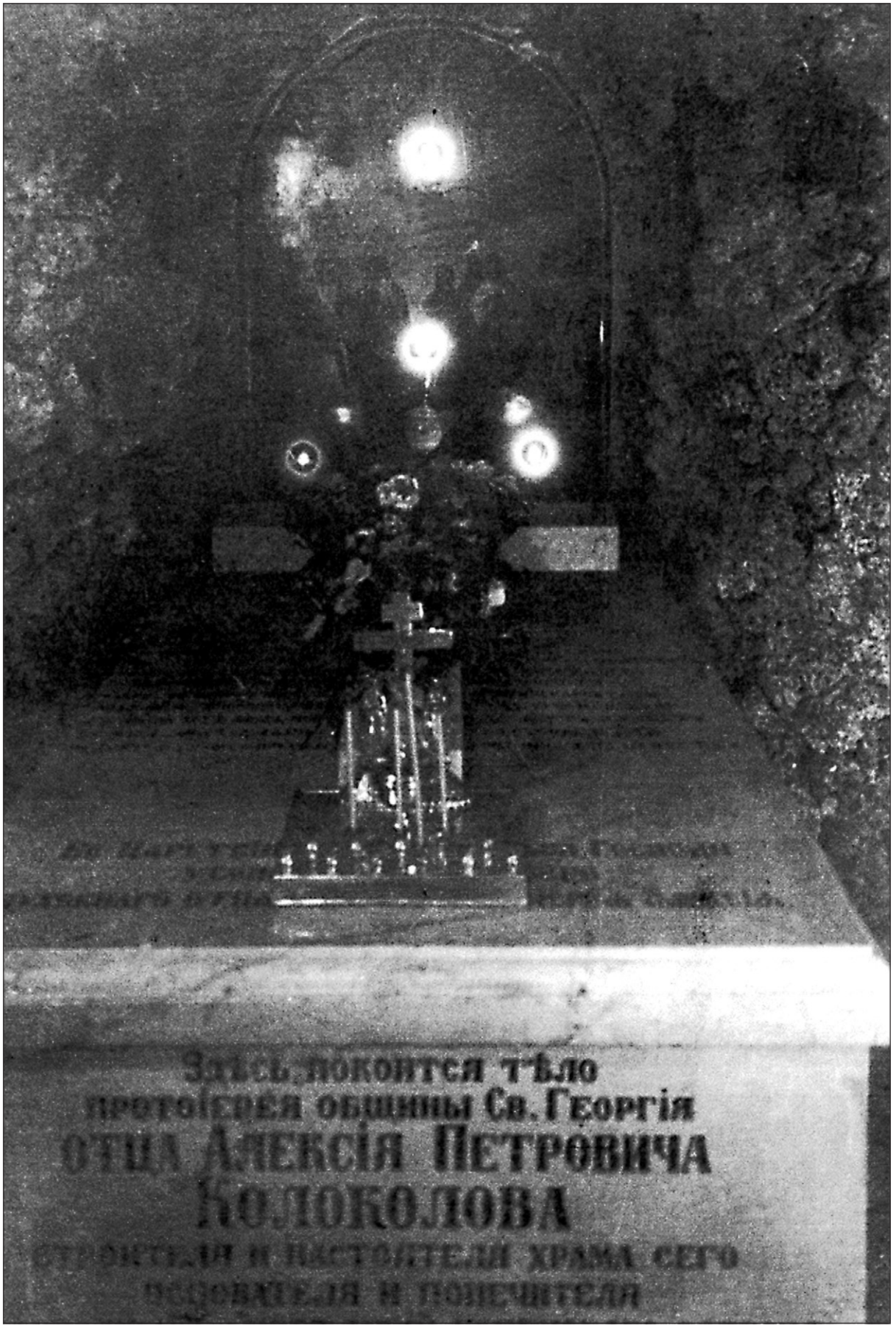
памяти
Николая Федоровича
Шверикаса

ПОМОЛИМСЯ

Помолимся за тех, кто храмы возводил,
Кто собирал по грошику, хоть малость,
Через века чьих не нашлось могил,–
Помолимся за то, чтоб отыскались...

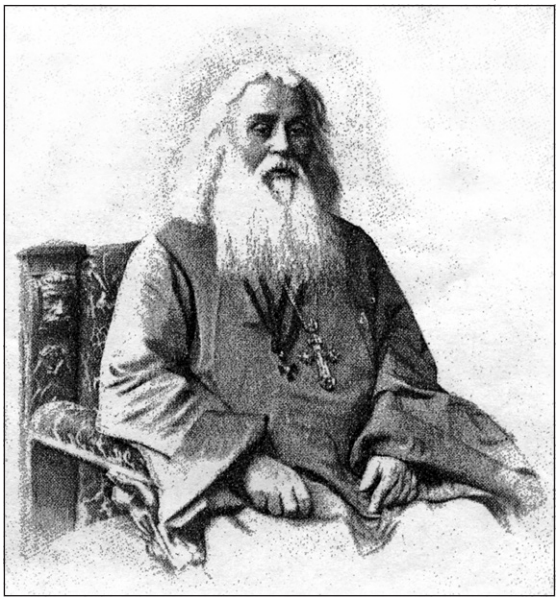
Помолимся за тех, кто храмы освящал
И похоронен рядом с алтарями,
Но чьи надгробья революций вал
Сравнял с землей лихими октябрями

Помолимся за тех, кто нашу память спас, –
Возвысил глас за пастырей, воспел их...
Да примет их в Свою обитель Спас!
Да не угаснет их благое дело!..

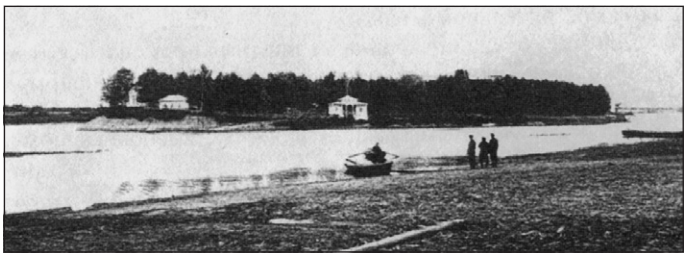


Усыпальница протоиерея Алексия Колоколова под Успенским храмом при здании благотворительных учреждений Алексеевского общества на Успенском острове. Фото 1910-х годов

Успенскій



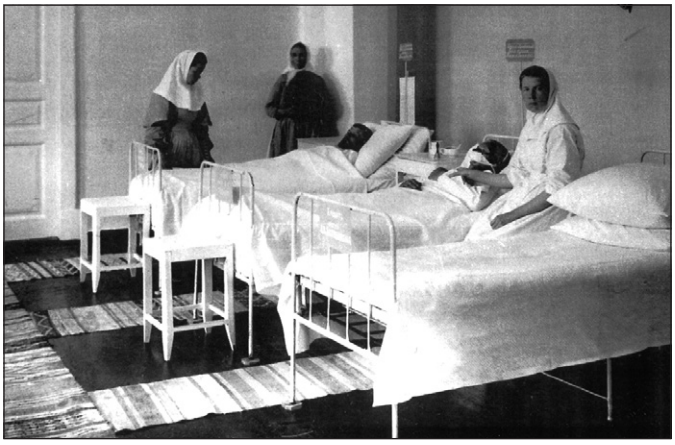
Протоиерей Алексий Колоколов



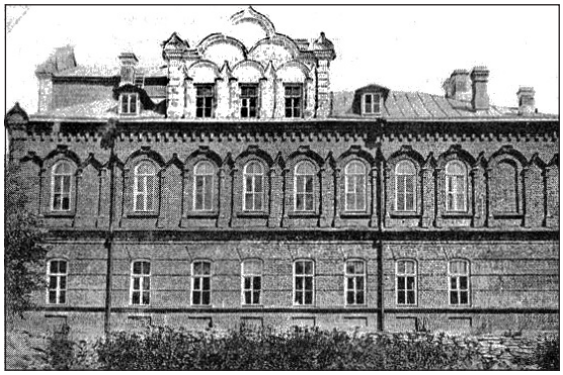
Вид на Успенский остров. Фото начала XX века

Когда едешь мимо угрюмых однообразных берегов Волхова и вдруг видишь зеленеющий вдали, с красными зданиями, крестами и куполами островок – зрелище поражает и ласкает глаз. И какое тут в летнюю пору оживление, когда по острову бегают ученики петербургского Духовного училища, которым отец Алексий предлагал гостеприимство и всё содержание. Когда в праздничный день с обоих берегов в лодках подплывает к островку воскресное принаряженное население и в храме, где тесно от молящихся, идет неспешная служба. А деятельность кипит, кипит ...

«Церковные ведомости» 1902 г.



Сестры милосердия
в палате мужского отделения больницы



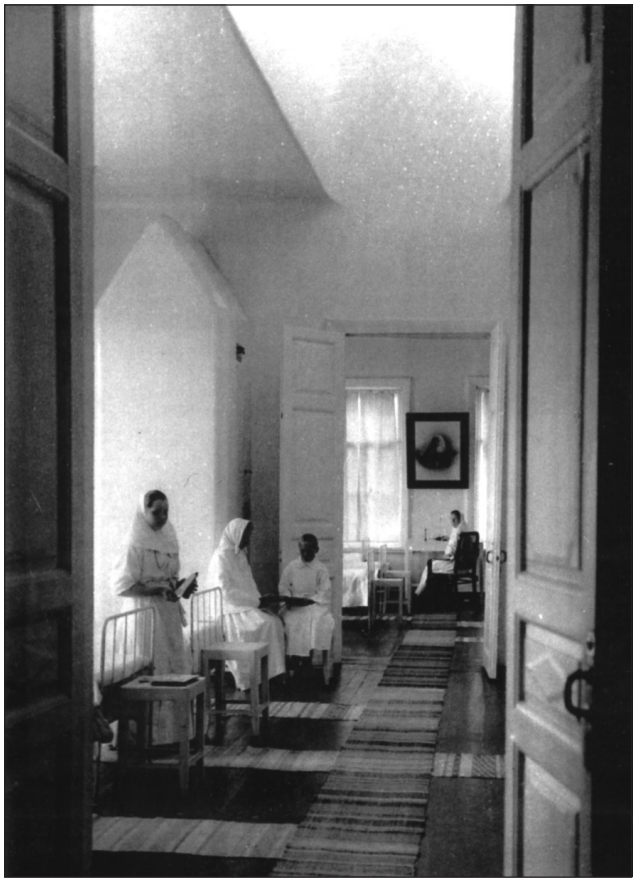
Здание больницы с инфекционным
(заразным) отделением

Общий вид Успенского острова

островъ

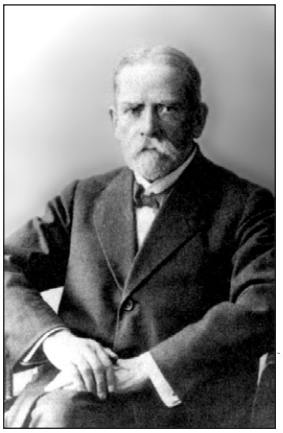
Правый (южный) придел свт. Тихона Задонского Успенской церкви на Успенском острове

Одна из комнат для проживания призреваемых в богадельне на Успенском острове



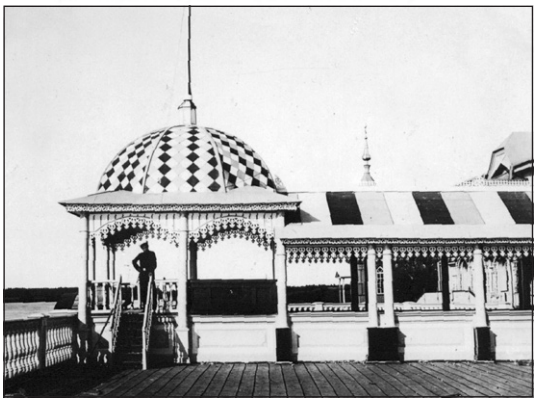
Вид палаты хирургического отделения больницы

Внутреннее убранство Успенской церкви



Купец Адриан Дмитриевич Ветошников (1853–1936) – один из благотворителей Успенского острова

Успенскій



Успенский остров. Причал. Фото 1900-х годов

По Волхову мы плыли спокойно. Временами встречались селения – на левом берегу деревня Прусыня и Прусынская Горка.

Стали приближаться к какому-то островку. Подойдя ближе, пароход пошёл медленнее ... Островок отличается оригинальной местностью.

Своими очертаниями он очень похож на половину огурца. Лепятся домики в таком причудливом виде, что в общем, островок напоминает скорее громадных размеров детскую игрушку, чем людское обиталище. Домики различных величин, с угловатыми и просто круглыми окнами; крышами всевозможных наклонностей; над ними высятся разные башенки, чердаки, шпили. По фасаду у каждого домика имеется балкон или терраса. Все строения пестреют самыми яркими веселыми красками; всюду видна вычурная резьба, в русском вкусе. Островок обрамлен деревьями, ветви которых лезут в окна, на крыши, так что одни домики глядят среди зелени, а другие как бы прячутся в ней. На мыске острова, где течение бьет сильнее и бывает напор льда, устроен ледорез: под острым углом укреплено бревно с железной полосой, а от него лучами, в наклонном направлении, положен на землю пластинник. Таким образом, мысок, сплошь покрытый деревом, совершенно гладкий, вполне гарантирует островок от размывания и разрушения ледоходом. Над ледорезом помещается роскошный павильон с колоннами и разноцветными стеклами, от которого по мысу и вглубь островка тянется великолепный сад. У берега стоит миниатюрная пристань, представляющая собой красивый сквозной домик. На островке два храма, их кресты высоко блестят на солнце. Немного выше их возвышается какая-то круглая башня, наподобие обсервационного поста. Башня поднимается от крыши большого каменного дома, вновь построенного, но оставленного пока вчерне. Словом, островок так чуден, что земной обыватель, смотря на него, невольно переносится мыслями в сказочный мир.

Я осведомился у шкипера о владельцах этого прекрасного уголка.

– Сам островок и все дома, на нем находящиеся, принадлежат протоиерею Алексию Колоколову, который состоит священником при тамошней церкви Успения Богородицы, почему это местечко и называется Успенским островком, – объяснил шкипер.

– Как же церкви очутились на частной земле?

– Они сооружены на средства отца Алексия. Вон и богадельня с башней строится им же, и пристань его.

– Отчего же вы проходите ее?

– К ней мы причаливаем в том случае, когда привозим или берем с острова батюшку, а для прочих пассажиров, живущих здесь на даче, только пускаем пароход тише. Впрочем, останавливаемся иногда у пристани для княгини Мещерской, тоже проживающей на острове.

А. Г. Слезкинский. Путевые заметки

«...При своевременной энергичной поддержке была бы возможность упрочить и расширить в будущем эти учреждения, которые служат таким благим целям и удовлетворяют настоятельным потребностям всего местного края».

о. Алексий Колоколов

Имея влиятельных, богатых прихожан, он значительные средства тратил на милосердные дела у себя на родине в Новоладожском уезде. Для него было обычным помочь в сооружении храма или выстроить крестьянину богатую избу. Но главной мечтой отца Алексия было создание такого места, куда, как он говорил, «придет и страждущий телом, и страждущий духом, и неимущий, и обиженный судьбою, и старики, и дети, все жаждущие света для ума, тепла для сердца, помощи в бедствии, труда в безработице».

Для устройства такого места отец Алексий решил выбрать небольшой островок на Волхове при впадении в него речки Прусыни. В середине XIX века этот островок, площадь которого составляла чуть больше четырех гектаров, назывался Прусынским, был необитаем и почти весь покрыт лесом. Благодаря богатому пожертвованию одной знатной дворянки отцу Алексию удалось выкупить островок у государства и приступить к осуществлению главной мечты.

Кто же была эта щедрая покровительница? Анна Ивановна Скворцова, урожденная Шабельская.

За далью лет и скудностью сведений сегодня трудно с уверенностью сказать, когда именно и при каких обстоятельствах познакомился с ней отец Алексий. Может, в период сооружения уже упоминавшегося красивого каменного храма в селе Хотово.

В «Историко-статистических сведениях о Санкт-Петербургской епархии» говорится, что при его возведении в 1863–1867 годах «из привлеченных отцом Алексием жертвователей на церковь особенно усердствовала генеральша Скворцова и академик Мельников».

Об академике Мельникове скажем позже, а пока поведем речь о генеральше. Точнее, о жене действительного статского советника Анне Ивановне Скворцовой, которая была дочерью генерала Шабельского.

О нем можно написать целый рассказ, но ограничимся лишь некоторыми фактами его биографии.

Иван Петрович Шабельский участвовал в Отечественной войне 1812 года, затем служил в лейб-гвардии Семеновском полку, откуда был переведен в кавалерию.

В 1821–1827 годах он командовал прославленным Нижегородским драгунским полком, приняв его от князя Александра Герсевановича Чавчавадзе, на дочери которого был женат Грибоедов.

Во время Персидской войны Шабельский был награжден орденом Святого Георгия и золотой саблей с надписью «За храбрость». Сдав Нижегородский полк Николаю Николаевичу Раевскому, сыну знаменитого генерала и другу Пушкина, Иван Петрович стал командовать кавалерийскими дивизиями, а затем корпусом. В 1850 году его наградили орденом Святого Александра Невского и произвели в генералы-от-кавалерии.

Его жена, Надежда Апполинариевна Шабельская, в молодости была настолько красива, что ее портрет в числе других красавиц высшего европейского общества поместили в галерее Мюнхенского королевского дворца.

Одна из дочерей Шабельских, Ольга Ивановна, стала фрейлиной Высочайшего Двора. Другая же, Анна, решила посвятить свою жизнь Богу. Когда родители все-таки уговорили ее выйти замуж, то через несколько лет после свадьбы Анна заболела неизлечимой болезнью, навсегда приковавшей ее к постели. Спустя некоторое время духовным отцом больной женщины стал отец Алексий. Он исповедовал ее и, несомненно, чувствовал и понимал душу Анны Скворцовой, помогая ей преодолевать невероятные страдания. В ответ, она глубоко чтила своего духовного наставника. Они вместе сделали все, чтобы превратить уединенный островок на Волхове в место благотворения и милосердия.

островъ

Сначала здесь построили дом, где перед постелью Анны поставили большую икону Иверской Божьей Матери чудесного письма, в ризе, украшенной фамильными драгоценностями Шабельских. В 1876 году возвели каменную церковь Успения с приделом во имя Тихона Задонского. С той поры островок посреди Волхова стали называть Успенским.

В 1883 году Анна Ивановна Скворцова скончалась. Местом ее упокоения стал Успенский остров, а именно склеп, сооруженный прямо под церковью.

Вскоре при этом храме на завещанные покойной средства открылась богадельня, детский сиротский приют и церковно-приходская школа. Еще при жизни Анны, 11 мая 1881 года, был утвержден устав больницы на Успенском острове.

С северной стороны церкви к ней примыкал большой двухэтажный каменный дом, в котором во время частых приездов жил отец Алексий Колоколов, и где он принимал многочисленных богомольцев. В этом доме находили приют для жизни, близкой к иноческой, люди из образованного класса, для которых не подходила богадельня.

Постепенно постройки на Успенском острове расширялись, а их благотворительная деятельность увеличивалась.

Держась исконных заветов русского народа, учреждения Успенского острова становились тем, чего недоставало в нашем крае – учреждениями милосердия. По сведениям 1899 года на острове были богадельня на 25 мужчин и 80 женщин, детский приют на 25 человек, работала церковно-приходская школа и больница. Задуманное отцом Алексием благородное дело все больше претворялось в жизнь. Но 29 января 1902 года волховского подвижника не стало ...»

Говоря о своем любимом детище – Успенском островке и созданных здесь благотворительных учреждениях, – отец Алексий незадолго то смерти писал: « ...при своевременной энергичной поддержке была бы возможность упрочить и расширить в будущем эти учреждения, которые служат таким благим целям и удовлетворяют настоятельным потребностям всего местного края».

Вслед за знаменитым Оптинским старцем Амвросием отец Алексий мог сказать: «Я зажег фитиль, теперь ваше дело поддерживать огонь». И огонь его лампы был поддержан!

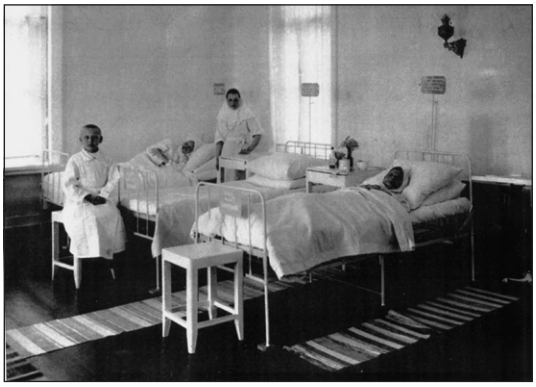
На основании Высочайшего повеления через год после смерти отца Алексия было создано Алексеевское общество дел милосердия на Успенском острове». В устав общества, утвержденного 28 февраля (по старому стилю) 1903 года министром внутренних дел России статс-секретарем В.К. Плеве, в частности говорилось, что общество «имеет целью оказывать помощь всем нуждающимся в ней лицам всех сословий. Преимущественное право на попечение имеют крестьяне окрест острова Успенского лежащих деревень во всех своих нуждах: убогие, больные, дряхлые, а также ищущие труда и, кроме того, больные судорабочие».

По распоряжению Императора Николая II Алексеевскому обществу передавались все богоугодные заведения Успенского острова и лежащий ниже по течению Волхова Вындин Остров. Кроме того, русский царь «в 1-й день сентября 1903 года Всемилостивейше повелеть соизволил отпустить Обществу <...> единовременное пособие в размере 6000 рублей». 500 рублей пожертвовала мать Николая II Императрица Мария Феодоровна, а «Его Императорское Высочество Великий князь Сергей Александрович изволил принять на себя звание члена Алексеевского общества». Ежегодно денежные средства поступали и от других членов Императорского Дома. Попечителем Алексеевского общества дел милосердия состоял митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний, а председателем Совета был назначен сенатор Владимир Карлович Саблер, впоследствии (1911–1915) обер-прокурор Святейшего Синода.

В Совет общества входил академик архитектуры Николай Александрович Мельников, по-видимому, автор проекта многих построек на Успенском острове. По плану его отца, тоже академика, в Новоладожском уезде были возведены в камне красивейшие храмы в Хотово и Верховине.

С 1907 года почетным членом Алексеевского общества состоял Генрих Николаевич Турнер, известный хирург и ортопед, профессор Военно-Медицинской академии.

Больничная аптека. 1910-е гг.



Палата женского отделения больницы. 1910-е годы

Одна из призреваемых женщин за работой на ткацком станке. 1910-е годы

Комната при аптеке для ожидания лекарств. 1910-е годы

Успенский

Среди 23-х учредителей и более 250-ти постоянных членов общества были представители знатнейших дворянских родов: княгини Оболенская и Юсупова, князь и княгиня Мещерские, графини Апраксина, Адлерберг и Толстая.

В ревизионную комиссию Алексеевского общества входил и камергер Двора его Величества, Новоладожский предводитель дворянства Евгений Григорьевич Шварц.

Непосредственное руководство деятельностью благотво-рительных учреждений на Успенском острове осуществляла вице-председатель Совета общества, дочь генерала-от-инфантерии Мария Васильевна Бельгард. Еще при жизни отца Алексия, ее духовного пастыря, именно ей завещал он управление всем, что находилось на острове.

В фондах Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге хранятся отпечатанные типографским способом отчеты Алексеевского общества дел милосердия за 1903–1914 годы. Из этих отчетов хорошо видно, что ежегодно в богадельне Успенского острова постоянно проживало около 100 человек, а в приюте для детей, в основном сирот, воспитывалось до 40 мальчиков и девочек.

Ближайшее попечение о приюте приняла на себя проживающая на острове княгиня Надежда Ивановна Мещерская, которая на свои средства одевала детей и выплачивала жалованье надзирательнице и воспитателям приюта.

В 1904 году на Успенский остров прибыли из Ярославского женского монастыря две монахини, сестры Елена и Наталия Барицкие. Под руководством этих опытных монахинь девочки из приюта обучались нотной грамоте, церковному пению, игре на фисгармонии, а также вышиванию шелками и золотом, плетению кружев, изготовлению искусственных цветов и вязанию чулок руками и на машинке. После отъезда в 1911 году сестер Барицких приютом стала заведовать Мария Яковлевна Рубашевская, преподававшая до этого кройку и шитье платьев.

Среди всех благотворительных учреждений Успенского острова первое место занимала больница с аптекой и общиной сестер милосердия. «Больные, – читаем в отчете за 1910 год, – стекаются во множестве не только из ближайших к острову селений, но из самых отдаленных местностей Новоладожского и других уездов». Ежедневно в больницу обращалось до 100 человек, а общее число амбулаторных больных доходило до 12 тысяч человек в год.

В стационаре больницы находилось 15 коек, в год здесь пролечивалось 200-300 человек. Все лекарства из больничной аптеки отпускались бесплатно.

После 1917 года остров был переименован в остров Октября. Все благотворительные заведения, кроме больницы прекратили свое существование. Затем, уже в середине 30-х годов, здесь разместили сначала колонию для малолетних преступников, а потом дом инвалидов, который существовал на острове вплоть до 1964 года. Перед войной тут находилось 1200 инвалидов и 200 человек обслуживающего персонала, имелось солидное хозяйство: столовая, баня, прачечная, свинарник. Находившийся в склепе под Успенской церковью гроб с мощами отца Алексия был перезахоронен на прусынском кладбище. (Позднее был перенесен в урочище Сиглинка – Ред.)

Волховский старожил Николай Никифорович Михеев, родившийся на острове Октября в 1924 году, рассказывал много интересных вещей. До войны остров был очень живописным местом. В длину около 1 километра и в ширину не более 500 метров, он вместил много различных построек. Каменных домов было всего 5 (один четырехэтажный и четыре двухэтажных), остальные деревянные, но с бетонными фундаментами. Жители не знали, что такое квартплата, им не приходилось ни на что жаловаться. Клумбы и деревья, насажанные в шахматном порядке, находились повсюду. Лес был густым с разнообразной растительностью. Также на территории острова возвышалась белокаменная церковь с огромным колоколом. Он крепился к настолько крепкой балке, что во время войны, когда колокол хотели пустить на военные нужды, ее никак не могли распилить. Когда же колокол рухнул, то его распилили на части для перевоза на барже. Погрузив его на баржу, люди увидели, что куски завалили весь пароход. Это неудивительно, ведь туда могли вместиться телега с двумя лошадьми. Колокол состоял из сплава дорогих металлов, одним из которых было серебро.

На куполе церкви сиял от солнечных лучей хрустальный крест. Также на острове располагался деревянный княжеский дом. Впоследствии в этом доме находились родильное отделение больницы. Жило на острове около 500 человек. Это был в основном медперсонал, рабочие, инвалиды и малолетние преступники. Питались тем, что выращивали на участке и тем, что привозили на остров. Там процветала рыбная ловля, поскольку в то время водились очень много рыбы, и люди ловили ее в сети, после чего варили, жарили и сушили. Из живности на острове держали только кур, кошек и собак. Для переправы с острова в соседнюю деревню имелось две лодки: одна у берега около деревушки, другая – у острова. Перевозили людей круглосуточно. Со своих денег не брали, а для приезжих была чисто символическая цена – 5 копеек.

С 1935 по 1939 год на острове находился приют для малолетних преступников, в котором содержались дети от 10 до 14 лет. Они носили военную форму. Этих 100 человек учили грамоте, а затем – ремеслу. Из ребят впоследствии получились очень хорошие люди.

Для того, чтобы дети островитян не научились плохому от малолеток, остров разделили на две половины. Дети островитян учились в школе, находившейся в деревне.

Главой острова был Николай Иванович Кочетов – врач больницы. Во время сталинских репрессий Кочетова объявили предателем, арестовали и на третий день расстреляли.

В советское время на острове жил диакон Александр, оставивший о себе хорошую память. Он служил в церкви, которую в 1938 году закрыли.

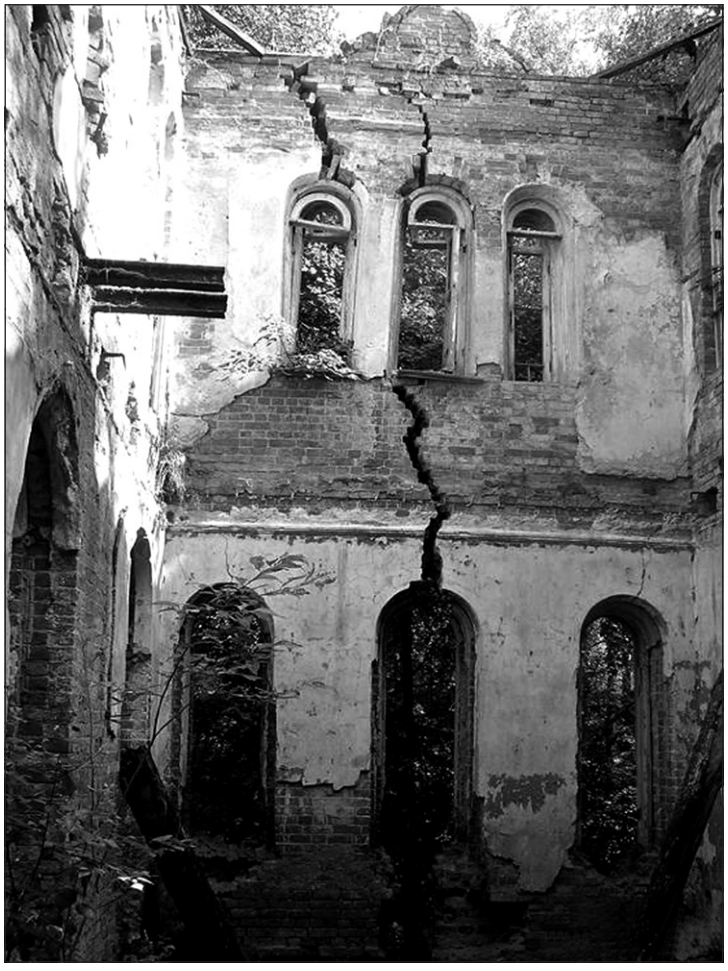
Также Николай Никифорович упоминал о том, как в юные годы в числе других сверстников был свидетелем выноса из склепа Успенской церкви четырех красивых гробов. Из любопытства мальчики открыли один из них. Увидев человеческий скелет и большую толстую косу волос, они в страхе тут же закрыли крышку гроба. Возможно, ребята видели останки Анны Скворцовой?...

В годы войны на острове произошла трагедия: немцами были расстреляны жившие здесь инвалиды. В октябре 1941 года инвалидов хотели эвакуировать, но не успели. Когда река покрылась льдом, 7 ноября 1941 г. дома на острове были разграблены. Были убиты, по одним данным – 184, по другим – 450 человек. После войны «остров Октября» стал пристанищем для немецких военнопленных, затем вновь для наших соотечественников-инвалидов, до 1964 года, когда их перевели в город Волхов.

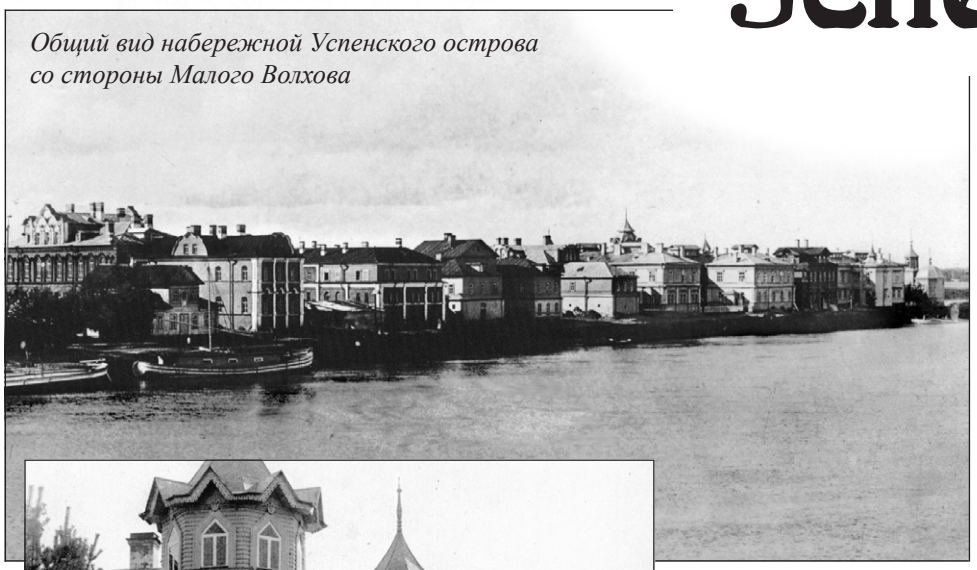
Материал Н.Ильина (Волхов)
и сайта «Саблино».

остров

Современное состояний зданий Успенского острова.
Фото 2005 г.



Успенскій



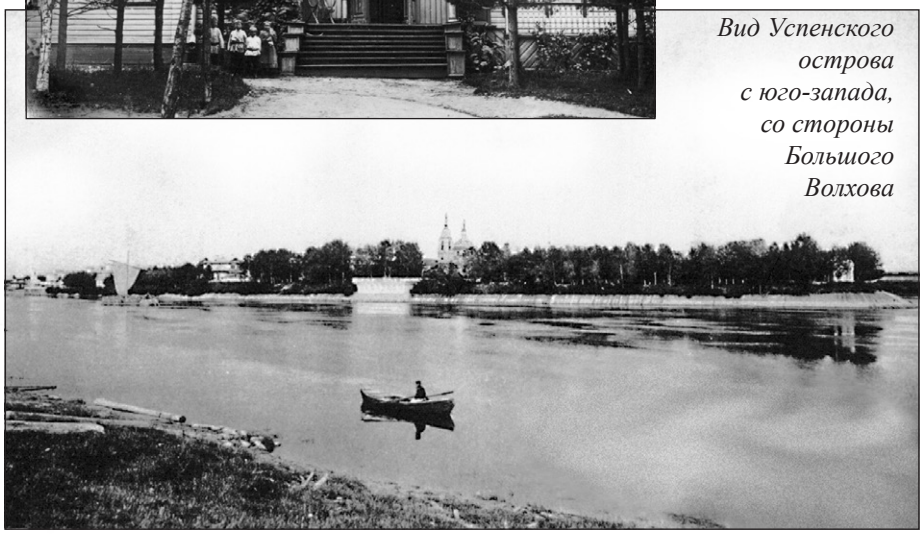
Общий вид набережной Успенского острова со стороны Малого Волхова

Протоиерей Алексий Колоколов

Дом инвалидов

В трапезной

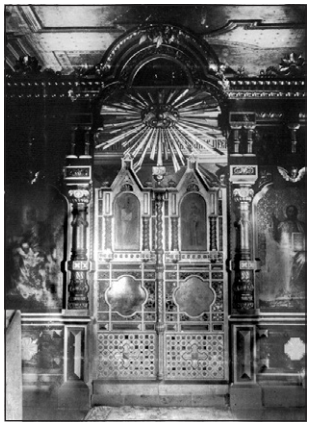
Хирургическое отделение



Вид Успенского острова с юго-запада, со стороны Большого Волхова

Центральная аллея Успенского острова

островъ



Иконостас Тихоновского придела

Общий вид Успенского острова с правого берега Малого Волхова

Иконостас Успенского храма

Успенский остров. Здание Детского приюта. Фото 1900-х годов

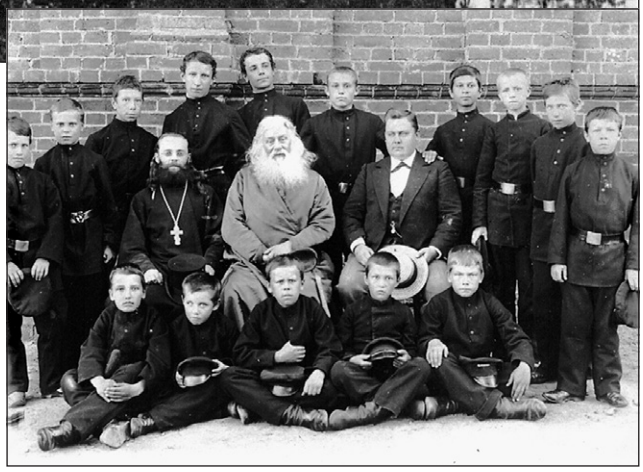
Здание благотворительных заведений Алексеевского общества

Успенскій

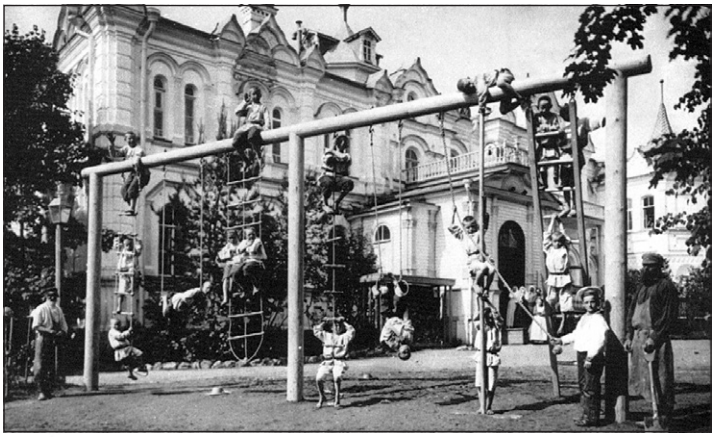
Хирургическая больница. Вдали – часовня и амбулатория. Фото 1900-х годов

Успенский храм и здание благотворительных заведений Алексеевского общества

Мальчики из Детского приюта. Игры. Фото 1900-х годов



О.Алексий с воспитанниками училища



Дети во время спортивных занятий возле здания Детского приюта

Воспитатели и дети из приюта на Успенском острове

островъ

Торжественная встреча на пристани гостей (возможно, архиерея) духовенством и жителями Успенского острова

Училище и оранжерея

Призреваемые в богадельне

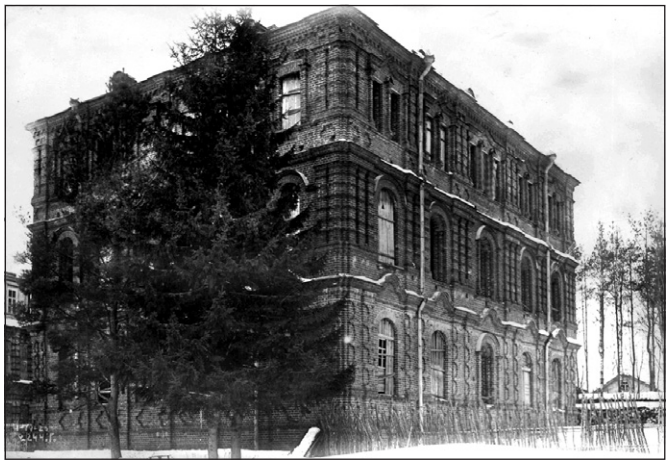
Успенский остров. Храм Успения Пресвятой Богородицы (1876) и цветник возле сцены для детских постановок и праздников. На переднем плане – дети, призреваемые в приюте на острове. Фото ок. 1907 года

Младшие и старшие девочки из Детского приюта и училища на Успенском острове за репитицией во время музыкальных занятий.

Успенский

Все фотографии Успенского острова на СС.58-59 публикуются по материалом Областного Государственного архива в Выборге (ЛОГАВ)

Новый трехэтажный каменный дом больничного городка, недостроенный к 1917 году



Здание Хирургической больницы. За ней видна часовня

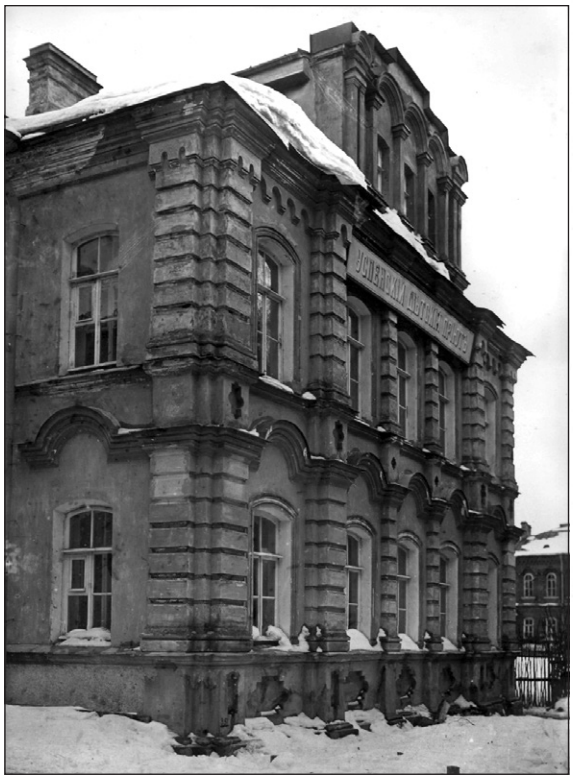
Здание бывшего Рабочего дома со скотным двором. Западный фасад. Слева – здание Успенского Детского приюта. Справа – здание бань

Здание б. пекарни и квартиры доктора больничного городка Успенского острова

Здания бывшей пристани (повреждена наводнением и Дома инвалидов – в глубине участка

остров.1926

Здание б. амбулатории и часовни на северной оконечности острова



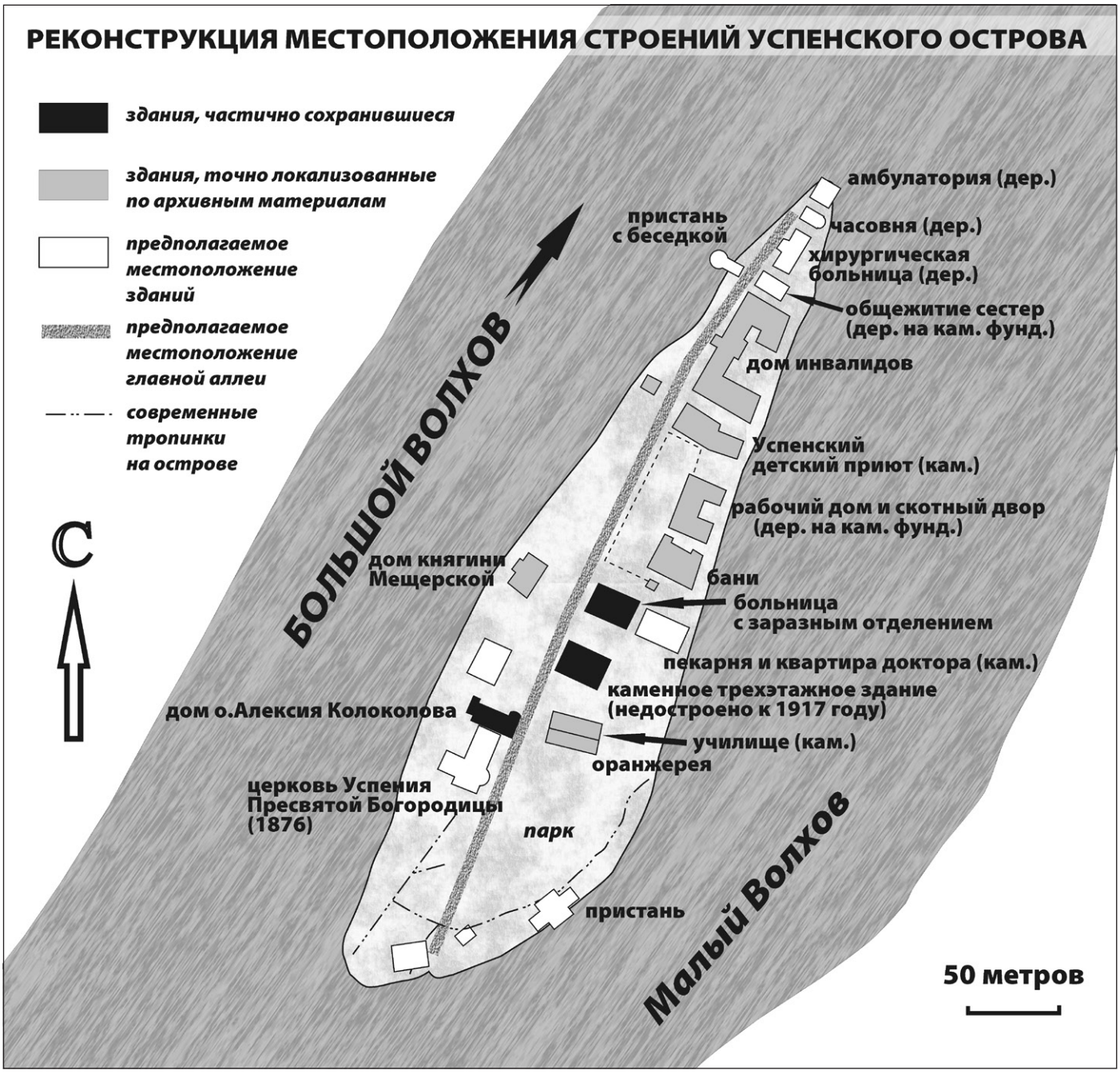
Здание бывшего Успенского Детского приюта

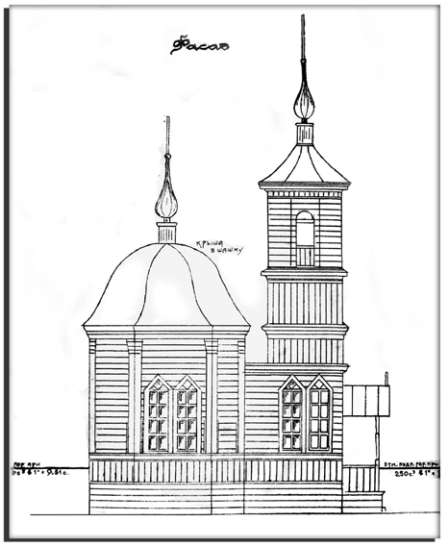
Глажевское общество потребителей.Лавка. Фото 1926 года

Общий вид Успенского острова. 1926 год

Здание Дома Инвалидов. Фрагмент

Здание общежития сестер больничного городка на Успенском острове





Успенский Остров. Часовня на северной оконечности острова, возле больницы. Обмерный чертеж с показанием уреза воды во время наводнения 1924 года. ЛОГАВ, 1924 год

Юлия Бажанова

1924 год. Начало

Понаехали – люди не люди.
Все ходили вокруг, говорили.
В церкви шапок не сняли, смеялись…
Запретили служить Литургию!

Небеса вслед за тем не разверзлись,
Не посыпались Божьи проклятья.
Только плакал наш старенький дьякон,
Да помер, не слезая с полатей….

1995г.

ДУХОВЕНСТВО И ХРАМЫ НОВОЛАДОЖСКОГО УЕЗДА В 1937 ГОДУ

ВОЛХОВСКИЙ РАЙОН

(21 церковь)

ГОСТИНОПОЛЬЕ
Никольская церковь — *протоиерей ЛАДЫГИН Леонид Гермогенович*

ДУБНО
Покровская церковь — *священник ПАСТУХОВ Иоанн Романович (переведен в село Черное Мгинского района)*

ЗАРЕЧЬЕ
Введенская церковь — *священник АНТОНОВСКИЙ Павел Яковлевич (†20. XII.1937)*

ИССАД
Троицкая церковь — *протоиерей АЗИАТСКИЙ Петр Семенович († 9.IX1937)*

КОЛЧАНОВО
ц. Рождества Христова — *протоиерей ОСЬМИНСКИЙ Михаил Николаевич († 21.IX 1937)*

КРЕНИЦЫ
Петропавловская церковь — *протоиерей ВОРОБЬЕВ Сергий Александрович († 3.XII.1937)*

ЛУНГАЧИ
Крестовоздвиженская церковь — *протоиерей КЕДРОВ Феодор Алексеевич († 14.XII.1937)*

НОВАЯ ЛАДОГА
Никольский собор — *протоиерей ЯКИМОВ Михаил Никитич (†3. XII.1937)*
Климентовская церковь — *протоиерей ЛАВРОВ Николай Александрович († 3.XII.1937)*
диакон ВИНОГРАДОВ Иоанн Васильевич

НОВОСЕЛОК
Успенская церковь — *священник ЛЕБЕДЕВ Иоанн Алексеевич († 4.X.1937)*

ОКТЯБРЬСКОЕ (МИХАЙЛОВСКИЙ ПОГОСТ; г. ВОЛХОВ)
ц. Михаила Архангела — *протоиерей ОСИПОВ Василий Александрович*

ПЕСКИ
ц. Феодора Стратилата — *протоиерей ЛИСТОВ Павел Александрович (†3.XII.1937)*

ПЛЕХАНОВО (ИЛЬИНСКИЙ ПОГОСТ)
Ильинская церковь — *протоиерей ОСТАПОВ Феодор Феодорович*

ПРУСЫНСКАЯ ГОРКА
[Казанская церковь] — *священник КУЗНЕЦОВ Михаил Кириллович († 3.XII.1937)*

РОГОЖА
ц. Собора Богородицы — *протоиерей ОСЬМИНСКИЙ Виктор Николаевич*

СТАРАЯ ЛАДОГА
Алексиевская церковь — *протоиерей ДУБЕНСКИЙ Виктор Семенович*
Георгиевская церковь — *священник АБРАМОВ Серафим Николаевич*

СЯСЬСКИЕ РЯДКИ
Успенская церковь — *игумен СЕРГИЙ (Талицкий)*

УСАДИЩЕ
Преображенская церковь *священник КРАВЕЦ Эраст Петрович († 20.VIII.1937)*

ХВАЛОВО
Троицкая церковь *священник КУБЕЦКИЙ Василий Васильевич (†21.IX.1937)*

ХОТОВО
Введенская церковь *иеромонах СИМОН (Ильин) († 3.XII.1937)*

КИРИШСКИЙ РАЙОН

(9 церквей)

КИРИШИ
церковь Рождества Богородицы *иеромонах АНТОНИН (Булынин) (арест. 11.IX.1937)*

ГЛАЖЕВО
церковь Владимирской Божией Матери *священник КЕДРОВ Александр Андреевич (†21.X.1937)*

ГОРОДИЩЕ
Никольская церковь *священник ОХОТИН Григорий Алексеевич (†21.X.1937)*

МОТОХОВО
Предтеченская церковь *священник ШИЛОВ Михаил Иванович (†21.X.1937)*

МЫСЛОВО
Троицкая церковь *иеромонах СЕРАФИМ (Абрамов)*

ОЛОМНО
Георгиевская церковь *протоиерей ЕФИМОВ Николай Васильевич (арест. 9.X; †21.X.1937)*

ПЧЕВА
Преображенская церковь *протоиерей ПРОКОФЬЕВ Владимир Александрович (†21.X.1937)*

ТИГОДА
Покровская церковь *священник НАЗАРОВ Василий Васильевич (арест. 3.X; †30.X.1937)*

ЧЕРЕНЦОВО
церковь Рождества Богородицы *священник КИРИЛЛОВ Иоанн Кириллович*

МГИНСКИЙ РАЙОН

(13 церквей)

АННИНСКОЕ
Тихвинская церковь *протоиерей БЫСТРОВ Александр Иванович (†I.1938)*
псаломщик ПОПОВ Николай Александрович

ВАСИЛЬКОВО
[Троицкая церковь] *архимандрит АНАСТАСИЙ (Агафонов)*
(он же – в с. Лукинское)

ВЕРОЛА
Никольская церковь *священник НАЛИМОВ Михаил Михайлович (†14.XII.1937)*

ГАВСАРЬ
Флоро-Лаврская церковь *священник ТРАВИН Константин Алексеевич*

КОБОНА
Никольская церковь *протоиерей ЧУЛКОВ Иаков Дмитриевич († 10.XII.1937)*
псаломщик ПАСТУХОВ Николай Иванович

ЛАВРОВО
Никольская церковь — *священник ДУБЕНСКИЙ Николай Васильевич († 14.XII.1937)*

ЛОДВА
Коневская церковь — *игумен ВЛАДИМИР (Гаврилов)*

ЛУКИНСКОЕ
[Успенская церковь] — *архимандрит АНАСТАСИЙ (Агафонов)*
(он же – в с. Васильково)

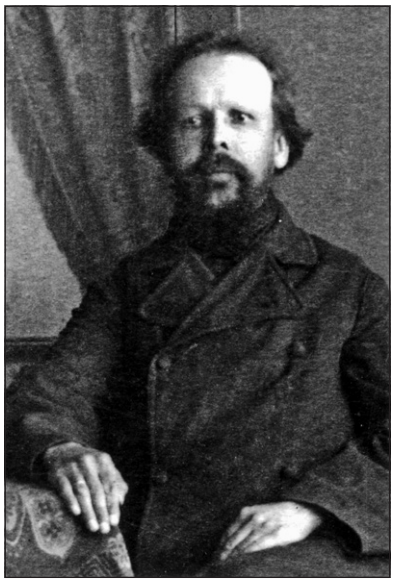
ПОРЕЧЬЕ
церковь Рождества-Богородицы — *протоиерей ТЮМЕНЕВ Феодор Григорьевич (арест. 6.X;† 14.XII.1937)*

ПУТИЛОВО
Тихвинская церковь — *протоиерей ОРНАТСКИЙ Николай Николаевич († 26.III.1938)*
протоиерей ЧЕРНОВ Николай Александрович († 14.XII.1937)
диакон ФОРТУНАТОВ Иоанн Алексеевич († 14.XII.1937)

СИНЯВИНО
ц. Михаила Архангела — *протоиерей ФЛОРОВСКИЙ Виктор Александрович († 8.IX.1937)*

ТЕРЕБУЖКА
Успенская церковь — *священник ПЕХАЛОВ Алексей Стефанович*

ЧЕРНОЕ
Ильинская церковь — *[священник ПАСТУХОВ Иоанн Романович (арест. 29.XI † 14.XII.1937)]*
псаломщик БАТУРИН Гавриил Дмитриевич



Протоиерей Николай Орнатский †26 марта 1938 г

Настоятель Алексиевской кладбищенской церкви в Старой Ладоге протоиерей *Виктор Дубенский* мирно почил о Господе 22 апреля 1937 г., до начала «большого террора», и погребен у алтаря храма, в котором служил. У его могилы было бы уместно поминать всех его «собратьев и сослужителей» по Волховскому и Киришскому районам – по имеющимся сведениям, больше никто из духовенства бывш. Новоладожского уезда своей смертью в тот год не умирал.

В Волховском районе первым был арестован (8 августа 1937) и расстрелян (20 августа) протоиерей *Эраст Кравец.* 18 августа арестовали протоиерея *Петра Азиатского*, который с 3 мая числился за штатом (расстрелян 9 сентября), 24 августа – протоиерея *Михаила Осьминского* (расстрелян 21 сентября), 2 сентября – священника *Василия Кубецкого* (расстрелян 21 сентября), 9 сентября – священника *Иоанна Лебедева* (расстрелян 4 октября).

В сентябре – октябре вершители «социалистической законности» работали по Киришскому району. Аресты духовенства были произведены там с 11 сентября (первым «изъяли» настоятеля церкви в районном центре, иеромонаха *Антонина*) по 9 октября, а почти все расстрелы – 21 октября (отдельно, 30 октября, был расстрелян священник *Василий Назаров*). Затем, после перерыва на празднование XX годовщины Октября, работники НКВД вернулись в Волховский район, и к концу декабря 1937 г. с духовенством там было покончено.

В «Синодике Санкт-Петербургской епархии» отсутствуют данные о семи священнослужителях Волховского района (протоиереи: *Герман Ладыгин, Василий Осипов, Феодор Остапов, Виктор Осьминский,* священник *Серафим Абрамов,* игумен *Сергий (Талицкий*), диакон *Иоанн Виноградов* и иеромонах *Серафим (Абрамов)* из Киришского района. Их судьбу еще предстоит установить.

Кроме перечисленного выше духовенства, каноническая принадлежность которого Русской Православной (Патриаршей) Церкви не вызывает сомнений, в списках лиц, расстрелянных в 1937 г., значатся священник (очевидно, протоиерей) Никольской церкви дер. Белая (Бельский погост на р. Пчевже) Киришского района ЛАВРОВ Владимир Михайлович († 30.X.1937) и священник Покровской церкви с. Назия Мгинского района ПОЛЯКОВ Михаил Алексеевич († 28.XII.1937). Из биографии священника Лаврова следует, что он до 1930 г. служил в с. Назия, а в 1930–1935 гг. – в Ленинграде, в Благовещенской церкви на Васильевском острове. Последняя, как известно, в те годы была обновленческой. Поэтому весьма вероятно, что настоятели приходов в дер. Белая и с. Назия подчинялись обновленческому «митрополиту Ленинградскому» (на 1937 г. – Николаю Платонову).

Публикация А.К. Галкина

ПРОТОИЕРЕЙ ИОАНН АЛЕКСЕЕВИЧ ЛЕБЕДЕВ (1884–1937)

Память 22 сентября / 4 октября

Протоиерей Иоанн Алексеевич Лебедев родился в селе Поречье Шлиссельбургского уезда С.-Петербургской губернии в 1874 г.[1] У отца его, Алексея Федоровича Лебедева в юности произошла размолвка с родителем его, Феодором Лебедевым (дедом о. Иоанна), служившим в одном из храмов Новоладожского уезда, из-за нежелания сына учиться в семинарии, возможно связанным с его ранней женитьбой. Известно, что женившись в Поречье на местной крестьянской девице Евдокии Семеновне Притчиной (†1924), Алексей Федорович ушел из дома, вначале крестьянствовал, а затем стал псаломщиком в Поречье (с 1872 г.). Вероятно, это как-то примирило его с отцом. Позже он служил заштатным псаломщиком (с 1909 г.), а также крестьянствовал в этом же селе, умер ок. 1926 г.

Село Поречье Шлиссельбургского уезда. Храм Покрова Пресвятой Богородицы Фото 1910-х годов

В браке у него родилось шестеро детей – Анастасия (с 1908 г. служила просфорней в Поречье, позже – учительствовала, умерла до войны, в 1936 году), Иван (будущий пастырь, служил во Гдове и в Новоладожском уезде), Стефан (окончил семинарию, жил во Гдове, учительствовал, позже служил псаломщиком в Шлиссельбургском соборе, после его закрытия (собор был закрыт в апреле 1935 года – *Ред.*) уехал с семьей в Старую Руссу, где он и члены его семьи, вероятно, погибли в войну), Алексей (учительствовал в селе Путилово), Петр (умер в юности, когда учился в Духовной семинарии) и Мария (1892–1961, вышла замуж за Владимира Талицкого, будущего священника, стала матушкой)[2].

Ивана и Стефана часто отправляли к деду – Феодору Павловичу (или Петровичу, Алексеевичу?)[3]. Тот служил в одном их храмов в Новоладожском уезде. Вероятно, его влияние и воспитание подвигло братьев на поступление в семинарию.

Отец свящ. Иоанна Лебедева, Алексей Федорович с дочерью Марией (1892–1961) и ее супругом, Владимиром Александровичем Талицким (1888–1938), будущим священником. Село Поречье. 1912 год

Поречье. Молебен на поле перед посевной. Служит настоятель свящ. Феодор Галанин. 1910–1912 годы

Во время учебы в С.-Петербургской Духовной семинарии Иван Алексеевич учительствовал в деревне Пухолово, а жил в поселке Мга. Там он познакомился, с Евдокией Ивановной Цирулёвой, на которой позже женился. Происходила она из большой крестьянской семьи (у нее были брат Иван, работавший в депо, и две сестры: Прасковья (Паня) и Анастасия, мужья которых работали на железной дороге машинистами). Во время войны родные Евдокии Ивановны были угнаны из родных мест, (дочери брата Ивана, – Зоя и Люба, 10-ти и 14-ти лет, – в годы войны оказались в Эстонии, где жили и работали на хуторе у жестоких хозяев, после войны вернулись в родные края, но из-за подорванного в годы войны здоровья, прожили недолго). Родовой дом Цирулёвых стоит в Пухолово и по сию пору.

Священник Иоанн Лебедев с матушкой Евдокией и дочерьми Еленой и Тамарой во дворе собственного дома возле Пятницкой церкви во Гдове. 1914 год

После женитьбы Иван Алексеевич служил в Гдовской Пятницкой церкви псаломщиком (с 5.08.1911 г. – *Ред.*[4]), позже, по окончании Духовной семинарии (1913) был рукоположен и получил назначение в Гдов священником Пятницкой церкви[5]. Во Гдове у него родилось две дочери – Елена (12.05 н.ст 1911–2000) и Тамара (19.04.1913–2001). К сожалению, матушка Евдокия Ивановна рано умерла (в 1923 году), когда дочерям было всего двенадцать и десять лет. Заботы

Свадебная фотография Ивана Алексеевича и Евдокии Ивановны Лебедевых. Ок.1910 года

по их воспитанию пришлось взять на себя о. Иоанну. С того времени дошло семейное предание, ярко характеризующее страшный фон эпохи, к которой относится повествование. У сарая, принадлежавшего отцу Иоанну (их дом располагался на Пятницкой площади, возле Пятницкой церкви), было место казни, равно использовавшееся двумя враждующими сторонами в годы Гражданской войны в России: здесь красные расстреливали, а белые вешали своих приговоренных к казни соотечественников.

Отец Иоанн был человеком добрым, спокойным, и всегда старался помочь каждому, кто к нему обращался. А обращались к нему очень часто. У него не было часов приема, к нему можно было прийти в любое время. В Гдове он был очень уважаемым человеком. Дети его рассказывали, что после ареста они каждый день ждали его освобождения, мечтая о счастье просто сидеть с ним рядом и беседовать. Не зная о том, что его «забрали», все приходили и приходили к нему люди.

Но еще до ареста, в тридцатом или тридцать первом году о. Иоанн пережил потерю храма – своего первого

Протоиерей Иоанн Лебедев с дочерьми Еленой (слева) и Тамарой. Гдов? Август 1930 года

места священнического служения – он был закрыт и (после войны. – *Ред.*) разрушен, а на его месте поставлен памятник революционеру Фабрициусу.

После этого о. Иоанн получает новое назначение в места, знакомые ему с детства – на берега Волхова (в Успенский приход с. Новоселок, к церкви св. Алексия, человека Божия, Волховского района). Там он и прослужил до августа 1937 года. Его арестовали по ложному доносу – якобы у него часто собирается подозрительная молодежь. А это были всего лишь его родственники из Гдова: дочери с мужьями, вместе с которыми иногда приезжали их друзья. В октябре 1937 года он принял мученическую кончину, был расстрелян. Похоронен, вероятно, под Петербургом, на Левашовской пустоши.

Алла Владимировна Сажина

Примечания:

[1] ЦГИА СПб, Клировые ведомости с. Поречье за 1873–1875 гг.

[2] ЦГИА СПб, Клировые ведомости с. Поречье за 1893–1895 гг.

[3] ЦГИА СПб, Сайт А.А. Бовкало. В клировых ведомостях храмов Новоладожского уезда упоминается Феодор Алексеевич Лебедев, служивший псаломщиком до 1845 г. в селе Помялово, позже в Мемино, и до 1879 г. – в селе Рогожа. Возможно, это и есть дед о. Иоанна Лебедева.

[4] ЦГИА СПб, сайт Бовкало

[5] Там же, клировая ведомость Гдовской Пятницкой церкви за 1915-1918 гг.

[6] Ленинградский Мартиролог, т. 2, дело П-72215

Лебедевы

Гдов. Пятницкая церковь на берегу реки Гдовы. Здесь в 1911–1931 годах служил священник Иоанн Лебедев. Закрыта в 1931 году. Была обращена в клуб, где устраивались танцы. В годы войны здесь находился лагерь для советских военнопленных. Снесена после войны в 1950-х годах

Анастасия. Сельская учительница. Муж – Николай Александрович Тополев (после революции – псаломщик, на фото 1915 года – стоит). Он был вдовцом с четырьмя сыновьями (Константин, Иван, Николай, Илья), когда Анастасия вышла за него замуж. Был и общий сын – Василий. Они жили на станции «Мойка» близ Мги. Два старших сына Н.А. Тополева работали на Невдубстрое (так называлось строительство, и, позже, торфоразработки при 8-й ГРЭС на берегу Невы). Умерла Анастасия Алексеевна в 1936 г. Остальные члены семьи, видимо, погибли во время войны.

Стефан. Окончил учительскую семинарию. Уехал к Ивану Алексеевичу в Гдов, где работал учителем. Позже был псаломщиком в Шлиссельбургском соборе, где служил муж его сестры Марии – священник Владимир Талицкий. Женат дважды. Первая жена – Екатерина Петровна. Дети – двое сыновей. Вторая жена – Александра Алексеевна. Дети – Вера, Леонид, Вениамин.

Когда в Шлиссельбурге закрылись все церкви, семья уехала в Старую Руссу. Видимо, погибли во время войны.

Алексей. Окончил учительскую семинарию. Работал учителем в селе Путилово. Женат. Дети – Леонид, Борис, Алексей. Умер в 30 лет от оспы. Остальные члены семьи (жена и дети) также вскоре скончались.

Петр. Умер от дифтерита, когда учился в семинарии.

Мария (13.10 ст. ст.1892–1961).Окончила С.-Петербургское Исидоровское епархиальное женское училище, где и работала до замужества помощницей классной воспитательницы. 15 января 1912 г. вышла замуж за В.А. Талицкого, который был сначала учителем, а затем – священником. Подробнее см. Талицкие, С. 57.

Елена Александровна Юшкова

Семья Лебедевых-Тополевых-Талицких. Слева – Анастасия, рядом с ней стоит ее муж, Николай Александрович Тополев, после революции он служил в Поречье псаломщиком. Справа сидит Мария (матушка о. Владимира Талицкого) с детьми: Викторином (стоит) и Нонной Поречье. 1915 год

ПРОТОИЕРЕЙ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ТАЛИЦКИЙ (1888–1938)

Память 13 / 26 марта

Тезименитство 15 / 28 июля

Протоиерей Владимир Александрович Талицкий родился 15 июля 1888 г. в Твери в семье коллежского асессора Александра Васильевича Талицкого (1831–1896) и его супруги Варвары Алексеевны (?), урожд. Исполатовой.

Мать умерла, когда ему было три года. В возрасте восьми лет Владимир остался круглым сиротой и был взят на воспитание жившим в С.-Петербурге близким родственником по линии матери – диаконом Василием Алексеевичем Исполатовым[1] (родился 16.02.1857 в с. Васильевском-на-Талице Угличского уезда Ярославской губ., с 1887 г. – воспитатель и преподаватель в институте слепых Императорского Человеколюбивого Общества, с 1888 г. – надзиратель певчих Исаакиевского собора, с 1895 г. диакон в церкви Святейшего Синода, с 1911 г. – священник в этой же церкви, с 1896 также штатный законоучитель С.-Петербурских начальных городских училищ, в 1917 г. был уволен от службы по собственному желанию в связи с плохим состоянием здоровья).

В.А. Талицкий в годы учительства.1910-1912 годы

Большую роль в жизни и воспитании Владимира Талицкого сыграла его сестра, Елена[2]. Разница в возрасте у них была 16 лет, и она, будучи гораздо старше брата, в чем-то заменяла ему мать. Служа сестрой милосердия в общине Св. Евгении, (жила она неподалеку, на Калашниковской набережной), Елена Александровна помогала дяде, принимая участие в воспиитании и домашнем образовании брата Владимира, опекая его, обучая рисованию и музыке. В годы Первой Мировой войны она была сестрой милосердия. Во время боевых действий на фронте у нее на глазах погиб ее жених и она не делала более попыток выйти замуж.

В.А. Талицкий окончил Александро-Невское Духовное училище, а затем – С.-Петербургскую Духовную семинарию (1904–1910). В 1910 году был назначен учителем в село Вороново Шлиссельбургского уезда, в 1912 г. – в Тосно.

В 1912 году Владимир Александрович женился на Марии Алексеевне Лебедевой (венчал их в храме Святейшего Синода священник Василий Исполатов), окончившей С.-Петербургское Исидоровское Епархиальное женское училище. (Ее отец служил псаломщиком в с. Поречье Шлиссельбургского уезда, а брат Иоанн Алексеевич служил священником во Гдове и был выпускником С.-Петербургской Духовной семинарию на два года младшего выпуска – 1913 года).

В 1913 г., 27 февраля, по рукоположении, о. Владимир был определен священником в церковь с. Поречье Шлиссельбургского уезда. Он с радостью поехал туда: в Поречье жили родители супруги, и за время служения здесь он привязался к ним и очень полюбил их, – возможно, сказалось то обстоятельство, что с раннего детства он воспитывался без родителей и был сиротой.

В семье Талицких было семеро детей: Викторин, Нонна, Александр, Борис и Глеб (оба умерли во младенчестве), Елена, и Людмила[3].

В Поречье о. Владимир служил до середины 1920-х гг. (по меньшей мере, до 1924 г.). Жили естественно, спокойно (никуда не рвались), храмом и семейным счастьем.

Из воспоминаний внуков: «Бабушка – выдержанная, молчаливая, суховатая внешне, но очень добрая, была регентом. У дедушки был тенор. Дети росли очень музыкальными. Отец Владимир организовал детский домашний хор из своих и приходящих в гости детей. Их обучали игре на музыкальных инструментах (в частности, на скрипке), рисованию. Отец Владимир очень любил детей: и своих, и чужих. Был очень ласков с ними. В пять утра вставал, шел за земляникой для них, – ее ходили собирать неподалеку, возле деревни Мишкино, сам чистил детям сапожки. Дедушка был среднего роста, худенький, живой, с сухощавым лицом. Волосы у него были длинные, вьющиеся, но не густые».

Позже о. Владимир был переведен в Шлиссельбург,

где служил в Благовещенском соборе. Был митрофорным протоиереем, благочинным Ладожского округа. О. Владимир был энергичным пастырем. Он был близко знаком и дружил с о. Николаем Ливановым (†27.10.1927), служившим в Петрограде на Староладожском подворье на Нарвском проспекте, – здесь о. Владимир неоднократно бывал, останавливаясь во время приездов в город по церковным делам и во время объезда приходов своего округа. Дружил о. Владимир с о. Николаем Черновым, служившем в Петропавловском храме в Шереметьевке (напротив Шлиссельбурга, через Неву). Семья Талицких и позже бывала в гостях у о. Николая Чернова (†1937), когда тот служил в селе Путилово. Близко знакомы были и общались Талицкие со служившим там же в 1930-х гг. о. Николаем Орнатским (†1937). Когда ездили в гости, в соседние села и в Ленинград, Талицкие всегда брали с собой детей, часто в семью о. Владимира в Шлиссельбург дети привозили внучку Елену. В 1930–1931 гг., будучи в одном из подчиненных ему в церковном отношении приходов, – в Колтушах (входивших в благочиние о. Владимира), он познакомился с академиком И.П. Павловым, они после этого еще однажды или дважды встречались в Колтушах и подолгу дружески общались. Родным пастыря хорошо запомнилось отпевание Ивана Петровича в Знаменской церкви на Невском проспекте в 1936 году, в котором о. Владимир принимал участие.

В Шлиссельбурге Талицкие сначала снимали жилье, а затем жили в двух комнатах при часовне Казанской иконы Божией Матери, стоявшей на некотором расстоянии от Невы, между Старым и Новым каналами. В приспособленном для жилья подвале часовни жили родственники. Одно время там ютилась семья брата матушки, Стефана Лебедева. Позже неподолгу жили какие-то странники.

После закрытия собора о. Владимир служил в Никольской церкви, позже – в кладбищенской церкви и Казанской часовне. К этому времени семья жила у чужих добрых людей. Сначала у «тети Поли», а затем на Пролетарской улице, у Трифоновых. Будучи лишенцами,

Шлиссельбург. Благовещенский собор и Никольская церковь

жили стесненно; матушка была вынуждена ездить на торфоразработки, отрабатывать повинность.

Когда все храмы в Шлиссельбурге были закрыты, о. Владимиру предложили стать бухгалтером, но он отказался. Митрополит Алексий (Симанский) предложил служить в Ленинграде, но жилья там не было, и в 1937 г. о. Владимир недолго (около месяца) служил в Свято-Троицком Измайловском соборе, при этом ездить в город приходилолось из поселка Тярлево близ Павловска, где он проживал в «доме бабки Романюк» по Железнодорожной улице, 5, на втором этаже. На первом этаже этого же дома, по воспоминаниям родных, жил какой-то малоприятный физкультурник.

В самом конце 1937 года о. Владимир был назначен в Спасо-Преображенский храм пос. Тярлево. После ареста в сентябре 1937 года тярлевского священника о. Сергия Червяковского (служил в Тярлево с 1920 года, †1937, расстрелян 12 ноября н.ст.) служить здесь было некому. Здесь же, в Тярлево, в том же доме по Железнодорожной улице, 24 февраля / 9 марта 1938 г., в канун дня, когда исполнилось 25 лет его служения во священном сане, о. Владимир Талицкий был арестован. Спустя 11 дней, 20 марта он был приговорен к расстрелу. Через две недели после ареста, 13/26 марта о. Владимир Талицкий был расстрелян.

Елена Александровна Юшкова

Примечания:

[1] ЦГИА СПб. Ф. 19, оп. 115, д. 755, лл. 2 об, 3,10; Ф. 19, оп. 109, д. 16, л. 1, 2; Ф. 19, оп 113, д. 4265, лл. 6 об, 7, 7 об, 8.

[2] ЦГИА СПб. Ф. 202, оп. 2, д.1254, лл. 37, 44, 87, 98, 106; д. 1239, л. 31; д. 1744, л. 2; д. 1877, л. 238; д.1878, л. 222.

[3] ЦГИА СПБ. Клировая ведомость ц. в Поречье за 1913–1918 гг.

[4] Сведения получены от дочерей о. Владимира: Нонны, Елены, Людмилы.

[5] Сведения из Ленинградского Мартиролога, т. 9 (в печати), АУФСБ СПб и ЛО д. П-72352.

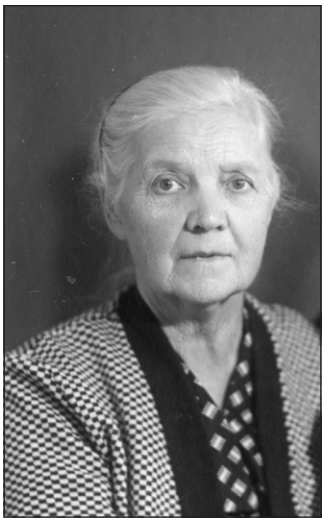
[6] М.А. Лебедева – моя бабушка, ее дочь Нонна Владимировна – моя мать.

Накануне гибели

Зимой 1937–1938 гг. у о. Владимира в Тярлево, в январе-феврале месяце жила внучка Ляля (Елена), четырех лет, дочь Нонны Владимировны Талицкой. Она на всю жизнь запомнила катание на санках. Дедушка (о. Владимир) сажал ее на обычные детские санки и быстро бежал по парку к Павловским прудам, толкал санки с горки и они неслись вниз. В конце пути Ляля всегда из них вылетала. Никогда сама не вставала. Лежала и ждала дедушку. Он подбегал, поднимал ее – оба смеялись. И так много раз подряд. Это было перед самым его арестом, и, казалось, ничто не предвещало приближавшихся событий...

Священник Владимир Талицкий трудится в поле (идет за плугом). Село Поречье. 1916 год

Талицкие



Мария Алексеевна Талицкая, урожд. Лебедева (1892–1961) Фото 1950-х годов

Мария Алексеевна Талицкая. Род. 13.10.1892 в с. Поречье Шлиссельбургского уезда С.-Петербургской губернии в семье псаломщика Алексея Феодоровича Лебедева и его супруги Евдокии Семеновны. По окончании Исидоровского епархиального женского училища до замужества работала помощницей классной воспитательницы названного училища. 15 января 1912 года вышла замуж за выпускника С.-Петербургской Духовной семинарии учителя Владимира Александровича Талицкого, с 1913 года служившего священником в храме села Поречье. У них было семеро детей.

После мученической кончины о. Владимира семья Талицких (матушка Мария Алексеевна с двумя дочерьми) была выслана из города на Неве в Новгород. В 1939 г. она приехала в город, чтобы передать девочек, – те должны были учиться в школе, – под присмотр и опеку Елене Александровне Талицкой. Сама же уехала в Череповец и жила там некоторое время. В 1940 г. вернулась в Ленинград, проживала в городе на Неве у своей подруги, Александры Ивановны Студийской, отец которой служил диаконом Знаменской церкви. Дом их располагался на Орловском переулке, рядом с церковью, на другой стороне Лиговского проспекта. Перед самой войной, весной 1941 года, она отправилась проведать сына в Петрозаводск. С началом войны въехать в Ленинград не могла и была эвакуирована с сыном и его женой в Глазов (Удмуртия). Дочь Нонна с внучкой Еленой были эвакуированы из города на Неве под Казань, и бабушка приехала туда к ним. После войны, в 1946 году все вернулись в город. Бабушка жила в той же кварторе Студийских со своей дочерью Еленой.

В 1961 году, будучи тяжело больной, бабушка Мария Алексеевна просила родных: «Помолитесь за отца Владимира», – это были ее последние слова. Скончалась она 16 января 1961 года.

Елена Александровна Талицкая. Родилась в 1872 г. в Твери в семье коллежского асессора Александра Васильевича Талицкого. Личная почетная гражданка города Твери. Получила домашнее образование. После смерти матери уехала в С.-Петербург к своему дяде – Василию Алексеевичу Исполатову (служил в церкви Св. Синода).

По его совету поступила в общину Св. Евгении. С декабря 1905 г. по февраль 1907 г. была командирована в больницу Св. Марии Магдалины. Окончила там курсы сестер милосердия. В марте 1907 г. вернулась в общину Св. Евгении.

Елена Александровна Талицкая (1872–1950), Фото 1940-х годов

В 1908 г. работала в холерном отделении больницы Св. Марии Магдалины, в 1909 г. – там же, в палате Эрнстрема. В июне 1909 г. вернулась в общину. В октябре 1913 г. назначена заведующей хирургическим бараком общины. В августе 1914 г. – старшая штатная сестра. Поступила «на службу военного времени», была командирована в г. Двинск для работы в подвижном госпитале. В августе 1917 г. командирована в госпиталь № 3 общины Св. Евгении.

После 1917 г. работала в Свердловской больнице (так стала называться больница общины св. Евгении). Во время блокады ее, тяжело больную, вывезли из Ленинграда. Умерла 16 октября 1950 г. в Ленинграде. Похоронена на Большеохтинском кладбище.

Елена Александровна не вышла замуж под впечатлением трагической гибели жениха, произошедшей у нее на глазах во время Первой Мировой войны, и всю жизнь как старшая сестра (разница в возрасте 16 лет) опекала своего брата Владимира, с тех пор, когда он в возрасте восьми лет стал жить в семье Василия Алексеевича Исполатова. И в дальнейшем, уже в бытность того священником всегда помогала о. Владимиру. Так, иногда она отвозила и передавала документы из Шлиссельбургского прихода о. Владимира в Лавру, секретарю митрополита Л.Н. Парийскому. У нее жили поочередно все дети брата, которым нужно было учиться в Ленинграде.

Много внимания она уделяла мне, внучке Владимира Александровича (моя мама, Нонна Владимировна жила у нее в течение восьми лет). Меня назвали Еленой из уважения и любви к Елене Александровне (р. 4.03.1934) и я тоже стала Еленой Александровной.

Елена Александровна Талицкая была очень строгой по отношению к себе и к другим. Несмотря на это, окружающие уважали ее и любили, потому что она была справедливой и доброй.

Те дети Владимира Александровича, которые у неё жили, благодаря этому, может быть излишне строгому воспитанию, выросли аккуратными, пунктуальными и очень порядочными людьми, за что ей от всех нас низкий поклон.

Елена Александровна Юшкова

Т.А. Богданова, А.К. Клементьев

ПУТЬ ХАЙЛАРСКОГО СВЯТИТЕЛЯ

31 января 2007 года исполнилось шестьдесят лет со дня кончины Высокопреосвященного Димитрия (в мире прот. Николая Феодоровича Вознесенского, 7.05.1871–31.01.1947), архиепископа Хайларского, викария Харбинской епархии, одного из самых талантливых русских иерархов – проповедников Слова Божия. Летом 2009 года исполняется 75 лет со дня архиерейской хиротонии архиепископа Димитрия. Жизнь его, поистине замечательная, являет собою редкий, по нынешним временам, пример служения Церкви и ближним…Так вышло, что владыка Димитрий известен более всего как родной отец приснопамятного митрополита Филарета (Вознесенского), третьего Первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей – известного борца с безбожием, при котором Русской Зарубежной Церковью было совершено прославление сонма русских святых: св. прав. Иоанна Кронштадтского (1964), прп. Германа Аляскинского (1970), св. блаж. Ксении Петербургской (1978), собора свв. Новомучеников и Исповедников Российских, от безбожников избиенных (1981) .

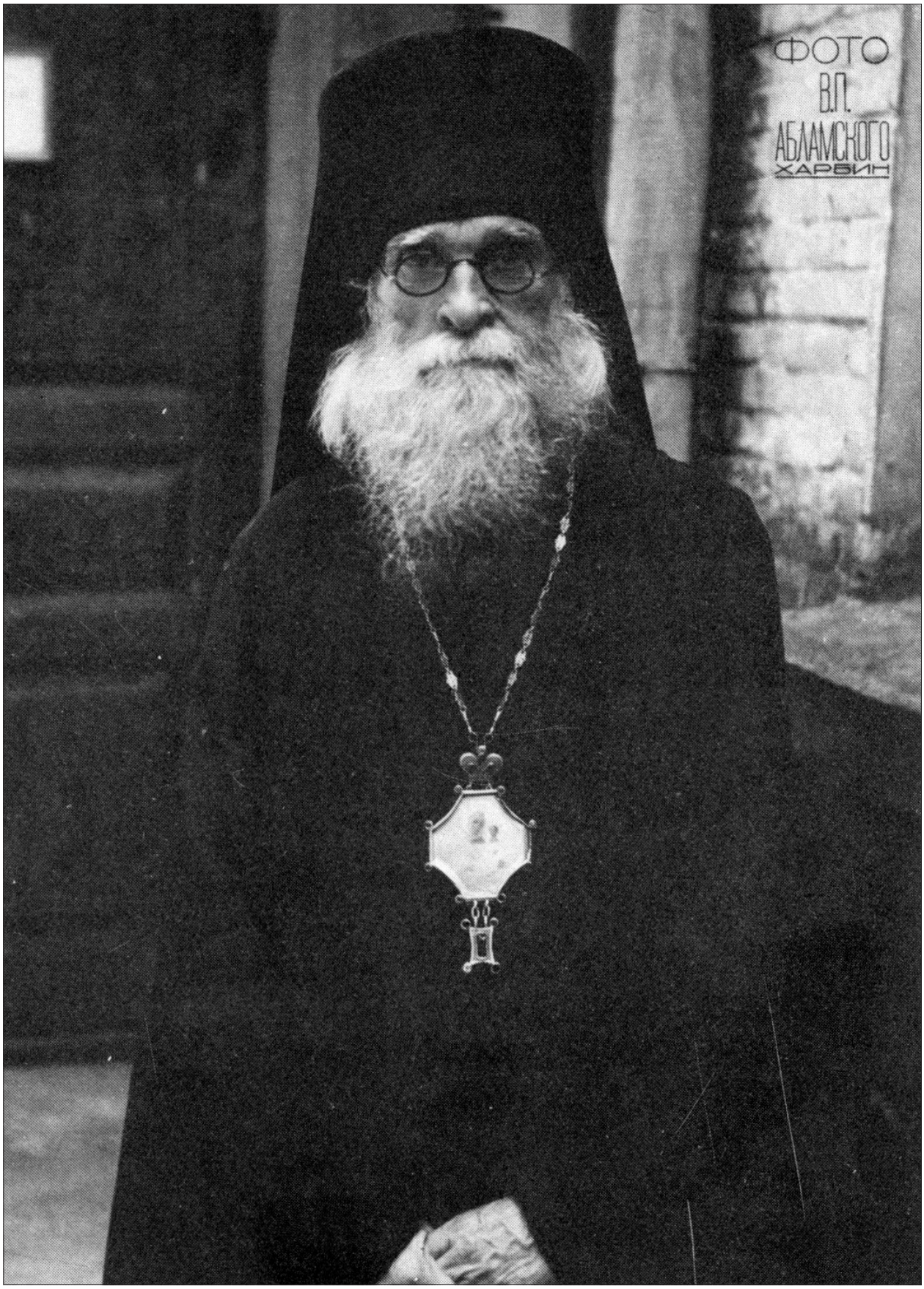
Личность же самого архиепископа Димитрия в течение многих лет оставалась как бы в тени, чему в немалой степени способствовали неясные обстоятельства его водворения на территории Советского Союза после окончания Второй Мировой войны… Известно было только, что покойный митрополит Филарет избегал касаться этого вопроса даже в частных беседах.

Между тем, судьба владыки Димитрия для истории Русской Церкви XX столетия весьма показательна, а личность его очень заметна и значительна… Его богословские сочинения и проповеди, оцененные и в прежней России и на огромных пространствах русского рассеяния, до сих пор мало известны и не востребованы в его земном отечестве. Сведения же, сообщаемые о нем в различных научных и справочных изданиях, скудны, отрывочны и зачастую не точны[1]. Настоящая работа призвана хотя бы отчасти восполнить этот пробел в недавней истории нашей Церкви и представляет собою фрагмент готовящейся к изданию книги о высокопреосвященном Димитрии, в которую предполагается включить и некоторые его труды.

Годы ученичества

Герб Мосальска – родины архиеп. Димитрия

Николай Феодорович Вознесенский, сын «умершего мещанина Калужской губернии города Мосальска»[2] Феодора Васильева Вознесенского, родился 7 мая 1871 года. В речи при хиротонии он вспоминал, что детство «полное лишений и бедности», и раннее сиротство дали «ту закаленность жизни, при которой не только академическая, но и семинарская обстановка являлись и милостью Божией, и прямым счастьем...». По окончании учения в Заиконоспасском Духовном училище[3] он поступил в августе 1887 г. в Московскую Духовную семинарию, курс которой завершил «с званием студента»[4] в июне 1893 г. и тогда же волонтером поступил в Московскую Духовную академию (по результатам вступительных экзаменов Николай Вознесенский был 25-м), в которой «в течение четырех лет выслушал полный курс наук общеобязательных и специальных по историческому отделению, греческому и французскому языку». Среди студентов LII курса, к которому принадлежал Н.Ф. Вознесенский, учились будущие профессора Московской Духовной академии А.И. Покровский и Д.А. Лебедев. Впоследствии епископ Димитрий вспоминал: «Жизнь студенческая протекала у нас тихо и скромно. От своей столицы – Москвы – Академия находилась в 66 верстах и помещалась в стенах Троице-Сергиевой лавры, и это, конечно, налагало на нее свой отпечаток. [...] С внешней стороны жизнь академическая текла довольно однообразно: ни развлечений обычных, ни каких-либо занятий на стороне ни у кого почти не было. Получая в месяц 3 р.[убля] взамен чая, сахара и булки, в Москву на эти деньги не разъедишься [sic!]. Обычные последобеденные прогулки по линии за город, да зимой – скромный студенческий каток за стенами монастыря – вот и все почти ежедневное тогдашнее времяпровождение наше в свободную пору. Зато все это и сближало студентов между собою, и больше давало простору и для бесед, и для чтения. Удаленные к счастию от начинавшей уже бурлить университетской молодежи, и не принимавшие участия во всяких протестах и других движениях ее, к коим большинство академистов относилось скепртически и не сочувственно, студенты наши все же добровольно близко следили за всею жизнью интеллигенции столичной – главным



Преосвященный Димитрий, епископ Хайларский, викарий Харбинской епархии.
Фото 1943 года. Харбин. Фотография В.П. Абламского

образом благодаря своей студенческой библиотеке-читальне, где широко была представлена вся повременная литература». По словамеписокпа Димитрия, начальство «запрета на светские толстые журналы, почти сплошь либерального типа, не налагало, считая необходимым, чтобы будущие пастыри и вообще церковные работники были в курсе жизни руководящих слоев общества, дабы потом лучше давать отпор заблуждениям их. И трезвость мысли в этом отношении сохранялась в то время у подавляющего большинства в нашей среде, хотя все же многие и многие охотнее читали «Русские Ведомости» (либеральную газету), нежали «Ведомости Московские», следя, впрочем, и за ними».

Епископ Антоний (Храповицкий)

Первые два года обучения в Московской Духовной академии прошли при ректоре архимандрите Антонии (Храповицком), о трудах которого на ниве Духовного образования о. Николай Вознесенский писал значительно позже: «многие и многие, особенно из людей пожилых иль вовсе старых, помнят ту великую, прямо неоценимую, заслугу родному нашему, русскому богословию, какую оказал ему блаженнейший авва наш (митр. Антоний) своими многолетними и настойчивыми, глубоко искренними и наредкость добросовестными стараниями освободить его от почти рабского преклонения многих богословов старой школы перед западно-европейскими католическими и протестантскими авторитетами и, в частности, от того схоластического формализма и мертвящего юридизма, каковыми проникнуты были в XVIII и XIX-м веках труды у ряда и крупных наших православно-русских ученых. И тем более ценной и жизненно-оздоровляющей являлась эта его полувековая и многоплодная работа, что велась она во имя возвращения родного богословия от замутненных неправославными тенденциями, до степени ереси доходящими, теорий и воззрений, взятых у давно отошедших от вселенского Православия исповеданий, к непозыблемым [sic!] и чистейшим авторитетам этой вселенской Церкви – общепризнанным отцам и учителям Ее, по преимуществу Церкви Восточной, и особенно золотого периода в ее истории (4-го и 5 веков)»[8].

По-видимому, именно в стенах Академии Николай Вознесенский обучился не только искусству устной проповеди, но и получил глубокие навыки в богословском писательстве и комментировании текстов Священного Писания. Необыкновенное дарование толкователя и объяснителя выдвинуло его в ряд наиболее крупных русских апологетов последнего столетия. По свидетельству самого владыки Димитрия, в годы его учения в стенах Московской Духовной академии сложилась удивительная творческая обстановка, в которой именно упорное стремление к совершенствованию в научном познании, а не шумная бурсацкая жизнь, объединяли большинство студентов. Исключения из этого правила были немногочисленны. «Нужно заметить, – вспоминал епископ Димитрий, – что делу писания письменных работ в нашей академии уделялось особенное внимание, и каждая отметка здесь расценивалась выше, чем в других академиях. И при вступительных экзаменах, и при переходе с курса на курс балл за каждое сочинение брался вчетверо больше, чем отметка за устный ответ (т. е. вместо 5 считалось 20; вместо 4 – 16; вместо 3-х – 12 и т. д.), так что место в разрядном списке и определялось главным образом оценкой этих сочинений. И может быть уже поэтому, заметное большинство студентов в течение года письменным своим работам отдавало наибольшую долю и труда, и времени. Сказывалось это известным минусом и на регулярных занятиях студентов: перед подачей „семестряков“ иль кандидатских многие студенты начинали посещать очередные лекции довольно неисправно; зато в свободное от них время аудитории заполнялись пишущими студентами – со строжайшим запретом всякого шума разговоров, какого-либо стука и т. п.

Паломники на богомолье в Троице-Сергиевой лавре. Фото начала XX века

Троице-Сергиева лавра в конце XIX – начале XX веков. Московская Духовная академия помещается в стенах обители

И должен сказать, что с наибольшей охотой, а нередко – прямо с увлечением, и писались работы именно философского, а за ними – и исторического типа. В то же время это связывалось и с очень большим проявлением самостоятельности и посильного углубления в такого рода темы. – К услугам студентов имелись прямо горы соответствующих пособий в академической – большой, двухэтажной библиотеке со многими десятками тысяч книг, постоянно пополнявшимися новыми поступлениями. И многие студенты обкладывались такими пособиями, чаще – по рекомендации своего профессора или библиотекаря, а писавшие на одну тему нередко обменивались взглядами, а порой горячо спорили между собой по затронутым темам. И получались у многих очень хорошие, даже солидные работы, порой – значительного объема. Я помню, как в академию поступил на 2-й курс г. Братановский (кажется впоследствии еписк.[оп] Сильвестр [† 29 сентября 1931]), только что окончивший перед тем, с каким-то отличием, историко-филологический факультет как будто Московского университета. Он при мне удивлялся объему наших семестряков, и говорил, что там у них – и работы для кандидата были не труднее этих семестровых наших сочинений»[9]. «„Правда научная“, – утверждал владыка Димитрий, – вот то знамя, под которое становилась, можно сказать, вся академическая масса, – nil (nihil), nisi veritas – „ничего, кроме истины“, по выражению древнего историка. И в частности, что касается проф. Голубинского, то общий тон его исследований, его явная неподкупная научная добросовестность и подавляющая эрудиция, несомненно оказывали самое благотворное влияние на тех, кто внимательно его слушал или читал. Критика же его и отрицания лишь заставляли глубже и внимательней вникать в положительные данные в пользу установившихся наших верований и воззрений, а в то же время привлекали к себе внимание только узкого круга специалистов»[10].

Именно Академия привила будущему пастырю и духовному писателю «любовь к научной истине, и веру в торжествующую победу чистого христианства над всем, начиная с той же области мысли, ибо наука подлинная – всегда и необходимо за нашу беспримесную Христову веру»[11].

По собственному признанию будущего святителя, сам он «в те годы обучения был далеко не на высоте своего положения, и много, слишком много упустил из того, чем бы мог – и должен был – воспользоваться в тех солидных школах»[12]. Этому мешала и «леность духовная» и «рожцы жизни», тянувшие его к себе как блудного сына. Он вспоминал «острое чувство какого-то сердечного испуга и стыда», когда сменивший архимандрита Антония в июле 1895 г. другой ректор Московской Духовной академии – архимандрит Лаврентий (Некрасов, † 26.03.1908) назвал его с приятелями *«бражниками»*, за «чрезмерное увлечение “угодиями плоти” и усладами, по существу – очень балованной, жизни»[13].

Он вспоминал внезапный и спасительный приезд любимой сестры в тот момент, когда «уже буквально катился в пропасть, и не удержался бы…»[14].

«И в то же время, только отечески-пекущаяся и крепкою силою ограждающая, Десница Божия удерживала меня в эту пору нравственных шатаний от окончательных и непоправимых падений, – на которые собственная моя, слабая воля уже как будто охотно соглашалась. […]

И прежде всего, не могу я иначе, как мистически, благодарною памятью, объяснить себе те *зароки,* которые были даны мною в старшие отроческие годы и о которых нарочитую речь вел я в своей Христианской Жизни. Ибо, конечно, только Ангел Хранитель мог внушить мне тогда дать обеты: „не курить, водки не пить и не сквернословить“, – которые в последующей моей жизни являлись, можно сказать, главными зацепками при окружавших меня соблазнах»[15].

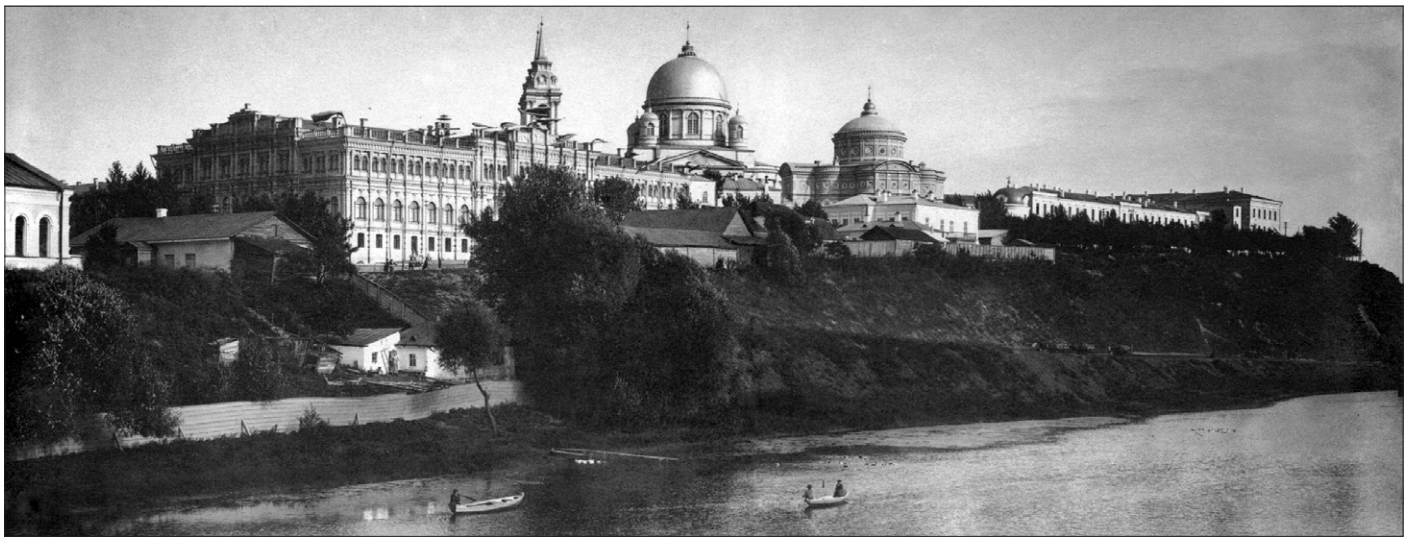
На педагогическом поприще

Н. Ф. Вознесенский окончил Московскую Духовную академию не в 1898 г., как обычно указывают в его биографиях[16], а в 1897 г. – «со званием действительного студента и правом на получение степени кандидата богословия по представлении сочинения, заслуживающего сей степени»[17]. В конце 1897 г. он представил кандидатское сочинение на 690 страницах, озаглавленное «Происхождение и первоначальная история беспоповщины». Высокая оценка этой работе была

дана заслуженным ординарным профессором по кафедре древней гражданской истории Н.Ф. Каптеревым[18]. По мнению Каптерева, главное значение имеет вторая часть сочинения, т. к. «здесь автор старается указать истинные причины, сделавшие возможным появление среди раскола беспоповщины и в числе этих причин указывает и такие, какие доселе никем из ученых не указывались»[19]. Во второй части Н.Ф. Вознесенский дал литургический очерк о происхождении скитского устава из келейного правила, подробно остановился на их составе, привнесении в различные богослужебные книги, в чем видел почву для подготовки беспоповщины. Вознесенский не разделял мнения, общепринятого в среде раскольников и следующих за ними православных писателей, что беспоповщина возникла исключительно из-за оскудения «священства дониконовского становления»[20]. Он приходил к выводу, что «беспоповщина в истории русской – факт не случайный, не только в своем устойчивом существовании и развитии, но и в самом начальном своем моменте – возникновении... Келья инока, божница бельца боголюбивого создали молельню раскольника, часовню Выга; келейное правило их дало сюда известный богослужебный устав в широком смысле этого слова; малочисленность иерейства, при множестве способных простецов – иноков, обратили этот устав в обдержный; антихрист явился последней гарантией того, что все это теперь так и должно быть, обдержное сделалось нормальным»[21]. Признавая обоснованность подобного заключения, профессор Н. Ф. Каптерев отмечал: «Автор ищет действительных причин появления в расколе беспоповства и находит их: 1) в эсхатологических воззрениях первоначального раскола, которые он приводит в прямую, непосредственную связь с появлением беспоповщины; 2) в практических условиях предшествовавшей церковной жизни»[22]. По мнению Каптерева, Н. Ф. Вознесенский, «первый в нашей ученой литературе подходит к решению данного вопроса с новой стороны, доселе никем не указанной и никем не затронутой [...] и наука расколоведения будет обязана нашему автору посильным, новым разъяснением одного из темных и доселе непонятных в ней вопросов»[23].

В заседании Совета Московской Духовной академии 3 февраля 1898 г. Н. Ф. Вознесенскому присвоили звание кандидата богословия с предоставлением права при искании степени магистра не держать нового устного испытания[24]. Преосвященный Нестор, епископ Дмитровский, Управляющий Московской митрополией утвердил постановление Совета Московской Духовной академии с предоставлением Н. Ф. Вознесенскому «права на преподавание в Семинарии»[25]. Через полгода приказом обер-прокурора Св. Синода от 17 сентября 1898 г. он был определен на должность преподавателя обличительного богословия, истории и обличения русского раскола и местных сект в Курскую Духовную семинарию[26], куда его пригласил епископ Курский Лаврентий (Некрасов, † 26 марта 1908), в 1895-1898 г. бывший ректором Московской Духовной академии, а также, с разрешения Попечителя Харьковского Учебного округа «состоял преподавателем русской истории Курской женской гимназии, содержимой г-жей Красовской с 1899 января 25 по 1900 августа 20» [27]. С 1900 г. Николай Феодорович состоял секретарем Братства преподобного Феодосия Печерского[28].

«И вот, в такую-то пору, когда угар внешней жизни совсем затуманивал мое сознание, а преподаваемые мною богословские истины звучали для самого меня чем-то далеким и отвлеченным, – вспоминал владыка Димитрий много лет спустя, – приезжает в Курск мой сотоварищ по академии, молодой священник, и приглашает меня к себе в номер гостиницы. И неожиданно, заговорили мы с ним “по душам”, и он стал делиться со мной тем исключительным духовным наслаждением, которое испытывает он от служения литургии. Незаметно, от своих слов он перешел к одушевленной, огнем чувства горящей дословной передаче Молитвы св. Амвросия Медиоланского “пресвитерам, готовящимся к служению святыя литургии”, – той молитвы, выше которой я ничего не знаю во всей нашей, необъятно-богатой, христианской литературе. – Я заслушался и знакомый нервным людям холодок пробежал по всему телу. Я сердцем учуял – и, конечно, – не мое это было, а сняла пелену с духовных очей моих животворящая благодать Божия – всю великую правду, всю пренебесную мудрость и силу этих над-человеческих богословских созерцаний, этого благоговейного восторга, этого глубочайшего, до центров сердца достигающего, умиления. Но ушел я от о. Г. Васютина еще далеким от священническо-



Панорама Курска. Фото конца XIX – начала XX веков

го призвания, а последовавшая года через два женитьба, с обычным влиянием мирских взглядов на минусы рясофорной жизни, еще больше отодвинула меня от самой мысли – стать иереем Бога Всевышнего»[29].

Впоследствии он упоминал о своих неоднократных разговорах с «одним архиереем» (по-видимому, с тем же епископом Лаврентием), содержанием коих служило обсуждение тяжелого положения Духовных семинарий. По мнению этого архиерея, Духовные семинарии в том виде, в каком они существовали, были не нужны, их следовало упразднить и создать вместо них архиерейские школы, некогда существовавшие в России для подготовки пастырей. Николай Вознесенский также вспоминал и беседы с семинаристами-выпускниками (особенно из числа тех, кто намеревался продолжать свое обучение в Духовных академиях), которых он знакомил с «положительными и отрицательными сторонами, индивидуальными особенностями каждой из них [...]. Естественно, в беседах запросто, за чашкой чая, приходилось нам касаться и их собственных итогов от пройденного семинарского курса: и скажу не преувеличивая, почти ничего, кроме жалоб на казенщину, сухость, безжизненность этого заканчиваемого ими прошлого, я от них, кажется, не слышал. А ведь это все были «преуспевающие», «сливки» семинарии»[30]. Церковно-педагогическая активность молодого преподавателя не всем, по-видимому, пришлась по душе, и Николай Феодорович был «Определением Епархиального начальства от 25 февр./7 марта 1901 г., за устройство незаконных собраний, отдан под строгий надзор местного настоятеля»[31]. Результаты надзора, очевидно, оказались благоприятными, во всяком случае, с 15 октября 1902 г. Н. Ф. Вознесенский «По журнальному постановлению распорядительного Комитета, заведующего общежитием своекоштных воспитанников при Курской Духовной семинарии […] назначен заведующим общежитием и делопроизводителем Комитета»[32], а «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 2 мая 1903 года, за № 35 утвержден в чине коллежского ассесора, со старшинством с 23 июля 1898 года»[33].

В начале 1901 [?] года Н.Ф. Вознесенский вступил в брак с Лидией Васильевной Виноградовой – сестрою своего соученика Василия Васильевича Виноградова, окончившего в 1899 году Московскую Духовную академию кандидатом богословия и служившего законоучителем Харьковской гимназии. 25 ноября 1901 года у молодых супругов родилась дочь Евгения, крестили ее 9 декабря в Вознесенской церкви Курска. Восприемниками стали жена коллежского советника Ольга Николаевна Сергеева и В.В. Виноградов*.

В.В. Виноградов был рукоположен во священника 6 мая 1902 года. С 22 декабря 1920 года состоял священником Штаба Главнокомандующего Русской Армии генерала барона П.Н. Врангеля, с 22 апреля 1922 года назначен благочинным «над духовенством воинских частей Русской армии в королевстве С. Х. С.». С 28 сентября / 10 октября 1923 года исправлял обязанности Управляющего военным и морским духовенством Русской армии. 31 октября 1926 года освобожден от должности при штабе. Переселился в Бельгию, где стал настоятелем домового храма Воскресения

Церковный календарь, изд. Комитетом православной молодежи РПЦЗ за 2003 год

Николай Федорович Вознесенский с супругой, Лидией Васильевной (рожд. Виноградовой † 1921). Свадебная фотография. Курск. 1901 [?] год

Христова и много трудился по сооружению Храма-Памятника в Брюсселе, возглавив Строительный комитет. Был духовником генерала П.Н. Врангеля. Умер 23 октября 1932 года в Брюсселе и погребен там же на кладбище Ixelles. Могила его сохраняется**.

Плодом трудов Н.Ф. Вознесенского на духовно-педагогическом поприще стала небольшая, но чрезвычайно интересная и столь актуальная и сегодня брошюра – «Как преобразовать наши Духовные училища и семинарии? (Со стороны учебных курсов)»[34], отпечатанная в шестистах экземпляров и представленная автором в Предсоборное Присутствие[35].

Ее появление было вызвано развернувшейся в духовной печати с начала 1900-х годов полемикой по вопросам реформы духовного образования. Необходимость такой реформы, все более ощущаемая еще с середины 1890-х годов, была очевидна и для педагогов и для церковной власти. «Бегство» семинаристов из духовной школы и семинарские «бунты», достигшие в 1905-1906 гг. своей наивысшей точки, делали ее неотложной, а готовящаяся церковная реформа и ожидаемый в скором времени созыв Поместного Собора активизировали бурное обсуждение ее в печати, вызвав лавину литературы по этому вопросу.

Судя по содержанию брошюры, Н. Ф. Вознесенский был знаком с основными проектами реформирования Духовной школы. Непродолжительный опыт преподавания в кадетском

* Метрическая книга за 1901 г. (Государственный архив Курской области. Ф. 217. Оп. 3. Ед хр. 434. Л. 305 об.-306).

** Послужной список прот. В.В. Виноградова (Частное собрание. Брюссель).

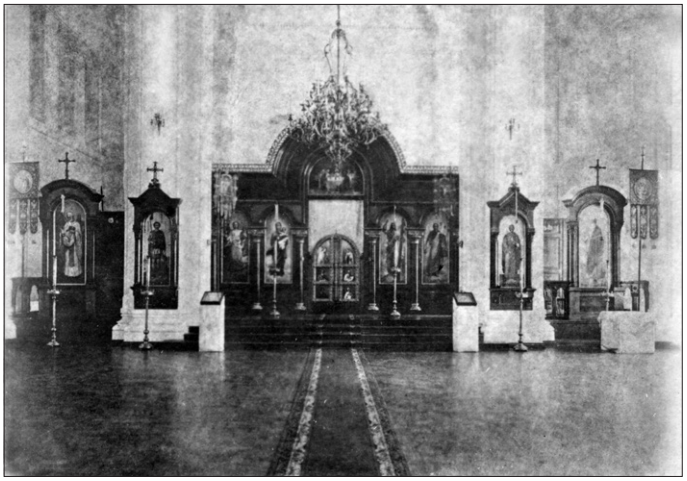
Прот. Василий Виноградов с супругой Антониной Васильевной. Белград. Конец 1920-х годов. Публикуется впервые

корпусе также повлиял на его подход к решению вопроса, позволив взглянуть на проблемы Духовной школы немного со стороны.

Корень всех бед духовного образования большинство писавших усматривало в двойственном характере духовной школы: она была призвана, с одной стороны, дать детям духовенства бесплатное образование (поскольку для получения образования светского, чаще всего, средств недоставало), с другой же – готовить пастырей для Православной Церкви.

Выход виделся в разъединении этих задач и в разделении духовной школы на две: общеобразовательную духовную гимназию (бесплатную и всесословную) и пастырскую школу, завершающую образование в духовной гимназии для желающих принять священный сан или продолжить образование в Духовной академии.

Предметом полемики был вопрос о формах взаимоотношений между двумя школами (общеобразовательной и пастырской) или уровнями одной школы, разделенной на две ступени. Одни выступали за создание такой общеобразовательной школы, которая бы обеспечивала возможность свободного выхода в светскую школу для желающих покинуть духовное сословие, другие (обеспокоенные, что при таком положении, Православная Церковь останется без пастырей) изыскивали возможность разными способами (в частности – за счет содержания учебных программ) еще более усложнить возможность такового выхода.



Храм Сумского Кадетского корпуса. Публикуется впервые

Н.Ф. Вознесенский высказывался за необходимость радикальной реформы, он предлагал «не частичное и основанное на полумерах, а коренное преобразование» всей системы преподавания предметов не ища при этом сочувствия ни либералов, ни консерваторов, не беря за образец ни католическую школу, ни школу светскую.

«Нашим желанием было: отыскать такой тип духовно-учебных заведений, – писал Н. Ф. Вознесенский, – который бы действительно отвечал всем назревшим, и принципиально-церковным, и сословно-историческим нуждам, такой тип, который бы давал учащимся возможно полное и законченное общее образование, и в то же время на всех своих ступенях был проникнут одной христиански-церковной идеей, развивал воспитанников в сфере церковных понятий и стремлений»[36].

Николай Феодорович полагал разумным введение 9-ти летнего курса обучения, с одним годом специального пастырско-богословского класса. Причем, с допущением для могущих того пожелать учеников возможности в середине обучения выйти из семинарий в светские гимназии, чтобы обеспечить «необходимый отлив из них [т. е. из семинарий] тех несродных элементов, которые лишь портили основную массу их питомцев, влияя прямо развращающим образом на их церковную жизнь и интерес к богословскому знанию. Повторяем, безусловно необходимо всеми способами облегчить им этот переход, ни прямо, ни косвенно не задерживая в семинарии всех, кто тяготится духом ее образования»[37].

Содержание программы предполагало «На первой ступени – предметно-повествовательное обучение, обучение по преимуществу евангельско-церковной истории; на последней – идейно-богословское освещение истин христианской веры, вместе с основными началами пастырской практики. Средину этого курса, центр и корень всего специального образования должно занимать изучение Священного Писания, на церковных началах его понимания»[38].

«И так, основным положением для своей реформы, – утверждал Николай Феодорович, – мы ставим требование, чтобы общее образование в духовной школе было основательным и серьезным, так чтобы наши Духовные училища и семинарии имели бы в этом случае полное право на наименование духовных гимназий и лишь возвышались бы над ними своею специальною частью курса. [...] Но выше всего должна быть поставлена специальная задача наших семинарий, как сословно пастырской школы, и поэтому увлекаться подражанием светским гимназиям, до рабского следования их составу и плану, по нашему убеждению, и нежелательно, и неисполнимо»[39].

Таким образом, именно «широта и серьезность общего образования» и «коренное преобразование собственно воспитательной работы»[40] представлялись Н. Ф. Вознесенскому основными задачами чаемой реформы Духовных школ…

«В настоящем своем состоянии, христианское общество одновременно, *рядом*, дает своим нарождающимся членам и *естественное*, чувственное-опытное *познание*, даваемое самостоятельною работою человеческого разума, и *сверхъестественное*, откровенное свыше, постигаемое верою»[41], – утверждал Николай Феодорович, – «Даже более этого. То и другое познание даются не только одновременно, на одних хронологических и психологических ступенях развития, но и *в одном* целостном, органически-слитом *процессе*, где элементы того и другого неразрывно сплетены, перемешаны между собою»[42]. Это стремление к сопряжению естественного и сверхъестественного элементов научного познания будет присуще всей богословско-просветительной работе будущего архиепископа…

Разделение семинарского курса на 3 ступени – словесность, философию и богословие – представлялось ему нецелесообразным: «Никакой реальной, идейно фактической подкладки за этими разграничениями мы не видим. [....] Напротив, они прямо и определенно говорят нам, что как и во всякой иной области человеческой жизни, и в нашем историческом христианстве религиозное образование и развитие есть целостный, непрерывный процесс, должны быть плодом всей школы, всех ее ступеней; а не одной какой-либо. *Пастырское образование* не есть, не должно быть придатком, *внешнею надстройкою над образованием общим* – без определенной духовной окраски. *Самые богословские классы должны являться завершением*, высшим элементом *всего 10 иль 11-летнего курса*»[43].

Современникам Николая Феодоровича не суждено было увидеть скорое и разумное преобразование Духовных школ, основанное на уважительном отношении к церковной науке… Жизнь духовного ведомства Российской Империи все более замирала и оно оказалось неспособным оградить себя от этого разрушительного (а отнюдь не охранительного, как многим в те годы виделось) процесса… «И все это, при сознании, что сам я не в силах подняться над рутиной, и побудило меня более всего оставить службу в семинарии в данном ее виде»[44], – отметил Н.Ф. Вознесенский в предисловии к своей брошюре.

Архиепископ Арсений (Брянцев)

Вынужденный согласиться с выводами и своего старого наставника епископа Лаврентия[45], и юных своих воспитанников, Николай Феодорович подает прошение об отставке и «Приказом Г. Обер-Прокурора Св. Синода от 4-го Октября 1903 года за № 8632 уволен от духовно-училищной службы, за перемещением в Сумской Кадетский корпус» с 1 сентября 1903 г.[46] В этом Кадетском корпусе Н. Ф. Вознесенский «В течение 1903/4 и 1904/5 уч. г. занимал […] должность приватного преподавателя политической истории и русского языка. Имел по обоим предметам ежегодно до 36 уроков, как в младших, так и в старших классах»[47]. С 22 по 31 декабря 1903 года «был от Корпуса командирован в С. Петербург для участия в заседаниях первого съезда г.г. преподавателей военно-учебных заведений и на съезде этом им был представлен доклад „О значении теории словесности и ее месте в курсе Кадетских корпусов“»[48].

Харьков

26 июня 1905 г. архиепископом Харьковским Арсением (Брянцевым) Н. Ф. Вознесенский был рукоположен во священника в г. Харькове[49] и тогда же «определен на праздное Священническое место к Иоанно-Усекновенской церкви Харьковского Городского Кладбища»[50]. До своего возведения в священный сан Николай Федорович в продолжении четырех лет исправлял обязанности «противораскольнического Миссионера по Курскому и Обоянскому уездам»[51], от исполнения этой службы он был уволен 18 августа 1902 г. согласно прошению[52].

Харьков. Общий вид города. Открытка начала XX века

Высокопреосвященный Арсений († 28 апреля 1914), выпускник Киевской Духовной академии, в 1883-1887 гг. ректор С.-Петербургской Духовной академии, вступивший на Харьковскую кафедру в феврале 1903 г., был человеком старойо школы, известный своим прямым и строгим обращением, автором великого множества слов, поучений, статей и иных сочинений[53]. Под его началом и прошли первые годы служения о. Николая, сперва, – в кладбищенском храме, а после – в Феодоро-Стратилатовской церкви при Харьковской городской Александровской больнице, куда Владыка перевел его 27 марта 1906 года[54].

Предложением Попечителя Харьковского Учебного округа от 10 октября 1905 г. за № 14212 о. Николай был «допущен к преподаванию Закона Божия в Харьковском 1-м реальном училище […] в обоих отделениях 4, 3 и 2 классов, с 1905 октября 10 по 1906 января 1»[55].

С 1 сентября 1906 года о. Николай состоял «законоучителем частного реального училища г. Буракова»[56], а с 20 ноября того же года «законоучителем частной гимназии г. Давиденко»[57]. К этому времени у о. Николая и его двадцатидевятилетней супруги Лидии Васильевны было уже трое детей – дочери: Евгения (5 лет) и Елена (1 года), и сын Георгий (4 лет)[58], впоследствии родились сын Сергей и дочь Наталия.

Предложением Попечителя Харьковского Учебного округа от 23 октября 1907 года, за № 19548 о. Николай был «допущен к преподаванию Закона Божия в Харьковском 2-м реальном училище»[59].

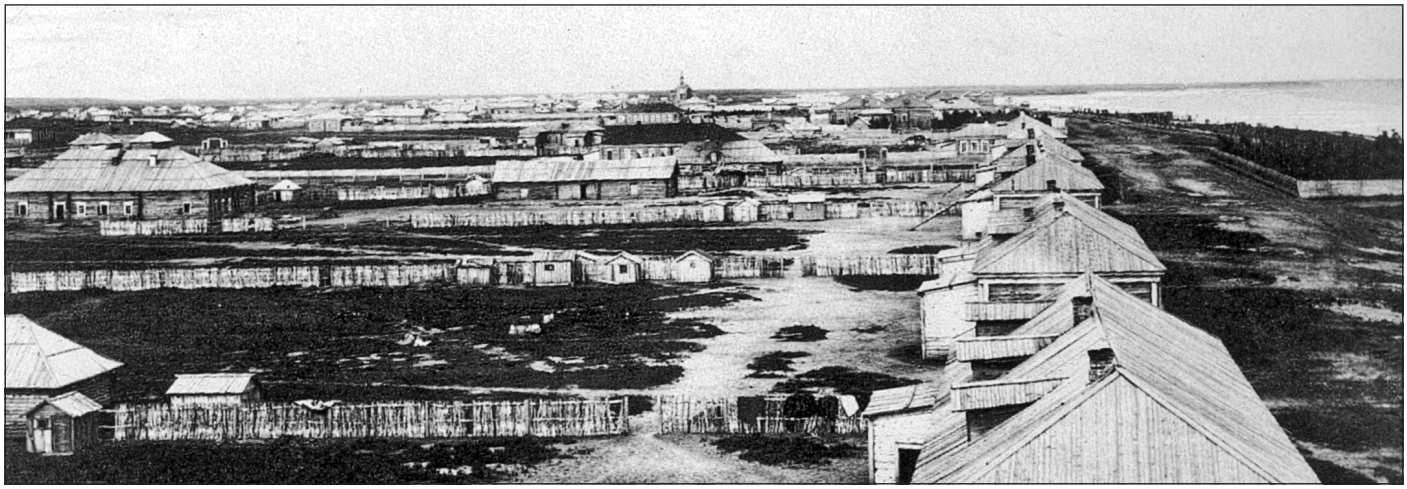
Вопросы реформы Духовной школы продолжают занимать о. Николая, и в сентябре 1908 г. он посылает свою брошюру профессору С.-Петербургской Духовной академии и одному из наиболее последовательных сторонников радикальных преобразований Н. Н. Глубоковскому. О. Николай сообщает, что долго служил преподавателем в Духовной семинарии, а, перейдя в Кадетский корпус лучше увидел семинарию со стороны, и считал необходимым написать брошюру о нуждах Духовных семинарий для сведения Предсоборного Присутствия, куда и направил ее и где она, вероятно, «потонула в обилие [sic!] материала»: «Брошюра моя, которую я Вам и препровождаю, не пошла, ее не заметили. Я на это и не могу пенять, отзывов о ней никаких не было»[60]. Впрочем, появление этой брошюры вызвало благосклонный отзыв столь почитаемого автором митр. Антония (Храповицкого), активнейшим сторонником церковной работы которого о. Николай будет оставаться до конца своих дней: «Засвидетельствую, что от читавших я получил очень одобрительные отзывы (и в том числе от преосвящ. Антония Храповицкого)»[61]. О. Николай выражал надежду, что брошюра его, отражающая личный опыт пяти лет преподавания в Духовной семинарии, окажется все же полезной и просил Глубоковского об отзыве: «С другой стороны, считаю себя вправе сказать, что по содержанию наброски мои отнюдь не шаблонны […] Но прямо грустно, что вся работа оказалась не более, как холостым выстрелом в пространство»[62].

16 июля 1909 года предложением за № 14289 «назначен с 1-го августа штатным законоучителем Харьковского 2 реального училища»[63]. Однако уже с 1 сентября того же года он был «уволен […] от занимаемой должности, согласно прошению»[64]. Ко времени увольнения жалованье тридцативосьмилетнего священника Вознесенского составляло за 8 уроков 600 рублей в год[65].

22 мая 1909 г. сотоварищ о. Н. Вознесенского по Московской Духовной академии викарий Харьковской епархии епископ Сумской Евгений (Бережков, † 1922) был назначен епископом Приамурским и Благовещенским, а уже 18 августа 1909 г. о. Николая перевели на должность кафедрального протоиерея при градо-Благовещенском соборе в г. Благовещенске. Приказом Приамурского Генерал-Губернатора от 23 сентября 1909 года за № 180 о. Николай был «назначен законоучителем Благовещенской мужской гимназии» с 1 октября 1909 г.[66]. «И я, по условиям своей жизни, хорошо знаю, что это опять была – прямая милость Божия, спасшая мне и жизнь, и введшая меня в более проникновенное и углубленное восприятие своего священнического служения, своих пастырских, а равно и законоучительских обязанностей...»[67], – свидетельствовал о. Николай четверть века спустя…

В Благовещенской епархии

Более десяти лет прослужил о. Н. Вознесенский в Благовещенске. 23 сентября 1909 г. его назначили председателем Совета Благовещенского православного братства Пресвятой Богородицы, основанного в 1886 г. епископом Камчатским Гурием (Буртасовским, † 5 января 1907)[68] и тогда



Благовещенск. Общий вид города. Фото начала XX века

же определили наблюдать за преподаванием Закона Божия в низших школах Министерства народного просвещения и исправляющим должность редактора «Благовещенских епархиальных ведомостей»[69]. Утвержден же редактором он был определением Св. Синода от 4 февраля 1911 г.[70], однако в январе 1912 г. отказался от редакторства и был уволен от должности 11 января 1912 г.[71] «Благовещенские епархиальные ведомости» имели всего 120-130 подписчиков. Именно на страницах Ведомостей сохранились многочисленные упоминания о повседневных пастырских трудах будущего епископа Димитрия, трудах, как может показаться малоприметных, но составлявших основное содержание земного бытия и смысл служения лучших представителей русского духовного сословия, трудах, полагавшихся в основание благополучной все же христианской жизни их многочисленных пасомых…

Епископ Приамурский и Благовещенский Евгений (Бережков)

18 ноября 1909 г. о. Н. Вознесенский назначается епархиальным цензором проповедей[72]. В том же году появляется большая статья о. Николая «Христианская благотворительность в условиях нашего времени», в которой автор немало места отводит рассмотрению недочетов «современной христианской благотворительности» и приходит к горестным выводам. Самый, на наш взгляд, неутешительный из них и самый созвучный времени сегодняшнему сформулирован автором так: «Подвиги добра обездушены и ослабли, начало христианской любви вылилось у нас в такие формы, что и не узнаешь»[73]. Позже, в тяжелых условиях беженской жизни в Маньчжурии о. Николай создаст очень разумно организованную приходскую систему помощи малоимущим, почти исключающую возможности случайной растраты или лихоимства…

При его деятельном участии в помещении Никольской школы г. Благовещенска был организован ряд бесплатных чтений для интеллигенции по вопросам веры и жизни христианской. 14 февраля 1910 г. состоялась первая лекция о. Николая, открывшая эти чтения, – «Разбор трагедии Л. Андреева „Анатэма“ с положительно-христианской точки зрения». Лекция была опубликована в «Благовещенских епархиальных ведомостях» (№ 3-7) и выпущена отдельным изданием иждивением местного обывателя, потомственного почетного гражданина Вас. Анд. Левашева[74]. Богословско-философские чтения устраивали во время Великого поста. В следующем году, 6 февраля, о. Н. Вознесенский читал лекцию на тему «Брак с христианской точки зрения»[75], в 1912 г., 11 марта – лекцию «Причины современного неверия», а 9 марта 1914 г. – лекцию «Смерть и воскресение». Причем каждое чтение сопровождалось исполнением различных духовных песнопений церковными хорами г. Благовещенска. Вмещавший до 400 человек зал Никольской школы, где проходили чтения, бывал всякий раз переполнен, публика сидела и стояла как в самом зале, так и в соседних с ним комнатах и коридоре: «Интерес к таковым чтениям у благовещенской публики громадный. На лекциях обыкновенно встречаются и купцы, и мещане, и военные, и духовные, и простой рабочий люд. Во время чтений порядок был образцовый и поддерживался самой публикой, что свидетельствовало о том интересе, с которым слушались лекции»[76].

О. Николай Вознесенский входил и в состав Совета Иоанно-Богословского Братства вспомоществования недостаточным воспитанникам Благовещенской Духовной семинарии и соединенного с нею Духовного училища.

В 1915 г. в «Благовещенских епархиальных ведомостях» печатались «Лекции по методике Закона Божия», читанные прот. Н. Ф. Вознесенским в 1913-1914 гг. в Благовещенске на курсах для учащих в церковноприходских и министерских школах[77]. «При преподавании Закона Божия, – утверждал автор, – основным критерием должна у нас служить жизнь […]. И только тот из нас распространяет вокруг себя лучи истинного и всеосвещающего, животворного и вечно всех согревающего света, кто берет их из христианства своей живой веры во Христа; только тот стоит прочно, для кого Закон Божий есть закон жизни»[78].

В послесловии к интересной статье «Важнейшие условия и правила церковной импровизации»[79], о. Николай Вознесенский замечал: « […] едва ли не самое важное для истинного успеха импровизации – это как можно проще смотреть на это дело, не заноситься высоко, и бояться самой мысли о постановке своих бесед с точки зрения личного успеха. Пусть помнит каждый, что в обычных беседах чуть не всяк у нас всегда найдет две-три мысли, наблюдения, совета полезных, нужных, подходящих. Облюбуйте их, приспособьте к кафедре церковной и не мудря много, скажите от души. Ведь слушатели ваши – куда уступают вам в этой области. Пусть только они чувствуют, что Вы говорите от души, говорите, как что-то дорогое для самого Вас. И тогда внешние недочеты наши утратят свою цену»[80].

В «Благовещенских епархиальных ведомостях» опубликованы также и несколько его проповедей, в частности – «Слово, произнесенное в день Тезоименитства Его Императорского Высочества, Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексия Николаевича (5 октября 1910 г.)»[81]. В нем о. Николай так говорил о значении и сущности царской власти: «[…] не стараниями чьими либо, не голосом случайного большинства, а Божиею милостию, по преемству от предков, предстоит Ему власть над многими миллионами подданных разных племен и наречий, и от него будет зависеть – насколько лишь зависит это от человека – их жизнь и смерть, слава и поношения, их богатство и бедность, их радость и горе, их возвышение и улучшение. Ибо все те пути и начала, коими определяется общая наша жизнь и поведение, – и законы, и власть, и правосудие – в нем все это имеет первоисточник свой и опору. […]

Итак, не самозаконие и произвол, не безотчетные влечения и прихоти, а подчинение своей жизни и деятельности игу святого закона, проведение в них чистейших норм правды и любви – вот те безусловные, высшие начала и вместе те величайшие обязанности, кои принимаются на себя, для своего управления, нашими венценосными Монархами.

Потому-то, далее, и определялось всегда Самодержавие Царей православных идейными и убежденными защитниками его вовсе не как высшая степень возможных для человека радостей и услаждения властью, а как высший и огромнейший подвиг, подвиг великий как по огромности возлагаемых на Государя служений и задач, так и по тяжести несения их в его собственной жизни. В самом деле, какую страшную сумятицу, какой непроглядный хаос представляет собой общенародная наша жизнь, если взять ее во всей массе разнородных и противоречивых политических, экономических, социальных и иных интересов и стремлений. Каждое лицо, каждый класс и группа желают и добиваются своего, и по большей части каждому, с своей личной и узкой точки зрения, кажется, что он прав и требования его законны. И какое вместе с тем необъятное море представляется нам вопиющих, обостренных лишений и нужд, печальных несовершенств и язв, уродливостей и искривлений, если приглядимся мы к этому многомиллионному народному телу, и голова пойдет кругом, когда станет кто-либо раздумывать, как все это устранить и уврачевать, с чего начать, как все устроить»[82].

Чудотворная Албазинская икона Божией Матери – Покровительницы Приамурского края

В «Слове на день 19 февраля 1911 г. По случаю исполнившегося пятидесятилетия со дня освобождения крестьян от крепостной зависимости»[83], остановившись на истории освобождения крестьян, о. Вознесенский особо подчеркнул, что «в дни объявления той свободы 50 лет назад, народ и кротко, и степенно, и трезво принял ее»[84].

14 ноября 1910 г. в здании Государственной управы состоялось открытие Благовещенского общества трезвости. На учредительном собрании присутствовало около 60 человек, председателем общества избран был о. Николай Вознесенский[85]. Члены общества (из числа членов причта кафедрального собора) вели собеседования и служили всенощные бдения в ночлежном доме, организованы были 3 столовые[86]. Три десятилетия спустя Е.Н. Сумароков отмечал, что «…отец Николай Вознесенский, будучи настоятелем кафедрального собора в г. Благовещенске, уделял много энергии и досуга исполнению христианского долга – помощи ближнему» и руководил столовой для бедных, «находящейся при кафедральном соборе»[87].

Епископ Евгений (Зернов), в бытность митрополитом Нижегородским

В январе 1912 г. был объявлен конкурс на составление эскизов проекта нового кафедрального собора, созидаемого в память избавления Благовещенска от китайцев в 1900 г. В специальном заявлении, подписанном о. Николаем, указывалось, что храм должен быть 3-х престольным, стиль предпочтительно византийский или русский, с обильным дневным освещением, около 150 кв. саженей, на 1800 человек, стоимостью не более 150-160 тысяч рублей [88].

В июне 1914 г. епископ Евгений (Бережков) был переведен в Костромскую епархию, а вместо него епископом Благовещенским был назначен преосвященный Евгений (Зернов, расстрелян 20 сентября 1937)[89].

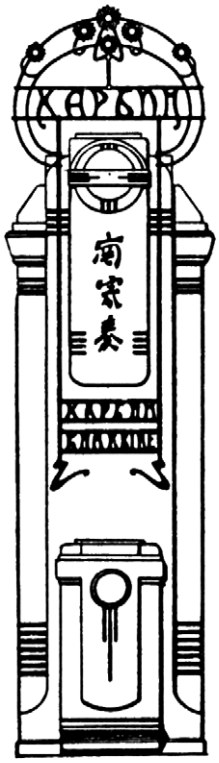
Прощание с преосвященным Евгением (Бережковым), как и первое знакомство с ним в Благовещенском кафедральном соборе, началось 30 июля, – после торжественного богослужения с молебствием по случаю дня рождения Наследника Цесаревича. При прощании с епископом Евгением, которому поднесен был серебряный складень с местночтимым Албазинским образом Божией Матери, к владыке обратился с речью прот. Н. Вознесенский[90]. Расставание было искренне волнующим, ибо сердечным человеческим вниманием к пастве и клиру епархии уходящий архипастырь сумел привлечь настоящую любовь к себе и столь внушительные «толпы молящихся в этот бедный, до крайности скромный храм», что «в дни праздников великих даже у серьезных начальников являлось опасение, что стены собора не выдержат натиска народа – и рухнут […]»[91]…

Началась Первая мировая или (как принято было именовать ее в добольшевистской России) Великая война. Уже 24 октября 1914 г. под руководством епископа Евгения (Зернова) прошло заседание духовенства церквей г. Благовещенска по вопросу о своем личном участии в деле пожертвования на раненых и по вопросу о приходской помощи семьям призванных в ряды армии. Городское духовенство отчисляло 2% от содержания своего на нужды войны. В приходах Благовещенска образовывались специальные попе-

чительства, которые изыскивали необходимые средства и ежемесячно представляли сведения о нуждах семейств призванных на войну граждан, и о размерах выдаваемых им пособий. Центральным учреждением по координации совместных действий стал Совет Благотворительного Православного Братства Пресвятой Богородицы[92]. В сентябре 1915 г. по инициативе епископа Евгения в Благовещенске был учрежден Епархиальный комитет по устройству быта беженцев, председателем коего избрали о. Н. Вознесенского[93].

«Едва ли найдется во всей мировой истории еще такие два-три года, в которые колесо истории повернулось бы настолько заметно и круто, как в переживаемые нами дни великой борьбы […], – писал о. Николай Вознесенский. – Для России во всей ее тысячелетней истории – это дни перелома, пора, когда на весах положена вся историческая роль ее, как мировой державы и как оплота Православия во всех сторонах ее жизни»[94]. Насущнейшей потребностью времени он считал не изменение форм церковной организации, а нравственное оздоровление приходской жизни через оживление деятельности братств: «[…] но где же набрать, из кого составить нам, в наших разбросанных или малоцерковных приходах, такие идеальные братства? Ведь у нас и людей-то таких нет: во всем приходе не наберешь их и двух десятков»[95], – сокрушался о. Николай, созерцая вокруг грубость, невежество, пороки и низменные стремления части своей паствы. «Как прерывиста как тонка и неосязаема та нить, которою прикрепляем мы себя к Святой нашей Церкви. Все мы больше лишь временами в ней присутствуем, знаменем ее прикрываемся, свет ее, моления и жизнь только наблюдаем, а то и критикуем: сами же в этой жизни почти не участвуем, живыми и деятельными ее членами и работниками быть не хотим, о том и не думаем. И дошло до того, что тот, кто только к службам Церкви – в храмы ее ходит, да раз в 100 дней еще добрые обычаи или требы принимает и выполняет, уже считается у нас „хорошим прихожанином“ и почти „церковным“ человеком»[96].

Наблюдая это, о. Николай поднимал вопрос о восстановлении древне-церковной дисциплины «прежде всего в отношении к особенно соблазнительным, явным и грубым порокам». Первой неотложной задачей современной жизни русской он считал отрезвление народа и просвещение его. Необходимы внебогослужебные чтения, ежевоскресные братские собрания, чтобы не замирала осмысленная, идейная церковная жизнь. Впоследствии вспоминая об этом периоде жизни, о. Николай замечал, что «довольно много» за все это время он «учил и говорил». И напоминал при этом слова преподобного Серафима, указывавшего, что «учить других – так же нетрудно, как камни сносить иль сбрасывать с колокольни. А вот – самому на деле исполнять то, чему учишь – так же трудно, как эти камни носить на колокольню»[97]. Согласно его признанию, только революция заставила его «несколько серьезней и ответственней относиться к своему служению и своей работе», когда он, потрясенный до душевных глубин «полным, разволнованным сердцем воспринял ответственность за соблазн и гибель многих „малых сих“ […]. И болезнь и страдания родного народа, а за ними горести и потрясения в самой Церкви, […] начали восприниматься искренно»[98].



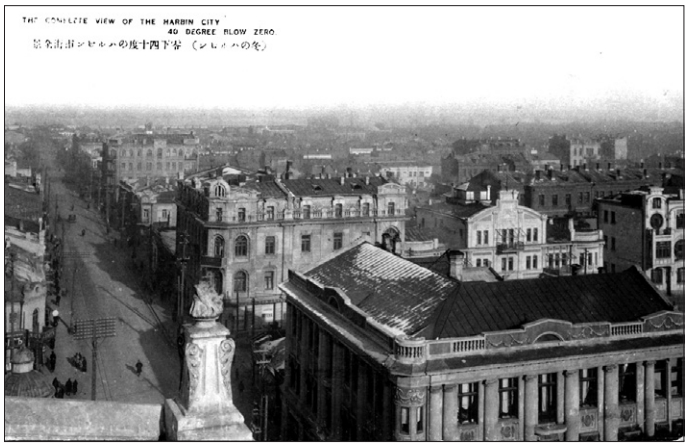
Харбин. Деталь декора Харбинского вокзала

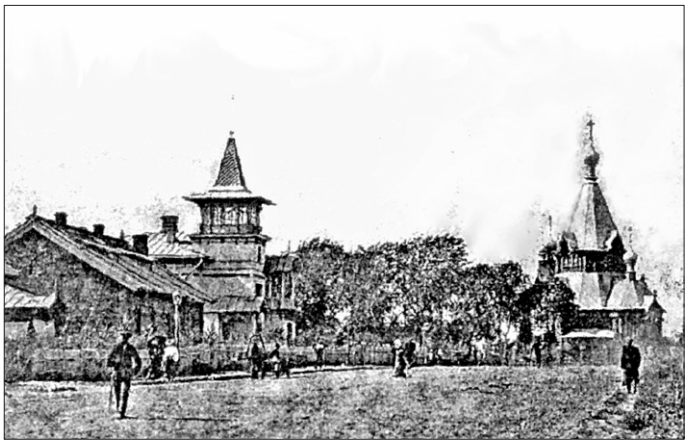
Первые годы в Маньчжурии. Харбин

«Дальний Восток не был Зарубежной Россией в смысле «эмиграции». Он был останком России, которая пребывала за рубежом и при существовании России – и ею оставалась после ее падения».

Архим. Константин (Зайцев). Знамение Креста Господня // «Православная Русь». 1964. № 5. С. 3.

С 1919 г. поток беженцев из России – из Волжского и Камского районов, Урала, Сибири – устремился в Северную Маньчжурию. Вместе с гражданским населением и отступавшими войсками уходила и часть духовенства, среди них был и о. Н. Вознесенский. Известно лишь, что уже 1 июня 1920 года он был назначен «на 2-ое священническое место»[99] Св. Николаевского кафедрального собора г. Харбина – главного города полосы отчуждения КВжд[100]. Однако связи его с Благовещенскою паствой, по-видимому, сохранялись. Во всяком случае, 28 октября 1923 г. на конспиративном собра-





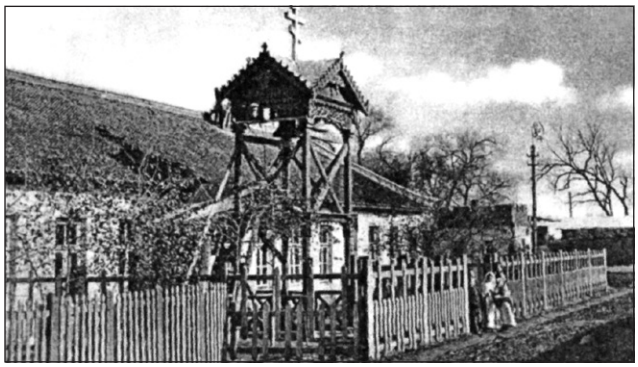
Харбин. Общий вид района Пристани. 1930-е годы; Вокзальный проспект – вид в направлении Соборной площади. Слева – особняк Остроумова, вдали – Николаевский кафедральный собор. Открытки 1910–1920-х годов

Харбин. Николаевский кафедральный собор

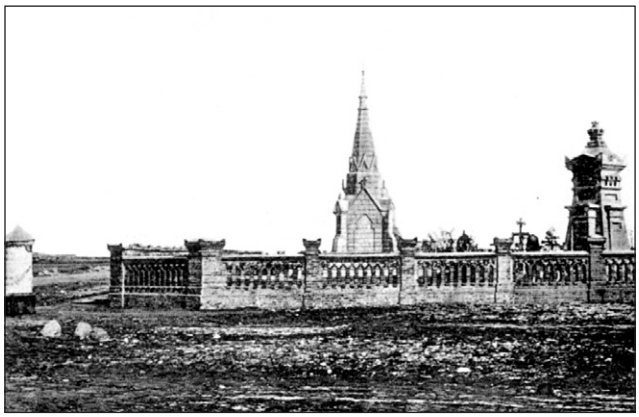
27 августа 1896 г. между Россией и Китаем был утвержден договор и контракт на постройку Китайской Восточной железной дороги – КВжд. Срок концессии был установлен в 80 лет. Работы по постройке были начаты 16 августа 1897 г., 1 июля 1903 г. КВжд была передана в эксплуатацию. С началом строительства железной дороги в апреле 1897 г. при предполагавшемся пересечении линией КВжд важнейшей реки Маньчжурии, Сунгари (приток Амура) началось строительство и главного города полосы отчуждения КВжд – Харбина. Для охраны строительных отрядов, самой дороги и ее сооружений была создана охранная стража, преобразованная в 1901 г. в Заамурский Округ Отдельного Корпуса Пограничной Стражи. Священник этого Корпуса о. Александр Журавский, назначенный в 1897 г. и прибывший в Харбин в июле 1898 г., стал первым священником полосы отчуждения КВжд, а первая военная походная церковь, устроенная в циновочной палатке – первым храмом в Маньчжурии. Она была посвящена святителю Николаю. Уже в 1900 г. была выстроена прекрасная деревянная церковь в древне-вологодском стиле из выписанной из Америки для нужд дороги аррагонской сосны. Этот храм во имя святителя Николая стал кафедральным собором Харбина. Согласно указу Синода от 29 мая 1903 г. священники полосы отчуждения (к тому времени их было уже семь) из ведения Протопресвитера военного и морского духовенства были переданы в подчинение начальнику Российской Духовной Миссии в Пекине, каковым в то время был епископ Иннокентий (Фигуровский †1931). С началом эксплуатации дороги духовенство полосы отчуждения было объявлено состоящим на службе КВжд по Церковному отделу, оно было обеспечено жалованьем (значительно превышавшим таковое в России) и пользовалось всей льготами, предоставленными служащим КВжд. Для окормления быстро увеличивающегося русского населения в Маньчжурии строились новые храмы и вместе с ними возрастал штат духовенства. Оно находилось в двойном подчинении: в церковном – епископу Иннокентию, а в качестве служащих КВжд – ее Управляющему. В августе 1907 г. указом Св. Синода духовенство и церкви полосы отчуждения КВжд были переданы в каноническое подчинение главы Владивостокской епархии, в то время им был архиепископ Евсевий (Никольский), в декабре 1918 г. его сменил епископ Михаил (Богданов).

Протоиерей Николай Пономарев. Христианство на Дальнем Востоке. (Рукопись. Частное собрание. Париж).

Харбин. Штаб Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи



Никольская военная походная церковь в Старом Харбине – первый храм города



Харбин. Памятник на братской могиле русских войнов, павших в 1900 году при защите Харбина от китайцев

нии группы духовенства и мирян – сторонников Патриарха Тихона в здании Духовной семинарии «обсуждался вопрос об избрании на Благовещенскую кафедру епископа», и прот. Николай Вознесенский назывался одним из двух кандидатов*.

В августе «через г. Сахалин [точнее – Сахалян. – *Ред.*] на пароходе (по р. Сунгари)»[101] «выехал с семьей в г. Харбин»[102] и прибыл в Маньчжурию его сын Георгий (будущий митрополит Филарет), успевший окончить восьмиклассную мужскую гимназию в Благовещенске[103]. Покинуть занятый большевиками город «с разрешения властей г. Благовещенска»[104] ему удалось, видимо, в силу того, что в Харбин он ехал с семьей к уже поселившемуся там отцу.

Уже в следующем году выходит двумя изданиями учебник о. Н. Ф. Вознесенского «История Русской Церкви»[105]. Еще год спустя о. Николай опубликовал новую книгу «История Православной Христианской Церкви. От основания Церкви до разделения Церквей в 1054 г.»[106]

Указом Высшего Русского Церковного Управления заграницей – Российского Архиерейского Заграничного Синода от 16/29 марта 1922 г. за № 205 и с благословения Патриарха Тихона учреждалась временно «в пределах полосы отчуждения Китайской Восточной ж.[елезной] д.[ороги] самостоятельная Епископия с кафедрой в г. Харбине»[107]. Основанием для учреждения епископии (кроме известного Постановления патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета Православной Российской церкви от ноября 1920 г. за № 362 об организации церковной власти в местностях, которые, в силу политических условий, окажутся вне общения с Высшей Церковной властью) являлись и письма управляющего КВжд от 24 января 1922 г. № 5 и помощника его за № 15 от того же числа «с ходатайством об учреждении в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги, где проживает более 300 тысяч православного населения, самостоятельной епископской кафедры с местопребыванием епископа в Харбине и о назначении на таковую архиепископа Оренбургского Мефодия, проживающего в Харбине и снискавшего любовь населения»[108], также способствовала образованию новой епархии и оторванность «от кафедрального города Владивостока» и неимение связи с Высшей всероссийской церковной властью. Вступление владыки Мефодия в управление епархией «совершилось 2 июня 1922 года, каковой день и следует считать днем основания Харбинской епархии»[109], «Епархиальному архиерею титул был присвоен „епископ Харбинский и Цицикарский“, впоследствии измененный на наименование „епископ Харбинский и Маньчжурский“ (указ высшего Церковного Управления от 19 августа / 1 сентября 1922 года за № 328)»[110].

Харбин. Иверская церковь на Офицерской улице, где служил о. Николай Вознесенский

Впоследствии стало очевидным, что решение об учреждении самостоятельной епархии оказалось единственно верным и чрезвычайно полезным для церковно-общественной жизни сотен тысяч русских жителей Маньчжурии… Епархия на десятилетия стала наиболее активной и жизнеспособной силой всей Русской Православной Церкви, сохранявшей традиционный для России уклад. Формальная неподчиненность Харбинской епархии московской церковной власти делала ее недосягаемой для большевиков, а фактическая отстраненность от внутрицерковных заграничных разделений в Европе позволяла все силы сосредоточить на действительно христианском служении – церковном и общественном.

Торжественное открытие епархии состоялось 14/27 сентября 1922 г. при 28 церквах; три года спустя насчитывалось уже более 40 приходов и два монастыря – мужской и женский[111].

Здесь, в Харбине, в совершенно особых условиях русско-маньчжурского города, который «ни в какой мере не видал большевизма», протекает работа о. Николая по изысканию возможностей к оказанию помощи бесчисленным русским беженцам. Один из очевидцев тех событий отмечал в своей корреспонденции огромный «наплыв русских военных из Манджурии [sic!]» и появление новой волны беженцев «не только из Забайкалья, но и с линии Кит.[айской] дороги». Согласно этому свидетельству особенно тяжело было «положение появившихся в Харбине детей-сирот. По инициативе Иверского братства все приходские советы объединились и организуют сборы одежды и средств на приют»[112]. Служение это заметно осложнялось тем, что в Харбине, «в самой буржуазной обстановке „манджурца“ культивируются симпатии к большевизму»[113].

В 1923 году о. Н. Вознесенского назначают настоятелем Свято-Иверской Церкви на Офицерской улице г. Харбина [114], построенной в 1908 г. на средства, собранные среди чинов Заамурского Военного округа Пограничной Стражи [115]. Внутри храма на колоннах начертаны были имена русских воинов заамурцев пограничников, «живот свой положивших на поле брани за Веру, Царя и Отечество»[116]. «В дни беженства

* Протокол № 2-й. // Государственный архив Амурской области. Ф. Р-643 (Благовещенское епархиальное управление), оп. 1, ед. хр. 1, л. 4 об.

Епископ Иннокентий (Фигуровский), начальник 18-й Пекинской миссии, в подчинении которого храмы в полосе КВжд находились с 1903 по 1907 годы

устроены были два придела: правый в честь Пр. Серафима Саровского и левый – Св. Николая. Фресковая живопись исполнена была в 1918 г. художником В. А. Михайловым, наполнила храм образцами творений выдающихся наших художников – Васнецова, Нестерова»[117], некоторые иконы были исполнены в технике мозаики. Главной святыней храма являлся Иверский образ Божией Матери.

В Иверском храме продолжилось церковно-просветительское служение опытного преподавателя и магистра богословия, и «Благодаря устраиваемым Владыкой Димитрием специальным богословским собеседованиям Иверская церковь считалась рассадником богословского любознания»[118].

В Харбине обрела новую форму литературно-издательская деятельность о. Николая Вознесенского. В 1925-1926 гг. под его редакцией выходил нравственно-церковный журнал «Вера и Жизнь»[119], печатавшийся в Софийской приходской типографии. В журнале публиковалась хроника церковной жизни Харбинской епархии, статьи по истории епархии и церковно-нравственного содержания, в числе последних интереснейшая работа архиепископа Мефодия «О знамении обновления святых икон»[120]. Автор представил обзор многочисленных свидетельств очевидцев, повествующих об удивительном мистическом явлении тех лет – волне благодатных обновлений икон, совершившихся во множестве в эмиграции и в России. Он подчеркивал, что: «Великий и святый Бог не может посылать знамений ради праздного любопытства, чтобы удивить только людей, а посылает их для какой-либо спасительной цели»[121]. В 1925 г. о. Николай Вознесенский составил «Покаянный акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице», что было сделано «в честь и память Великих Чудес Обновления Честных Изображений, в то время совершавшихся на Дальнем Востоке, наиболее же в память Обновления в Обители Св. Образа Владычицы Владимирской»[122].

Согласно определению Архиерейского Синода от 14/27 мая 1926 г. по докладу архиепископа Мефодия о. Н. Вознесенский был награжден золотым наперсным крестом с украшениями[123].

Но, к сожалению, труды по изданию журнала «Вера и Жизнь» оказались тогда «не по плечу Харбину и журнал приостановился»[124]. В начале 1935 г. его издание возобновилось, но уже в совершенно другом виде, «в форме популярно-религиозно-нравственного еженедельника», чистый сбор от которого поступал в пользу Серафимовской народной столовой[125]. Задачей журнала ставилось раскрывать содержание и смысл жизни христианской, превосходства ее над материалистическою, откликаться на злободневные вопросы Харбинской и общезарубежной русской церковной жизни. В первом номере возобновленного издания была помещена статья епископа Димитрия о неудобстве и несвоевременности перемены старого церковного стиля на новый. В этом же номере напечатано и слово игумена Филарета (Вознесенского) о любви. Номер заканчивался призывом епископа Димитрия «быть щедрыми на добрую благотворительность»[126].

Православные русские храмы в Китае. Слева: Пекин. Бэй-Гуань. Здесь помещалась Русская Православная миссия. Справа вдали – храм Всех святых, где были похоронены Китайские мученики (†1900) и Великие Князья – свв. мученики Алапаевские. Справа: Шанхай. Храм Богоявления – первая православная церковь в Чапее, освящена в 1905 году. Слева –школа для китайских мальчиков, позже – общежитие и столовая для русских офицеров-эмигрантов. Подворье и храм были уничтожены в 1932 году во время боевых действий между Китаем и Японией

Труды благотворительности и попечение о бедных

С 1931 г. прот. Н. Вознесенский некоторое время нес обязанности председателя епархиального «Попечительства о бедных духовного звания». В 1932 г. докладом Десятому Епархиальному собранию он предложил «передать все дело помощи нуждающимся церквам, духовенству и его сиротам в ведение Епархиального Совета, обладающего распорядительно-административной властью. Однако, чтобы сохранить в основном и важнейшем добрую сторону прежней организации Попечительства, все передаваемое дело должно составить в делопроизводстве Совета особый нарочитый церковно-благотворительный отдел»[127]. Епархиальным собранием эта структура была одобрена.

Однако уже вскоре о. Николай положил начало широкому движению по поддержанию больных, одиноких и малоимущих обитателей Харбина, продолжив тем самым свою прежнюю успешную работу, начатую еще в Благовещенске… 15 января 1933 года исполнялось столетие кончины св. Серафима Саровского, коему посвящен был правый предел Успенского храма. «В канун этого праздника, – вспоминал Е. Н. Сумароков, – за всенощной отец Николай в своем слове с амвона […] указал на то, что великий подвижник имел обычай раздавать всем многочисленным посетителям сухарики, утешая приходящих к нему со скорбями, он как бы запечатлевал это раздачей сухариков»[128]. О. Николай призвал ознаменовать столетие со дня преставления Преп. Серафима соответствующим добрым делом и вскоре из прихожан и членов приходского совета Иверского храма сложился кружок и под руководством о. Николая «началась трудная и упорная работа по изысканию и сбору средств для устройства столовой для бедных. Решено было построить свое здание на участке Иверской церкви»[129]. С этой целью приобретен был в районе станции Ханьдаохэцзы деревянный дом, уже в мае перевезенный в Харбин. В июне устроили благотворительную лотерею книг религиозно-нравственного содержания и на вырученные 600 с лишним долларов начали в июле постройку здания «с полуподвальным этажом для кухни и кладовых, в общей сложности в 52 квадратных сажен»[130]. К концу ноября постройка (обошедшаяся более чем в 6000 долларов) закончилась, но открыть столовую было нельзя по причине отсутствия какого-либо необходимого инвентаря. Тогда о. Николай «обратился с воззванием о помощи. Русское население горячо откликнулось и на этот раз […]. Несли столы, стулья, табуреты, тарелки, ножи, вилки, ложки, кухонную посуду и деньги»[131]. Освящение столовой архиепископом Мелетием состоялось 9 декабря 1933 года в день св. Иннокентия Иркутского. «В тот же день столовая отпустила 300 бесплатных обедов. С этого дня началась ее полезная работа. Цель Серафимовской столовой – дать малоимущим за небольшую плату простой сытный обед, а неимущему – бесплатно»[132]. Члены «Серафимовского благотворительного кружка при Иверской церкви» числом более ста человек оказывали посильную практическую помощь.

Материальной основою для существования этой благотворительной столовой являлось сочетание под одною вывеской двух взаимосвязанных учреждений – обыкновенной столовой, отпускавшей обеды за обычную, высокую плату и столовой, отпускавшей удешевленные или полностью бесплатные обеды в зависимости от степень достатка нуждавшихся.

Епископ Михаил (Богданов), Владивостокский и Камчатский, управлявший церковными делами в полосе отчуждения КВжд с 1918 по 1922 гг., в 1923 г. прибыл в Харбин как беженец, Скончался в Харбине († 22.07.1925). Похоронен возле Софийской церкви

Учитывая тяжелое положение многих русских жителей Харбина руководитель столовой «в то время уже архимандрит Димитрий, горячо взялся за скорейшее разрешение этого важного вопроса путем открытия при столовой постоянного приюта для безработных. Решено было произвести пристройку к подвальному этажу здания с таким расчетом, чтобы в будущем над этой пристройкой возвести 2-ой этаж»[133]. И в январе 1935 года открылся первый приют, где нашли убежище восемнадцать престарелых русских.

В начале весны 1935 г. одна русская дама предложила усадьбу в Ченхэ по Некрасовской улице № 9 под новый приют, и уже в марте открыт был второй приют, принявший семнадцать человек.

Тогда же начались переговоры с Городской Управой о возможности занять еще один, полуразвалившийся дом на Зеленом базаре, что и было разрешено сделать бесплатно. Так, после небольшого ремонта, открылся третий приют, куда поместили десять старушек.

Население всех приютов возросло к концу 1935 г. до 65 человек, из коих 20 женщин в возрасте от 55 до 93 лет и 45 мужчин в возрасте от 61 до 105 лет[134].

Харбин. Серафимовская благотворительная столовая при Иверской церкви. Фото 1920-х годов

Чудесно обновившийся Образ Господа Саваофа. Во время пожара, находясь в эпицентре огня в киоте без стекла, этот бумажный образ начала XVIII века остался невредимым. Отмечено, что после пожара «выражение пречистых глаз стало строгим». В 1925 дважды и 1928 годах произошли обновления образа, после чего «пречистые глаза снова стали добрыми»

Бескорыстная и высоко полезная деятельность о. Н. Вознесенского была отмечена Маньчжурским Императором Пу И, который наградил его особою грамотой и серебряной медалью[135]. По-видимому, это была или медаль «За Справедливые Деяния», или «За Заслуги Перед Обществом».

В 1936 г. больной и одинокий житель Ченхэ г. Колотов преложил передать Серафимовской столовой свой дом с двумя флигелями в обмен на обеспечение ему пожизненного ухода и проживания в этом самом доме. «После надлежащего оформления этого дела, в доме Колотова на Озерной улице был открыт второй приют в Ченхэ для мужчин – четвертый в общем счете приютов, приют же на Некрасовской улице стал исключительно женским»[136]. Кроме того, в 1937 г., в верхнем этаже первого приюта при Серафимовской столовой две комнаты были отведены для призреваемых мальчиков, числом более десяти человек, причем одна комната была спальней, а вторая использовалась как столовая и классная комната. Обучались все дети («Одно время число их достигало до 31; затем 18 выбыли и оставались 13»[137]) в городских школах, а в приюте продолжалось их воспитание «в русском религиозно-нравственном духе»[138], чему немало времени уделяла группа русских девушек, а некоторые участницы Дамского кружка снабжали детей бельем и предметами первой необходимости. О. Николай Падерин (впоследствии епископ Бразильский Никандр, 1927–1987) отмечал, что призреваемые мальчики «при полном содержании получали должное воспитание, находясь постоянно при храме, участвуя в богослужении и обучаясь в городских школах»[139], что давало им возможность впоследствии продолжить образование.

К 1942 году во всех приютах Серафимовской столовой проживало свыше ста человек – лица духовного звания, солдаты, генералы, педагоги, юристы, чиновники, ремесленники, мастеровые и чернорабочие, крупные промышленники и коммерсанты. Почти две трети призреваемых жили совершенно бесплатно, «а взносы платных составляют едва 35% всей суммы, потребной на расходы по содержанию приютов»[140]. Серафимовская столовая с четырьмя приютами для бедных, сирот и престарелых, помещавшаяся в отдельном большом одноэтажном здании, отпускала в год до 150 000 обедов[141]. «Заведующим Серафимовской столовой и приютами епископ Димитрий назначил о. Илию Фомича Пыжова»[142]. Под редакцией епископа Димитрия были выпущены газеты-однодневки «Нужда и помощь» (Харбин, 1934, 1936) и листок «Помощь бедняку» (Харбин, 1939).

Таким образом, дело, начатое о. Николаем Вознесенским в день столетия кончины Преп. Серафима, за несколько лет превратилось в крупнейшее благотворительное учреждение не только в пределах Харбинской епархии и русского Дальнего Востока, но и стало наиболее значительным в те годы подобным начинанием русской эмиграции. Русские учреждения сравнимого масштаба существовали лишь на Балканах…

Богословские курсы

Важнейшим этапом служения о. Николая в эмиграции стала его преподавательская деятельность. До начала 1925 г. он преподавал Закон Божий в Коммерческом училище Китайской восточной железной дороги, одном из лучших учебных учреждений Харбина. В октябре 1924 г. китайское правительство подписало договор с Советской властью и передало ей КВжд. Появление большевиков в управлении КВжд существенно отразилось на жизни всей полосы отчуждения и самой Харбинской епархии. Уже в начале 1925 г. было отменено преподавание Закона Божия в учебных заведениях Харбина, возникла необходимость организации специальных лекций или курсов по богословию для молодежи, дабы создать противовес той атеистической пропаганде, которую несла с собою новая советская школа, усиленно насаждаемая отныне.

На Епархиальном собрании в 1927 г. было принято решение об образовании специальной Учебной комиссии по открытию среднего учебного заведения от епархии. В нее были избраны прот. П. Рождественский, Н. Л. Гондатти, Н. П. Покровский, прот. Н. Вознесенский, прот. А. Пономарев и И. И. Костючик. Было решено принять новую программу по преподаванию Закона Божия, который должен стать обязательным для преподавания детям и молодежи, и составить коллектив авторов по составлению нового учебника или приспособить для этой цели учебник о. Н. Вознесенского. На следующем епархиальном собрании в апреле 1928 г. прот. П. Рождественский предложил «в виду необычайно важности переживаемого момента и для большей авторитетности Епархиального Совета, не имеющего в своем составе духовного лица с высшим богословским образованием […] ввести в состав Епархиального Совета с правом решающего голоса сверхштатным членом утвержденного Заграничным Синодом кандидата в члены, заслуженного и авторитетного о. Прот. Н. Вознесенского»[143]. Н.Ф. Вознесенский вошел также в состав комиссии по рассмотрению вопроса относи-

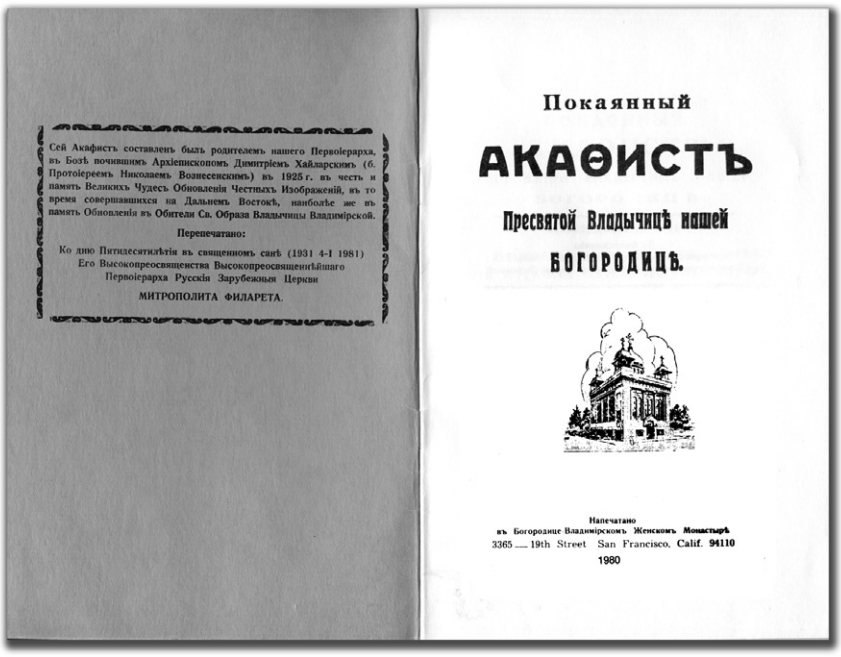
тельно «церковных нестроений в связи с незакономерными и противоканоническими действиями митрополитов Евлогия, Платона и Сергия и многих других иерархов, производящих раскол и разделение среди верующего народа»[144].

В октябре 1927 года по инициативе о. Н. Вознесенского и выпускницы Киевской консерватории Г. Г. Барановой-Поповой при Иверском храме города Харбина открыты были Музыкальные курсы – «специальное учебное заведение, открытое с целью дать серьезное музыкальное образование, главным образом, русской эмигрантской молодежи, за доступную плату»[145]. В классах рояля, сольного пения, скрипки и открытых впоследствии классах виолончели, хоровом, церковного пения и регентском обучалось от 65 человек (в год открытия курсов) до 110 в 1929-1930 учебном году. В течение 14-летнего их существования учредитель и председатель правления курсов владыка Димитрий «почти не пропускал ни одного публичного концерта, бывал всегда на школьных праздниках и даже на закрытых концертах»[146]. Небесным покровителем курсов почитался св. Иоанн Дамаскин.

Также прот. Н. Вознесенский стал инициатором открытия и заведующим Церковно-певческих курсов, созданных при Музыкальных классах. Они располагались в здании 1-го Реального училища, в доме № 15 по Таможенной улице. Секретарем курсов состоял Е.Н. Сумароков[147].

Следует отметить, что харбинское духовенство в целом чрезвычайно ответственно подходило к любым нововведениям в церковно-общественно деятельности, особенно к попыткам привлечения русского юношества к соучастию в работе католических и протестантских организаций. Характерной в связи с этим представляется статья архиепископа Харбинского и Маньчжурского Мефодия «YMCA», напечатанная в 1927 г. в журнале «Хлеб Небесный»[148]. Меньшая часть ее была перепечатана в парижском «Вестнике РСХД»[149], а часть, не вошедшая в «Вестник» – перепечатана в синодальных «Церковных ведомостях»[150].

Св. Чудотворный Образ Божией Матери «Владимирской», обновившийся 26 августа ст. ст. 1925 г. в Харбине на руках игумении Руфины, настоятельницы Харбинского Богородице-Владимирского монастыря



Сей Акафистъ составленъ былъ родителемъ нашего Первоіерарха, въ Бозѣ почившимъ Архіепископомъ Димитріемъ Хайларскимъ (б. Протоіереемъ Николаемъ Вознесенскимъ) въ 1925 г. въ честь и память Великихъ Чудесъ Обновленія Честныхъ Изображеній, въ то время совершившихся на Дальнемъ Востокѣ, наиболѣе же въ память Обновленія въ Обители Св. Образа Владычицы Владимірской.

Перепечатано:

Ко дню Пятидесятилѣтія въ священномъ санѣ (1931 4-I 1981) Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго Первоіерарха Русскія Зарубежныя Церкви

МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

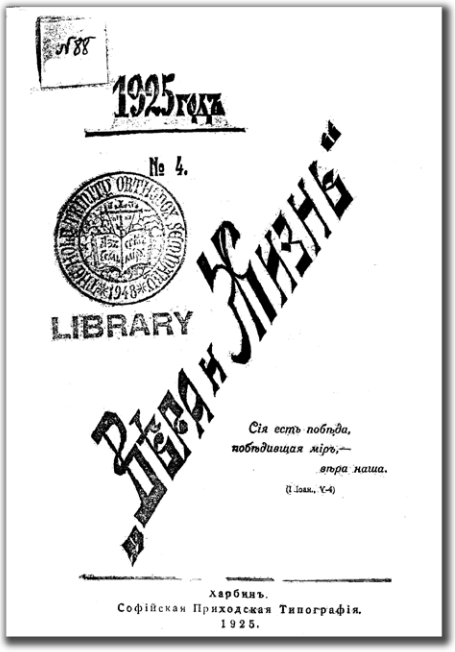
Покаянный

АКАѲИСТЪ

Пресвятой Владычицѣ нашей

БОГОРОДИЦѢ.

Напечатано
въ Богородице Владимірскомъ Женскомъ Монастырѣ
3365 — 19th Street San Francisco, Calif. 94110
1980



№88

1925 годъ

№ 4.

LIBRARY

Вѣра и Жизнь

Сія есть побѣда, побѣдившая міръ,— вѣра наша.
(I Іоан., V-4)

Харбинъ.
Софійская Приходская Типографія.
1925.

Составленный протоиереем Николаем Вознесенским Покаянный акафист Пресвятой Богородице. Обложка журнала «Вера и жизнь», издававшегося о. Н. Вознесенским в 1925–1926 годах

Генерал-губернатор Приамурского края (1911–1917), шталмейстер Высочайшего Двора, начальник Земельного отдела КВжд Николай Львович Гондатти (08.11.1861, Москва –05.04.1946, Харбин)

Архиепископ Мефодий, считая Союз YMCA «детищем протестантства», выяснял отношение Союза к православию. «Нет сомнения, что члены Союза лично могут быть одушевлены самыми добрыми намерениями, но религиозная идеология Союза слишком далека от православия, чтобы могли возникнуть искренние отношения между Союзом и православием […] Союз не ведет специальной пропаганды какого-либо определенного вероисповедания; но его идеология есть та же пропаганда, это пропаганда равноценности всех вероисповеданий и полного вероисповедного, или конфессионального безразличия». «Итак идеология Союза внедряет идею не только конфессионального безразличия и равнодушия, но и полного религиозного индифферентизма. Союз не пропагандирует этой идеи, но она само собой внедряется вследствие идейного общения с Союзом»[151].

Владыка Мефодий, не разделяя существующего мнения, что Союз есть ответвление масонства, замечая при этом: «Однако эмблема одного из самых мощных отделов Союза – американского – треугольник, обращенный вершиной вниз, наводит на размышления. Без всяких объяснений ясно, что – это нижняя половина иудейской звезды, которую мы видим на синагогах. Нет символа Христианства – Креста, но есть ясно заметный символ иудо-масонства. Конечно, это не случайность, а что-то значит. В журналах „Луч“, „Отечество“ и „Вестнике Высшего Монархического Совета“ приводятся очень выразительные факты масонского уклона Союза»[152].

22/9 февраля 1928 г. в Харбине при ближайшем участии о. Н. Вознесенского открыты были Богословские курсы[153], просуществовавшие около шести с половиной лет до лета 1934 г.

«Небольшая полуподвальная комната Иверского храма, большой стол, простые скамьи – вот первоначальное здание Пастырско-Богословских курсов, – вспоминал читавший церковную историю Е.Н. Сумароков. – Слушателей не более 20 человек, как правило – все уже пожилые люди, но среди них и несколько юношей. […] Так началось дело богословского образования. Инициативу в этом направлении проявил протоиерей о. Николай Вознесенский – теперь епископ Димитрий – с группой лиц, сочувствующих идее и разделивших первоначальные труды. […] Для слушателей были признаны обязательными ценз не менее 6 классов гимназии, установлены были ежегодные экзамены, программа курсов и преподаватели утверждались Архиерейским Заграничным Синодом. […] Длительность каждого курса продолжалась в нормальный учебный год: начало года падало на сентябрь и конец на июнь, с обычными праздничными перерывами. Слушатели курсов призывались в праздничные дни к богослужениям, в которые они читали и пели. […] Как на особенность, нужно указать на необычайно повышенный интерес к изучаемым предметам»[154]. Позже Курсы размещались в здании 1-й Харбинской частной гимназии, директором которой являлся В.Д. Беляев. Учащиеся были разделены на слушателей и вольнослушателей. Обучаться могли православные обоего пола, достигшие совершеннолетия, представившие свидетельства от своего духовника или приходских священников «о добром поведении». Руководство и наблюдение за учебно-воспитательной частью лежало на правящем архиерее. Курсы были платные.

Состав преподавателей не был постоянным. Так в 1931 г. учебные занятия проводили: Архиепископ Мелетий (Апостольские послания и Апокалипсис), прот. о. Н. Вознесенский (Четвероевангелие, Деяния св. Апостолов, христианская жизнь и послания св. Ап. Павла), прот. Л. Викторов (Священное Писание Ветхого Завета), прот. А. Пономарев (сектоведение), Н.П. Покровский (Основное догматическое и нравственное богословие), С.В. Кедров (греческий язык), Е.Н. Сумароков (церковная история и каноника), И. И. Костючик (словесность, начальные основы философии), Н.В. Борзов (психология и логика), И.П. Райский (пение)[155].

Преподавание на Богословских курсах строилось по образцу старших (богословских) классов русских дореволюционных Духовных семинарий, но с некоторыми изменениями. Значительно сокращен был объем преподавания Св. Писания Ветхого Завета, совсем изъято преподавание библейской истории и истории обличения русского раскола. Зато значительно увеличено количество учебных часов на изучение Св. Писания Нового Завета, «особенно четвероевангелия и всех богословий»[156]. Серьезное внимание уделялось преподаванию словесности, психологии, логике и философии. Кроме того, программа включала ежедневное упражнение в чтении Слова Божия, составление и произнесение проповедей, участие в богослужениях. Необычайно повышенный интерес своих слушателей к изучаемым предметам, их аккуратность в посещении лекций и выполнении заданий преподаватели объясняли тем, что «все шли на курсы по призванию»[157]. «Жертвенность проявлялась во многом, и она – характерная особенность Пастырско-богословской курсовой работы. Жертвенность проявлялась и со стороны преподавателей. Тех немногих денег, кои собирались с учащихся, едва хватало на оплату помещения и приплат сторожу. Последний аккуратно получал за свою работу на курсах; что же касается преподавателей, то оплата их труда колебалась от 1-ой иены до 50 сен за данный урок, спускаясь порой и до 30 сен за час»[158].

Бессменным заведующим Богословскими курсами стал протоиерей о. Н. Вознесенский, преподававший Новый Завет

(8 часов в неделю) и Пастырское христианское богослужение (2 часа в неделю), а Инспектором протоиерей о. А. Пономарев. На проходившем в июне 1932 г. Десятом епархиальном собрании о. Н. Вознесенскому как заведующему Курсами была объявлена благодарность[159].

Среди выпускников первого курса числился и сын о. Н. Вознесенского – Г.Н. Вознесенский, окончивший курсы по первому разряду; в числе прочих были также иеромонах Нафанаил (Львов) – сын бывшего обер-прокурора Св. Синода В.Н. Львова, иеромонах Иннокентий (Мельников), К.Г. Иогель, Г.Н. Лукин, В.В. Якушев и другие. Преподавателями Богословских курсов состояли – о. Л.Н. Викторов, Н.П. Покровский, Н.В. Борзов и А.Д. Лифантьев. В программу Курсов, которые приравнивались к Духовной семинарии, включены были все те научные дисциплины, какие изучались в богословских классах дореволюционных семинарий[160]. 29 августа 1934 года Курсы закрылись, просуществовав шесть с половиной лет с 22/9 февраля 1928 года[161], и были преобразованы в Богословский факультет Института св. Владимира, открытый в августе 1934 г. Факультет был создан путем значительного реформирования существующих Богословских курсов, программа которых была расширена и приближена к программе старых Духовных академий.

Летом 1934 г. прот. А. Пономарев, директор Русской гимназии в Мукдене В.М. Павловский и профессор Политехнического института Д.А. Борейко, «заручившись поддержкой некоторых представителей ниппонской власти», исхлопотали «учреждение в Харбине высшей русской школы, под покровом Православной церкви, под именем Института св. Владимира, в составе трех факультетов: Политехнического […], Восточно-Экономического […] и Богословского»[162]. Деканом последнего был избран Владимир Михайлович Павловский (с условием принятия им монашества). Он был пострижен в монашество с именем Василий в феврале 1935 г.[163]

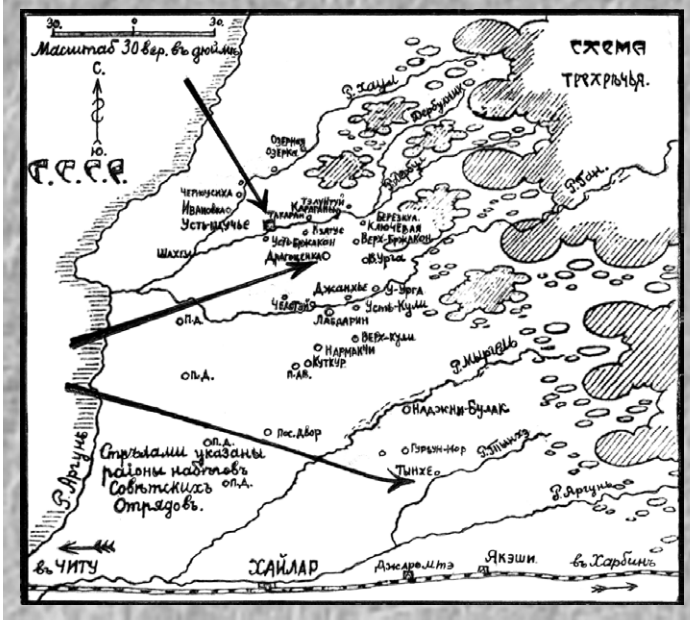
В деятельности нового высшего учебного заведения самое активное участие принимал и о. Н. Ф. Вознесенский, но уже в сане епископа….

Архиепископ, с 1929 года – митрополит Харбинский и Цицикарский Мефодий, бывший Оренбургский. В 1922–1931 годах он возглавлял Харбинскую епархию. † 28 марта 1931 года. Был погребен в Свято-Николаевском кафедральном соборе у правого клироса

1929 год стал временем страшных испытаний для жителей Трехречья – нескольких тысяч казаков-забайкальцев, поселившихся на более чем тридцати хуторах по берегам рек Гана, Дербула и Хаула (притоков реки Аргуни)… Систематические набеги советских армейских банд на расположенные близ советской границы русские поселения сопровождались неимоверными зверствами, потрясавшими даже переживших гражданскую войну. Периодическая русская печать была переполнена жуткими отчетами с мест трагических событий…

Синод Русской Зарубежной Церкви призвал русское население Дальнего Востока к вооруженной борьбе. Соответствующее послание митрополита Антония (Храповицкого) было опубликовано уже в январе:

Трагедия Трехречья. 1929 год



Трехречье – это часть провинции Барги, составляющей сверо-восточную часть Внешней Монголии.

Свое имя Трехречье получило от трех рек – Хаул, Дербул и Ган. Все три – притоки реки Аргунь, по которой проходит граница России и Китая.

Южная граница Трехречья упирается в участок КВЖД между станциями Манчжурия и Якеши, хотя строго говоря названное Трехречье должно относиться лишь к району, омываемому помянутыми выше реками.

28 сентября 1929 г. красный партизанский отряд переправился через р. Аргунь и разграбил поселки Аргунск, Комары и хутор Дамысово, близ поселка Келари.

11 октября произошел новый налет красных партизан на Трехречье, при чем в этот раз вновь пострадал поселок Лабдарин и поселки Кици-нор и Усть-Уровск.

Все сведения, в виду разлива рек, отсутствия телеграфной связи и отдаленности Трехречья от г. Харбина, были разрознены и получены нами с запозданием.

В конечном результате можно предположить, что в Трехречьи действовал один красный партизанский отряд, разбившийся на 3-4 группы силою около 50 человек каждая. Они убили и замучили свыше 300 человек мирного населения.

Кого же и для чего они убивали? Читатели наши не все знают, что в Трехречье, начиная еще с 1919 года, выселилось много людей из Забайкалья, не желавших оставаться в России в эпоху гражданской войны, а затем и утверждения там советской власти. Сюда шли и казаки, и крестьяне, и татары, и разные беженцы из Советского рая. Приток этих поселенцев продолжался и до наших дней. Китайское Правительство приняло всех этих людей, дало им возможность расселиться по поселкам и хуторам и это русское население, мирное и безоружное, начало понемногу богатеть и жить нормальной жизнью, служа постоянным бельмом на глазу Советской власти, ибо слишком разительна была разница между нищими, обобранными подданными СССР и живущими тут же близ границы, но свободной и трудовой жизнью, русскими поселенцами Трехречья. Мирная работа этих поселенцев была столь успешна, что они явились главными поставщиками разных жизненных продуктов в Харбин и в частности единственными поставщиками великолепного сливочного масла, производство которого они организовали в Трехречьи.

Прибавим к этому, что эти поселенцы не участвовали и не участвуют в борьбе против советской власти и не имеют никакого отношения к происходящему ныне конфликту между СССР и китайским правительством.

В данное время, часть, но достаточно проверенных опросом раненых и беженцев из Трехречья, сведений имеется в нашем распоряжении и краткую сводку из них мы сообщаем.

Вот сухой рассказ о разгроме поселков Аргунск, Комары и хутора Дамысово близ поселка Келари. При налете на эти поселки все перебиты, все предано огню, несколько бежавших сообщили, что красные убивали людей из винтовок и пулеметов. Детей сбрасывали в реку. В Дамысово трехмесячный ребенок, мальчик Зырянов, был выхвачен из люльки и разорван на части.

Бежавший казак сообщил о зверском убийстве 8-ми татар из Хайлара, в поселке Цанкыр.

Священник о. Модест Горбунов из Верх-Кули был убит со своими сыновьями.

В письме из Трехречья нам сообщают:

«30-го числа к нам привезли убитых – священника, его сына и семью Круглик из 6-ти человек (муж, жена и четверо детей).

Они были убиты и сожжены на масле, а еще убит с ними один возчик, у него здесь осталась жена и трое ребят. Вид убитых ужасный, священника можно узнать, лицо сохранилось. У жены Круглика лицо сохранилось и одна грудь, вот поэтому и узнали женщину, а у детей всё сгорело. Запаха от них нет, потому что они зажарились с кожей; для священника сделали гроб, для женщины и сына священника другой, а остальных шесть человек положили в один гроб».

В одном поселке красные партизаны и бывший при них отряд комсомольцев убивали мужчин и женщин, а детей бросали живыми в реку или разбивали им головы о камни.

В другом поселке женщин и детей загнали в протоку и в воде расстреливали их, а оставшихся на берегу добивали кольями или бросали в разложенные костры.

Лишь в поселках Аргунском, Комары и на хуторе Дамысово убито около 120 человек.

В поселке Кацинор красные убили всех мужчин и много женщин.

При последнем налете на Усль-Уровск 11 октября с. г., жители в отчаянии отстреливались от красных партизан из дробовых охотничьих ружей и старых берданок, красные окружили поселок и открыли по нему огонь из пулеметов и из орудий, стоявшей на р. Аргунь, советской канонерской лодки. В результате этого налета перебито не менее 200 человек русского и китайского мирного населения.

Что к этому прибавить? Что убитый священник о. Модест Горбунов предварительно был подвергнут пыткам, что его привязали за волосы к лошади, которая протащила его тело по земле. Что женщины и девушки, перед тем, как быть замученными или убитыми, были изнасилованы красными партизанами и комсомольцами.

Прибавим еще и то, что по словам самих красных партизан (эти слова лично слышали некоторые бежавшие из Трехречья) – они посланы советской властью с приказанием истребить всех без исключения русских переселенцев, живущих в Трехречьи, и уничтожить все их имущество. В тех местах, где красные партизаны побывали, они точно исполнили этот приказ сатанинской власти и не их вина, если некоторым жертвам удалось бежать и передать нам точно все, что они видели и слышали в эти ужасные дни.

В связи с этими событиями надо отметить еще, что 9 октября в г. Харбине был убит на улице, двумя комсомольцами, надзиратель уголовного розыска Николай Михайлович Гиацинтов, после которого осталась без всяких средств к существованию беременная вдова и двое маленьких детей.

Мы кратко даем вам, дорогие читатели, выборки из того, что уже стало известным.

Мы умышленно выбрали лишь то, что точно проверено и слышано от живых людей.

Мы умышленно не нагромождали деталей ужасной расправы, которую чинили красные палачи над женщинами и малолетними детьми.

Теперь вы знаете суть дела и знаете его без прикрас и без искажения фактов.

Что же делать? Здесь в г. Харбине во всех церквах была отслужена панихида по невинным жертвам новой жестокости коммунистической «народной» власти. Церкви были полны молящимися, русское население г. Харбина обратилось с телеграммой к правительствам всего мира с изложением обстоятельств этого страшного дела.

До сих пор страдания нашего народа под пятой нерусской и варварской власти не доходили до сердца других народов; они равнодушно смотрели на эти страдания, не верили, когда им говорили о мучениях русских людей. События в Трехречьи выходят из ужасных, не привычных для других народов, рамок.

Гражданской войны, которой до сих пор большевики объясняли зверства своих чрезвычаек, давно нет; с ними больше никто не борется, а они, презирая все законы, ворвались на чужую территорию и там замучили, привычным для них, варварским образом, более 300 мирных русских людей и безнаказанно ушли обратно в свои владения.

Льстивые, скрытые, друзья коммунистов обыкновенно говорят, что вера христианская запрещает мстить за обиды, что надо прощать своих врагов и т. д.

К вам, боголюбивые читатели нашего журнала, мы обращаем эти наши слова. Довольно крови! Довольно лжи! Мир задыхается в них. Да, надо прощать врагов своих, но никто и никогда не учил прощать врагов своего ближнего. Никто не приказывал оставлять беззащитными беспомощных женщин и детей.

Наоборот, Тот, Кто велел прощать врагов своих, – Он же сказал, что «больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15, 13).

Эти слова Спасителя всегда давали основание для нашей Церкви ясно объяснять своим чадам, что значит прощать своим чадам, что значит прощать своих личных врагов и что значит умирать за спасение и счастье ближних.

Эти слова всегда давали ясное представление о том, что такое война и военные действия и они же осуждают на вечную муку убийц и грабителей.

Да, прощать убийц целой страны нельзя. Защищать

слабых и безоружных есть долг каждого христианина, независимо от его взглядов или занятий. Увы! Русские люди – те, в ком не угасла вера Христова и кто не забыл поруганной, несчастной нашей Родины, у вас нет ни сил, ни средств, чтобы с оружием в руках защищать от врагов Христовых Церковь и народ православный. Но помните, что не только оружием может быть поражаема безбожная, варварская власть коммунистов.

Есть и другие средства и эти средства в ваших руках. Вас в изгнании около 1,000,000 человек, ваш единодушный голос не может не быть услышанным.

Но этот голос должен быть единодушным. Здесь, в оторванном от всего мира, Харбине, русские люди, как могли, этот голос возвысили и сообщили о событиях в Трехречьи. Но наш голос здесь слаб.

Мы зовем вас всех, наши дорогие читатели, куда бы вы ни были заброшены – сумейте чутким сердцем понять весь ужас зверств, бывших в Трехречьи, вспомните, что души замученных и убитых невинных русских людей вопиют к Небу, и каждый в месте своего жительства соберите всех русских людей и голос их передайте правительствам и печати тех стран, где вы живете – это может разбудить даже заснувшую совесть нынешнего материалистического века.

Вы, Пастыри Духовные – настоятели русских Православных Церквей, разбросанных во всех странах мира, Вы – русские писатели, русские журналисты, сумейте разбудить вашими словами совесть людей, живущих в мирной обстановке вдали от страданий и мучений невинных детей Великой Православной Мученицы – России, и да поможет вам, в этом деле Господь Бог Всемогущий.

Просим все русские и иностранные газеты и журналы перепечатать.

(«Хлеб Небесный», №13, 1929г., г. Харбин, печатается в сокращении)

Казачат расстреляли*

Видно ты уснула, жалость человечья?!
Почему молчишь ты, не пойму никак.
Знаю, не была ты в эти дни в Трехречьи.
Там была жестокость – твой извечный враг.

Ах, беды не чаял беззащитный хутор...
Люди, не молчите – камни закричат!
Там из пулемета расстреляли утром
Милых, круглолицых, бойких казачат...

У Престола Бога, чье подножье свято,
Праведникам – милость, грешникам – гроза,
С жалобой безмолвной встанут казачата...
И Господь заглянет в детские глаза.

Скажет самый младший: «Нас из пулемета
Расстреляли нынче утром на заре».
И всплеснет руками горестными кто-то
На высокой белой облачной горе.

Выйдет бледный мальчик и тихонько спросит:
«Братья-казачата, кто обидел вас?»
Человечья жалость прозвенит в вопросе,
Светом заструится из тоскливых глаз.

Подойдут поближе, в очи ему взглянут —
И узнают сразу. Как же не узнать?!
«Был казачьих войск ты светлым Атаманом,
В дни, когда в детей нельзя было стрелять».

И заплачут горько-горько казачата
У Престола Бога, чье подножье свято.
Господи, Ты видишь, вместе с ними плачет
Мученик-Царевич, Атаман Казачий!

Поселок Танехэ – одна из жертв большевиков

Свидетелей страшного события из старших в живых осталось немного, а нас в то время малолеток, теперь преклонного возраста судьба разбросала в разные стороны.

В 1920 году жители Забайкалья от преследований советской власти покинули Родину и нашли убежище в Китае. Односельчане поселка Новоцурхайтуй осели у подножия горного хребта около 50 км от станции Якэши, назвав поселок Танехэ. Жили спокойно, занимаясь сельским хозяйством. Малые дети, играя, безбоязненно уходили далеко от жилья, не было ни диких зверей, ни злых людей. Молоденькая учительница, Яблоновская Тамара Валентиновна, общая любимица, в праздничные дни забирала не только учеников, но и ребятишек-дошкольников и уходила на плоскогорье хребта над селом, играли там даже в лапту. Однажды нас там сфотографировали.

Но... в 1929 году в Читинской области сформировался отряд большевиков и в сентябре они перешли Китайскую границу, учиняя на пути кровавую расправу над русскими, своими бывшими земляками-белыми. Итак, 27 сент. ранним утром раздались выстрелы над поселком Танехэ. С плоскогорья хребта спускались конные всадники. Первой жертвой пал Якимов Гриша, мой двоюродный брат. Он ходил за лошадью в поле, ему надо было ехать в город Хайлар, где он учился в гимназии. Его заставили гнать лошадей домой во двор, а затем скомандовали идти на место сбора жителей, но на полпути застрелили. Вооруженные пулеметами, винтовками, штыками и гранатами, бандиты носились по поселку, выгоняя людей на край села, поджигая дворы и опустошая хаты. Наши родители, Сергей Ананьевич и Анна Васильевна, взяли нас, своих детей (три девочки и младший мальчик четырех лет) и пошли на указанное место, откуда наш папа уже не вернулся домой. Враги оцепили собравшихся, кружась на лошадях, о чем-то совещались, а мы в страхе ожидали недобрый конец. Вскоре объявили женщинам с детьми идти по домам, а мужчин 80 человек, где были глубокие старики и 14-летние подростки, быстро погнали за посёлок.

---

* Стихи русской поэтессы Марианны Колосовой, изданные в Харбине, в журнале «Рубеж» 19 октября 1929 года. Имя Марианны Колосовой (настоящее имя – Римма Ивановна Покровская, рожд. Виноградова; 26.05.1903, Алтай – 06.10.1964, Сантьяго, Чили) сегодня известно не многим. Родилась она в одном из селений на берегу Оби в семье священника Иоанна Виноградова. После расстрела большевиками отца, будучи совсем юной, приняла участие в Белом движении в Сибири и Семиречье. С 1920 г. - в эмиграции в Китае, в Маньчжурии. В Харбине – студентка юридического факультета, вышла замуж за бывшего Белого офицера А.Н. Покровского. С 1928 г. выходят в свет сборники ее стихов, посвященных России, великой трагедии страны и народа, Белой идее: «Армия песен» (1928), «Господи, спаси Россию!» (1930), «Не покорюсь!» (1932), «На звон мечей» (1934) – в Харбине, «На боевом посту» (1934), «Медный гул» (1937) – в Шанхае. В 1949 г. Китай стал коммунистическим, и для русских эмигрантов началась вторая волна исхода. Так «самая любимая поэтесса русского Китая» вместе с мужем оказывается на Филлипинах, затем – в Южной Америке. Последние несколько лет (с конца 1950-х гг.) Покровские прожили в Чили, где осенью 1964 г. поэтесса скончалась, забытая большинством соотечественников за рубежом и неизвестная на горячо любимой Родине.

Краткая биография М. Колосовой составлена по статье Татьяны Шитяковой «Не покорюсь!» Журнал «Соотечественники» 20 июня 2005 г.

На повороте высокой горы этого хребта, против кладбища скомандовали стать на колени, говоря с насмешкой: «Вы верите Богу, пусть Он спасет вас!»... Обстрел из пулемета, куча окровавленных тел, раненых всячески добивали. Спешно расправились варвары, боясь преследований, и скрылись.

Утром этого дня двое из наших мужчин, имея во дворе коней, под градом вражеских пуль сумели ускакать в соседнее село, откуда с ними прибыли люди оказать помощь пострадавшим. Громкие рыдания и причитания огласили деревню. Во время трагедии на горке против хаты сидела старуха, закутанная большой шалью, с ребенком на руках... это был Тунашев дядя Ваня, одетый в женское платье. Чудом остались живыми два подростка и мужчина средних лет, которых извлекли из-под тел убитых.

Трехречье. Пос. Лабдарин. Храм, выстроенный потомками трехреченских казаков в 2000-х годах

Стояла «золотая осень» 28 сентября на другой день после трагедии, привезли вдов и детей-сирот на место гибели. Оплакали своих родных, попрощались. Женщины стали устилать дно могилы сухой травой, а мы, дети, собирали ромашки под головушки своих отцов и братьев. 29 сент. поселок опустел. Все выехали, в основном на станцию Якэши.

...И снова побег: в ноябре этого года – советско-китайский конфликт. Эвакуация в город Харбин. Образовался беженский комитет, общежитие. Детей стали устраивать в приюты при храмах или в католические конвенты.

С двумя младшими наша мама вернулась на станцию Якэши, я с сестрой оказалась в «Доме милосердия» – детском приюте, основанном и архиепископом Нестором. Так для меня «Дом милосердия» стал вторым родным домом, где я прожила 16 лет. Незабываемая, сердечно-глубокая благодарность владыке Нестору и его сотрудникам. Заботой владыки я в числе нескольких девочек-приютянок окончила женскую гимназию Оксаковской Марии Алексеевны. Также чувство глубокой благодарности живо во мне к начальнице гимназии Марии Алексеевне и преподавателям, которые безвозмездно дали нам образование. Светлая память всем им!

На месте расстрела в поселке Танехэ в 1943 году на братской могиле был поставлен памятник замученным. У моего брата, Якимова Павла Сергеевича, есть картина памятника, нарисованная по памяти, правда не очень талантливо исполненная. Может, у кого-то есть фотокарточка того памятника? Неизвестная миру, в глухой степи, меж гор осталась братская могила, а памятник теперь, наверное, стёрт временем. Ни часовни, ни храма никто не построит на крови мучеников – там не осталось русской души.

Н. С. Якимова
г. Тула, январь 1994 г.

Этот материал предоставлен приходом храма Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радосте» села Воскресенка Калачинского района Омской области.(РПЦЗ – Ишимско-Сибирская епархия.) («Православный Благовест, печатный орган Ишимско-Сибирской епархии Русской Православной Церкви Заграницей, сент. 1994 г. №24, название дано редакцией газеты «Православная Русь»).

Дополнение о Танехэ

В № 13 харбинского церковного журнала «Хлеб небесный» за 1929 г. сообщаются некоторые подробности нападения на этот поселок. Здесь говорится, что 1-го, а не 27 сентября было совершено нападете на поселки Танехэ и Цанкыр. В отряде кроме русских большевиков, находились мадьяры. Этот красный партизанский отряд, разграбив Танехэ и Цанкыр, разбился на группы и начал грабить и убивать на различных путях Трехречья, напав на пути на ряд поселков – Наджин-Булак, Усть-Кули, Лабдарин, Верх-Кули. Уходя обратно на советскую территорию, отряд грабил и жег все на своем пути.

Бежавший из Танехэ рассказал, что всех мужчин и мальчиков красные выгнали из поселка, поставили на колени и расстреливали из пулеметов. Один из бросившихся бежать был ранен в шею и упал, образовавшаяся около него на земле лужа крови спасла его; он услышал громкую команду начальника красных палачей – «пройтись наганом по головам – штыками по животам» и услышал выстрелы, которыми добивали раненых, и слова около себя – «ну, этого не стоит добивать – он мертв».

Более детально нам сообщили, что красные партизаны первоначально вошли в поселок Цанкыр, где их приняли за белых, ибо они разбрасывали листовки «Русской Правды». По их просьбе один из крестьян проводил их в Танехэ и по пути выяснилось, что это красные. Они убили этого крестьянина и затем часть их вошла в поселок, в котором они собрали всех мужчин и повели их к Крестовой пади. Одна из женщин посёлка оказалась сестрой старшего в этой группе красных Клавдия Топоркова и она на коленях молила брата пощадить её мужа, на что брат её ответил: «Ничего не могу сделать... заставляют нас... Буду защищать, так самого убьют... Тебя могу защитить... кочуй за нами».

Жители Танехэ узнали в красных партизанах или своих односельчан, служащих в красной армии, или земляков с того берега Аргуни из поселков Цюрухайтуй, Зарюльск, Капцегайтуй и Уреленегуевск. Начальником этого отряда красных был некий Моисей Жуч, одетый в красное платье. Помощник его Клавдий Топорков, Александр и Михаил Мунгаловы, Карп Пинегин, Яков Федоров, Иван и Трофим Пинегины, Прокопий и Феофил Щукины, Иван по прозвищу Неспятин, Николай Баянов. Большинство этих красных партизан служат в красной армии.

Вот имена некоторых расстрелянных в Танехэ:

1) Николай Пинегин — 12 лет, 2) старик Мунгалов, 3) старик Топорков – 80 л., 4) С.С.Тюкавкин, 5) М. Госьков, 6) Тискин, 7) Аксенов, 8) Аникиев, 9) Якимов, 10) Павел Баженов – 15 л., 11) Елевферий Баженов.

Всего в Танехэ расстреляно 62 человека взрослых мужчин и мальчиков.

http://www.orthomed.ru/ftproot/abort_mr/books/history/library/trexr.htm

Красная банда, которая перешла через реку Аргунь, и, углубившись на 150 верст в Северную Маньчжурию, захватила казачий поселок Горбунор, была сформированная начальником штаба Дальневосточной армии РККА Моисеем Жучом*. Во время налетов красных 28 сентября –11 октября 1929 года в казачьих поселках Горбунор, Аргунск, Комары, Лабдарин, Верх-Кули, Цанкыр, Келари и хуторе Дамысово было расстреляно и замучено более 300 человек.

* Жуч Моисей Рафаилович бывший сотрудник НКВД Дальневосточного края. Участник рейдов в Трехречье. По некоторым данным служил прежде в контрразведке атамана Г. Семенова. Позже попал к красным и перешел на службу в ЧК. Участники рейдов Клавдий Топорков и Моисей Жуч были расстереляны по личному указанию Сталина соответственно в 1937 и 03.02.1938 года. http://stalin.memo.ru/names/index.htm

Печалование первоиерарха Русской Зарубежной Церкви

После того как в 1929 г. большевики на Дальнем Востоке вторглись в пределы Китая, в Трехречье, населенное русскими беженцами, владыка Антоний отозвался на это событие обращением к народам всего мира. Обращение это было послано главам всех правительств, главам всех православных и инославных Церквей, иноверных исповеданий, а также редакциям крупнейших газет в Европе и Америке.

«Душу раздирающие сведения идут с Дальнего Востока.

Красные отряды вторглись в пределы Китая и всей своей жестокостью обрушились на русских беженцев выходцев из России, нашедших в гостеприимной Китайской стране убежище от красного зверя.

Уничтожаются целые поселки русских, истребляется все мужское население, насилуются и убиваются дети, женщины. Нет пощады ни возрасту, ни полу, ни слабым, ни больным. Все русское население, безоружное, на китайской территории Трехречья умерщвляется, расстреливается с ужасающей жестокостью и с безумными пытками. Вот замученные священники: один из них привязан к конскому хвосту. Вот женщины с вырезанными грудями, предварительно обесчещенные; вот дети с отрубленными ногами; вот младенцы брошенные в колодцы; вот расплющенные лица женщин; вот 80 летние старцы в предсмертных муках расстрела; вот реки, орошаемые кровью убегающих в безумии женщин и детей, расстреливаемых из пулемётов красных зверей.

Кровь леденеет, когда читаешь сообщения компетентных лиц с Дальнего Востока о зверствах красных в захваченной ими части Китая. Все существо содрогается от этой небывалой кровавой расправы с безоружным населением и детьми.

Вопиют архипастыри и пастыри Дальнего Востока, протестуют пред всем миром русские общественные организации, взывает ко всем русская печать.

Но не слышно ни о помощи, ни слов утешения.

Припоминая как еще недавно раздавались горячие протесты из-за резни в Палестине и как заволновались тогда некоторые державы, у нас создается впечатление, что мир задался целью уничтожить русский народ и в этом осуществляется какой-то диавольский план.

Вот уже 12 лет насильники в Москве раздирают русские души, уничтожают древнейшие святыни, подвергают гонению духовенство и верующих, морят и гноят в тюрьмах множество невинных людей, культивируют утонченные пытки, перед которыми бледнеет все, ведомое в этой области истории.

Искусственно развивается голод и эпидемии болезней, инсценируются восстания и бунты. Все это для увеличения террора. Идет поголовное истребление русского народа. И народы мира молчат. Упорно безмолвствуют, а многие из них якшаются с злодеями, а иные даже всячески поддерживают их, хотя они отлично осведомлены обо всех этих зверствах и ужасах и через печать, и через своих агентов и по личным наблюдениям, и по сообщениям и рассказам бежавших оттуда своих же подданных, и через Лигу Обера и т.д.

К вам, народы всего мира, к вам, правители государств, к вам союзники России, через жертвы которой стали вы победителями, к вам братья православные славяне, которых Русские Цари и Русский народ всегда носили в сердцах своих, жертвуя кровью лучших сынов своих в помощи вам, к вам обращаю свое старческое слово, к вам взываю. Возвысьте свой голос в защиту истребляемого русского народа. Положите предел этой жестокости красных зверей.

Если не во имя Бога, то хоть во имя гуманности, цивилизации, во имя идеи разоружения народов, о чем столько конференций собирается, хоть во имя всего этого явите свою милость, проявите человечность, культурность, гуманность. Обратите внимание на несчастный народ в тяжких муках и оковах находящийся. Вы знаете, вы имеете способы и средства прекратить этот произвол, насилие, надругательства над человеческой личностью, эти безумные убийства и жертвы.

Пастыри всех народов, ежегодно собирающиеся по несколько раз на конференции (в Женеве, Лозанне и т. д.) для обсуждения вопросов о проведении в жизнь евангельских принципов и установлении в народах порядка нравственности и мира. Начните осуществление взятой вами миссии с советской России. Обратите внимание и свое и своих пасомых, и народов на Россию. Там попирается Св. Евангелие. Там вытравляется нравственность, там уничтожается религия, там похуляется Бог.

Ваш долг, как руководителей паствы, и сугубый, раз взяли на себя миссию объединения Церквей в утверждении евангельских принципов в народах. Но Ваши конференции молчат об этом. За это время вы ни разу не возвысили на них своего голоса.

Вы были глухи к замогильным воплям русского народа. Вы, как иудейские левиты, проходили мимо израненного разбойниками русского народа.

Услышьте же теперь этот вопль и возвысьте ваш голос. Без этого ваши конференции, ваше церковное служение пустой звук, пустое действо, граничащее с лицемерием.

Мне, бессильному чем-либо помочь своему народу, остается вопить и взывать, как многократно делал я.

И ныне взываю и вопию к Вам в унисон с предсмертными стонами и криками моего народа».

В этом послании полностью раскрылось сердце владыки Антония, сердце человека-христианина, в нем он показал любовь, которой было переполнено его сердце, любовь к своему народу, любовь апостольскую, готовую быть ***«отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти...»*** *(Рим. IX, 3). Владыка сораспинался своей страждущей пастве, сострадал ей своей любовью отца за убиваемых и гонимых чад. Это был вопль бессильного старца, вопль безутешный и, увы, одинокий.*

Обращение это не встретило никакого отклика и владыка Антоний, с горестью, возвестил об этом своей пастве, призывая ее к вооруженной борьбе против большевиков.

Печатается по изданию: «Письма Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого)». Джорданвилль 1988 г. С. 106-109.

Богъ

Нація

Трудъ

Симъ побѣдиши!

ПОСЛАНІЕ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ

РУССКАГО ЗАГРАНИЧНАГО СИНОДА, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО И ГАЛИЦКАГО АНТОНІЯ—ПРАВОСЛАВНОМУ НАСЕЛЕНІЮ ДАЛЬНЯГО ВОСТОКА.

Имѣя благословеніе Заграничнаго Собора Архіереевъ съ 1921 года на составленіе и разсылку ОКРУЖНЫХЪ ПОСЛАНІЙ всей православно-русской паствѣ, гдѣ бы она не привитала, и будучи преемникомъ Кіевскихъ и всея Руси Митрополитовъ Св. Петра, Алексія, Іоны, Фотія и Кипріана, я пишу вамъ, возлюбленные братія и чада св. Церкви на Дальнемъ Востокѣ пребывающимъ, сіе посланіе, призывая васъ къ вооруженной борьбѣ съ врагами Св. Церкви, съ врагами Христовыми, съ врагами Божіими, какъ нѣкогда преп. Сергіи и Діонисій Радонежскіе. Вы стоите впереди всего Русскаго народа и отъ васъ идетъ защита св. вѣры нашей и низверженіе ея враговъ, богохульниковъ, кощунниковъ, раззорителей св. храмовъ, осквернившихъ многія наши святыни, начиная съ Соловецкой Лавры, гдѣ они посрывали св. кресты съ храмовъ Божіихъ и въ храмахъ же производятъ всякія безчинства, какъ и во многихъ другихъ св. мѣстахъ.

МИТРОПОЛИТЪ АНТОНІЙ.

Въ 1613 году прежній край русскаго народнаго разсѣленія былъ Нижній Новгородъ: хотя власть Русскаго Царя и тогда простиралась дальше на Востокъ, въ Казань, Пермь и даже въ Сибирь, но эти города и страны были населены инородцами, магометанами и язычниками, а сплошное русское населеніе кончалось въ Нижнемъ Новгородѣ. И вотъ туда то въ Нижній посылались наиболѣе горячія увѣщанія отъ Свят. Патріар-

ха Ермогена изъ его темницы и отъ другихъ духовныхъ отцевъ Русскаго народа.

Чтобы собрать разсыпанныя по скатерти зерна, нужно взять скатерть за край и, загнувъ его, тянуть къ себѣ: тогда всѣ зерна сойдутся во едино и образуется большая и тяжелая куча зернового хлѣба, восполняющая убытокъ отъ неразумной разсыпки.—Такъ и теперь, чтобъ собрать во едино разсѣянный по всей землѣ народъ русскій, мы отъ имени Св. Церкви, отъ имени Христова молимъ васъ, отцы, братія и сестры во Христѣ, подняться съ того далекаго края нашего отечества по сію и даже по ту сторону Китайской границы, возстать противъ враговъ нашей родины, противъ злыхъ безбожныхъ и руководящихъ онымъ христоненавистниковъ, іудеевъ, именно тѣхъ, которые стоятъ за спиной неразумныхъ большевиковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, вразумлять послѣднихъ, чтобы вспомнили о своей душѣ, проданной діаволу, и откупились бы отъ него слезнымъ покаяніемъ.

А самимъ вамъ взяться при первой возможности за благословенное оружіе и устремиться на спасеніе Православной родины вашей и Православной Церкви за вѣру, Царя православнаго и отечество, какъ это сдѣлали Нижегородцы 300 лѣтъ тому назадъ, когда они, собравшись вмѣстѣ, какъ снѣжный комъ, покатились къ Москвѣ, а къ нимъ приставали всѣ благочестивые и мужественные люди, такъ-что тотъ снѣжный комъ росъ и росъ, пока не обратился въ огромное народное ополченіе, которое изгнало враговъ Россіи изъ Москвы и возвело на престолъ царскій родственника царскому роду юношу Михаила Ѳеодоровича Романова, потомство котораго вотъ уже болѣе 300 лѣтъ царствовало надъ всею Русью и будетъ, Богъ дастъ, царствоаать и въ дальнѣйшемъ времени.

Но нашему поколѣнію на сей землѣ жить не вѣкъ, а суда Божія послѣ смерти никто не избѣжитъ. Неужели вы желаете предстать предъ лице Небеснаго Судіи, какъ измѣнники своему отечеству, своей вѣрѣ, какъ предатели Христовы, и смѣнить нашу горестную жизнь печальныхъ изгнанниковъ на еще больше горестную жизнь, которая ожидаетъ за гробомъ всѣхъ измѣнниковъ вмѣстѣ съ Іудой предателемъ?.. Да не будетъ сего! ОБРЕКИТЕ СЕБЯ САМИ НА СМЕРТЬ ЗА СВ. ВѢРУ.—ВИДИТЪ БОГЪ, КАКЪ БЫ Я РАДЪ БЫЛЪ ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ИЛИ ДАЖЕ МѢСЯЦЫ СВОЕЙ, УЖЕ 66-ЛѢТНЕЙ ЖИЗНИ ПРОВЕСТИ СЪ ВАМИ И УМЕРЕТЬ НЕ БѢЖЕНЦЕМЪ, А ВПЕРЕДИ МУЖЕСТВЕННАГО ОПОЛЧЕНІЯ ПРОТИВЪ ТѢХЪ БЕЗБОЖНИКОВЪ.

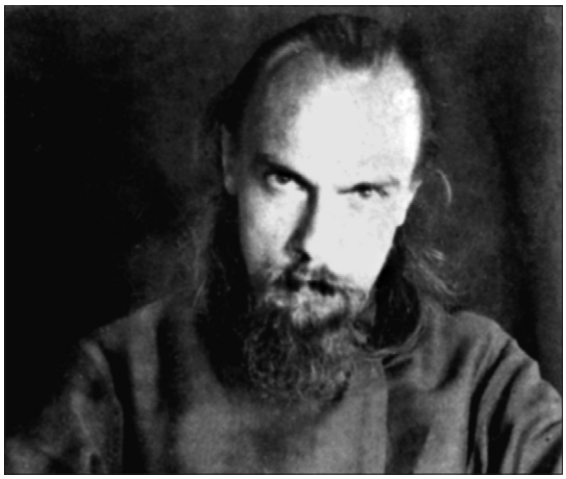
Не жалѣйте же своей бренной плоти за Господа нашего Іисуса Христа, предавшаго Свою плоть на пропятіе и смерть за родъ человѣческій, но положитесь на Его неложное обѣтованіе: „любяй душу свою (т. е. земную жизнь) погубитъ ю, а иже ненавидитъ душу свою въ мірѣ семъ, въ животѣ вѣчномъ соблюдетъ ю“ (Іоан. 12, 25).

МЫ ЖЕ БУДЕМЪ МОЛИТЬСЯ, ЧТОБЫ И ТѢЛА БУДУЩИХЪ ГЕРОЕВЪ РУССКИХЪ ГОСПОДЬ СОХРАНИЛЪ И ДАРОВАЛЪ ИМЪ СЛАВНУЮ ПОБѢДУ, ДАБЫ СЪ ВАСЪ, ЖИТЕЛИ ДАЛЕКОЙ ОКРАИНЫ, НАЧАЛОСЬ ИЗБАВЛЕНІЕ ВСЕЙ РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

МИТРОПОЛИТЪ АНТОНІЙ.

12/25 Сентября 1929 г.

Послание митрополита Антония (Храповицкого). Листовка



Иеромонах Нафанаил (Львов)

«...я пишу вам, возлюбленным братиям и чадам св. Церкви на Дальнем Востоке пребывающим, сие послание, призывая вас к вооруженной борьбе с врагами Св. Церкви, с врагами Христовыми, с врагами Божиими, как некогда преп. Сергий и Дионисий Радонежские. Вы стоите впереди всего Русского народа и от вас идет защита св. веры нашей и низвержение ее врагов, богохульников, кощунников, разорителей св. храмов, осквернивших многие наши святыни, где они посрывали св. кресты с храмов Божиих и в храмах же производят всякие бесчинства, как и во многих других св. местах»[164].

1931 год принес в жизнь русских обитателей Маньчжурии множество перемен, в целом достаточно благоприятных. 18 сентября 1931 года японская армия начала военные действия на территории Китая, а 5 февраля 1932 года вступила в Харбин.

29 февраля было провозглашено создание Маньчжоу-Го – независимого от Китая монголо-маньчжурского государства, с территорией 1 млн. 312 тыс. кв. км. и населением 30 млн. чел., столицей был объявлен город Чанчунь, переименованный в Синьцзян («Новая Столица»). Верховным правителем нового государства стал прежний Император Китая Пу И. Это событие, положившее конец многочисленным безнаказанным бесчинствам Красной армии на территории Маньчжурии, русская эмиграция встретила с подлинным ликованием.

В 1931 году умерли два наиболее известных церковных деятеля русского Китая – митрополиты Иннокентий (Фигуровский, † 15/28 июня 1931) Пекинский и Китайский, 35 лет управлявший Пекинской миссией, и Мефодий (Герасимов, † 15/28 марта 1931) Харбинский и Маньчжурский, эвакуировавшийся в Маньчжурию в феврале 1920 года.

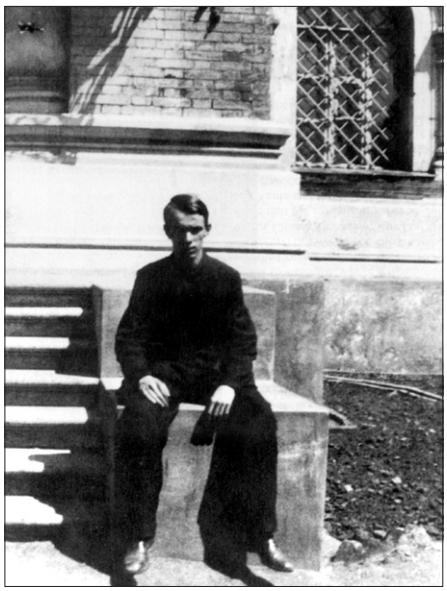
По кончине последнего Харбинскую епархию возглавил архиепископ Забайкальский и Нерчинский Мелетий (Заборовский, † 24 марта / 6 апреля 1946), находившийся в Харбине с августа 1920 г.

На место же митрополита Иннокентия назначен был его викарий, епископ Симон (Виноградов), еще 17 сентября 1922 г., хиротонисанный во епископа Шанхайского. Он стал руководителем Пекинской Миссии с 26 июня 1931 года и тогда же возведен был в сан архиепископа.

Несколько особняком держался епископ Камчатский и Петропавловский Нестор (Анисимов, † 4 ноября 1962), основатель Дома милосердия и трудолюбия, известный также как автор многочисленных брошюр и статей[165]. Лишь в 1946 году, уже Патриархом Алексеем, он был назначен на временно оказавшуюся в сфере влияния Москвы Харбинскую кафедру.

Начиная с 1932 года для Дальневосточных епархий Зарубежной русской Церкви хиротонисаны были несколько новых

Семья протоиерея



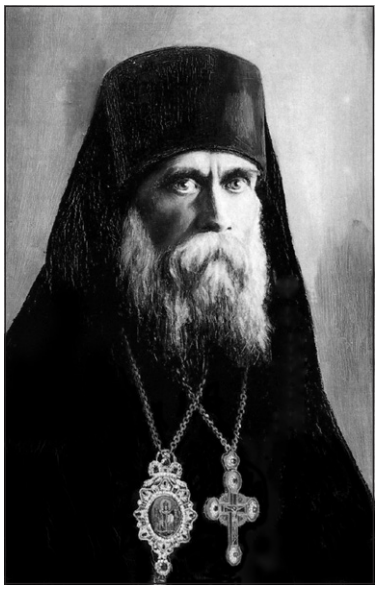
Церковный календарь, изд. Комитетом православной молодежи РПЦЗ за 2003 год

Георгий Вознесенский – сын прот. Николая Вознесенского (будущего Владыки Димитрия) на ступенях Иверской церкви в Харбине. 1920-е годы

Георгий Николаевич Вознесенский. *Родился 22 марта 1903 г. в Курске. В 1909 г. приехал с семьей на Дальний Восток. До 1920 г. жил в Благовещенске, где окончил гимназию. В 1920 г. прибыл в Харбин. Окончил Политехнический институт по специальности инженер-электромеханик. Принял сан священника 4.01.1931 г.. Окончил пастырско-богословские курсы в Харбине. В 1931 г. о. Георгий пострижен в монашество с именем Филарет. Иеромонах, игумен (1936–1937), с 1939 – архимандрит. В 1962 г., когда почти вся его паства покинула Харбин, согласился переехать в Австралию. В 1963 хиротонисан в епископа Брисбенского, викария Австралийской епархии. С 1964 г. – Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей. Скончался в 1985 г., похоронен в Успенском храме Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.*

Евгения Николаевна Вознесенская *родилась 15 ноября 1901 г. в Курске. Сведениями о ее судьбе после 1906 мы не располагаем.*

Елена Николаевна Вознесенская (в замужестве – Виноградова) *родилась 14 мая 1906 г. в Харькове. В 1920 году прибыла в Маньчжурию из Благовещенска, в 1924 г. окончила Харбинское Коммерческое училище, в 1925 г. поступила в Высшую*



Архиепископ Симон (Виноградов), начальник Духовной миссии в Китае. †11 (24) февраля 1933 года

Архиепископ Камчатский и Петропавловский Нестор (Анисимов)

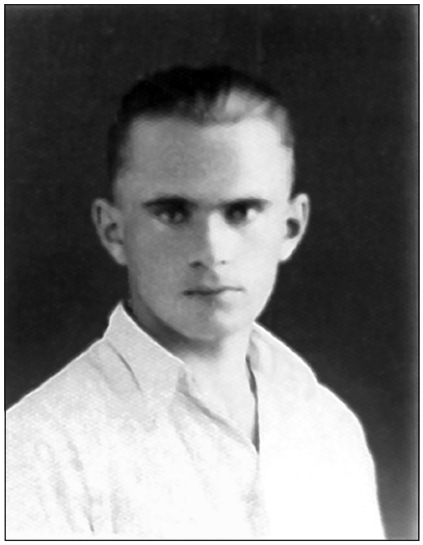
архиереев, которым суждено было стать свидетелями прекращения русской Церковной работы в Китае и Маньчжурии.

6 ноября 1932 года во епископа Шанхайского был хиротонисан архимандрит Виктор (Святин, † 18 сентября 1966), занявший пост Начальника Пекинской Миссии после кончины великого аскета и праведника, владыки Симона (Виноградова, † 11/24 февраля 1933).

3 июня 1934 года хиротонисан был митрополитом Антонием (Храповицким) во епископа Шанхайского архимандрит Иоанн (Максимович, † 2 июля 1966), прославленный ныне в лике Святых. В тот же день, но не в Сербии, а в Харбине архиерейской хиротонии сподобился и архимандрит Димитрий (Николай Вознесенский)…

Архиепископ Нафанаил (Львов) оставил очень живые воспоминания, о некоторых обстоятельствах, предшествовавших постригу прот. Николая Вознесенского: «О. Николай Вознесенский собирался принять монашество. Другой харбинский протоиерей, о. Петр [по-видимому, речь идет о прот. Петре Семионовиче Малышеве – *Т. Б., А. К.*], дружный с о. Николаем, писал об этом архиепископу Нестору в скрыто-благоговейном, а внешне шутливом и насмешливом тоне. Владыка Нестор приказал мне прочитать это письмо пред митрополитом Антонием. Мы с владыкой Нестором, конечно, тоже видели благоговение сквозь насмешку в письме о. Петра, но мы не ожидали, как воспримет это митр. Антоний.

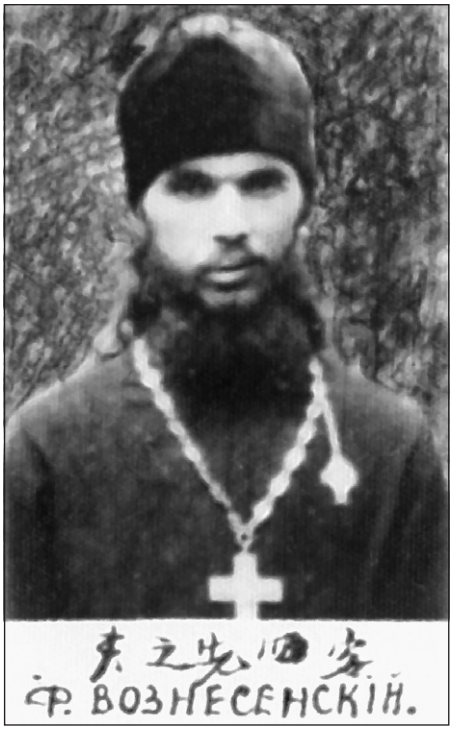
Николая Вознесенского



медицинскую школу в Харбине, где проучилась полтора года. В 1926–1927 училась в Английском педагогическом колледже в Харбине. В 1927 г. вступила в брак с Борисом Иннокентьевичем Виноградовым, служащим Акционерного общества «Чурин и К°». Работала учительницей английского языка. С мужем и сыном Юрием (на фото) переехала в Австралию, а затем в США. Умерла в Сан-Франциско. Похоронена на Сербском кладбище.(Личное дело Е.Н. Виноградовой. – ГАХК. Ф. 830, оп. 3, ед. хр. № 7877).

***Сергей Николаевич Вознесенский** (см. фото) родился 11 марта 1911 г., прибыл в Харбин из Благовещенска в 1919 г. В 1927 г. окончил Русское реальное училище. Служил конторщиком, пел в хоре Иверской церкви. Переехал в Австралию, а затем в США. Умер в Сан-Франциско, похоронен на Сербском кладбище.*

***Наталия Николаевна Вознесенская, в замужестве Вартминская.** Приняла в 1940-х гг. монашеский постриг в Шанхае (пострижена свят. Иоанном (Максимовичем) с именем Евгения. Долгие годы подвизалась в Богородице-Владимирском женском монастыре, эвакуированном из Харбина в Шанхай,, а после войны – в Сан-Франциско Монахиня Евгения скончалась в стенах обители, в Сан-Франциско 9 февраля 2003 г.). Похоронена на Сербском кладбище.*



Пу И – последний Император Китая и (позже) Император Маньчжоу-Ди-Го

О. Петр писал: „О. Николай уходит в монахи. Туда ему и дорога. Какой от него толк: он все молится, да молится. Вот недавно я был у него. Отслужили вместе всенощную. Помолились. Я правило прочитал. Всегда читаю. Лет спать. А он все молится. Я поспал, проснулся – он молится. Я опять заснул, опять проснулся. Он все молится. Говорю ему: «О. Николай, а о. Николай, ты когда ж спать-то будешь?» Не слышит – молится. Ну какой же от него толк?! Туда ему и дорога – в монахи…“

Вдруг владыка Антоний положил голову на руки и громко заплакал.

– А я и не знал, что отец Николай такой молитвенник, – повторял он, всхлипывая. – Не знал. Спаси его Господь, спаси его Господь»[166].

1/14 января 1929 года после награждения о. Николая Вознесенского митрою за всенощным бдением в Иверском храме епископ Мелетий (Заборовский) «высказал доброе пожелание скоро видеть о. Николая монахом, а затем и в сане епископа»[167].

1 марта 1934 года государство Маньчжоу-Го было провозглашено Великой Маньчжурской империей (Маньчжоу-Ди-Го)[168], Император Пу И взошел на престол 10 мая.

21 мая/2 июня 1934 г. в Иверском храме города Харбина о. архимандрит Димитрий был наречен во епископа Хайларского. В Слове, сказанном о. Димитрием при наречении, он искусно анализирует не только события всей своей жизни от самых первых лет ее, но и обрисовывает всю эпоху, сформировавшую его поколение, на долю коего выпали столь необычайные и такие страшные испытания…

Тексты «Слов», произносимых поставляемыми в епископы, представляют собою совершенно особый, достаточно редкий жанр православной письменности. В их ряду «Слово» о. Димитрия является совершенно исключительным по простоте, образности и информативности о личности поставляемого.

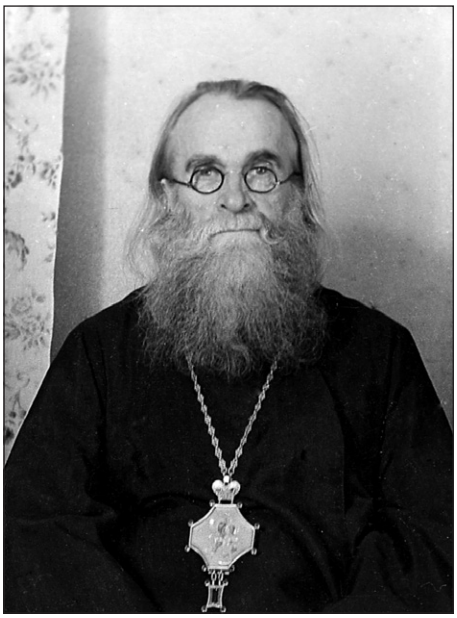
Хиротония архим. Димитрия во епископа Хайларского (вновь учрежденного викариатства), викария Харбинской епархии с оставлением его настоятелем Иверской церкви[169] была совершена 22 мая/ 3 июня в воскресенье в Неделю Всех Святых в Кафедральном Св. Николаевском соборе архиепископом Харбинским и Маньчжурским Мелетием (Заборовским), архиепископом Камчатским и Петропавловским Нестором (Анисимовым) и епископом Пекинским и Китайским Виктором (Святиным), начальником Китайской Духовной миссии[170] в сослужении многочисленного духовенства – десяти протоиереев и четырех диаконов во главе с протодиаконом Н. Овчинкиным. В слове при вручении новому Хайларскому владыке епископского жезла, архиепископ Мелетий сказал[171]:

«[…] Нынешний день для тебя особенно знаменателен, а для всех чад Православной церкви, любящих ее нелицемерно, радостен. Ибо в то время, когда там у нас на Родине Святая Церковь и архиереи Божии претерпевают ужасное гонение, направленное к физическому уничтожению служителей Божиих, здесь, в чужой земле, Православная Русская Церковь, скрывшаяся сюда, как Жена в пустыню, о которой говорится в Апокалипсисе, умножается в числе своих архиереев Божиих. Конечно, не легки и здесь условия для жизни нашей Церкви, но трудности эти другого порядка. Трудности эти являются как бы постоянными спутниками таковых. […] В нынешнее время к этим, так сказать, обычным спутникам апостольской проповеди присоединяются трудности, разливаемые тонким ядом неверия и безбожия. Широко организованная правительством нашего Отечества антирелигиозная пропаганда тем или иным способом проникает и распространяется по всему миру. Этот яд действует и распространяется не только при помощи печатного слова, что к великому прискорбию, не встречает на пути своего распространения никаких посторонних препятствий, но и той общей атмосферой, которая заражена этими поистине ядовитыми газами. Дух времени, как тля, растлевает и поражает души христианские развращенностью ума и воображения. Ныне, как повседневная печать, так и повременная, в один голос говорят только о плотском и об

Архиепископ Харбинский и Маньчжурский Мелетий (Заборовский, † 6 апреля н.ст. 1946 года)

Слово о. Архимандрита Димитрия при наречении его во епископа Хайларского.

«Неправду аще узрех в сердце моем, –
да не услышит мене Господь» (Пс. 65, 18).



Свойственно кандидатам епископства, а нередко – и священства, осознавать, в моменты пред посвящением своим, свое недостоинство – пред величием и высотой того служения, на которое они вступают. Отсюда – так обычны и часты указания на это недостоинство и в речах при наречении новопосвящаемых епископов… Но что мне сказать ныне, когда пробегает пред мысленным взором моим вся моя предшествовавшая жизнь, и в ней не вижу я не только каких-либо заслуг или подвигов пред Богом, но и простого добропорядочного поведения рядового православного христианина,– и это уже от дней ранней юности моей. Свидетельствую пред всеми, а наипаче пред ВАМИ, святители-восприемники нового пастырского служения моего, что когда ставлю я себе вопрос: как это вышло, что я при великом недостоинстве своем, оказался призванным к лику делателей вертограда Христова, то лишь одно объяснение представляется мне здесь понятным для меня и правдоподобным. Значит, нужно было, чтобы в наш век – век немощей и маловерия – и пастырь вышел из той же среды маловерия и немощей духовных, дабы выявлялась в них сила Божия истинно «оскудевающая восполняющая и немощная врачующая». А эту-то, и Всемилостивую, и Всесильную Десницу Божественную ощущал и ощущаю я опять-таки от дней ранней юности моей.

Вспоминаю я свое детство – суровое, полное лишений и бедности, особенно – когда умер в 36 лет мой отец, оставив шесть малолетних сирот, а перед смертью дав нам узнать: что значит, когда в доме буквально нет куска хлеба. Но верна поговорка русская: голенький – ох, а над голеньким Бог: все сироты вышли в люди, а мне добрые люди, и поныне поминаемые мной пред Богом, дали возможность получить не только среднее, но и высшее образование. Да и вообще тягость сиротства пала лишь на плечи рано угасшей матери нашей, а нам только дало оно ту закаленность для жизни, при которой не только академическая, но и семинарская обстановка являлась и милостью Божией , и прямым счастием…

Да, поистине счастливыми, именно – благостными, проходили тогда все эти школьные годы Московской семинарии, Московской академии, когда совершенно отгороженный от всяких материальных тягот и забот казною (а точней – теми свечками, что ставились благочестивою рукой в храмах Божиих) каждый из нас мог свободно и полно отдаваться делу христианского развития и научения своего. Особенно благодарною памятью должен я вспомнить родную Московскую академию, это – по истине подлинное горнило чистой христианской науки и редкой добросовестности мысли. Она, руководимая при поступлении моем благостным и просвещеннейшим своим ректором (ныне митр. Антонием), привила мне и любовь к научной истине, и веру в торжествующую победу чистого христианства над всем, начиная с той же области мысли, ибо наука подлинная – всегда и необходимо за нашу беспримесную Христову веру.

Однако совесть заставляет меня сказать, что сам я и в те годы обучения был далеко не на высоте своего положения, и много, слишком много упустил из того, чем бы мог – и должен был – воспользоваться в тех солидных школах. И леность духовная тому мешала, и рожцы жизни, как блудного сына, тянули меня к себе. И я живо помню то острое чувство какого-то сердечного испуга и стыда, когда другой мой ректор, взявший меня преподавателем в свою семинарию, Курский епископ Лаврентий назвал нас с приятелями моими «бражниками», за это чрезмерное увлечение «угодиями плоти» и усладами, по существу – очень балованной, жизни. И в то же время, только отечески-пекущаяся и крепкою силою ограждающая, Десница Божия удерживала меня в эту пору нравственных шатаний от окончательных и непоправимых падений, – на которые собственная моя, слабая воля уже как будто охотно соглашалась. Помню внезапный, спасительный приезд любимой сестры – в тот момент, когда я уже буквально катился в пропасть, и не удержался бы...

И прежде всего, не могу я иначе, как мистически, благодарною памятью, объяснить себе те зароки, которые были даны мною в старшие отроческие годы и о которых нарочитую речь вел я в своей Христианской Жизни. Ибо, конечно, только Ангел Хранитель мог внушить мне тогда дать

обеты: «не курить, водки не пить и не сквернословить», – которые в последующей моей жизни являлись, можно сказать, главными зацепками при окружавших меня соблазнах.

И вот, в такую-то пору, когда угар внешней жизни совсем затуманивал мое сознание, а преподаваемые мною богословские истины звучали для самого меня чем-то далеким и отвлеченным, приезжает в Курск мой сотоварищ по академии, молодой священник, и приглашает меня к себе в номер гостиницы. И неожиданно, заговорили мы с ним «по душам», и он стал делиться со мной тем исключительным духовным наслаждением, которое испытывает он от служения литургии. Незаметно, от своих слов он перешел к одушевленной, огнем чувства горящей дословной передаче Молитвы св. Амвросия Медиоланского «пресвитерам, готовящимся к служению святыя литургии», – той молитвы, выше которой я ничего не знаю во всей нашей, необъятно-богатой, христианской литературе. – Я заслушался и знакомый нервным людям холодок пробежал по всему телу. Я сердцем учуял – и, конечно, – не мое это было, а сняла пелену с духовных очей моих животворящая благодать Божия – всю великую правду, всю пренебесную мудрость и силу этих над-человеческих богословских созерцаний, этого благоговейного восторга, этого глубочайшего, до центров сердца достигающего, умиления. Но ушел я от о. Г. Васютина еще далеким от священнического призвания, а последовавшая года через два женитьба, с обычным влиянием мирских взглядов на минусы рясофорной жизни, еще больше отодвинула меня от самой мысли – стать иереем Бога Всевышнего.

Ощутительный, и довольно быстрый перелом в этом отношении произошел – и, конечно, опять – не без воли Божией – со мной тогда, когда я, по чисто практическим побуждениям, перешел на два года из духовной в светскую школу: стал преподавателем истории в кадетском корпусе, предмета, который я любил еще в семинарские годы. Но тут-то я и почувствовал, на сколько сроднился я с своим христианским образованием, как близко, и в самой сущности – интересно мне, мое богословие, и насколько мало могут мне заменить его и самые популярные гуманитарные знания. Я стал тяготиться и тосковать, и жена сама заговорила о том, что раз меня новая работа не удовлетворяет, то лучше вернуться к прежнему. Но мне прежнее уже предстало – только как полное, и так сказать – и официальное служение Святой Церкви. Я решил идти во священники, и 26 июня 1905 года был посвящен в Харькове, откуда через 4 года бывшим своим сотоварищем по академии, епископом Евгением был приглашен настоятелем собора и законоучителем в г. Благовещенск. И я, по условиям своей жизни, хорошо знаю, что это опять была – прямая милость Божия, спасшая мне и жизнь, и введшая меня в более проникновенное и углубленное восприятие своего священнического служения, своих пастырских, а равно и законоучительских обязанностей...

– Так незаметно и быстро летит наше время, и вот уже почти 29-летний период этого священнического служения предстоит теперь моему умственному взору – срок, у многих охватывающий всю пору их сознательной жизни и деятельности. А что же, спрашивается, делано – и сделано – мной за эти долгие годы, данные мне от Господа на это делание в винограднике Его?!..

Увы – прочного и христиански-ценного так мало. Правда, во внешнем: и в Харькове, и Благовещенске, и здесь как-будто нечто Бог и помог устроить, и именно – как священнику Его. И еще – довольно много за все это время я учил и говорил. Да, говорил... Но нельзя не припомнить здесь, как отозвался о таком говоренье нашем преп. Серафим, когда такой же наставник семинарии пришел к нему пред вступлением на церковное учительство свое. От души восхищался проповедями его инок-простец, приведший его к Преподобному... А св. Серафим охотно и много говорил с этим простодушным иноком – и как бы внимания не обращал на «главного» своего посетителя, конечно – уверенного, что в лице его Церковь большое приобретение получает с пострижением его. И наконец, на новые похвалы ему простеца отец Серафим, как известно, указал, что учить других – так же нетрудно, как камни сносить иль сбрасывать с колокольни. А вот – самому на деле исполнять то, чему учишь – так же трудно, как эти камни носить на колокольню. А мы, увы, все на себе оправдываем слово Господне: «глаголют они и не творят»... И совсем не та была бы и сила наших слов, если б мы и глаголали, и творили...

Так – и об открытии больниц или столовых. То велико и ценно, когда устраиваешь – и душу в это влагаешь, весь этому делу отдаешься. А вот когда, как мы, и делаешь – и не делаешь, других зовешь, а сам и руки мало прилагаешь, то по этому «неусердию» твоему пойдет и делание твое. А видимость его – нужна и ценна лишь людям, а не Богу, и даст тебе она лишь славу человеческую, а не Отчую, ту жалкую популярность, о которой сказал Спаситель: «горе, аще доброе рекут о вас вси человецы».

И только революция заставила меня несколько серьезней и ответственней относиться к своему служению и своей работе. Долгое время, как помню, во все эти бурливые первые дни, недели и месяцы я как-то внешне, больше со стороны, относился ко всему, не доверяя и поражаясь не только помутнением народной жизни от всплывших вверх грязных подонков в массах, но и определенным впечатлением всюду – какой-то тяжелой и явно-безнадежной игры вместо реального дела, и это – не только у насадителей большевизма. И только 27 февраля 1918 года, – кровавая годовщина этой революции – (месяц в месяц, день в день) до глубин душевных потрясла меня, и я полным, разволновавшимся сердцем воспринял ответственность за соблазн и гибель многих «малых сих», ближайшим образом – тех подростков и юнцов, которые избивались тогда на улицах Благовещенска. И с этих пор переживания мои глубже и шире осознались и начали входить в душу мою. И болезнь и страдания родного народа, а за ними и горести и потрясения в самой Церкви, начали восприниматься и живо, и искренно. – И с этих же

пор ближе я подошел и к той одушевленной священнической молитве, вершины которой вырисовались мне еще тогда в Курске, в одушевленной передаче отцем Гавриилом дивных мест из молитвы святителя Амвросия Медиоланского.

Но конечно, – только подошел, и лишь в очень и очень скромной степени. Ибо и здесь «удерживающая вемы». Ибо все те же немощи нравственные, все те же оковы и путы греха и та же великая леность и вялость духовная не пускают и в молитве сердце «горе», потому что слишком привязалось, нет – именно прилипло оно к земле, как и самая мысль все по прежнему больше любит не «горняя мыслити, а земная». А тут еще эта рассудочность привычная, на которую так жаловался и сам колосс духовной жизни, приснопамятный митр. Филарет. И охладевают от мраза греховного и от наследия страстей плотских и добрые порывы молитвенные, и так поверхностными и краткосрочными становятся и моменты отзывчивости сердечной на исключительные и тяжкие страдания родины, от неверов злодеев плененной, всех тех «скорбящих и страждущих, от враг люте озлобляемых, - в напастех и обстояниях, нуждах и бедах, и угнетении мнозем, гладе, болезнех и лишениих, темничном заключении и заточении сущих братий наших», о которых должны бы были мы прямо плакать за каждою службою, но о коих обычно молимся мы только одними словами...

И вот, в этот, переживаемый теперь мною год я снова – на переломе. Уже молодая стремительность моего сына – Филарета повлекла меня, двумя годами раньше, к иноческому званию и у самого порога пострижения остановился я тогда, не сумев иль не имев возможности приладить к этому условия своей приходской службы. Но видно, не дозрела во мне тогда эта решимость, и лишь полгода тому назад принес я обеты иноческого отречения, и стал Димитрием вместо Николая, в знаменование того, что должен жить я далее вырванным от мира, что не семья и дети, не сограждане и не самая земная отчизна, а – Божий удел, а Церковь Святая и дело насаждения ею царствия Божия на земле – вот что должно отныне быть предметом моих трудов и забот, всего устремления моей жизни, – то мой единственный долг, в том и основа и вершина моего служения... А вот сегодня я предстою пред Вами, боголюбивейшие архипастыри, чтобы по определению законной власти, а наипаче по зову того же благостнейшего Владыки, митрополита Антония, вступить мне на новое служение церковное, и перейти из лика руководимых в сонм руководителей, из положения пресвитеров – этих рук епископских – встать на положение главы их – в священном звании преемника апостольского – епископа. И вспоминается мне, как и естественно, не так давно умерший младший земляк мой, приснопамятный епископ сего же края – Иона, сумевший в три года развернуться из скромного церковного работника в великое и яркое светило, за что удостоен был он от Господа истинно христианской, блаженной кончины, и удостоверен был в этом неоспоримым чудотворением в ночь самой смерти своей. Пред лицем этой своей смерти он свидетельствовал, что и пришел он к своей пастве, и распростился с нею с словом любви христианской. И было слово его – и делом его, выявляясь подвигами деятельного попечения о благе нуждающегося ближнего на основе аскетического личного самоотречения. И знаем все мы, что это и есть – самое главное.

И знаем так же хорошо все мы, когда и как поставил Небесный Пастыреначальник такую любовь основным условием Своего Христова пастырства. То был такой многообъясняющий, не только лично, но и всецерковно, важный момент в жизни первоверховного апостола. Всего за каких-нибудь два-три недели до того этот Петр самоуверенно и дерзновенно вызвался на преимущественный пред всеми подвиг исповедничества и верности своему Божественному Учителю – до темницы и до смерти. И не устоял, и отрекся – паче всех других апостолов (особенно же паче кроткого и смиреннейшего Иоанна). И это всем нам так близко и так понятно. Ведь Петр говорил тогда всею возможною для человека искренностью и убежденностью, всем доступным естественному человеку порывом крепчайшей веры и любви, преданности до самопожертвования. Но он тогда был только именно естественный, невозрожденный духовно, грешный человек, отравленный смертоносным наследием адамовым в основах природы. А оттого и не выдержал он огненного испытания этой веры и любви, – и забылся, и отшатнулся в момент требования исключительной верности судимому

№ 7 «Хлѣбъ Небесный» 13

НАРЕЧЕНІЕ и ХИРОТОНІЯ о. Архимандрита Димитрія во Епископа Хайларскаго.

2 и 3 іюня православный Харбинъ пережилъ радостные дни нареченія и хиротоніи во епископа Хайларскаго, викарія Харбинской епархіи Настоятеля Св.-Иверской церкви о. архимандрита Димитрія (Вознесенскаго). Эти церковныя торжества привлекли множество молящихся, среди которыхъ были: городское духовенство, представители церковно-общественныхъ организацій, прессы и т. д.

На эти торжества спеціально прибыли изъ Пекина начальникъ Россійской Духовной Миссіи въ Китаѣ Преосвященный Викторъ, епископъ Пекинскій и Китайскій, Настоятель русской церкви въ г. Дайренѣ прот. М. Ерохинъ, а также настоятели и представители линейныхъ храмовъ КВжд.

Въ субботу, 2 іюня, въ Иверской градо-Харбинской церкви состоялся чинъ нареченія во епископа о. Димитрія. Чинъ этотъ былъ совершенъ Высокопреосвященнымъ Мелетіемъ, Архіепископомъ Харбинскимъ и Маньчжурскимъ, Высокопреосвященнымъ Несторомъ, Архіепископомъ Камчатскимъ и Петропавловскимъ и Преосвященнымъ Викторомъ, епископомъ Пекинскимъ и Китайскимъ въ сослуженіи многочисленнаго городского духовенства во главѣ съ архимандритами: Ювеналіемъ, Арсеніемъ, Поликарпомъ, Іосифомъ митрофорными протоіереями: Л. Пекарскимъ, М. Филологовымъ и прот. Л. Викторовымъ, В. Гурьевымъ, Ар. Пономаревымъ, И. Петелинымъ и др., а также діаконовъ—о. П. Маковѣева, С. Коростелева и др.

Въ 12 час. дня прибывшіе архипастыри были встрѣчены въ Иверскомъ храмѣ „со славою", причемъ хоръ подъ управленіемъ В. С. Лукша пропѣлъ тропарь Божіей Матери „Иверскія".

Облачившись въ мантіи и клобуки, а предстоятельствующій арх. Мелетій въ омофоръ и митру, Архипастыри заняли приготовленную среди храма каѳедру.

Вслѣдъ за этимъ изъ алтаря архимандритъ Ювеналій съ протоа. Овчинкинымъ вывели на средину храма Архимандрита Димитія, а заступающій мѣсто предсѣдателя Епархіальнаго Совѣта прот. М. Филологовъ зачиталъ указъ Архіерейскаго Синода Русской Православной Церкви заграницей о „бытіи Архимандриту Димитрію — епископомъ богоспасаемаго града Хайлара, викарія Харбинской архіепископіи".

Архимандритъ Димитрій на это отвѣтилъ **"Благодарю, пріемлю и вопреки ничесогоже глаголю"**, а затѣмъ послѣ краткихъ молитвословій, совершенныхъ самими Іерархами, новоизбранный во епископа произнесъ слѣдующее слово:

Учителю, изменил Ему и до того, чтоб и поклясться даже, что и не знает Его, – Того, с Которым только что обещал и жить и умереть...

Но субъективный грех Петра субъективным раскаянием его, горючими его слезами, омылся и был как бы вычерпан. Требовалось восстановить его и объективно – в том звании, которого он чрез отречение лишился, от которого он там, во дворе Каиафы, отпал. И вот Господь троекратным засвидетельствованием от него верности и любви и Своим троекратным же «паси» и возвращает его в оставленный им апостольский чин. И эта логика установилась после того вековечным законом Христовой Церкви: если так любишь – паси... И возлюбил так и пылкий и стремительный, сердце Христу отдавший, незабвенный епископ Иона – и многоплодно упас, и к заслуженному венцу течение скончал, и скончав вмале, исполнил лета многа, – куда большие лета, чем мы, служившие и по 20, по 30 лет.

Знаем, далее, мы и то, что эта Христова любовь, как и все в благодатной Церкви Его, и приобретается, как бы добывается человеком, подвигом свободно-усердных усилий его, но также и дается от Единого Источника духовной силы и жизни – Духа Святого, Утешителя, и прежде и больше дается, чем приобретается нами. – Прошу же ВАС, Святители Христовы, благодатию Его по преемству освященные: прошу и молю: молитесь обо мне, недостойном, чтобы дал и мне Владыка Любвеобильный сей пламенный и неиссякаемый огонь любви Своей, а в ней и с ней – и деятельное служение, в немощех – Христом сильное, братьям моим и будущим, во Христе же возлюбленным, чадам моим. Также прошу я Вас молить Спаса-Христа о даровании мне помощи и укреплении меня в достойном и посильно-усердном прохождении и взятого мной на себя иноческого звания моего, которое Преданием церковным сделалось духовно-необходимым условием для достодолжного прохождения служения архипастырского. От лет давних приучил я себя (как советывал и духовным чадам моим) обращаться к Господу при всяких всплесках горделивого чувства, соблазнах самодовольства и самолюбования, столь свойственных и нам, работникам на ниве Христовой, с словами: в правде и смирении сердце мое соблюди. И свидетельствую, что это мне самому много помогало, так как не только внедряло в мыслях и в сердце смиренное сознание того, что безусловно нечем гордиться каждому из нас, но и отражалось в жизни исполнением псаломских слов, – что «сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит». – Теперь же пред Вами даю свой обет: всегда в подобных случаях добавлять – «и в иноческом самоотречении сердце мое утверди»... И да поможет мне и в этом Господь, Отечески-попечительный и Всесильный, как помогал и сохранял меня в дни юности и мужества моего. Вас же еще и еще прошу и молю: помолитесь обо мне Вашими архипастырскими, облагодатствованными молитвами, да ниспослет мне Господь благодать Духа Святого Своего, истинно все-оживляющую и все-покрывающую милостью и силою духовною. Уже 63 года исполнилось мне, и только этою благодатною силою живу и сохраняюсь я. Да даст же Владыка жизни моей в апостольски преданном таинстве Своем, чрез возложение святительских рук Ваших и архипастырскую молитву Вашу сию преизобильную благодать, да немощная моя уврачует она и оскудевающая восполнит. Аминь.

Печатается по тексту публикации в журнале «Хлеб Небесный». Харбин. 1-31 июля 1934 года. № 7. С. 14-19

На паперти Св.-Иверского храма на Пристани после совершения чина наречения архимандрита Димитрия во епископа . Стоят (справа налево) в первом ряду: архимандрит Димитрий, епископ Пекинский Виктор, архиепископ Харбинский Мелетий, архиепископ Камчатский Нестор, прот. М. Филологов; во втором ряду: игумен Филарет, прот. В. Петров, В.А. Герасимов (сотрудник газеты «Харбинское Время»), прот. В. Гурьев, В.Н. Сумароков, прот. И. Петелин и др.

угождениях плоти. Вводятся увеселения, которые от людей, имеющих страх Божий, именуются безнравственными. И к этому гнилому и зараженному источнику спешат люди, чтобы пить из него нравственную отраву и тем самым губить свою душу.

Вот, возлюбленный о Господе наш собрат, в какое поистине тяжелое время нам приходится пасти стадо Христово, а тебе вступить на высшее служение Святой Церкви. И при таких условиях современной жизни иной раз кажется, что уже более нет той силы, которая остановила бы современный человеческий мир от этого стремительного течения к бездне погибели. Однако, если бы мы при виде всего этого, впали в уныние и, так сказать, опустили бы руки, то жестоко погрешили бы против истины Христовой

Церковь Христова во все времена являлась тою солью, которая оздоровляла мир и сохраняла его на пути истины и добра. Несомненно, эту зиждительную силу она сохранила и в настоящее время […]»[172]

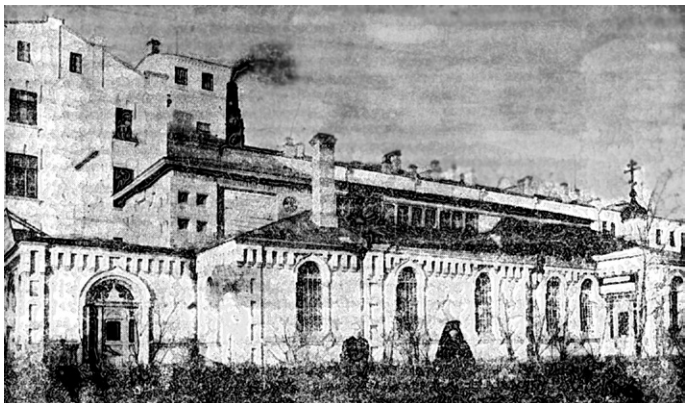
Богословский факультет Института Св. Владимира

Епископ Димитрий стал председателем Правления только что открытого на основании разрешения Министерства Народного Просвещения Маньчжоу-Ди-Го (за № 195 от 29 августа 1934 года) Богословского факультета при Институте св. Владимира[173].

Инициатором создания Института был Архиепископ Мелетий, он же возглавил Комитет учредителей Института. Главною целью создания Института являлось стремление объединить все высшие учебные заведения Харбина. Во главе нового учреждения стояли правление и академический совет. Высоким попечителем Института избран был Митрополит Антоний (Храповицкий), почетным попечителем – Архиепископ Мелетий, архиепископа Нестора избрали действительным членом Правления. Ректором Института стал профессор М.П. Головачев[174].

Торжественное открытие Института Св. Владимира состоялось в воскресенье 23/10 сентября 1934 г. в помещении гимназии им. Ф. М. Достоевского. Присутствовали руководители всех организаций русской эмиграции и учебных заведений, представители прессы, слушатели Института. Перед началом молебна Св. князю Владимиру архиепископ Мелетий произнес слово, в котором указал, что «Перед институтом Св. Владимира стоит великая задача – быть рассадником национальной русской науки. Русская эмиграция, живя среди чужих народов, теряет свою самобытность»[175]. Задача русской эмиграции – борьба с антирелигиозными и аморальными началами, которые погубили Россию. От имени архиепископа Нестора с приветствием выступил игумен Нафанаил (Львов).

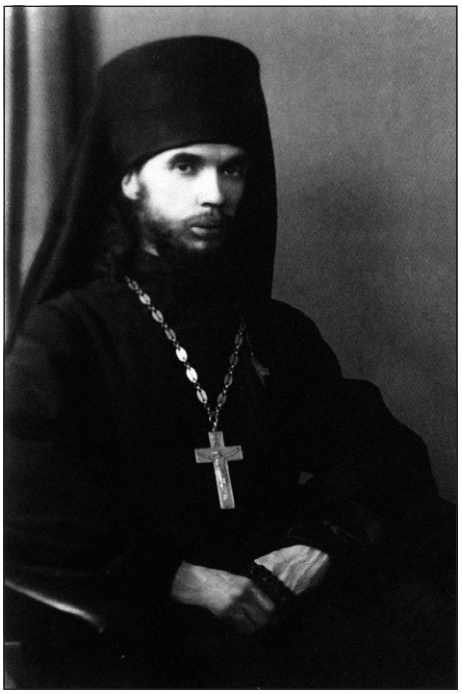
Ректором Богословского факультета стал митрополит Харбинский и Маньчжурский Мелетий (Заборовский), первым Деканом – Владимир Михайлович Павловский, бывший до середины 1934 года директором гимназии в Мукдене, а в феврале 1935 года принявший монашество с именем Василий. В июне 1938 г. он был назначен епископом Венским после того как владыка Серафим (Лядэ) Венский (1883–1950) был переведен в Берлин на кафедру архиепископа Тихона (Лященко, † 11 февр. 1945), создателя великолепного Воскресенского кафедрального собора-памятника в Берлине (завершен в 1928 г., арх. Н. В. Васильев), уволенного на покой по настоятельному требованию германской администрации[176]. Отправившись в июне 1938 года на Собор Русской Православной Церкви Заграницей в числе представителей Харбинской епархии[177], о. Василий в Харбин уже не возвратился. На его место Академическим Советом Богословского факультета единогласно был избран и утвержден доцент Богословского факультета протоиерей Свято-Николаевского Кафедрального Собора г. Харбина о. В. Гурьев (исправлявший до того должность помощником декана).



Харбин. Здание Епархиального Совета, где помещался Богословский факультет института св. Владимира

Харбинский Богословский факультет стал вторым высшим русским православным богословским учебным заведением на всем бескрайнем пространстве русского рассеяния[178]. По словам декана, о. В. Гурьева, «Факультет можно считать прямым преемником наших 4-х Российских Духовных Академий, хотя и в уменьшенном учебном объеме по сравнению с этими 4-мя высшими Духовными заведениями»[179]. Первый выпуск в ноябре 1937 г. состоял из 6 человек (троих протоиереев, одного иеромонаха и двоих мирян), второй выпуск – также из шестерых (троих протоиереев, одного диакона и

Архимандрит Василий (Павловский, † 1945 в Мюнхене) декан богословского факультета



Игумен Филарет (в мире – Георгий Вознесенский), сын протоиерея Николая Вознесенского (архиепископа Димитрия) – будущий Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Филарет (1903–1985). Фото 1936–1937 годов

двоих мирян)[180]. «Тяжелые условия существования этого высшего рассадника богословских наук, заключающиеся в малой материальной обеспеченности, отвлечение учащихся сторонними занятиями, – в целях отыскания куска хлеба для существования, все эти обстоятельства характеризуют работу этой Высшей богословской школы, как работу трудную и требующую от руководителей особого напряжения энергии»[181], – отмечалось в журнале «Хлеб Небесный».

До 1938 г. на факультете преподавало 14 человек: 4 профессора, 6 доцентов и 4 лектора. В 1939 году преподавательская корпорация факультета состояла из 12 человек: двоих профессоров, семерых доцентов и троих лекторов.

Студентам факультета предлагались следующие курсы: Св. Писание Ветхого Завета – прот. доцент о. Л. Викторов, Св. Писание Нового Завета и Гомилетика – профессор епископ Димитрий (Вознесенский) и его сын, архимандрит Филарет; догматическое и нравственное богословие – декан протоиерей о. В. Гурьев; история западных исповеданий – он же; патрология – он же; пастырское богословие – архимандрит Филарет; основное богословие – доцент П. К. Смирнов; церковная археология – доцент Н.В. Никифоров; логика, психология и философия – доцент И.И. Костючик; педагогика, маньчжурский государственный язык и церковно-славянский язык – профессор И.А. Тимбо; церковная история общая и русская – доцент Е.Н. Сумароков; каноническое право – он же; история религий – доцент П.К. Смирнов; литургика – лектор протоиерей о. И. Петелин; библейская история, библейская археология и греческий язык – доцент П.К. Смирнов; церковное пение – лектор И.П. Райский.

В состав Академического Совета входили протопресвитер о. М. Филологов, профессор епископ Димитрий (Вознесенский), ректор митрополит Мелетий (Заборовский), декан факультета прот. о. В. Гурьев, доцент прот. о. А. Пономарев, преподаватель И.П. Райский, профессор И.А. Тимбо, доцент И.И. Костючик, преподаватель прот. о. И. Петелин, доцент Н.В. Никифоров, доцент Е.Н. Сумароков, доцент П.К. Смирнов.

На Богословский факультет принимались лица обоего пола с законченным средним образованием, вольнослушателями могли становиться и те, кто окончил средние учебные заведения. Обучение было как очным, так и заочным, однако, поскольку и при последней системе необходим был личный приезд на факультет, обучаться на нем могли лишь лица, проживающие в пределах Маньчжоу-Ди-Го[182]. В 1939 г. на факультете обучалось 32 студента из них 14 человек – на первом курсе.

В мае 1939 г. при Богословском факультете учреждено было Общество ревнителей православного образования. Общество состояло под непосредственным наблюдением Академического Совета и правящего архиерея Харбинской епархии. Целью его деятельности было «изыскание средств на нужды Богословского Факультета, как-то для уплаты взносов за недостаточных студентов Факультета, а также для издания

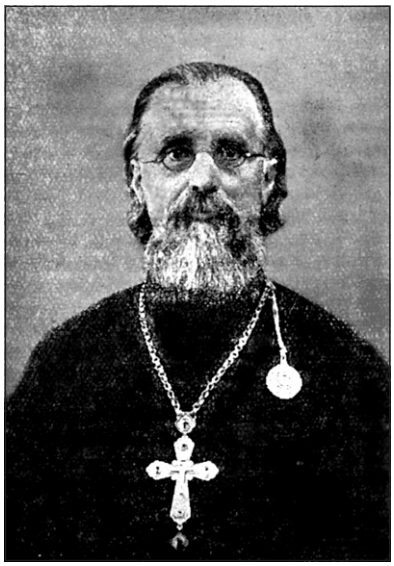
Академический Совет Богословского факультет Института Св. Владимира. Слева направо сидят: протопресвитер Михаил Филологов, Профессор епископ Димитрий, ректор митрополит Мелетий. Декан богословского факультета прот. Виктор Гурьев, доцент прот. Аристарх Пономарев. Стоят: преподаватель И.П.Райский, проф. И.А.Тимбо, доцент И.И. Костючик, преподаватель прот. И. Петелин, доцент Н.В. Никифоров, доцент Е.Н. Сумароков, доцент П.К. Смирнов.

лекций профессоров и другие расходы Факультета [sic!]»[183]. Средства общества складывались из членских взносов, которые составляли два гоби в год, пожертвований и поступлений от вечеров, концертов и лекций. Членами «Общества» являлись правящий и викарный архиереи, члены Епархиального Совета, настоятели церквей Харбинской епархии и члены Академического Совета Богословского факультета. В Правление общества входило 10 человек – пятеро от академического Совета и столько же от Общего собрания (каковые собрания устраивались в начале каждого учебного года).

Братство Святого Иоанна Богослова

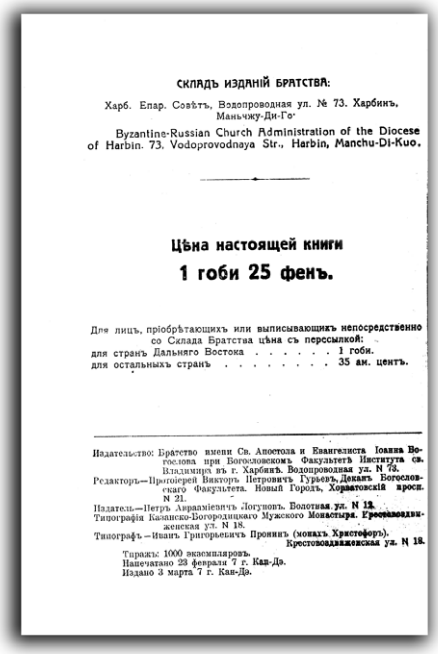
При факультете было образовано Братство имени св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова: «Первоначально был образован несколькими лицами кружок имени св. ап. Иоанна Богослова при Богословском факультете, который в 1935 году [1 июня – *Т. Б., А. К.*] был одобрен бывшим в то время деканом Богословского факультета иеромонахом Василием (ныне епископом Венским); в 1938 году [20 сентября – *Т. Б., А. К.*] Его Преосвященство, Преосвященнейший Димитрий, епископ Хайларский, принял на себя звание первого почетного члена Братства, и 25 ноября того же года утвердил устав Братства и, таким образом, с этого времени ранее существовавший Кружок стал именоваться уже Братством св. ап. и ев. Иоанна Богослова. Своею основною целью Братство имеет: а) распространение устно и печатно Слова Божия и, б) распространение и насаждение богословских знаний и богословских наук»[184]. С 14 января 1939 года в связи с отъездом архимандрита Василия (Павловского) за пределы епархии обязанности председателя Братства принял на себя по положению новый декан Богословского факультета протоиерей о. Виктор Гурьев. Как отмечал владыка Димитрий, ставший впоследствии Почетным председателем Братства, «Главную свою работу Братство направило на издательство книг и брошюр религиозно-нравственного содержания, и за не так долгий срок сделало уже довольно

Декан Богословского факультета Института Св. Владимира протоиерей Виктор Гурьев



много, то переиздавая лучшие существующие издания в этой области, то беря на себя нелегкий в наши дни труд по выпуску и новых книг и брошюр»[185]. В числе изданных книг были «Жития Святых» по св. Димитрию Ростовскому, книги о старцах Оптиной Пустыни – Макарии и Амвросии и еще многие другие – всего 17 наименований. Не забывали участники Братства и о том, что святая Церковь именует любимого ученика Господня – начальником Богословия, почему целый ряд изданий Братства был посвящен этому святому Апостолу. С самого первого дня владыка Димитрий активно участвовал в редактировании и составлении этих и других изданий.

Почетным учредителем Иоанно-Богословского Братства являлся Декан Факультета профессор архимандрит Василий. Подобные братства существовали и в других странах, к примеру, в Бразилии – под покровительством епископа Феодосия; самое же известное – Оксфордское братство имени св. Евангелиста Иоанна Богослова – действовало в Англии. Со всеми



Издания Харбинского братства св. Иоанна Богослова – книги: «Монастыри Св. Иоанна Богослова» и «Старец Макарий Оптинский». Первые и последняя страницы обложек

Обложки иллюстрированного журнала «Хлеб Небесный» – ежемесячного издания Казанско-Богородицкого мужского монастыря в Харбине. 1930-е – 1940 годы

этими организациями братство харбинское поддерживало отношения и состояло в переписке[186].

В праздник Св. Троицы 28 мая 1939 г. состоялось в помещение Серафимовской столовой при Св. Иверской церкви Годовое собрание Братства.

Это было первое собрание в истории Братства. Оно совпало с пятой годовщиной его существования. За отсутствием владыки Мелетия, на Собрании председательствовал преосвященный Димитрий, первый почетный член Братства. Собрание открылось докладом секретаря Братства П.А. Логунова, ознакомившего с краткой историей Братства и его деятельностью. Затем В.И. Суровым был прочитан доклад студентов Богословского факультета в защиту подлинности Евангелия от Иоанна в связи с новой книгой Мережковского «Иисус Неизвестный», в которой автор отрицал подлинность Иоаннова Евангелия. В своей речи владыка Димитрий выразил удовольствие по поводу деятельности Братства и поддержал доклад В.И. Сурова, коснувшись также содержания Евангелия от Иоанна. Он закончил свою речь пожеланием, чтобы Евангелие от Иоанна читалось как можно чаще, как наиболее глубокое по содержанию и именуемое Евангелием Любви. На собрании присутствовал также профессор К.И. Зайцев, говоривший «о необходимости настоящего церковного просвещения, а не просвещения в кавычках»[187].

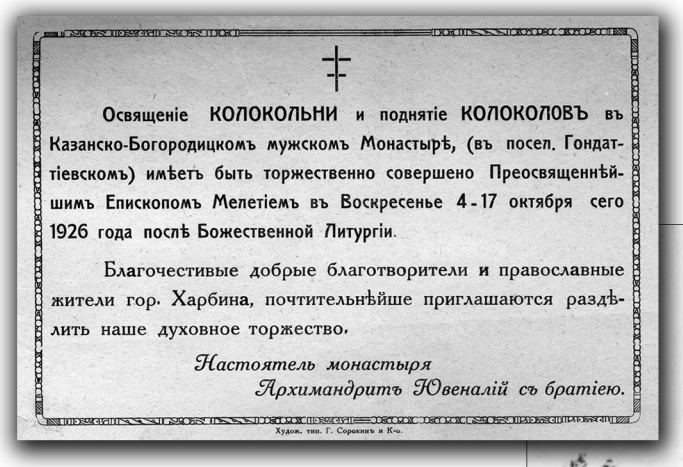
Помимо Иоанно-Богословского Братства при факультете работали студенческие кружки – патрологический и Иннокентиевский. Первый занимался сбором материалов о современных зарубежных русских церковных писателях, второй – организацией проповедей и религиозно-нравственных чтений по приютам, столовым и ночлежным домам г. Харбина.

При Богословском факультете собирались также литературно-художественный и религиозно-нравственный кружки, которыми руководил архим. Филарет (Вознесенский)[188].

Богословский факультет постепенно расширял свои международные научные связи. Этому много способствовал первый декан – архим. Василий, устанавливая контакты с богословскими факультетами и налаживая обмен научной литературой. Так 8 июня 1937 г. Харбин посетил почетный профессор богословия Лионского университета о. Альберт Валенсин, приехавший на Дальний Восток для инструктирования католических миссий и специально посетивший Богословский факультет для личного знакомства с архим. Василием. Он остановился в Казанско-Богородицком монастыре и пробыл там два дня, познакомившись с архиеп. Мелетием, еп. Димитрием и другими. Был он и в Серафимовской столовой и приютах, в Доме милосердия, присутствовал на экзаменах по философии, истории, литературе на Богословском факультете, посетил очередное заседание комиссии по борьбе с безбожием[189].

В 1939 г. в Харбине была открыта и Духовная семинария с четырехлетним курсом обучения. Решение об учреждении ее приняли на совещании, состоявшемся 12 декабря 1938 года под председательством архиепископа Мелетия. Семинария открывалась в объеме, разрешенном Министерством народного благополучия, при Свято-Алексеевской церкви Модягоу, в здании, принадлежащем церкви. Ранее в нем размещалось Алексеевское реальное училище, подлежавшее теперь закрытию. Ректором Семинарии 28 апреля 1939 г. утвержден был прот. О.А. Пономарев, инспектором И.И. Костючик. Для забот о материальном устроении ее создавался «Попечительный Совет» Семинарии, организация коего возлагалась на епископа Димитрия, как председателя этого Совета[190]. В семинарии было шесть классов по 15 человек в каждом, то есть 90 учащихся, причем «подготовительные классы соответствуют сокращенному курсу Духовных училищ и как-бы подготовляют к прохождению семинарских дисциплин»[191].

Весною 1940 г. Семинария приобрела собственное помещение – дом на Глаголевской улице – в центральной части



Освященіе КОЛОКОЛЬНИ и поднятіе КОЛОКОЛОВЪ въ Казанско-Богородицкомъ мужскомъ Монастырѣ, (въ посел. Гондатіевскомъ) имѣетъ быть торжественно совершено Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Мелетіемъ въ Воскресенье 4-17 октября сего 1926 года послѣ Божественной Литургіи.

Благочестивые добрые благотворители и православные жители гор. Харбина, почтительнѣйше приглашаются раздѣлить наше духовное торжество.

Настоятель монастыря
Архимандритъ Ювеналій съ братіею.

Худож. тип. Г. Сорокинъ и К°.

Харбин. Храм Казанской иконы Божией Матери Казанско-Богородицкого мужского монастыря (Фото из архива прот. Г. Зайде)

1—30 Іюня 1934 года. № 6. 9-й годъ изданія.

Духовно-Нравственный Православный иллюстрированный журналъ

Хлѣбъ Небесный

Изданіе Казанско-Богородицкаго Мужского Монастыря.

Маньчжу-Го гор. Харбинъ,—Нов. Модягоу.

Rev. Archimandrite Juvenaly. Abbey. Harbin. New Modiagow.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

Харбинъ, линія К.В.ж.д. и Китай — — 4 м. дол. | Японія и линія Ю.М.ж.д. 4 іены. Заграницу 2 ам.д.

ХЛѢБЪ НЕБЕСНЫЙ

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ РЕЛИГІОЗНО—НРАВСТВЕННЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЛИСТКОВЪ ИЛИ КНИЖЕЧЕКЪ КРУПИЦЫ „ХЛѢБА НЕБЕСНАГО“.

№ 5. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ. Изданіе Казанско-Богородицкаго мужскаго монастыря. Китай. Гор. Харбинъ, Нов. Модягоу, (Гондаттіевка). 1-14 Марта 1926 г.

При настоящемъ номерѣ прилагается листокъ: „ВЕЛИЧІЕ ТАИНСТВА СВ. ПРИЧАЩЕНІЯ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на 1 мѣс. — — 50 к. „ 3 „ . 1 р. 50 к. „ 6 „ . 3 р. — „ 1 годъ . 5 р. — въ долляр. или іенахъ. за границу американскими дол. или франками.

Цѣна отдѣльн. номера 25 коп. повсемѣстно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ Редакціи при Монастырѣ, въ книжн. магаз.: „Просвѣщеніе“—Большой проспектъ № 31, въ книжно-иконн. киоскахъ при Николаевскомъ Соборѣ и Ивирской церкви и въ книжно-иконной лавкѣ „Русскій Бунинесть“ П. Д. Ваганова—Пристань, Толчекъ, гор. Корпусъ № 3, лавка № 67. Тамъ же и розничная продажа, а также и у монастыр. разносчик.

Редакція надѣется, что православные благочестивые люди отдадутъ должное вниманіе нашему благому начинанію и поддержатъ журналъ съ любовію и усердіемъ.

Лица, желающіе помѣщать въ журналѣ свои статьи, почтительнѣйше приглаш. присыл. таковыя въ конт. Ред. почтой.

Худ. тип. Г. Сорокина и К-о, Коротная, 15.

康德四年六月十五日第三种郵便物認可

Продолжается подписка на 1938 годъ

на духовно-нравственный православный иллюстрированный журналъ, издаваемый при Казанско-Богородицкомъ Мужскомъ Монастырѣ въ г. Харбинѣ

„Хлѣбъ Небесный“

Подписка на журналъ и объявленія принимается ежедневно въ Казанско-Богородицкомъ Мужскомъ Монастырѣ — Крестовоздвиженская ул., № 18, Новое Модягоу.

Подписная плата: Въ предѣлахъ Маньчжу-Ди-Го, въ Китаѣ, въ Ниппонъ—3 гоби или іены. Заграницу—2 амер. доллара.

Подписная плата исчисляется съ 1-го января 1938 года по 1-ое января 1939 года.

Адресъ для писемъ: The Friary, 18, Krestovozdvijenskaya Str., New Modiagow, Harbin, Manchu-Ti-Kuo.

ТИПОГРАФІЯ Казанско-Богородицкаго Мужского Монастыря

принимаетъ всевозможные типографскіе заказы.

Скорое и аккуратное исполненіе.

Цѣны ниже частныхъ типографій.

Издательство Казанско-Богородицкаго Мужского Монастыря.

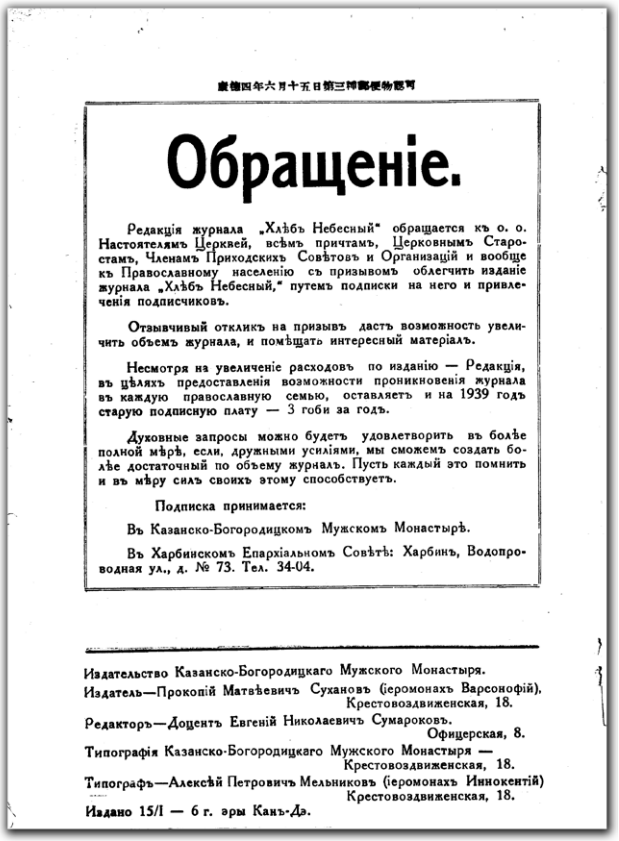
Издатель—Прокопій Матвѣевичъ Сухановъ (іеромонахъ Варсонофій) Крестовоздвиженская, 18.

Редакторъ—Проф. В. Г. Павловскій (Архимандритъ Василій) Крестовоздвиженская, 18.

Типографія Казанско-Богородицкаго Мужского Монастыря — Крестовоздвиженская, 18.

Типографъ—Алексѣй Петровичъ Мельниковъ (іеромонахъ Иннокентій) Крестовоздвиженская, 18.

Издано 15/IX—5 г. эры Канъ-Дэ.



康德四年六月十五日第三种郵便物認可

Обращеніе.

Редакція журнала „Хлѣбъ Небесный“ обращается къ о. о. Настоятелямъ Церквей, всѣмъ причтамъ, Церковнымъ Старостамъ, Членамъ Приходскихъ Совѣтовъ и Организацій и вообще къ Православному населенію съ призывомъ облегчить изданіе журнала „Хлѣбъ Небесный,“ путемъ подписки на него и привлеченія подписчиковъ.

Отзывчивый откликъ на призывъ дастъ возможность увеличить объемъ журнала, и помѣщать интересный матеріалъ.

Несмотря на увеличеніе расходовъ по изданію — Редакція, въ цѣляхъ предоставленія возможности проникновенія журнала въ каждую православную семью, оставляетъ и на 1939 годъ старую подписную плату — 3 гоби за годъ.

Духовные запросы можно будетъ удовлетворить въ болѣе полной мѣрѣ, если, дружными усиліями, мы сможемъ создать болѣе достаточный по объему журналъ. Пусть каждый это помнитъ и въ мѣру силъ своихъ этому способствуетъ.

Подписка принимается:

Въ Казанско-Богородицкомъ Мужскомъ Монастырѣ.

Въ Харбинскомъ Епархіальномъ Совѣтѣ: Харбинъ, Водопроводная ул., д. № 73. Тел. 34-04.

Издательство Казанско-Богородицкаго Мужского Монастыря.

Издатель—Прокопій Матвѣевичъ Сухановъ (іеромонахъ Варсонофій). Крестовоздвиженская, 18.

Редакторъ—Доцентъ Евгеній Николаевичъ Сумароковъ. Офицерская, 8.

Типографія Казанско-Богородицкаго Мужского Монастыря — Крестовоздвиженская, 18.

Типографъ—Алексѣй Петровичъ Мельниковъ (іеромонахъ Иннокентій) Крестовоздвиженская, 18.

Издано 15/I — 6 г. эры Канъ-Дэ.

Обложки издания Казанско-Богородицкого мужского монастыря в Харбине – иллюстрированного журнала «Хлеб Небесный». 1920-е – 1930-е годы

главного пригорода Харбина – Модягоу, где было сосредоточено больше всего русских жителей. Дом, расположенный рядом с Модягоуским приходским храмом, принадлежал приходскому совету. В качестве одного из источников для покрытия расходов на приобретение дома Семинария выпустила «прекрасный богословский сборник со статьями митрополита Мелетия, епископа Димитрия, прот. А. Пономарева, проф. К.И. Зайцева, и с рядом статей, повествующих о жизни и работе Духовной семинарии – очага, воспитывающего будущих пастырей Христианской Церкви на Дальнем Востоке»[192].

С 1926 года в Харбине, в качестве издания Казанско-Богородицкого мужского монастыря[193] выходил Духовно-Нравственный Православный иллюстрированный журнал «Хлеб Небесный» (с марта 1935 по апрель 1936 г. в издании журнала был перерыв), к нему прилагались листки духовно-нравственного содержания, которые получили широкое хождение среди русских читателей по всему миру. За три первых года издания журнала общий тираж листков составил около ста тысяч экземпляров. Сам же журнал издавался весьма ограниченным тиражом, хотя и рассылался во все концы мира немногочисленным подписчикам. Особенные трудности возникли после отъезда редактора, архимандрита Василия (Павловского) в Западную Европу. Редактирование перенял член Епархиального Совета Е.Н. Сумароков (к этому моменту подписчиков было только 60, а журнал печатался лишь в количестве 150 экземпляров). Три года спустя тираж поднялся до 800 экземпляров, а после прекращения почтовой связи с Европой и Америкой снизился до 600…[194] Владыка Димитрий в течение многих лет оставался постоянным и прилежным автором этого журнала, едва ли не самого лучшего из всей церковной периодики русской эмиграции.

Незадолго до своей архиерейской хиротонии о. Н. Вознесенский участвовал в диспуте с русскими католиками, отчет о котором появился в № I-II русского «Католического Вестника», выходившего в Харбине. В ответной публикации, указав на намеренное сокращение редакторами текста его выступления в этом диспуте, владыка Димитрий упоминает о священнике о. Диодоре Васильевиче Колпинском (1893-1932), трагической судьбе которого мы уделим несколько строк. Д. Колпинский, петроградский историк-медиевист отпал от Православной Церкви по искреннему убеждению вместе со своею семьей. Оказавшись в эмиграции он познакомился в Берлине с архимандритом Тихоном Лященко, бывшим профессором Киевской Духовной Академии, занявшим должность настоятеля русского посольского берлинского храма. Неоднократные их беседы заставили Д. Колпинского, к тому времени – уже католического священника, пересмотреть прежнее свое решение и он вернулся в Православную Церковь. Став священником православным о. Диодор принял активное участие в жизни русской общины[195], сотрудничал он и в созданном его бывшим наставником по Петроградскому университету известным историком Львом Платоновичем Карсавиным журнале «Вестник Православия», который стал первым православным церковно-общественным журналом, выпускавшимся русскими эмигрантами…

Однако через некоторое время о. Диодор вновь покинул лоно Православия и стал довольно известен в русском рассеянии как создатель журнала «Китеж. Русский католический вестник», первый номер которого вышел в свет в 1927 году. Он редактировал журнал до августа 1929 года, когда, будучи страстным проповедником, решил отправиться в Китай[196]. Вскоре он становится директором Мужского епархиального русского католического училища в Харбине с программой прежних русских гимназий. На свои личные средства он оборудует астрономическую Обсерваторию – в то время единственную в Маньчжурии[197]. Сведения об о. Диодоре, сохранившиеся в некоторых документах частного характера свидетельствуют, что он был исключительно порядочным человеком, стремившимся лишь окормлять русских католиков[198], а не обращать в католическую веру православных русских эмигрантов. По-видимому именно эта установка стала для него роковою и повлекшей за собою последствия, о которых с сожалением свидетельствует владыка Димитрий: «С какою горечью, какою острою болью сердечной отзывался бывало мне – в Циндао, в 1932 году покойный отец Диодор Колпинский, загнанный иезуитствующими униатами почти в нищету, чья преждевременная смерть лежит на совести того его начальника, который сначала сплавил его из Харбина, где его совместничество было для насадителей подобного униатства невыгодно, а потом и совсем лишил его места. Уловление душ – вот любимый термин о. Диодора в характеристике деятельности этих посланцев о. Д'Эрбиньи в Харбине, не брезгующих никакими средствами в достижении своих целей, по исконному правилу энергичных деятелей ордена Иисусова»[199]. В заключение своей статьи владыка Димитрий, поведав читателям о горестном пути о. Диодора, выражал надежду, что «никакие усилия, никакие хитроумно измышленные приемы и способы не защитят этого порождения темного средневековья, каким является, стеной вставшая пред Православием, вся эта папская система – на основе неведомого Апостольской церкви главенства папы с его непогрешимостью…»[200].

Русское Церковное разделение в оценке епископа Димитрия

22 июня 1934 года заместитель Местоблюстителя Патриашего Престола митрополит Сергий (Страгородский) и

Соборная церковь и Патриарший дворец в Сремских Карловцах. Здесь размещался Русский Зарубежный Синод Публикуется впервые

Святейший Патриарх Сербский Варнава (Росич †24 июля 1937 года)

Александр I Карагеоргиевич, Король Югославии (королевства Сербов, Хорватов и Словенцев). Фотография, изданная после убийства короля Александра в Марселе 9 октября 1934 г. Под фотографией воспроизведены слова, якобы произнесенные королем Александром перед смертью: «Берегите (мне) Югославию!».

временный Синод при нем издали постановление о предании церковному суду с устранением от церковных должностей русских архиереев и клириков так называемой Карловацкой группы. Это заявление вызвало определенное смущение у части Харбинской паствы в связи с чем архиепископ Харбинский и Маньчжурский Мелетий, архиепископ Камчатский и Петропавловский Нестор и епископ Хайларский Димитрий составили и опубликовали «Окружное послание», в котором разъяснили верующим, что опубликованное в Москве агрессивное заявление митр. Сергия стало результатом следующих событий: «Митрополит Московский Сергий 23 Марта 1933 г. просил Святейшего патриарха Сербского быть посредником в переговорах с карловацкими архиереями, чтобы повлиять на них в благоприятном смысле. Святейший Патриарх Сербский посланием своим, от 25 Мая 1934 г., сообщил Митрополиту Сергию Московскому, что Русский Зарубежный Синод в Карловцах Сремских в ответ на его посредническое предложение 7 того же мая прислал ему совершенно отрицательный ответ, что он теперь не только не подчиняется, но и не считает для себя возможным какое бы то ни было согласование с Митрополитом московским Сергием, в виду его несвободы в словах и в действиях. Вследствие этого и состоялось вышеупомянутое запрещение и отстранение от должностей Заграничных Архиереев, подчиняющихся Собору и Синоду в Сремских Карловцах»[201]. Далее иерархи подробно изложили историю возникновения и деятельности Архиерейского Синода, пребывавшего в Югославии, заключив свой рассказ важнейшим для понимания канонических оснований существования этого Синода указанием на то, что «Высшее Церковное Управление Русской Православной Церкви Заграницей, существующее уже двенадцать лет, братски молитвенно было признано Восточными Патриархами – Григорием Антиохийским, Фотием Александрийским и Дамианом Иерусалимским, а также Сербскими патриархами Димитрием и Варнавою, прекрасно понимавшими те страдания братской Православной Русской Церкви, которые она переносит, вследствие воздвигнутого на нее гонения безбожной коммунистической властию»[202]. В заключение своего послания русские Дальневосточные святители напоминали, что «Русская православная эмиграция, духовно окормляемая Высшим Церковным управлением

Участники совещания по установлению мира и единства в Русской Православной Церкви Заграницей. Примирившаяся группа иерархов. Сидят слева направо: митр. Феофил, митр. Антоний, патр. Варнава, митр. Евлогий и митр. Анастасий. Стоят: келейник митрополита Антония архимандрит Феодосий (Мельник), архиепископ Курский Феофан (Гаврилов), ?, архиепископ Екатеринославский Гермоген (Максимов), епископ Хайларский Димитрий (Вознесенский),?. Октябрь-ноябрь 1935 года

заграницей, должна быть спокойна за чистоту и каноничность этого управления, памятуя, что Собор Заграничных Иерархов зорко стоит на страже целости и чистоты богопреданной церковной истины, и что Церковный Собор не замедлит утешить смущенные сердца своим Архипастырским посланием»[203].

В том же номере журнала «Хлеб Небесный» владыка Димитрий сурово обличил деятельность русской периодической печати, безответственно стремящейся углубить расхождения, возникшие в церковной жизни русского рассеяния и определенно высказал свое отношение к важнейшему событию горестного церковного разделения в русской эмиграции, горячо выступив за всемерное поддержание соборного начала русского церковного устройства в рассеянии: «самый главный грех и вина прессы евлогианской [речь шла о парижской газете «Возрождение» – *Т. Б., А. К.*], конечно, – в тенденциозной, но неизменной, и широкой публике навязанной, трактовке всего расхождения между митр. Евлогием и осудившими его иерархами, как – столкновение честолюбий между ним и митр. Антонием. Но ведь это – совершеннейшая неправда. И не только потому, что это – абсолютно не похоже на митр. Антония, в таком грехе отнюдь не повинного, и к митр. Евлогию относившегося всегда дружественно (чем и было вызвано приглашение митр. Евлогия в Белград, где инициатива безусловно принадлежала ему, а не м. Евлогию). Нет, вопрос стоит несравненно серьезней и глубже. – Быть ли в Зарубежной Русской Церкви во главе ее строю соборному, иль – единоличному, а с тем вместе – объединенному иль разобщенному. – Печальное наследие революционной заразы далеко еще не изжито многими и в сфере церковной: удочку такой автономии митр. Евлогий закидывает теперь, в своем проекте, и к нам в Харбин, поименовывая его в числе четырех центров автономных церковных округов. […] А между тем, проведенное в 1923 году, при участии и митр. Платона, и еще более митр. Евлогия, существующее в эмиграции уже 12-й год, церковное объединение и соборность, это – самая суть и коренное отличие нашей Православной Восточной Церкви, первое требование канонов, закрепленное для наших дней тем самым, можно сказать – пророческим, указом патр. Тихона от 7/20 ноября 1920 года, на который, волей-неволей, ссылаются (в первом моменте его) и евлогиане, в защиту своей „автономности“, ибо, представляя временную обособленность и самостоятельность епархии, оторванной от связи с патриаршим центром, Указ этот определенно затем требует именно объединенного и соборного решения вопросов (и точно – под председательством старейшего из епископов, каковым в эмиграции является неоспоримо митр. Антоний). Да только эта объединенность, неизбежно вызывающая за собой и согласованность действий, и определяемость их, в конечном моменте, голосом собора, а не единоличным повелением хотя бы и митрополитов, не по душе церковным честолюбцам – et inde ira, отсюда капризные уходы (а теперь – отказ) от законного Собора»[204].

Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей с 1921 по 1936 год митрополит Антоний (Храповицкий)

На очередном архиерейском Соборе, который открылся в Сремских Карловцах 19 августа (по старому стилю) 1934 года владыка Димитрий лично не присутствовал (от Дальневосточных епархий на Собор приехал только епископ Шанхайский Иоанн), однако представил свой письменный отзыв по важнейшим вопросам, подлежавшим рассмотрению Собором.[205]

В 1934 г. Архиерейский Синод выпустил послание к православным русским иерархам, проживавшим в Северной Америке. В числе подписавших его были епископ Димитрий и епископ Берлинский Тихон (Лященко). По поводу этого послания епископ Димитрий писал митрополиту Антонию (Храповицкому): «Второй раз перечитал призыв к Америк.[анским] архиереям. В первый раз он показался мне несколько самоуверенным и способным кого-нибудь с повышенной эгоистической чувствительностью задеть. Но кажется, это лишь отпечаток в призыве крепкой убежденности. Спасибо за призыв. Он нужен. Хорошо и то, что он не в официальном тоне написан. А так как Господь даст. Мне пишут оттуда, что наши и народ за соединение, но главари платоновские против. Значит еще не переболели. Но ведь в путях Промысла Божия результат приходит не по человеческому пристрастию и хотению, а как Господу угодно»[206].

Часовня-памятник убиенным православным монархам – Императору Николаю II и королю Александру I, сооруженная на участке Дома Милосердия в Харбине

В феврале 1935 года епископ Димитрий принял участие в наречении и хиротонии настоятеля Казанско-Богородицкого мужского монастыря Священно-архимандрита Ювеналия (Килина), возведен-

ного во епископа в связи с принятием на архиерейском Соборе в Сремских Карловцах в сентябре 1934 года решения открыть (по представлению Начальника Русской Духовной Миссии в Китае Преосвященного Виктора, Епископа Пекинского и Китайского) вторую епископскую кафедру в Китайском Туркестане (Синцзяне) с резиденцией в г. Урумчи, где проживало к тому времени без духовного руководительства и церковного окормления свыше 10 тысяч русских людей[207]. Торжественный чин хиротонии состоялся 10 февраля (28 января) 1935 года в Свято-Николаевском Кафедральном соборе и был совершен теми же иерархами, что и чин наречения тремя днями ранее: архиепископами Мелетием и Нестором, и епископами Димитрием и Иоанном (Максимовичем) – первым викарием Русской Миссии, епископом Шанхайским, командированным на торжества епископом Виктором и прибывшим в Харбин 6 февраля.[208] Однако епископ Ювеналий не смог добраться до места назначения и был оставлен в Шанхае, где помогал епископу Иоанну (Максимовичу) в его работе в Миссии. Для здоровья владыки Ювеналия проживание в Шанхае было нелегким и в 1940 году митрополит Мелетий «согласился на образование в Харбинской епархии второго викариатства», с тем, чтобы епископ Ювеналий возвратился в основанный им Казанско-Богородицкий мужской монастырь[209].

9 октября 1934 года в Марселе был убит благодетель русских беженцев Югославянский король Александр I Карагеоргиевич. Следствием этого события стало сооружение часовни-памятника убиенным православным монархам Николаю II и Александру I. Закладка часовни совершена была в день рождения русского Императора – 6 (19) мая при участии архиепископов Мелетия и Нестора, и епископов Димитрия и Ювеналия. В своем слове владыка Димитрий указал «на смысл и значение сооружаемой часовни»: «Памятник этот будет свидетельствовать, что мы не забыли своего Императора, об этом он будет говорить как нам, так и нашему молодому поколению, сменяющему нас»[210]. Постройка этого необычного памятника была не просто свидетельством уважения русского населения к памяти прошлого. Согласно опросу, проведенному в начале 1930-х годов Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии, 97, 5% русскоговорящего населения, не принявшего иностранного гражданства, заявили себя монархистами, 2% – фашистами или беспартийными, а 0,5% – сепаратистами и республиканцами[211].

Часовня была возведена на участке основанного архиепископом Нестором Дома Милосердия по проекту уроженца Симферополя, епархиального архитектора Михаила Матвеевича Осколкова, соорудившего к тому времени Свято-Троицкий храм в Благовещенске (1901) и храм Софии Премудрости Божией в Харбине (1933). Впоследствии разрушенная коммунистами (как и все почти харбинские храмы, исключая Иверский и Софийский), часовня была одною из самых изысканных и изящных храмовых построек, осуществленных русскими эмигрантами. Освящение ее состоялось 4 (17) мая 1936 года.

Вскоре после своей архиерейской хиротонии епископ Димитрий, как представитель Дальневосточных епархий, принял участие в специальном Совещании по вопросу об

После первого заседания в Патриаршем Дворце в Сремских Карловцах под председательством Патриарха Варнавы (в центре). Слева от него митрополит Евлогий, справа: митрополит Анастасий и епископ Хайларский Димитрий. Стоят: архиепископ Екатеринославский Гермоген (Максимов, расстрелян югославскими коммунистическими партизанами в июле1945 года), архиепископ Западноевропейский Серафим (Лукьянов †1959), архиепископ Курский Феофан (Гаврилов †1943) и епископ Детройтский Виталий (Максименко †1960)

установлении мира и единства в Русской Православной Церкви Заграницей, состоявшемся в октябре-ноябре 1935 г. по инициативе и под председательством Сербского патриарха Варнавы[212], который «решил пригласить в Сремские Карловцы четырех иерархов в качестве представителей четырех главных областей, по которым давно распределились русские православные люди заграницей – Америки, Дальнего Востока, Западной Европы и Балкан с Ближним Востоком – на нарочитое Совещание по столь важному и жизненному вопросу, возглавленное непосредственно им самим, в надежде, что этот малый собор иерархов, действуя в духе братской любви и взаимного доверия, найдет наконец действительное средство для искоренения русской церковной смуты заграницей»[213]. Кроме архиепископа Димитрия в Совещании приняли участие митрополит Евлогий (Георгиевский), митрополит Феофил (Пашковский), архиепископ Анастасий (Грибановский). В Сремские Карловцы Патриарх Варнава созвал иерархов, которые обладали значительным авторитетом среди русского населения вышеперечисленных областей[214] и приглашенные «с благодарным и радостным чувством отозвались на его призыв и прибыли в Сремские Карловцы на означенное Совещание»[215].

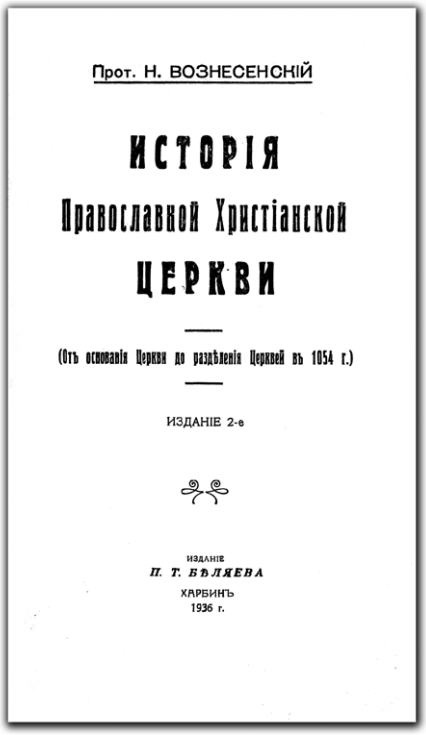
Епископ Димитрий почитал патриарха Варнаву одним из величайших современных православных деятелей, принадлежавшим к «правому крылу» сербских иерархов, при этом исключительным другом русской церкви и русского народа: «Вообще, не было ни одного важного дела в русской церкви, которое не принимал бы он близко к сердцу и где советом или содействием не участвовал […]. Знание им жизни русской церкви было поразительным. Очень интересовался он и жизнью нашей Дальневосточной церкви»[216].

Еще до начала Совещания наиболее действенным способом разрешения возникших нестроений представлялось устройство Русской Церкви Заграницей, основанное на принципе разделения ее епархий на четыре Митрополичьих округа, и приглашены были, соответственно, иерархи, потенциально долженствовавшие таковые округа в ближайшем будущем возглавить.

Очевидно, насколько высок был на русском Дальнем Востоке и в Архиерейском Синоде авторитет епископа Димитрия, менее полутора лет пребывавшего в святительском сане и уже предназначенного возглавить церковную жизнь самого жизнеспособного и успешного из сохранившихся островков великой Империи… Кроме функций представителя Дальнего Востока владыка Димитрий исправлял обязанности секретаря этого Совещания. Архиеп. Анастасий и еп. Димитрий выступали на Совещании и в качестве представителей Архиерейского Собора.

В первом заседании 18/31 октября 1935 г. владыка Димитрий заявил, «что он был всегдашним противником округов и сюда ехал с постановлением против округов, но встретив на Соборе Архиереев Русской Православной Церкви Заграницей такое миролюбивое настроение и готовность быть терпеливыми и уступчивыми ради достижения мира и единства, и сам согласился на эту уступку. Ради мира и единства Собор готов допустить округа в Западной Европе и Америке и новый выборный от округов Синод, взамен чего, казалось бы естественным, чтобы защитники идеи окружного управления

Титульный лист книги о. Николая Вознесенского «История Православной Христианской Церкви», вышедшей вторым изданием в Харбине в 1936 году


Прот. Н. ВОЗНЕСЕНСКІЙ

ИСТОРІЯ
Православной Христіанской
ЦЕРКВИ

(Отъ основанія Церкви до раздѣленія Церквей въ 1054 г.)

ИЗДАНІЕ 2-е

ИЗДАНІЕ
П. Т. БѢЛЯЕВА
ХАРБИНЪ
1936 г.

со своей стороны сделали уступки, допуская существование единого связующего центра.

Митрополиты Евлогий и Феофил со своей стороны выразили готовность идти на возможные уступки в этом вопросе, ради достижения церковного мира»[217].

Значительные споры возникли вокруг настойчивого желания митр. Евлогия о внесении в проект соглашения пункта, предоставляющего митрополитам «руководящее попечение» и право посещения всех приходов округа без согласования с архиереями входящих в данный округ епархий. К этому мнению присоединился и митр. Феофил. Не составляло тайны, что это требование митр. Евлогия имело главною целью получить юридическую возможность воздействия на епископа Тихона (Лященко), возглавившего с согласия Синода Германскую епархию, выделившуюся из прежней огромной епархии митр. Евлогия.

Митр. Евлогий отказался исполнить требование Собора о выходе из подчинения Патриарху Вселенскому в качестве предварительного условия для организации новой формы управления Заграничной Русской Церковью. Он настаивал на том, что подчинение Вселенскому Патриарху – лишь усиливает позиции его епархии, «оно в трудную годину оградило и продолжает ограждать нас от всяких нападений из Москвы»[218].

Однако архиепископ Анастасий и епископ Димитрий высказались решительно против предоставления Окружным Митрополитам права пастырского посещения епархий, входящих в состав Округа, как меры, «не предусмотренной св. канонами и не соответствующей ярко выраженной последними идеи единства церковной юрисдикции и пастырского и иерархического руководства в пределах каждой отдельной епархии»[219] и указали на возможность таких посещений «не иначе, как с согласия местного Епархиального архиерея»[220]. Это положение было согласовано во время третьего заседания 1/14 ноября, но на четвертом заседании 2/15 ноября митр.

Святая Земля. Храм святой равноапостольной Марии Магдалины в Гефсиманском саду

Евлогий вновь указал, что одобренная им накануне формулировка (предложенная еп. Димитрием) все же неприемлема для него, ибо стесняет свободу общения с его паствою[221]. По поводу же своего положения Экзарха Вселенского патриарха митр. Евлогий выступил с особым заявлением, в котором подчеркнул, что согласился бы сложить с себя обязанности только в том случае, «если бы Святейший Вселенский Патриарх признал необходимым для блага Церкви освободить меня от этого звания»[222], сам же митр. Евлогий с просьбою о сложении полномочий обращаться счел неудобным, учитывая, что его нынешнее юрисдикционное положение «ввело нас в общение со Вселенской Церковью, дало нам, моей церковной совести и моей пастве мир и спокойствие»[223]. Еп. Димитрий отвечал, что для русских эмигрантов «не может быть и вопроса о каком либо „введении нас в общение со вселенской Церковью“, так как, по формулировке самого Митрополита Евлогия, Зарубежная наша Церковь есть „Заграничная часть Русской Церкви“, т. е. Поместной Церкви, неоспоримо и несомненно пребывающей в составе и полном каноническом общении со всею Вселенской Церковью».[224]

В результате работы Совещания подготовлено было сразу опубликованное «Временное положение о русской православной церкви заграницей», устанавливавшее функции Архиерейского Собора, Синода, Председателя Синода, принципы организации Митрополичьих Округов и прерогативы Митрополита Округа, Окружных Соборов и Епархиальных архиереев. Новое положение было построено на принципе разделения Зарубежной Церкви «на четыре Митрополичьих округа, прочно объединенных в общем центре – Соборе Заграничных Русских Иерархов и его исполнительном органе Св. Синоде, возглавленном старейшим иерархом Русской Зарубежной Церкви»[225]. Взаимные прещения были сняты, а «Братское единение епископов, присутствовавших на Совещании, равно как и других архиереев Русской Церкви, находившихся в Югославии, засвидетельствовано и закреплено было двукратным совместным совершением Божественной литургии и причащением от единого Хлеба, сначала в Троицкой Русской Церкви, а затем в кафедральном патриаршем соборе в Белграде»[226].

Таким образом, формальное разделение внутри Зарубежной Церкви было преодолено, однако практические результаты достигнутого мира оказались весьма неопределенными. Митр. Евлогий так и остался в юрисдикции Патриарха Вселенского в ущерб Соборному строю зарубежной русской Церкви о бережном сохранении которого так заботились архиеп. Анастасий и еп. Димитрий.

Югославянским королем Александром I епископ Димитрий был награжден орденом святого Саввы II-ой степени[227].

12 ноября 1936 года в Харбинской типографии «Рельеф» С. И. Сапелкина было отпечатано тиражом в 600 экземпляров, а 20 ноября сброшюровано и поступило в продажу второе издание книги епископа Димитрия «История православной христианской Церкви»[228]. Как отмечал автор, оно представляло собою «как и в I-м издании, переработку учебника Прот. Д. Дмитриевского, но в еще большей переделке и изменениях, главным образом, в сторону упрощения и облегчения учебного материала. […] Правописание восстанавливается в этом издании старое, ибо в учебниках Закона Божия, где так много славянских выражений и слов, новое правописание не приемлемо»[229]. Это мудрое указание в наше время оказалось крепко забытым…

Посланник Архиерейского Синода

Летом 1934 года в Палестину приезжал Католикос сирийских христиан в Индии – Григорий-Василий. Индийская Церковь Католикоса Григория-Василия несколькими годами ранее отложилась от яковитского сирийского патриарха, которому до того подчинялась. Знакомство с Русской Духовной миссией в Иерусалиме и беседы с архиепископом Анастасием (Грибановским) убедили представителей Индийской Церкви в необходимости воссоединения со святой православной Русской Церковью. В 1935 году Католикос прислал на имя архиепископа Анастасия письмо с ясно высказанным желанием воссоединения с Православной Церковью на что Архиерейский собор РПЦЗ в октябре 1935 года выразил радость о возвращении к церковному единству «тех христиан, которые ведут свое начало от св. Апостола Фомы и уже почти 1500 лет живут в удалении от Св. Православной Церкви». В то же время Собор дал поручение епископу Димитрию «как одному из своих сочленов» лично проехать, если то окажется возможным, «в Индию и там на месте полнее и точнее установить положение дела, а равно и оказать посильное содействие его успеху»[230].

События этой любопытнейшей и по тем временам весьма необычной поездки иерарха Русской Церкви – посещение Индии, точнее говоря, раджаната Траванкор (в юго-западной оконечности полуострова Индостан), – были описаны самим владыкою Димитрием в обстоятельном отчете.

Поездке в Индию предшествовало полуторамесячное пребывание в Святой Земле, которому владыка Димитрий посвятил путевые заметки, последовательно появившиеся на страницах «Хлеба Небесного» и «Китайского благовестника»… «Лично я приехал в Палестину 20/7 дек[абря] из Афин, где пробыл, в ожидании визы в Иерусалим, 11 дней. […] остановились в главном здании Иерусалимской Миссии, одну часть которого занимает правительственный суд, а в

другой достаточно просторно разместились члены Иерусалимской Миссии, во главе с Митрополит[ом] Анастасием (моим однокурсником по Московской Духовной Академии). […] В составе Миссии в настоящее время более 30 человек, обслуживающих главным образом ее храмы в разных местах и ведущих ее довольно обширное хозяйство. […] Монастырей там в настоящее время четыре, которые оставили во мне наилучшую память. Все они – женские; два из них довольно многолюдные (130-140 инокинь): на Елеонской горе и в Горнем; другие два – начинающиеся, по семи инокинь – в Яффе и в Вифании»[231]. Монастырская община в Вифании была основана двумя аристократками-англичанками Марией и Марфой, недавно принявшими православие и на свои средства восстанавливавшими разрушенные в Первую Мировую войну здания Русской православной Миссии. Храмом для вифанской общины служила церковь Марии Магдалины в Гефсимании, где находились мощи великомученицы Елизаветы и ее верной спутницы инокини Варвары. «За полтора месяца своего пребывания в Палестине (до 10 февр. н. ст.) я успел побывать во всех известных паломникам местах, имеющих важное значение для православного христианина: в Яффе, с ее дивным садом, церковью и пещерою св. Тавифы, в Хевроне, где у дуба Мамврийского настоятельствует наш харбинец – иеромонах Нифонт, достроивший там великолепный обширный храм, в котором богомольцы однако бывают лишь в редкие праздники; в Иерихоне, куда в зимние месяцы богачи ездят на дачу, ибо погода там в эту пору точно та же, как в России в июне; у Наблуса (Евангельского Сихаря, где пил воду из 18-саженного колодца самарянки). Ночевал в Тивериаде, в доме над самым берегом озера – моря, где особенно ярко и живо представлялось, как по этим берегам ходил, иль с такой же лодки говорил Свои притчи Господь, и где я за день до нашего Нового года купался в минеральном источнике нашей Магдалы. Любовался на редкость хорошо сохранившимися развалинами Капернаумской синагоги, той самой, где бунтовали тысячи евреев, когда Спаситель предложил им Свое учение о Хлебе Жизни… Проехав трижды (на автомобиле) мимо горы Фавор и горы „свержения“, побывали в Кане, и в Назарете, снова ночевал в Хайфе, а утром сходил на спускающийся к морю край Кармила, где у католиков со времени крестовых походов и войны Наполеона богатейшие владения, красивый и нарядный храм, а внизу под ним – в точном древнем виде сохраняющаяся пещера прор. Илии, а может быть и Елисея. Хорош и ценен и наш русский участок, в саду которого в день пророка Илии собираются тысячи арабов.

Очень глубокие и сильные впечатления, произвели на меня богослужения на Иордане (5-18 января), где я молился за греческим водосвятным молебном, а потом искупался ниже на просторном русском месте, по соседству с красивым, производящим впечатление прочности, монастырем абиссинцев; а раньше того – в Вифлееме, в самую ночь Рождества Христова, где мы с Влад.[ыкою] Анастасием участвовали в служении литургии. […] полное духовное удовлетворение и прямое наслаждение высшей степени доставили мне ночные две литургии в Храме Воскресения: раз у Гроба Господня, а другой – у Голгофы. Литургия у Гроба Господня и по месту, и по времени совершения ее очень напоминает пасхальную, тем более, что на ней круглый год там поются пасхальные песнопения. Сознание святости места не может не действовать на человека, служба же совершается по нашему чину, – по славянски. Гроб Господень заменяет жертвенник до Херувимской, далее же служат в приделе Ангела. Такое же повышенное настроение бывает и при совершении ночной литургии на Голгофе, куда прямо из алтаря Храма Воскресения есть особый ход. Но, конечно, оттенок чувствований – другой, когда самому сердцу нашему открываются страдания нашего Искупителя на самом месте этих страданий.

Очень непривычно для служащего совершение литургии на Голгофе, где нет ни иконостаса, ни завесы, ни свободного пространства алтаря. Молящимися в такие ночные службы приходят почти исключительно русские и, главным образом, женщины, усердие и набожность которых изумительны: многие из них, приходя на ночь в Храм Воскресенья с 7 часов, когда храм закрывается, проводят в молитве всю ночь и утро, выстаивая по 3-4 службы, переходя из одной церкви в другую. […] Да, великое, истинное счастье, великая милость Господня побывать в Святой земле, как привел Он Сам меня грешного»[232], – писал епископ Димитрий в заключение своих заметок.

Путешествие владыки Димитрия в Индию началось 27 января (10 февраля) 1936 года из Иерусалима. 11/24 февраля он направился из Коломбо в Траванкор «без всяких спутников, при крайне слабом знании английского языка (и, разумеется, без малейшего понятия об языке малабарском, на котором говорит население Траванкора)»[233], а 13/26 февраля «проехал в г. Каттоян – кафедру Католикоса, где он живет в своем доме, так называемой старой семинарии»[234]. 25 февраля / 9 марта в понедельник в Каттояне состоялось собеседование епископа Димитрия с главными представителями Сирийской церкви по вопросу об условиях предполагаемого соединения. Как отмечал владыка Димитрий, выяснилось, что из семи Вселенских соборов Сирские христиане признают таковыми только три, каковое положение никак не могло быть сохраняемо в случае объединения. Однако «они выразили готовность почитать [sic!] и уважать и остальные четыре собора, по доверию к нашей Православной Церкви, и предлагали соответствующую формулу: что их Сирская Церковь признает три собора вселенских, но и к остальным четырем соборам,

Траванкор (Индия). Патриарх Мар Илия III во время посещения Малабарской церкви. 1930 год

признаваемым Православной Церковью, будет относить уважительно. Однако я снова указал им, – отмечал епископ Димитрий, – что ни наш Архиерейский Русский собор, ни патриарх Сербский Варнава иначе не мыслят воссоединения их с нашею Православною Церковью, как при непременном признании всех семи вселенских соборов, и к этому добавил, что требование это, наряду с сохранением Никео-Константинопольского Символа Веры, ставится нами всегда и всюду, с кем бы ни заводилась речь о соединении с нашею церковью: с католиками, англиканами и т. п. На это мои собеседники стали настойчиво указывать, что ни постановлений, ни правил этих последних (4-7) соборов они совершенно не знают, как и вообще не имеют о них никаких представлений. А потому и просят меня, чтобы я написал, чтобы им были высланы эти правила и постановления, хотя бы в английском тексте. В других, более интимного типа, переговорах я слышал еще, что все сирийцы церкви католикоса боятся, что если они в данный момент существенно изменят свое вероучение, то это может неблагоприятно отразиться на судбище их с церковью сирийского патриарха, каковое уже несколько лет ведется у них – при отхождении от него церкви католикоса, при чем речь идет о храмах, о школах, о приходах и архиерейских домах, ибо все это было зарегистрировано условно, в смысле солидарности их веры с яковитским патриархом. Но в самом совещании нашем ими говорилось только о том, что принимать соборы – можно лишь зная, что они собою представляют, они же все этого в данном случае не знают. На этом и кончилось наше совещание, и я дал обещание при первой же возможности написать тем, кто был послан [sic!]»[235].

«По географическому своему положению Траванкор очень напоминает собой Палестину, – отмечал епископ Димитрий, – являясь, впрочем, страной довольно густо населенной – 5 с пол.[овиной] миллионов, из коих около трети христиане (28%). Так же это продолговатая полоса земли вдоль прилегающего моря, верст в 200 – с севера на юг, верст в 100 – с запада на восток. Но растительность там роскошная […]. Характерною бытовою особенностью Траванкора нужно признать и то, что там нет обычных наших городов и селений. Это по истине сад-страна…»[236].

Проект храма-памятника святого прав. Иова Многострадального в Брюсселе в память царя-мученика Николая II и всех русских людей богоборческой властью в смуте убиенных, в сборе средств на построение которого деятельно участвовал архиепископ Димитрий

В общей сложности епископ Димитрий провел в Индии двадцать дней, из коих шестнадцать – в разъездах по Траванкору, встречаясь с туземными христианами, рассказывая о Русской Церкви и положении православных в оккупированной большевиками России, и проповедуя Учение Христово при содействии двух переводчиков (с русского на английский и с английского на малабарский язык)[237].

Подводя итог своей поездки и посещения «индийских братьев, от дней апостольских хранящих веру ап. Фомы» владыка Димитрий особо отмечал, что «такое, охватывающее и иерархов и народ, движение, такое стремительное влечение их к нашей Русской Церкви, явилось отнюдь не результатом усиленной, годами тянувшейся, пропаганды, и в то же время возникает не тогда, когда Россия была так велика, богата и могущественна, а именно теперь, когда она „долу повержена“, находится в таком обеднении и унижении, о чем они хорошо знают, да и от нас слышали довольно. Может ли быть у кого-либо сомнение в том, что движение это отнюдь не корыстное, не связывается ни с какими практическими и материальными расчетами и видами, а выливается исключительно из побуждений чисто христианского, высоко-идейного порядка.

[…] Положение свое по воссоединении они мыслят, как полную внутреннюю самостоятельность и независимость. Именуют даже они эту свою автономию и термином автокефалия, но не в полном объеме этого слова, ибо в сфере внешних отношений и в вопросах вероучения и основ церковного строя они охотно признают, что их церковь не правомочна будет их решать без согласия той церкви, с которой они соединятся. Что же касается их вероосодержания, то по видимости, тут препятствий нет, ибо их вероучение не расходится с православным; у них сохранены трех-чинная иерархия благодатного корня и все семь таинств. И в вопросе о семи вселенских соборах настроение их ощутительно-миролюбивое и готовое к уступкам, и только надо им помочь в ознакомлении с этими соборами, их определениями и правилами»[238].

Саму поездку свою автор назвал «полным приятным разочарованием. Я думал, едучи туда, – писал епископ Димитрий, – что церковь католикоса – это какие-то дикари, темные, невежественные. Оказалось, что они, хоть и чернокожие, но – народ со всеобщим школьным образованием, и притом, от начала и до конца – образованием христианским, под сению Церкви. Я предполагал найти у них духовный застой: а нашел живой интерес, горячую отзывчивость на вопросы веры и церкви […]. Церковь там растет и за счет обращений. Не так давно, после одного удачного митинга публичного собеседования миссионерского типа […] 500 человек обратилось в христианство […]. Совершенно чужды траванкорцы пьянству, и даже обычая у них как будто нет угощать спиртными напитками»[239]. «Все храмы Траванкора – упрощенного вида базилики, но с придатками готического стиля, что объясняется довольно долгим господством над сирийскою церковью католиков, от них, конечно, взяли они вид своего престола, способ совершения крестного знамения, обношения кадил, чтоб касались его молящиеся в храме, звонки за литургией и т. п. […] Рыбы и молочного (не говорим уже о мясе) в посту и в народе, кажется, никто не ест»[240].

По докладу преосвященного Димитрия о его поездке к сирийским христианам Архиерейский Собор РПЦЗ принял постановление (от 15/28 сентября 1936 г.) признать необходимыми дальнейшие переговоры с сирийскими христианами и учредить в Малабре русскую православную Миссию, благословив поехать туда сына преосвященного Димитрия игумена Филарета (Вознесенского)[241].

Связи, установленные во время этой поездки, не порывались. Спустя несколько лет в октябрьском номере журнала «Хлеб Небесный» за 1938 г. епископ Димитрий поместил два стихотворения за подписью «Русский инок», датированные июлем и августом 1938 г. – «Храм эмиграции» и «Мое жилище»[242], снабдив их кратким пояснением: «Эти два стихотворения принадлежат перу того русского инока, который поселившись в южной Индии на горе Токайя, подготовляет воссоединение сирийских христиан – индусов – в тех местах, где проповедовал св. Апостол Фома, с Православною нашею Церковию»[243]. По всей видимости, сей «Русский инок» – это архимандрит Андроник (Елпидинский)[244]; на горе высотою в 1000 футов он выстроил себе церковь и дом. В 1936 году он сопровождал епископа Димитрия в разъездах по Траванкору, о чем вспоминал:

«Отклики на мои донесения о работе в Индии, получились со стороны Сербской Церкви и русского Зарубежного Синода.

В 1935 году Сербским Патриархом Варнавой было созвано церковное совещание представителей русских зарубежных церквей. От Балкан на этом совещании был митрополит Антоний, от Западной Европы – митрополит Евлогий, от Америки – митрополит Феофил и от Дальнего Востока – епископ Димитрий Хайларский. Дорога на совещание епископа Димитрия шла мимо Индии, и Синод Сербской Церкви ассигновал ему 20 000 динар на посещение Индии для проверки моих сообщений и, по мере возможности, содействия сближению Церквей. Не владея английским языком, епископ Димитрий просил меня приехать в приморский город Траванкора – Алеппи, куда он добрался не без затруднений. Я встретил епископа Димитрия в Алеппи, и там православные банкиры, по просьбе католикоса, окружили нас своей заботой. В тот же день на моторном боте мы прибыли в Котайям, резиденцию католикоса, и три недели были гостями его Церкви.

Окончивший Московскую Духовную Академию, всю жизнь занимавшийся религиозно-педагогической деятельностью и написавший несколько учебников, епископ Димитрий старался использовать все свои знания и опыт в многочисленных выступлениях в церквах, на церковных собраниях, в школах. Сирийские христиане старались показать ему все достопримечательности своей Церкви, а его самого показать возможно большему числу своих людей. Мы побывали во многих их замечательных церквах, школах, в колледже в Альвэ, в монастыре, где жил я первое время, и на бывших в то время конференциях. Владыка Димитрий ездил и говорил, не отказываясь, и его приезд был плодотворен. Ради него, в Котайяме, в резиденции католикоса, было организовано собеседование с епископами об единении Церквей. В вероучении – в вопросе об ересях, особенно о монофизитстве, не оказалось противоречий, препятствующих единению. Более затруднительным оказался вопрос о Вселенских Соборах. Христиане южной Индии признают только три первых Вселенских Собора, к четвертому, Халкидонскому Собору у них определенно враждебное отношение. Вопрос ставился так: если нет разницы в вероучении, вопрос о Соборах уже не так существенен. Епископы Сирийской Церкви говорили, что они просто не знают других Вселенских Соборов, кроме трех первых. Поэтому было решено, что им будет прислана книга о всех семи Вселенских Соборах. И некоторое время спустя, книга была действительно получена и передана епископам. Но, в сущности, этот вопрос, хотя и необходимый, – прида-

Прот. Н. ВОЗНЕСЕНСКІЙ.

ИСТОРІЯ
Русской Церкви

ИЗДАНІЕ II.

ИЗДАНІЕ
П. Т. БѢЛЯЕВА.
ХАРБИН.

Титульный лист второго издания книги протоиерея Николая Вознесенского «История Русской Церкви»

точный. А главное: наше общее сознание принадлежности к Православию, к Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Это сознание у нас было и раньше, и всякое здоровое общение, дружественное обсуждение дела, укрепляло сближение.

Побывал епископ Димитрий и у меня на горе в Патали, мы вместе служили. Воспользовавшись его приездом, я у него исповедовался. Видя мой скиток и работу с Сирийской Церковью, епископ Димитрий говорил: „Это как раз то, что нам нужно делать“.

В его приезд для меня острее встал вопрос о сотрудничестве с духовенством соборной юрисдикции. Я формулировал этот вопрос так: наши разделения – временные, дело же единения Церкви в Индии с русской должно быть выше этих разделений и в Индии лучше просто не подымать вопроса о наших разногласиях. В этом духе я говорил и с владыкой Димитрием, а также о том, что всякий мой переход в иное подчинение, перемена юрисдикции, будет неким шатанием перед лицом сирийских христиан. Вообще же, я говорил ему, что считаю свою парижскую юрисдикцию правильной и что никуда переходить не собираюсь. Епископ Димитрий, в свою очередь, говорил, что он – „соборный кряж“. Впоследствии все обернулось иначе: когда советские войска заняли Манчжурию, епископ Димитрий, в числе четырех дальневосточных епископов, примирился с казавшейся самой непримиримой для них московской юрисдикцией и в ее лоне скончался в Советской России.

В конце своего пребывания в Траванкоре, когда мы однажды с ним ехали в автомобиле, владыка стал высказывать разочарование в своей миссии в Индии. „Я думал – говорил он – мне удастся объединить Церкви, но оказывается я напрасно ехал и старался“. Я решительно ответил ему: „Это не так, владыка. Вам это не заметно, но вами сделано очень много и ваш приезд имеет большое значение... “ Видно было, что владыка Димитрий воспрянул духом и после уже чувствовал не разочарование, а удовлетворение соделанным. Уезжая, он подарил мне книгу: „Избранные творения митрополита Антония“ и просил проводить его в Коломбо. В то время у меня было слабо с финансами. В Коломбо владыка попросил меня послать телеграмму в Шанхай, с предупреждением о его приезде. Уплатив больше 10 рупий за телеграмму, я мог еще купить себе билет для проезда домой, но тратить на еду мог позволить себе ровно столько, чтобы не голодать.

Возвратившись домой, я провел два дня, занимаясь только своими делами. Затем стал читать книгу митрополита Антония, все время лежавшую открытой на столе. Перелистывая ее, я неожиданно нашел в ней 70 американских долларов!.. А еще дня через два, вспомнив, что я не просмотрел всей книги, начал снова ее перелистывать и нашел еще приблизительно столько же долларов и английских фунтов. Это, видимо, владыка Димитрий деликатно оставил мне на нужды – избыток, от полученных в Сербии денег – очевидно глубоко сочувствуя моему делу. Позже он написал тоже очень сочувственный делу в Индии отчет о своей поездке, напечатанный в Харбинском журнале „Хлеб Небесный“ и изданный затем отдельной брошюрой. Он писал, что если есть разница у христиан южной Индии с нами, то, как и у наших староверов в строну большей строгости. Писал также, что дело единения стоит крепко и что нужно его продолжать до полного осуществления. […]

Третьим православным именитым гостем Индии был архиепископ Нестор (Анисимов), со своим секретарем архимандритом Нафанаилом (Львовым).

Заграничный Синод командировал его организовать в Индии более широкую миссию. Мне он говорил, что у него был план устроить епархию, в которую входила бы Индия, Цейлон и Малайский архипелаг; на первое же время всего четыре прихода. Как и с предыдущими епископами, мы путешествовали по Траванкору, служили и у меня на горе. Для меня разница была в том, что теперь переводчиком, был о. Нафанаил, лучше меня владевший английским языком и к которому архиепископ Нестор привык. Разница была также и в отношении сирийских христиан к переговорам о вере. В то время, как при переговорах с епископом Димитрием все было ново, шла творческая работа, – теперь была видна трафаретность. На вопросы архиепископа Нестора, епископ Филоксенос ясно и спокойно давал раньше решенные и формулированные ответы, чувствовалась бесполезность повторяемых разговоров. Все же, как всякое личное общение, и этот визит в какой-то мере был полезным. […]

Действительность говорила, правда, что поле деятельности широкое, возможности большие, но для успехов нужно поработать, нужно сотрудничество верхов нашей Церкви, нужно время и Божие благословение. В Харбине у архиепископа Нестора было более скромное, но налаженное дело со своими русскими. С архимандритом Нафанаилом у него были большие нелады, и он оставил его в полученном приходе, а сам уехал обратно в Харбин»[245].

В одном из отчетов о. Андроник подробно рассказывал о приезде архиепископа Нестора и архимандрита Нафанаила.

Он пишет, что дело было задумано архиепископом Нестором широко, но все средства, собранные им в Европе ушли на разъезды по Европе, сюда и обратно в Харбин, в результате ни о. Нафанаилу, ни самому Андронику он не мог материально помочь. Уезжая в Харбин, архиепископ Нестор обещал возвратиться в Индию «на постоянное пребывание», оставив там пока одного о. Нафанаила[246]…

По возвращении из Индии епископ Димитрий подготавливает новое издание своей «Истории Русской Церкви». 8 ноября 1937 года, он отмечает в предисловии, что цель внесенных в книгу изменений – «упрощение и облегчение изучаемого текста, а также достижение большей ясности и точности в нем. […] Сократить и облегчить курс еще больше представлялось невозможным, особенно при том повышенном интересе к судьбам Православия в родном народе, какой наблюдается в настоящее время у всех верующих и преданных Церкви русских людей»[247]. Книга была отпечатана 30 ноября 1937 года в типографии Казанско-Богородицкого мужского монастыря под руководством иеромонаха Иннокентия (А.П. Мельникова), а к 9 декабря уже сброшюрована и окончена изданием[248].

Харбин. Часовня Иверской иконы Божией Матери, сооруженная в 1936 году в ограде Николаевского собора. Точная копия разрушенной большевиками Иверской часовни в Москве

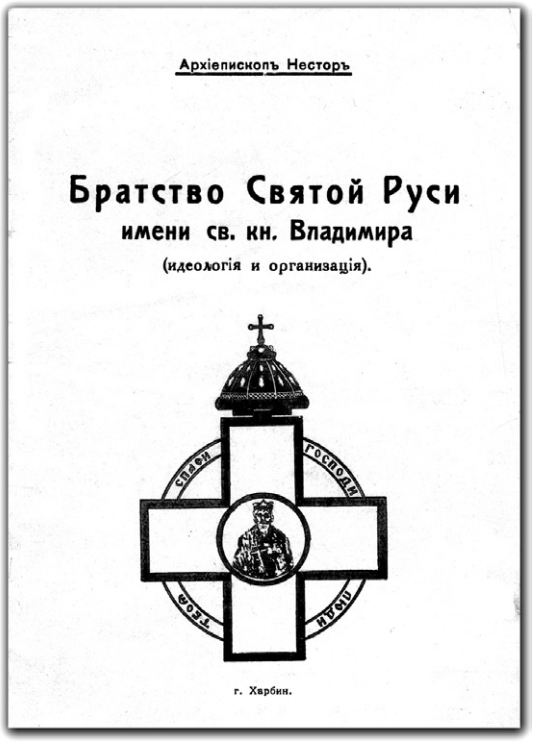
Борьба с безбожием

Согласно постановлению Архиерейского Собора РПЦЗ день памяти св. Равноапостольного Князя Владимира (15/28 июля) был объявлен Днем русской национальной культуры и, в качестве такового, стал любимым ежегодным торжеством русской эмиграции. Впервые он широко отмечался в главных центрах русского рассеяния в 1934 году. В этот день во всех храмах г. Харбина совершались торжественные богослужения с молебным пением по окончании Литургии. На следующий день в воскресенье 16/29 июля в 7 ч. вечера в Епархиальном Доме состоялось торжественное заседание, посвященное памяти Св. Князя Владимира «при многочисленном собрании православных Русских людей»[249]. После приветственного слова, произнесенного архиепископом Мелетием, к собравшимся обратился Епископ Димитрий и подробно рассказал о жизни Князя Владимира, сперва как язычника, а затем, по принятии святого крещения, как христианина, выказывавшего особенную любовь и милосердие к ближним и нуждающимся. С докладами «Идеал Св. Руси» и «Братство Св. Руси имени Св. Князя Владимира и его организация в Югославии» выступили также Архиепископ Нестор (Анисимов) и о. игумен Нафанаил (Львов)[250].

Епископ Димитрий, митрополит Мелетий, архиепископ Нестор, архиепископ Виктор – после хиротонии епископа Димитрия. Харбин

Епископ Димитрий вошел в число инициаторов создания Братства Святой Руси, которое родилось в Белграде в Николин день 1933 г.[251] Его основной задачей был поиск путей преодоления разобщенности русской эмиграции, в среде которой возникло много различных организаций «иногда дружественных, иногда враждебных друг другу». « […] спасение нам принесет лишь единение около нашей вековой духовной твердыни – Церкви Православной. И вот, как выявление этого сознания, одновременно на двух полюсах нашего рассеяния в русских сердцах родилась мысль о создании Братства Святой Руси имени святого князя Владимира. Там, в Югославии мысль эта родилась у ближайших сотрудников Священного Синода П.С. Лопухина и гр. Ю. П. Граббе, здесь в Харбине у архиепископа Нестора, от. Николая Вознесенского (ныне епископа Димитрия), отца Петра Рождественского и В. Ф. Иванова», – писал о. Нафанаил (Львов)[252]. Главный совет Братства был создан при Архиерейском Синоде, председателем его стал митрополит Антоний (Храповицкий), а в состав вошли видные в будущем деятели зарубежного православия, в том числе Н. П. Рклицкий (в последствии архиепископ Никон), гр. Ю. П. Граббе (в последствии епископ Григорий), игумен Нафанаил (Львов) – в последствии архиепископ, а также архиепископы Феофан (Быстров) и Нестор (Анисимов), П. С. Лопухин, Б. Р. Гершельман и другие. Предполагалось все места расселения русских людей покрыть сетью братских организаций, объединяющихся в каждой местности под главенством «высшего для каждой данной местности представителя Православной Церкви»[253].

На 7 февраля 1937 года в Москве было намечено созвать по инициативе «центрального комитета безбожников» «мировой конгресс безбожников и свободомыслящих», в связи с чем декан Богословского факультета Университета Св. Владимира архимандрит Василий (Павловский) в декабрьском номере «Хлеба Небесного» за 1936 год обратился с призывом ко всем христианам организовать «неделю активной борьбы против безбожия и безбожников»; 15 января 1937 г. архимандрит Василий обратился с призывом к аудитории, указав, что «в противовес систематическому воинственному походу безбожия и безбожников на религию нужно верующим в Бога сорганизоваться и вести самим систематическую планомерную борьбу с безбожием», а также «начать без промедления поход против атеистических государств для низвержения богоборческих правительств»[254]. Результатом этого призыва стало проведение «Дня всенародного исповедания веры» и «Недели борьбы с безбожием», а 15 февраля 1937 г. была организована Православная комиссия по Международной борьбе с безбожием[255].


Архіепископъ Несторъ

Братство Святой Руси
имени св. кн. Владимира
(идеологія и организація).

г. Харбин.

7 февраля в Софийском храме г. Харбина архиепископом Мелетием, архиепископом Нестором и епископом Димитрием была совершена литургия. Свое слово в состоявшемся в тот же день грандиозном всерелигиозном собрании владыка Димитрий заключил предостережением большевикам: «прочь ваши мохнатые налипшей грязи, звериные лапы, навыкшие ловить рыбу в мутной воде и заливать кровью и покрывать трупами и развалинами святыни; обезволены вашим сатанинским гипнозом, с толку сбитые вами, попавшие к вам в плен, злосчастные страны и народы. Не сметь насильничать! Не хотим мы вашего адского пожара и знайте – дальше так злодействовать вам не позволим»[256].

Официальная советская организация богоборцев сложилась вокруг начавшей выходить в декабре 1922 года газеты «Безбожник», в апреле 1925 года было создано всесоюзное антирелигиозное общество, названное «Союзом безбожников». В 1929 году, на втором съезде оно было переименовано в «Союз воинствующих безбожников», бессменным его руководителем был сын ссыльнопоселенцев Миней Губельман, печально известный под псевдонимом Емельян Ярославский. Наиболее гнусным памятником деятельности этого «Союза» стали два журнала – «Безбожник» (1925 – 6 номеров, 1926-1932 – по 24 номера в год) и «Безбожник у станка» (1923-1925 – по 12 номеров в год, 1929-1931 – по 24 номера), которые в 1932 году объединились в издание, выходившее 12 раз в год и прекратившееся в июне 1941года. Журналы помещали антирелигиозные материалы и множество карикатур на представителей различных конфессий. Авторами последних выступали известные в советской России мастера наглядной пропаганды, начинавшие «творить» в отделах пропаганды красной армии времен Гражданской войны, или, даже, с 1905 года, как Д.С. Орлов (псевд. Моор) – автор самых известных советских плакатов «Ты записался добровольцем» и «Помоги»… Наиболее поносимыми оказывались православные, иудеи и различные сектанты. Чуть меньше доставалось мусульманам и католикам. Лютеран и англикан предпочитали не трогать… Оба издания, по-видимому, были рассчитаны на самую непросвещенную, отсталую часть населения. Во всяком случае, помещаемые ими карикатуры и тексты носили столь очевидно вырожденческий характер, что едва ли могли вызвать симпатию у хоть сколько-нибудь развитого человека… Однако, при полной недоступности организованного религиозного просвещения молодого поколения, эти иллюстрированные издания становились весьма опасными, ибо главная их цель – способствовать созданию обстановки повседневного бытового глумления над религией и религиозным чувством каждого отдельного человека оказывалась достигнутой. «Сатанинский гипноз», о котором предупреждал владыка Димитрий, побуждал сторонников «Союза» к вполне определенным действиям, превращая их в явных или скрытых осведомителей. Так журнал помещал особые формы-карточки для присылки в редакцию доносов на религиозных активистов, создавал группы школьников-сексотов, выслеживавших и обличавших соучеников, посещавших богослужения, и поощрял таких активистов, публикуя их имена, фотографии и перечни «заслуг» в битвах на безбожном фронте.

Константин Владимирович Родзаевский

15 февраля в Центральном Русском клубе состоялось собрание представителей православного духовенства, педагогического мира и фашистской организации, посвященное необходимости незамедлительной организации «православного органа для борьбы с безбожием и безбожниками»[257]. В своем слове владыка Димитрий выразил благодарность Всероссийской Фашистской Партии и ее главе К.В. Родзаевскому «за

Архипастырское посланіе

ко всѣмъ православнымъ Русскимъ людямъ

въ Подъяремной Россіи и въ Зарубежьѣ.

Православные христіане! Много уже лѣтъ Антихристова красная власть терзаетъ нашу Родину-Мать, Великую Россію, стремясь выжечь словно каленымъ желѣзомъ, изъ Русскаго народа его Русскую душу, дабы обратить его въ свое покорное стадо. Все Русское отнимаютъ у народа: — Русскую совѣсть, Русскій предковскій бытъ, Русское славное прошлое, самое имя Русское.

Однако, всего ненавистнѣе для власти Антихриста есть Русская Христіанская вѣра, ибо въ этой вѣрѣ заключена послѣдняя и величайшая твердыня и крѣпость Русскаго духа. Та твердыня, что помогла Русскому народу, въ теченіе его тысячелѣтней исторіи, выстоять побѣдно противъ величайшихъ невзгодъ и испытаній и развернуть державу Россійскую въ самую большую державу всего свѣта.

Отъ самаго начала коммунистическаго господства надъ Россіей Кремлевская разбойная шайка не прекращала гоненій противъ вѣры, и за годы краснаго лихолѣтья Церковь Христова въ Россіи просіяла паче солнца безчисленнымъ сонмомъ священномучениковъ, — епископовъ, иноковъ, іереевъ и мирянъ, — пріявшихъ отъ красныхъ рукъ нетлѣнные мученическіе вѣнцы за свѣтлое имя Христово.

Кромѣ сихъ погибшихъ, другіе, столь же мужественные исповѣдники вѣры томятся во множествѣ въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ.

Нынѣ, предъ лицомъ все ростущаго гнѣва народнаго, Антихристова власть повела послѣдній и рѣшительный бой противъ вѣры Христовой.

Тысячами закрываются святые храмы. Цѣлыми горами сжигаются насильственно отбираемыя святыя иконы. Отнимаются въ красную казну колокола. Уничтожаются священныя книги. Оскверняются послѣднія уцѣлѣвшія святыя мощи. Разгоняется, ссылается и лишается правъ духовенство. Запрещаются священныя службы. Закрываются церковныя общины. Снимаются даже кресты на кладбищахъ.

Хочетъ красный Антихристъ, чтобъ не слышно было на святой Руси слово Христово, чтобы замолкъ надъ Россійскими полями очищающій сердце благовѣстъ.

Видя это страшное зрѣлище и слыша объ этихъ еще небывалыхъ гоненіяхъ, проснулась религіозная совѣсть всего міра: — во всѣхъ странахъ высшіе представители всевозможныхъ религій, начиная съ Папы Римскаго, главы католиковъ всего свѣта, и кончая даже нехристіанскими религіями, возвышаютъ свой голосъ противъ красныхъ гоненій на вѣру и призываютъ свои паствы молиться объ избавленіи Русскаго народа.

Весь міръ ждетъ, что Русскій народъ сумѣетъ самъ встать на защиту своей попираемой вѣры.

Весь міръ въ правѣ ждать и того, чтобы сама Подъяремная Церковь Россійская, въ лицѣ своихъ высшихъ духовныхъ правителей, возвысила свой голосъ противъ красныхъ гоненій. Но въ безсиліи и въ плѣну Подъяремная Церковь Россійская. Не долетитъ изъ тюремныхъ подваловъ голосъ мужественныхъ пастырей. А тѣ, что приняли на себя кормило духовнаго правленія, либо безмолствуютъ, либо, что хуже, допускаютъ краснымъ угрозамъ вынудить отъ нихъ малодушную хвалу власти красныхъ гонителей. Господь Богъ да будетъ имъ Судьей!

Если скованы угрозами и безсиліемъ тѣ, кто въ плѣну, тѣмъ паче передъ Богомъ и совѣстью обязаны дѣйствовать тѣ, кто на свободѣ.

Я, смиренный Антоній, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, старѣйшій изъ Русскихъ Архипастырей, находящихся Волею Божіей на свободѣ отъ краснаго плѣна, возвышаю свой голосъ, дабы возвѣстить Русскому народу: —

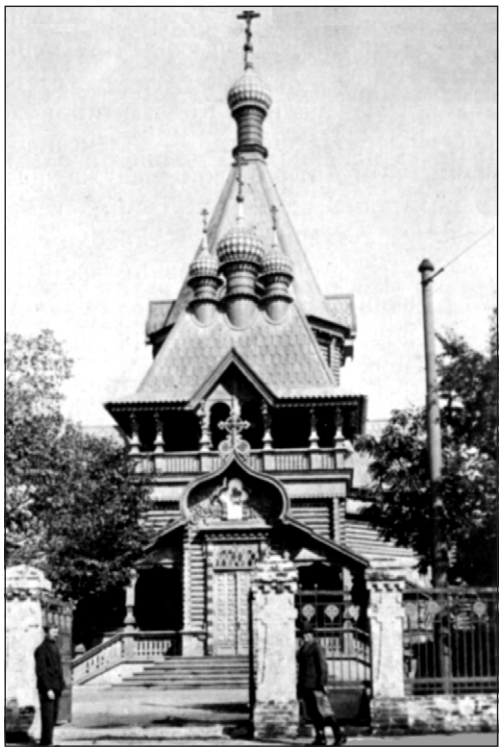
Православные христіане! Вставайте всѣ противъ власти краснаго Антихриста! Не слушайте ничьихъ призывовъ примириться съ нимъ, отъ кого бы сіи призывы не исходили! Нѣтъ мира между Христомъ и Сатаною. Властію, данной мнѣ отъ Бога, разрѣшаю и освобождаю всѣхъ вѣрующихъ отъ присяги, данной Совѣтскому самозванному правительству, ибо христіане Сатанѣ не подданные. Властію, данной мнѣ отъ Бога, благословляю всякое оружіе, противъ красной Сатанинской власти подымаемое, и отпускаю грѣхи всѣмъ, кто въ рядахъ повстанческихъ дружинъ или одинокимъ народнымъ мстителемъ сложитъ голову за Русское и Христово дѣло.

Первѣе же всего благославляю оружіе и боевую работу всенароднаго Братства Русской Правды, которое уже немало лѣтъ словомъ и дѣломъ ведетъ упорную борьбу противъ краснаго Сатаны во имя Бога и Россіи. Милость Господня да почіетъ надъ каждымъ, кто вступитъ въ Братскіе ряды либо придетъ на помощь Братству! Будьте безстрашны вы всѣ, идущіе противъ Антихриста и его приспѣшниковъ, ибо говоритъ Св. Писаніе: — „Не бойтесь убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убити.“ Радость на небѣ — тѣмъ, кто погибнетъ. Радость на землѣ — тѣмъ, кто уцѣлѣетъ.

МИТРОПОЛИТЪ АНТОНІЙ.

20 Апрѣля 1930 года.

Послание митрополита Антония (Храповицкого)
Листовка



Св. Николаевский собор в Харбине. Фото 1930-х годов

инициативу» в этом деле[258]. «Призвав на новое [начинание] Российских фашистов Божие благословение епископ Димитрий призвал Русских людей к поддержке создаваемого органа православной борьбы с безбожием»[259].

Была организована Православная комиссия по Международной борьбе с безбожием, ее почетным председателем стал архиепископ Мелетий, а почетными членами архиепископ Нестор, епископ Димитрий, ген. А.П. Бакшеев, ген. В.Ф. Власьевский – главный представитель атамана Г.М. Семенова[260]. Первое заседание комиссии под председательством епископа Димитрия состоялось в начале марта, в нем приняли участие представители христиан, мусульман и буддистов[261]. Комиссия пришла к убеждению о желательности созыва съезда представителей всех вероисповеданий. Епископ Димитрий выпустил своей проект обращения к народам мира с призывом к борьбе с безбожием и к устроению соответствующего съезда в Токио[262].

Комиссия устраивала публичные общедоступные лекции при Русском клубе[263]. В июне 1937 г. Владыка Димитрий сделал в заседаниях Комиссии два доклада. Первый – об устройстве храма Успения Пресвятой Девы Марии над пещерою погребения Богоматери у сада Гефсиманского в Палестине «в знак единения всех христианских исповеданий для борьбы с безбожием и в защиту христианства». Другой доклад – «это призыв к более скромному поведению в более скромных костюмах без оголенности на пляже за р. Сунгари и к посещению летом воскресных служб»[264].

В 1937 г. в Харбине был создан «Союз защитников Веры в Бога» для духовной борьбы с безбожием и падением нравственности в людях и для объединения верующих всего мира (независимо от вероисповедания)[265]. Третий параграф Устава предусматривал созыв религиозных конгрессов против безбожия.

15 апреля 1937 г. вступительной лекцией еп. Димитрия – «Лаодикийцы наших дней» начался новый учебный год на Богословском факультете. Тогда же на факультете был введен особый курс против безбожия для ознакомления студентов с современным атеизмом и мерами борьбы с ним.

Предметом особого попечения владыки Димитрия как пастыря и духовного педагога было молодое поколение русских жителей Маньчжурии. В 1937 г. он обращался к русской молодежи, окончившей среднюю школу, с призывом поступать на Богословский факультет: «[…] приглядитесь и дайте себе отчет: в настоящем-то смысле, с идейно-русской, идейно-христианской точки зрения, можете ли вы себя считать к ней [жизни] подготовленными, точно ли ваш „аттестат зрелости“ свидетельствует о вашей духовной зрелости, тем паче, религиозно-духовной. И всегда-то средняя школа к такой зрелости только еще подводила, но ее еще не давала; а теперь – общий голос, особенно практиков, педагогов, с горечью и болью констатирует, что и умственное развитие, и зрелость, а нравственная еще того больше, за последние годы понизились в устрашающей степени, так что оканчивающий гимназию не может идти в уровень не только с былым восьмиклассником, но часто и с учеником 6-го класса. В отношении же нравственной крепости и силы, то обычно именно трость, ветром колеблемая, и недаром соблазны наркотиков или грубо-чувственных танцев захватывают в такой мере и эту учащуюся или окончившую молодежь»[266]. Он призывал не спешить вступать на арену самостоятельной жизни, будучи не подготовленным к ней в духовном отношении. И убеждал, что ни одна школа не может так развивать и совершенствовать человека, как «школа духовная». «Приходите, присмотритесь, прислушайтесь: вы ощутительно воспримете не только струи, но прямо потоки воды живой, которая будет говорить вашей душе, прямо вашему сердцу. Ибо – верьте мне – нет в

Иверский храм в Харбине. Фото 1930-х годов

НАРОДЫ МІРА, ПРОСНИТЕСЬ И ВОЗСТАНЬТЕ НА БОРЬБУ С БОЛЬШЕВИЗМОМ!

Обращеніе Международной Комиссіи по борьбѣ с безбожіем.

В послѣдних засѣданіях комиссіи с полною ясностью была установлена необходимость существенных измѣненій в начавшейся ея работѣ, начиная с основной и изначальной ея постановки.

С одной стороны выявилось несомнѣнное неудобство базироваться на московском конгрессѣ безбожников 7-го февраля, взятом за послѣднюю пору под большія сомнѣнія. С другой, отчасти в связи тѣм же, всѣми было признано настоятельно нужным обратать главное вниманіе на предварительную подготовку к тѣм конференціям вѣрующих, о которых шла главным образом рѣчь в текстѣ, прошедшаго через комиссію, Обращенія к народам міра, и на внутреннюю работу соответственнаго характера в церквах и исповѣданіях, вошедших в состав комиссіи. Особенно превалировала эта послѣдняя идея в засѣданіи представителей христіанских исповѣданій, состоявшемся в субботу, 24 апрѣля, в помѣщеніи Харбинскаго Епархіальнаго Совѣта.

В результатѣ всѣх этих обсужденій и выяснившихся новых данных, самый текст Обращенія к народам міра предсѣдательствовавшим во всѣх этих собраніях епископом Дмитріем был переработан и предлагается в таком видѣ.

— „Страшный пожар начался и разгорается в человѣческом мірѣ, и его пламя угрожает опасностью всѣм народом земли. Уже 20 лѣт пылает он в несчастной Россіи, и эта богатая, сильная и цвѣтущая страна сдѣлалась концентраціонным лагерем и тюрьмой для заключенных. Среди всѣх христіанских народов народ Русскій был извѣстен своею религіозностью и вся необъятная страна его украшалась множеством благолѣпных храмов, монастырей и других святынь его вѣры. А теперь не только разграблены и поруганы там многія и многія тысячи церквей и уничтожены всѣ монастыри, но и оставшіеся храмы отобраны у вѣрующих и объявлены государственной собственностью — для того, чтобы ими распоряжались злые враги религіи — коммунисты. А всѣ лучшіе, болѣе усердные из духовенства или перебиты, или умерли в тюрьмах, или изнемогают в концентраціонных лагерях на непосильных работах полуголодные.

Но развѣ только в одном СССР разжигают свой мерзкій огонь безбожія и насилій злодѣйскій коминтерн и атеисты?

Вот уже за тысячи миль и за океаны перебросился этот пожар — в Мексику, Монголію, в Южный Китай. Как грозный костер, запылал он с прошлаго года в Испаніи и — в той же крови, разрушеніях, надругательствах над духовенством, над монахами и монахинями. Сейчас нѣт на землѣ ни одной страны, не затронутой этим пожаром. И ни одно государство и нація, а равно и религія и церковь, не могут поручиться в том, что не проникает и к ним растлѣвающая все доброе пропаганда коммунизма, с его заявленіем о том, что религія — опіум для народа: всякая религія, всякая вѣра в Бога и в мір невидимый, духовный. Никто, никто не может сказать, что, может быть уже и скоро, раздадутся и у них яростные вопли толпы, при свѣтѣ сжигаемых дворцов, монастырей и храмов: „войной пойдем против Бога“ — на висѣлицу иль в горящіе костры — всѣх попов, патеров и пасторов, или мулл, бонз и лам“. И тогда блаженны будут всѣ тѣ, кто успѣет умереть раньше, чѣм постигнут его безчеловѣчныя муки.

Народы міра, всѣ вы — вѣрующіе люди наших дней! — Европейцы и жители Азіи, американцы и африканцы, вы, вы — элита, очи и уши существующих, все по прежнему религіозно настроенных, многомилліонных общечеловѣческих масс. Да протрите же глаза свои, прислушайтесь и ужаснитесь! — Ужаснитесь, потому, что нѣт ужаса большаго, нѣт горя горшаго, как этот поток, этот пожар атеизма. Вѣдь он несет с собой огрубѣніе и варварство, сознательную порчу дѣтей, он приближает людей к скотам безсмысленным, не знающим ни Создателя, ни духа, ни Небеснаго Владыки и Судіи своего. Всѣ вы люди с здоровым умом, и совѣстью, и сердцем. — Неужели же вы забыли долг свой перед Богом?! Неужели не цѣните и не любите вы ни вѣры своей, ни святынь своих, ни Того Высочайшаго Божественнаго Существа, против Котораго и объявлен, и ведется все шире и шире, этот коммунистическій поход?

Вот всѣ мы читали в началѣ этого года, что созывался в красной Москвѣ конгресс безбожников, многолюдный и всемірный, в числѣ 1500 представителей их, от 45 государств. Правда, теперь говорят, что конгресс этот не состоялся, и судя по тому, что печать атеистическая о нем молчит, этому можно вѣрить. Но о чем это нам свидѣтельствует? Да только о том, что пока выступить так импозантно и открыто эти господа нашли для себя невыгодным; как разбойники и тати тѣлесные предпочитают дѣйствовать во тьмѣ, так и насадители соблазна и убійцы духовные предпочли и дальше дѣйствовать болѣе потаенным образом, и даже стараются щеголять перед міром своей яко бы „вѣротерпимостью“. Но всѣ, кто близко к ним подходил, да под игом их пожил, знают, что значит эта их „вѣротерпимость“. И если для осуществленія такого намѣренія и если для такого открытаго всемірнаго парада активистов безбожія они нашли данный момент еще неподходящим, то их агитація работа подпольная и подготовительная ведется тѣм усиленнѣе и напряженнѣе, и костров антирелигіозных зажигается все больше и больше, шире и шире.

Мы знаем, „дано им“ имѣть успѣх — на свое, на малое время, хоть и немного их и теперь; хоть и опозорили они себя перед всѣми народами и людьми своими жестокостями, своим отвратительным поруганіем всего высшаго и святого, своими насиліями и обманом, своим хуже, чѣм звѣрским — безчеловѣчіем.

Да: их, слава Богу, еще мало; но они умѣлы, они сильны своей организованностью, своим объединеніем в одном центрѣ. — Спрашивается: что же — мы, многія сотни милліонов людей рели-

Обращение Международной Комиссии по борьбе с безбожием.
Листовка

гіозных, мы — искренніе и убѣжденные защитники своих исповѣданій и вѣрованій, которыя для каждаго из нас — чистая и святая, именно Божественная, истина?!.. Увы, мы, в необозримом множествѣ своем, все еще разобщены, разъединены, распылились по своим странам и народностям церквам и общинам... И оттого — мы, увы, молчим и бездѣйствуем.

И потому-то так хочется нам, представителями всѣх исповѣданій и религій в нашем городѣ Харбинѣ, сдѣлать тут необходимый сдвиг, и для того и стараемся, как умѣем и можем, объединиться всѣ мы, начиная с нас, Русских изгоев, тѣх, чья Родина больше всѣх пострадала от изверговкоммунистов. чьи очи наиболѣе наглядѣлись на их жестокости и злодѣйства, на их насилія и издѣвательства над религіей. Мы дѣлаем то, что должен дѣлать тот, кто хочет спасти свой дом и близких своих, когда начался пожар.—Мы бьем в набат, и всѣ газеты міра, не продавшія себя коммунистам и другим врагам вѣры просим и умоляем поддержать нас, и дать мѣсто этому нашему призыву.

На весь мір просим мы передать наш клич. сердечный наш вопль и зов.

—Всѣ, всѣ на защиту Бога своего и Его Святого дѣла наземлѣ,—всѣ, всѣ на борьбу против этих насильников и поджигателей, против безбожников-коммунистов.

В противовѣс подрывной работѣ и этим, своего рода ядовитым газам в сферѣ духовной пусть и здѣсь же теперь устраиваются свои контр мины и защитительные окопы, свои надѣваются противогазы. На пропаганду невѣрія пусть в отвѣт идет усиленная и не менѣе горячая проповѣдь вѣры, милліонам книжонок и листовок безбожія да будут противопоставлены такія же тучи брошюр и книг положительнаго характера—в каждом исповѣданіи, каждой религіозной организаціи и обществѣ. Но борясь каждая в своей средѣ, укрѣпляя нравственныя начала в своих членах, пусть каждая религія, будет ли это христіанская, или буддійская, магометанская и всякая иная, соединится со всѣми другими в одном общем стремленіи, одном солидарном направленіи и цѣли. Пусть создадут они как бы единый фронт—конечно, безкровный, конечно ненасильнический и незахватный,—одну всеобщую борьбу и дружную работу: против атеизма и его насадителя коммунизма против разложенія и порчи масс вѣрующих сынами невѣрія. И пусть не смущает никого то обстоятельство, что вѣроисповѣданій и религій теперь много, а в них культ и правила, да и самыя вѣрованія, различны. Но вѣдь в основном-то и общем, всѣ мы согласны, потому что всѣ признаем, что есть над нами Высшая Божественная Сила, волю Которой и призываемся мы в своей религіи творить, чтобы праведно, в добрѣ и любви, по совѣсти проходить свой путь жизни; всѣ вѣрим мы, что есть, кромѣ этого видимаго, матеріальнаго міра, еще мір невидимый, духовный; есть в каждом из нас, связывающая нас с этим невидимым міром, разумная душа, которою и возвышается так всякій человѣк над окружающей нас внѣшней природой. И, наконец, сколько ни кричат безумцы—коммунисты, что Бог для человѣка—его чрево; что весь, столь богатый и прекрасный, духовный мір в жизни человѣчества есть только видоизмѣненныя функціи, только слѣпая надстройка над потребностями желудка: но вѣдь мы всѣ признаем, что это неправда, а лишь духовное помраченіе и обман,—что запросы совѣсти и духа, вѣчные идеалы истины и добра, любви и вѣры — вот тот благородный, высшій мір, та чистота, единственно цѣнная цѣль жизни, пред которой все вѣрующее человѣчество всегда преклонялось и будет преклоняться..,

Так соединим же мы всѣ силы свои для спасенія міра от этой опасности, от такой всемірной угрозы. Как можно скорѣе, как можно шире проведем мы ощутительныя нити общенія, взаимнаго вниманія и отзывчивости взаимной поддержки—всѣ вообще вѣрующіе люди,—всякій кто любит вѣру в Бога и кто отнюдь не хочет, чтобы безумные и нечестивые насадители безбожія преодолѣвали на землѣ и отнимали вѣру у простецов или малодушных. И всѣ же мы позаботимся и о том, чтобы организаціи атеизма противопоставлена была бы и организація защиты вѣры и обереганія ея во всем мірѣ. Да насаждаются, да выдѣляются вездѣ из среды самих вѣрующих. наиболѣе горячих и преданных своей вѣрѣ, соотвѣтствующіе—союзы, комиссія, объединенія. И да вырастет из них все болѣе и болѣе обширныя и внушительныя собранія, съѣзды, конференціи, чтобы, в утѣшеніе всѣм и явное показаніе преимущества сил у сторонников вѣры и защитников идеи Бога пред злыми и вредными нечестивцами и не вѣрами, уже в недалеком будущем могла быть собрана и всеобщая иль и всемірная конференція представителей всѣх религій, церквей, учрежденій церковных и обществ, а с ними и представителей націй, національных обществ и организацій. И так как на Дальнем Востокѣ зазвучали так объединенно и дружно колокола набата, то всего лучше здѣсь же, в столицѣ Ниппон—Токіо, пусть и соберется такая конференція—первый всерелигіозный съѣзд.

Просим страну религіозной свободы, но и религіозных традицій Имперію Ниппон, в правительствѣ ея, изыскать способы для проведенія в жизнь такого съѣзда. и оказать ему поддержку и покровительство свое.

А всѣх глав церквей и религій, всѣ объединяющіе центры их, всѣ поддерживающія и защищающія их организаціи національныя, союзы, учрежденія, общества просим мы незамедлительно подготовлять своих сочленов к этой конференціи, намѣтить для нея время и провести на мѣстах необходимыя предварительныя собранія, призывы, активныя организаціи, чтобы затѣм, в свое время командировать на Съѣзд своих представителей.

Вас же, всѣх вѣрующих людей во всем мірѣ, просим и умоляем мы—сердцем отозваться на этот наш призыв: горячим сочувствіем и всяческой активной поддержкой окружить, согрѣть и воодушевить это великое и святое начинаніе, на весь мір кричать и трубить о нем, изыскивать средства для него, зажигать в своем народѣ, в церковном обществѣ своем живое вниманіе и идейный интерес к нему.

Постараемся же всѣ, любовію от Бога и пламенем ревности о Святом имени и дѣлѣ Его вызвать одушевленіе, поднять, возрастить, как бы грудью любящей матери, вскормить и на ноги поставить этот, во весь мір несущій, мир и правду, святой и к Небу устремленный поход — „За Бога, за вѣру, за богоподобный дух человѣка"...

Предсѣдатель Международной Комиссіи по борьбѣ с безбожіем

Епископ ДИМИТРІЙ

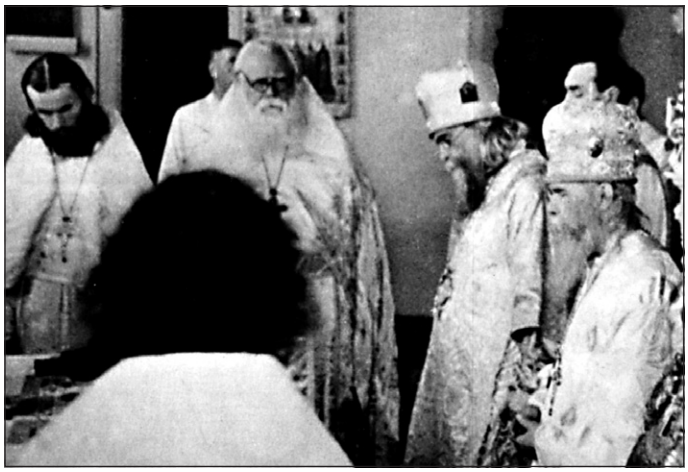
мире ничего выше, краше, да и умней, Христова Евангелия: дорасти до него, воспринять его в кругооборот всех своих психических (и выше того) переживаний, представлений, понятий, идей, нравственных принципов и нормировок, возвышенных и благородных и чистых эмоций – да, поистине, это значит: сделать себя духовным богачом и богатырем уже здесь, на земле, по малоизвестной притче Спасителя о минах (Лука XIX), из одной мины приобрести и закрепить за собой десять мин.

А если загорится у тебя сердце, если почувствуешь ты в душе из званных стать и избранным, то верь и не сомневайся: Владыка жизни поставит тебя на том именно свешнице [sic!], который наилучший, наиболее подходящий [sic!] для тебя, и наилучший же, наиболее нужный и ценный, и для других, для великого множества изнемогающих в искушениях, братьев твоих по вере»[267].

В мае 1937 года телеграф принес известие о кончине местоблюстителя Патриаршего престола, каковым почитался митрополит Крутицкий Петр (Полянский)(в действительности расстрелянный большевиками осенью 1937 года. – *Ред.)*. Его имя возносилось в церквах Харбинской епархии перед именем митрополита Антония, главы РПЦЗ[268]. По указу архиепископа Мелетия 15 мая (н.ст.) после всенощной в церквах Харбинской епархии вознесли первые молитвы о почившем и внесли его имя в годовые диптихи, перед панихидою во всех церквах были сказаны проповеди о судьбе и служении почившего. 17 мая отслужили панихиду и на Богословском факультете. Преосвященный Димитрий поместил в харбинских газетах статью, посвященную митрополиту Петру – «Не за нас ли жертва Сия?»

В 1938 году русские по всему миру торжественно отмечали 950-летие Крещения Руси. Территория самой России, просвещенной усилиями Святого Князя Владимира была к тому времени окутана мрачной пеленой воинствующего уголовного безбожия. Потому и ставшие уже традиционными для Харбина Владимирские торжества носили в 1938 году особенный характер…

Создан был особый Юбилейный Владимирский комитет под председательством – архиепископа Мелетия, заместителем председателя был епископ Димитрий, в Комитет входили также архимандрит Василий (Павловский) и прот. М. Филологов. Главные торжества состоялись 28 июля. В виду отъезда архиепископа Мелетия на Всезарубежный Собор владыка Димитрий руководил организацией богослужений и всех общественных мероприятий.



За богослужением в церкви Дома Милосердия в Харбине, слева направо: архимандрит Филарет (Вознесенский), протоиерей Михаил Филологов, архиепископ Димитрий, митрополит Мелетий. 1930-е – 1940-е годы

После совершения литургии в Софийский храме, епископ Димитрий возглавил крестный ход из пяти харбинских храмов к Св.-Николаевскому собору. В крестном ходе, который растянулся на несколько кварталов, участвовали духовенство и прихожане пяти храмов, расположенных на Пристани. В торжественном молебне у Кафедрального собора приняли участие десять церковных хоров. После молебна Начальник Бюро по делам российских эмигрантов генерал В. А. Кислицын принимал парад.

На следующий день, 29 июля торжественное заседание в помещении Железнодорожных собраний открылось речью епископа Димитрия, который «прежде всего сделал несколько предварительных замечаний по поводу выраженного в науке недоверия к летописному повествованию о крещении Руси. Гиперкритицизм проф. Голубинского послужил для новейших исследователей толчком к более тщательному изучению эпохи, благодаря чему в настоящее

Харбин. Дом Милосердия (слева). За Божественной литургией в храме при Доме Милосердия. Служат: архиепископ Нестор, митрополит Мелетий и архиепископ Димитрий Хайларский

Интерьер церкви при Доме Милосердия в Харбине. Слева – Чудотворный образ Божией Матери «Всех Скорбящих Радости»

время историческая наука обладает вполне твердо установленными данными, подтверждающими сказание летописца, с которым согласуются и польские историки […]. Заслуга св. равноапостольного кн. Владимира тем больше, что он ввел на Руси христианство именно на славянском, общепонятном языке, имевшем уже азбуку Кирилла и Мефодия, благодаря чему русский народ стал обладателем необъятных сокровищ переводной с греческого славянской письменности, которая достигла высшей точки своего развития в Болгарии при царе Симеоне»[269]. Затем с докладами выступили доцент Богословского факультета Л. Викторов – «Осеняющий отчизну Крест Христов (986–1938)», В.Ф. Иванов «Святая Владимирова Русь» и К.В. Родзаевский «День Святого Владимира и Российский национальный фронт. Святой Владимир и Российская нация»[270].

На время отъезда архиепископа Мелетия на Собор (с июня по 23 ноября 1938 г.) епископ Димитрий временно управлял Харбинской епархией. Тогда же на страницах журнала «Хлеб Небесный» сообщалось, что «Дом милосердия», «согласно просьбы о том Настоятеля – Архимандрита Филарета [Вознесенского, сына еп. Димитрия – *Т. Б., А. К.*], ныне включается в обще-епархиальную жизнь, для чего Епархиальным Советом посылаются все указы и сведения наравне с другими храмами Харбинской епархии и произносится возношение имени за богослужениями временно управляющего Харбинской епархией Преосвященнейшего Димитрия, Епископа Хайларского»[271].

7 ноября (н. ст.) 1939 г. на Соборной площади Харбина состоялась закладка памятника героям, павшим с борьбе с Коминтерном. Торжественное освящение места будущего памятника совершили архиепископ Нестор и епископ Димитрий[272].

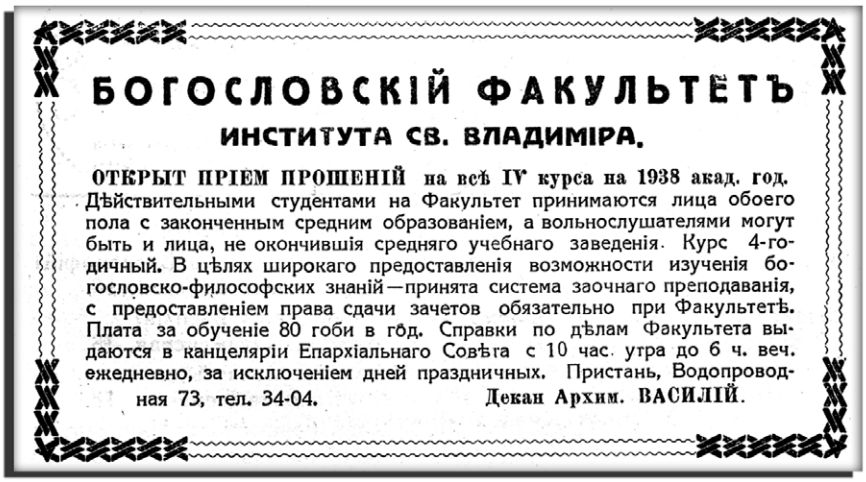
В 1940 г. в Харбине под руководством прот. М. Филологова была создана Комиссия общественного надзора «для борьбы с хулиганством (пионерами и комсомольцами)»[273].

Сопротивление попыткам насаждения язычества

С началом японской оккупации Маньчжурии японская администрация стремилась установить полный контроль за жизнью огромной русской колонии. Это касалось и церковно-общественной жизни русских. Так, японцы особенно добивались от русской иерархии узаконения возможности поклонения православных христиан языческой богине Аматэрасу Оомиками, верховному божеству синтоизма, олицетворяющему Солнце. С почитанием этой богини в Японии связывали и надежду на победу японской армии в войне[274].

По инициативе владыки Димитрия был составлен особый документ «Основные положения православной веры», долженствовавший, по-мнению авторов, помочь разъяснить японской администрации недопустимость для православных русских жителей Маньчжурской Империи компромисса с примитивным язычеством[275]. Как вспоминает один русский харбинец, «Полковник Маеда вел в русской прессе целую полемику с епископом Димитрием, первым викарием епархии, – доказывая, что они требуют не религиозного, а гражданского поклонения этой богине, что, по его мнению, не должно противоречить христианству. Епископ Димитрий возражал на все его статьи. Однако, японский военный прижим и расправы были до того страшны, что небольшая группа священников согласилась на компромисс, но сейчас же была запрещена в священнослужении митрополитом Мелетием. Громче других гремел с амвона против „богини“ сын еп. Димитрия – архимандрит Филарет. Но позиция в этом вопросе епископа Нестора [Анисимова] была очень загадочна[276]. Филарет порвал с ним и был назначен настоятелем Св. Иверской Церкви»[277].

Достаточно подробные воспоминания о событиях тех лет оставил секретарь митр. Мелетия архимандрит Поликарп (Горбунов), священник Благовещенской церкви подворья Пекинской миссии: «В это время японцы подняли вопрос о поклонении богине Аматерасу – все должны кланяться в сторону храма этой богини. Когда этот вопрос стал официально, Владыка собрал всех архипастырей: архиеп. Нестора, еп. Димитрия и еп. Ювеналия. В указанное



БОГОСЛОВСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ
ИНСТИТУТА СВ. ВЛАДИМІРА.

ОТКРЫТ ПРІЕМ ПРОШЕНІЙ на всѣ IV курса на 1938 акад. год. Дѣйствительными студентами на Факультет принимаются лица обоего пола с законченным средним образованіем, а вольнослушателями могут быть и лица, не окончившія средняго учебнаго заведенія. Курс 4-годичный. В цѣлях широкаго предоставленія возможности изученія богословско-философских знаній—принята система заочнаго преподаванія, с предоставленіем права сдачи зачетов обязательно при Факультетѣ. Плата за обученіе 80 гоби в год. Справки по дѣлам Факультета выдаются в канцеляріи Епархіальнаго Совѣта с 10 час. утра до 6 ч. веч. ежедневно, за исключеніем дней праздничных. Пристань, Водопроводная 73, тел. 34-04. Декан Архим. ВАСИЛІЙ.

время прибыли еп. Димитрий и еп. Ювеналий. Архиеп. Нестор не приехал. Прибыли и японские представители с переводчиками. Больной Владыка сидел в кресле семь часов без перерыва. Ни к чему не пришли в это заседание. Так собирались неоднократно. Владыка говорил мало, на все отвечал кратко, точно, в нескольких словах – неизменно отрицательно. Часто говорил еп. Димитрий – говорил нервно, иногда своим хриплым голосом как бы кричал. Японцы ему в ответ: – Вы хотите драться – ну что же будем драться. Владыка им: – Не драться; драться мы не будем, но я Вам говорю, что мы христиане, не кланяемся идолам, истуканам. Не раз были такие встречи с японцами, они сидели по три, четыре, до семи часов – в общей сложности всего 47 часов. И Владыка все время сидел. Но ничего так и не добились японцы. Последний раз японцы сказали Владыке: – Вы здесь старший, Вы руководитель, на Вас смотрят русские, Вы должны первый кланяться богине Аматерасу. Это было в пятницу. В понедельник, сказали, мы приедем за ответом.

На этот день были приглашены архипастыри. Все прибыли, кроме архиеп. Нестора, который так ни разу и не был. Прибыли и японские представители. А наши отцы еще раньше постановили, что пусть нас вышлют в Союз, а мы кланяться не будем. Японцы получили ответ – и только развели руками, уразумев, что архипастыри стоят твердо. Интересно отметить, что все время следили за ходом переговоров местные евреи, – они восхищались архиерейской твердостью и хвалили еп. Мелетия [sic!]»[278].

Однако «Митрополит Мелетий был уже в преклонных летах и слабого здоровья, так что весь процесс противостояния выпал на долю епископа Димитрия, – вспоминает С. С. Троицкая, – В конце 1943 года, однажды утром, его вызвали в ДОБ („грозный“ Департамент Общественной Безопасности), где он был подвергнут допросу в течение около восьми часов. Через несколько дней в беседе с автором этих строк и ее мужем владыка Димитрий сказал: идя на допрос, он был готов не поддаться никаким угрозам и готов был даже на высылку из Харбина (что японцы уже „практиковали“), но не уступил бы домогательствам жестоких языческих властей»[279].

В действительности же опасность, которой сознательно подвергал себя епископ Димитрий, была намного серьезнее, что становится ясно из примера заместителя председателя епархиального Совета протопресвитера Михаила Филологова, арестованного японской администрацией несколько месяцев спустя: «Продержали его в заключении месяц. […] Видевшие его после освобождения говорили, что от него „осталась половина“. После таких испытаний о. Михаил прожил недолго и скончался 11 декабря 1944 года»[280].

Как отмечает протодиакон Никита Чакиров «Владыка Димитрий твердо стал на защиту Св. Православия. Долгими беседами, продолжавшимися иногда до 5 часов, японцы хотели утомить старца Митрополита Мелетия, и вырвать уступки и поколебать его твердость. Митрополит был непоколебим. В лице же владыки Димитрия японцы встретили неустрашимую твердость, прямоту и непоколебимость, равноценную Василию Великому, ибо с ними так никто не говорил раньше, как Архиепископ Димитрий»[281].

В январе 1944 года правящий митрополит и его викарии выпускают специальное послание духовенству и пастве епархии, разъясняющее пределы допустимости участия в

Икона Божией Матери «Всех Скорбящих Радости», обновившаяся в Харбинской Богородице-Владимирской женской обители в 1940 году

навязываемых государственными учреждениями церемониях и предостерегающее от опасности идолослужения:

«АРХИПАСТЫРКОЕ ПОСЛАНИЕ ПРАВОСЛАВНОМУ ДУХОВЕНСТВУ И МИРЯНАМ. ХАРБИНСКОЙ ЕПАРХИИ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Возлюбленные во Христе чада и братие,

В течение 22-х летнего своего существования наша Харбинская епархия по милости Божией пользовалась тишиной и миром во внутренней своей жизни, и верующие христиане, пребывающие здесь, за все невзгоды, какие претерпели у себя на родине, награждались особым миром и спокойствием: церкви умножались, приходы устроялись, и вся церковная жизнь шла по указаниям соборного определения 1917–18 г.г.

Но вот в недавнее время появились тревожные признаки внутреннего неспокойствия, раздоров, а может быть и раскола.

Дело в том, что по порядку государственной жизни в известное время считается обязательным делать поклонения. Некоторые из них русскими православными христианами, как не противоречащие внутреннему убеждению их, совершаются добровольно и охотно. К таковым относятся молитвы за Императора, страну и правителей, согласно наставления ап. Павла, а также поклонение государственным флагам и в сторону резиденций Императоров Ниппон и Маньчжу-Ди-Го, как почтение и уважение государственной власти.

В недавнее же время в ознаменование государственных событий были построены особые храмы (Дзиндзя, Кенкоку, Синбио), посвященные богине Аматерасу Оомиками, как об этом говорится в официальных изданиях. Поклонение в сторону этих храмов с этого времени стало считаться также обязательным и для православных русских эмигрантов.

Вопрос этот, весьма важный для душевного мира и внешнего спокойствия русских православных людей, обсуж-

Митрополит Виктор. Начальник 20-й миссии

дался довольно продолжительное время в руководящих кругах Харбинской епархии и в Миссионерском Совете и получил определенное и для верующих русских людей авторитетное решение. Так как всякого рода поклонение иноверным божествам и храмам запрещены заповедями Божиими: «Да не будут тебе боги – иные, кроме Меня» и «не сотвори себе кумира и всякого подобия, елика на небеси горе, елика на земли низу, елика в водах под землею, да не поклонишися им и не послужиши им», – то православные христиане, послушные Воле Божией и Закону Его, не могут и не должны совершать этого поклонения, ибо таковые поклонения противоречат основным положениям Православной Веры.

Об освобождении от этого рода поклонений местной государственной власти было подано особое ходатайство за собственноручной подписью всех четырех проживающих в Харбине иерархов во главе с правящим епархией Владыкой Митрополитом Мелетием, что должно почитаться голосом всей местной Харбинской Православной Церкви.

Вопреки этому взгляду Православной Харбинской Церкви о недозволительности поклонения храмам, посвященным языческой богине Аматерасу Оомиками, – некоторые из православных христиан и даже пресвитерского сана высказывают мнение о возможности таких поклонений и совершают их.

Выражая свое глубокое сожаление о таком заблуждении, в своей сущности явно противоречащем прямой заповеди Божией и учению Православной Церкви, – обращаем к вам, возлюбленные во Христе чада и братие, архипастырский свой призыв быть единомысленными и единодушными со своими иерархами, дабы не стать отступниками от Православной Веры.

Да будут вам, возлюбленные чада и братие, укреплением в ваших испытаниях слова апостола Павла: «Стойте в вере, мужайтесь, утверждайтесь» (1 Кор. 16, 13). Мы молим Господа о даровании вам терпения и сил до последнего издыхания сохранять и исповедовать Святую Православную Веру. Да ниспошлет вам Господь руку помощи, да возвеселит и утешит вас Благодатию Святаго Духа.

Русские православные люди, будем безропотно и смиренно переносить ниспосылаемые нам всякого рода испытания. Будем взирать на подвиг святых угодников Божиих, которые всем жертвовали в своем стоянии за Святую Православную Веру. И да утвердит Господь всех нас даже и до смерти в твердом и неукоризненном исповедании Православной Веры нашей в Господа Иисуса Христа и в святой и вечный Закон Его и в покорном послушании голосу Святой Его Православной Церкви.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любовь наша со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь.

1944 г. Января 30 дня ст. ст. – день памяти Вселенских великих учителей и Святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго.

Подлинное имеет подписи:

Мелетий, Митрополит Харбинский и Маньчжурский

Димитрий, Епископ Хайларский

Ювеналий, Епископ Цицикарский»[282].

Архимандрит Поликарп отмечал, что «архиеп. Нестору оно послано было на подпись, но возвратилось неподписанным» […]. Это послание не было прочтено со всех амвонов, но стало достаточно широко известным и, во всяком случае, побудило японцев не проявлять суровой требовательности при совершении поклонений в сторону храма Аматерасу: голос Церкви прозвучал достаточно внятно» [283].

После того, как 31 августа 1944 года харбинские архиереи письменно призвали архиепископа Нестора присоединится к их посланию от 12 февраля 1944 года, он составил собственное Обращение к православному населению, которое огласил 4 ноября за богослужением в Камчатском подворье. Во время епископского совещания 21 декабря 1944 года архиепископ Нестор все же согласился подписать текст Послания Харбинских иерархов от 12 февраля 1944 года.

Начиная с 1921 г. прот. Николай Вознесенский готовил и издавал учебные пособия по истории Христианской Церкви и православно-христианскому нравоучению и богослужению. Вышли также детский молитвослов с простейшим разъяснением текста молитв и другие книги и брошюры.

В 1935 году в Харбине увидела свет самая, пожалуй, известная из всех книг владыки Димитрия, его «Апокалипсис в перспективе XX-го века», ставшая, позволим себе утверждать, наиболее доступным широкому кругу читателей толкованием книги Откровения Св. Иоанна из написанных на русском языке… Несколько необычно звучащее заглавие своей книги сам автор объяснял так: «историческая жизнь в столь ее оригинальном, доселе никогда ещё не наблюдавшемся, политико-экономическом и бытовом укладе ее, дала нам много исторических элементов для понимания грозных предсказаний Апокалипсиса, особенно из эпохи антихриста. Одни карточки советской России да система измора лишенцев чего тут стоят!..

И потому-то труд свой мы и наименовали „Апокалипсис в перспективе XX-го века“. И думается, многое и многое сейчас становится видным нам такое, что было по историческим условиям своего времени, совершенно недоступно для надлежащего уяснения древним, так что то, что раньше,

как сказано было прор.[оку] Даниилу, оставалось – „сокрытым и запечатанным до последнего времени“ (Дан. XII, 9), в наши дни уже в заметной степени становится близким и понятным»[284].

Последние годы (1939–1947)

В январе 1939 года епископ Димитрий помещает на страницах «Хлеба небесного» самое, пожалуй, безрадостное из своих обращений к пасомым. Его «Новогодними думами» для многих русских жителей Маньчжурии открылся роковой 1939 год. Епископ Димитрий не только обличает злодейства большевиков (талантливые примеры чему нередки для повременной прессы русского рассеяния), но позволяет себе куда более редко встречающееся печалование… Он ясно и добросовестно говорит о тех прискорбных пороках, которые наполняют и разъедают жизнь очень многих свободных русских обитателей свободной и уже традиционно русской части Дальнего Востока – самой сохранившейся части великой Империи.

«Чего нам пожелать на грядущий – совсем уже подошедший к нам, 1939-й год?! Ну, конечно, одна теперь у всех нас, людей русских, заветная дума, одна вожделенная мечта. – Чтобы дал нам, наконец, Господь дождаться избавления нашей Родины от лютых врагов, – чтобы пала сатанинская власть извергов-коммунистов, завершился 22-летний период горше Вавилонского плена, и своими очами узрели бы мы родные святыни, Небесным Отцем благословенный, необъятный простор Великой России…

Однако, многие и многие из нас понимают это уже слишком мелко и узко, чересчур односторонне и духовно-убого… – Сменилась бы советская власть, отпал бы бесчеловечный, насильнический террор узколобых кровопийц-доктринеров, да восстановилась экономическая собственность и свобода – и только. Конечно, и этого не так уж мало. Но для нас, для верующих христиан, […] всего этого, внешнего и главным образом, материального, далеко не достаточно… нет, даже – до обидного мало. Как, неужели же, только для этого пролилось такое море крови, и больше всего – крови лучших сынов России, начиная с Мученика-Венценосца с агнцами Царственной Семьи его; неужели для этого только свыше двух десятков лет столько натерпелся полутораста-миллионный народ, порабощенный не победителями-врагами, а льстивыми сиренами-лгунами? И все это – лишь для того, чтобы спали с него, революцией наложенные, прессы и оковы, а сам-то он остался все в том же недуге, все в том же отхождении, даже измене своему высшему долгу и своей кристально-чистой вере, до каких докатился он под влиянием сонма соблазнителей и совратителей своих, за последние десятилетия, за предреволюционные годы?!

[…] На первом плане, в глубокой и все определяющей собой основе таких – и политических, и экономических – изменений и улучшений должно стоять устранение самого корня всех пережитых нами бед и зол: духа неверия и сердечного отказа от простоты и искренности принятия учения Евангельского и веры святоотеческой, коими были так крепки и духовно-цельны наши предки, и за которые так долго держался простой наш народ и после того, как, под влиянием маловерного Запада, верхи его уже с XVIII-го века религиозно развинтились и разболтались вслед за разными волтерьянцами, масонами, сектантами и прочими подобными отступниками от исконных начал святорусской правды и жизни.

[…] И это духовно-нравственное возрождение свое, это проникновенно-искреннее свое раскаяние и духом веры и любви Христовой согретые молитвы, кто теперь должен принести Спасителю своему как не мы, спасенные Им – если не от верной, мучительной смерти, то от длительных страданий и мук где-нибудь в ужасающей советской тюрьме да на каторжных работах каких-либо лес-заготовок иль Соловецкой морильни?! А из таких, по всему миру разбросанных эмигрантов, в первую очередь, по совести скажу, должны это сделать именно мы, дальневосточные сыны Зарубежной Русской Церкви, ибо нам здесь все дано для этого: и полная религиозная свобода, и весь традиционный, к вере и покаянию зовущий, нормальный церковный строй и уклад, и наконец, самая, как воздух окружающая нас, духовная атмосфера. Проехав не так давно многие тысячи верст и побывав в главных наших эмигрантских церковных центрах, а о других достаточно наслышавшись от хорошо осведомленных представителей их, я должен засвидетельствовать, что нигде так хорошо не проходят богослужения и вообще моления церковные, как у нас, на Дальнем Востоке (кроме разве Афона да палестинских „матушек“, также примкнувших к эмиграции нашей) и храмы здесь лучше, и больше их, и благолепия в службе во всех отношениях более, а главное, народу молящегося несравненно больше, и заметнее в нем – среди женщин, мужчин и детей – люди усердствующие, относящиеся к тому, что совершается в храме, с сердечным вниманием и живым чувством.

Но ведь закон Евангельский таков, что кому много дано, с того больше и спросится. Так и то религиозное возрожде-

Пекин. Храм Всех Святых в Бэй-гуане, выстроенный на месте погребения китайских мучеников (†1900), позже ставший усыпальницей убиенных в Алапаевске Великих Князей и их верных слуг. Разрушен в 1960-х годах

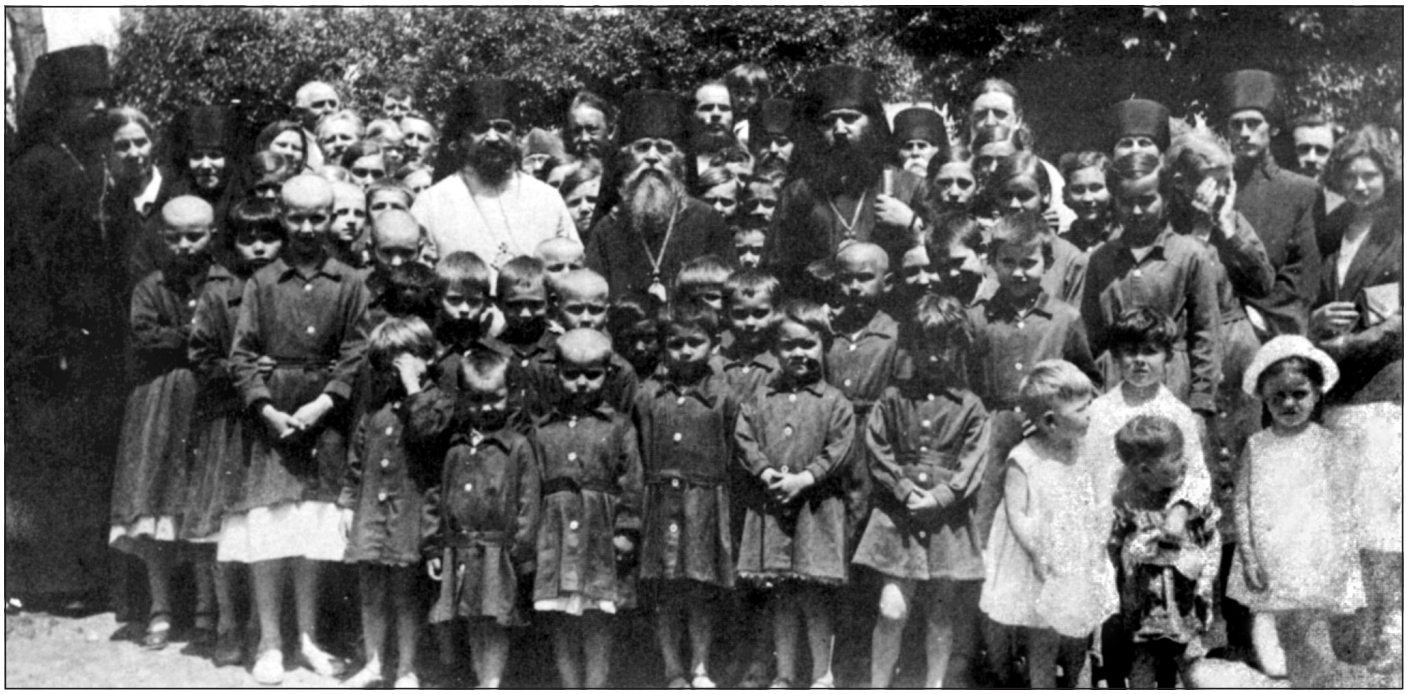
ние, о котором заговорили мы здесь, конечно, возникнуть и проводиться может лишь там, где для него имеется более подготовленная почва, где начатки такого раскаяния и живой духовной устремленности сюда уже есть, есть те – „имеющие уши, что услышат“. […]

А за всем этим, тот же долг пастырский вынуждает нас сказать слово и к тем, кто по слову апостольскому, от нас пошел, но не с нами теперь, совсем не с нами. […] Вы, безобразники, вы – коптители и прожигатели жизни, устраивающие, в меру возможностей и сил своих – „пир во время чумы“, и тени стыда не имеющие о том, что пляшете вы – в ту пору, когда в доме покойник. Родина – в лютых когтях, родина – истекает кровью и гибнет гладом. Братья ваши по крови, нередко – буквально близкие родные и братья томятся в концентрационных лагерях, в издевательствах от насевшей на шею преступной шпаны, а вашей мертвой и разлагающейся уже коробке, заменившей у вас сердце, – совсем нет до этого дела. Вам не стыдно в эту пору набивать толпою всевозможные кабарэ, кафэ и грязные рестораны иль и явно-блудные притоны, кутить и пьянствовать, швырять потоками деньги на конские ристалища и пустые забавы, скупясь в ту же пору подать гривенник мерзнущему в нетопленой хате, единокровному бедняку, взваливая непосильную ношу поддержки перестаревших [sic!] и немогущих устроиться тружеников на плечи тех, кто получает несравненно меньше вас и во многом и многом должен себе отказывать. На глазах у иностранцев, окружающих нас, позорите вы русское имя, дойдя до полного идиотства в своем умственном и нравственном ослеплении. Совсем не трогает вас справедливый суд людской, тем более – голос Церкви, а о Божием суде вы совсем не хотите и думать. Но помните: есть этот Суд, и он уже – недалеко от вас, он – у вас над головою: вырвет Господь такую сорную траву с нивы Своей, а на том свете даст вам и полное, заслуженное вами, воздаяние…»[285].

Эти предостережения для очень многих станут через несколько лет печальной действительностью – русский Дальний Восток прекратит свое существование, привычный православный уклад быта, столь легкомысленно небрежимый, исчезнет с потерею русскими привычной территории проживания и они, наконец, в полном смысле осознают себя эмигрантами… Одни, в поисках пристанища, пройдут через азиатские лагеря для перемещенных лиц, другие – откликнутся на большевицкий призыв и отправятся в доселе неведомую им советскую Россию, неосторожное свидание с которой для многих обратится скорой гибелью…

В том же январе 1939 года по решению Епархиального Совета и в связи с упразднением должности наместника настоятелем Казанско-Богородицкого мужского монастыря был назначен прежний благочинный обители, иеромонах Иннокентий (Мельников), окончивший в 1938 году Богословский факультет вторым по списку со званием кандидата богословия[286]. При этом «попечительное смотрение за состоянием жизни монастыря» было возложено на епископа Димитрия[287].

Монастырь занимался издательско-просветительной деятельностию. За 15 лет изданы были сотни тысяч листков нравственно-религиозного содержания, около 50 000 отрывных и настольных календарей. Кроме того, отпечатано было около 100 тысяч экз. журнала «Хлеб Небесный», 75 000 полных и кратких молитвословов, 2 500 экз. «Житий святых» за весь год (в сокращенном издании), 2 000 экз. книг «Христианская жизнь по Добротолюбию», около 10 000 экз. акафистов Пресвятой Богородице и святым. Листков религиозного содержания примерно до 200 000 экз. Большинство из перечисленных изданий служили бесплатным приложением к журналу «Хлеб Небесный», а также



Приют для русских сирот «Дом Милосердия» в Харбине. В центре – архиепископ Нестор, митрополит Мелетий и епископ Виктор, начальник Русской Духовной Миссии в Пекине. Крайний слева – иеромонах Филарет, впоследствии – Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви

раздавались в храмах. «Обитель благодарна Высокопреосвященнейшему Архиепископу Нестору и Преосвященнейшему Епископу Димитрию за всегдашнее доброе отношение к Обители и за архиерейское служение в ней, а Владыке Димитрию и за попечительное смотрение о Монастыре»[288], – отмечал по случаю празднования 15-летия Обители исправлявший должность настоятеля иеромонах Иннокентий (А.П. Мельников).

26 июня 1940 г. исполнилось 35 лет пребывания в священном сане владыки Димитрия – «наиболее выдающегося богослова на Дальнем Востоке»[289], как отмечалось на страницах «Православной Руси». Харбинская епархия к этому времени насчитывала (при 218 священнослужителях) 2 мужских монастыря и 1 женский, 46 приходов с церквами, 7 приписных церквей, 6 молитвенных домов, 2 братства, монастырскую больницу с приютами и Русский дом, в котором размещены были 90 воспитанников[290].

Незадолго до начала военных действий между Германией и Советским Союзом в своей Пасхальной беседе епископ Димитрий довольно определенно высказывается о положении в Европе: *«Открыто, с уничижающим высокомерием и нескрываемою дерзостью, люди, даже вожди человечества, заявляют о правах эгоизма, этой полярной противоположности самого духа христианства, и на колючем или зыбком и засасывающем фундаменте его хотят во всем строить жизнь! И достигают, да уже и достигли: того, к чему устремились! Волчья мораль – волчья же и грызня»*[291].

Свт. Иоанн (Максимович), епископ Шанхайский. Шанхай. 1934 год

Очевидность испорченности, неправославности жизни немалой части соотечественников, побуждает владыку Димитрия к многолетнему серьезному научному труду по приспособлению текста Псалтири для обдуманного и действительно душеполезного чтения современниками… В 1941 году епископ Димитрий издал «Псалтирь Протолкованную» на славянском и русском языках с вводными разъяснениями[292]. Это был плод его трехлетних занятий в деле, которому он придавал весьма большое значение. Еще ранее он писал, что русский перевод не только был им согласован со славянским, «но и на сколько возможно, приближен к нему, так как текст славянский,будучи точной и литературно-совершенной передачей главного для нас, христиан, перевода 70 толковников, имеет все преимущества перед так называемым мазоретским текстом еврейским, с которого переводился существующий русский текст Псалтири до настоящего времени […]»[293]. Подготовленный им текст был затем внимательно пересмотрен профессором Богословского факультета К.И. Зайцевым (впоследствии принявшим монашеский постриг с именем Кирилла) и «природной гречанкой» М.Г. Антипас-Метаксас. Первый просматривал новую книгу с позиций критика и корректора литературной стороны текста, а Мария Герасимовна Антипас-Метаксас «устанавливала в трудных местах точный смысл тех или иных синонимов, выявляя нам в подобных случаях как бы самый дух эллинской речи»[294]. «Эта согласованность текстов: славянского и русского на основе греческого текста 70 толковников, делает этот труд выдающимся по своему практическому значению»[295], – отмечал в рецензии Е.Н. Сумароков.

Изданием подобного труда епископ Димитрий стремился вернуть и вновь сделать любимым занятием в домашнем или келейном обиходе совсем почти вышедшее из употребления чтение Псалтири, ставшее, по его словам, «непосильным занятием для подавляющего большинства, даже и хорошо грамотных русских людей» вследствие незнания языка славянского. Русский же перевод Псалтири, по мнению епископа Димитрия, страдал неизмеримо большими несовершенствами, был «настолько сух, бесцветен и так сказать ординарен, что ни для какого подъема духовного он психологически – непригоден»[296]. Поэтому задачу свою он полагал в том, чтобы дать «бок-о-бок с принятым славянским переводом, параллельный русский текст», который «являлся бы, елико возможно, согласным со всем и взаимно утверждающим с текстом церковным, славянским, дабы давалось чрез них положительное, и благоговейное восприятие дивного псалмопения вековечного энтузиаста, всю свою душу Богу отдававшего, отрока Его, из царей-царя, Давида, т. е. для умиленного и более, чем до глубин души, растроганного проникновенно-сердечного пения – для всех верующих людей, для всякого из нас, кто ищет в Псалтири такой согревающей и оживляющей атмосферы молитвенной…»[297].

Осенью 1941 года епископ Димитрий по поручению митрополита Мелетия рецензирует книгу старообрядческого протоиерея И. Шадрина «Отчего произошел раскол Русской Церкви». Приходя к заключению, что это типично-полемическое произведение, направленное против Православной

Архиепископ Ювеналий Цицикарский, настоятель мужского монастыря в Харбине в бытность архимандритом. Фото 1930-х – 1940-х годов

Церкви, представляет собою «полемику самого дурного тона, ведущую отнюдь не к сближению, а лишь к большему разъединению, да и обиде» опытный педагог замечает, что присматриваясь «к тексту богослужебных наших книг, православных и старообрядческих, иначе – иосифовских и никоновских», мы находим, что «Близость и точность в отношении к оригиналу преобладают в книгах никоновой справы. Стремление к понятливости и простоте речи – заметней в дониконовском тексте»[298]. В строго научном подходе к разрешению давних споров епископ Димитрий видит единственный возможный путь: «Нужно, (а по нашему, и давно уже слагающемуся убеждению – и настоятельно необходимо), провести продуманным, серьезным и осторожным порядком, новый пересмотр текста богослужебных книг, составив для сего нарочитую комиссию – особого, нарочитого же, состава. И, конечно, в этот ее состав должны войти подходящие представители и той, и другой стороны, т. е. и православные, и старообрядцы»[299].

В 1942 году Владыка Димитрий говорит в Слове на Святую Пасху: *«Мир на переломе. Совершенно несомненно, что наличная фаза международного уклада завершается с затянувшеюся мировой войною, и в то же время нарождается какая-то новая, коренным и существенным образом отличающаяся от предшествующей, фаза международных отношений и строя. […] В поражающем калейдоскопе возможностей, сменяющихся не только с каждым годом, но можно сказать – и месяцем, не разберется в данный момент ни теоретик, ни практик. А нам, верующим людям, хорошо знающим, что нити, направляющие уклон и исход волнующих мир событий, да еще в таком небывалом калибре и масштабе, сводятся к – всесодержащей Деснице Небесного промыслителя и исходят из Нея же, – нам до сих пор никаких указаний и откровений тоже как будто ни через кого не давалось»*[300].

Очень скоро слова его, к сожалению, получат нерадостное подтверждение – устроение мира действительно внешне изменится и красная пелена накроет не только часть Европы, но и почти все просторы Поднебесной Империи. Непостижимым образом многих дальневосточных русских иерархов (людей разборчивых и весьма искушенных, ухитрившихся сохранить почти невероятную независимость при всех властях и правителях Маньчжурии) затянет в советские сети объявление о наступающей свободе развития церковной жизни (свободе мнимой, как слишком поздно выяснится) и век почти всех их окончится в советской неволе… Лишь епископу Шанхайскому Иоанну (Максимовичу) достанет мудрости верно оценить складывающуюся обстановку и, отказавшись от первоначальных намерений, эвакуироваться на Запад с частью пасомых…

В настоящее время нет оснований говорить, что кто-либо из водворившихся в советских пределах дальневосточных русских иерархов опустился до немощи обращения в обыкновенного тусклого советского церковного чиновника. Но нельзя забывать о том, что длительной расплатой за сознательное соучастие в сомнительном большевицко-церковном послевоенном делании станет для этих людей своеобразный концлагерь на воле – непривычная в своей двусмысленности, непонятная жизнь под тесною опекой хорошо обученных келейников, иподиаконов и таких же «мироносиц»... Едва ли возможно предположить, что кто-нибудь из этих иерархов действительно обратился в лояльного советского гражданина.

Если для митрополита Нестора (Анисимова; † 22 октября/4 ноября 1962 г.) «патриотической порыв» обернется семью с половиной годами мордовских лагерей (1948–1956) и последующим пастырством в Новосибирско-Барнаульской и Кировоградской епархиях, то последний русский архиерей Китая – архиепископ Виктор (Святин), в мае 1956 года водворившийся в пределах советского “отечества” после ликвидации по указу патриарха Алексея двадцатой Русской Духовной миссии в Китае, получил назначение на сравнительно пригодную для существования Краснодарскую кафедру. Здесь, в обстановке слежки и крайней запуганности он проживет десять лет и неожиданно умрет в августе 1966 года[301]. Епископ Ювеналий (Килин; † 15/28 декабря 1958) будет определен на Челябинскую кафедру, год спустя – на Иркутскую, еще через год – на Омскую, а в 1952 г. – на Ижевскую.

До недавнего времени подробности жизни в советской России этих и других русских дальневосточных архипастырей сохранялись лишь в кругу самых близких. Лишь в 2003 году в книге, посвященной племяннице владыки Виктора (Святина) Ксении Кепинг вполне определенно дано понять, что архиепископ Виктор был в советском “отечестве” убит. Причиною тому названо его нежелание примириться с растаскиванием русского церковного имущества в Китае советскими чиновниками – государственными и патриархийными[302].

Трагична и столь обидна судьба этих сильных людей, много потрудившихся для Русской Церкви за два десятилетия изгнания, и оказавшихся совершенно беспомощными перед реальностью жизни незнакомого им уголовного государства, в которое обратилась милая их сердцам прежняя великая Империя.

Другой надежде опытного и мудрого иерарха, высказанной владыкою Димитрием в том же Пасхальном слове 1942 года, напротив не суждено будет сбыться: «Может быть, и самую перестройку русского общественно-народного строя перелом этот обратит на пользу России, взяв из дореволюционного старого все доброе и жизнеспособное, но и отбросив немало и чуждых духу народа, а особенно его святой веры, тяжелых и вредных, исторических настроений»[303]. И поныне мы можем лишь мечтать об этом…

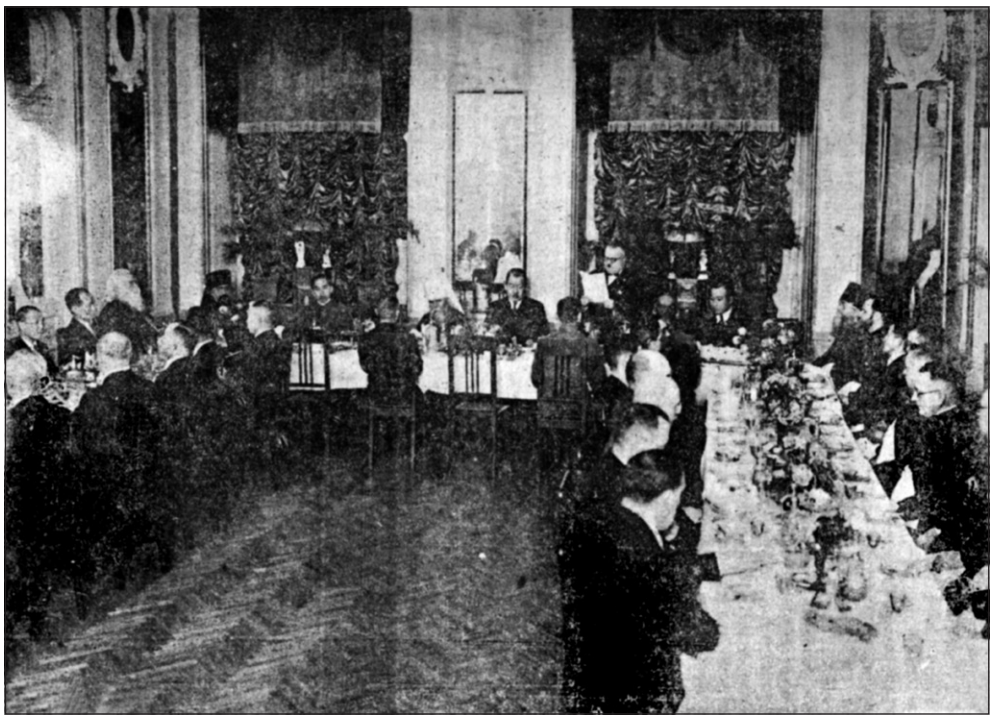
В 1942 году владыке Димитрию удалось организовать возведение второго этажа здания приюта над Серафимовской столовой[304]. В военные годы он регулярно объезжает станции линии КВжд с целью сбора средств на содержание приютов. В поездках его сопровождает внук, Юрий Виноградов, помогавший в ведении канцелярии. Уже в это время владыка был серьезно болен, несколько раз у него случались приступы уремии, лечение которой в те годы было сопряжено с болезненным и весьма опасным операционным вмешательством. Едва успев подлечиться, владыка вновь брался за работу по поддержанию приютов…

В 1942 году под давлением государства был положен конец долголетним распрям руководства Харбинской епархии и администрации Пекинской Духовной миссии. 24 июня в Харбин прибыл начальник Миссии архиепископ Виктор (Святин) в сопровождении архим. Нафанаила (Львова), наместника Миссии. На епископском совещании 3 июля было признано «неудобным и нецелесообразным управление приходами, находящимися в Маньчжурской Империи и Квантунской области, из пределов другого государства». В силу чего архиеп. Виктор передал под управление митр. Харбинского и Маньчжурского Мелетия приходы в гг. Мукдене, Синьцзяне, Гирине и Дайрене, подворья миссии в гг. Харбине, Хайларе и Маньчжурии, а также женскую общину и несколько кладбищ. При этом все имущество приходов по-прежнему оставалось в собственности Пекинской Миссии, в пользу которой сохранялись и отчисления от свечной прибыли. Утверждалось это решение епископским совещанием вплоть до восстановления нормальных сношений с Архиерейским синодом в Сремских Карловцах. Постановление подписали митрополит Мелетий, архиепископы Виктор и Нестор и епископы Димитрий и Ювеналий.

В 1943 году Братством имени Св. Иоанна Богослова при Богословском факультете Института Св. Владимира в Харбине был издан составленный епископом Димитрием «Домашний молитвослов для усердствующих», до сего дня остающийся, пожалуй, наиболее удачно составленным молитвословом на русском языке: «В книге сей каждая верующая душа найдет себе отраду и утешение. Книга сия является бесценным сокровищем, ибо содержит в себе духовную беседу души человеческой, исполненной горнего горения, со своим небесным отцом – Творцом всего, ибо „вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть“ (Ин.1, 3)»[305]. Издание это снабжено обширным введением составителя, озаглавленным «Имей правило в молитвах своих»[306]. Как видно из собственной статьи владыки Димитрия, посвященной этому изданию, в процессе работы составитель руководствовался в первую очередь стремлением к наибольшему удобству обращающегося к сему «Молитвослову»: «свой молитвослов, как „Домашний“, мы старались составить так, чтобы по нему легко и естественно было читать установленное в собственном нашем келейном правиле, применяясь к переживаниям, в условиях и данных наших дней и нашего положения.

Наконец, в существовавшем доселе тексте имелись такие слова и выражения, которые или представляются совсем устарелыми, иль и вовсе непонятными, и в то же время легко и удобно заменимыми, более близкими к русским, без всякого ущерба для смысла: например „седалище“, по смыслу, – „престол“; „тимение“ – погружение в тину („тинопогружение“).

Но более всего изменений в новом издании Молитвослова проведено нами в правописании текста, как в знаках препинания, так и в грамматической стороне его. Не раз уже высказывались мы и печатно о том, что правописание это



Банкет в честь русской эмиграции у начальника японской Военной миссии генерала Хата. В числе приглашенных митрополит Мелетий, архиепископ Нестор, епископ Димитрий и протопресв. Михаил Филологов. Начальник Бюро по делам русских эмигрантов, генерал В.А. Кислицин читает ответную речь

Крещенское водосвятие на реке Сунгари, в Харбине. Фото 1930-х – 1940-х годов

в наших славянских книгах стоит далеко не на надлежащей высоте. И потому-то и старались мы перевести свой Молитвослов на такое грамотное правописание, чтобы помогало оно прочитывать каждому свое „правило“ – и внятнее, и с большею пользою…»[307]. Одновременно издан был и «Краткий молитвослов», в рецензии на который принявший монашество сын владыки Димитрия архимандрит Филарет (Вознесенский), особо отмечал следующее преимущество сего издания: «Молитва есть важнейшее дело человека; кто не молится Богу – тот не христианин. И нет ничего хуже и пагубнее для души человека, чем формальное, поверхностное, внешне-механическое отношение к молитве. […] Но как может человек приучить себя к глубокой, внимательной, благоговейной молитве, если он не умеет молиться сознательно, не знает или не понимает самого текста молитв? […] в наше время, когда славянский язык в школах почти не изучается, и большинство русских людей его не знает и не понимает – перевод и разъяснение текста молитв и богослужебных песнопений является не только существенно важным, но, более того, решительно необходимым»[308].

Таким образом, и в последние годы своей пастырской работы владыка Димитрий по-прежнему полагал в основу всякого успешного православного учительства те же неотъемлемые свойства, что и в ранние годы своего служения: «Эти три первых, внутренне связанных между собою, свойства (преподавания), – элементарность, конкретность и наглядность преподавания мы считаем главными и основными, от коих больше всего зависит успешность обучения для нашего предмета»[309].

«Молитвослов для усердствующих» стал своего рода пастырским завещанием праведного и усердного проповедника Слова Божия – завещанием, освященным «тридцатилетним личным опытом в совершении молитвенного правила – и повседневного, и – к причастию»[310]…

«Отличительные черты его натуры, – отмечал в предисловии к недавнему переизданию Молитвослова известный в русском рассеянии протодиакон о. Никита Чакиров, – были следующие: строгое хранение истины, любовь к Богу, а отсюда горение духа и горячая, искренняя молитва; любовь к ближним и, как следствие этого, забота о нуждающихся и голодных и создание Серафимовской столовой при Иверской церкви, где ежедневно выдавались бесплатные обеды и питались сотни нуждающихся, а также создание приюта для престарелых; любовь к молодежи и забота о благе церковном и создание пастырско-богословских курсов; а также, конечно, любовь и к детской душе и создание приюта для мальчиков»[311].

Нам представляется важным отметить еще одну несомненную особенность этого вовсе чуждого благочестивой болтовне исключительного человека. Вся его жизнь была органическим единством *веры* и *дел*, направленным на преодоление того отвлеченного христианства, которое современник владыки Димитрия, один из наиболее чутких русских ученых историков Лев Платонович Карсавин, называл почти восемьдесят лет назад «Одним из самых вредных заблуждений, и притом особенно опасным именно в переживаемое нами время»[312]. Сложно поверить, что слова эти сказаны о днях столь давних…

С началом Второй мировой войны епископ Димитрий фактически сосредотачивает в своих руках все управление Харбинской епархией, ставшее непосильным для престарелого митр. Мелетия. В 1944 г. владыка Димитрий возведен был в сан архиепископа.

С началом советской оккупации Маньчжурской Империи деятельность владыки Димитрия проходит в условиях противостояния попыткам архиеп. Нестора (Анисимова) любой ценой устранить его от фактического руководства Харбинской епархией.

Подобного рода деятельность не была, по-видимому, чем-то новым для архиеп. Нестора. Во всяком случае, еще весною 1930 г. митр. Иннокентий (Фигуровский) в своем «Открытом письме» обличил его в организации травли архиеп. Симона (Виноградова), сведшей в могилу этого достойнейшего иерарха (См.: Открытое письмо Китайского и Пекинского митрополита Иннокентия епископу Нестору // Царский Вестник (Белград). № 84, 10/23 марта 1930 г. С. 1.).

Начиная с первого своего обращения к патриарху Алексию архиеп. Нестор без устали подчеркивает, что деятельность архиеп. Димитрия идет в разрез с его собственными стремлениями к объединению с Патриархией: «[...] мы не знаем, где находится митрополит Анастасий и другие русские иерархи, жившие в Белграде. Митрополит Харбинский Мелетий именует себя до сего времени представителем Заграничного (несуществующего) Синода и управляет здесь, на Востоке, как представитель этого Синода, единолично, создав из себя и своих двух викариев – 1) епископ Димитрий Хайларский, 2) епископ Ювеналий Цицикарский – Высший церковный орган без сношения с другими архиереями, живущими на Востоке. Так, недавно своей волей митрополит Мелетий возвел своего первого викария в сан архиепископа (для ясности прилагаю мое особое мнение по сему вопросу).

[…]

Митрополит Мелетий 75-ти лет, болеет трясучим параличом и стал слаб, подпав под влияние епископа Димитрия Хайларского.

[…]

О том, что я пишу Вам, Святый Владыко, об этом знает только секретно господин консул Советской Республики в Харбине и больше никто. Я Вас прошу убедительно написать тем же путем Ваш милостивый ответ и все, что Вы найдете нужным , но совершенно секретно, полагаю, на непродолжительное время секретно.

[…]

Прилагаемую мою панагию посылаю в Ваше распоряжение, желая золото отдать на алтарь Отечества, а образ Спасителя на Ваше благоусмотрение. Без огласки моего имени.

А. Нестор»[313].

Этим посланием, обильно пересыпанным многословными упоминаниями о собственных заслугах и патриотическом настроении, добровольный секретный сотрудник советского консульства архиеп. Нестор начал заключительный этап своей духовно-административной карьеры. С этой поры почти в каждом его письме в Москву будут звучать сожалительно-уничижительные отзывы о почтенном и любимом русскими харбинцами старце-митрополите Мелетии, и куда более злобные выпады по адресу архиепископа Димитрия и его сына архимандрита Филарета. Полагаем, – не случайно, ведь именно архиепископ Димитрий оставался единственным возможным наследником митр. Мелетия на Харбинской кафедре:

«Наш харбинский дедушка митрополит Мелетий с каждым днем угасает и тает. Его изнуряет трясучий паралич. Он уже не двигается и имеет очень печальный вид. Со дня на день можно ожидать его кончины. Его первый викарий помогает ему в управлении епархией, но почти все духовенство пребывает в ропоте от его неуживчивости и целого ряда странностей. До сего времени, например, в храмах ихней Харбинской епархии, по его распоряжению, после имени Святейшего Патриарха поминается имя митрополита Анастасия, председателя несуществующего Заграничного Синода и т. п.

Покрыл большим позором духовенство Харбинской епархии, рукополагая недостойных пастырей, старающихся скрыть свои политические преступления под рясой священнослужителя.

Так, 13 августа, когда уже определился исход войны с Японией, был обвенчан один из служащих вражеской военной миссии – русский молодой человек; 14 августа был он рукоположен владыкой Димитрием в сан диакона, а 16 августа возведен в сан священника, чтобы избежать ответственности за свою службу у японцев, чем, конечно, еще более ухудшил положение молодого священника»[314], – рапортует в Москву владыка Нестор 14 сентября 1945 года.

Едва ли может возникнуть сомнение, что подобный рапорт, направленный в патриархию через советское консульство, являлся одновременно и достаточным свидетельским показанием для вынесения бывшему сотруднику «вражеской военной миссии», а ныне – православному русскому священнику соответствующего приговора…

Об одном из событий 1945 года вспоминает М.М. Гинце: «В целях исторической правды я должен включить в свои воспоминания о владыке Несторе его выступление на массовом митинге харбинцев 2-го сентября 1945-го года, устроенном по приказу советских оккупационных властей на Соборной площади Харбина, целью которого было “стихийное выражение благодарности Армии-Освободительнице.“

К тому времени СМЕРШ только начинал своё грязное дело (первый десант высадился 16-го августа), но уже исчез без вести мой отец (его выпустили, продержав десять дней, и он оказался в числе очень немногих счастливчиков, избежавших страшной участи), и шустрые “виллисы“, некоторые с вооружёнными моряками, другие – с бойцами, хватали тысячи благодарных граждан, освобождённых от японского гнёта, и переправляли их в ГУЛАГ. Радость освобождения от японского ига длилась не больше двух дней, и русские харбинцы поняли, что попали из огня да в полымя. *(Много лет спустя этих несчастных оправдают, часто посмертно, под расплывчатой формулировкой “отсутствия состава преступления“, но злодеяние было совершено и, насколько мне известно, никто за него не был не только не привлечён к ответственности, но даже не подвергся моральному осуждению).*

Приказ идти на “стихийный митинг” был передан через квартальных старшин сохранившейся от японцев организации соседской взаимопомощи *“тонари гуми“*. Нечего говорить, что отсутствующих не было и что дружные крики “ура” были невероятно громкими.

Харбин.
Памятник жертвам борьбы с Коминтерном

Харбин. Храм Покрова Пресвятой Богородицы на старом кладбище. Построен в 1930 году. Арх. Ю.П. Жданов, инж. М.А. Тер-Авакимов. Ныне – единственный действующий храм Харбина Фото 1930-х годов

На митинге выступили представители от харбинской общественности, духовенства и Советской Армии. От общественности говорил присяжный поверенный Ердяков, от духовенства владыка Нестор, а от армии маршал Малиновский.

Помню, что Ердяков от благодарности всхлипнул, что очень эффектно передали поставленные на площади мощные громкоговорители.

Владыка Нестор, как всегда, говорил прекрасно и сдержанно, но, увы, потряс меня, и уверен, что не меня одного...

По ходу речи он упомянул попытки японцев навязать богиню Аматерасу Русской Православной Церкви в Маньчжурии и своё отрицательное к этому отношение. Вот что он сказал дословно : "...***но мой был глас вопиющего в пустыне...".***

Стоя в толпе, я, честно говоря, не поверил своим ушам. "Как ему не стыдно!"—подумал я» ...»*

27 декабря 1945 г. был издан в Москве Указ Св. Синода о воссоединении дальневосточных епархий с Московской патриархией и о создании в пределах Китая и Кореи единого Митрополичьего округа. В виду болезни митрополиту Мелетию предоставлен был отпуск. Временно управляющим округом назначался архиепископ Нестор, но фактически до марта 1946 г. управление Харбинской епархией и должностные назначения осуществлял архиепископ Димитрий[315], борьбе с которым архиеп. Нестор отдается все более самозабвенно…

Согласно очередному доносу архиеп. Нестора, 19 января 1946 г., в день Крещения Господня, сын владыки Димитрия архимандрит Филарет «выкинул новый номер, как это обычно он и его отец периодически позволяют себе»: направившись с крестным ходом из Иверской церкви к берегу реки Сунгари для освящения воды о. Филарет помимо многочисленных православных и иноверцев (населяющих Харбин и собирающихся обычно, чтобы видеть чин освящения воды) увидел собравшихся в немалом числе «красноармейцев, как бойцов, так и командного состава». Тогда он разоблачился и ушел домой, «а по городу его почитательницы, безответственный кликуши, стали распространять слухи, что о. Филарет не захотел участвовать в молитве для «безбожников». Все это пока остается безнаказанным, и подобные выходки будут повторяться до тех пор, пока не будет какого-нибудь авторитетного воздействия…»[316]. В то время люди пропадали в Харбине уже каждый день и не сложно догадаться к оказанию какого именно воздействия могли привести подобные призывы «заботливого архипастыря»…

«Привыкнувшие к эмигрантской жизни и своим порядкам, харбинские иерархи и духовенство отслужили 1 января и по старому стилю новогодний молебен, несмотря на то что таковой уже был отслужен 1 января по новому стилю; Епархиальным советом было отдано секретное распоряжение по епархии, чтобы молебен служился также и по старому стилю с произнесением соответствующих проповедей. Архиепископ Димитрий, невзирая на то что имеет уже советский паспорт, служил литургию 14 января в соборе и также произнес новогоднюю проповедь-слово. Плохо усваивают эти люди условия жизни и, по-видимому, противятся пришедшему наконец к нам настоящему порядку. Но я не вмешиваюсь в дела Харбин-

Харбин. Храм Благовещения Пресвятой Богородицы, служивший подворьем Пекинской Духовной миссии. Построен в 1930–1941 годах. Арх. инж. Б.М. Тустановский Закрыт в годы Китайской «культурной революции» и обращен в цирк, а затем снесен. Фото 1930-х годов

* *Гинце М.М.* Мои воспоминания о православных священнослужителях в Манчжурии в 1930-х – 50-х годах. Цитируется по автографу. Опубликовано в: «Русская Атлантида». № 27, 2007. С. 7.

ской епархии»[317], – сообщает архиеп. Нестор далее в том же письме. Интересно, что согласно представлениям о церковном благочинии быстро усвоившего «условия жизни» архиеп. Нестора, наличие советского паспорта должно было жестко регулировать даже приверженность календарному стилю.

Вследствие болезни митр. Мелетия, продолжает автор, епископские совещания в это время «проводит один архиепископ Димитрий, а потому закрепляются всякие постановления тремя подписями харбинских епископов. Так только что состоялось назначение новых членов в Епархиальный совет и настоятелей на свободные приходы, каковое архиепископ Димитрий провел по своему личному усмотрению и желанию»[318].

Все эти цитаты – печальное свидетельство о наступивших новых для Харбина временах – определенно говорят о том, в сколь непростой – враждебной и действительно опасной для существования обстановке приходилось тяжело больному владыке Димитрию в течение почти двух лет управлять церковно-общественной жизнью огромной епархии.

В 1946 году советское руководство устранило от активной церковной работы наиболее независимых архиереев Маньчжурии. Причиной тому, нет сомнения, было, как стремление любыми путями дезориентировать и заманить в лапы новой «родины» тысячи русских жителей Маньчжурии и Китая (в значительной своей части бывших или уроженцами Маньчжурии и никогда не видевшими этой «родины», или же являвшихся прежде гражданами Российской Империи, а после – лицами без гражданства, принципиально не бравшими в руки советских паспортов несмотря на все усилия большевицкой администрации КВжд), так и не меньшая тяга советских главарей к значительным материальным ценностям (земельным угодиям, строениям и иному имуществу), уцелевшим во владении епархиальных организаций и Русской Духовной миссии в Пекине… И если очень многие православные жители Маньчжурской Империи даже при всем всплеске патриотических (или, может быть, вернее сказать безрассудно-патриотических) эмоций по случаю победы советской России во Второй мировой войне все же едва согласились бы верить речам сомнительных советских дипломатов, то этого нельзя сказать об отношении тех же русских людей к словам лиц духовных, даже назначаемых из Москвы[319]. Тем более, что назначаемые из числа эмигрантов пользовались заслуженным авторитетом и уважением, сами, вероятно, едва понимая, на что именно они соглашаются…

«Однако природа нравственная еще меньше, чем природа физическая, терпит нарушение своих законов: обманщики неизбежно становятся сами обманутыми, ибо незаметно, но очень радикально и быстро, утрачивают чутье истины, которое, в конце концов, является основным критерием отличения правды от вымысла, – писал владыка Димитрий (Вознесенский) еще в 1925 году. – Так исполняется на них удивительное пророчество о них апостола Павла: „прельщающе и прельщаеми“»[320].

6 апреля 1946 года в Харбине скончался митрополит Харбинский и Маньчжурский Мелетий.

11 июня 1946 года Московский Патриарх Алексий издает указ о преобразовании митрополичьего округа в Восточно-Азиатский экзархат Московской Патриархии, «ввиду кончины митрополита Мелетия архиеп. Нестор назначается экзархом Московской Патриархии по Восточной Азии, с возведением его в сан митрополита Харбинского и Маньчжурского». Указ этот был доставлен в Харбин с большим опозданием – только 8 августа 1946 года. 11 августа 1946 года в Свято-Николаевском кафедральном соборе митр. Нестор совершил свое первое богослужение в сане митрополита. Одиннадцатым июня 1946 года был подписан и другой указ патриарха о назначении новым викарием Харбинской епархии вдового протоиерея Леонида Викторова, священника армии генерала В.О. Каппеля и участника ставшего к тому времени легендарным «Ледяного похода». 22 сентября 1946 года, в воскресенье, состоялась архиерейская хиротония архимандрита Никандра (Викторова) во епископа Цицикарского[321]. Хиротонию совершили Экзарх Восточной Азии митрополит Харбинский и Маньчжурский Нестор (Анисимов), архиепископ Димитрий (Вознесенский) и епископ Шанхайский Ювеналий (Килин)[322].

Харбин. Храм Успения Пресвятой Богородицы на новом кладбище. Построен в 1908 году. Сохранился. На месте уничтоженного русского кладбища ныне действует парк аттракционов. Фото 1930-х годов

Еще в 1937 году в «Православной Руси» было помещено сообщение о том, что епископ Димитрий «серьезно болен», ему сделали операцию[323], а весною 1946 года журнал «Церковная летопись», выходивший при участии знаменитого впоследствии церковного историка и борца с большевизмом прот. Михаила Польского вновь извещал, что «Епископ Димитрий в Харбине тяжело болен»[324].

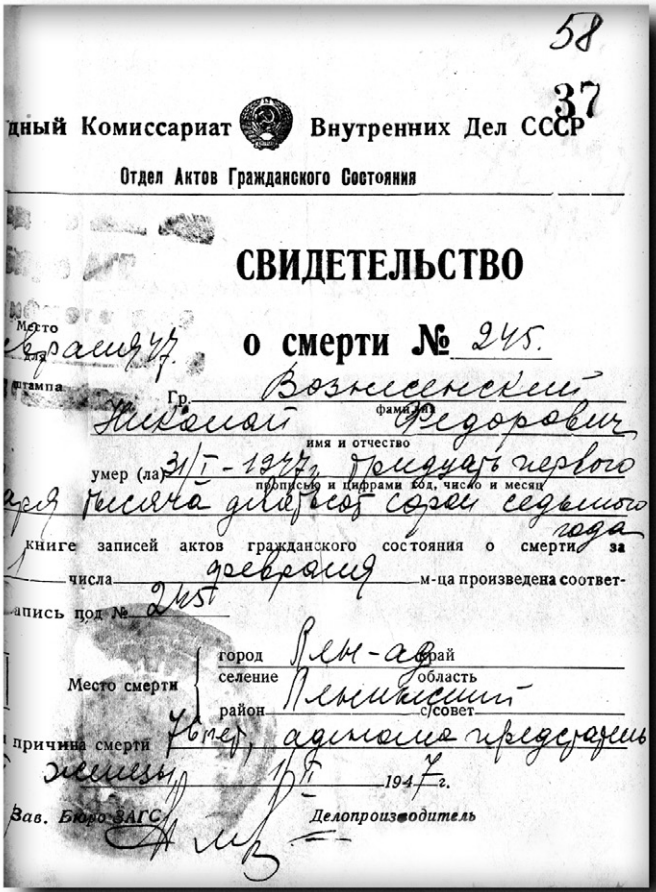
Действительно, во время войны владыка Димитрий тяжко занемог... По свидетельству его внука, Ю.Б. Виноградова, именно давняя болезнь (рак горла) стала основным поводом к приезду владыки Димитрия в советскую Россию, поскольку невозможность лечения делала равносильным самоубийству даже временное поселение в лагерях для перемещенных лиц, организуемых для покидающих Маньчжурию русских. Кроме того, в течение долгих лет архиеп. Димитрий болел уремией, сильно изматывавшей его, особенно во время разъездов по линии КВжд для сбора средств на содержание организованных им благотворительных учреждений.

Из Харбина архиеп. Димитрий выехал 29 сентября 1946 г. в сопровождении своего келейника иеромонаха Иосифа (Павлова), 23 октября прибыл в Москву и вскоре перенес операцию, к нему вернулся голос и уже на Рождество он мог

Харбин. Здание главного вокзала Китайской Восточной железной дороги

служить, о чем сообщил в единственном письме, переданном детям в Харбин[325].

Согласно свидетельству внука, владыка Димитрий привез с собою в советскую Россию списки похищенных большевиками на станциях и в иных населенных пунктах по линии КВжд граждан с целью добиваться выяснения их судьбы. Списки эти были доставлены архиепископу Димитрию с линии КВжд после того, как выяснилось его намерение ехать в Советскую Россию. Сохранилось и документальное свидетельство, что, поправив здоровье, владыка Димитрий требовал от митрополита Григория (Чукова) содействия в назначении на кафедру, поскольку намеревался вернуться к активной церковной работе в России.



58

37

дный Комиссариат Внутренних Дел СССР

Отдел Актов Гражданского Состояния

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о смерти № 245.

Место штампа

Гр. Вознесенский Николай Федорович

фамилия имя и отчество

умер (ла) 31/I-1947 г. Тридцать первого января тысяча девятьсот сорок седьмого года

прописью и цифрами год, число и месяц

книге записей актов гражданского состояния о смерти за

числа февраля м-ца произведена соответ-

запись под № 245

Место смерти: город Лен-град, селение Ленинский, район, область, с/совет

причина смерти Аденома предстательной железы

1 II 1947 г.

Зав. Бюро ЗАГС

Делопроизводитель

Свидетельство о смерти архиепископа Димитрия. 1947 г. Архив С.-Петербургской епархии

По-видимому, все эти действия были пресечены сразу же и держащийся столь независимо архиепископ был вопреки своей воле определен на покой в Псково-Печерский монастырь, куда выехал 7 января 1947 года.

По свидетельству внука владыка Димитрий сильно простудился при переезде на телеге от станции Печоры до монастыря, однако выехать в Москву для продолжения лечения ему не позволили.

23 января 1947 года Печерским районным отделом МВД Псковской области Николаю Федоровичу Вознесенскому выдан был «5 годичный паспорт сер.[ии] I-ЖР № 508182»[326].

«29/I-47 г. в 11 ч. 30 м. был доставлен с вокзала сантранспортом, прибывший из Пскова, с направлением Псковского Облздравотдела – Архиепископ ВОЗНЕСЕНСКИЙ Николай Федорович, 78 лет, для консультации и специального лечения, как страдавший гипертрофией предстательной железы с надлобковым свищем мочевого пузыря.

Больной при поступлении находился в тяжелом состоянии.

Больной был сейчас же осмотрен дежурным врачом терапевтом и тут же консультирован с специалистом урологом, после чего были сделаны соответствующие лечебные процедуры и назначения.

Больной был помещен в малую палату 4-го отделения. Обеспечен был специальный уход и установлено особое наблюдение за выполнением всех лечебных процедур.

Несмотря на все принятые меры – состояние больного оставалось тяжелым и прогрессивно ухудшалось, о чем был извещен Ленинградский митрополит Григорий, который посетил больного незадолго до смерти – утром 31/I -47 г.

Вскрытие трупа скончавшегося было произведено 1 февраля в прозекторской больницы под руководством проф. Вайль С.С., в присутствии Глав.[ного] врача больницы и лечивших врачей.

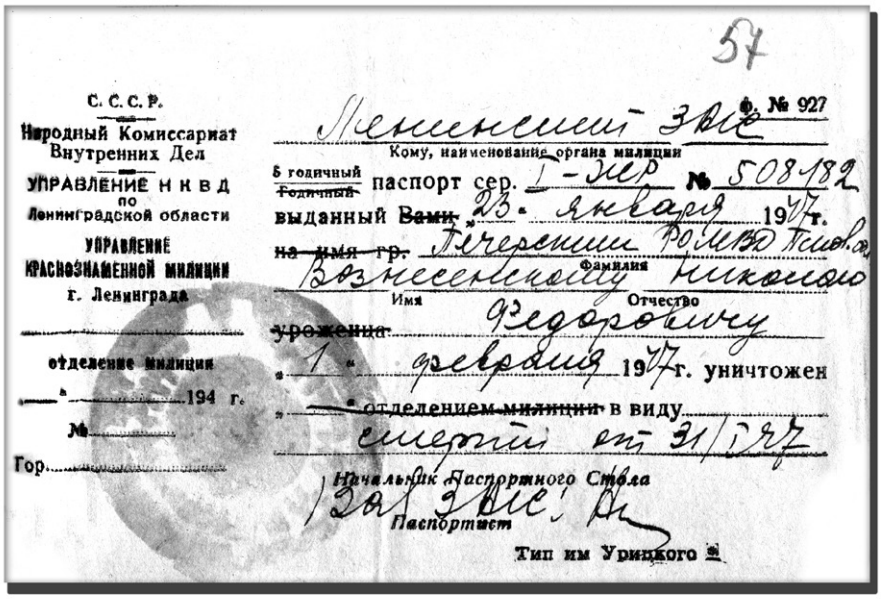
Подробный протокол вскрытия направлен в Больничное Управление Ленгорздравотдела.

ГЛАВВРАЧ БОЛЬНИЦЫ; Заслуж.[енный] врач РСФСР /ВИНОГРАДОВ И.П./ [подпись]»[327].

Достаточно распространенная в России и заграницей версия об отравлении архиеп. Димитрия в Ленинграде пока не находит достаточного документального подтверждения. Впрочем, нельзя окончательно отказаться от более простой схемы событий, – возможно, его просто не спешили лечить…

1 февраля 1947 года было оформлено Свидетельство о смерти (за номером 245) Вознесенского Николая Федоровича, 78 лет, с указанием причины смерти «аденома предстательной железы»[328].

Документ об уничтожении паспорта, выданного 23 января 1947 года на имя Вознесенского Николая Федоровича (архиепископа Димитрия) и уничтоженного 1 февраля 1947 года. Архив С.-Петербургской епархии


57

С. С. С. Р.
Народный Комиссариат Внутренних Дел
УПРАВЛЕНИЕ Н К В Д по Ленинградской области
УПРАВЛЕНИЕ КРАСНОЗНАМЕННОЙ МИЛИЦИИ г. Ленинграда
отделение милиции
"..." 194 г.
№
Гор.

Ф. № 927
Ленинский ЗАГС
Кому, наименование органа милиции
5 годичный ~~Годичный~~ паспорт сер. I-МР № 508182
выданный ~~Вами~~ "23" января 1947 г.
~~на имя гр.~~ Вознесенскому Николаю Федоровичу
Фамилия Имя Отчество
~~уроженца~~
"1" февраля 1947 г. уничтожен
"..." ~~отделением милиции~~ в виду смерти от 31/I 947
Начальник Паспортного Стола
Паспортист
Тип им Урицкого

Отпевали владыку Димитрия (Вознесенского) 2 февраля 1947 года в Ленинграде, в Николо-Богоявленском соборе. Чин отпевания его совершали митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (до монашества – протоиерей Николай Чуков, один из учредителей Петроградского Богословского института) и епископ Ювеналий (Килин), бывший Цицикарский, успевший приехать на погребение из Москвы[329,330].

В тот же день, 2 февраля, архиепископа Димитрия похоронили на Георгиевском Больше-Охтинском кладбище в Ленинграде, справа от кладбищенского Никольского храма331. Над могилой его высится светло-синий деревянный крест...

Несколько позже, выходивший в Лондоне журнал «Жизнь Церкви» поместил заметку под заголовком «Архимандрит Филарет»: «После занятия Маньчжурии советскими властями, как известно, вся Церковь этой некогда церковно процветавшей области, перешла в подчинение Московского патриархата. Единственным представителем духовенства отказавшимся подчиниться Патриарху явился архимандрит Филарет, сын епископа Хайларского, преосвященного Димитрия. Отец Филарет сравнительно молодой священнослужитель, 43 лет, приобретший общую любовь и почитание всего церковного харбинского населения, всегда отличался аскетичностью и ярким красноречием»[332]. Архимандрит Филарет будет продолжать дело своего родителя: его проповедь непримиримости в борьбе со злым безбожием и резкое обличение маскирующих это безбожие неразумных или просто недостойных представителей духовенства будет услышана уже не только в русском рассеянии, но и в советской России. В 1964 году митрополит Филарет (Вознесенский) станет третьим по счету Первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей.

Т. А. Богданова (Российская Национальная Библиотека)
А. К. Клементьев (СПб Институт Истории Российской Академии Наук)
С.-Петербург, июнь 2007.

А.М. Мелентьев

Могила архиепископа Димитрия
на Большеохтинском Георгиевском кладбище в С.-Петербурге

Материалы к указателю сочинений протоиерея Н. Ф. Вознесенского, с 1934 года епископа Хайларского Димитрия*:

1.Как преобразовать наши духовные училища и семинарии: (Со стороны учебных курсов). Харьков. 1906. 70 с.
2.Христианская благотворительность в условиях нашего времени. Харьков 1909. 58 с. [Впервые напечатано в: «Вера и разум», (Харьков), 1909. № 13-14].
3.Разбор трагедии Л. Андреева «Анатэма» с положительно-христианской точки зрения (В пользу Благовещенского братства пресвятой Богородицы). Благовещенск, 1910. 60 с.
4.Слово, произнесенное в день Тезоименитства Его Императорского Высочества, Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексия Николаевича (5 октября 1910 г) // Благовещенские епархиальные ведомости». 1910. №19-20, 15 октября -1ноября; 1910. № 19-20, 15 октября-1 ноября. С. 275-279.
5.Слово на день 19 февраля 1911 года. По случаю исполнившегося пятидесятилетия со дня освобождения крестьян от крепостной зависимости // Благовещенские епархиальные ведомости. 1911. № 5, 1 марта. Отдел неофициальный. С. 86-89.
6.О задачах и целях деятельности Братства Пресвятыя Богородицы // Благовещенские епархиальные ведомости. 1915. № 2, 15 января. С. 37-46.
7.Речь в годичном собрании членов Благовещенского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества // Благовещенские епархиальные ведомости. 1916. № 19-20, 1-15 октября.
8.Лекции по методике Закона Божия // Благовещенские епархиальные ведомости. 1915. №1. С.4-19; №3. С. 59-69; №4. С. 91-98; №5. С. 137-144; №6. С. 181-186; №8. С. 211-220; №9. С. 245-259; №11. С. 297-305; №12. С. 327-333; №13. С. 350-357; №14. С. 376-384; №15. 405-421; №17. С. 457-464; №18. С. 487-499; №19. С. 517-532; №20. С. 549-560; №21. С. 573-587; №22. С. 601-616; №24. С. 657-667.
10.История русской церкви. Харбин, 1921 [два издания с подзаголовками: Учебник 5-го класса и Учебник для 6 класса гимназий и 3 класса высших начальных училищ]. 118+IV. То же, 2-ое изд. Харбин, 1935. 82 с.
11.Краткие сведения из истории христианской церкви (Курс IV отделения начальной школы). Харбин. 1921. 37 с.
12.История православной христианской церкви. От основания церкви до разделения церквей в 1054 г. Составил Н. Вознесенский по учебнику Дм. Дмитриевского. Харбин, 1922. 109+II с. То же, 2-ое изд. Харбин, 1936. 124 с.
13.Христианская жизнь. Учебный курс по православно-христианскому нравоучению. Харбин, 1924[?]. 112 с.
14.О судьбе человека // Вера и жизнь. 1925. № 6-7 (август-сентябрь). С. 30-39.
15.Плюсы и минусы Харбинской православно-церковной жизни // Вера и жизнь. 1925. № 4 (июнь). С. 64-77; № 6-7 (август-сентябрь). С. 79-88. (Подписано: П. Н. В.).
16.Покаянный акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице. [С приложением Молитвы ко Пресвятой Богородице]. Напечатано в Богородице-Владимирском Женском Монастыре. San Francisco. 1980. [I]+[II]+22 с.
17.Православно-христианское богослужение. Учебник для гимназий, реальных и высших начальных училищ. Харбин, 1926. 113 с.
18.Христианская жизнь. Учебник для 6-го класса гимназий и реальных училищ. Харбин, 1925. 171 с. То же, 2-ое изд. Харбин, 1927. 142 с.
19.Христианское мировоззрение. Учебный курс для старших классов гимназий и реальных училищ. Шанхай, 1921. 241 с. То же, [Харбин], 1921. 224 с. То же, 2-ое изд. (переработанное и сокращенное). Харбин, 1927. 175 с.
20.Катехизис. (Учебник 4-го класса). Харбин, 1930 [?]. 55 с.
21.Краткий молитвенник для учащихся русской православной школы. Харбин, 1931[?].
22.Краткий православный христианский катехизис. (Курс 4-го класса гимназий и реальных училищ). Харбин, 1931. 60 с.
23.Воскресенье или суббота? (Ответ адвентистам). Харбин, 1932 [?]. 76 с.
24.Православная русская проповедь. (Лекции по гомилетике на Харбинских богословских курсах). Харбин, 1937 [?] 109 с.
25.Сокращенный православный христианский катехизис. Харбин, 1938. 81 с. То же. Омск, 1991 (репринт). То же. Наяк, США 2001.
26.Приснопамятный протоиерей о. Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский. Харбин, 1933. 72 с.
27.Слово о. Архимандрита Димитрия при наречении его во епископа Хайларского // Хлеб Небесный. 1934. № 7. С. 14-19.
28.«Все средства хороши» [По поводу освещения диспута с униатами 23-30 апреля 1934 г. на страницах русского «Католического вестника» № I-II 1934 и умышленного сокращения в отчете о диспуте текста, излагающего содержание выступления еп. Димитрия] // Хлеб Небесный.1934. № 12. С. 16-18.
29.Апокалипсис в перспективе XX века. Харбин, 1935. 254 с.
30.Детский молитвослов. Харбин, 1935. 100 с.
31.Детский молитвослов, с простейшими разъяснениями текста молитв. Харбин, 1935. 83 с.
32.Вынужденное разъяснение // «Православная Русь». 8 февр. 1936. № 3. С. 4-6.
33.Имей правило в молитвах своих // Хлеб Небесный. 1936. № 7. С. 24-27.
34.Святая Земля // Хлеб Небесный. 1936, № 4; № 5 (сентябрь). С. 8-10. То же // Китайский Благовестник. 1936, октябрь. С. 10-12; ноябрь. С. 8-14.
35.Патриарх-миротворец // Русское Зарубежье Святейшему Патриарху ВАРНАВЕ, по случаю 25-летия епископского служения. Новый Сад, 1936. С. 25-31.
36.Отчет о поездке к сирийским христианам Индии, Димитрия Епископа Хайларского // Хлеб Небесный. 1937, январь, приложение. С. 1-8; № 2(10), февраль, приложение. С. 1-4.
37.Дружный отпор насильникам нашей религии. Слово епископа Димитрия на всерелигиозном собрании 7 февраля // Хлеб Небесный. 1937. № 3. С. 16-17.
38.Памяти великого друга России // «Хлеб Небесный». 1937. № 8. С. 22.
39.Домашний молитвослов (для усердствующих). Вечернее и утреннее правило. Молитвы по кафизмам. Молитвы прот. В. Добровольского. Правило ко Св. Причащению и Молитва Св. Амвросия Медиоланского. Харбин, 1937. 148 + II с. То же, 2-ое издание, исправленное и дополненное. Харбин, 1943. 347 с.
40.Жизнь студенческая в Московской Духовной Академии за мое время (1893-1897 г. г.) // Хлеб Небесный. 1939. № 1. С. 4-7.
41.Новогодние думы // Хлеб Небесный. 1939. № 1. С. 19-21.
42.Псалтирь. (Что такое представляет собой она для верующего человека) // Хлеб Небесный. 1939. № 2. С. 15-18.
43.Пасхальный привет // Хлеб Небесный. 1939. № 4. С. 8-9.
44.И. К. Сурский. Отец Иоанн Кронштадтский. Белград, 1938. [Рецензия] // Хлеб Небесный. 1939. № 7. С. 75.
45.Слово на день преподобных [Сказано 12 июня на день Онуфрия Великого и Петра Афонского] // Хлеб Небесный. 1939. № 8. С. 8-9.
46.Долг и мерность (К 50-летнему юбилею Высокопреосвященнейшего архиепископа Мелетия) // Хлеб Небесный. 1939. № 10. С. 10-12.
47.Псалтирь протолкованная. (а – со вводными замечаниями пред каждым псалмом; б – параллельными текстами, славянским и с ним согласованным русским, и в – разъяснениями более трудных и важных мест по стихам) [предварительная публикация начала книги «Протолкованная Псалтирь»] // Хлеб Небесный. 1940. № 4. С. 11-18.
48.Пасхальное поздравление // Хлеб Небесный. 1940. № 5. С. 9.

* Часть указанных нами изданий отражена в библиографическом указателе: *Bakich, Olga*. Harbin Russian Imprints: bibliography as history, 1898-1961. Materials for a definitive bibliography. N. Y., Paris, [s.d.]. P. 340-341, 344-345.

49.Чудо Воскресения Христова // Православная Русь. 1940. № 8, 15 апреля. С. 2-4.
50.Беседа на день Рождества Христова // Хлеб Небесный. 1941. № 1. С. 8-9.
51.«Моисей перед судом истории». А. А. Матвеев. Белград. 1939. Т. 1-й, стр. 1-304. [Рецензия] // Хлеб Небесный. 1941. № 2. С. 56-59.
52.1-я беседа на пассии // Хлеб Небесный. 1941. № 3. С. 19-26.
53.Беседа на неделю Святой Пасхи // Хлеб Небесный. 1941. № 4. С. 9-12.
54.Беседа-слово на день Святой Троицы // Хлеб Небесный. 1941. № 5. С. 47-50.
55.«Тайна Голгофской Жертвы» (Свящ. М. И. Медведев. Шанхай. 1940) [Рецензия] // Хлеб Небесный. 1941. № 6. С. 60-67.
56.Мысли православного богослова по поводу книги прот. И. Шадрина – Отчего произошел раскол Русской церкви. Харбин. 1937 // Хлеб Небесный. 1941. № 9-10. С. 47-50.
57.Псалтирь Протолкованная. Т. 1. 76 псалмов, (10 кафизм) со вводным разъяснениями к ним, с дословным текстом по-славянски и согласованным с ним русским переводом, с объяснительными примечаниями по стихам. Харбин, 1941. 362 + III с.
58.Думы о наших днях и днях последних (С ночи на Пасху) // Хлеб Небесный. 1942. № 6. С. 4-14.
59.Отрадное явление // Хлеб Небесный. 1942. № 6. С. 4-14.
60.К изданию новой книги о жизни о подвигах старца схимонаха Парфения // Хлеб Небесный. 1943. № 3. С. 42-43.
61.Приветствие епископа Димитрия // Хлеб Небесный. 1943. № 4-5. С. 6.
62.Краткий молитвослов с простейшими разъяснениями текста молитв. Харбин, 1943. 98 с. русского текста + 27 с. китайского текста. [Это второе, пересмотренное автором издание Детского молитвослова 1935 г. – см. № 20].
63.Требник. Молитвослов для усердствующих. М., 1999.

Также, на основании работ владыки Димитрия Вознесенского, составлены были его сыном следующие пособия:

64.Филарет (Вознесенский Георгий Николаевич), игумен. Конспект по закону Божию. (По книге «Христианская жизнь» прот. Н. Вознесенского). Для 6 класса гимназий и реальных училищ. Харбин, 1936. 98 с.
65.Филарет (Вознесенский Георгий Николаевич), архимандрит. Краткий учебник по курсу православно-христианского вероучения для 6-ого класса гимназии и реальных училищ. (По книге прот. Н. Вознесенского «Христианское мировоззрение». Харбин, 1938. 98 с.
66.Филарет (Вознесенский Георгий Николаевич), архимандрит. Краткий учебник по курсу православно-христианского вероучения для 7-ого класса гимназии и реальных училищ. (По книге прот. Н. Вознесенского «Христианское мировоззрение»). Харбин, 1939. 160 с.
67.Филарет (Вознесенский Георгий Николаевич), игумен. Краткое догматическо-нравственное учение для христиан [По книге протоиерея Н. Вознесенского «Христианская жизнь». М., Московский Богородице-Рождественский монастырь, 1996. 149 с.].
68.Филарет (Вознесенский Георгий Николаевич), игумен. Конспект по нравственному богословию: (По книге «Христианская жизнь» прот. Н. Вознесенского). Уфа, 1991. 114 с. (Тираж 100 000 экз.). То же. М., Куйбышев. 1990. 111 с. (Тираж 35 000 экз.).

Примечания:

[1] Примером тому – статья в известном Словаре митр. Мануила (Лемешевского). См.: *Manuil (Lemeševskij), Metropolit*. Die russischen orthodoxen Bischöfe von 1893 bis 1965: Bio-Bibliographie. Teil III. Erlangen, 1984., а также необъяснимое отсутствие даже малейшего упоминания об архиепископе Хайларском Димитрии (Вознесенском), в течение почти четверти века являвшемся центральной фигурой в церковно-общественной жизни русской диаспоры Маньчжурии и Китая, а отчасти и всей Зарубежной церкви в работе *А. В. Попова* «Российское православное зарубежье» (М., 2005). Работою своей, изданною Институтом военного анализа (?!) в Москве, автор намеревался представить в целом историю развития церковной жизни в русском рассеянии после 1917 г.

[2] Аттестат об окончании Заиконоспасского Духовного училища // Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 229 (МДА). Оп. 4. Ед. хр. № 743. Л. 2. Список лиц, служащих в духовно-учебных заведениях Курской епархии за 1900 год [по семинарии в списке преподавателей] // «Курские епархиальные ведомости». 1900. № 34, 19-26 августа. С. 3. Послужной список священника Н. Ф. Вознесенского. – Государственный архив Харьковской области (ГАХО). Ф. – 40. Оп. 110. Ед. хр. № 1827. Л. 242 об.

В графе «Из какого звания происходит» указано «Из мещан». – Формулярный список о службе законоучителя 2го реального училища священника Николая Вознесенского. Составлен 15 сентября 1909 г. – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 757. Оп. 2. Ед. хр. № 172. Л. 1 об. Формулярный список заверен подписью директора Харьковского 2-го реального училища.

[3] Аттестат об окончании Заиконоспасского Духовного училища // Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 229(МДА). Оп. 4. Ед. хр. № 743. Л. 2.

[4] Формулярный список о службе… – РГИА ДВ. Ф. 757. Оп. 2. Ед. хр. № 172. Л. 1 об.

[5] Там же.

[6] *Димитрий, епископ.* Жизнь студенческая в Московской Духовной Академии за мое время (1893–1897 г.г.) // «Хлеб Небесный». 1939. № 11. С. 4-7.

[7] Там же. С. 5.

[8] *Димитрий, епископ*. «Тайна Голгофской жертвы». (Свящ. М. И.

Медведев. Шанхай. 1940 г.) // «Хлеб Небесный». 1941. № 6. С. 60-61.
[9] *Димитрий, епископ*. Жизнь студенческая в Московской Духовной Академии за мое время (1893–1897 г.г.) // «Хлеб Небесный». 1939. № 11. С. 4-5.
[10] Там же. С. 6.
[11] Слово о. Архимандрита Димитрия при наречении его во епископа Хайларского // «Хлеб Небесный». 1934. № 7. С. 14.
[12] Там же. С. 15.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] К примеру, в той же словарной статье митр. Мануила: *Manuil (Lemeševskij), Metropolit*. Die russischen orthodoxen Bischöfe… Teil. III.
[17] См.: Журналы заседаний Совета Московской Духовной Академии за 1898 год. Сергиев Посад, 1899. С. 9-15. Из приложенной справки следует, что «В среднем выводе за все четыре года академического курса Вознесенский имеет балл выше 4» // Там же. С. 15.
[18] См.: Журналы заседаний Совета Московской Духовной Академии за 1898 год. Сергиев Посад, 1899. С. 9-15.
[19] Там же. С. 10.
[20] Там же.
[21] Там же. С. 14.
[22] Там же. С. 11.
[23] Там же. С. 14-15.
[24] Там же. С. 15.
[25] Послужной список… – ГАХО. Ф. – 40. Оп. 110. Ед. хр. № 1827. Л. 242 об.
[26] Преосвященный Димитрий, епископ Хайларский // «Церковная жизнь». 1940. № 8. С. 121-122. Согласно Послужному списку в должность он вступил еще 23 июня 1898 г. (Послужной список… – ГАХО. Ф. – 40. Оп. 110. Ед. хр. № 1827. Л. 242 об.), согласно Формулярному списку о службе «определен на должность» 23 июля 1898 г. (РГИА ДВ. Ф. 757. Оп. 2. Ед. хр. № 173. Л. 1 об., 3).
[27] Формулярный список о службе… – РГИА ДВ. Ф. 757. Оп. 2. Ед. хр. № 173. Л. 2 об.-3; Преосвященный Димитрий, епископ Хайларский // «Церковная жизнь». 1940. № 8. С. 122.
[28] Список лиц, служащих в духовно-учебных заведениях Курской епархии… // «Курские епархиальные ведомости». 1900. № 34, 19-26 августа. С. 3.
[29] «Слово о. Архимандрита Димитрия при наречении его во епископа Хайларского» // «Хлеб Небесный». 1934. № 7. С. 15.
[30] *Вознесенский Н. Ф*. Как преобразовать наши духовные училища и семинарии? (Со стороны учебных курсов). Харьков, 1906. С. 2.
[31] Послужной список… – ГАХО. Ф. – 40. Оп. 110. Ед. хр. № 1827. Л. 243.
[32] Там же. Л. 243 об.
[33] Формулярный список о службе… – РГИА ДВ. Ф. 757. Оп. 2. Ед. хр. №. 172. Л. 2 об.
[34] *Вознесенский Н. Ф.* Как преобразовать наши духовные училища и семинарии? (Со стороны учебных курсов). Харьков, 1906. 70 с.
[35] Письмо свящ. Н. Ф. Вознесенского Н. Н. Глубоковскому от 12 сентября 1908 г. – ЦГИА СПб Ф. 2162. Ед. хр. № 9. Л. 14 об.
[36] *Вознесенский Н. Ф.* Как преобразовать… С. 65.
[37] Там же. С. 67.
[38] Там же. С. 39.
[39] Там же. С. 34.
[40] Там же. С. 30.
[41] Там же. С. 26.
[42] Там же.
[43] Там же. С. 28.
[44] Там же. С. 3.
[45] Епископ Лаврентий и сам писал по вопросам реформы духовных школ. См.: «По поводу преобразования духовно-учебных заведений» в «Православном обозрении» за 1863 год, № 10.
[46] Послужной список… – ГАХО. Ф. – 40. Оп. 110. Ед. хр. № 1827. Л. 243 об. Согласно другому источнику от духовно-учебной службы его уволили 19 февраля 1904 г. См.: Преосвященный Димитрий, епископ Хайларский // «Церковная жизнь». 1940. № 8. С. 121-122.
[47] Формулярный список о службе… – РГИА ДВ. Ф. 757. Оп. 2. Ед. хр. №. 172. Л. 3 об. Преосвященный Димитрий, епископ Хайларский // «Церковная жизнь». 1940. № 8. С. 121-122. См. также: РГВИА. Ф. 784 (Сумский кадетский корпус, 1904 г.). Оп. 1. Ед. хр. № 1.
[48] Формулярный список о службе… – РГИА ДВ. Ф. 757. Оп. 2. Ед. хр. №. 172. Л. 4 об.
[49] Послужной список… – ГАХО. Ф. – 40. Оп. 110. Ед. хр. № 1827. Л. 243 об. – 244 об. Формулярный список о службе… – РГИА ДВ. Ф. 757. Оп. 2. Ед. хр. №. 172. Л. 4 0б. – 5. Слово о. Архимандрита Димитрия при наречении его во епископа Хайларского // «Хлеб Небесный». 1934. № 7. С. 15. Согласно другому источнику «Священство о. Николай принял 28 июня 1905 г.». – Преосвященный Димитрий, Епископ Хайларский // «Церковная жизнь». 1940. № 8. С. 122. Полагаем, что это указание могло явиться результатом опечатки.
[50] Послужной список… – ГАХО. Ф. 40. Оп. 110. Ед. хр. № 1827. Л. 243 об.
[51] Там же. Назначен в эту должность он был 18 августа 1898 г. определением Курского Епархиального начальства (Там же. Лл. 242 об., 243 об.).
[52] Там же. Л. 243 об.
[53] Творения владыки Арсения объединены в «Собрание слов и речей […] говоренных в разных местах его служения». Т. 1, 2 (кн. 1 и 2), Харьков, 1908; Т. 3 (кн. 1 и 2), Харьков, 1909; Т. 5, Харьков, 1912. Также см.: *Фомин П. Г.* Высокопреосвященный Арсений, архиепископ Харьковский и Ахтырский. Харьков, 1912.
[54] Послужной список… – ГАХО. Ф. – 40. Оп. 110. Ед. хр. № 1827. Л. 244 об.
[55] Формулярный список о службе… – РГИА ДВ. Ф. 757. Оп. 2. Ед. хр. №. 172. Л. 5 об.-6.
[56] Послужной список… – ГАХО. Ф. – 40. Оп. 110. Ед. хр. № 1827. Л. 244 об.
[57] Там же.
[58] Там же.
[59] Формулярный список о службе… – РГИА ДВ. Ф. 757. Оп. 2. Ед. хр. №. 172. Л. 5 об.-6.
[60] Письмо свящ. Н. Ф. Вознесенского Н. Н. Глубоковскому от 12 сентября 1908 г. – ЦГИА СПБ. Ф. 2162. Ед. хр. № 9. Л. 14 об.
[61] Там же. Л. 15.
[62] Там же.
[63] Формулярный список о службе… – РГИА ДВ. Ф. 757. Оп. 2. Ед. хр. №. 172. Л. 6 об-7.
[64] Увольнение произведено предложением Попечителя Харьковского Учебного округа от 12 сентября 1909 г. за № 18914. (Формулярный список о службе… – РГИА ДВ. Ф. 757. Оп. 2. Ед. хр. №. 172. Л. 6 об.-7).
[65] Формулярный список о службе… – РГИА ДВ. Ф. 757. Оп. 2. Ед. хр. № 172. Л. 1 об.
[66] Там же. Л. 7, 8.
[67] Слово о. Архимандрита Димитрия при наречении его во епископа Хайларского» // «Хлеб Небесный». 1934. № 7. С. 16.
[68] В 1911 году исполнялось 25 лет деятельности братства, которое скромно отмечалось 25 марта в здании Соборной школы. Протоиерей Н. Ф. Вознесенский зачитал отчет и представил исторический очерк деятельности Братства. См.: Отчет о деятельности Благовещенского Православного Братства Пресвятыя Богородицы за 1910-1911 год // «Благовещенские епархиальные ведомости». 1911. № 15, 1 августа. С. 252-261; № 16-17, 15 августа и 1 сентября. С. 314-328; Отчет за 1911-1912 год // «Благовещенские епархиальные ведомости». 1913. № 1, 1 января. С. 2-16; № 2-3, 15 января и 1 февраля. С. 20-21.
[69] «Благовещенские епархиальные ведомости». 1909. № 16-17, 1 сентября-1 ноября. С. 169.
[70] Там же. 1911. № 4-5, 15 февраля-15 марта. С. 84.
[71] Там же. 1912. № 3-4, 1-15 февраля. Отказ от редакторства, по-видимому, был вызван конфликтом с работниками типографии, где печатались «Ведомости». Забастовка служащих типографии

задержала выход первых номеров издания.

[72] Там же. 1909. № 20, 18 декабря. С. 297.

[73] *Вознесенский, свящ. Н.* Христианская благотворительность в условиях нашего времени. Харьков, 1909. С. 56. Первоначально опубликована в харьковском журнале «Вера и разум». 1909. № 13-14.

[74] В пользу Благовещенского братства пресвятой Богородицы. Благовещенск, 1910. (В Российской Национальной библиотеке сохраняется экземпляр с автографом автора: «В редакцию уважаемого журнала „Церковный вестник“. 16. VIII. 1910». Книга отмечена штемпелем библиотеки СПБДА и сохранила на титульном листе прежний шифр: L-3516. На стр. 3 сделана запись, возможно принадлежащая автору: «Со сокращениями [sic!], читано на религиозно-нравственных чтениях для интеллигенции в г. Благовещенске [далее часть текста и даты обрезаны при переплете] февраля 1910 года».

[75] «Благовещенские епархиальные ведомости». 1911. № 3-4, 1-15 февраля. С. 75.

[76] Отчет Благовещенского Православного Братства Пресвятыя Богородицы // «Благовещенские епархиальные ведомости». 1915. № 4, 15 февраля. С. 111.

[77] См.: № 1. С. 4-19; № 3. С. 59-69; № 4. С. 91-98; № 5. С. 137-144; № 6. С. 181-186; № 8. С. 211-220; № 9. С. 245-259; № 11. С. 297-305; № 12. С. 327-333; № 13. С. 350-357; № 14. С. 376-384; № 15. 405-421; № 17. С. 457-464; № 18. С. 487-499; № 19. С. 517-532; № 20. С. 549-560; № 21. С. 573-587; № 22. С. 601-616; № 24. С. 657-667.

[78] Там же. № 1. С. 5, 6.

[79] Перепечатка статьи из «Рижских епархиальных ведомостей» // «Благовещенские епархиальные ведомости». 1911. № 2, 15 февраля. С. 35-40.

[80] Там же. С. 40.

[81] *П. В.* Слово, произнесенное в день Тезоименитства Его Императорского Высочества, Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексия Николаевича (5 октября 1910 г.) // «Благовещенские епархиальные ведомости». 1910. № 19-20, 15 октября-1 ноября. С. 275-279.

[82] Там же. С. 277, 278-279.

[83] Слово на день 19 февраля 1911 года. По случаю исполнившегося пятидесятилетия со дня освобождения крестьян от крепостной зависимости // Там же. 1911. № 5, 1 марта. Отдел неофициальный. С. 86-89.

[84] Там же. С. 89.

[85] Там же.1910. № 23-24, 15 декабря.

[86] См.: Отчет за первый год существования // Там же. 1912. № 1-2, 1-15 января. С. 1-9.

[87] *Сумароков Е.* XX лет Харбинской Епархии. 1922-1942. Харбин, 1942. – Серафимовская народная столовая. С. 84.

[88] От причта и церковного старосты Благовещенского Кафедрального собора // «Благовещенские епархиальные ведомости». 1912. № 1-2, 1-15 января. С. 12-15.

[89] Новый епископ Евгений прибыл в Благовещенск 18 сентября в 11 часов ночи поездом железной дороги и 19 сентября вступил в исполнение своих обязанностей // Там же. 1914. № 18, 15 сентября. Извещение на отдельном листе.

[90] Прощание духовенства и паствы Благовещенской епархии с преосвященным Евгением, назначенным епископом Костромским и Галичским // Там же. № 16-17, 15 августа и 1 сентября С. 208-210.

[91] Там же.

[92] См.: *Вознесенский прот. Н.* О задачах и целях деятельности Братства Пресвятыя Богородицы // Там же. 1915. № 2, 15 января. С. 37-46.

[93] Там же. 1915. № 19, 15 октября. С. 151.

[94] *Вознесенский прот. Н.* Речь в годичном собрании членов Благовещенского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества // Там же. 1916. № 19-20, 1-15 октября. С. 211. С 1 сентября 1915 г. о. Николай состоял делопроизводителем Благовещенского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества.

[95] *Вознесенский прот. Н.* О задачах и целях деятельности Братства Пресвятыя Богородицы // Там же. 1915. № 2, 15 января. С. 43.

[96] Там же. С. 41.

[97] Слово о. Архимандрита Димитрия при наречении его во епископа Хайларского // «Хлеб Небесный». 1934. № 7. С. 16.

[98] Там же. С. 17.

[99] Преосвященный Димитрий, Епископ Хайларский // «Церковная жизнь». 1940. № 8. С. 122. По-видимому часть прежних прихожан о. Н. Вознесенского не считали его отъезд в Харбин окончательным. Во всяком случае, в заседании группы обновленческого духовенства Благовещенска 1 ноября 1923 г. приводится «заявление священника Александра Преображенского о конспиративном собрании приверженцев Тихоновщины, противников нового церковного движения, имевшем место 28 октября 1923 года в здании бывшей духовной Семинарии при участии духовенства и мирян.[…] на котором, между прочим обсуждался вопрос об избрании на Благовещенскую кафедру епископа; […] кандидатами назывались Протоиерей Николай Вознесенский и Топор[ков]» (Государственный архив Амурской области. Ф. Р-643 Благовещенское епархиальное управление, оп. 1, ед. хр. № 1, л. 4 об.).

[100] *Пономарев Николай, протоиерей.* Христианство на Дальнем Востоке. Кандидатское сочинение по истории стран Дальнего Востока студента IV курса Богословского факультета Института Святого Владимира протоиерея Николая Варсонофьевича Пономарева. Харбин. 1937 Машинопись. С. 258 и сл. Библиотека Православной Духовной Семинарии. Джорданвилль.

[101] Личное дело Филарета Николаевича Вознесенского № 14080. 3-й ОТДЕЛ Бюро по делам Российских Эмигрантов в Маньчжурской Империи. (Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830. Оп. 3. Ед. хр. 2571. Л. 5).

[102] Там же. Л. 6 об.

[103] Там же. Л. 4 об., 6 об.

[104] Там же. Л. 5 об.

[105] Харбин, 1921. Эти издания вышли с подзаголовками: Учебник 5-го класса и Учебник для 6 класса гимназий и 3 класса высших начальных училищ. 118+IV.

[106] Составил Н. Вознесенский по учебнику Дм. Дмитриевского. Харбин, 1922. 109+II с.

[107] Сведения о Харбинской Епархии // Православный настольный календарь на 1929 г. Харбин. С. 40. См. также: *Онипкин прот. А.* Краткие исторические сведения о церковной жизни в полосе отчуждения Кит. Вост. жел. дороги // «Вера и Жизнь» (Харбин). 1925. № 4. С. 55-64; *П. Н. В.* Плюсы и минусы Харбинской нравственно-церковной жизни // Там же. № 4. С. 64-77; № 6-7. С. 79-88.

[108] *Сумароков Е.* XX лет Харбинской Епархии. 1922-1942. Харбин, 1942. – Образование епархии, с. 15-16.

[109] Там же. С. 16.

[110] Там же.

[111] Сведения о Харбинской Епархии // Православный настольный календарь на 1929 г. Харбин. С. 40.

[112] Жизнь в Харбине. Беженцы. [Сведения за декабрь 1920] // «Руль» (Берлин). 1921. № 63, 1 февраля (19 января). С. 4.

[113] Там же.

[114] До этого, со дня основания храма в 1907 г., настоятелем состоял протоиерей С. Д. Брадучан. Об Иверским храме см.: *Иверский Е.* В Иверском приходе // «Хлеб Небесный». 1939. № 11. С. 71-76; здесь же помещена и фотография храма. Согласно описанию, «С внешней стороны Иверская церковь принадлежит к типу древне-ярославских храмов. Высота с крестом до 16 сажен. Площадь, занимаемая храмом, 71 кв. саж. Храм семиглавый – увенчанный крестами, сделанными нижними чинами Окружной кузницы Заамурского Округа. Главный крест в середине, весит 18 пудов; в него были вставлены зеркала – теперь от времени выпавшие. Колокола были куплены на деньги, собранные иеромонахом Гурием; главный колокол весит 38 пудов» (*Иверский Е.*, С. 71). Храм сохранился и сегодня является украшением г. Харбина.

[115] Храм был заложен 27 мая 1907 г., 3 июня 1908 г. освящен малым

освящением по благословению архиепископа Владивостокского Евсевия (Никольского † 1922). В 1916 г. расписан и вновь освящен архиепископом Евсевием и викарным епископом Никольско-Уссурийским Павлом (Ивановским, † 1919). Строительство каменного храма обошлось в 60 тысяч рублей…

[116] Обзор состояния Харбинской епархии на 1 октября 1939 г. // «Хлеб Небесный». 1939. № 10. С. 83.

[117] *Иверский Е.* В Иверском приходе… С. 72. На С. 73 – групповая фотография членов приходского совета во главе с епископом Димитрием.

[118] *Падерин Н., священник.* Церковь Твою утверди: Из воспоминаний о церковной жизни Харбина. Сан-Паулу, 1967. Цит. по: Русский Харбин. М., 1998. С. 29. Также см.: Двадцатипятилетний юбилей Св.-Иверской церкви. Харбин, 1932. 16 с.

[119] Всего вышло 11 номеров: в 1925 №№ 1-7 и в 1926 №№ 1-4.

[120] *Мефодий архиепископ*. О знамении обновления святых икон // «Вера и жизнь». 1925. № 4, июнь. С. 1-31. № 6-7, август-сентябрь. С. 1-28; (29)-(70).

[121] То же // «Вера и Жизнь». 1925. № 6-7, август-сентябрь. С. 67-68.

[122] [Прот. Н. Ф. Вознесенский]. Покаянный акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице. San Francisco, 1980. Обложка, с. 2. Акафист был (пере)издан в 1980 г. в Богородице-Владимирском Женском Монастыре в Сан-Франциско. Первое издание (если таковое выходило) осталось нам недоступно.

[123] Церковные ведомости. 1926. № 3-4. С. 3.

[124] Библиография // «Хлеб Небесный». 1935. № 2. С. 28.

[125] Там же.

[126] Там же.

[127] *Сумароков Е.* XX лет Харбинской Епархии. 1922-1942. Харбин, 1942. – Вопрос об организации попечительства о бедных духовного звания. С. 44.

[128] Там же. – Серафимовская народная столовая. С. 84.

[129] Там же.

[130] Там же.

[131] Там же. С. 84-85.

[132] *Троицкая С. С.* Харбинская епархия ее храмы и духовенство. Издание Н. И. Дмитровского-Байкова. Брисбен, 2002. С. 11.

[133] Там же. С. 86.

[134] Там же.

[135] Там же.

[136] Там же. С. 87.

[137] *Троицкая С. С.* Харбинская епархия ее храмы и духовенство. Издание Н. И. Дмитровского-Байкова. Брисбен, 2002. С. 12.

[138] *Сумароков Е.* XX лет Харбинской Епархии. 1922-1942. Харбин, 1942. – Серафимовская народная столовая. С. 87.

[139] *Падерин Н., священник.* Церковь Твою утверди: Из воспоминаний о церковной жизни Харбина. Сан-Паулу, 1967. Цит. по: Русский Харбин. М., 1998. С. 29.

[140] Там же. С. 88.

[141] Там же. С. 75. Здесь же – фотография здания Серафимовской столовой.

[142] *Троицкая С. С.* Харбинская епархия ее храмы и духовенство. Издание Н. И. Дмитровского-Байкова. Брисбен, 2002. С. 11-12.

[143] «Хлеб Небесный». 1928. № 16, июнь. С. 17.

[144] Там же.

[145] *Сумароков Е. Н.* Харбинская епархия в прошлом и настоящем // «Хлеб Небесный». 1942. №. 6. С. 31.

[146] *Там же.* С. 32, 33.

[147] Церковный настольный календарь на 1929 г. [Приложение к журналу «Хлеб Небесный»] С. 42.

[148] В 1933 г. с обширным разъяснением позиции Церкви в отношении деятельности Христианского Союза Молодых Людей (Y. M. C. A.) выступил и архиепископ Мелетий, сменивший митрополита Мефодия на Харбинской кафедре. (Мелетий, архиепископ. Ответ на волнующий вопрос // «Хлеб Небесный». 1933. № 7, 1-31 июля. С. 17-20. Он призвал родителей, чьи дети в силу обстоятельств посещали учебные заведения, находившиеся в ведении Y. M. C. A., с особою тщательностью оберегать их от религиозного индифферентизма и заботиться об их воспитании в традициях православной веры.

[149] Вестник Русского студенческого христианского движения. 1927. № 6.

[150] Церковные ведомости. 1927. № 13 и 14 (128-129), 1(14)–15 (28) июля. С. 6-7.

[151] Там же. С. 7.

[152] Там же.

[153] *Сумароков Е. Н.* Харбинская епархия... С. 36.

[154] *Сумароков Е. Н.* Харбинская епархия в прошлом и настоящем // «Хлеб Небесный. 1942. №. 5. С. 34-35.

[155] Там же. С. 35. Там же приводится программа курсов.

[156] Там же. С. 35.

[157] Там же. С. 35.

[158] Там же. С. 36.

[159] Десятое Харбинское Епархиальное собрание // «Хлеб Небесный». 1932. № 7. С. 26.

[160] Первый выпуск Харбинских Богословских Курсов // «Хлеб Небесный». 1931. № 10, 1-31 октября. С. 31-32. Здесь же (С. 31) помещена фотография группы выпускников и преподавателей.

[161] *Сумароков Е. Н.* Харбинская епархия в прошлом и настоящем // «Хлеб Небесный». 1942. №. 5. С. 36.

[162] Там же.

[163] Незадолго до отъезда из Харбина архим. Василий (Павловский) завершил работу над очерком биографии и трудов митрополита Антония (Храповицкого). Скончался архиепископом Потсдамским и Венским в 1945 году.

[164] Послание Митрополита Киевского и Галицкого Антония – православному населению Дальнего Востока // «Царский вестник». 1930. № 76, 26 (13) января, воскресенье. С. 1.

[165] В июне 1946 году он был назначен экзархом Московской Патриархии в Восточной Азии и именовался митрополитом Харбинским и Восточно-Азиатским. См. о нем: *Караулов В. А., Коростелев В. В*. Поборник церковного единения (К 40-летию со дня блаженной кончины митрополита Нестора) // «Русская Атлантида» (Челябинск). 2002. № 8. С. 37-50.

[166] *Нафанаил (Львов), архиепископ.* Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви. Т. III. Н.-И., 1992. С. 81.

[167] Два церковных торжества // «Хлеб Небесный». 1929. № 2. С. 28-29.

[168] Благоприятное отношение русских жителей Маньчжурии к созданию нового государства не обошли молчанием даже советские газеты, подробно описывавшие коронацию нового Императора, и отмечавшие, что «с особым интересом к провозглашению монархии в Манчжоу Го относятся русские белогвардейцы на Дальнем Востоке». (Известия. Коронация Пу И // № 53 (5301). 3 марта 1934, суббота. С. 1.), и что 2 марта на банкетах «присутствовали все лидеры местных белогвардейских организаций, в частности архиепископ Мелетий, генералы Кислицын, Вержбицкий, Бакшеев и др., которые выступали с приветствиями и клятвами преданности молодому государству» (Харбинские белогвардейцы присягают Пу И // Известия. № 55 (5303). 5 марта 1934, понедельник. С. 1.). также см.: Подготовка коронации Пу И // Известия. № 52 (5300). 1 марта 1934, четверг. С. 2; *Карл Радек*. Коронация Пу И. (Причины восстановления династии Цин японской военщиной) // № 53 (5301). 3 марта 1934, суббота. С. 2. Подобные материалы поместила и «Правда»: *Гартман.* Чанчуньская комедия // № 60 (5946). 2 марта 1934, пятница. С. 4. Харбинские белогвардейцы выслуживаются // № 63 (5949). 5 марта 1934, понедельник. С. 4.

[169] Сообщение о предстоящем торжестве было помещено в июньском номере журнала «Хлеб Небесный». Здесь же названы духовники о. Димитрия – архимандриты Ювеналий (Килин) и Арсений. См. Наречение и хиротония во епископа о. Архимандрита Димитрия // «Хлеб Небесный». 1934. № 6, 1-30 июня. С. 30.

[170] Там же. Эти же иерархи совершили накануне чин наречения архим. Димитрия во епископа.

[171] Слово, произнесенное ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИМ МЕЛЕТИЕМ, Архиепископом Харбинским и Маньчжурским // «Хлеб

Небесный». 1934. № 7. С. 21-22.

[172] Слово, произнесенное ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИМ МЕЛЕТИЕМ, Архиепископом Харбинским и Маньчжурским // «Хлеб Небесный». 1934. № 7. С. 21-22.

[173] *Гурьев прот. В.* Богословский факультет Института Св. Владимира // «Хлеб Небесный». 1939. № 11. С. 55, здесь же – фотография здания Епархиального Совета.

[174] Правление и администрация Института Святого Владимира в г. Харбине // «Хлеб Небесный». 1934. № 12. С. 26-27. Правление было избрано в составе: Заместитель председателя – декан Восточно-экономического факультета А.П. Хионин, секретарь – Б.П. Гаршин, казначей – К.П. Михайлов, действительными членами стали прот. А. Пономарев, присяжный поверенный В.Ф. Иванов, декан Политехнического факультета инженер Д.А. Борейко, П.С. Маркизов, Е.Н. Литвинова, А. Е. Грачев, И. В. Кулаев.

[175] Открытие Института Святого Владимира в г. Харбине // «Хлеб Небесный». 1937. № 11. С. 21.

[176] «Хлеб Небесный». 1938. № 10. С. 24. Очерк биографии его см.: *Богданова Т. А., Клементьев А. К.* Жизнь и труды протоиерея Тимофея Ивановича Лященко, в монашестве Тихона, архиепископа Берлинского // Православный Путь. Церковно-богословско-философский ежегодник. Джорданвилль, 2006. С. 101-198. *Клементьев А. К.* Жизнь и труды протоиерея Тимофея Ивановича Лященко, в монашестве Тихона, архиепископа Берлинского (в его переписке с проф. Н.Н. Глубоковским) // Рукописное наследие деятелей отечественной культуры XVIII-XXI вв. СПб, 2007. С. 106-118.

[177] В последний день Епархиального съезда 20 мая 1938 года он был избран делегатом на Собор. Кроме о. Василия Павловского в число представителей от Харбинской епархии вошли архиепископ Мелетий, Епархиальный Миссионер и член Собора 1918 г. прот. Аристарх Пономарев, предводитель русских фашистов К. В. Родзаевский и еще два священника и пятеро мирян. См.: Хроника. Епархиальный съезд // «Хлеб Небесный». 1938, июнь. № 6. С. 18.

[178] Свято-Сергиевский Православный Богословский Институт еще с 1925 года функционировал в Париже. По мысли Митрополита Евлогия (Георгиевского) – воспитанника Московской Духовной Академии и одного из создателей Института – деятельность нового учреждения предполагалось развивать именно в рамках традиций МДА.

[179] Там же. С. 55.

[180] *Сумароков Е.* Рассадники духовного просвещения // «Хлеб Небесный». 1939 № 11. С. 41; *Гурьев прот. В.* Богословский факультет… С. 55, 56.

[181] *Сумароков Е.* Рассадники духовного просвещения… С. 41.

[182] Курс обучения рассчитан был на 4 года. Плата за обучение составляла 80 гоби в год. Желающие поступить на факультет приглашались обращаться по адресу: Харбин, Епархиальный Совет, Пристань, Водопроводная 73 // «Хлеб Небесный». 1938. № 10. Обложка.

[183] Устав Общества ревнителей православного образования // «Хлеб Небесный». 1939. № 5. С. 64.

[184] *Гурьев прот. В.* 10-летие Братства имени Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова // «Хлеб Небесный». 1944. № 9-10. С. 46.

[185] *Димитрий, епископ.* Об издательской работе Братства // Там же. С. 45-46.

[186] *Логунов П., секретарь Братства*. Братство им. св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова в Харбине, при Богословском Факультете Института св. Владимира // «Хлеб Небесный». 1938. № 9. С. 22-23.

[187] Годовое Собрание Братства им. Св. Апостола и Евангелиста ИОАННА БОГОСЛОВА при Богословском Факультете // «Хлеб Небесный». 1939. № 7. С. 53-54.

[188] *Выговский В.* Памяти деятельного члена Братства св. Иоанна Богослова и первого студента Трехречья Н. И. Патрина // «Хлеб Небесный». 1939. № 6. С. 46.

[189] Хроника // «Хлеб Небесный». 1937. № 7. С. 29-30.

[190] Харбинская духовная семинария // «Хлеб Небесный». 1939. № 1. С. 46.

[191] *Сумароков Е. Н.* Харбинская епархия в прошлом и настоящем // «Хлеб Небесный». 1942. № 5. С. 39, 40.

[192] Приобретение собственного дома для духовной семинарии // «Православная Русь». 1940. № 7, 1 апреля. С. 6.

[193] Монастырь был основан в 1924 г. в Харбине в Гондаттиевском поселке. 8/21 июля монастырь торжественно отмечал свой храмовый праздник иконы Божией Матери «Казанская». 4-17 августа 1934 г. исполнялось 10-летие существования монастыря и, накануне праздника, всенощное бдение совершил новопоставленный епископ Димитрий. См.: Храмовый праздник в обители // «Хлеб Небесный». 1934. № 8. С. 29.

[194] *Сумароков Е. Н.* Харбинская епархия в прошлом и настоящем // «Хлеб Небесный». 1942. №. 6. С. 37.

[195] В статье об о. Диодоре Колпинском в томе II Католической энциклопедии (М., 2005) сведения о его трудах на благо Православной Церкви попросту опущены. Неоднократные попытки одного из авторов этих строк убедить редакторов Энциклопедии дополнить сведения об о. Диодоре столь существенными подробностями успеха не имели… – *А. К.*

[196] *Около-Кулак, прелат А*. От редакции и издательства «Китеж». [Здесь же помещен фотопортрет о. Д. Колпинского, с. 65] // «Китеж». 1929. № 4-8, апрель-август. С. 66. Отметим здесь, что «Китеж», прекратившийся в марте 1931 года, до сего дня остался лучшим русским католическим периодическим изданием.

[197] *Колпинский, о. Д.* Русское католичество на Дальнем Востоке // «Китеж». 1931. № 1, январь-март. С. 35-36.

[198] Крошечная русская католическая община в Харбине к 1931 году не превышала 100 человек. Там же. С. 35.

[199] *Димитрий, епископ*. Все средства хороши // «Хлеб Небесный». 1934. №. 12. С. 16-17.

[200] Там же. С. 18.

[201] *Мелетий, архиепископ; Нестор, архиепископ; Димитрий, епископ.* Окружное послание Дальневосточный Архипастырей православным русским христианам, по поводу постановления Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола Митрополита Сергия Московского, от Июня 22 дня 1934 года // «Хлеб Небесный». 1934. № 9. С. 17.

[202] Там же. С. 24.

[203] Там же.

[204] *Димитрий*, *епископ*. Грехи Парижской прессы в вопросе о смуте в Заграничной Русской Церкви // «Хлеб Небесный». 1934. № 9. С. 22-23.

[205] Архиерейский собор в 1934 году // «Хлеб Небесный». 1935, 1-31 января. № 1. С. 21.

[206] Призыв Русских Архиереев Зарубежных к американским (?) // «Православная Русь». 1934. № 15, 1 августа. С. 4.

[207] Торжественная хиротония во Епископа Синцзянского Настоятеля Мужского Монастыря в Харбине Архимандрита Ювеналия // «Хлеб Небесный». 1935, 1-31 марта. №. 3. С. 7-8.

[208] Там же. С. 8, 15. Групповой фотоснимок их помещен на с. 21.

[209] *Сумароков Е. Н.* Харбинская епархия в прошлом и настоящем // «Хлеб Небесный». 1942. №. 6. С. 34.

[210] *Нестор, архиепископ*. Часовня-памятник памяти Венценосных Мучеников в г. Харбине. Харбин, 1936. Цит. по: *Фомин С.* Апостол Камчатки митрополит Нестор (Анисимов). М., 2004. С. 363.

[211] *Дубаев М. Л.* Харбинская тайна Рериха. М., 2001. С. 171. Цит. по: *Фомин С.* Апостол Камчатки… С. 227.

[212] Всего состоялось четыре заседания: 18/31 октября, 27 октября/9 ноября, 1/14 ноября). Протоколы Совещания опубликованы в журнале «Церковная жизнь» (1935. № 11 и 12. С. 164-175).

[213] Возлюбленной во Христе русской православной пастве в рассеянии сущей. [Обращение митрополитов Антония, Евлогия, Феофила, Анастасия и епископа Димитрия, принятое 6/19 ноября 1935 года по итогам архиерейского Совещания. Приложение: Протоколы [№№ 1-4] Совещания под председательством Его Святейшества Святейшего Патриарха Варнавы по вопросу об установлении мира и единства в русской православной Церкви заграницей. Новый Сад, Б. г. [1936]]. С. 2.

[214] Протоколы Совещания опубликованы в журнале «Церковная

жизнь» (1935. № 11 и 12. С. 164-175).
[215] Там же.
[216] *Димитрий, епископ*. Памяти великого друга России // «Хлеб Небесный». 1937. № 8. С. 22.
[217] Там же. С. 5-6.
[218] Там же. С. 14.
[219] Там же. С. 8.
[220] Там же.
[221] Там же. С. 11, 13.
[222] Там же. С. 14.
[223] Там же. С. 14.
[224] Там же. С. 14.
[225] Там же. С. 2-3.
[226] Там же. С. 3.
[227] «Хлеб Небесный». 1936. № 3. С. 43-45.
[228] Издание П. Т. Беляева. Харбин, 1936. IV + 124 с. Все сведения об издании приведены на последней, четвертой странице обложки.
[229] Там же, с. III.
[230] *Димитрий, епископ*. Отчет о поездке к сирийским христианам Индии, ДИМИТРИЯ Епископа Хайларского // Приложение к журналу «Хлеб Небесный». 1937. № 9 (январь). С. 1.
[231] *Димитрий, епископ*. Святая земля // «Китайский благовестник». 1936. Октябрь. С. 11-12.
[232] *Димитрий, епископ*. Святая земля // «Китайский благовестник». 1936. Ноябрь. С. 9-12.
[233] *Димитрий, епископ*. Отчет о поездке к сирийским христианам Индии, ДИМИТРИЯ Епископа Хайларского // Приложение к журналу «Хлеб Небесный». 1937. № 9 (январь). С. 2.
[234] Там же.
[235] Там же. С. 7.
[236] *Димитрий, епископ*. Отчет о поездке к сирийским христианам Индии, ДИМИТРИЯ Епископа Хайларского // Приложение к журналу «Хлеб Небесный». 1937. № 10 (февраль). С. 2.
[237] Там же. С. 1.
[238] Там же. С. 3.
[239] Там же. С. 1, 2.
[240] *Димитрий, епископ*. Отчет о поездке к сирийским христианам Индии, ДИМИТРИЯ Епископа Хайларского // Приложение к журналу «Хлеб Небесный». 1937. № 9 (январь). С. 4. Информация о пребывании епископа Димитрия в Индии также приведена на страницах «Православной Руси» (1936, № 12, 15 июля, С. 5).
[241] Определения Общего Архиерейского Собора Русской Православной Церкви заграницей, состоявшегося в Сремских Карловцах с 2/15 по 16/29 сентября 1936 г. // «Церковная жизнь». 1936. № 12. С. 186. Постановлениями Архиерейских Соборов 1937 и 1938 гг. для учреждения Православной Миссии в Малабаре были назначены архиепископ Нестор (Анисимов) и архимандрит Нафанаил (Львов), которые осенью 1938 г. посетили Индию. Последнему принадлежат воспоминания о посещении Южной Индии и Цейлона: *Нафанаил, архимандрит*. Записки Цейлонского Мисионера // «Хлеб Небесный». 1939. № 3. С. 34-40; № 4. С. 28-32 и сл. О посещении ими Индии и малой успешности их деятельности писал и пребывавший в то время в Коломбо *архимандрит Андроник (Елпидинский)*. См.: Из годового отчета православного миссионера в Индии, от. Архимандрита Андроника за 1938 г. [Отчет завершен 1 февраля 1939г.] // «Хлеб Небесный». 1939. № 3. С. 40-42; № 4. С. 33-37. Он так отзывался о посетителях: «Сын бывшего Обер-прокурора Св. Синода от. Нафанаил – очень способный на языки – хорошо говорит по-английски, вообще владеет речью и пером, имеет живой, общительный характер, благодаря чему он на месте в таком крепком центре, как Коломбо, но у него нет закалки характера, практичности, монашеской школы, благодаря чему возникают некоторые затруднения с прихожанами. […] Архиепископ Нестор делает доклады об Индии и Цейлоне на Дальнем Востоке, отец Нафанаил в копиях на пишущей машинке продолжает информировать чуть не полсвета. На месте же мне рисуются такие нужды и возможности: Архиепископу Нестору сюда ехать трудно и не следует. Отцу Нафанаилу нужен хотя бы один сотрудник, прежде всего как псаломщик» [№ 4. С. 34-35]. См. также «Православная духовная миссия в Коломбо // «Православная Русь». 1938. № 2, 20 ноября. С. 6.
[242] «Хлеб Небесный». 1938. № 10. С. 14-15.
[243] Там же. С. 15.
[244] Архимандрит Андроник (в мире Андрей Елпидинский, † 1959) – родился в Петрозаводске, учился в СПБ Духовной Академии, офицером участвовал в Первой мировой войне, затем жил в Финляндии, Германии и Франции (работал электротехником). Пострижен в монашество в Париже и был настоятелем храма в Бельфоре. Митрополитом Евлогием (Георгиевским) был направлен миссионерствовать в Индию, о чем написал воспоминания («Восемнадцать лет в Индии». Буэнос-Айрес, 1959. 360 с.). Скончался в США настоятелем Свято-Тихоновского монастыря в Пенсильвании. (Некролог его, написанный *прот. А. Ионовым*, см. в «Новом русском слове», № 17088 от 1 января 1960). К о. Андронику присоединился и схимонах Константин (Гештовт), бывший вольноопределяющийся Дикой дивизии (в эмиграции служивший актером-статистом в Голливуде), затем подвизавшийся некоторое время на Св. Горе Афон. Схимонах Константин поселился в дикой местности на высокой горе, населенной дикими животными. По окрестностям часто перемещался на полученном в подарок небольшом самолете, при аварии которого и погиб.
[245] *Андроник, архимандрит*. Восемнадцать лет в Индии. Буэнос-Айрес, 1959. Глава V.
[246] Из далекой Индии. Годовой отчет православного миссионера в Индии от. Архимандрита Андроника за 1938 г. // «Церковный вестник Западноевропейской епархии». 1939. № 4-5. С. 25.
[247] Издание II. Издание П. Т. Беляева. Харбин. 4 год Кан-Дэ [1937-1938]. 82 + II с. С. 3.
[248] Сведения об издании приведены там же, на четвертой странице обложки.
[249] Духовное торжество в честь св. Равноапостольного Князя Владимира в г. Харбине // «Хлеб Небесный». 1934. № 8. С. 36.
[250] Там же.
[251] См.: *Нестор, архиепископ*. Братство Святой Руси имени св. кн. Владимира (идеология и организация). Харбин, б. г. [1934]. Святая Русь. С. 1-11. *Нафанаил, игумен*. Братство святой Руси. Там же. С. 13-16.
[252] *Нафанаил, игумен*. Братство святой Руси. Там же. С. 13.
[253] Там же. С. 14.
[254] *Василий, архимандрит*. Единый фронт против безбожников // «Хлеб Небесный». 1937. № 3. С. 2.
[255] *Василий, архимандрит*. День исповедания веры в Бога и неделя борьбы с безбожием // «Хлеб Небесный». 1937. № 3. С. 1-2.
[256] Дружный отпор насильникам нашей религии // «Хлеб Небесный». 1937. № 3. С. 17.
[257] «Хлеб Небесный». 1937. № 3. С. 45.
[258] Создана Православная Комиссия по международной борьбе с безбожием // «Хлеб Небесный». 1937. № 3. С. 49.
[259] Там же.
[260] Там же.
[261] Комиссия по борьбе с безбожием приступила в работе // Там же. С. 50.
[262] Против безбожия (хроника) // «Хлеб Небесный». 1937. № 4. С. 21. В этом же номере приводилась статистика жертв красного террора за 19 лет существования советской власти. Называлась цифра – более 40 млн. человек, в том числе 26777 священников, 7560 профессоров, 9000 врачей, 94800 офицеров, более 1 млн солдат. С 1921 по 1932 г. было разрушено 125 храмов. (Там же. С. 21).
[263] «Хлеб Небесный». 1937. № 4. С. 26.
[264] Против безбожия. Два доклада Еп. Димитрия // «Хлеб Небесный». 1937. № 7. С. 20.
[265] «Союз защитников Веры в Бога» выработал свой устав // «Хлеб Небесный». 1937. № 6. С. 21.
[266] Против безбожия. Призыв Епископа ДИМИТРИЯ к эмигрантской молодежи, окончившей среднюю школу // «Хлеб Небесный». 1937. № 5. С. 23.

[267] Там же. С. 23-24.
[268] *Василий, архим.* Светлой памяти митр. Петра Крутицкого. Местоблюстителя Всероссийского Патриаршего Престола // «Хлеб Небесный». 1937. № 6. С. 4-5. Слово пред панихидою архим. Василия, см.: Там же. В «Хлебе Небесном» была опубликована (за подписью – А. С.) статья: Митрополит-Исповедник. (Краткая биография Митрополита Петра Крутицкого) // «Хлеб Небесный». 1937. 7. С. 24-26.
[269] *Е. С.* Владимирские торжества в г. Харбине // «Хлеб Небесный». 1938. № 8, август. С. 3-4.
[270] Там же. С. 5-12.
[271] «Хлеб Небесный» 1938. № 10. С. 24. В 1938 г. в состав Харбинской епархии входили: 19 храмов в самом г. Харбине, 17 храмов по Западной линии КВжд, 5 храмов в Трехречье, 13 храмов по Восточной линии, 4 храма по Южной линии, 1 храм в г. Сахаляне, Скорбященская церковь при «Доме Милосердия» в Модягоу, состоявшая в непосредственном ведении архиеп. Нестора, 3 храма Пекинской Духовной Миссии (один – в Харбине, один – в г. Маньчжурия и один – Казанско-Богородицкая церковь в г. Хайларе), а также три храма вне пределов Маньчжурской Империи: один – в г. Кобе (в Японии), один – в Северной Корее и один – на о. Ява (в Нидерландской Индии). («Хлеб Небесный». 1938. № 12, декабрь. С. 47-49).
[272] «Православная Русь». 1939. № 23, 1 декабря. С. 6.
[273] «Православная Русь». 1940. № 6, 15 марта. С. 6.
[274] О попытках японской военной администрации распространить почитание этой языческой богини среди русских эмигрантов и трагических последствиях этих усилий подробно рассказано в книге *Дьяков И. А.* О пережитом в Маньчжурии за веру и отечество. Сергиев Посад, 2000. 103 с.
[275] По мнению архиепископа Нестора Анисимова доклад этот в силу своей сложности и непонятности для японцев «не достиг своей цели и возбудил только злобу и неприязнь японцев к русскому духовенству» – *Хайларов, диакон Иоанн*. Харбинские архиереи и поклонение Аматерасу в Маньчжурской Империи // «Китайский благовестник». М., 2000. № 2. С. 23. Текст документа «Основные положения Православной веры» приведен в книге *Санников В.* Под знаком восходящего солнца в Маньчжурии. Сидней. 1990. С. 105-107, а также в статье *Разжигаева Н. П.* Трагическая судьба Благовещенского храма в Харбине // «Русская Атлантида». Челябинск. 2001. № 5. С. 30-31.
[276] Оценки поведения владыки Нестора в этом случае расходятся. По мнению одних он занимал в этом вопросе «наиболее бескомпромиссную позицию» – *Караулов А. К., Коростелев В. В.* Поборник церковного единения (к 40-летию со дня блаженной кончины митрополита Нестора) // «Русская Атлантида» (Челябинск). 2001. №. 8. С. 36-50. Согласно другому мнению, подлинные причины его неучастия в дальнейшем церковно-общественном сопротивлении насаждению культа языческой богини «заключались, вероятно, в несогласии с тем, *как* пытались решать эту проблему» – *Фомин С.* Апостол Камчатки… С. 244. Здравствующий ныне М.М. Гинце, хорошо знавший митрополита Нестора, рассказывает:«Мы слышали, что якобы владыка Нестор был готов поставить статую Аматерасу по левую сторону при входе в Дом Милосердия как напоминание о том, что "японшки" её чтут. Повторю, что ни о каком потакании идолопоклонству с его стороны никогда не было и не могло быть и речи, а появление истукана на задах церкви было бы идентичным с другими японскими причудами, одним из многих примеров которых были ритуальные поклоны, которыми начинались все театральные представления в Харбине, и которые я описываю ниже.
[…]
Общественность привыкла к такого рода выходкам, и поэтому многие харбинцы с недоумением отнеслись к испуганной реакции со стороны значительного числа иерархов на благоглупость японцев с Аматерасу. Они не могли взять в толк, почему эти пастыри думали, что умные и закалённые в делах с тупыми захватчиками русские люди вдруг решат, что какой-то истукан встанет наравне с древней религией их пращуров.
Об отношение владыки Нестора к этой "буре в стакане воды" можно судить по тому, что он не участвовал в диспутах с японцами насчёт Аматерасу. Я абсолютно уверен, что он хотел дипломатично спустить эту историю "на тормозах", не переча властителям нашего обиталища, в руках которых была грубая сила. К сожалению, разгоревшееся противостояние открыло путь к проникновению большевиков в дела Православной Церкви в Маньчжурии.
[…]
Я лично считаю, что иерархи попались на удочку не столько из-за ***"свободы церковной жизни"***, сколько от стремления "защититься" от Аматерасу путём присоединения к Московской Патриархии. Это им удалось, но наивнее обращения к большевикам за помощью, честно говоря, не придумаешь. Только представить себе: идти за помощью к христопродавцам, зверски убившим за четверть века до этого царскую семью, включая больного кроткого цесаревича, к извергам, за несколько лет до этого уничтожавшим храмы, замучившим десятки тысяч священнослужителей и в самый момент обращения к ним за помощью использовавшим рабский труд миллионов оставшихся в живых верующих и священников в дьявольском ГУЛАГЕ! Нет, невозможно это понять...
Дело с Аматерасу закончилось так же быстро, как и началось; японцы отступили, но тиски Москвы остались…» (*Гинце М.М.* Мои воспоминания о православных священнослужителях в Маньчжурии в 1930-х – 50-х годах. Цитируется по рукописи. Опубликовано в: «Русская Атлантида». № 27, 2007. С. 6-7).
[277] *Сидоренко В.* Русский Харбин. Впечатления и воспоминания // «Русская мысль». 1972. № 2885, 9 марта (четверг). С. 5.
[278] *Поликарп (Горбунов), архимандрит.* Воспоминания о приснопамятном Владыке Мелетии // «Православный путь». Церковно-богословско-философский ежегодник. Приложение к журналу «Православная Русь». Jordanville. 1963. С. 49-51. Архиепископ Нестор подписал это обращение 21 декабря 1944 г.
[279] *Троицкая С. С.* Харбинская епархия ее храмы и духовенство. Брисбен, 2002. С. 18-19.
[280] Там же. С. 19.
[281] *Чакиров, протодиакон Н.* [Предисловие к Домашнему молитвослову для усердствующих, составленному епископом Димитрием]. Тайвань, б. д. С. [II]. То же отмечается и в статье, помещенной в «Словаре» митрополита Мануила (Лемешевского): «С покойным митрополитом Мелетием проявил особенную ревность к защите веры православной, ведя войну против принуждения японцами русских людей поклоняться богине Аматерасу, не взирая на угрозы и репрессии со стороны японской администрации» // *Manuil (Lemeševskij), Metropolit*. Die russischen orthodoxen Bischöfe… Teil III. S. 36.
[282] Цит. по: *Поликарп (Горбунов), архимандрит.* Воспоминания о приснопамятном Владыке Мелетии // «Православный путь». Jordanville. 1963. С. 49-51.
[283] *Там же.* С. 48-49.
[284] *Димитрий, епископ*. «Апокалипсис в перспективе XX-го века». Харбин. (Типография «Рекорд». Новоторговая, № 9).1935. [II]+II+ 254 с.
[285] *Димитрий, епископ.* Новогодние думы // «Хлеб Небесный». 1939. № 1. С. 19-21.
[286] Новый настоятель монастыря // «Хлеб Небесный». 1939. № 2. С. 53.
[287] Там же.
[288] *Иннокентий [Мельников], иеромонах* (и. д. Настоятеля монастыря). Престольный праздник и 15-летие Казанско-Богородицкого Мужского Монастыря // «Хлеб Небесный. 1939. 3 7. С. 55-63. В тексте помещен очерк истории монастыря и множество фотографий.
[289] На Дальнем Востоке // «Православная Русь». 1940. № 13, 1 июля. С. 6.
[290] Там же.
[291] *Димитрий, епископ.* Беседа на неделю Святой Пасхи // «Хлеб Небесный». 1941. № 4. С. 11.
[292] *Димитрий, епископ*. Псалтирь Протолкованная. Т. 1. 76 псалмов (10 кафизм) со вводными разъяснениями к ним, с дословным текстом по-славянски и согласованным с ним русским переводом, с объяснительными примечаниями по стихам. Харбин, 1941. Книга была издана Братством имени Св. Иоанна Богослова при Богословском

факультете Института Св. Владимира благодаря щедрому пожертвованию для Братства «от одного верующего патриота, живущего во Франции» (Там же. С. 12).

[293] *Димитрий, епископ*. Псалтирь. (Что такое представляет собой она для верующего человека) // «Хлеб Небесный». 1929. № 2. С. 18.

[294] *Димитрий, епископ*. Псалтирь Протолкованная. Т. 1. С. II, III. Цитируемое предисловие было прежде опубликовано в журнале «Хлеб Небесный». См.: *Димитрий, епископ*. Псалтирь протолкованная. (а – со вводными замечаниями перед каждым псалмом; б – параллельными текстами, славянским и с ним согласованным русским, и в – разъяснениями более трудных и важных мест по стихам) // «Хлеб Небесный». 1940. № 4, апрель. С. 11-18.

[295] *Сумароков Е.* Псалтирь протолкованная. Епископа Димитрия. Издание Б-ва Иоанна Богослова в г. Харбине. 1941 года // «Хлеб Небесный». 1941. № 6. С. 59.

[296] Там же. С. 6.

[297] Там же. С. 7.

[298] *Димитрий, епископ.* Мысли православного богослова по поводу книги прот. И. Шадрина – Отчего произошел раскол Русской церкви. Харбин. 1937 г. // «Хлеб Небесный». 1941. № 9-10. С. 47.

[299] Там же. С. 48.

[300] *Димитрий, епископ.* Думы о наших днях и днях последних. (С ночи на Пасху) // «Хлеб Небесный». 1942. №. 6. С. 4.

[301] *Кепинг К. Б.* Последние статьи и документы. СПб, 2003. С. 259.

[302] В книге приведены письмо владыки Виктора к митрополиту Никодиму Ротову (от 17 сентября 1963 г., с. 325-327), а также запросы самой К. Б. Кепинг, адресованные президенту Б. Н. Ельцину (от 14 января 1993 г., с. 323) и Патриарху Алексею (от 24 ноября 2002 г., с. 318-319) с просьбою разъяснить, что же стало с имуществом Миссии, переданным архиепископом Виктором Посольству СССР в Китае (о чем она точно знала от самого Владыки) и тем «разрушить заговор молчания вокруг Миссии и полностью восстановить эту страницу в истории Русской Православной церкви»… Ответа она так и не дождалась…

[303] *Димитрий, епископ.* Думы о наших днях и днях последних. (С ночи на Пасху) // «Хлеб Небесный». 1942. №. 6. С. 9.

[304] Сумароков Е.[Н.] XX-летие Харбинской епархии. Харбин, 1942. С. 86.

[305] *Чакиров, протодиакон Н.* Предисловие к Домашнему молитвослову для усердствующих, составленному епископом Димитрием. Тайвань, б. д. С. [II].

[306] *Димитрий [Вознесенский], епископ [Хайларский].* Домашний молитвослов для усердствующих. С. 3-27. Здесь же помещен прекрасный фотопортрет епископа Димитрия работы знаменитого в Харбине фотоателье В. П. Абламского.

[307] *Димитрий, епископ.* Молитвослов (для усердствующих). Епископ Димитрий. И[здательст]во Б[ратст]ва Иоанна Богослова. Харбин, 1943. Цена 5 гоби в переплете // «Хлеб Небесный». 1943. № 6 (сентябрь). С. 46-47.

[308] *Филарет, архимандрит*. Краткий молитвослов. Епископ Димитрий. И[здательст]во Б[ратст]ва Иоанна Богослова. Харбин. 1943 г. Цена 80 ф. // «Хлеб Небесный». 1943. № 6 (сентябрь). С. 47-48.

[309] *Вознесенский прот. Н.* Лекции по методике Закона Божия // «Благовещенские епархиальные ведомости». 1915. № 3. С. 66.

[310] *Димитрий, епископ.* Имей правило в молитвах своих // «Хлеб Небесный». 1936. № 7. С. 27.

[311] *Чакиров, протодиакон Н.* Предисловие к Домашнему молитвослову для усердствующих, составленному епископом Димитрием. Тайвань, б. д. С. [I].

[312] *Карсавин Л. П.* Об опасностях и преодолении отвлеченного христианства // «Путь» (Париж). 1927. № 6, января. С. 32.

[313] Письмо митр. Нестора (Анисимова) патриарху Алексею (Симанскому) между февралем и маем 1945 г. из Харбина в Москву // Вернувшийся домой. Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова). М., 2005. Т. II. С. 283-285.

[314] Письмо митр. Нестора (Анисимова) патриарху Алексею (Симанскому) от 14 сентября 1945 г. из Харбина в Москву // Вернувшийся домой. Т. II. С. 291.

[315] Вернувшийся домой. Т. II. С. 294.

[316] Письмо митр. Нестора (Анисимова) патриарху Алексею (Симанскому) [от 19 марта 1946 г.] из Харбина в Москву. // Вернувшийся домой. Т. II. С. 293. Крещенское водосвятие в Харбине всегда отличались особой торжественностью. Так в 1940 г. в крестном ходе участвовало «до тридцати тысяч человек православных русских, японцев, китайцев. На реке был воздвигнут десятиметровый крест изо льда и художественно красивый ледяной бассейн» («Православная Русь». 1940. № 4, 15 февраля. С. 6). Освящение воды совершали митрополит Мелетий, архиепископ Нестор и епископ Димитрий. Отметим, что в 1938 г., во время отсутствия архиеп. Мелетия в епархии в связи с участием его в работе Всезарубежного Церковного Собора, настоятель храма «Дома милосердия» архим. Филарет (Вознесенский) обратился к своему отцу, епископу Хайларскому Димитрию, временно управляющему Харбинской епархией с просьбой о включении этого храма «в обще-епархиальную жизнь» («Хлеб Небесный». 1938. № 10, октябрь. С. 24).

[317] Там же. С. 294.

[318] Там же.

[319] Не следует забывать, что уже традиционно, более четверти века именно православные пастыри оставались подлинными духовными руководителями русской Маньчжурии, особенно после передачи управления КВжд в руки большевиков…

[320] *П. Н. В.* Плюсы и минусы Харбинской православно-церковной жизни // «Вера и жизнь» (Харбин). 1925. №. 4. С. 71.

[321] Епископ Никандр покинет Харбин 27 февраля 1956 года, 8 марта будет назначен на Архангельскую кафедру, а 16 марта 1961 г. его переведут в Ростов на Дону, где он умрет 16 августа 1961 г.

[322] Материалы о хиротонии см.: «Хлеб Небесный». 1946. № 9-10.

[323] «Православная Русь». 1937, №17-18, 25 сентября. С. 8.

[324] Хроника церковной жизни. Дальний восток // «Церковная летопись». 1946. № 2, март-май. С. 44.

[325] С момента получения единственного письма от владыки Димитрия, переданного им в Харбин, его семья более не получала сведений о его жизни в советской России.

[326] Справка из управления НКВД по Ленинградской области об уничтожении 1 февраля 1947 г. паспорта Н.Ф. Вознесенского «в виду смерти от 31/I 47». (Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1, оп. 26 (5), д. 5, л. 57. Подлинник).

[327] Справка, выданная 1 февраля 1947 года из «Больницы в память 25 Октября» на наб. р. Фонтанки, дом № 158, за подписью И.П. Виноградова. Машинопись, угловой штамп больницы, подпись – автограф. (Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1, оп. 26 (5), д. 5, л. 32-32 об. Подлинник).

[328] Свидетельство о смерти М.Ф. Вознесенского. На типографском бланке (заполнено от руки). Подлинник. (Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1, оп. 26 (5), д. 5, л.58-58 об.).

[329] Актовая запись о регистрации за № 2620 от 2 февраля 1947 года захоронения, произведенного на Большеохтинском кладбище. (Там же. Свидетельство о смерти М.Ф. Вознесенского. Л. 58 об.).

[330] *Тарасов прот. Павел, настоятель Николо-Богоявленского собора*. Кончина и погребение архиепископа Димитрия // ЖМП. 1947. № 2. С. 4-6. В тексте прот. П. Тарасова допущено искажение – еп. Ювеналий назван отчего-то «бывшим Хайларским». Тут же опубликована речь епископа Цицикарского Ювеналия (Килина) при отпевании (С. 4-5). По свидетельству о. Серафима Гана владыка Ювеналий, приехав в Москву, «услышал о кончине архиепископа Димитрия […] и немедленно направился в Ленинград на его отпевание и погребение» – *Ган, свящ. Серафим*. Жизнеописание Архиепископа Цицикарского Ювеналия (Килина; † 1958) // Отдельный оттиск. С. 6.

[331] *Тарасов прот. П.* Кончина и погребение архиепископа Димитрия // ЖМП. 1947. № 2. С. 4-6

[332] На Дальнем Востоке. Архимандрит Филарет // «Жизнь Церкви». 1947. С. 33.

Новые документы Центрального Государственного архива С.-Петербурга об архиепископе Димитрии (Вознесенском)

Вх. № 28 58
16.12.46 г.

Секретно

экз. № 1

СОВЕТ ПО ДЕЛАМ
РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
при Совнаркоме Союза ССР
Совете Министров СССР
"9" декабря 1946 г.
№ 594/с
При ответе ссылаться на наш № и число.

Тел. Г 6-02-45

Получено 16/XII-46 г.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБЛИСПОЛКОМ
Уполномоченному Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР
тов. КУШНАРЕВУ
гор. Ленинград.

КОПИЯ: ПСКОВСКИЙ ОБЛИСПОЛКОМ.
Уполномоченному Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР
тов. ЛУЗИНУ
гор. Псков.

Совет ставит Вас в известность, что постановлением Патриарха и Священного Синода от 28/XI-1946 г. прибывший в Советский Союз из Маньчжурии архиепископ быв. Хайларский Димитрий Вознесенский назначен в ведение митрополита Ленинградского с местожительством в Псково-Печерском монастыре, с определением ему содержания от Ленинградской епархии, и он в ближайшее время прибудет в этот монастырь.

Для Вашего сведения Совет считает необходимым сообщить следующие данные об архиепископе Димитрии:

Архиепископ Димитрий /Николай Федорович Вознесенский/, 1871 года рождения, окончил Московскую духовную академию, в сане епископа с 1934 г., а в сане архиепископа - с 1945 г., архиепископ быв. Хайларский - быв. первый викарий Харбинско-Маньчжурской епархии, а последнее время являлся фактическим руководителем этой епархии.
Несмотря на свое присоединение к Московской Патриархии, архиепископ Димитрий, вследствие длительного нахождения заграницей, имеет не совсем правильное представление о положении церкви в СССР.
В Маньчжурии проживает его сын - архимандрит Филарет, который до сего времени не оформляет свой переход в Советское гражданство и настроен против Московской Патриархии.

Ставя об этом Вас в известность, Совет предупреждает, что в случае какого-либо обращения к Вам архиепископа Димитрия, Вам необходимо вести себя корректно, вежливо и осторожно. В нужном случае следует показать, что в СССР церковь отделена от государства декретом 1918 г., но верующим разрешается законом свободное отправление религиозных обрядов.
Ни в какой мере нельзя допускать в своих действиях, чтобы у него сложилось неправильное мнение, что органы власти в какой-то мере заинтересованы в церкви и что они вмешиваются в ее дела.

При обращении к Вам архиепископа Димитрия с теми или иными вопросами, - подробно информируйте Совет.

Зам. Председателя Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров /БЕЛИШЕВ/

Секретное указание Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР от 9.12.1946 в Ленинградский Облисполком и Псковский Облисполком упономоченным по делам Русской Православной Церкви об архиепископе Димитрии (Вознесенском). ЦГА СПб Ф. 9324, Оп. 3, Д. 9, Л. 58

К О П И Я

25-

Р.С.Ф.С.Р.

Отдел Здравоохранения
Ленингр.Облисполкома
и
Ленингр.Совета Р.К.и К.
Депутатов.
Больница в память 25 окт.
I/П-1947г.

С п р а в к а.

29/I-47г.в IIч:30м.был доставлен с вокзала сантранспортом, прибывший из Пскова, с направлением Псковского Облздравотдела – архиепископ ВОЗНЕСЕНСКИЙ Николай Федорович, 78 лет, для консультации и специального лечения, как страдавший гипертрофией предстательной железы с надлобковым свищем мочевого пузыря.

Больной при поступлении находился в тяжелом состоянии.

Больной был сейчас же осмотрен дежурным врачом терапевтом и тутже консультирован с специалистом урологом, после чего были сделаны соответствующие лечебные процедуры и назначения.

Больной был помещен в малую палату 4-го отделения. Обеспечен был специальный уход и установлено особое наблюдение за выполнением всех лечебных процедур.

Несмотря на все принятые меры – состояние больного оставалось тяжелым и прогрессивно ухудшалось, о чем был извещен ленинградский Митрополит ГРИГОРИЙ, который посетил больного незадолго до смерти – утром 31-го января 1947г.

Архиепископ ВОЗНЕСЕНСКИЙ скончался в 13 час.31/I-47г.

Вскрытие трупа скончавшегося было произведено I февраля в прозекторской больницы под руководством проф.ВАЙЛЬ.С.С. в присутствии Главн.врача больницы и лечивших врачей.

Подробный протокол вскрытия направлен в Больничное Управление Ленингр Горздравотдела.

ГЛАВВРАЧ БОЛЬНИЦЫ: Засл.врач РСФСР.
/ВИНОГРАДОВ.И.П./ подпись/

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ
Управляющий Ленинградской Епархией

Верно:

Секретарь Митрополита
Ленинградского и Новгородского
/протоиерей ПАВЕЛ ТАРАСОВ/

Копия справки о кончине архиепископа Димитрия (Вознесенского).
*ЦГА СПб Ф. 9324, Оп. 4, Д. 1, Л. 25. Заверенная копия**

Публикация М.В. Шкаровского

** В деле также хранится Протокол вскрытия тела Владыки архиепископа Димитрия (Вознесенского) от 1 февраля 1947 года (Ф. 9324, Оп.4, Д.1, Лл. 10-12. Заверенная копия).*

Из переписки митрополита Иринея (Бекиша) с митрополитом Филаретом (Вознесенским)

(ИЗ ГАЗЕТЫ «ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ»)

Письмо Митрополита Иринея

Блаженнейший Ириней
Архиепископ Нью-Йоркский
Митрополит Православной Церкви в Америке

Ваше Высокопреосвященство,

Ваше письмо от 31 января с. г. совершенно ясно показываетъ, что наше предложение: восстановить, прежде всего, молитвенное общение и, тем самым, положить начало изживанию церковных разделений, Вами отвергается. Отвергая его, Вы, однако, возлагаете ответственность, за это на нас: мое письмо к Вам Вы называете «заостренно полемичным» и «самим по себе свидетельствующим о том, как мало еще подготовлена почва для единства». Между тем, как все мое письмо сводилось к призыву и предложению дело сближения начать не с полемики, не со споров – а с молитвы и со стяжания ею благодатной помощи Божией. Позволю себе напомнить Вам мои слова: «...разделения наши, вызванные трагической неурядицей нашей эпохи, не оправдывают разрыва в молитве, и таинствах, и потому... именно в единстве в таинствах, соединяющих нас со Христом и в Нем — друг с другом, видим мы единственный путь к взаимному пониманию и примирению... Выход... один: в возврате к тому основному единству единству во Христе, которое, мы верим, не нарушено всеми этими разномыслиями, к освобождающей и возрождающей силе и радости совместной молитвы... Всякий иной путь, всякое иное начало будет, на деле, продолжением старого пути и приведет только к пущему обострению наших разногласий...»

Ваше Высокопреосвященство! Неужели же Вы, действительно, по совести, воспринимаете эти слова, как исполненные «заостренной полемичности»? А если так, то о чем, в этой атмосфере подозрительности и недоверия, будут наши разговоры? Как будем других осуждать за «жизнь по лжи», если, прежде всего, в самих себе не восстановим простой правды, и не откажемся от кривых путей? И как же, наконец, придем мы к этому, как не молитвой, не встречей друг с другом во Христе?

Митрополит Ириней

В Вашем изначальном обращении к нам мы расслышали решимость на, действительно, новый шаг, желание искать новых путей. И на это – с полной искренностью и готовностью, ответили двукратным предложением начать с исцеления самой страшной и соблазнительной из всех ран: разделение братьев по вере, по духу и по крови – у престола Божия. Для этого святого дела – не нужно никаких «предварительных выяснений». Напротив только она, только эта встреча во Христе, и тем самым – в единстве вселенской церкви, сделает и дальнейшие шаги – шагами по новому пути, а не мучительным топтанием все в том же безвыходном тупике. С братской во Христе любовью

Митрополит Ириней.

Ответ Митрополиту Иринею.

Его Высокопреосвященству
Митрополиту Иринею.

Ваше Высокопреосвященство!

Наша газетная переписка пришла в тупик и нет смысла ее продолжать. Но на Ваше последнее письмо я считаю нужным ответить.

Апеллируя к моей совести, Вы приводите выдержку из своего предыдущего письма и спрашиваете: где я вижу в ней «заостренную полемичность»? В этой выдержке – не вижу. Но Вы ведь не все свое письмо привели, Ваше Высокопреосвященство. В нем есть совсем другие мысли и выражения.

Упорно обходя главный разделяющий нас вопрос, Вы настойчиво призываете к молитвенному общению. Что и говорить – великою радостию было бы возобновление такого общения. Но начинать с него можно тогда, когда имеются несогласия личного характера. В этом случае дело ясно и просто: мир – и будем служить и молиться вместе. Но при разногласиях принципиального характера, согласно словам Св. Церкви – «возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы» – необходимо предварительное достижение такого единомыслия. И только тогда, когда оно достигнуто, радость такого достижения увенчивается совместною молитвою. Вспомните историческое совещание иерархов – митр. Евлогия, митр. Феофила, митр. Анастасия и еписк. Димитрия,

которое состоялось для обсуждения вопросов, касающихся именно церковных разделений – как и в настоящем случае. Тогда совещавшиеся иерархи не начали, а окончили свое совещание совместным служением.

И вообще, в истории Церкви совместного служения без единомыслия не бывало. Это – чисто экуменическое изобретение наших дней. «Любовь», понимаемая по экуменическому мудрованию, широко открывает всем и вся свои «любящие объятия», но эти объятия готовы насмерть задушить истинное Православие, похоронив его в груде неправославных мудрований. Ведь не напрасно Апостол любви говорит о том, что человека, неправо говорящаго об истине, не следует принимать в дом, ни даже приветствовать, ибо приветствующий его участвует в злых делах его...

Главный вопрос, разделяющий нас – вопрос о советской иерархии. Зарубежная Церковь признает ее законным и действительным возглавлением страдающей Церкви Российской только тогда, когда она со всею решительностью отвергнет позорную и страшную декларацию митрополита Сергия, сойдет с своего пагубного пути и станет па путь церковной Правды, открыто и бесстрашно ее защищая. Позорное пятно, должно быть смыто: А пока этого нет – она находится под «омофором» богоборческой власти, не смея без ее «благословения» ступит ни одного шага, особенно в своих действиях заграницей. Ведь – и ребенку ясно!

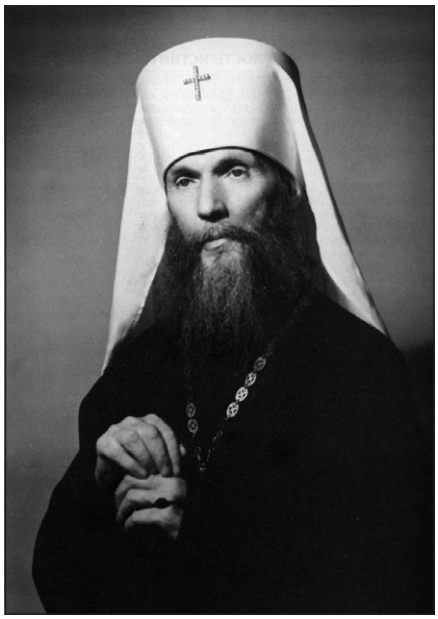
Здесь я прерываю свое письмо, чтобы привести дословно то, что сказал по данному вопросу Владыка Архиепископ Андрей Рокландский [Адриан Рымаренко, 1883-1978], который долгое время совершал свое пастырское служение в Советской России и хорошо знает все кошмары советской действительности. Владыка сказал следующее:

Митрополит Филарет и архиепископ Андрей (Рымаренко)

«Вспоминается мне один случай из жизни блаженной Ксении Петербургской. Она была особенно популярна, в купеческом мире. Купцы замечали, что каждое посещение Блаженной приносило им удачу в торговле.

Однажды в одном торговом месте купцам удалось раздобыть из богатого имения несколько различных сортов самого лучшего меда. Был мед и липовый и из гречихи, и еще из других цветов и растений. Каждый имел свой особый вкус и благоухание. А, когда купцы все эти сорта меда смешали в одной бочке, получилось такое благоухание и такой вкус, о котором и мечтать нельзя было. Покупатели брали этот мед нарасхват, не жалея никаких денег. И вдруг появилась Блаженная Ксения. – «Не берите, не берите» – закричала она – «этот мед нельзя есть: он дохлятиной пахнет». – «Да ты, матушка, с ума сошла! Не мешай нам! Видишь, какая прибыль пошла. Да как ты докажешь, что этот мед нельзя есть?..» – «А вот и докажу!» крикнула Блаженная, изо всех сил навалилась на бочку и... опрокинула ее. Пока мед тек на мостовую, люди тесно обступили бочку, но когда весь мед вытек, все закричали от ужаса и отвращения на дне бочки лежала огромная дохлая крыса. Даже те, кто за дорогую цену купили этот мед и уносили его в банках, побросали их.

Икона св. блаж. Ксении, работы архиепископа Алипия (Гамановича), получившая щирокое распространение в Советской России после канонизации святой Архиерейским Собором Русской Зарубежной Церкви в 1978 году



Митрополит Филарет

«Почему мне вспомнился этот случай и я привожу его?, – продолжает Владыка Андрей. – Отвечу охотно. На днях один американец, интересующийся Православием, и побывавший почти во всех православных церквах и в Советском Союзе и здесь в Америке, спросил меня: отчего я и целая группа русских православных людей не участвуют в приеме Патриаршей делегации, и вообще как бы чуждаются всего, что связано с церковной жизнью в Советском Союзе, и даже здесь, в Америке, уклоняются от тех православных групп, которые так или иначе

связаны с Патриархией. В чем дело? Разве догматы не те, или таинства другие, или богослужение иное? Я подумал и ответил: нет, дело, не в этом. И вера та же, и богослужения те же. Православная вера благоухает как хороший мед: Но если этот мед вы сольете в бочку, на дне которой окажется дохлая крыса, захотите ли Вы отведать, этого меда?» Он с ужасом посмотрел на меня: «Ну, конечно, нет!». «Вот так и мы, – ответил я ему, – чуждаемся всего того, что связано с коммунизмом. Коммунизм для нас то же, что дохлая крыса на дне бочки. И если бы Вы наполнили эту бочку до самых краев самым лучшим, самым ароматным медом... – нет, мы не захотим этого меда. Мед сам по себе прекрасен, но в него попал трупный яд и смрад». Мой собеседник молча кивнул головой. Он понял. А Вы?» – образно и убедительно.

В заключение своего письма я в свою очередь спрашиваю Ваше Высокопреосвященство: неужели Вы по архиерейской совести считаете облачившихся в рясы и клобуки служителей КГБ – истинными духовными руководителями и возглавителями многострадальной Русской Церкви? Неужели Вы не видите того, что на дне той quasi-церковной советской организации, с которой Вы связали себя, лежит дохлая крыса коммунизма?

Или Вы предпочитаете закрыть глаза и заткнуть уши, чтобы не видеть и не слышать, и отмахнуться от неприглядной действительности?

Конечно, если это так, то всякие дальнейшие переговоры о соединении излишни и о совместном служении не может быть и речи.

Митрополит Филарет
27 февр./12 марта 1975 года.

Ириней (Иоанн Бекиш, 2 октября 1892 – 18 марта 1981, Нью-Иорк), митрополит. Окончил Холмскую ДС (1914), священник (1. 8. 1916), военный священник и помощник настоятеля кафедрального собора в Люблине (1916–1919), выехал в Германию, где в июле 1944 года принят в клир РПЦЗ, перешел в юрисдикцию Русского экзархата Константинопольского Патриархата (1948). Переехал в США и вошел в клир Северо-Американской русской митрополии (20. 3. 1952), овдовел (31. 3. 1953), пострижен в монахи (28. 5. 1953), архимандрит (28. 5. 1953), епископ Японский (7. 6. 1953). Архиепископ (9. 5. 1957), архиепископ Бостонский (14. 7. 1960), митрополит Нью-Иоркский и Северо-Американский (23. 9. 1965). Первый предстоятель Американской Автокефальной Православной Церкви (9. 7. 1970). 15 мая 1974 передал управление архиеп. Канадскому Сильвестру (Харунсу) и вышел на покой 9 марта 1977 г.

Филарет (Георгий Николаевич Вознесенский, 22 марта 1903, Курск – 21 ноября 1985, Нью-Иорк), митрополит. Сын архиепископа Димитрия Вознесенского. Окончил гимназию в Благовещенске (1920), переехал с семьей в Харбин к отцу, окончил Русско-китайский политехнический институт (1927) и Пастырско-богословские курсы (вскоре преобразованные в Богословский факультет) при Институте св. кн. Владимира. Оставлен при Институте преподавателем Нового Завета, гомилетики и пастырского богословия. Диакон (1930), пострижен в монашество (1931), иеромонах (1931), игумен (1933), архимандрит (1937). С началом советской оккупации Маньчжурии резко выступил против подчинения Харбинской епархии Московской Патриархии, отказался принять советское гражданство и постоянно разъяснял соотечественникам смертельную опасность любых контактов с советскими органами. Во время пребывания в коммунистическом Китае поддерживал регулярные контакты с Архиерейским Синодом РПЦЗ. Только в 1962 году Архиерейскому Синоду удалось вынудить китайское правительство выпустить архим. Филарета в британской Гонконг, откуда он переехал в Брисбен, где в 1963 году хиротонисан во епископа, викария Австралийской и Новозеландской епархии. В 1964 году избран Первоиерархом РПЦЗ. Митрополит Филарет стал организатором послевоенной церковной жизни всего русского рассеяния, при нем Зарубежная Русская Церковь добилась положения самой авторитетной русской церковной организации в мире. Митрополит Филарет был известен как наиболее последовательный сторонник жесткого отношения к советскому государству и к Православной Церкви в СССР, считая последнюю лишь одним из советских средств для контроля над собственным населением и для распространения коммунистической пропаганды в свободном мире. В 1998 году при перенесении останков митр. Филарета в новую усыпальницу его тело было найдено полностью нетленным (свидетельство прот. Константина Федорова, участника этих событий, авторам настоящей статьи), что, наряду с многочисленными свидетельствами о чудесной помощи и исцелениях людей, молитвенно обращавшихся к нему, дало основание начать обработку материалов для открытия процесса его канонизации.

Публикация и примечания Т.А. Богдановой и А.К. Клементьева

Склонюсь перед бумажным ворохом,
Чтоб от забвения спасти –
Той крови цвет, тот запах пороха,
Те легендарные пути.

Чтоб над исписанной бумагою
Другие, головы склонив,
Прониклись той, былой отвагою,
Почувствовали тот порыв.

И в каждом доме, в каждой комнате,
Где люди русские живут,
Пускай звучит печально: «помните
Погибших подвиг, жизнь и труд».

Из стихотворения
Марианны Колосовой «Памяти героев»

Александр Вертинский

МОЛИСЬ, КУНАК

Молись, кунак, в стране чужой.
Молись, кунак, за край родной.
Молись за тех, кто сердцу мил,
Чтобы Господь их сохранил.

Пускай теперь мы лишены
Родной семьи, родной страны.
Но верим мы, – настанет час,
И солнца луч блеснет для нас.

Молись, кунак, чтобы Господь
Послал нам сил – зло побороть,
Чтобы могли мы встретить вновь
В краю родном мир и любовь.

Томас Мор, русский текст И.Козлова

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он!
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом.

И как я с ним, навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!
И многих нет теперь в живых,
Тогда веселых, молодых!...

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он!

Александр Вертинский

СУМАСШЕДШИЙ ШАРМАНЩИК

Каждый день под окошком он заводит шарманку.
Монотонно и сонно он поет об одном.
Плачет старое небо, мочит дождь обезьянку,
Пожилую актрису с утомленным лицом.

Ты усталый паяц, ты смешной балаганщик,
С обнаженной душой, ты не знаешь стыда!
Замолчи, замолчи, замолчи, сумасшедший шарманщик, Твои песни мне надо забыть навсегда, навсегда!

Мчится бешеный шар и летит в бесконечность,
И смешные букашки облепили его,
Бьются, вьются, жужжат и с расчетом на вечность
Исчезают, как дым, не узнав ничего.

А высоко вверху Время – старый обманщик,
Как пылинки с цветов, с них сдувает года...
Замолчи, замолчи, замолчи, сумасшедший шарманщик,
Этой песни нам лучше не знать никогда, никогда!

Мы – осенние листья, нас всех бурей сорвало.
Нас все гонят и гонят ветров табуны.
Кто же нас успокоит, бесконечно усталых,
Кто укажет нам путь в это царство Весны?

Будет это пророк или просто обманщик,
И в какой только рай нас погонят тогда?..
Замолчи, замолчи, замолчи, сумасшедший шарманщик,
Эту песнь мы не можем забыть никогда, никогда!

Георгий Адамович

КОГДА МЫ В РОССИЮ ВЕРНЕМСЯ

Когда мы в Россию вернемся... о, Гамлет восточный, когда? —
Пешком, по размытым дорогам, в стоградусные холода,
Без всяких коней и триумфов, без всяких там кликов, пешком,
Но только наверное знать бы, что вовремя мы добредем...

Больница. Когда мы в Россию... колышется счастье в бреду,
Как будто «Коль славен» играют в каком-то приморском саду,
Как будто сквозь белые стены, в морозной предутренней мгле
Колышатся тонкие свечи в морозном и спящем Кремле.

Когда мы... довольно, довольно. Он болен, измучен и наг.
Над нами трехцветным позором полощется нищенский флаг,
И слишком здесь пахнет эфиром, и душно, и слишком тепло.
Когда мы в Россию вернемся... но снегом ее замело.

Пора собираться. Светает. Пора бы и двигаться в путь.
Две медных монеты на веки. Скрещенные руки на грудь.

М.И. Червяков

СТРАННИК

В укутанный холодом вечер
Собой недовольный и злой
Отправлюсь туманам навстречу,
Повздорив с коварной судьбой.

Голодный и скованный страхом
Присяду в степи у огня.
Юродивым или монахом
Обрядит Всевышний меня.

Привыкнув к злословью и к худу,
Терпя и насмешки, и срам,
Просить подаяние буду,
Бродя по окрестным дворам.

И вот, без гроша и без хлеба
Я вспомню вдруг старую мать,
И будет безжалостно небо
Слезою меня омывать.

В день мрачный, недобрый и серый
Уйду из родимых я мест.
И сердце согреет мне верой
Мой медный на ниточке крест.

Ремень затянув свой потуже,
Обмерив с десяток дорог,
Решу, что я больше не нужен,
Земной завершился мой срок.

И, может быть, карта шальная
Остаток пометила дней.
Врата преисподней, иль рая –
Что ты уготовила мне?

За всё: нищету и чужбину
Поставлю я в церкви свечу.
И, может, пока что не сгину,
За прошлое лишь заплачу.

И полною будет расплата.
За многое – даже вдвойне.
И в осень под утро когда-то
Вернусь я к родной стороне.

И в хмури, по времени ранней,
На фоне насупленных туч
Вдруг душу к рассвету поманит
Пробившийся солнечный луч.

РАСПЯТИЕ ХРИСТА

В грехах запутанные дни.
Завета Нового начало.
«Казни! Распни Его, распни!» –
Толпа безликая кричала.

Не мог тогда унять народ
Пилат, правитель Иудеи.
Свершилось страшное. И вот
Христа ведут на казнь злодеи.

Из ближних и из дальних мест
Толпа стекалась и смотрела,
Как поднят был Христос на крест,
Как гвозди забивались в тело.

Кровь капала с разбитых ног,
Сбегали в прошлое минуты,
Но что за них страдает Бог
Никто не понял почему-то.

...Затих Сын Божий, не дыша
Врагов простив, явив им милость
И лишь бессмертная душа
В чертог небесный возносилась.

При публикации в «Санкт-Петербургских Епархиальных ведомостях», выпуск 35-36, допущены некоторые опечатки, а также пропущены указания на авторство некоторых материалов.

В статье Т.А. Богдановой «Профессор Н. Н. Глубоковский как христианский деятель» *(С. 142–163)*
Опубликованы впервые:
Фотопортреты: 1) А.А. Глубоковского, с. 143. 2) Прот. П.Л. Лосева, Н.Н. Глубоковского 1884 г., с. 144. 3) М.Д. Муретова, А.П. Лебедева, с. 145. 4) митрополита Антония (Вадковского) с автографом, с. 146. 5) С.С. Глаголева, с. 147. 6) Н.Н. Глубоковского 1909 г., с. 148. 7) А. фон Гарнака, с. 153. 8) В.С. Карпова, прот. Я.Т. Кузнецова, В.И. Рейпольского, (Собрание М.Н. Брио) с. 164. 9) Я.И. Левитского, А.Н. Хергозерского, Н.И. Суворова, (Собрание М.Н. Брио) с. 166. 10) Н.Н. Глубоковского 1909 г., с. 172.
Фотография Кирилло-Иоанно-Богословской семинарской церкви и Вологодской духовной семинарии (Собрание М. Н. Брио), с. 167.
Фотографии на с. 159,178, 179, 182, 183, 184, 185, 186 ***исполнены А. К. Клементьевым.***

Статья Н.Н. Глубоковского «Биографическое» опубликована впервые по автографу*, хранящемуся в Центральном Государственном архиве в Софии.*

В статье А.К. Клементьева «Человек без лицемерия» *(К 70-летию со дня кончины проф. Н. Н. Глубоковского), С. 182-186* ***все фотографии исполнены автором.***
На с. 183 следует читать:
Н. Проворов [Н. Н. Глубоковский]. Уголовное государство // Двуглавый орел. Берлин. 1922.
Н. Проворов [Н. Н. Глубоковский]. Советская власть и голод в России [Терioки. Карантин. 5 сент. (VIII, 23) 1921] // Двуглавый орел. Берлин. 1922.

Новая Ладога. Спасская церковь на Николаевском проспекте.
Фото С.М. Прокудина-Горского 1909 год

Новая Ладога. Климентовская церковь (слева) и Спасская церковь.
Фото С.М. Прокудина-Горского 1909 год

А.К. Галкин

СОБОР РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В НОВОЙ ЛАДОГЕ

Новая Ладога. Собор Рождества Пресвятой Богородицы (Св. ап. Иоанна Богослова)

Герб Новой Ладоги

Почти одновременно с основанием С.-Петербурга древнейшая столица Руси, город Ладога, утратила свой городской статус. В сентябре 1704 года Петр I, по пути из Новгорода на Олонецкую верфь, «присмотрел… на самом Ладожском озере, где впадает в оное озеро река Волхов» место, «полезное быть к коммерции»[1]. По указу царя, большая часть ладожан вынуждена была переселиться на 13 верст вниз по реке, туда, где издревле существовал Николо-Медведицкий монастырь. Так возник город Новая Ладога, монастырь же «на Медведце» был упразднен. Его строения оказались внутри спешно построенной земляной крепости, окружностью в 272 сажени[2], сооружение которой было завершено к 1710 году[3]. Укрепления Новой Ладоги напоминали в миниатюре первоначальную Петропавловскую крепость с тою разницей, что земляная крепость на Неве имела шесть бастионов, а на Волхове – только четыре.

После победы в Северной войне Новая Ладога, потеряв всякое военное значение (ее «фортецию» упразднили в 1741 году), превратилась в оживленный торговый центр. Это нашло отражение даже в городском гербе: «В красном поле часть Ладожского канала, а по сторонам два рога изобилия». (Ладожский канал связал Неву с Волховом, а впоследствии и со Свирью в обход бурного Ладожского озера). Огороженную валами территорию с храмами упраздненного монастыря заняло городское кладбище.

К началу XVIII века в Николо-Медведицком монастыре имелось два каменных храма – соборный и трапезный. Монастырский Никольский собор стал городским с основания Новой Ладоги. Поскольку он не отапливался, в 1733 году бывшую монастырскую трапезную палату превратили в двухпрестольную зимнюю церковь. Собственно трапезный храм св. Иоанна Богослова оказался боковым (левым) приделом теплого собора, новый престол которого освятили во имя Рождества Богородицы. В настоящее время в Новой Ладоге богослужения совершаются только в теплом городском соборе, поэтому дальнейшее изложение в основном и будет ограничено им.

Внешний вид новоладожского собора Рождества Богородицы сложился как результат его длительной строительной истории, которая насчитывает более четырех с половиной веков. Ядром здания, на первый взгляд относительно молодого (особенно на фоне летнего Никольского собора, демонстрирующего типичные черты новгородских храмов XV–XVI века), служит северо-восточный придел. Это и есть уцелевший при всех перестройках монастырский трапезный храм. Снаружи он выделен главой на глухом барабане с пояском пятиугольных нишек, а внутри перекрыт сферическим сводом, который опирается в углах на уступчатые арочки-тромпы. Прежде чем поставить вопрос о датировке постройки, напомним, что сообщает о Медведицком монастыре «История Российской иерархии»: «В 1628 г. при описи было в нем строение следующее: 1) церковь каменная Св. Николая с папертью; церковь Иоанна Богослова с трапезою каменною же; келлии и ограда деревянные»[4].

Святитель Макарий Новгородский, впоследствии – митрополит Московский

Упомянутая опись храмов и монастырей Новгородской земли была произведена вскоре после заключения в 1617 году Столбовского мира со Швецией. Смутное время ушло в прошлое, и правительству необходимо было знать, что же уцелело на Руси после стольких лет разрухи. Рубеж XVI–XVII веков не случайно получил свое характерное название: неурожаи, интервенции, междоусобицы, грабежи не оставляли места для созидательной деятельности. Поэтому каменной трапезной палате порубежного монастырька в 1628 году было никак не меньше 30, а то и 50 лет – до 1580-х годов, когда в Приладожье сохранялась благоприятная обстановка, там велось широкое строительство. Типологическая принадлежность постройки и ее архитектурные особенности позволяют однозначно связать Николо-Медведицкую трапезную с именем архиепископа Великого Новгорода и Пскова Макария, занимавшего эту кафедру в 1526–1542 годах (впоследствии – Всероссийский митрополит; † 1563, канонизирован 1988). В период его святительства в Новгороде было вновь воздвигнуто, перестроено или восстановлено около 40 храмов; он же осуществил в епархии «монастырскую реформу».

Шведская карта Северо-Запада России XVII в., на которой показаны селения по течению реки Волхов от Новгорода до устья

В 1528 году архиепископ Макарий «созва к собе честныя игумены, еже есть Онтоньева монастыря и Деревяницкого и Благовещенского и Оркажа монастыря, и прочье игумены всех монастырей, идеже несть общины, и нача их учити, яко от Живоначальныя Троица, от вышняя Премудрости научением, еже им устрояти общее житие, якоже и прежнии Богоносции отци написаша. Игумени же, слышавше, приимше добрый совет <…> и оттоле начаша устрояти общежители, коиждо во своем монастыре, не токмо в Великом Новегороде, но и по окрестным градом Новгородцким <…> и трапезы со церквами ставити по всем монастырям, ови каменныя, инии же деревянныя»[5].

Насадителем «общего жития» в русских монастырях является преподобный Сергий Радонежский. Из общежительного устава вытекает необходимость иметь в монастыре особое здание для приготовления и приема пищи – трапезную палату и поварню, обычно объединяемые под одной крышей. Троице-Сергиев монастырь стал первым, соорудившим трапезную палату в камне: это было в 1469 году. К трапезному залу нередко пристраивали небольшую церковь. Одна из самых ранних монастырских трапезных, совмещенных с церковью, появилась в 1519 году в Кирилло-Белозерской обители. Таким образом, композиция трапезной палаты с храмом при ней получила распространение на Руси еще до введения общежития в монастырях Новгородской епархии.

Из трапезных, построенных в связи с реформой архиепископа Макария, до наших дней сохранились трапезные Антониева (1536), Хутынского (1552) и Александро-Свирского монастырей. Последняя была заложена незадолго до кончины св. Александра Свирского († 1533) и, вероятно, послужила образцом для аналогичных построек в других обителях. Известно, что ее возводили московские каменщики, присланные великим князем Василием III. Перечисленные трапезные с их храмами обладают значительным сходством. Храм Александро-Свирской трапезной

Новая Ладога. Общий вид Николаевского проспекта. Открытка начала XX века

Возникновение Новой Ладоги неотделимо от важного в духовной и хозяйственной жизни России явления «монастырской колонизации» пространств Русского Севера, особенно в послемонгольский период. Со временами Крещения Руси связывают основание преподобными Сергием и Германом Валаамского Спасо-Преображенского монастыря на Ладожском озере, вероятно, возобновленного на рубеже XIV–XV вв. В 1393 г. прп. Арсений – новгородец и афонский монах, основал на острове Коневец Рождественский монастырь. В 1383 г. на Ладоге явилась икона Божией Матери Одигитрии (Тихвинской), шествовавшая по воздуху, и на месте ее последнего явления поставлена деревянная церковь Успения Богородицы, давшая впоследствии начало Большому Успенскому монастырю. В 15 км от Тихвина, на озере Дымском, с XIII в. существовал монастырь, основанный прп. Антонием, учеником прп. Варлаама Хутынского. Близ Тихвина в 1510 г. великим князем московским Василием III на месте явления Божией Матери и свт. Николая был основан Николо-Беседный монастырь. Введенский Девичий монастырь в Тихвине основал Иван Грозный в 1560 г. Один из валаамских иноков, прп. Александр, устроил в 1484 г. близ реки Свирь, недалеко от ее впадения в Ладожское озеро, Александро-Свирский монастырь. В XV в. покаявшимся разбойником Киприаном была устроена обитель на Стороженском мысу у Ладоги.

Вероятно, не позднее XV в. в устье Волхова, на его левом берегу, был создан Николо-Медведский монастырь, выехавший сюда из урочища Медведского, - предшественник Новой Ладоги. Урочище Медведково указывается в договорных грамотах новгородцев с готландцами в XIII в. как крайний пункт новгородских владений. В документах XVI и XVII вв. Медведская обитель свят. Николая Чудотворца упоминается довольно часто, начиная с окладной книги Вотской пятины за 1499–1500 гг. XVI в. был периодом ее расцвета и строительства каменного собора, напоминающего новгородские храмы. В то время монастырь получал ругу (жалованье духовенству) деньгами, салом, воском и медом на игумена и 30 монахов. Расположенный на полуострове Медведец, монастырь служил местом отдыха для путешественников из Скандинавии в Константинополь, к Онежскому и Белому озерам; ориентиром для купцов, шедших по Волхову и бурному Ладожскому озеру. Не случайно посвящение Медведского монастыря свт. Николаю Чудотворцу – покровителю плавающих и путешествующих.

В 1582–1583 гг. обитель сильно пострадала при разбойном нападении шведов. По словам монаха-летописца, «приехали немецкие люди воевати, и монастырь вывоевали, и старцев и слуг пересекли, а иных в полон поимали». Были разрушены и монастырские постройки. В 1584 г. царь Федор Иоаннович возобновил жалованную грамоту Николо-Медведскому монастырю, так как выданную Иваном Грозным грамоту отобрали «немецкие люди». В ней упоминается интересный факт. Игумен с братией «били челом <...> что у них под монастырем гости проезжие ставятся и огни кладут близко келий и им от этого нужда великая». В ответ на это «пожаловали гостям проезжим близко монастыря не ставиться, а ставиться подале монастыря».

В январе 1611 г. к Медведскому монастырю был послан отряд служилых людей-новгородцев во главе с князем Григорием Константиновичем Волконским, представлявшим в то время правительство Семибоярщины. 15 января 1611 г. к обители двинулся из Ладоги, осажденной войсками Салтыкова, отряд во главе с младшим братом Делавилля Жаком, но был разгромлен. Жестоко разорил монастырь в 1612 г., во время шведского владычества, полковник Рекинбергер. Он посадил в тюрьму и подверг пыткам игумена Феодорита с монастырскими служителями, все припасы захватил и свез в Ладогу. После Столбовского мира здесь находилась одна из семи приграничных застав.

Самые ранние сведения о монастырских постройках относятся к 1628 г. Судя по описи, в обители имелись: каменная Никольская церковь с папертью, Иоанно-Богословская церковь с каменной трапезной, деревянные кельи и ограда. Игуменом в то время был о. Нифонт, а крестьян монастырю принадлежала 41 душа. Медведский монастырь упоминается в книге голштинского посла Адама Олеария. Во время его путешествия в 1633 г. некий монах вышел ему навстречу и вынес хлеб и вяленую семгу. Вероятно, к середине XVII в. монастырь пришел в упадок, число насельников сократилось, а в 1653 г. он был приписан к Саввино-Сторожевскому монастырю (с тех пор в этом краю стал почитаться преп. Савва Сторожевский, собеседник прп. Сергия

Радонежского). Николо-Медведский монастырь просуществовал до 1704 г. и был упразднен Петром I, братию перевели в Иоанновский монастырь в Старой Ладоге. Земли Медведской обители в 1710 г. отдали князю А.Д. Меншикову, но в 1726 г. возвратили Саввино-Сторожевскому монастырю.

В 1702 г. Петр I, направляясь на судостроительные верфи на берегах рек Сясь и Свирь, где строились галеры, посетил устье Волхова. Осмотрев древнюю Николо-Медведскую обитель, царь приказал обнести ее земляными укреплениями, создав квадратную «крепостцу» со стороной в 70 саженей. По его указаниям были насыпаны земляные валы, которые существуют и поныне, и выкопаны рвы к Волхову. В 1709 г. коменданту Г.Ф. Муравьеву было предписано соорудить более сильную крепость по плану Карла Талсона, также квадратную в плане, с бастионами по углам. Документы о Новоладожской крепости начала XVIII в. имеются в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге. Судя по ведомостям, крепость была небольшой. В 1706 г. в ней имелось 10 чугунных орудий 6-фунтового калибра, хранились разнообразные артиллерийские припасы. Вновь созданное укрепление в военных действиях не участвовало, хотя и числилось в реестре крепостей, а после взятия русскими Нотебурга полностью утратило свое военное значение. Впоследствии оно служило местом временного хранения провианта и боеприпасов, доставляемых в Петербург и Кронштадт. К 1733 г. земляной город развалился, пушки и артиллерийские припасы по приказу канцелярии Главной артиллерии и фортификации были вывезены в Санкт-Петербург. В 1741 г. крепость была упразднена, поскольку для нее «артиллерийских орудии не назначено», а потому «там крепости быть не потребно».

Строительство крепости на месте Николо-Медведского монастыря послужило стимулом к созданию города Новая Ладога. Петр I повелел «жителей Старой Ладоги, Тихвина переселить в град Новую Ладогу, сюда же сволочить ссыльных и беглых крестьян». Таким образом, в 1704 г., почти одновременно с основанием Петербурга, был заложен «град Новая Ладога», задуманный Петром как новый административный центр южного Приладожья, порт, судостроительная верфь и перевалочная база для кораблей с грузами из внутренних губерний России в строящуюся столицу.

Свящ. А. Берташ «Новая Ладога»

одноабсидный, в двух других они лишены абсид. Все три храма квадратные в плане, перекрыты сферическим сводом на тромпах, на свод поставлена глухая глава.

Те же самые черты имеет и трапезный Иоанно-Богословский храм Николо-Медведицкого монастыря. Однако относительная бедность монастыря на устье Волхова привела к тому, что его трапезный храм заметно миниатюрнее своих аналогов; стены здесь не имеют членений, лишь углы выделены лопатками. Пятигранные нишки, украшающие барабан его купола, находят свой прототип в декоре фасада трапезного храма Александро-Свирского монастыря.

Итак, собор Рождества Богородицы в Новой Ладоге сберег в своих стенах уникальный трапезный храм Николо-Медведицкого монастыря – храм, датируемый второй четвертью XVI века и несущий в себе благословение святителя Макария[6]. Поэтому день памяти этого достославного иерарха, причисленного к лику святых в год празднования Тысячелетия Крещения Руси, по справедливости мог бы войти в число местных праздников новоладожского собора.

Феофанъ Прокоповичъ

Архиепископ Новгородский Феофан Прокопович

История превращения бывшей монастырской трапезной в благоустроенный теплый собор уездного города растянулась на 180 лет. Начало ей было положено новоладожским протопопом Сергием Самсоновым, который настоятельствовал здесь с 1722 по 1738 год. Под его руководством при «соборной церкви Николая Чудотворца, при теплой трапезе, предел во имя Рождества Пресвятыя Богородицы построен внутре прежнего каменного здания в трапезе». Когда новый придельный храм был «ко освящению совсем в готовности», архиепископ Великого Новгорода и Великих Лук Феофан (Прокопович) выдал антиминс, и 8 января 1734 года протопоп Сергий совершил освящение Рождество-Богородицкого престола[7]. Известно, что алтарь нового придела отделялся от помещения для молящихся каменной стеною.

Следующий этап строительных работ относится к царствованию дочери основателя Новой Ладоги, императрицы Елизаветы Петровны. В 1750-1756 годах для новоладожского собора отлили три больших колокола[8] и возникла необходимость в сооружении колокольни. Она была пристроена с запада к бывшей монастырской трапезной палате и очень удачно замкнула перспективу главного проспекта города. В те же годы в Новой Ладоге и

Соборные храмы Новой Ладоги: холодный Никольский (слева) и теплый Рождество-Богородицкий (справа). Гравюра В.В. Мате по рисунку В.М. Максимова. Конец 1860-х – начало 1870-х годов

ее окрестностях воздвигли еще несколько каменных храмов: Климентовский (1741–1743) и Спасский (1758–1765) в самом городе, Успенский в Сясьских Рядках (1751), Преображенский в Заболотье (1751–1762). Очевидно, в середине XVIII века здесь существовала местная школа «мастеров каменных дел». Эти постройки, как и другие провинциальные храмы тех лет (например, Воскресенский собор в Череповце 1752-1756 гг.), поражают своими первобытными формами. Трудно поверить, что в эпоху Растрелли всего в 100 верстах от столицы отсутствовали профессиональные зодчие, а храмы клали какие-нибудь печники. К сожалению, именно так и случилось: петровский запрет на каменное строительство вне Петербурга привел к тому, что через 30–40 лет преемственность мастерства в провинции оборвалась. В истории русской архитектуры «народное зодчество» середины XVIII века составляет совершенно отдельную страницу.

Архитиектор Михаил Арефьевич Щурупов (1815–1901)

Соборная колокольня Новой Ладоги почти точно копирует колокольню соседней Климентовской церкви. Несомненным достоинством обеих новоладожских колоколен является их точно найденная сомасштабность панораме волховского устья. Циклопические столпы-восьмерики лишены какого-либо декора и представляются монолитными, как башня Выборгского замка, а поставленные на их шлемовидные завершения шпили кажутся гигантскими обелисками. Позднее соборной колокольне все же попытались придать некий классицистический вид: вершину ее столпа опоясали трехчастным антаблементом, а купол в основании шпиля украсили люкарнами с треугольными фронтонами. Скромный декор оказался ей вполне к лицу, кроме того, он обеспечил стилистическое единство уездного городка, каменные дома которого выдержаны в духе провинциального классицизма.

Вид новоладожских соборов на рубеже 1860–1870-х годов запечатлел художник В.М. Максимов (1844–1911), уроженец одной из деревень под Старой Ладогой.

С 1871 года в соборе настоятельствовал протоиерей Матвей Розанов († 5 сентября 1882). При нем теплый храм подвергся коренной реконструкции «на счет собственных церковных сумм Новоладожского Николаевского собора и вспоможений от городского общества». К проектированию привлекли профессора архитектуры Михаила Арефьевича Щурупова (1815–1901), выстроившего немало добротных храмов, в том числе и в Новоладожском уезде. Зодчему предстояло разрешить непростую задачу – переоборудовать в достойный уездного города собор здание совсем другого назначения, рассчитанное на трапезование братии малолюдной обители. Соборная колокольня при этом перестройке не подвергалась.

Необходимые для финансирования работ средства были получены от продажи «на сруб», с разрешения Святейшего Синода, двух принадлежавших собору пустошей. Одна из них находилась в 30, а другая, Сароцкая, в 60 верстах от Новой Ладоги[9]. Последняя получила название по реке Сарке, на берегу которой не позднее 1-й половины XVII был основан Троицкий Сароцкий монастырь. В 1764 году монастырь упразднили, а два его деревянных храма приписали к новоладожскому собору[10]. Меньше, чем через полвека не стало и самих храмов…

В «Пояснительной записке» от 3 мая 1876 года к своему проекту М.А. Щурупов писал: «1. Требуется увеличить высоту внутренности церкви; предполагается для сего сломать существующие каменные подвальные своды; опустить пол, устроив вновь его по балкам. 2. Увеличить длину церкви; сделать пристройку в алтарной части. 3. Разобрать два наружные, боковые крыльца, заменить

их одним входом в средней части колокольни. 4. Пробить вновь оконные отверстия с обделкою оных. 5. Подвести цоколь по фасаду из Путиловской плиты – 6 рядов. 6. За неимением в существующем фасаде церкви карниза, сделать оный вновь из кирпича. 7. По требующейся скорости окончания работ перестройки церкви, дабы не остановить богослужение на долгое время и во избежание значительных издержек, предполагается устроить во всей церкви с алтарною вновь выводимою частью вместо каменного свода, деревянный кружальный свод с парусами; с таковым же средним куполом, который снаружи обшит железом»[11].

Новая Ладога. Собор Рождества Пресвятой Богородицы. Фото С.М. Прокудина-Горского. 1909 год

При рассмотрении проекта техническо-строительным комитетом министерства внутренних дел приглашенный в заседание М.А. Щурупов пояснил, что реконструируемая им церковь «весьма низка». Разборка поврежденных сводов подклета позволит «пол в церкви опустить на три аршина шесть вершков ниже уровня настоящего пола», при этом потолок предположено поднять на два аршина. «При понижении пола в церкви существующие ныне две наружные крытые лестницы, пришедшие в ветхость, оказываются не нужными; почему предполагается их разобрать и устроить вместо них две пристройки к колокольне и одну новую лестницу для входа в церковь». Чисто утилитарный подход Щурупова к творению древнерусских мастеров дружно разделили чиновники, констатировав, что комитет «в техническом отношении не встречает препятствия к исполнению предполагаемых изменений». Согласно букве законов, конечным гарантом неприкосновенности памятников церковной архитектуры допетровской эпохи являлся Император Всероссийский (Устав строительный в 1868 года включил пункт о том, что перестройка подобных церквей «может быть допущена только с Высочайшего соизволения»). Проект М.А. Щурупова представили в Петергофе на утверждение Наследнику-Цесаревичу Александру Александровичу, который 26 июня 1876 (день явления Тихвинской иконы Божией Матери, искони празднуемый жителями Новой Ладоги) сделал на нем пометку «съ», что означало: «Согласен»[12]. Так уникальная Николо-Медведицкая трапезная была принесена в жертву рядовым богослужебным потребностям рядового прихода.

В ходе работ, при пробивке больших полуциркульных окон на южном фасаде, выяснилась необходимость разборки всей стены до уровня подоконников. Были разобраны также стены алтаря Рождество-Богородицкого придела, для которого построили новую трехгранную абсиду, вынесенную на восток. Свои древние внешние стены, сложенные из известняка, свод и главу сохранил только придел Иоанна Богослова (некогда – трапезный храм). Внутри же его соединили широкими арками с основным церковным помещением. Освящение обновленного зимнего собора состоялось 9 октября 1877 года.

С функциональной точки зрения реконструкция оказалась вполне удачной – здание вышло просторным и светлым (лишь неуклюжий световой купол с круглыми окошками-иллюминаторами, устроенный М.А. Щуруповым над приделом Рождества Богородицы, никак не относился к числу находок зодчего). Главный иконостас также был исполнен по рисунку М.А. Щурупова. Своим стрельчатым верхом он напоминал фасад какого-нибудь романского собора. Композиция, однако, пришлась по вкусу современникам – автор почти точно повторил ее в церкви села Смоленского на Шлиссельбургском тракте. Сорок три иконы для иконостаса исполнил петербургский иконописец Василий Макарович Пешехонов. Этот плодовитый мастер третьей четверти XIX века постоянно сотрудничал с архитекторами М.А. Щуруповым и А.М. Горностаевым. Иконы его письма были и в церкви Мраморного дворца, и в Троице-Сергиевой пустыни, и на Валааме. Особо ценили их единоверцы, заказавшие В.М. Пешехонову иконостасы для двух храмов на Большой Охте[13]. Самую же первую свою работу в С.-Петербурге Василий Пешехонов выполнял вместе с отцом, москвичом Макаром Самсоновичем, при отделке Николаевской единоверческой церкви еще на рубеже 1820–30-х годов.

В 1877 году на наружной стене абсиды придела Рождества Богородицы была поставлена Тихвинская икона Богоматери. В 1889 году зимний собор украсился двумя большими образами в напольных киотах – великомученика Пан-

Придел св. ап. Иоанна Богослова Новоладожского теплого собора, построенный как трапезный храм Николо-Медведицкого монастыря

телеимона, привезенным с Афона, и св. князя Владимира, написанным в память 900-летия Крещения Руси[14].

В начале XX века реконструкция, которой подверглась бывшая трапезная палата Николо-Медведицкого монастыря в 1876–1877 годах, представлялась уже предосудительной. Епархиальный архитектор Андрей Петрович Аплаксин (1879–1932) в 1911 году на IV съезде русских зодчих отозвался о ней так: «Рождество-Богородицкий собор в Новой Ладоге <…> под предлогом починки был до основания разобран и вновь воздвигнут в стиле, имени коему не подберешь, полагаю, что в "древне-византийском". Конечно, в наше время таких переделок не допустит императорская Археологическая комиссия»[15]. Однако нельзя не учитывать, что за 35 лет жизнь далеко ушла вперед. Ни М.А. Щурупов, ни заказчики проекта не виноваты в том, что в 1870-х годах еще практически не существовало ни церковных школ, ни приходских братств, для нужд которых вполне можно было бы реставрировать старинное монастырское здание с сохранением всех его архитектурных особенностей (в Новой Ладоге братство было открыто только в 1902 году[16]).

В том же 1911 году Императорская Археологическая Комиссия, по отношению С.-Петербургской Духовной консистории от 21 января, рассматривала проект расширения новоладожского теплого собора, составленный А.П. Аплаксиным. Он предусматривал превращение храма в трехпрестольный, за счет пристройки с южной стороны здания. Комиссия утвердила проект, признав желательной переделку щуруповского купола, который «имеет характер павильонного и очень не идет к предполагаемой обработке фасада»[17]. Новый купол, прорезанный в основании восемью большими полуциркульными окнами, был незамедлительно спроектирован и сооружен. По своим пропорциям и силуэту он не оставляет желать лучшего. Закладка же нового придела задержалась. Только в мае 1914 года в местной газете появилось объявление: «В воскресенье 11-го Мая по окончании Божественной Литургии в Соборе на месте предназначенном для постройки придела отслужен будет водосвятный молебен пред началом работы. Настоятель собора, Протоиерей Петр Быстряков»[18]. До начала мировой войны оставалось чуть больше двух месяцев…

Выведенная из земли на небольшую высоту стена нового придела простояла до 1950-х годов. Затем ее разобрали, и только битый кирпич у южного фасада собора напоминает о нереализованном проекте архитектора А.П. Аплаксина. Зато купол, выполненный по его чертежам, и сегодня парит над просторами Волхова, определяя выразительный облик храма. Так Рождество-Богородицкий собор Новой Ладоги соединил в себе творение безвестных мастеров XVI и XVIII века, наследие М.А. Щурупова и А.П. Аплаксина.

Примечания:

[1] Журнал, или Поденная записка … Петра Великого. СПб, 1770. С. 95.

[2] *Щекатов А.* Словарь Географический Российского государства. Часть III. М., 1804. Стлб. 1055.

[3] *Гусева О., Глухова Е.* Новая Ладога. Прошлое… // Ленинградская панорама. 1990, № 11. С. 12.

[4] *Амвросий (Орнатский), архимандрит.* История Российской иерархии. Ч. V. М., 1813. С. 60.

[5] Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись, вып. 3. Л., изд-во АН СССР, 1929. С. 544-545.

[6] *Галкин А.К.* О датировке двух памятников зодчества XVI века // Проблемы развития русского искусства. Вып. XIV. Л., 1981. С. 5.

[7] Новоладожский Николаевский собор // Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 9. СПб, 1884. С. 73, 82.

[8] Там же. С. 74.

[9] Там же. С. 79.

[10] Земля Невская православная. Православные храмы пригородных районов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. СПб, 2000. С. 133.

[11] Российский государственный исторический архив [РГИА]. Ф. 1293. Оп. 113. Д. 108. Л. 2.

[12] Там же. Л. 4-6.

[13] *Антонов В.В., Кобак А.В.* Святыни Санкт-Петербурга. Т.3. СПб, 1996. С.195, 196.

[14] *Марков Н.* Новая Ладога, уездный город Санкт-Петербургской губернии, в современном его состоянии. Остров, 1891. С.14-15.

[15] *Аплаксин А.П.* Русское церковное искусство и его современные задачи // Известия по Санкт-Петербургской епархии. 1911, № 4. С. 7.

[16] *Боголюбов В., свящ.* Торжество открытия братства во имя святителя и чудотворца Николая в г. Новой Ладоге // Известия по Санкт-Петербургской епархии. 1902, 4. С. 9-16.

[17] Протоколы реставрационных заседаний Императорской Археологической Комиссии за 1-ю половину 1911 г. // Известия Имп. Археологической Комиссии. 1911, вып. 41 (вопросы реставрации, вып. 8). С.22-23.

[18] Озерный край (Новая Ладога). 1914, № 23 (8 мая). С.1.

СВЯТЫНИ НОВОЙ ЛАДОГИ И ОКРЕСТНОСТЕЙ

Старейший в городе – каменный **собор святителя Николая Чудотворца** (современный адрес: *пр. К. Маркса, д. 49*), возведенный в конце XV – начале XVI в. новгородскими мастерами. Храм построен из волховской плиты, верхние своды выложены из кирпича, нижние-из плиты и кирпича.

Прямоугольный в плане храм имеет с восточной стороны полукруглую абсиду. Его высота с куполом достигает 23 метров, длина чуть больше 21 метра, ширина с северным приделом Успения Богородицы (пристроенным в 1711 г. по инициативе новоладожского купца Петра Барсукова) – 20 метров. Антиминс Успенского придела был освящен архиепископом Гавриилом (Петровым) 14 августа 1776 г. и содержал частицу мощей св. архидиакона Стефана. Антиминс главного престола был освящен епископом Христофором (Эммауским) 19 июля 1853 г.

Собор Святителя Николая Чудотворца бывшего Николо-Медведского монастыря. Фото 1910-х годов

В 1812 г. в ходе ремонта четырехскатная крыша сменила позакомарное покрытие, был перестроен притвор с крыльцом XVII в., аналогичным крыльцу собора Староладожского монастыря, и растесаны окна. Необычный световой полукупол увенчан луковичной главкой с «перехватом» в основании (в XVIII веке такой же появился в Успенском соборе Тихвинского монастыря). Входные двери расположены с западной стороны, «у самой земли». За ними начинается лестница из известняковой плиты в 13 ступеней, огражденная с обеих сторон плитяными стенами и перекрытая железной кровлей. Крыльцо представляет собой своеобразный притвор храма, отделенный от основной части деревянными воротцами с застекленной фрамугой. Древний плитный пол был впоследствии заменен сосновым.

Главный четырехъярусный золоченый иконостас, предположительно 1812 г., был украшен затейливой резьбой – витые колонки, виноградные лозы, пальметты – и завершен Распятием с предстоящими Богородицей и св. Иоанном Богословом. Большие иконы нижнего яруса находились в серебряных ризах. Иконы верхних ярусов были написаны в византийском стиле. В 1860 г. храм был обновлен, вновь вызолочен иконостас, устроены дубовые престолы и освящены 14 и 21 августа. Следующее обновление храма относилось к 1872 г., когда были растесаны древние окна нижнего яруса. 18 марта 1891 г. патриотически настроенные ладожане, в числе которых были священник Николай Ольминский, староста храма Степан Кириллов и сменивший его на этой должности в 1896 г. Петр Козлов, «движимые чувством благодарности Господу и Богородице», ходатайствовали об устройстве в подклете собора придела во имя пророка Осии, преподобномученика Андрея Критского и праведного Лазаря Четверодневного, празднуемых 17 октября, в день спасения Императора Александра III с семьей при крушении поезда в Борках в 1888 г. Проект и смету на 1000 рублей на переустройство под храм бывших кладовых составил академик архитектуры (1858), профессор (1861) Михаил Арефьевич Щурупов (1815–1891) – один из известнейших русских зодчих периода историзма, представитель «русско-романского» направления, оставивший особый след в истории церковного строительства Новоладожского уезда.

Придел имел отдельный вход с улицы, был освещен тремя окнами, алтарь находился под верхним алтарем. В октябре 1892 г. храм был в основном готов, но освящен лишь 3 июня 1896 г. Вероятно, тогда же над землей был пробит еще один ярус окон для проветривания подвала.

В соборе было две чтимых иконы, надписи на которых свидетельствовали об их «сооружении» игуменами Медведского монастыря Леонидом в 1502 г. и Феодосием в 1503 г. Самая замечательная святыня храма – образ свт. Николая Чудотворца, находился на восточной наружной стене церкви в открытой, обращенной к реке нише на высоте 8 метров. Святитель был изображен держащим в правой руке меч, в левой – храм, по типу прославленного в XIV в. образа свят. Николая Можайского. В 1859 г. петербургский ювелир Верховцев сделал для образа новую серебряную ризу с позолоченным венцом. У иконы горели бронзовый фонарь с лампадой. В ночное время огонь служил спасительным маяком для судов, шедших по Волхову.

Перед иконой свт. Николая в середине 1870-х гг. были устроены крыльцо из плитняка, чугунные лестница и балкон, поддерживаемый колоннами. Необычная винтовая лестница на апсиде выполнена с большим профессиональным мастерством, изяществом и прочностью. Вероятно, автором проекта был архитектор М.А. Щурупов, который в 1876 г. перестраивал церковь св. Иоанна Богослова. Перед выходом на рыбный промысел или в плавание на торговых судах молитва перед иконой свят. Николая Чудотворца считалась обязательной. Верующие ставили на маленький чугунный столик у иконы свои приношения в виде бутылок с маслом для лампады, кидали в кружку мелкие монеты, которых собиралось до 250 рублей в год. На крыльце служили молебны, особенно в храмовые праздники. В ночь на Николу весеннего пришедшие из деревень богомольцы до утра простаивали, некоторые на коленях, перед образом. Лестница и даже сборная кружка уцелели, но главная святыня – образ святителя – бесследно исчезла после повторного закрытия собора. В первый раз его закрыли в 1938 г. В 1947 г. собор был возвращен верующим вместе с Иоанно-Богословской церковью и действовал до 1961 г., когда в хрущевские гонения был снова закрыт. Внутреннее убранство, за исключением фрагментов остова иконостаса, было вывезено на самосвалах и, вероятно, уничтожено. Ныне храм находится в полуаварийном состоянии. В 2001–2003 гг. по инициативе прихода были покрыты белой жестью часть кровли, купола, основание барабана, крыльцо Успенского придела; дальнейшие работы останавливает нехватка средств.

Новая Ладога. Иконостас Иоанно-Богословского придела в храме Рождества Пресвятой Богородицы. Фото 2003 года

Церковь во имя св. апостола Иоанна Богослова с зимним приделом Рождества Богородицы была построена, вероятно, как трапезная, в связи введением в монастырях новгородской земли общежительного устава при архиепископе св. Макарии. По архитектуре она напоминает трапезные храмы середины XVI в. в Антониевом и Хутынском монастырях. Главный алтарь был возобновлен в 1702 г. и освящен 25 сентября про-тоиереем Тимофеевым, а придел устроен в 1733-1734 гг. из бывшей монастырской трапезной и освящен протоиереем Сергием Самсоновым 8 января 1734 г.

12 ноября 1840 г. прихожане и староста направили викарному епископу Венедикту (Григоровичу) прошение «об исправлении ветхостей по соборной церкви»: «Соборная теплая церковь, с давних неизвестных времен построенная, весьма ветха, и требует необходимых поправок, и именно потолок угрожает опасностью, кровля требует перекрыши, а печи переделки, равно и закладные рамы в дверях и окнах большею частью сгнили <...> архитектура ее старинная, без правильного вида <...> но как церковь сия, по древней архитектуре, во-первых, очень темна, от малого количества в оной окон и притом разномерных, во-вторых, столь низка, что теряется в оной слушание служения и приятность пения на клиросах, и в-третьих, так тесна, что в воскресенья и праздничные дни, особенно в Рождество Христово, Новый Год, Богоявление Господне и прочие праздники, многие из приходящих богомольцев принуждены бывают стоять в сенях и на крыльце, а другие от тесноты и стеснения воздуха, посреди богослужения, выходят из церкви. По всем сим причинам мы <...> возымели общее желание для большего благолепия переделать оную, и именно: вместо потолка надстроить купол, для расширения церкви пристроить с южной стороны придел во имя Живоначальной Троицы, в симметрию с приделом со стороны северной, а средний храм увеличить пристройкою алтаря вперед. Для света в церкви окна сделать большего размера, и притом равномерные». Работы предполагалось осуществить в 1841–1842 гг., соборный летний храм свят. Николая с приделом Успения Пресвятой Богородицы предполагалось «оштукатурить, кровлю окрасить, внутри на стенах приличное росписание сделать». Но Комиссия проектов и смет Главного управления путей сообщения и публичных зданий в ответе 3 июня 1842 г., указав на техническое несовершенство проекта, предложила вообще проектировать новую церковь, «не стесняясь размерами существующей» и принимая также во внимание «безобразный вид колокольни, которая в нынешнем ее положении оставаться на может», а если денег нет, то оставить, как есть. Очередной проект перестройки составил в 1848 г. губернский архитектор Малинин, но департамент проектов и смет на следующий год признал его «неудовлетворительным» «по неблаговидности фасада». В 1876–1877 гг. академик архитектуры

М.А. Щурупов «перестроил с основания» церковь на сумму 16 110 рублей и устроил новый иконостас» на месте прежних, созданных в 1824 г. осташковским купцом Николаем Глазухиным. Для увеличения высоты были разобраны своды подвалов и стены до подоконников (по совету подрядчика Кострова), в частности, южная стена; передвинута алтарная стена; возведен новый деревянный, обшитый железом высокий световой купол на деревянных кружалах с парусами; к притвору пристроены крыльцо и ризница? алтарь вынесен к востоку; растесаны окна; изменено завершение колокольни. О господстве в эту эпоху русского архитектурного стиля напоминают только завершения оконных наличников храма и купола в виде кокошников. Придел с новым резным иконостасом стал даже просторнее, чем главный храм, и ныне именно в нем совершаются богослужения. Окончательно проект был утвержден 26 июня 1876 г., храм освящен 9 октября следующего года.

Четырехъярусный деревянный резной золоченый иконостас сочетает элементы русского стиля и готики. Средства на его устройство собирал по подписному листу член строительной комиссии почетный гражданин Михаил Александрович Стариков. Самые крупные пожертвования внесли городской голова Е. И. Ильинский, Андрей Иванович Спиров, 2-й гильдии купец (†21 апреля 1878 г. на 53-м году жизни, на кладбище сохранилось гранитное надгробие, выполненное в Санкт-Петербурге), Алексей Федорович Козлов, 2-й гильдии купец (†17 марта 1884 г., на 84-м году жизни, уцелело надгробие), Н.Ф. Кулагин. Всего было собрано 4719 рублей. 43 иконы написал известный петербургский мастер Василий Макарович Пешехонов. Из немногих уцелевших особенно интересны царские врата, икона Тайной Вечери, небольшие, симметрично расположенные образа «водных» чудес – явления иконы Одигитрии над Ладогой и чудесного спасения от потопления молитвами свят. Николая, а также образа Архангелов на боковых алтарных дверях и Воскресения, небольшие образа святителей, святых князей и мучеников в фигурных киотах. На горнем месте доныне сохранился образ Коронования Божией Матери ценой 700 рублей, пожертвованный купчихой М.Ф. Спировой. В том же стиле выполнен запрестольный крест.

С западной стороны находится восьмигранная 40-метровая башня-колокольня. Завершение ее напоминает шпиль Иоанно-Предтеченской церкви в Старой Ладоге и Климентовской в Новой Ладоге. На ней находились железные часы с циферблатом, обращенным к городу, и двенадцать колоколов. Самый большой, весом около 7 тонн (428 пудов), был отлит в 1845 г. мастером Н.М. Стуколкиным, на нем были изображены Пресвятая Троица, Успение, святые Иоанн Богослов и Николай Чудотворец. Набор колоколов был утрачен в советское время, в настоящее время среди звонов имеется колокол 1868 г. с надписью латинским шрифтом.

В 1910 г. храм осмотрел епархиальный архитектор А.П. Аплаксин, который назвал работы 1876–1877 гг. «грандиозной, но печальной по своим результатам переделкой. Она настолько исказила древний вид храма, что сейчас нет возможности судить о том, каким он был». Аплаксин намеревался пристроить третий придел с юга «во всю длину, за исключением алтаря, с обработкой фасада в духе новгородских древних церквей» и заменить купол «в характере предполагаемой пристройки».

Иконостас Рождество-Богородицкого придела

Новая Ладога. Вид с колокольни Иоанно-Богословского храма на Климентовскую церковь. С открытки начала XX века

Церковь св. Иоанна Богослова была закрыта в 1935 г., серьезно пострадала в войну, и в августе 1948 г. по просьбе из канцелярии Ленинградского митрополита передана в пользование Никольскому собору. Восстановлена и вновь стала действовать с 1949 г.

С 1961 г. и до недавних пор эта церковь, которую по большему приделу часто именуют Рождество-Богородицкой, была единственной действующей во всей округе от Петербурга до Сясьстроя на востоке и Тихвина на юге, поэтому в ней собирались уцелевшие иконы закрытых и разоренных церквей. К числу святынь храма относятся старинное Распятие, иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», Тихвинской, Иверской, Троеручицы, Владимирской, Казанской, Смоленской, «Неопалимая Купина», Архангела Михаила (две), апостола Иоанна Богослова (две), великомученика Пантелеймона, свт. Николая Чудотворца, Трех Святителей, преподобного Александра Свирского у гроба его родителей – преподобных Сергия и Варвары; Макария Римлянина, святых Авдия и Варлаама, Александра Невского, Иоасафа и Илиодора, преподобных Аркадия и Никандра Псковского. Две иконы в Иоанно-Богословской церкви находились с 1889 г. Икона св. Пантелеимона была привезена из русского монастыря на Афоне одной их новоладожских купчих и встречена ладожанами с крестным ходом 9 марта. Образ св. князя Владимира был устроен в память 900-летия Крещения Руси на средства городского общества и освящен 19 марта 1889 г. Многие образа – в замечательных резных киотах в русском стиле. В Иоанно-Богословском приделе – старый позолоченный остов иконостаса в русском стиле, икона Архангела Михаила.

Иконы Тихвинской Божией Матери и свт. Николая (сохранились) были перенесены из старого теплого придела. В приходе было много икон и предметов церковной утвари XV–XIX вв., подаренных прихожанами и благотворителями. В советское время утрачены серебряные позолоченные кресты с частицами мощей: напрестольный, с мощами новгородских святых, подаренный монахом Александро-Невской лавры Евфимием (1807); с частицей мощей младенца, убиенного Иродом, вырезанный в Крестном монастыре на Кий-острове по образу Животворящего Креста Господня. Среди других святынь были икона св. Иоанна Богослова «с чудесами» (1492) и иконы «Символ Веры» (написана «по обещанию» игумена Феодосия с братией в 1493 г.), два старинных Евангелия (1654 и 1689); три колокола, отлитые в 1750-1756 гг.; медная водосвятная чаша 1496 года и серебряный ковш, пожалованный по указу Петра I бурмистру Епифану за обеспечение 600 рублей кабацких и таможенных сборов (с надписями), два старинных синодика. Икона Пресвятой Троицы в серебряной позолоченной ризе, вделанная в образ Двунадесятых праздников и Страстей Господних, принадлежала упраздненной Троицкой Сароцкой пустыни XVII в., откуда была перевезена в Тихвинский монастырь, а затем в Новую Ладогу. Почти все перечисленные святыни исчезли в годы лихолетья, как и два верхних яруса иконостаса с иконами Иоанно-Богословского храма.

Прихожан по состоянию на 1883 г. насчитывалось 687 мужчин и 619 женщин. При соборе находилась бесплатная приходская библиотека из духовных журналов и книг. Земельные угодья прихода составляли 1229 десятин 1318 кв. саженей. Две пустоши, принадлежавшие собору – Сароцкая и Борок, находили далеко от храма и были проданы в 1872 г. На полученные средства был приобретен дом причта и перестроен теплый храм.

Соборный причт состоял из настоятеля – протоиерея, двух священников и двух диаконов. Здесь служили настоятели о. Афанасий, Сергий Самсонов (1722–1738), Иоанн Харитонов (до 1743), Потапий Степанов (до 1746), Гавриил Матвеев (до 1760), Антоний Тимофеев Тихомиров (до 1769), Георгий Моисеев (до 1773), Петр Васильев (до 1778), Лука Иванов (1778–1779), Петр Лебедев (1799), Михаил Грузинский (1799–1848), Илия Алексеевич Велитский (до 1871, сброшенное надгробие умершего в 79-летнем возрасте батюшки, похороненного с женой Анной Матвеевной и двумя детьми, еще сохраняется на кладбище), Матфей Григорьевич Розанов (1871–1882), Николай Ильич Велитский, Николай Иоаннович Верховский. Из других клириков наиболее известны священники Петр Степанов Зосимовский (служил в 1838-1869), Матфей Розанов, усердный диакон Трифиллий Васильевич Кедров (1836–1869). Перед революцией, в 1916–1917 гг., ладожские храмы окормлялись епископом Кронштадтским, преосвященными Мелхиседеком, проживавшим в Никольском Старо-Ладожском монастыре. Настоятелем храма в 1980-е гг. был архимандрит Прокл (Хазов, с 1987 г. – епископ Ладожский, а с 1989 г. – епископ (позже архиепископ) Ульяновский (Симбирский) и Мелекесский). На кладбище находится и могила протоиерея Георгия Иосифовича Никитюка (1933–1988), шестнадцать лет прослужившего в храме; до него шесть лет настоятельствовал прот.

Пантелеймон Воскобойников. Нынешний настоятель прот. Адам Жабчик состоит в священном сане 35 лет и служит в приходе 27 лет – с февраля 1981 г. (настоятель с 1994 г.). На праздник Рождества Богородицы в приход часто приезжал правящий архиерей, например, владыки Никодим (Ротов) и Иоанн (Снычев), служил здесь и ныне правящий митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, Высокопреосвященный Владимир (Котляров). После Пасхи 2004 г. был отмечен случай обновления оклада иконы Тихвинской Божией Матери, находящейся в алтаре. Приход невелик и не в силах заняться восстановлением разрушающихся новоладожских церквей. Число прихожан не увеличивается и в связи с тем, что открыты храмы в Волхове, Старой Ладоге и Кисельне. Никольский собор и Иоанно-Богословская церковь расположены в общей ограде, которая ранее с южной стороны представляла собой «земляной вал, напоминающий своим видом крепостной полигон; на валу укреплена решетка, частью железная, частью деревянная», с северной стороны – «каменные стены», со стороны Волхова – еще и с железной решеткой. Эта стена, как и часовня в ограде, появилась в 1849 г. На территорию, занятую храмами и кладбищем, длиной 185 м и шириной 90 м, вели ворота со стороны Николаевского пр., Волхова и канала. Таким образом, соборный храм города находился посреди некрополя, словно бы иллюстрируя идею русского философа Н.Ф. Федорова о кладбищах как центрах приходской жизни. Ныне с кладбища, живописно расположенного террасами на Волховском берегу, постепенно исчезают старые могилы, в том числе новоладожских купцов Луковицких, известных церковных благотворителей, жертвователей на постройку Реконской пустыни (потомственный почетный гражданин Т.Ф. Луковицкий, скончавшийся 1 ноября 1892 г., был похоронен в Христорождественском Сясьском погосте – с. Колчаново, могила сохранилась). Еще можно увидеть надгробия подпоручика 1-го резервного пехотного батальона В.Д. Брожера (†в 1831 г. на 23-м году жизни); подполковника М. И. Катани (1792–1850) со стихотворной эпитафией: «Милый сердцу прах / До неразлучного свиданья / Твой дух парит на небесах / А там, а там конец страданья»; купца А.И. Евсеева (†1860 г. на 60-м году жизни); коллежского асессора В.П. Павлова (†1879 г. 56-ти лет); купца 2-й гильдии М.Т. Солнцева (1856-1898); В.И. Тихонова (умер в 1902); Г.Д. Сартенева († 1904 г. на 63-м году жизни); купца И.И. Белышева (1839–1905); С.Г. Нестерова (†1907 г.); городского головы Андрея Семеновича Морозова (†5 августа 1908 г. на 60-м году жизни, памятник работы Медведева, Расстанная ул., 25); И.И. Онускина (†1916 г. на 50-м году жизни, памятник работы Игнатьева, Расстанная ул., 21). Не сохранился церковный дом, который был уступлен в 1871 г. Т.Ф. Луковицким за половину стоимости и после переделки через три года заселен причтом.

К Никольскому приходу были приписаны Георгиевская и Александро-Невская бесприходные церкви и пять часовен. В 1902 в Новой Ладоге было открыто братство во имя свт. Николая Чудотворца с целью духовного просвещения жителей уезда.

По соседству, на бывшем Николаевском проспекте, метрах в двухстах от Никольского собора начинался приход Климентовской церкви. Летний Климентовский и зимний Спасский храмы были обнесены общей оградой, состоявшей со стороны проспекта из кирпичных столбов с железными решетками; от набережной территорию отделяла невысокая кирпичная стена (не сохранилась).

Климентовская церковь упоминается в летописи как собор, заложенный в 1153 в Ладоге свт. Нифонтом, архиепископом Новгородским. Впоследствии каменную церковь сменила деревянная, которую в 1703 г. перенесли в Новую Ладогу. В 1741–1743 гг. на месте деревянной церкви свт. Климента, папы Римского, и св. Петра Александрийского построили каменную на средства новоладожского купца Дмитрия Иродионовича Константинова. Храм, завершенный одной луковичной главой, со столпообразной колокольней, был освящен 18 августа 1743 г. Он отличается удивительным, особенно в эпоху елизаветинского барокко, аскетизмом наружного убранства. Деревянный золоченый резной иконостас и иконы «хорошей живописи» утрачены, в том числе древний храмовый образ св. Климента, а также иконы апостола Петра и обоих священномучеников, написанные в 1761 г. по предписанию архиепископа Димитрия (Сеченова). Ветхий деревянный шпиль колокольни сломался от сильного ветра в 1811 г. и, благодаря ходатайству старосты Е.Е. Ярославцева, в 1818– 1820 гг. был воссоздан на железных стропилах. Тогда же предполагалось побелить оба храма, главы на теплой церкви покрыть латунным железом и соорудить на них новые вызолоченные кресты.

Причтовый дом, Спасская, Климентовская, Иоанно-Богословская церкви. Вид с Николаевского проспекта. Фото нач. XX века

29–31 июля 1873 г. приход посетил митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Исидор (Никольский). В память об этом по проекту инженера-архитектора К.В. Фортунатова под руководством священника Никифора Верольского и старосты Столярова начался ремонт Климентовского храма. Храм был переделан, устроены новые дубовые престол и жертвенник, обновлена шестиугольная колокольня над западной частью с купольным завершением и шпилем. Среди новых пожертвований были хоругви от купца Евсеева, дарохранительница от Ковригина, напрестольный крест от Федоровой. Интерьер храма был расписан по эскизам К.В. Фортунатова (значительная их часть сохранялась до настоящего времени под обшивкой – изображения двунадесятых праздников, святых). Художник Колчин написал иконы «очень хорошей живописи» для резного золоченого иконостаса. Обновленный храм 30 июня 1878 г. освятил епископ Гермоген (Добронравин).

В 1758 г. по храмозданной грамоте митрополита Димитрия (Сеченова) от 22 февраля и на пожертвования новоладожского купца Семена Третьякова и других прихожан началось строительство каменной зимней **церкви Спаса Нерукотворного Образа.** Ее предшественницей была теплая церковь в Старой Ладоге, которую перенесли в 1698 г. от Ивановского монастыря к Климентовскому собору, а затем, вероятно, одновременно с ним – в Новую Ладогу. Она была освящена в 1765 г. и имела два придела – в память Рождества Иоанна Предтечи и Введения во храм Пресвятой Богородицы, расположенных один против другого, отчего храм в ширину был почти вдвое больше, чем в длину. Венчали здание пять глухих луковичных главок. Антиминс на главном престоле 5 февраля 1833 г. освятил викарный епископ Смарагд (Крыжановский), антиминсы приделов 17 сентября 1796 г. – митрополит Гавриил (Петров).

В приходе хранилось немало ценных предметов утвари, подаренных прихожанами, например, два креста-мощевика, Евангелие, изданное в 1677 г. в Москве; икона святых братьев Алфановых, Новгородских чудотворцев. Особым почитанием пользовался крест из с. Сари, с которым было связано чудо, произошедшее во второй половине января 1701 г., во время Северной войны, описанное на складне. Четырехконечный серебряный позолоченный крест, украшенный драгоценными камнями изображениями святых и Страстей Господних, как и остальные святыни, исчез в советское лихолетье.

К приходу были приписаны две часовни, в том числе Крестовоздвиженская в Староладожской слободе, перенесенная от подъемного моста в Староладожскую крепость в 1820-е гг. (не сохранилась).

Крестные ходы, кроме 6 января и 1 августа, совершались к Тихвинской часовне в слободе «Пески» (26 июня) и в Георгиевскую церковь (2 июля). Последний совершался вокруг всего города и окрестных селений в память избавления от эпидемий холеры 1831 и 1848 гг. и «скотского падежа» в 1861 г.

Церковная земля, сдававшаяся в аренду, находилась в двух пустошах, называемых «Климентовщина», право на которые было зафиксировано в писцовых книгах 1568 и 1583 гг.: у Старой Ладоги (дер. Шерега) и дер. Белые Кресты, а также в урочище Любша близ Васильевского погоста. В 1866 г. у мещанки С.А. Андреевой был приобретен двухэтажный деревянный дом для причта, в 1873 г. куплен еще один дом для хозяйственных целей у мещанки Е. Дубенской.

В храме служили: в XVIII в. – священники Василий Никонов, Иаков Трофимов, Димитрий Евстафьев, «поповский староста» († 1734 г.), Павел Лукин, Матфей Иванов, Феодор Игнатьев, Антоний Тимофеев, Петр Васильев, Иоанн Семенов, Димитрий Архипов, в XIX в. – Стефан Иоаннович Правдин, Иоанн Федоров, Алексий Евфимиевич Смирнов, Иоанн Семенович Покровский, Феодор Иовлев, составивший, вероятно, в 1840-е гг. «Описание церквей Новой Ладоги»; Иоанн Феодорович Музовской из Крениц (умер от холеры в 1848 г. и погребен на кладбище при соборе), Александр Феодорович Соловьев, Александр Александрович Налимов; Алексий Феодорович Налимов, служивший

Церковь Спаса Нерукотворенного в Новой Ладоге. Фото нач. XX века и современный вид

с 1889 г. и являвшийся благочинным Новоладожского уезда. Служил и проповедовал в Климентовской церкви бывший проездом в Новой Ладоге св. праведный Иоанн Кронштадтский.

Спасскую церковь закрыли в 1935 г., через три года, несмотря на жалобы верующих во ВЦИК, настал черед Климентовского храма. Здание передали под кинотеатр, первоначально там предполагалось разместить ремонтно-механические мастерские «Ленгоррыбтреста». Внутреннее убранство и иконостасы были уничтожены. В 1948 г. здания восстановили после военных разрушений и разместили здесь рыбзавод, под склады которого, а до этого мастерские «Ленрыбы», отвели обезглавленную Спасскую церковь (в Климентовской также был склад рыбкооператива и райпищекомбината). В 1980–1990-х гг. в Климентовской церкви находился цех завода «Лаконд», а в Спасской церкви – цех Новоладожского рыбокомбината. С начала 1990-х гг. здания пустуют, открыты и окончательно разрушаются. Пока еще уцелели фрагменты росписей Климентовской церкви в куполе (Спас Вседержитель, Небесные Силы безплотные) и на стенах (Рождество Христово, Введение, Успение, Воздвижение, св. Мария Магдалина, св. Александр Невский, св. Исидор – небесный покровитель митрополита Исидора и др.), выполнены они в академическом духе.

Между церквями чудом уцелело массивное гранитное надгробие в художественной металлической ограде – захоронение одного из благотворителей Климентовской и других церквей уезда, новоладожского купца, потомственного почетного гражданина Назария Фомича Кулагина († 27 ноября 1879 г. на 86-м году жизни). Он, в частности, организовал в 1859 г. в Новой Ладоге благотворительное общество для снабжения бедных ладожан пищей. Администрация рыбокомбината в 1960-е гг. неоднократно предпринимала попытки снести «мешавший производственному процессу» памятник. Исполнявший обязанности директора рыбзавода Мальков 26 августа 1959 г. просил «для возможности приведения в порядок двора на территории Новоладожского рыбзавода снести надгробие и два звена цоколя разрушенной церковной ограды <...> Это позволит значительно улучшить состояние территории». Несмотря на полученную санкцию, памятник в виде часовни в русском стиле с шатром и кокошниками в его основании стоит до сих пор (правда, без креста и луковичной главки и с выломанными звеньями ограждения).

Георгиевская (Суворовская) церковь с кладбищем при ней находилась в южном конце города, на выезде из Новой Ладоги в сторону Петербурга. Со стороны шоссе к прямоугольной в плане деревянной церкви примыкали каменный притвор и колокольня. Построенный в традициях народного деревянного зодчества бревенчатый храм напоминал Суворовскую церковь из села Кончанское – новгородского имения полководца. Вытянутый,

Новая Ладога. Николаевский проспект уГорбатого моста. Справа – часовня Тихвинской иконы Божией Матери

с пятигранным алтарным прирубом и увенчанный четвериком с небольшим восьмериком, невысоким шатром и луковичной главкой, храм красиво располагался на холме, окруженный ельником и березами. С трех сторон к зданию примыкала галерея на столбах с двумя восточными и западной дверями. Внутри церковь была невысока, всю восточную стену занимал двухъярусный иконостас с образами «простой работы».

По выбытии Суздальского полка из Новой Ладоги церковь оставалась приписанной к собору. Постепенно она пришла в упадок, в 1802 г. была отремонтирована А. Г. Щербатовым и вновь освящена как Георгиевская. В 1820 г. церковь повторно ремонтировал граф Д.И. Хвостов. В 1861 на средства купца Егора Ивановича Ильинского с запада были пристроены каменная колокольня и притвор, в котором в 1863 г. устроили придел в честь Положения Ризы Богородицы в память освобождения крестьян.

7 июня 1862 г. был высочайше утвержден проект постройки новой пятиглавой каменной церкви в русском стиле «в память существующей и прошедшей в ветхость деревянной», увенчанной высоким шатром и луковичным пятигаавием. Проект так и не был осуществлен в связи с тем, что значительная часть имущества благотворителя Е. И. Ильинского пострадала от пожара и он лишился необходимых средств. После двухлетнего ремонта, поддержанного, в частности, генералом Циммерманом, епископ Гермоген (Добронравин) вновь освятил 29 июня 1878 г. храм в присутствии светлейшего князя А. А. Суворова-Рымникского, внука полководца. В церкви помещался бюст полководца. 7 июня 1884 г., во время посещения Ладоги Великим Князем Владимиром Александровичем, в ней отслужили молебен. Присутствовавший при этом К.К. Случевский отметил: «В церкви имеется, между прочим, гипсовый бюст Суворова, поставленный вправо перед лицом к алтарю. Сходства нет решительно никакого <....> лицо какого-то чрезвычайно довольного собой, сытого, откормленного вельможи».

В начале XX в. службы в церкви совершались три раза в год в храмовые праздники: 2 июля, 26 ноября и 23 апреля. На кладбище, окруженном оградой, хоронили лишь умерших в больнице. В 1918 г. Петросовет выделил на ремонт церкви 20 тысяч рублей, а через шесть лет храм был закрыт. С 1951 г. в нем разместился склад райпищекомбината, затем цех по производству елочных игрушек, позже он пустовал, формально занятый предприятием «Лаконд». Церковь, которую специалисты называли «по чистоте линий и строгому убранству одним из лучших образцов культовой архитектуры XVIII столетия» и в которой предполагалось открыть музей А.В. Суворова, 9–10 февраля 1988 г. сгорела. Еще несколько лет можно было видеть обгоревшие нижние венцы, а также несколько деревянных крестов без надписей и могильные холмы на упраздненном кладбище. Ныне уцелели лишь нижние ярусы колокольни (без шатра) и лишенный кровли каменный притвор со скромным декором в русском стиле. Они открыты, пустуют и разрушаются.

Александро-Невская церковь находится в южной части города на Старом канале, рядом со зданием бывших присутственных мест. Храм в память избавления Александра II от покушения новоладожский купец Т. Ф. Луковицкий построил в 1871 г. при «тюремном замке», поскольку являлся директором общества попечительства о тюрьмах. Он же вместе с супругой Анной оставил специальный капитал в 2000 рублей, проценты от которого служили вознаграждением причту. Небольшая (24 м в длину, 9 м в ширину) краснокирпичная церковь с шатровой колокольней была освящена 25 мая 1871 г. епископом Выборгским Павлом (Лебедевым). Посредине железной двускатной крыши возвышался восьмигранный купол с окном в каждой грани, увенчанный деревянным крестом (купол и колокольня утрачены). Западный вход вел в тюремный двор, северный – в город, на полукруглой алтарной апсиде находился образ св. кн. Александра Невского. По описанию Н.П. Маркова, церковь была внутри «светленькая и уютненькая», деревянный двухъярусный иконостас был выкрашен белой краской и украшен позолоченной резьбой, иконы «новейшей живописи» частично копировали образа Исаакиевского собора. Запрестольный образ во всю высоту стены изображал Моление о чаше. С западной стороны на деревянных столбах возвышались хоры, где во время службы находились арестанты местной тюрьмы, для которой и строилась церковь, приписанная к собору. Новоладожское отделение Общества попечительного о тюрьмах в связи с постройкой церкви для арестантов получило разрешение на изменение части плана города, Высочайше утвержденного 9 июля 1859 г., с перенесением улицы в слободе Загородье. Тюремный двор был увеличен, и в него включена разделявшая церковь и тюрьму улица. Закрытие церкви произошло в 1924 г. Она была лишена завершений, переделена на два этажа, частично утратила наружный декор и использовалась для производственных нужд древоцеха. Ныне здание пустует.

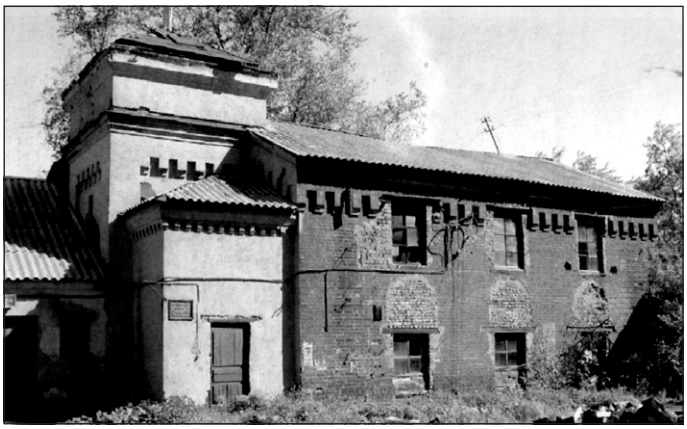
Иконостас Георгиевской церкви. Фото нач. XX века

Вид на старое устье Петровского канала. Присутственные места, Александро-Невская церковь и старое здание уездной земской управы. С открытки начала XX века

Из шести часовен, когда-то имевшихся в Новой Ладоге, не сохранилось ни одной. Три часовни были деревянными: Никольская у перевоза через Волхов, Тихвинская в слободе Пески, Крестовоздвиженская в Староладожской слободе.

Каменная часовня за Горбатым мостом на Старом канале привлекала людей с судов, ждавших очереди для ввода в канал. Многие опускали в кружку мелкие деньги, которых в «навигационное время» набиралось до 150 рублей в месяц. Когда же большая часть судов стала проходить по новому каналу, сбор в этой часовне исчез. Вероятно, что эта часовня с деревянным флигелем для сборщика и братии была построена в 1818 г. на средства благотворителей в качестве подворья Староладожского Никольского монастыря.

Каменную часовню на Песоцкой улице построили в 1869 г. купцы Т.Ф. Луковицкий и Ф.В. Марфин в память избавления Императора Александра II от угрожавшего



Александро-Невская церковь. Южный фасад. Современное фото

ему покушения в Париже. Прежде здесь стояла деревянная часовня, в которой, по преданию, некоторое время пребывали мощи св. Александра Невского по пути из Владимира в С.-Петербург. Торжество встречи раки с мощами 14 сентября 1723 г. в Новой Ладоге было одним из важнейших событий церковной жизни города в XVIII столетии. Поручик флота Косенков, управляющий А.Д. Меншикова Алексей Жеребцов, бургомистр Алексей Барсуков, встретили мощи в восьми верстах у с. Покровского, протопоп собора о. Сергий и духовенство с крестами и иконами, многочисленные жители – у канала, где и остались на ночлег. На следующий отслужили обедню и отправили святыню в Шлиссельбург «сухим путем».

Еще одна каменная Александро-Невская часовня была построена в слободе Загородье на набережной Волхова, рядом с памятником в честь сооружения Александровского канала. Ее посвятили чудесному избавлению Императора Александра III с семьей во время крушения Царского поезда в Борках. В мае 1888 г. к Новоладожскому городскому голове обратились с прошением «Общество коннопромышленников и судопромышленников по приладожским каналам» и граждане Новой Ладоги, которые ходатайствовали о постройке на свои средства часовни, приписанной к городскому собору. «Лучше, изящнее и практичнее» губернский архитектор А.Р. Гешвенд счел проект М.А. Щурупова. 21 июля 1888 г. он был утвержден, 18 сентября заложен фундамент, а 25 августа 1891 г. часовня была освящена. Она представляла собой «грандиозное и красивое здание», прекрасно видное с Волхова и Ладоги благодаря своей высоте (около 15 метров с крестом). Восьмерик, увенчанный шатром, был облицован гранитом и украшен барельефами евангелистов в киотах. От часовни, разрушенной в августе 1941 г. бомбардировкой, остался только фундамент.

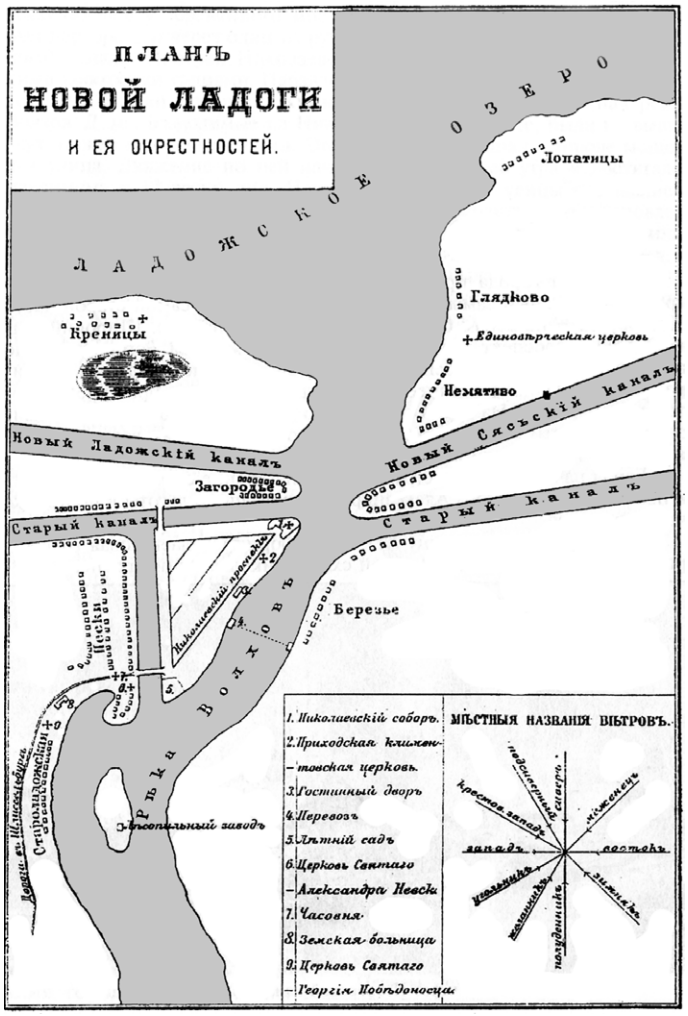
Из церковных обычаев города отмечалось, что при свадебном сговоре всегда присутствовал священник и родительское благословение сопровождалось пением «Достойно есть», поэтому о совершившемся сговоре говорили: «У них уже “Достойно” пропели». Священник в епитрахили с крестом провожал молодых в церковь и из церкви – в дом жениха.

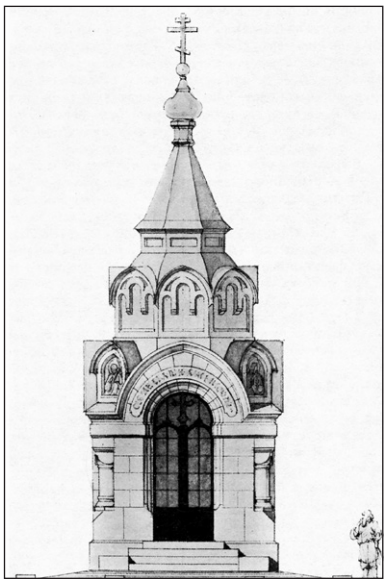
Во все праздники в церквах объявлялся сбор пожертвований, перед Пасхой и Рождеством соборный причт обходил дома прихожан с молитвой, на разрешение скоромного. Ежегодно 23 апреля горожане пригоняли коров и лошадей к Георгиевской церкви для окропления святой водой.

Новоладожский уезд в конце XIX в. разделялся на пять благочиний Санкт-Петербургской епархии. В благочинии, которое с 1838 г. возглавлял протоиерей Новоладожского Николаевского собора Илия Алексеевич Велитский значилось 15 церквей; благочинный Василий Александрович Белявин, священник церкви Флора и Лавра в селе Гавсари, с 1867 г. имел в своем подчинении 10 церквей; священник Никольской церкви в Городищенском погосте (совр. Киришский район, не сохранилась) Сергий Иоаннович Заборовский с 1862 г. – 17 церквей; священник Рождественской церкви в Пашском погосте Лев Феодорович Быстреевский с 1863 г. – 12 церквей. Протоиерей Николаевской единоверческой церкви в Петербурге Афанасий Лукич Базарянинов с 1854 г. попечительствовал в Новоладожском благочинии над двумя единоверческими церквями.

К началу Первой Мировой войны в храмах Новой Ладоги служили протоиерей П.А. Быстряков, председатель городского благотворительного общества при церкви, где ему помогал купец М.Ф. Кукин, священник А.В. Краснопевцев, диаконы П.Ф. Георгиевский и Н.К.Ларченко (Николаевский собор), священник Н.А. Виноградов, диакон М. В. Виноградов (Климентовский приход). Приходы насчитывали от 90–100 (Старая Ладога, Заднево) до 1050 (Усадище-Заболотское) дворов. К числу больших приходов принадлежали Михаило-Архангельский погост (900), Пашский погост (750), Христорождественский (550) и Никольский (500) Сясьские погосты, Лунгачи (500 дворов), Масельга (470), Тигода (440), Вороново (380), Сари (370), Помялово, Мотохово (по 360), Колголема (350), Сольцы (340).

Новая Ладога. Александро-Невская церковь и здание присутственных мест. Современное фото





Часовня св. бл. князя Александра Невского в устье Нового Александровского канала, в Загородье. Проект М.А. Щурупова, 1888 год

В уезде действовали мужские монастыри в Старой Ладоге (Николаевский и Иоанно-Предтеченский), Троицкий Зеленецкий монастырь, Николаевский Гостинопольский монастырь, Островский Введенский монастырь и женский Староладожский Успенский монастырь. В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга сохранились фонды Староладожского Никольского монастыря и ряда церквей Новоладожского уезда, преимущественно разрушенных: Вороновского, Ильинского, Никольско-Сясьского, Пашского погостов, сел Колголема, Лунгачи, Шолтола, Рогожа, Масельга, Глажево.

Публикуется по книге:
А.В. Берташ, А.Ф. Векслер «Новая Ладога»,
серия: города Петра Великого СПб, 2004 г.

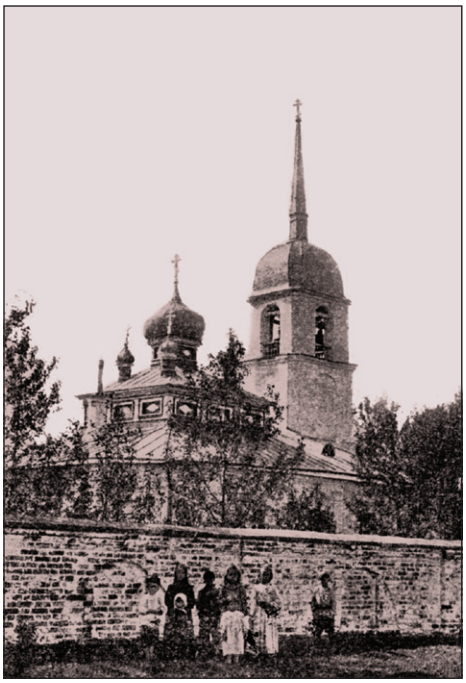
Крестный ход за архиерейской службой в день престольного праздника в соборе Новой Ладоги

Крестовоздвиженская часовня на канале Императора Александра III в Новой Ладоге

Въ селѣ Криницахъ имѣется часовня во имя пр. Иліи, построенная на мѣстѣ прежней церкви; кромѣ нея есть еще три: на юго-западъ отъ села, въ полутора верстахъ отъ церкви во имя Воздвиженія, на пути въ Новую Ладогу въ полуверстѣ отъ церкви, также во имя Воздвиженія и въ Немятовѣ, во имя Тихвинской Божіей Матери, построенная въ 1859 году съ благословенія епископа Агаѳангела на мѣстѣ прежней, деревянной, пришедшей въ ветхость часовни.

При церкви имѣется церковно-приходская школа и приходское попечительство, открытое въ 1872 г.; предсѣдателемъ его состоитъ купецъ Щепотинъ, членами-жители гор. Новой Ладоги.

Село Черное
Староладожский канал.
Фото С.М. Прокудина-Горского.
1909 год



Храм свв. апостолов Петра и Павла в Креницах

Вся моя жизнь связана с Новой Ладогой, во время войны я тоже находился в городе. Хорошо помню, что у лавы на берегу, на валу Нового канала находилась часовня. К этой часовне ходили крестным ходом на четвертый день после праздника святых апостолов Петра и Павла – 15 июля. Крестный ход начинался с Креницкой церкви, потом обходили все ладожские святыни и заканчивали ход именно в этой часовне. Сам я был звонарем в нескольких храмах, поэтому церковную жизнь Ладоги знаю.

Часовня была деревянная, вход в нее был со стороны лавы. Она сохранялась до середины 30-х гг., может быть до 1937 года. Точно я затрудняюсь сказать. Помню, что ее сруб перенесли на метеостанцию для служебного помещения. Во время войны метеостанция пострадала. После войны построили новое здание.

Уроженец и постоянный житель г. Новая Ладога
Александр Иванович Папушин 1919 г.р.

Моя мать Карачунова (Гаврилова) Анна Ефимовна 1887 г. р. – уроженка села Креницы. Там же жили все родственники, поэтому во все праздники мы ездили к ним в гости, по дороге заходя в деревянную часовню, расположенную на валу Нового канала. Стояла она в нескольких метрах от сторожевого домика, в котором находились работники лавы. Часовня была просторная, со множеством икон, перед которыми теплились свечи. Здание ее было вытянуто вдоль канала, а вход в нее был со стороны лавы. Народу было в праздники много.

Уроженка города Волхова,
с 1951 г. жительница г. Новая Ладога
Людмила Михайловна Грибанова, 1929 г.р.

Новоладожский канал.
Караулка на 23-й версте канала.
Фото С.М. Прокудина-Горского. 1909 год

Школа и больница в селе Лава

Лава.
Бичевой мост.
Бичевники

Сумское.
Часовня и крест времен Царя Петра Первого.
Фото 1909 года

Кобона. Никольская церковь 1820–1821 годов с приделом свв.апп. Петра и Павла, перестр. в 1860–1861. Закрыта в 1938 году. Восстанавливается.

Шлиссельбург.
Гонки на канале Императора Петра I

Водоспуск в селе Черное. Фото 1909 года

Лаврово (1898–1902).
Церковь свт. Николая Чудотворца,
арх. Н.Н.Никонов. Закрыта в 1930-х, открыта
в 1948, но служб не было, разобрана в 1960-е годы

ПО ЛАДОЖСКИМ КАНАЛАМ ОТ ШЛИССЕЛЬБУРГА ДО НОВОЙ ЛАДОГИ (В цветных фотографиях С.М. Прокудина-Горского). 1909 год

Лесосплав на канале

Дубно. Покровская церковь.
Каменная, 1761–1764 годы
с приделом свт. Николая и
всех святых.
Не действует с 1936,
закрыта в 1939 году.
Здание сохранилось

Чудотворный образ свт. Николая Чудотворца за алтарем бывшего Николо-Медведского монастыря в Новой Ладоге. С фотографии С.М. Прокудина-Горского. 1909 год

А.К. Галкин

ЧУДОТВОРНЫЙ ОБРАЗ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ В НОВОЙ ЛАДОГЕ

Ганзейское торговое судно. Изображение на печати Любека (1280 г.)

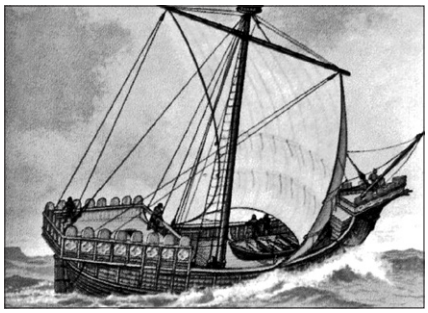
Святитель Николай – покровитель мореходов – был издревле почитаем в Великом Новгороде. Новгородские купцы вели широкую торговлю с городами, расположенными на берегах Балтийского моря (Швеция, Германия, Дания). В свою очередь, северонемецкие (ганзейские) купцы имели постоянное представительство в Новгороде (новгородский «немецкий двор» был закрыт в 1494 г., вслед за присоединением Новгорода к Москве). На протяжении веков весь период навигации вверх и вниз по Волхову шли торговые суда. Издалека над рекой виднелись золоченый шлем Новгородской Софии и надвратная северо-восточная (Владимирская) башня кремля. На башне, высоко над аркой ворот, было написано фресковое изображение святителя Николая. Чудотворец благословлял корабельщиков на мирное «вхождение и исхождение».

В самом устье Волхова, впадающего в бурное Ладожское озеро, караваны судов делали остановку. Здесь, на левом берегу реки, на урочище Медведец, стоял древний монастырь, посвященный святителю Николаю. В первой половине XVI века в Николо-Медведицком монастыре воздвигли каменный собор. Первоначальный облик храма, сохранившегося до наших дней (см. рисунок на стр 187. – *Ред.)*, реконструирован архитектором О.В. Гусевой[1]. (В 1711 году его расширили почти вдвое, пристроив с севера Успенский придел). Собор обращен к реке своей абсидой, выше которой, под самой кровлей храма, также была помещена икона святителя Николая в рост. Перед ней горела неугасимая лампада, служившая спасительным маяком и для рыбаков на озере, и для дальних путников.

Наши благочестивые предки свято верили, что св. Николай Чудотворец стоит на страже начала и конца волховского пути, и все «плавающие посреде пучин» творили здесь молитву своему доброму кормчему и скорому в бедах заступнику, осенявшему их с высоты.

Шведские и русские владения в XVII в. (Фрагмент шведской карты 1695 г.) Хорошо виден водный путь по Волхову от Николо-Медведского монастыря (на карте – S. Nicolas) до Новгорода.

Вскоре после возведения в Николо-Медведицком (Медведском, или монастыре Никола-Медведь – *Ред.*) монастыре каменного собора сам монастырь был упомянут в описании водного пути от Холмогор до Новгорода. Его составили английские «торговые разведчики» Т. Соутэм и Д. Спарк. 25 августа 1556 года англичане вышли из реки Свирь в Ладожское озеро: «…мы шли и на парусах и на веслах, прошли 10 (?) миль вдоль берега и вошли в реку Волхов.<…>. Только что войдя в реку, мы вышли к монастырю Никола-Медведь (St. Nicholas Medved), где провели ночь.



Ганзейский корабль XIII век

26-го мы вышли из Николы-Медведя в 5 часов утра, гребли и тянули лодку весь день и к ночи пришли к другому монастырю, называемому Гостинополье, в 30 милях от Николы-Медведя. Здесь мы переночевали»[2].

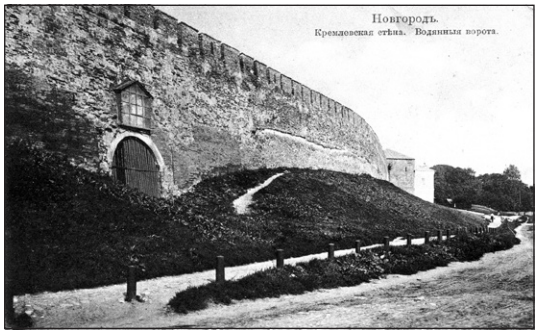
В XVII веке, когда шведы захватили Ижорскую землю, Николо-Медведицкий монастырь оказался приграничным, наподобие Псково-Печерского. Как таковой, он упомянут в записках Адама Олеария, пересекшего русскую границу в составе немецкого посольства 22 июля 1634 года: «Когда мы <…> закончили наш путь по озеру на протяжении 12 миль и вышли на берег у монастыря Никольского на Волховской губе, пришел русский монах и принес послу для привета хлеб и вяленую семгу. <…> После обеда мы отправились по реке, которая привела нас в [Старую – *А.Г.*] Ладогу»[3].

Фрагмент шведской карты XVII в. (ок 1617 г.), на которой в нижнем течении Волхова отмечены Ладога и Медведский монастырь. Государственный архив Швеции.

Прошли века, появились шоссейные и железные дороги, обмелели реки, а к святыням, которые раньше притягивали лишь сердца и взоры, возникла потребность прикасаться. Чтобы богомольцы могли лобызать чудотворный образ на Владимирской башне Новгородского кремля и возжигать перед ним свечи, башня в XIX веке получила со стороны Волхова неуклюжую пристройку с лестницей. В 1960-х годы, при научной реставрации кремля, эту каменную часовню-мешок разобрали, и фресковый образ святителя был освобожден из вынужденного затвора. Правда, фреска дошла до наших дней со значительными утратами – сохранился лишь лик св. Николая и его левая рука, держащая Евангелие.

Судьба Николо-Медведицкой святыни оказалась более драматичной. В отличие от Новгорода она представляла собой не фреску, а икону. Как указывают дореволюционные источники, Николай Чудотворец был представлен на ней с мечом и храмом в руках, т. е. в изводе, называемом «Никола Можайский»[4]. (На фреске Владимирской башни святитель изображен по более древнему типу «Николы Зарайского». Самые ранние известные иконные изображения «Николы Можайского» восходят к XVI веку).

С 1859 г. новоладожскую икону украшала риза работы Федора Андреевича Верховцева (1804–1867). Она



Новгород Великий. Владимирская башня кремля с иконой свт. Николая Чудотворца; Водяные ворота и Владимирская башня; берег Волхова возле Новгородского кремля – с открыток начала XX века. Великий Новгород. С немецкой гравюры (Адама Олеария?) XVII в.

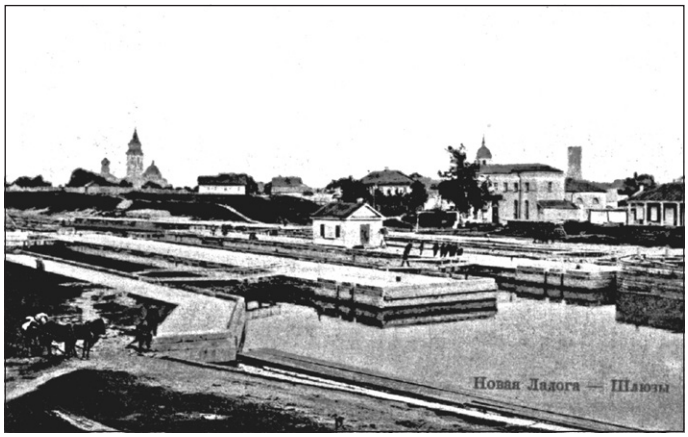
была изготовлена при настоятеле собора протоиерее Илье Велитском (около 1792–1871). (Как пишет священник Александр Берташ, «сброшенное [с пьедестала – *А.Г.*] надгробие умершего в 79-летнем возрасте батюшки, похороненного с женой Анной Матфеевной и двумя детьми, еще сохраняется на кладбище»[5]. Очевидно, для Новоладожского собора – второго кафедрального храма епархии – «духовное возрождение» и «покаяние», о которых теперь так много говорят, еще не наступило). Интересно, что совсем немного ранее – в 1850 году – серебряной ризой была обложена и новгородская надвратная икона-фреска Святителя на Владимирской башне кремля[6].

Образ спасения плывущих по воде в Новоладожском соборе св. ап Иоанна Богослова

Вероятный первоначальный облик каменного собора свт. Николая (XVI в.) в Николо-Медведицком монастыре. Реконструкция арх. О.В.Гусевой

О вкладе ювелира Ф.А. Верховцева в сокровищницу русского церковного искусства XIX века следует сказать особо. Около тридцати лет он неутомимо трудился, создавая благолепие приходских и монастырских храмов, преимущественно С.-Петербургской и Новгородской епархий и, прежде всего, самой северной столицы. К освящению в 1858 году Исаакиевского кафедрального собора Ф.А. Верховцев получил почетный заказ на изготовление для него серебряной утвари, в том числе 12-пудовой гробницы для плащаницы; из его же мастерской вышла серебряная одежда престолов Андреевского собора на Васильевском острове, Спасской на церкви Волковом кладбище[7] <...> С особой любовью Ф.А. Верховцев чеканил серебряные раки, изображая на внешних сторонах сцены из жития почивающих в них святых. Имеется, например, описание изготовленной им в 1858 году раки для мощей св. Иакова Боровичского (в 1654 года перенесенных в Валдайский Иверский монастырь)[8].

Однако имя этого талантливого и плодотворного мастера сегодня мало кому известно: оно не вошло ни в энциклопедию «Художники народов СССР» (Т. 2. М., 1972), ни в «Православную энциклопедию». Дело в том, что все художественное наследие Ф.А. Верховцева в 1922 году стало легкой добычей большевиков, когда под предлогом спасения голодающих Поволжья они провели тотальную «зачистку» храмов от драгоценностей. Из его работ уцелели лишь рака преп. Арсения Коневского 1843 года (в 1940 году эвакуирована монахами с острова Коневец вглубь Финляндии) да святыни Почаевской лавры, включая всем известный звездообразный киот чудотворной Почаевской иконы, датируемый 1861 годом. В свое время они оказались недоступными для «красных конкистадоров». Необходимо отметить, что нацисты, многому научившиеся у большевиков, все же не позволяли себе обращаться с церковными сокровищами «по-ленински». Три года немецкой оккупации (1941–1944) прошли для Почаевской лавры с ее накопленным веками серебром без всяких потерь…



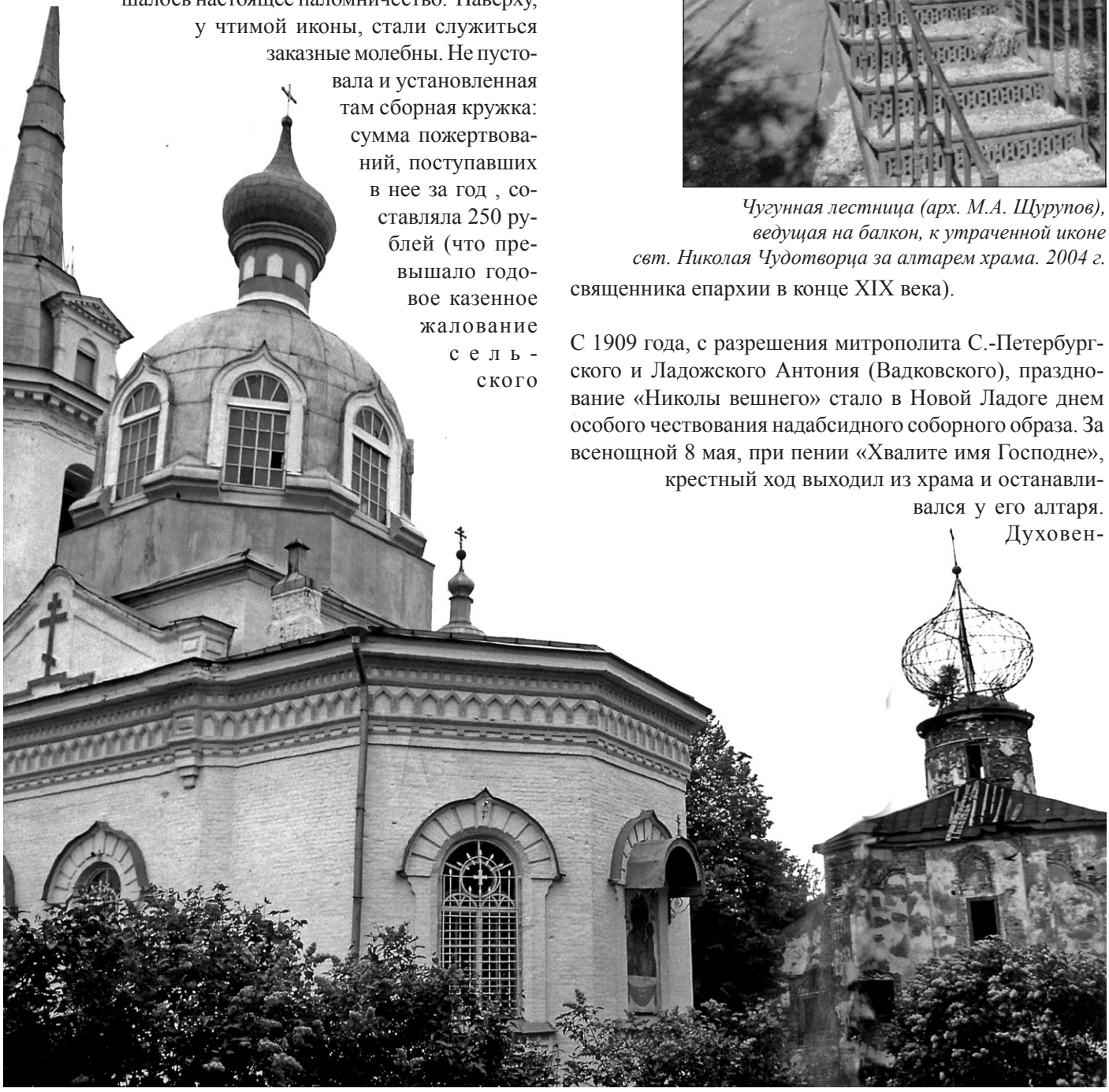
Новая Ладога. Старое устье Петровского канала. Шлюзы. Фото начала XX века

Иоанно-Богословская церковь и Никольский собор. Вид с колокольни Климентовской церкви. Фото начала XX века

Как уже отмечено, перед образом святителя Николая, находившемся под кровлей Новоладожского собора (на высоте 8 метров), постоянно горела лампада. Чтобы заправлять эту лампаду маслом, к ней необходимо было регулярно подниматься (возможно, имелся какой-то чердачный ход). А в середине 1870-х снаружи Никольского собора, за алтарем, соорудили винтовую чугунную лестницу, соединенную с балконом, устроенным под иконой, дополнительным прямым маршем. Необычное инженерное сооружение выполнено с большим мастерством, изящностью и прочностью – вероятно, по проекту архитектора М.А. Щурупова. Богомольцы получали свободный доступ к святыне, и в праздники к ней совершалось настоящее паломничество. Наверху, у чтимой иконы, стали служиться заказные молебны. Не пустовала и установленная там сборная кружка: сумма пожертвований, поступавших в нее за год , составляла 250 рублей (что превышало годовое казенное жалование сельского священника епархии в конце XIX века).

Чугунная лестница (арх. М.А. Щурупов), ведущая на балкон, к утраченной иконе свт. Николая Чудотворца за алтарем храма. 2004 г.

С 1909 года, с разрешения митрополита С.-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского), празднование «Николы вешнего» стало в Новой Ладоге днем особого чествования надабсидного соборного образа. За всенощной 8 мая, при пении «Хвалите имя Господне», крестный ход выходил из храма и останавливался у его алтаря. Духовен-



Собор Николо-Медведского монастыря XVI в. (справа) и храм Иоанна Богослова (1876–1878 Арх. М.А.Щурупов) в Новой Ладоге. Фото 1997 года

ство поднималось к образу, вынимало его из киота и выносило к народу по винтовой лестнице. Крестный ход возвращался в собор, где образ оставался до конца Литургии 9 мая. Во время молебна его возвращали тем же чином на постоянное место, на наружную стена собора[9]. 9 мая 1917 местный праздник впервые был отмечен архиерейским служением: литургию в Никольском соборе совершал епископ Кронштадтский (с 17 июня того же года – епископ Ладожский) Мелхиседек (Паевский)[10].

В 1920–1930-е годы прихожане Новоладожского собора вместе со всей Русской Православной Церковью испили чашу гонений на веру. Вслед за изъятием в 1929 году из конституции СССР пункта о свободе религиозной пропаганды коммунистический режим дал «разрешение на вся» погромщикам из «Союза воинствующих безбожников». По рассказам старожилов, безбожники несколько раз срывали икону святителя Николая со стены и бросали ее в Волхов. Один или два раза ее находил и возвращал на место священник (с 1933 – протоиерей) Николай Прокофьев, с 1928 года служивший в единоверческой церкви в с. Немятове, на другом берегу Волхова, чуть ниже Новой Ладоги. Затем она исчезла. В ноябре 1937 года новоладожские соборы остались «без пения» «за отсутствием служителей культа» и вскоре были закрыты с соблюдением всех тонкостей советского законодательства. Протоиерей Н. Прокофьев пережил сталинскую бойню 1937-1938 годов – единственный из всего новоладожского духовенства. После войны, с конца 1940-х годов, он служил в с. Велебицах на реке Шелони (Новгородская обл.). Согласно одному из преданий, в храме этого села, открытом в дни оккупации, он обнаружил образ святителя Николая со своей метой, сделанной им в Новой Ладоге.

В новоладожских соборах богослужение возобновилось в 1948 году (сначала в летнем Никольском, затем в зимнем Рождества Богородицы). Однако никаких попыток разыскать древнюю святыню или хотя бы установить на ее место копию, предпринято не было. А в 1961 году 400-летний собор Николо-Медведицкого монастыря был вновь закрыт.

Примечания:

[1] *Гусева О.В.* Никольский собор в Новой Ладоге – памятник новгородского зодчества XVI века // Славяно-русские древности. Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Т. 205. М., 1991. С. 106-110.

[2] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Перевод с англ. Ю.В. Готье. М., 1937. С. 85-86.

[3] Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. 297-298.

[4] *Марков Н.* Новая Ладога, уездный город С.-Петербургской губернии, в современном его состоянии. Остров, 1891. С. 12.

[5] *Берташ А.В., Векслер А.Ф.* Новая Ладога. СПб, 2004. С. 70.

[6] *Соловьев И., протоиерей.* Описание новгородского Софийского собора. СПб, 1858. С. 216.

[7] *Антонов В.В., Кобак.А.В.* Святыни Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в трех томах. Т. 1. СПб, 1994. С. 82, 108; Т. 3. СПб, 1996. 170.

[8] *Силин П.М.* Св. праведный Иаков Боровичский чудотворец // Русский паломник. 1893. № 45. С. 714-715 (рис. – № 43. С. 680).

[9] *Прихожанин.* Церковный праздник // Озерный край. Местная газета (Н. Ладога). 1913. № 21 (12 мая). С. 1-2.

[10] Архив С.-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 3 (2). Д. 163. Послужной список протоиерея Н.И. Ломакина.

Вверху: Евангелия из Николо-Медведского монастыря. Фото 1912 года

Храм свт. Николая Чудотворца. Современный вид после реставрации 2003-2006 годов

А.К. Галкин

ОСАДНЫЙ КРЕСТ ИЗ КЛИМЕНТОВСКОЙ ЦЕРКВИ В НОВОЙ ЛАДОГЕ

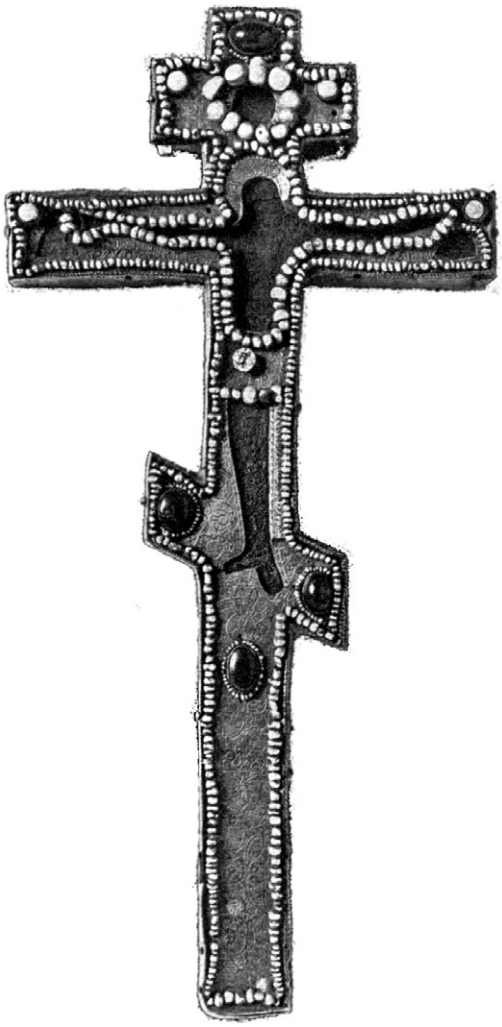
Летом 1700 года Россия начала Северную войну со Швецией за выход к Балтийскому морю: русские войска осадили Нарву. 19 ноября 1700 года Карл XII нанес им сокрушительное поражение, но не стал преследовать отступавших. Зимой 1700/1701 года обе противоборствующие стороны «чинили партиями поиски». Местом военных действий стал и Ладожский уезд, причем шведы «сожгли около Ладоги <…> несколько сел и деревень»[1]. Памятником благополучнго исхода соприкосновения русского отряда с более чем десятикратно превосходившим его по численности шведским войском стал т. н. Осадный крест, до 1920-х годов благоговейно хранившийся в Климентовской церкви Новой Ладоги.

Складень из Климентовской церкви в Новой Ладоге. В центре – Осадный крест

«Боевая история» креста была выгравирована на складне, изготовленном для него, очевидно, вскоре после самих событий. Они разворачивалось так. В январе 1701 года «новогородских полков капитаны с белогородскими и ладо[ж]скими стрельцами четыреста человек» были посланы «из Ладоги к немецкому свейскому рубежу, к лавуйской и курыхановской заставам». (По реке Лаве, впадающей в Ладожское озеро, проходила граница России и Швеции, установленная в 1617 году). В приграничном селе Сари отряд был окружен шведским войском, но смог организовать круговую оборону. Численность противника была оценена в «пять тысящ и больши» (что несколько сомнительно: у самого Карла, когда он поспешил на помощь осажденной Нарве, имелось не более 18000 войска). Несмотря на такое превосходство, шведы с 17 по 28 января так и не смогли захватить село (приступы следовали каждый день). Осажденные были уверены, что на их стороне находятся все силы небесные. 21 января ладожскому стрельцу Ивану Васильеву «явился честный крест»: «пришед бо к нему некий человек и благословляет его крестом и велел сказать начальным людем и всем ратным без боязни сидеть и крест велел им взять в горницы и с собою вынесть из осаду и поставить в церкви»(т. е. в соборе главного города края – Ладоги). Поскольку крест, о котором идет речь, относится к типу напрестольных, упомянутый «некий человек» мог быть только местным священником или церковником. Иными словами, это причт села Сари, не исключено, что с ведома прихожан, «вооружил» русскую дружину символом победы – крестом Христовым. Рассказ стрельца не мог не укрепить боевой дух осажденных. Второе чудесное

Лава (Laba). Лавуйская застава и погост. С литографии Адама Олеария XVII dtrf

событие записано под 24 января. Пользуясь темнотой ночи, «неприятели завезли щит к конюшне на 9 санях и зажгли». Оборонявшиеся сладко спали, зато бессонную «стражу нощную» на русской стороне несли святые Феодор Стратилат, Феодор Тирон, великомученики Георгий и Димитрий. Вчетвером они поспешили явиться ладожскому конному казаку Петру Лосовикову со словами: «Что де вы спите?» Была поднята тревога, и защитники села «от огня невредимы быша». После 12 дней осады стрельцы, «честный и ж[ив]отворящий крест неся пред собою, прошли сквоз швецкое воинство <…> ничем невредимы». Куда делись шведы, надпись не уточняет. Очевидно, они тоже ушли восвояси. Подобный результат не мог не удовлетворить обе стороны. Разойдясь, и шведы, и русские могли чувствовать себя если не победителями, то, по крайней мере, непобежденными. Надо полагать, что в Ладоге крестоносному отряду была устроена торжественная встреча. Сам же крест поместили в Климентовской соборной церкви, находившейся на городском посаде, к югу от каменной крепости. Но там он оставался недолго. При основании в 1704 году в самом устье Волхова города Новая Ладога туда переселили большую части ладожан, «посадских людей».



Осадный крест. Лицевая сторона. Фото 1910-х гг.

По «архиерейскому указу и грамоте» митрополита Новгородского Иова в новоснованный город была перевезена со всею утварью, включая Осадный крест, и соборная церковь священномученика Климента (она была деревянной). Известно даже имя ее священника, которому пришлось покинуть насиженное место – Афанасий Васильев[2].

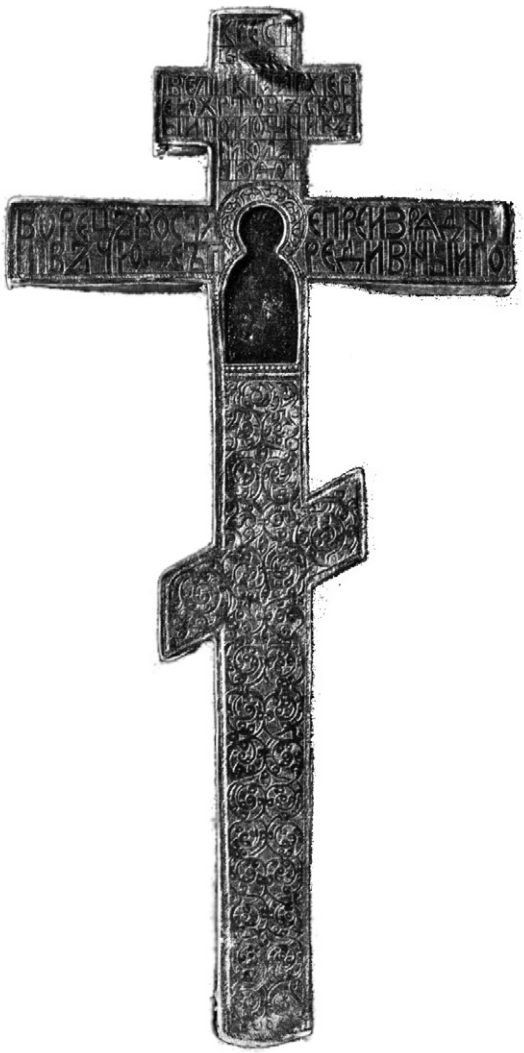
Русские священники. С литографии XVII в.

Согласно описанию и фотографиям Н.И. Репникова[3], собственно крест, длиной 30 см, имел на лицевой стороне, обнизанной жемчугом, изображение Распятия, а на обороте – поясное изображение святого (Николая Чудотворца?). На серебряном окладе оборотной стороны креста выгравирована надпись: «Великий архиерею Хр[ис]товъ скорый помощникъ Никола Чюдотворецъ во с[вя]т[ите]ле[х] преизрядный и въ чюде[сех]ъ предивный». Киот-складень отличался сложной иконографической композицией: на среднике по сторонам от креста помещены четверо предстоящих, 6 клейм «Страстей» (Христос перед Пилатом, Несение креста, Бичевание, Снятие с креста, Положение во гроб, Сошествие во ад), на створах – 2 ряда по 10 святых в каждом и Благовещение. Но наибольший интерес, пожалуй, представляют фигуры св. Бориса и Глеба у подножия креста. Очевидно, в народном представлении начала XVIII века именно первые русские святые продолжали нести оборону границ родной земли, как это было в XIII веке, при св. Александре Невском (видение Пелгусия). Напротив, почитание самого победителя «Вейлгера свейского» в Приладожье в допетровское время особого распространения не имело.

В начале XX века фотография Осадного креста была помещена в двух изданиях – общем («Лавры, монастыри и храмы на св. Руси. С.-Петербургская епархия». СПб, 1908) и специальном («Записки <…> Русского военно-исторического общества». Пгр., 1914). Автор последней публикации, Н.И. Репников, подробно рассказал о

кресте в своем докладе 17 ноября 1912 года на заседании разряда военной археологии и археографии Русского военно-исторического общества. Что случилось с исторической святыней в 1920-е годы, достоверных сведений нет. Она могла быть или уничтожена после того, как с нее содрали несколько десятков грамм серебра и несколько сотен жемчужин, пополнивших большевистскую казну, или продана за границу или, наконец, могла попасть в запасники какого-нибудь музея, скорее всего, ленинградского или московского…

К настоящему времени Климентовская церковь, как и соседняя теплая Спасская (первая построена в камне в 1741–1743, вторая – в 1758–1765 годах) совершенно опустошены и заброшены. Среди этого расхищения еще более роскошным и величественным смотрится чудом уцелевшее гранитное надгробие новоладожского купца-благотворителя Н.Ф. Кулагина († 27 ноября 1879), которое высится между холодным и теплым храмами. Памятник-часовня имеет особую художественную и историческую ценность уже потому, что он представляет собой практически точную, только значительно уменьшенную, копию часовни, установленной в 1854 году на первом постоянном мосту через Неву – Благовещенском (позднее Николаевском, с 1918 по 2007 гг. – лейтенанта Шмидта). Ее проектировал выдающийся мастер – архитектор А.И. Штакеншнейдер (1802–1865). Оригинал погиб еще в 1930 году, а в 1959 году чуть было не снесли и копию (надгробие). Но Господь не дал осквернить могилу Своего раба Назария – вероятно, за его милосердие. Властям и жителям Новой Ладоги давно пора увидеть красоту, осознать, что произошло чудо и протянуть руку, чтобы хоть немного обиходить могилу человека, на примере которого можно учиться и учиться…



Осадный крест. Оборотная сторона. Фото 1910-х гг.

Примечания:

[1] Журнал или поденная записка … императора Петра Великого. СПб, 1770. С. 25.

[2] *Репников Н.И.* О желательности археологических исследований в Старой Ладоге в связи с разведками, произведенными летом 1909 года // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 4. Новгород. С. 7-8.

[3] *Репников Н.И.* Памятники военной старины в низовьях р. Волхова // Записки разряда военной археологии и археографии Имп. Русского военно-исторического общества. Т. III. Пгр, 1914. С. 1-10.

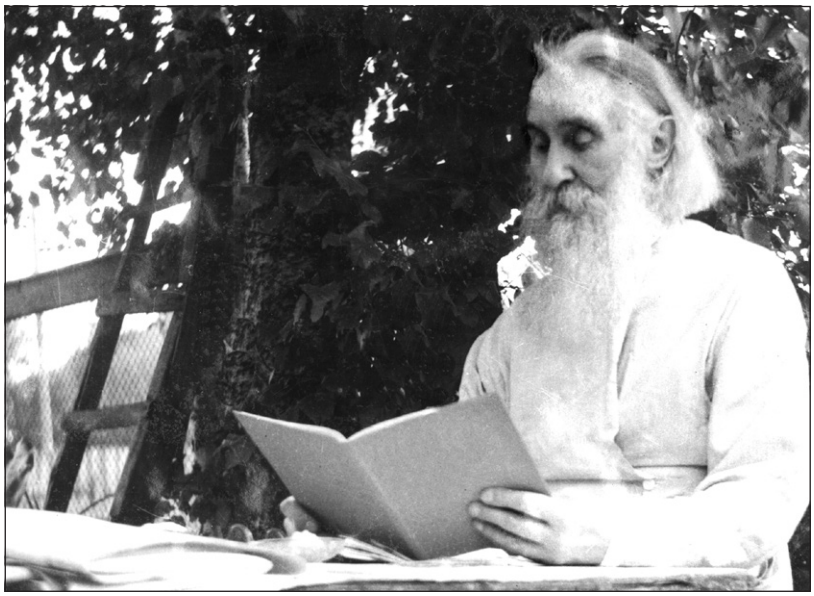
Шведские всадники. XVII в.

Русский всадник. XVII в.

ПРОПОВЕДЬ

Протоиерей Владимир Шамонин

НАСТАВЛЕНИЯ МИРЯНАМ



Протоиерей Владимир Шамонин родился 16 сентября 1882 года в Орле. Окончил гимназию, Александровский кадетский корпус (1900). Под влиянием митр. С.-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского) избрал путь служения Христу. Окончил С.-Петербургскую Духовную академию. Кандидат богословия. В июне 1908 был рукоположен во диакона (на Троицу) и во иерея (на день Св. Духа) и направлен в сельский приход Покровской церкви села Сари Новоладожского уезда. С мая 1914 – священник новопостроенного Феодоровского собора в память 300-летия Дома Романовых в С.-Петербурге (Товарный переулок,15). С 1922 г. служил настоятелем Николо-Борградского храма (церковь иконы Божией Матери Скоропослушницы) на 2-й Рождественской. В 1930 г. перемещен к церкви свв. Бориса и Глеба на Калашниковской набережной. Арестован 22.12.1933 в Ленинграде по делу «евлогиевцев». Приговорен 25.02.1934 к 3 годам лагерей, был сослан на Дальний Восток. После возвращения из ссылки жить с семьей ему не позволили. С началом войны был выслан в Вятку. После войны, с 6 июня 1944 г. назначен 2-м священником к Спасо-Парголовской церкви, где служил более 20-ти лет. Скончался 3 декабря 1967 года. Похоронен на Шуваловском кладбище.

†

Высокая жизнь должна кончаться славной смертью.

†

Память постоянная о своих неправдах пред Богом есть покаяние.

†

В Царство Небесное нельзя войти без искушения; если вам кажется, что у кого-нибудь его не было, значит, не знаете жизни этого человека.

†

Чувство меры – «мерность» – великое дело: оно притягивает человека к Богу. И наоборот: если нет его – человек отдаляется от Бога.

†

Хорошее в других надо понимать в укор себе.

†

Молиться надо с веселым лицом и бодро. Ты предстоишь Богу. Которого любишь больше всего на свете, а значит, рад общению с Ним. Иначе как же? Если с кислым лицом или вяло, неохотно, с трудом, с леностью, даже с нежеланием, – какая же это вера? Эго тогда – безбожие! Даже не оскорбление, а именно безбожие.

†

Не надо раздражаться на чужие ошибки. Надо сожалеть о них и стараться помочь их исправить. И о себе туг же подумать – сравнить, нет ли похожего, а то и хуже.

†

Равнодушие мы привыкли понимать как что-то неприятное, как бы несочувствие, отчужденность, нежелание понять, пожалеть, помочь. Но это не так. Равнодушный - это человек, все одинаково воспринимающий: ровно, спокойно, просто, ничему не удивляясь, ничем не обижаясь, не огорчаясь и особенно не радуясь.

†

Старцы говорили, что надо вести себя так, как покойники: ругают, бранят – без реакции; восхваляют, превозносят – без реакции; как бы не слышат, как бы не воспринимают, мертвы для этого.

†

Людей принимать надо с радостью, какие бы они ни были – их посылает Бог. Вот если бы пришел кто неприятный, нежелательный, мы подумали бы: «Ой, зачем такой к нам идет?», а он сказал бы: «Я послан от такого-то» и назвал какое-то важное лицо, от которого мы зависим во многом. Мы сейчас же начнем улыбаться и делаем вид, что очень рады. Так это человек послал, а людей-то посылает Бог.

†

Похвалы людей вредны нам: мы становимся слабее и хуже относимся к людям.

†

Духовное общение со светлым человеком, хотя бы мы при жизни и не знали его, куда сильнее, чем общение с людьми знакомыми, но ничего не дающими душе, хотя бы и с родными, не разделяющими светлые чувства, мысли, мнения.

†

За больными ухаживать и трудно и, с одной стороны, почетно, а с другой – ответственно. Уход за больными – великое дело, больница – вторая церковь и даже больше, так как в церковь ходим в свое удовольствие и ведем себя там, как хотим (отдаемся молитве и не по моментам службы, а по своему определению, не освящаясь, а сами дерзаем освящать тогда, когда захотим, помолимся немножко, а когда захотим, поболтаем, поразвлечемся), а к больному – по необходимости, часто по принуждению, против стремления, на пользу человека, а не себе.

†

Больные бывают капризны, злы, могут и бить вас. клеветать на вас. Это в порядке вещей. А вот если ухаживающий обижается на больного, грубит ему и даже бьет, желает ему смерти, как облегчения для себя, брезгует его телом, боится его смерти, это не вменится в доброе дело, а наоборот, – в осуждение. Больных надо жалеть и любить и ухаживать за ними ради Бога.

†

«Сердце чисто созижди во мне, Боже!» Самое главное – чистота сердечная, иначе Благодать не пристанет к нему, и тяжесть нечистоты не даст свободно и легко вознестись молитвой к Богу. Следствием сердечной чистоты будет осуществление и этих святых слов: «И дух прав обнови во утробе моей?» И этих слов: «Не отвержи мене от Лица Твоего и Духа Святого Твоего не отыми от мене». Так все и исходит от чистоты сердца – сперва надо о ней позаботиться, а все остальное так и пойдет, пойдет...

†

Гордость – хуже всего, она прямо и неуклонно ведет человека в ад, несмотря на его как бы доброе поведение: заботы о людях, жалости к несчастным, терпеливый уход за больными, денежную помощь, желание сделать приятное, напускную ласковость и т.д. Что бы Вы ни прибавляли прекрасного к гордости – ничего не получится хорошего: она сильнее всех пороков, она все перебьет. Если и ничего особенно хорошего не делать, а только не иметь гордости – уже большое дело: самый главный враг побежден, значит, и другое плохое победится с Божией помощью. Помни слова: «гордым Бог противится, а смиренным даст благодать». Какой ужас быть Богу противным! Какое счастье – получить благодать! Мы ведь и молимся-то: «Господи. пошли Благодать Твою в помощь мне!» Значит. очень важно получить благодать. А тут, если нет гордости, благодать дается как-бы даром!

†

И демоны признавались в том, что больше всего любят гордость и гордого человека считают своим, а смирения не переносят потому, что теряют силу или даже погибают. Господи! Избавь нас от гордости, пошли нам смирение!

†

Обычно все мы любим друг друга поучать. Делаем это очень охотно, с видом знатока, как бы специалиста. Это от гордости!

†

Поучающий человек часто выглядит добродушным, любящим, приятным, даже смиренным, Но попробуйте Вы, вместо смиренного внимания, даже не поучать такого человека, а только высказать свое мнение, несогласие в чем-либо с ним – он возбудится, рассердится, расстроится, покраснеет, начнет усиленно дышать, злобно смотреть на вас, опровергать все, что Вы говорите. или ко всему прицепляясь, или даже не вникая в ваши слова. И на ваших глазах человек-ангел превратится в человека-демона. Никого не надо поучать: не имеете на это права. Учить других может только тот, кто сам все исполнил на деле, а не только так сам думает о себе.

†

– Вы мне говорите: «Я не причастила мужа перед смертью: он был безбожником и грешником. Такие недостойны причащения». Ай, как неправильно! Как будто Вы не любвеобильная жена, много лет вместе с ним прожившая, а надменная карательница! Откуда Вы знаете, что он безбожник? Так ли было до конца

его жизни? А грешники все, не только он, и Вы в том числе. Вы сказали, что он последние дни молчал, хотя был в памяти. Вы не подошли к нему с добрым расположением к исповеди, не ободрили, не поддержали его, не поинтересовались даже о его духовном состоянии, как чужой жестокий человек. Вы забыли о благородном разбойнике, забыли многое. Смеете ли Вы судить о том, кто достоин и кто недостоин причащения?! Достойно ли сами причащаетесь? Вы не причастились даже в день его похорон, тогда как верующие люди считают важным это и для покойника, и для себя. Почему у вас на голове шляпа? Приличнее было бы в это время поносить платочек, да еще темненький. Раньше носили специальный траурный наряд, а потом стали осуждать его, но он имеет смысл: он держит в нужном тонусе, в нужном внимании к усопшему. Возможно, молчание вашего мужа перед смертью было исповедью и, если она была чистосердечной, то он, возможно, умер уже не грешником и не безбожником. Надо и эпитимию на вас наложить, но я не духовник ваш и не духовное начальство, а только священник, и сам не очень хороший. Эпитимии я не накладываю. а вот хорошенечко поисповедую вас, если хотите. даже сейчас. Походите по садику одна, там, сзади, продумайте свои поступки и мысли, если осудите их, то поисповедую Вас сегодня же.

†

– Впредь запомните: никогда никого не называйте безбожниками, а особенно – грешниками, и никогда не считайте кого-то недостойным причащения. Знайте так: все достойны, кроме вас, и всегда старайтесь способствовать причащению больного, особенно же – умирающего.

†

– Вы спрашиваете, почему я вам ничего не сказал? А о чем бы Вы хотели слышать? Вы, кажется, хотели посмотреть на меня – что за дикобраз живет в этом розовом домике, где он там гуляет по садику или сидит за столиком, под березами, что он там пишет или читает, как обращается с приходящими, о чем им говорит, что знает о прошедшем и будущем, каким обществом пользуется. Что Вы говорите обе? Ах, просите посоветовать? Да Вы ни одна не будете совета слушаться. И какой же совет можно вам дать? Вы скорее нуждаетесь в молитве, а потом, когда изменитесь, – тогда и совет примете. Но тогда уже придете к другому, а я помолюсь за вас – напишите ваши имена вот здесь.

†

– Не кладите денег – я не беру. За что, интересно, Вы мне даете? За то, что время заняли? Временем мы не торгуем. Время нам всем дал Бог, и мы должны только правильно им располагать на пользу людям и успевать делать хорошего как можно больше. Времени так мало, что не продавать его, а если бы было можно – купить бы еще больше и больше. Ну, идите теперь по своим делам. А совет вам один пока: старайтесь думать о Боге, молиться Ему, посещать храмы, где не осуждать ни духовенство, ни народ, а думать только о своих недостатках, как бы себя исправить для богоугодной жизни. Идите с Богом, будьте благополучны и добры к людям, спасибо, что навестили.

†

– Уныние – большой грех. Кажется, какой же это грех? Это печаль, несчастье, надо пожалеть, повеселить такого человека. И пожалеть, и повеселить надо, но все-таки, во-первых, это – грех, значит, надо его осудить, осознать, покаяться в нем перед Богом и, получив прощение через священника на исповеди, уже больше не возвращаться к этому греху. т.е. не унывать. Покаяние и состоит в том, чтобы, раскаиваясь, не повторять греха. И тогда Вы пришли, жалуясь на унынеие, и потом с унынием приходили, и сейчас опять унываете. Сколько это можно? Как теперь говорят люди: как им надоело одно и то же. Но люди – еще ничего, а что, если Господь Бог скажет, гневаясь от повторения многократного, постоянного этого греха: «Сколько это можно?!», т.е. до каких пор будете прогневлять Бога?! Уныние – обида Богу, как бы упрек Ему от вас: вот, мол, как Ты сделал мне худо, что я не радуюсь, а унываю! «Сколько это можно?!» – перестаньте, значит, продолжать это – перестаньте ОБИЖАТЬ БОГА, а то получите наказание за дерзость, за обиду Создателя и Благодетеля!

†

– Даже неверующие люди часто употребляют Поговорку: «Что Бог ни делает -— все к лучшему». А если все к лучшему, то радуйтесь и благодарите за все, а не унывайте. Да и молитесь сами, а не просите других. Прежде всего - осознайте, что это большой грех и надо всячески его изживать. С унынием и молитва неправильная, так как молиться надо весело, радостно, а иначе неприлично, да и напрасно. Ну, идите с Богом и приходите потом уже без уныния! Бог вам поможет – избавитесь от него, когда все обдумаете и от души помолитесь.

– Вы восхищаетесь этим садиком, цветочками, бабочкой, которая сейчас сидит здесь на столике. мигая своими усиками и двигая расписными крылышками. Всем, что создал Господь, можно и должно восхищаться - восхищаться, хваля и славя Бога: «Дивны дела Твои, Господи, вся премудростию сотворил еси». Если так восхищаться так называемыми низшими созданиями Божиими, то как же не восхищаться высоким созданием Божиим – человеком: он – подобие Божества, Сын Божий на земле имел человеческий облик, был подобен нам, людям.

А.Ю. Егоров, Н.Г. Рогулин

А.В. СУВОРОВ В НОВОЙ ЛАДОГЕ

В 1766 г. губернатор Сиверс, объезжавший вверенные ему губернии, посетивший Новую Ладогу, написал: «Достойны подражания учреждения полковника Суворова в Суздальском полку в отношении постройки полковой церкви и обеих школ, которые он учредил для дворянских и для солдатских детей и разделил на разные классы, видел я с весьма большим удовольствием, равно как и комедию, разыграть которую он заставил своих дворянских кадетов, дабы тем молодежь эту научить лучшему обращению. Он также построил конюшню для полковых лошадей и развел сад на бесплодной песчаной почве[1]. Довольный губернатор увидел плоды двухлетних трудов полкового командира Суздальского пехотного полка, лишь осенью 1764 г. пришедшего со своим полком из столицы.

26 августа 1762 г. Императрица Екатерина II, недавно обосновавшаяся на российском престоле, собственноручным указом пожаловала Александру Суворову чин полковника и место командира Астраханского пехотного полка. Выбор полка не был случайным – один из наиболее преданных свергнутому Петру III, в котором шефом состоял генерал-аншеф граф Дивиер, служивший еще матери императора - он вызывал опасение со стороны новой правительницы. За полком нужно было присматривать, и эту задачу Екатерина II возложила на молодого полковника Александра Суворова - сына своего преданного сподвижника В.И.Суворова.

Астраханский полк нес караульную службу в столице, и Екатерина была заинтересована в том, чтобы во главе его стоял надежный человек. Этим же можно объяснить и то, что когда Астраханскому полку подошло время покинуть Санкт-Петербург, А.В.Суворов не ушел вместе с ним. Указом Военной коллегии 6 апреля 1763 г. он был переведен в Суздальский пехотный полк и тогда же ему было предложено остаться в столице и дожидаться прибытия полка[2]. Полк прибыл в середине июля и разместился на Васильевском острове, где и находился более года. В Новую Ладогу, вероятно для подготовки постоянных квартир, была отправлена отдельная команда.

В столице полк, занятый караульной службой, жил без особых происшествий. Но солдатам, разместившимся в Новой Ладоге пришлось заниматься не только мирными делами. В феврале 1764 г. подпоручик Моисей Змеев с 1 сержантом, 2 капралами, 1 барабанщиком и 50 солдатами был отправлен для усмирения взбунтовавшихся крестьян помещика Кадыева. 27 февраля отряд у деревни Бычкова гора встретил восставших и, после бесплодных 6-часовых переговоров, вынужден был вступить в схватку. В ходе столкновения сержант Калмыков получил легкую рану в правую руку, один солдат тяжело ранен рогатиной, а другой смертельно ранен из ружья. Солдаты открыли огонь, убив двух крестьян и ранив восьмерых. Захватив зачинщиков из окрестных деревень, команда вернулась в Новую Ладогу[3].

Осенью 1763 г. Екатерина II произвела Суздальскому полку смотр, которым осталась чрезвычайно довольна, офицеров пожаловала к руке, а нижним чинам повелела выдать по рублю[4]. Через год, осенью 1764 г., полк покинул столицу.

В Новой Ладоге Суворов впервые проявил свой талант военного педагога. Вся его деятельность как

полкового командира была направлена на поддержание своей части в идеальном порядке, для чего, по его мнению, было только одно средство – постоянная боевая подготовка. Считая, вслед за Петром I, что «праздность – корень всему злу», Суворов старался максимально занять солдат учением. Дошедшее до наших дней «Полковое учреждение», написанное Суворовым для ротных командиров в конце 1764 –начале 1765 гг., позволяет восстановить картину повседневных занятий полка, а также выяснить, как воспитывал своих подчиненных полковник Суворов.

Ежедневно после побудки и построения роты разводились на ротные плацдармы, где проходило одиночное обучение, т.е. повторение каждым строевой подготовки. В это же время повторяли приемы и маршировку и старший сержант, и дежурный офицер[5]. Раз в неделю, после самостоятельного повторения маршировки рядовыми, их, каждого по отдельности, проверяли командиры капральства с экзерцирмейстерами, а затем следовало исполнение всем капральством строевых и ружейных приемов.

Раз в две недели проходило ротное учение – краткое, на котором ротный командир проверял строевую подготовку всех чинов, включая старшего сержанта, или полное, с исполнением всех предписанных перестроений.

Погодные условия не могли изменить заведенного порядка. Хотя Суворов и рекомендовал проводить обучение в сухую погоду и пережидать дождь (это делалось в целях сбережения оружия), но если дождь шел весь день, то предписывалось «свидетельствоватца в плащах без ружья»[6].

Обучение проводилось и в морозы. В этих случаях проводилась на улице строевая подготовка, а повторение ружейных приемов велось в помещении.

В самой Новой Ладоге весь полк разместиться не мог, большая его часть располагалась по окрестным деревням. Но и в этих «отлучных от полку командах» обучение велось так же тщательно, как и под взглядом полкового командира. По средам начальник команды должен был проводить одиночное обучение, по субботам обучение велось на основе сокращенного строевого устава и включало в себя стрельбу на месте и в движении, построение и движение колонн, разгибание фронта со стрельбой и походные движения[7].

Противник праздности, Суворов предлагает командирам отлучных команд увеличивать загрузку подчиненных экзерцированием, чтобы команда не пребывала в безделье: «Ежели команде нечего делать, то во избежание от праздности, как крайнего зла, может по своему изволению краткое свидетельство сделать в неделе два раза, чрез день, два дни сряду; 3-е отдых и полное экзерцирование всегда в конце недели один раз, протчие хотя часто, однако на другую неделю без зачету»[8].

Даже если на среду или субботу выпадали церковные праздники, обучение не отменялось, а переносилось на предшествующий день, – а если праздники длились два дня – то на два дня.

В понедельник и вторник проводилось краткое освидетельствование чинов капральства в строевой подготовке, знании ружейных приемов, заряжании и стрельбе и снимании шляп.

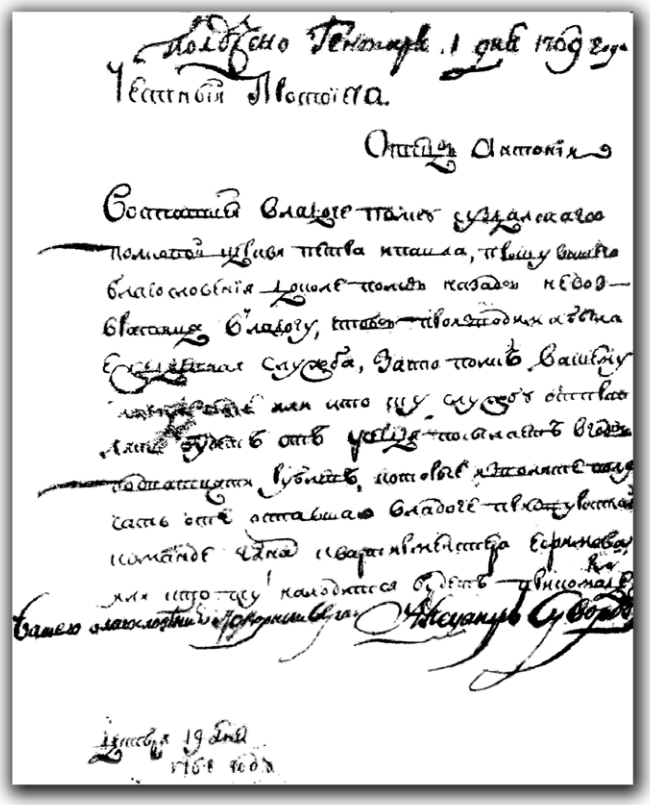
В среду назначался отдых, в четверг проводилось такое же обучение, как в понедельник и вторник.

В пятницу проводилось полная проверка – все приемы и построения выполнялись по командам, с флигельманами и барабанными сигналами. После исполнения всей программы экзерцирования, включавшей перестроения и захождения шеренгами, части капральства повторяли в полном объеме караульную службу.

В субботу вновь предоставлялся отдых, а в воскресенье командир приводил свою часть «хотя бы был один человек, поблизости к церкве божией, в полном и исправном с командными словами параде к обедне»[9].

В «Полковом учреждении» Суворов написал об экзерциции: «...убегая праздности, подчиненных своих в надлежащее время и часы, чтобы ее не забывали, в ней свидетельствовать и без изнурения подробно обучать, чтоб оное упражнение вообще всем забавою служило».

Возможно, по мере накопления опыта не только Суворовым, но и его подчиненными, постановка обучения в полку претерпевала изменения, дополнялась



Письмо А.В. Суворова к протоиерею Георгиевской церкви в Новой Ладоге о.Антонию

новыми приемами. Так, граф С.Р. Воронцов писал следующее: «Суздальский полк был расквартирован в Ладоге, где мой полк находился 13 лет спустя, то есть в 1776 г., там я провел зиму и собрал много подробных сведений об индивидуальных особенностях Суворова; среди прочих – после занятий с полком он выводил его в легкой одежде и также одетый сам, во главе всех переправлялся через Волхов во время ледохода. Он имел обыкновение приучать своих людей к длинным переходам, одним словом, его полк делал все то, что практиковали римские легионы»[10].

В письмах, написанных уже в Польше, Суворов упоминает о практиковавшемся в Суздальском полку обучении штыковым атакам и о том, что он приучал полк к «смелой нападательной тактике».

Налаженная жизнь Суздальского полка в Новой Ладоге и окрестных деревнях прервалась летом 1765 г. – полк выступил для участия в Красносельских маневрах, где показал блестящую выучку.

Крест собственноручной работы А.Суворова в Георгиевской церкви. Фото начала XX в.

В отсутствие суздальцев в Троицком Зеленецком монастыре, находившемся верстах в 25 к юго-востоку от Новой Ладоги, случилось странное происшествие. В середине июля в обитель, построенную на «Зеленом острове», среди обширных непроходимых топей, ворвались раскольники в числе 23 мужчин и женщин, выгнали монахов и укрепились в ней, как в крепости. Из Петербурга в Зеленецкий монастырь была прислана гренадерская рота Суздальского полка под командой капитана Помогалова. Командир роты привез с собой указ, в котором раскольникам предлагалось добровольно выйти из монастыря «на прежние свои жилища, или где похотят жить и не будет им никакого наказания». Указ был прочитан, но раскольники, вместо того предпочли устроить 4 июля самосожжение. Помещения монастыря удалось отстоять – пожар был залит водой и пожарной трубой, привезенной из Ладоги, но сами раскольники сгорели. Гренадеры вытащили из огня только женщину и одного из зачинщиков, крестьянина Еремеева, отправленного под стражей в Петербург. В дальнейшем раскольник был вновь привезен в Зеленецкий монастырь, в присутствии крестьян перед кельей, где произошло самосожжение, после зачтения указа подвергнут телесному наказанию и отдан в Суздальский полк в извозчики. Впрочем, служить долго ему не пришлось – через полгода он бежал, подговорив с собой одного из солдат[11].

Говоря о пребывании Суздальского полка в Новой Ладоге, нельзя не коснуться и популярного в литературе сюжета о штурме монастыря. У разных авторов этот эпизод варьируется от простого упоминания штурма монастырских стен, до подробного рассказа о внезапной атаке мирной обители, жалобе на Суворова, отправленной монахами в Петербург, и ответе на нее Екатерины II: «Оставьте его, я его знаю». Авторы, стремящиеся подчеркнуть готовность Суворова использовать любую возможность для обучения своих солдат военному искусству, почему-то не задаются простым вопросом: а мог ли столь глубоко и искренне верующий человек, каким был командир суздальцев, решиться на такой поступок? И откуда тогда вообще взялся этот исторический анекдот?

Обратившись к фактам можно выяснить, что первоначально в Новой Ладоге находилась часть полка, штаб и офицерское собрание. Большая часть солдат располагалась по деревням вокруг города. После Красносельских маневров 1765 г. Суздальскому полку в качестве непременных квартир были определены три пустовавших монастыря, состоящие в Старой Ладоге: первый Ивановский, второй Георгиевский за стеною, которые расстоянием от Новой Ладоги в 12 верстах; третий, состоящий по Волхову на Ладожских порогах – Гостинопольский монастырь, расстоянием же от Новой Ладоги в 30 верстах»[12]. Высвобождение монастырей было одним из последствий манифеста Екатерины II от 26 февраля 1764 г., согласно которому в стране оставалось лишь 226 монастырей, в то время как до реформы их было около тысячи. Всего было закрыто около 500 монастырей[13].

Таким образом, суворовские солдаты имели полную возможность упражняться в штурме монастырских стен, не нарушая ничей покой, а все подробности, которыми обросла эта история, не более как легенда, такая же, как принадлежность православного полководца к масонам[14].

Полковому командиру приходилось заботиться не только об обучении своих подчиненных. Внимание уделялось и внешнему виду солдат, свидетельством чему служит III глава «Полкового учреждения», озаглавленная «О убранстве и чистоте» и разделенная на две части – в первой изложены требования к внешнему виду амуниции и оружия и порядку ухода за ними, во второй – перечислен полный набор материалов и инструментов, необходимых солдату для содержания себя в надлежащем порядке. Правда, Суворов не ставил своей целью в этом документе разъяснить подчиненным всю важность сохранения своего здоровья и содержания себя в чистоте. Лишь в одном случае он проявляет

заботу о солдатском здоровье, рекомендуя «башмакам быть по размеру каждого, не широким и не узким, чтоб можно было в морозы в них соломки или охлопочков положить... ежедневно переменять их с одной ноги на другую[15], чтоб не сносились и в походе и ходьбе ног бы не портили»[16].

Однако самым важным, наряду с обучением подчиненных, для Суворова было привитие им высоких моральных качеств. Для Суворова нравственное воспитание подчиненных значило ничуть не меньше, чем овладение солдатами ружейными и строевыми приемами.

Основой всей службы А.В. Суворов считал дисциплину: «Вся твердость воинского правления основана на послушании, которое должно быть содержано свято. Того ради никакой подчиненной пред своим вышним на отдаваемый какой приказ да не дерзает не токмо спорить или прекословить, но и рассуждать, а паче оной опорачивать после в каком бы месте то ни было, но токмо повеленное неукоснительно исполнять»[17].

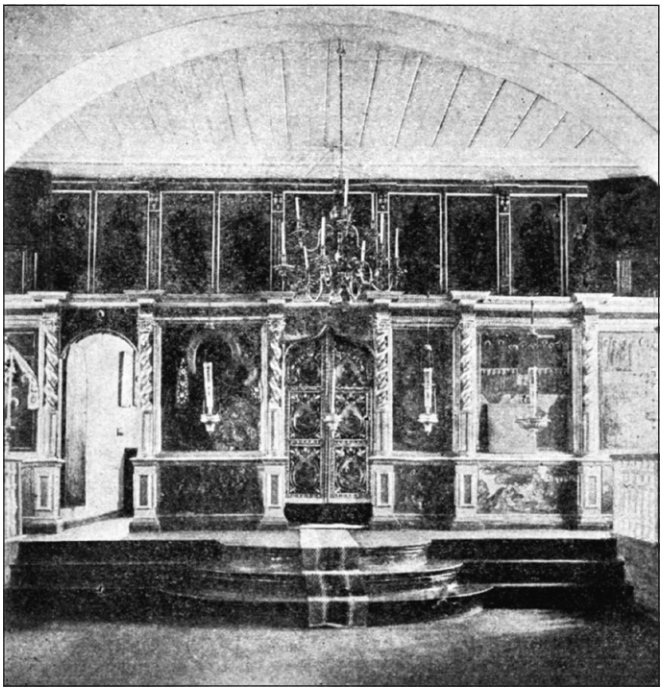
В данном случае Суворов основывается на «Артикуле воинском» Петра I, где говорится: «Також имеет подчиненный от всякого непристойного рассуждения об указах, которые ему от его начальника даны, весьма воздержаться»[18]. И далее –«Ибо начальнику принадлежит повелевать, а подчиненному послушну быть»[19].

Для Суворова дисциплина не самоцель, а средство воспитания добросовестного и инициативного подчиненного: «От послушания родитца попечительное и непринужденное наблюдение каждого своей должности из его честолюбия в ее совершенстве; а в сем замыкается весь воинской распорядок»[20]. Воспитание солдата предполагало знание им своих обязанностей, закрепленных в уставных документах. Отсюда содержащееся в «Полковом учреждении» требование о необходимости знакомить солдат с уставами. Суворов адресует его непосредственно ротному командиру, требуя читать перед всей ротой одну или две главы из воинских артикулов, список начальников в полку и самые важные, с его точки зрения, главы из устава 1763 г.

В «отлучной от полка команде» в субботу по окончании строевого обучения читалась одна глава из полкового учреждения, главы из устава 1763 г., список ротным и полковым начальникам и одна – две главы из воинских артикулов[21].

Знакомя солдат с уставными документами, Суворов лишь исполнял свой долг полкового командира. В конце 1764 г. Екатерина II утвердила «Инструкцию полковничью пехотного полку», очерчивавшую круг обязанностей полковника. Для Суворова, как и для всех полковых командиров, эта инструкция стала настольным документом, и, предписывая знакомить солдат с уставами, он выполнял содержащееся в ней указание: «При чтении воинских артикулов, уставов и приказов сказывать им оных силу и содержание; а паче, что до солдата касается изъяснять должность службы»[22].

Знание каждым своих обязанностей и умение их исполнять составляло особую заботу полковника Суворова. Так, например, ротный командир «с своими субалтерн-офицерами поступает благопристойно и того репримантует без суровости, которой нерадетелен в его должности и исполнении его приказа явитца»[23]. «К своим подчиненным имеет истинную любовь, печется о их успокоении и удовольствии, содержит их в строгом воинском послушании и научает их во всем, что до их должности принадлежащем»[24].



Интерьер Георгиевской (Суворовской) церкви. Фото начала XX века

Суворов не просто говорил о необходимости воспитания обученного (и, как следствие этого, храброго) солдата, но и наметил пути осуществления своей программы.

Прежде всего, этому служило максимальное занятие солдат службой. «Праздность», по мнению Суворова, есть «корень всему злу», постоянное же трудолюбие позволяет каждому овладеть в совершенстве своим делом[25]. Постоянный труд солдата он считал непременным условием для достижения высших интересов службы. Требование «убегать праздности» содержится не только в «Полковом учреждении», эта тема вообще очень занимает Суворова в начале 1770-х годов и ею пронизаны многие его приказы и распоряжения[26].

Для воздействия на нравственную сторону солдат, привития им высоких чувств Суворов нашел единственно возможный фундамент – религию. В этом он следовал примеру человека, которого назы-

вал «первым полководцем своего века» – примеру Императора Петра Великого.

Петр I, начав «Артикул воинский» словами «Богу единому слава», самим распределением глав в документе определил первостепенное значение религиозного воспитания для развития нравственных представлений солдат. Первая глава документа называется «О страхе Божий», вторая – «О службе Божий и о священниках» и лишь в третьей рассматриваются вопросы дисциплины и субординации[27]. В первом же артикуле Петр I определил причины, по которым солдату необходима вера: «Хотя всем вообще и каждому христианину без изъятия надлежит христианско и честно жить и не в лицемерном страхе Божий содержать себя, однако же сие солдаты и воинские люди с вящщею ревностию уважать и внимать имеют; понеже оных Бог в такое состояние определил, в котором оные часто бывают, что ни единого часа обнадежены суть, чтоб они наивящщим опасностям живота в службе Государя своего подвержены не были»[28]. И далее говорится, что «всякое благословение, победа и благополучие от единого Бога всемогущего, яко от истинного начала всего блага и праведного победодавца происходит...»[29] Впоследствии в «Науке побеждать» Суворов повторил эту же мысль: «Молись Богу! от него победа. Чудо-богатыри! Бог нас водит, он нам генерал»[30].

64-я глава «Устава воинского» озаглавлена «О молитве, как и в которое время отправлять». В ней Петр предписывал: «Все, как офицеры, так и солдаты в лагерях и на караулах, везде должны суть трижды молиться. Дважды по пробитии тапты* и побудки (которые краткие молитвы надлежит тайно говорить каждому про себя, и для того надлежит каждому офицеру солдат учить, а ежели безграмотные, кто всех выучит не может, то хотя одно *Отче наш,* что, конечно, надлежит уметь). В третиеж в 9-м часу пред полуднем должен священник литоргию отправлять при каждом полку»[31].

В Суздальском полку религиозное воспитание начиналось с момента первого появления рекрута. У Суворова обучение молитвам составляет существенную часть нравственного воспитания как старослужащих солдат, так и «новоповерстанных». Обоснование необходимости религиозного воспитания, как основы для всего последующего нравственного воспитания солдата, Суворов дал в одном из писем в 1771 г.: «Немецкий, французский мужик знает церковь, знает веру, молитвы. У русского – едва знает ли то его деревенский поп; то сих мужиков в солдатском платье учили у меня неким молитвам. Тако догадывались и познавали они, что во всех делах Бог с ними, устремлялись к честности, познавали грех и наказание...»[32]

* Тапта – отбой.

Новая Ладога. Георгиевская (Суворовская) церковь. Внешний вид. Фото начала XX века

Но командир Суздальского полка требовал, чтобы религиозное воспитание не заканчивалось вместе с начальным обучением. Капрал следил за тем, чтобы все рядовые молились утром до завтрака и вечером перед отходом ко сну. Офицеры и ротные командиры также должны были наряду с проверкой знания служебных обязанностей и строевой службы проверять знание молитв.

В воскресные и праздничные дни обязательным было посещение церкви ротой или отдельной командой «хотя бы был один человек». Требование было настолько жестким, что даже в еженедельные рапорты командиров включался пункт о проведении церковного парада[33].

Ежемесячные ротные учения также рекомендовалось проводить, приурочивая к какому-либо церковному празднику, чтобы отвести роту в церковь. По желанию командира роты можно было не ограничиваться присутствием на обедне, но и быть на всенощной.

А.Ф. Петрушевский приводит известия о том, что Суворов составил молитвенник и коротенький катехизис, добавляя, что автор, сообщающий это известие, сам видел экземпляр рукописного суворовского молитвенника[34]. Не отвергая категорически такой возможности, можно, однако, предположить, что речь идет именно об утвержденных в Суздальском полку молитвах, обязательных для изучения всеми чинами, тем более, что в их число входил и «Символ веры».

Внимание к религиозному воспитанию нижних чинов очень характерно для второй половины XVIII в. О его важности в той или иной форме писали многие полковые командиры и военные деятели. Вот что писал в своем стихотворном наставлении бригадир Ф.И.Дмитриев-Мамонов:

«Послушайте, друзья солдаты, гренадеры. За что деремся мы? За Отчество для веры; Где храмы божества

и таинства небес, Где столько видим мы мощей святых чудес, Где наших всех отцов и праотцев всех кости, Где кровное родство, любезны столь нам гости, За домы наши все, за жен и за детей. Любезнее что есть отчизны нам своей?»[35]

Впрочем, Дмитриев-Мамонов советовал и офицеру быть крепким в вере, напоминая, «чтоб молодой человек никогда не позабыл закон Божий, ибо *кто забывает Бога, того самого Бог забудет.* Солдатом и Христианином быть отнюдь не стыдно, ибо кто закона не имеет, тот при первом случае против должности честного человека, яко безсловесной погублен будет...»[36]

А вот что писал о значении веры для воспитания солдата другой современник Суворова Р.-И.Мейендорф, много лет командовавший Ладожским пехотным полком: «... каждый человек имеет природные качества входить в познание истины, если только ему подать ясное и вероятное доказательство. Таким образом, проницательному полковнику и разумным офицерам не будет невозможным делом вкоренить о Бозе мысль солдату, дать понятие о его милосердии и истязании, о истекающих оттуда наказании и награждении и об определении души в вечности»[37]. Без веры, считает Мейендорф, не может быть понятия о совести, а «естли только солдат ощущает в себе совесть, то в самой вещи бывает он верен и честен; а естли не обретают оные в нем своего места, что действительно и статься может, ежели он вышепоказанных лишен будет наставлений, тогда бывает он неверен, развращен, свиреп и вредителей государству»[38].

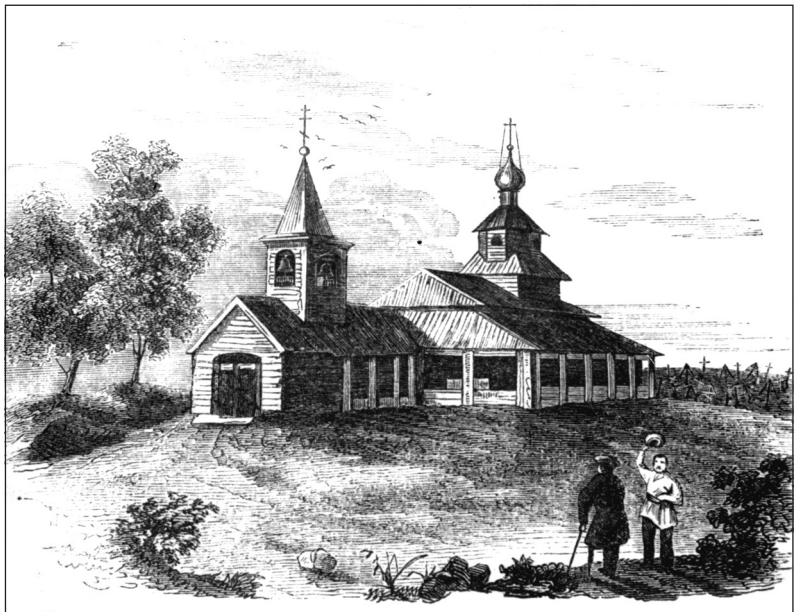
Известно, что Суворов построил в Новой Ладоге, где квартировал Суздальский полк, церковь, освященную во имя апостолов Петра и Павла и, по преданию, сам носил для нее бревна. Забота командира суздальцев о достойном убранстве полковой церкви отражена в одном из ордеров подпоручику полка Пыхачеву, находившемуся в командировке в столице: «При сем же вам рекомендуется приторговать на строение риз и церковной утвари парчи, выбирая материю белую серебряную с букетами, или какую сыскать можете. Тож и гасу золотого широкого кускова прислать в полк образцы и отобрав последнего цену к полку при рапорте представить. Також справиться в конторе правительствующего Синода о Евангелиях на большой александрийской бумаге и с окладом есть ли в продаже...»[39] Даже выступая в 1768 г. с полком в Польшу, он нашел время побеспокоиться о продолжении в ней богослужения для оставшихся рот[40]. Так что исполнение чинами полка религиозных обрядов для Суворова значило ничуть не меньше, чем строевая и ружейная подготовка.

Примечания

[1] *Смитт Ф.* Суворов и падение Польши. СПб, 1866. Ч. 1. С. 15-16.
[2] *Плестерер Л.* История 62-го пехотного Суздальского Генералиссимуса князя Италийского Графа Суворова-Рымникского полка. Белосток, 1902. Т. 2. С. 4-5.
[3] Там же. С. 5-7.
[4] Там же. С. 5.
[5] «... распускают капральствы, кои по команде их командиров займутсвои места, разделятца по-одиночке и всякой про себя кратко экзерцируетца, при чем старшей сержант, також дежурной офицер, ежели ему досуг». (Полковое учреждение. С. 107).
[6] Полковое учреждение. С. 108.
[7] Там же. С. 102.
[8] Там же. С. 103.
[9] Полковое учреждение. С. 129.
[10] Цит. по: Полковое учреждение. С.29.
[11] *Плестерер Л.* История 62 пехотного Суздальского полка. Т.2. Белосток, 1902. С. 11.
[12] *Плестерер Л.* История 62-го пехотного Суздальского Генералиссимуса князя Италийского Графа Суворова-Рымникского полка. Белосток, 1902. Т. 2. С. 9,10.
[13] *Каменский А.Б.* «Под сению Екатерины...» СПб, 1992. С. 145-148.
[14] См. о этом: *Лопатин В.С.* Суворов не был масоном// *Иванов О.А., Лопатин В.С., Писаренко К.А.* Загадки русской истории: восемнадцатый век. М., 2000. С. 129-152.
[15] В XVIII в. солдатская обувь делалась по одной колодке без различия правой и левой ноги.
[16] Полковое учреждение. С. 63-64.
[17] Полковое учреждение. С. 68
[18] Артикул воинский с краткими толкованиями и с процессами. 4-е изд. М., 1780. С. 12.
[19] Там же. С. 13.
[20] Полковое учреждение. С. 68.
[21] Там же. С. 102.
[22] Инструкция полковничья. С. 31.
[23] Полковое учреждение. С. 70
[24] Полковое учреждение. С. 68
[25] Полковое учреждение. С. 51.
[26] *Петрушевский А.Ф.* Генералиссимус князь Суворов. С.48.
[27] Артикул воинский с краткими толкованиями и с процессами. 4-е изд. М., 1780. С. 5-9. (Далее – Артикул воинский).
[28] Артикул воинский. С. 5.
[29] Там же.
[30] *Суворов А.В.* Документы. М., 1952. Т. 3. С. 508.
[31] Устав воинский. С. 98.
[32] *Суворов А.В.* Документы. М., 1949. Т. 1. С. 365.
[33] Полковое учреждение. С. 103.
[34] *Петрушевский А.Ф.* Генералиссимус князь Суворов. С. 47.
[35] Там же. С.4.
[36] *Дмитриев-Мамонов Ф.И.* Правила, по которым всякий офицер, следуя,военную службу с полным удовольствием продолжать может. 2-е изд. М., 1778. С. 31.
[37] Мейендорф. С. 17.
[38] Там же. С. 19.
[39] (*Суворов А.В.* Ордер подпоручику Пыхачеву 1767 г. ФДРМС. Инв. №2038).
[40] Письма и бумаги Суворова. Пг., 1916. Т. 1. С. 48.

Н.Ф. Морозова

НОВОЕ О НОВОЛАДОЖСКОЙ ГЕОРГИЕВСКОЙ (СУВОРОВСКОЙ) ЦЕРКВИ



Церковь св. Георгія, въ Новой Ладогѣ.—Построена А. В. Суворовымъ.*

Новая Ладога, малый город в устье Волхова, отметил недавно свой трехвековой юбилей. Этот город оказался вписанным в большую российскую историю.

Новая Ладога – один из немногих городов Северо-Запада, где почти полностью сохранились старые церкви, пережив советское лихолетье. Другой, больной вопрос – степень их сохранности.

По счастью, сдвинулось с мертвой точки решение судьбы Георгиевской церкви (бывшей полковой церкви Суздальского пехотного полка под командованием А.В. Суворова), сгоревшей в ночь с 9 на 10 февраля 1988 года. Архитектурной мастерской М.И. Коляды института «Спецпроектреставрация» выполнен рабочий проект восстановления Георгиевской церкви.

Эскизному же проекту, который был сделан вскоре после пожара, предшествовали предпроектные исследования, выполненные искусствоведом Екатериной Глуховой. В них оказались выявлены новые сведения по истории строительства, а также уникальные факты, связанные с предисторией строительства полкового храма.

Предлагаемая публикация – попытка привлечь внимание читателя к этим крупицам принципиально новых сведений из ранней истории памятника.

ФАКТ 1. Дорога. В черте города въездная дорога проходила не так, как мы ее видим сегодня, она была более удалена от береговой линии (проходила приблизительно по современным улицам Мира – Садовая), т. о., полковой храм располагался на одинаковом расстоянии как от дороги, так и от реки Волхов.

ФАКТ 2. Суздальский пехотный полк, выбирая местом своего расположения южную окраину города, остановился там, где и прежде располагались другие полки. Так, на карте 30-х годов XVIII столетия это место обозначается как Ладожского полку полковой двор. Попутно следует отметить, что Новая Ладога была местом, где в разные исторические периоды располагались на различное по продолжительности время полки: Ладожский, Ямбургский, Тенгинский, Литовский, Выборгский. Эта тема еще ждет своего исследователя.

ФАКТ 3. В сентябре 1764 г. Александр Васильевич Суворов обратился к архиепископу Санкт-Петербургскому и Ревельскому Гавриилу с «Доношением», где сообщил, что «...с прибытия Суздальского пехотного полку в непременные квартиры в Новую Ладогу полковая церковь святых апостолов Петра и Павла без святой службы обстоит» и попросил

позволения разместить ее «... в состоящей во оном городе новопостроенной каменной церкви, коя еще не совсем в отделе...»

Стоит пояснить, что в данном документе речь идет о церкви Спаса Нерукотворного Образа. Эта церковь, как и Климентовская, в 1703–1704 гг. была перевезена деревянною из Ладоги (Старой Ладоги); в 50-е годы XVIII столетия при участии купеческого капитала Семена Третьякова переведена в камень. К моменту прихода суздальцев она стояла достроенной, но не отделанной окончательно и не освященной.

Прошение полковой администрации не было удовлетворено; консистория, в чьем ведении находился храм, отказала из-за боязни задержки строительных работ. Тогда последовало еще одно полковое прошение такого же рода, но во второй раз полковая администрация, заранее предполагая очередной отказ консистории, просила как один из вариантов размещение церкви в доме купца Лазаря Донова.

Домом Лазаря Донова суздальцы не воспользовались, а вот строительную помощь в доводке церкви Спаса Нерукотворного оказали. Она заключалась в том, что «... во оной церкви полковыми служителями намощен пол и старанием полковым поставлены оконницы». Итак, это ФАКТ 4.

ФАКТ 5. Результатом второго прошения стало разрешение занять суздальцам церковь Спаса Нерукотворного Образа. В течение года в приделе церкви Спаса находились алтарь, антиминс (освященный плат с изображением Христа во гробе, кладется на церковный престол)

Новая Ладога. Георгиевская церковь (1764) с каменной пристройкой (1861)

и иконы, которые сопровождали Суздальский полк во всех походах. Уже одно это обстоятельство меняет наше представление о значимости этого памятника – церкви Спаса Нерукотворного Образа. Памятник сегодня находится в удручающем состоянии.

Тем временем суздальцы заготавливают материалы и строят свою полковую церковь, строят ее достаточно быстро, т. к. уже 12 октября 1765 года А.В. Суворов в очередном «Доношении» архиепископу Гавриилу сообщает о построенной церкви как о свершившемся факте, а просьба исходит «...о постановлении в новопостроенную церковь походного престола и каностаса благословения». 26 октября 1765 г. священник Никольского собора совершает освящение полкового храма.

Итак, ФАКТ 6 касается точной датировки строительства и освящения полкового храма. Начало строи-

Вид Георгиевской церкви 1970-е годы

тельства – весна 1765 г. Освящение – 26 октября 1765 г. Следует отметить, что полковой храм освящался дважды. Причина тому – ветхость старого престола и старого антиминса. 24 января 1768 г. состоялось повторное освящение храма тем же отцом Антонием. Отец Антоний – адресат письма, отправленного полковником Александром Васильевичем Суворовым уже из Смоленска, куда полк прибыл 15 декабря 1765 года. Фотокопия этого письма находится в музейной экспозиции. В нем излагается просьба о совершении служб в полковом храме во время отсутствия полка. Это обстоятельство достаточно хорошо известно. Менее известен факт, что это письмо хранилось в Новоладожском Никольском соборе очень долго, вероятнее всего, до 1923 года. Именно в 1923 году оно поступило в состав рукописного фонда Публичной библиотеки, где и находится по сей день.

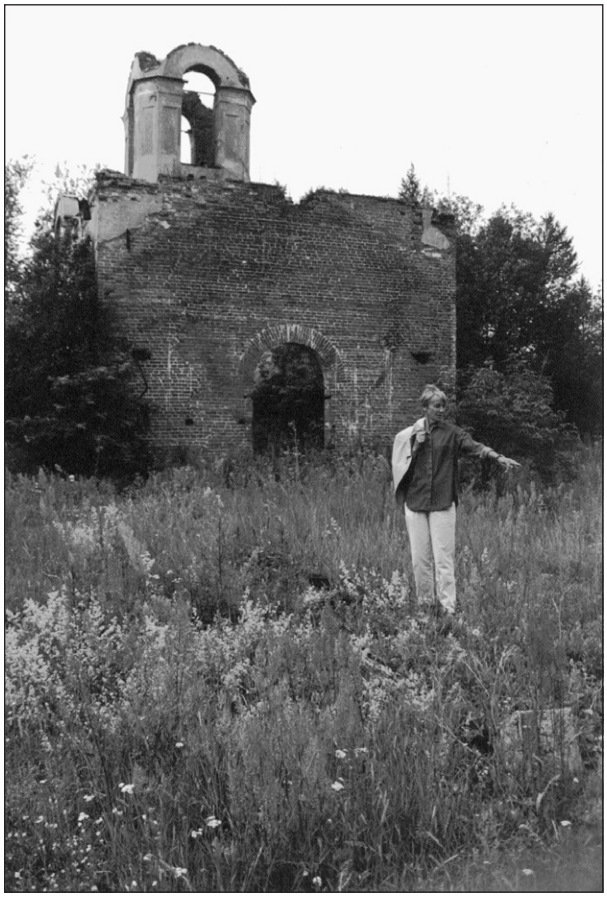
Конец XVIII века отмечен полным обветшанием полкового храма, стоял вопрос даже о его сносе и использовании его «...для топления соборной (Никольского собора) и Климентовской церквей во время зимы». И действительно, крыльца и колокольню разобрали, а вот ветхую церковь все же оставили, ограничившись разборкой стоявшей рядом Георгиевской часовни, совсем к тому времени ветхой. Кстати, именно по Георгиевской часовне и слобода стала именоваться Георгиевской, это название слободы бытовало параллельно с другим ее названием – Староладожская. Из ветхой часовни вынесли все иконы в стоящую рядом Петропавловскую полковую церковь, про которую решили, что «при рачительной поправке еще довольно может быть способна». Усилиями горожан (отмечается помощь купца Князева) Петропавловскую церковь поправили и освятили во имя св. Георгия 17 августа 1800 г.

А через два года в Новой Ладоге был расквартирован мушкетерский Тенгинский полк, и консистория отвела ему Георгиевскую церковь качестве полкового храма. Таким образом, церковь освящалась не при тенгинцах, как показывают некоторые источники, а двумя годами раньше. Таков ФАКТ 8.

История храма в XIX–XX вв. достаточно хорошо известна в силу своей документированности. Основными вехами ее являются посещение и патронирование церкви Дмитрием Ивановичем Хвостовым, а также выполнение обмерных работ, связанных с проектом замены деревянной церкви на каменную, строительство каменной колокольни. Большой удачей можно считать сохранность обмерных чертежей 1857 года, которые имели весомое значение для создания современного рабочего проекта реставрации. Последует ли за проектом реставрация?..

Н.Ф. Морозова,
старший научный сотрудник Новоладожского музея.

Церковь после пожара. 1988 год



Директор музея Сугоняева М.М. на пепелище церкви. Фото 1999 г.

Ангелина Малаховская

ЕСЛИ ТЕБЯ ОБИДЕЛИ

Если мама тебя обидела,
Ты ее прости, пожалей.
Верь, что ангел тогда невидимый
Непременно поможет тебе.

Попроси у нее прощения,
За все то, чем ее огорчал,
И за кротость, любовь и смиренье,
Отойдет от тебя печаль.

Посмотри темной ночью в окошко
Видишь – сколько там в небе звезд!
Как грибов кто насыпал в лукошко,
Кто же их теперь соберет?

Чтобы ночью светила дорожка,
Освещала твои пути,
Потерпи еще каплю, немножко:
Скоро ты перестанешь расти.

Будешь храбрым, и добрым, и сильным,
И обнимет родная мать,
Провожая тебя в путь-дорожку,
Чтоб хранила тебя благодать!

Чтобы ты сохранил в себе нежность,
И сумел своим детям отдать,
Потерпи еще каплю, немножко:
Чтобы сильным мужчиной стать.

Сохрани в своем сердце веру,
Чтоб хранила всегда нашу Русь,
Не смотри ты на дали заморские,
Мать обняв, прошепчи: «Я вернусь!»

Я В ВАС ВЕРЮ

Вам хотела б подарить всю нежность.
Ту, что сыну недодала.
Только жаль, что нынче силы
У меня так мало стало.

Чем свобода Вам мешала,
Что сюда на срок попали?
Видно в детсве Ваша мама
Вас теплом недоласкала.

Если огрубело сердце;
Просит мести об обиды, –
Помолиться б надо вместе
За любимых, нелюбимых.

За врагов и за Россию,
И за всех живущих рядом,
Верьте, Бог своею силой
Даст просимое в награду.

От тоски – не унывайте
На свободе – тоже смутно
Здесь друг другу помогайте,
Хоть, возможно, это трудно.

Но живут в монастырях,
Оставляя все земное:
Ночь – в молитвах, день – в трудах –
Дело делают благое.

Одна рясочка на них,
Да и то порой в заплатах.
Нрав их кроток, голос тих,
Но стоит еще Россия
На таких простых ребятах!

Вы забор не замечайте!
Что забор – то ерунда!
К Свету сердце ракскрывайте,
Чтоб скорей ушла беда!

Богу тихо помолитесь:
Он услышит, все поймет.
Вы и сами удивитесь,
Скажите: «Поди ж не врет!»

Что молиться нас просила,
За других и за себя,
И за матушку Россию,
Чтобы в Славе расцвела!

В.В. Саблина

ДВА МУРОМСКИХ ПРОТОИЕРЕЯ

Изучая историю своей семьи, предки которой принадлежат к старинному вологодскому дворянскому роду Саблиных (представители его к XIX веку проживали в С.-Петербурге и были внесены также в родословные книги Вологодской, Олонецкой, С.-Петербургской и Новгородской губерний) автор статьи, – архитектор Вера Владимировна Саблина за 15 последних лет обширных генеалогических исследований нашла немало сведений о представителях десяти поколений рода. Уже пятнадцать лет Саблины – потомки Вологодской ветви рода встречаются на семейных съездах, постоянно пополняя сведения о своих предках, которые на разных поприщах служили Отечеству. В ее книге, вышедшей в С.-Петербурге в 2007 году, «Саблины. Годы. События. Люди», представлена родословная роспись на 315 представителей рода за 250 лет. Среди них – люди разных профессий, специальностей, увлечений. Они оставили заметный след в литературе и искусстве, строительстве и медицине. Среди них есть военные, мостостроители, писатели, поэты, конструкторы, врачи, журналисты, художники, представители духовенства. Ниже вниманию читателей предлагается рассказ о судьбе тех из них, что принадлежали к старинным священническим родам – Аменицких и Орфановых, служившим в XIX веке в старинном городе Муроме.

Александр Георгиевич Аменицкий, 1900-е годы

Не одно десятилетие в середине XIX века служили в Муроме два протоиерея – Александр Георгиевич Аменицкий и Александр Иванович Орфанов. Это мои прапрадеды. Годы совместной службы, дружба семьями, – и их дети поженились. Петр Орфанов и Надежда Аменицкая не пошли по стезе родителей, а поселившись в Твери, выбрали иной путь в жизни, посвятив себя медицине. Их дочь Лариса Петровна Орфанова, вышла замуж за Виктора Леонидовича Саблина* и стала в 1902 году петербурженкой, один из их сыновей – Владимир Викторович Саблин – мой отец. Так просматривается из глубины столетий до наших дней родословная ветвь двух муромских протоиереев.

Муром. Слева – Предтеченская церковь, справа – Благовещенский монастырь. Почтовая открытка начала 1900-х годов

В семейном архиве хранится брошюра, выпущенная в 1907 году во Владимире «Памяти протоиерея Александра Георгиевича Аменицкого» с надписью:

* Виктор Леонидович Саблин (26.12.1872, с. Большой Двор Лодейнопольского уезда Вологодской губ., – 17.04.1933 Москва, кремирован, перезахоронен в Ленинграде на Красненьком кладбище). Закончил? Технологический институт (1896), глав. инж. Тверского вагоностроительного завода (1901–1902), зав. Паровозостроительной мастерской Путиловского завода (1902–1916), директор строящегося завода «Электросталь» в Подмосковье (1917–1922), технический директор Путиловского завода в Ленинграде (1922–1930), осужден по ст. «вредительство» (1930), освобожден (1931), главный инженер Сормовского вагоностроительного завода (1932–1933). Реабилитирован (1993).

«Воспоминания о дорогом дедушке для милой внучки Лареньки» с портретом и сведениями о жизненном пути моего предка.

Он родился 21 октября 1822 года во Владимирской губернии. Родители – священник Георгий Федорович и Надежда Степановна Аменицкие жили во Владимире. Отец Георгий был видным и уважаемым в городе человеком: учителем Владимирской Духовной семинарии, инспектором Владимирского духовного училища, а с 1817 года – священником погоста Спас-Беседа Судогодского уезда. В 1825 году Георгий Федорович был назначен смотрителем Муромского Духовного училища, и вся семья переселилась в Муром. Через шесть лет отец большого семейства (семеро детей) умер, не оставив семье ни дома, ни средств к существованию. Александру было девять лет. О бедственном положении Аменицких доложили Владимирскому Архиепископу Парфению, и он нашел возможность для поддержки семьи. В Спас-Беседы был направлен хороший священник, и половина доходов прихода шла на сирот вплоть до замужества младшей дочери. Александр закончил Духовную семинарию и стал учителем в Духовном училище сначала во Владимире, а потом в Муроме. За десять лет учительствования он зарекомендовал себя опытным педагогом, «умевшим соединять строгость с редкой добротой». Впоследствии, став священником, он был первым законоучителем в только что открытом женском училище, которое еще не имело материальных средств, и в течение первых семи лет служил бесплатно, а затем с самым малым вознаграждением.

В 1853 году Александр Георгиевич Аменицкий был рукоположен во священника к Предтеченской церкви г. Мурома. Храм был маленький и ветхий, располагался на Троицкой (Торговой) площади (сейчас на месте разрушенного в 1930-х годах храма расположены школа и спортплощадка). До начала деятельности о. Аменицкого на поприще служения Церкви его неоднократно посещало чувство неуверенности в правильности выбранного им пути. Он долго не решался принять священнический сан, считая себя недостойным его. В 1863 году, когда он уже был священником, это состояние снова к нему вернулось. Тогда его супруга Любовь Николаевна обещала ему усиленно молиться за него Богу и круглый год поститься. Несмотря на свое слабое здоровье, она с самоотверженностью выполнила свое обещание, закончив его путешествием вместе с супругом на Богомолье к Московским Святителям, всея России Чудотворцам, и в Троице-Сергиеву лавру, к преподобному Сергию Радонежскому...

Пятьдесят лет служения о. Александра на церковном и учительном поприще и широкая церковно-общественная деятельность оставили заметный след в жизни города Мурома: он был первым законоучителем в женском училище, открывшемся в 1860 году, благочинным, гласным Городской думы, председателем различных комиссий.

В.Я. Чернышев

Муром. Благовещенский мужской монастырь. Справа от входа – надгробие супруги о. Аменицкого Любови Николаевны. Фото 2000 г.

Особой известностью он пользовался как благочинный. Избран он был на эту должность еще молодым священником в 1861 году, и неоднократно переизбирался, а потом назначался до 1902 г. и был руководителем всей духовной жизни Мурома.

Обыкновенно, почти во всех уездных городах благочинным городских церквей бывал настоятель местного собора, а отец Аменицкий, несмотря на то, что был

Надгробный камень Л.Н. Аменицкой. Фото 2000 года

Муром. Богородицкий собор. Почтовая открытка 1900-х годов

все время настоятелем простой приходской церкви, избирался городским духовенством на эту почетную должность свободным голосованием. Спустя всего десять лет после избрания благочинным, т.е. в 1871 году в адресе, поднесенном ему, написали: «Благоразумие и основательное Ваше правление, доказанное опытом, кротостью; незлобие, нелюбостяжательность, отеческие наставления и покровительства, особенно для вдов и сирот нашего клира, внушили каждому из нас воздать вам искреннюю благодарность…»

При выдающейся благочиннической деятельности о. Александра Георгиевича Аменицкого, главной у него была все-таки другая, не столь заметная, но не менее ценная и гораздо более продолжительная. Это пастырство его в Предтеченском приходе г. Мурома.

В.Я. Чернышев

Восстановленное надгробие А.Г.Аменицкого на старом Напольном кладбище. Муром. 2000 год

В 1866 году вместо ветхого старого храма началось строительство каменного. Церковной суммы было недостаточно – всего 8079 руб., а требовалось 44750. По первой подписке собрали около 2000 руб. То есть нужно было изыскать 34000 руб. И вот в этой деятельности, как председатель строительной комиссии, как уважаемый священник, пользовавшийся авторитетом, умеющий убедить, мудро распорядиться поступающими средствами о. Александр пережил много волнений, тревог, забот. Он убедил многих почетных горожан принять на себя звание членов-строителей. За два года было внесено 18940 руб., и на эту сумму выполнены строительные работы. Но потом пожертвования так уменьшились, что стройка затянулась на несколько лет. И снова убеждения о. Александра Аменицкого и отзывчивость граждан дали результат. В 1875 году, т.е. через девять лет после закладки, храм был торжественно освящен. Новый храм превзошел ожидания прихожан: изящно отделанный, с отоплением, большой и вместительный, вместо тесного деревянного. Благодарные граждане поднесли ему наперстный крест с украшениями и просили Архиепископа Владимирского и Суздальского Антония «исходатайствовать Высочайшее соизволение на предоставлении этого права». Разрешение было получено в 1876 году, и с крестом прихожане преподнесли о.Аменицкому дорогую икону, изображающую «Знамение Пресвятые Богородицы, Покровительницы и заступницы христиан, Предтечу Господня Иоанна, пред престолом которого вы молитесь за нас в течение 40 лет…» (из адреса прихожан по случаю 50-летия о. Александра Аменицкого).

В частной жизни протоиерей Александр проводил время очень скромно и был примерным семьянином. Его дети с большой любовью и уважением относи-

А.Г. Аменицкий на свадьбе своей внучки Ларисы Орфановой. Рядом с ним сидит его дочь – Надежда Орфанова (ур. Аменицкая). Крайний слева – сидит Леонид Николаевич Саблин – отец жениха Виктора Саблина. Тверь. 1902 год

лись к отцу. «Среди многочисленных и разнообразных трудов по службе, Вы никогда не переставали быть заботливым и любящим отцом и воспитателем. Все, чем мы, дети Ваши, пользуемся теперь: и материальным достатком и заметным общественным положением – всем этим мы обязаны Вам, Вашей безграничной любви к нам, и Вашим неусыпным заботам об образовании и воспитании нашем и укреплении в нас нравственных начал…» (из выступления сына Ивана по случаю 50-летнего юбилея службы А.Г. Аменицкого, 1876 год).

Его супруга Любовь Николаевна прожила вместе с ним долгую жизнь. Она была уважаема не только в своем приходе, ее знали во всем городе. Умерла она 3 февраля 1901 года и была похоронена у стены Благовещенского собора Муромского мужского монастыря. И сейчас стоит это скромное надгробие из черного мрамора с сохранившейся надписью.

Древнейший монастырь с богатой историей был закрыт в 1919 году, но храм служил как приходской. До 1991 года Благовещенский собор оставался единственным действующим храмом в городе, а с 1991 года возобновилась иноческая жизнь обители.

О. Александр Георгиевич Аменицкий не на много пережил супругу. Сначала он отказался от благочиния, т.к. силы стали заметно падать, а потом и от всех должностей. Но болезни брали свое и он угасал.

28 апреля 1904 года печально прозвучал колокол на Предтеченской колокольне и все, знавшие о. Александра поспешили воздать ему последний долг. Захоронен протоиерей Александр был при своем храме, близ северного алтаря. Храм св. Иоанна Предтечи до наших дней не сохранился, он был уничтожен в 1932 году. Поэтому предполагалось, что и могила не сохранилась: время было сложное и мало кто мог взять на себя заботы о перенесении останков уважаемого пастыря.

В 1998 году в поисках свидетельств о жизни прапрадеда я в первый раз приехала в Муром. В краеведче-

В.В. Саблина

Дом А.И. Орфанова. Муром. Фото 2000 года

В.Я. Чернышев

Здание Земской Управы. Муром. Фото 2002 года

ском музее меня познакомили с молодым ученым Владимиром Яковлевичем Чернышевым, темой исследований которого является изучение истории города Мурома. Он провел интереснейшую экскурсию по городу и показал места, связанные с жизнью моих предков. Наше общение продолжилось до сего дня.

В следующий приезд в Муром я случайно обнаружила на старом муромском городском Напольном кладбище могилу А.Г. Аменицкого, все-таки перенесенную от Предтеченской церкви. Крест черного мрамора лежал на боку и был наполовину в земле, но надписи были видны. Мы восстановили надгробие и душевная радость посетила нас.

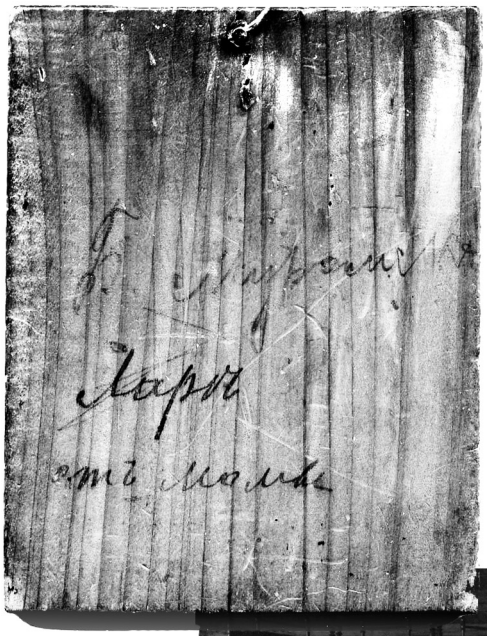
Образ Богородицы Иверской. Резьба по дереву. Высота 10 см. Подарок Ларисе Петровне Саблиной, урожд. Орфановой, от Н.А. Аменицкой. Из семейного архива Н.В. Янушевской – праправнучки Л.П. Саблиной.

В Муроме в середине XIX века насчитывалось около десяти тысяч человек населения. При этом половину всего населения составляли мещане, около полутора тысяч человек купцы и около четырехсот человек – «благородных». Застройка в городе в основном состояла из деревянных домов и только около семидесяти зданий были каменными. При этом действовали три монастыря и восемнадцать церквей. В центре города, на высоком берегу стоял Богородицкий собор (там где сейчас установлен памятник Илье Муромцу). Это место связано с другим моим предком – протоиереем Александром Иоанновичем Орфановым.

Семья П.А. Орфанова. Супруга – Надежда (урожд. Аменицкая), Шурик и Лариса. Тверь. 1887 г. Из семейного архива Саблиных

В 1847 году после окончания Владимирской Духовной семинарии двадцатилетний Александр Иоаннович Орфанов был рукоположен во священника к этому собору. Десять лет он служил здесь, а позже нес различные поручения: учитель, священник Казанской церкви и др. В 1881 он был возведен в сан протоиерея и определен настоятелем собора и благочинным. Имел награды: ордена св. Анны 2 и 3 степеней, св. Владимира 4 ст. и др. Эти ордена и заслуги давали право на потомственное дворянство, которое протоиерей А.И. Орфанов и получил в год своей смерти – 1899. Женат он был на Екатерине Васильевне, и имел детей Петра, Веру, Анну, Марию. Рядом с собором о. Александр Орфанов построил каменный дом, который и сегодня там стоит. Александр Иоаннович был известен в городе не только как приходской священник. Он вел общественно-просветительскую работу и читал лекции для религиозного и нравственного воспитания жителей Мурома. Проводимые мероприятия были популярны и посещаемы и проводились в зале заседаний Муромской Земской Управы. Народу собиралось до 500 человек, а средства выделяло земство.

А.И.Орфанов скончался в Муроме от отека легких в возрасте 72 лет. С разрешения «Его Высокопреосвященства был погребен при Богородецком соборе близ входа в соборную Спасскую церковь с правой стороны» (разрушена в 1930-х годах). Сын Петр пошел на гражданскую службу и окончил Харьковский университет медиком. В 1878 году Петр, студент 4 курса, женился на дочери протоиерея Аменицкого Надежде Александровне. Таинство совершал Муромский протоиерей Иоанн Любомудров. Молодая семья уехала в Тверь, где Петр Орфанов более полувека служил врачом в разных учебных заведениях, был уважаемым человеком в городе, имел свою клинику и водолечебницу и более 50 лет прожил со своей супругой Надеждой Александровной.



Муромская икона Божией Матери – родительское благословение Надежды Александровны Орфановой своей дочери Ларисе. Надпись на обороте «Б.[огородица] Муромская. Ларе отъ мамы». Из семейного архива Нины Янушевской – праправнучки Л.П. Саблиной

У них было четверо детей: Александр, Лариса, Аглаида и Мария.

По разному сложились судьбы потомков протоиерея прот. А.Г. Аменицкого и прот. А.И. Орфанова, но никто не пошел по стезе церковнослужителей. В семье современных потомков Саблиных (моя бабушка Лариса Петровна Саблина, ур. Орфанова*) чтут память предков, хранят семейные реликвии и фотографии и собирают сведения о предках в архивах и музеях.

Золотая свадьба супругов Орфановых. Сидят слева направо: Лариса Петровна Саблина (урожд. Орфанова), Александр Петрович Орфанов, Петр Александрович Орфанов, Надежда Александровна Орфанова (урожд. Аменицкая), Александр Александрович Аменицкий. Стоят справа Саблины: муж, дочь, сын Л.П. Саблиной. Тверь. 1930 год

Использованная литература:

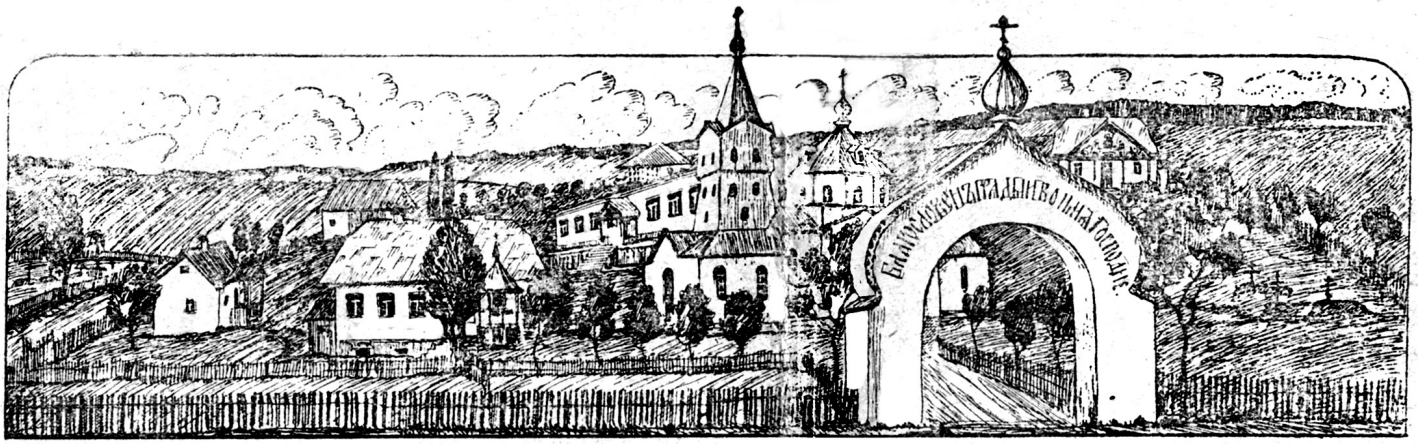
Свящ. П.Трелин. Памяти протоиерея Александра Георгиевича Аменицкого. Владимир. 1907.

В.Чернышев. Московская улица. Прогулки по Мурому. Книга первая. Муром. 2005

---

* *Лариса Петровна Саблина, урожд. Орфанова* (24.01.1884, Тверь – 1942, Ленинград, братская могила в блокадном Ленинграде). Отец – *Петр Орфанов* (13.06.1855, Муром – 08.04.1930, Тверь). Врач-ЛОР, дом, лечебница ул. Козьмодемиановская д. 30. Его отец – *Александр Иоаннович* (1827, Муром – 1899, Муром) протоиерей Муромского Богородицкого собора. Мать Ларисы – *Надежда Аменицкая* (1856, Муром – после 1928) Ее отец – *Александр Георгиевич Аменицкий* (21.10.1822 Владимир – 28.04.1904, Муром), протоиерей, настоятель Предтеченской церкви (1853–1902),благочинный (1861–1902).

Муром. Храм св. Иоанна Предтечи, где в 1853–1902 годах настоятельствовал протоиерей Александр Аменицкий



«Православная Русь» и Типографское Иноческое Братство Преподобного Иова Почаевского в Ладомировой на Карпатах*

Ладомирова (Ladomirova, Владимирова) – «маленькое сельцо Свидницкого окреса при городе Бардиеве (древнем Бардееве)» в Словакии. Здесь, среди «Американ – карпаторуссов, побывавших в Америке и там „заразившихся православием“» основано было архимандритом Виталием (Максименко), начальником типографии Почаевской Лавры, иноческое Братство[1]. Существовавшее первоначально в обстановке крайней скудости «только подвигом веры и ревности» оно «скоро привлекло к себе и средства и людей, и любовь всего Русского Зарубежья», став одним из главных центров «духовного просвещения и проповеди Православия»[2]. В продолжение полутора десятилетий – между двумя мировыми войнами – Братство в Ладомировой являлось единственной русской церковной типографией, систематически издающей богослужебную литературу. А в годы войны продолжало нести типографское служение не только для русского рассеяния, но и для значительной части территории «подъяремной России».

В 2008 г. исполнилось 85 лет со дня основания обители Преподобного Иова Почаевского в Ладомировой и 75 лет со дня официального открытия при ней Церковной типографии.

Историю обустройства жизни монашеского Братства во Владимировой описал сам о. Виталий, представив «отчет перед Русскою Православною Церковью и Русским народом» в порученном ему церковно-общественном деле[3]. Убедившись в невозможности реставрации исторической типографии преп. Иова в Почаеве (разоренной за годы революционной смуты и гражданской войны) он начал искать другие пути восстановления церковной типографии – сначала в Сербии, а затем переселился во Владимирову, в Чехословацкую республику. В те годы в Словакии происходило массовое возвращение из унии в православие.

С «небольшим чемоданчиком с церковными облачениями и сосудами»[4] прибыл архимандрит Виталий во Владимирову в канун Благовещения 1923 г. Первая служба проходила под открытым небом, о чем сам владыка вспоминал[5].

«Через полгода после приезда А[рхимандрита] Виталия жертвенностью местного русского населения, среди которого особенно выделялись семьи: Бойко, Шкурла, Варга, Лажо, Ганак, Ванца и др. и при матерьяльной помощи от выходцев из Владимировой в Америке, 8 ноября по ст. ст. 1923 г. в день сельского церковного праздника, был заложен большой каменный храм в честь Архистратига небесных сил Михаила»[6]. Так положено было начало обители. К осени 1924 г. уже построен был большой храм Св. Михаила Архангела (в бытность начальником типографии Почаевской Лавры архим. Виталий являлся с 1906 г. председателем Волынского отделения Союза Русского народа).

Одновременно о. Виталий приступил к устройству типографии. Основу ее составила походная типография, приобретенная карпаторуссами в США для Червоно-Русского легиона, воевавшего в России. Оттуда она была вывезена и хранилась в Праге, числясь за Лемковским студенческим союзом, который и передал ее о. Виталию. Техническое оснащение типографии состояло «из печатного станка „американки“, около 200 кило русского шрифта, 400 кило плохой бумаги и до 30 кило краски»[7]. Кое-что из оставшейся в Польше прежней типографии Преподобного Иова было доставлено в Словакию через Швейцарию и Югославию. Однако не было возможности вывезти из Польши все сохранившееся оборудование.

* В статье и примечаниях сохранены орфография и пунктуация авторов

Оно было продано митрополиту Варшавскому Дионисию (Валединскому) за 2500 польских злотых, употребленных на покупку шрифта и оборудования для устрояемой в Вышнем Свиднике (в пяти километрах от Владимировой) типографии. Из Сремских Карловцев прибыли два сотрудника добровольца и в апреле 1924 г. типография начала работать.

Самую первоначальную братию о. Виталия составили пражские студенты, приезжавшие к нему на вакации, по рекомендации Епископа Пражского Сергия (Королева, †1952). Среди них были: священник, учившийся на философском факультете, – о. А. Володуцкий, умерший в 1939 г. и протоиерей о. Алексей Омельянович, тогда студент школы живописи.

В 1926 г. типографию перевезли в Ладомирову, в первый небольшой деревянный домик, построенный при Михайловском храме. Для нее отвели две комнаты, третью занял о. Виталий. «Братия разместилась на соломе на чердаке, пока было тепло, а на зиму ее разобрали по хижинам крестьяне»[8]. В том же году 16 мая архиепископ Пражский и всея Чехословакии Савватий (Врабец †1959) совершил освящение фундамента под каменный дом для Православной миссии и типографии в Ладомировой[9].

Узнав о трудах архим. Виталия по восстановлению исторической церковной типографии, братия Почаевской Лавры в 1929 г. прислала «на благословение» новому начинанию образ преп. Иова с частицею его нетленных мощей, и «в знак того, что к ней непосредственно переходит то церковное послушание, какое нес препод. Иов в Почаевской Лавре в основанной им церковной типографии».

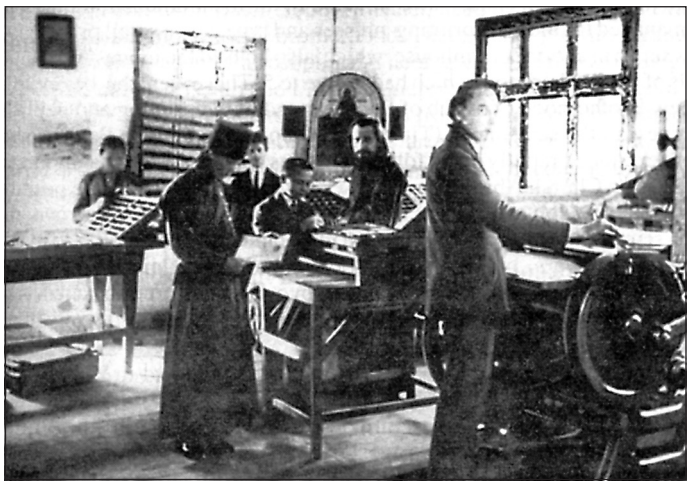
Икона преподобного Иова Почаевского, небесного покровителя типографского братства в Почаеве и Ладомировой

Так Братство в Ладомировой вступило в права прямого наследника древней русской обители и ее миссионерской деятельности.

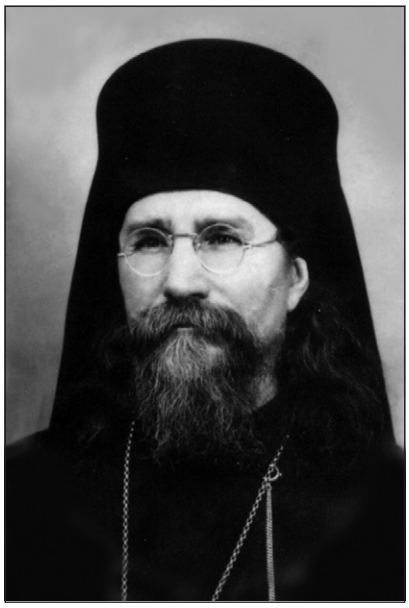
В 1932 г. была закончена постройка части помещения будущей типографии, которое освятил 29 августа того же года епископ Дамаскин (Грданичка †1969). В центральной части типографского помещения установлен был большой образ преп. Иова Почаевского, присланный из Почаевской Лавры[10]. Ежедневно перед началом послушания братия обращались за благословением к своему небесному заступнику.

В октябре 1934 г. братия переехала в новое помещение, в первой не отапливаемой комнате устроили фальцевальню и переплетную, в комнате, «смежной с теплой церковью», поместили послушников, «а всех хлопцев перевели в верхнюю келию в старом доме»[11].

Типографское послушание было главным в обители – «В типографии работает все братство: кто пишет или редактирует статьи и книги, кто корректирует, кто набирает (складает буквы), печатает, брошюрует (скла-



В типографии прп. Иова Почаевского в монастыре его имени, в Ладомировой на Карпатах. В зале видна (на обоих снимках) икона прп. Иова Почаевского, ранее находившаяся в Почаевской типографии, (ныне находится в типографии в Джорданвилле). Справа на первом плане – архим. Серафим (Иванов), впоследствии епископ



Архиепископ Виталий *(Василий Иванович Максименко 8. 8. 1873 – 21. 3. 1960 Нью-Иорк). Сын диакона с. Глафировка Донской обл. Окончил Мариупольское ДУ, Екатеринославскую ДС, поступил в Киевскую ДА (1893), исключен со второго курса за участие в протестах против хозяйственных злоупотреблений администрации. В 1896 г. принят в Казанскую ДА, окончил в 1899 кандидатом богословия. Пострижен в монашество (24. 01. 1899), иеродиакон (25. 01. 1899), иеромонах (18. 05. 1899). Со 2. 12. 1902 начальник типографии Почаевской Лавры, председатель Волынского отделения Союза Русского народа (1906), основатель и редактор журнала «Русский инок» (1910). Арестован Украинской радой в Киеве (декабрь1918 – август 1919), затем вернулся в Почаевскую Лавру, арестован польскими властями (1921), освобожден по настоянию сербского правительства и выслан в Сербию (1922). В 1923 г. переехал в Словакию, где основал обитель в с. Ладомирово (1923) и типографию при ней (1925). Основал и редактировал газету «Православная Карпатская Русь» (1928–1934), затем – «Православная Русь». С 22. 04. 1934 епископ Детройтский, с 14. 09. 1934 – архиепископ. Основал Свято-Владимирскую Духовную Семинарию в Нью-Иорке в 1938 г. Архиепископ Северо-Американский и Канадский (1947–1950). Настоятель Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (1948–1960). Архиепископ Восточно-Американский и Джерзейситский (1950–1960). На фото – архимандрит Виталий (Максименко), 1930-е годы.*

дает листы) и сшивает книги. Только незначительная часть занята канцелярским и хозяйственными (кухня, огород, пасека) послушаниями. […] Каждый учащийся в Миссии должен участвовать в ежедневном богослужении и вырабатывать свой хлеб насущный в типографии»[12]. Первоначально на единственной печатной машине вследствие ее небольшой пропускной способности работали по очереди круглые сутки.

Во внутреннем укладе жизни Миссия старалась свято соблюдать древний иноческий устав русских общежительных монастырей прежнего времени: ежедневное уставное монастырское богослужение, строгое общежитие, одинаковое для всех от Архимандрита до последнего послушника, в зимнее время богословские занятия и всегдашний святой труд на пользу родной Церкви: «Живем мы бедно, теснимся пока по двое и по трое в келиях. На трапезе пища предлагается преимущественно растительная, без мяса, но в количестве достаточном для иноков „трудолюбивого жития“ (Акаф.[ист] Пр. Иову). А на молитву и труды, главным образом на типографском послушании, уходит до 11 часов в сутки»[13].

В 1934 г., на Юрьев день – 23 апреля / 6 мая в Белграде состоялась хиротония архимандрита Виталия во епископа Детройтского, спустя полгода, 4 сентября, он был поставлен во главе Северо-Американской и Канадской епархии с возведением в сан архиепископа. К этому времени в Братстве числилось около 30 человек, «причем мирян-трудников было гораздо больше, чем монахов»[14].

Отъезд владыки Виталия поставил вопрос о руководстве Братством. Был учрежден Духовный Собор.

История Иноческого Типографского Братства прп. Иова Почаевского в Ладомировой для Русский Церкви новейшего времени представляет собою единственное и ни с чем не сравнимое явление, значение которого будет оценено еще не скоро…

Основу Братства составили семь человек, вошедших в Духовный Собор, пятеро из которых прошли Гражданскую войну в частях Белого движения: архимандрит Серафим, игумен Савва, иеромонах Иов, иеромонах Киприан, иеромонах Антоний. Они приняли тяжелейшую ношу восстановления традиционного православного русского книгопечатания и упорно сохраняли многовековую культурную традицию, удушенную к тому времени в отечестве и едва мерцавшую лишь на малых островках

Почаевская Лавра. Здесь при епископе Волынском Антонии (Храповицком) была восстановлена типография, основанная в XVII столетии прп. Иовом Почаевским. Фото 1900-х годов

Иеромонах Антоний (Ямщиков), впоследствии архимандрит, бессменный печатник в типографии в Ладомировой. Архимандрит Серафим (Иванов), редактор «Православной Руси». Архимандрит Нафанаил (Львов), редактировавший издания типографии в Ладомировой в 1936–1944 годах

бескрайнего русского рассеяния (в Харбине, на о. Валаам и при Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Издания литературы двумя последними были, впрочем, не систематичны и малотиражны. Лишь редактируемая Валаамским монастырем газета «Утренняя Заря» и харбинский журнал «Хлеб Небесный» могли претендовать на сравнение с ладомировской «Православной Русью»).

В результате победы большевистской революции на большей части территории Российской Империи была построена невиданная доселе государственная система, которую виднейший русский богослов и историк Церкви проф. Н.Н. Глубоковский (бывший одним из наставников о. Серафима (Иванова) по Богословскому факультету в Белграде) определял как «уголовное государство», с которым каждый христианин мог и обязан был бороться…

Пути продолжения этой борьбы каждый выбирал сам и, наверное, для значительной части русских изгнанников подвиги Мориса Конради и Аркадия Полунина, капитана Виктора Ларионова или вчерашнего гимназиста Бориса Коверды были куда ближе и эмоционально понятнее,

Коверда Борис Софронович *(21. 06. 1907 – 18. 02. 1987, Вашингтон). Окончил русскую гимназию в Вильно, служил корректором и переводчиком в антикоммунистической газете «Белорусское слово». В 1920 г. был на польском фронте. В июне 1927 г. на вокзале в Варшаве застрелил советского «полпреда», одного из цареубийц, П.Л. Войкова. Приговорен судом к 10 годам заключения, из которых пять лет провел в каторжной тюрьме. После освобождения в 1937 г. переехал в США. К этому моменту почитался в эмиграции как один из главных русских национальных героев. Служил выпускающим редактором газеты «Новое Русское слово» в Нью-Йорке. (Часовой. Париж-Брюссель. № 663, 665, 1987; № 632,1981; № 647,1984).*

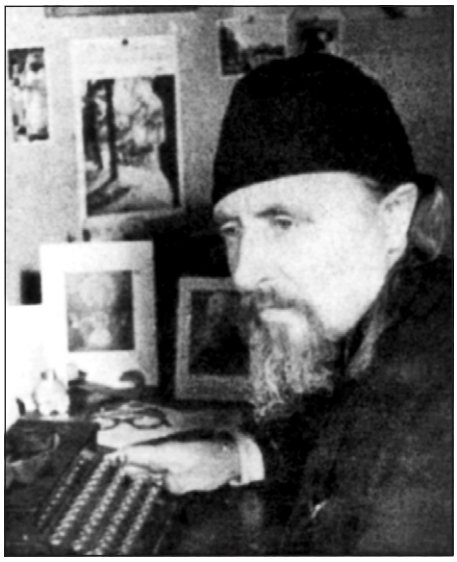
Конради Морис (Александр) Морисович *(1896, С.-Петербург – до 16. 03. 1931, Африка. По другим сведениям умер в Швейцарии не ранее 1946 г.). Сын шоколадного фабриканта, швейцарского подданного. Воевал в Добровольческой армии , 10 мая 1923 г. в ресторане отеля «Сесиль» в Лозанне застрелил В. В. Воровского и ранил его сотрудников И. Аренса и М. Дивилковского. (За свободу. Варшава. №70, 14 марта 1931).*

Полунин Аркадий Павлович *(ок. 1889 – 23. 02. 1933, г. Дрё, под Парижем). Ротмистр Кавказского конно-горного артдивизиона, участник Первой Мировой войны и Добровольческой борьбы на Юге России. Привлекался к суду в качестве соучастника подготовки убийства В. В. Воровского. Умер в результате последствий тяжелой контузии, полученной на фронте. См.: М. Каменский. Некролог // Возрождение. Париж, № 2829, 1 марта 1933. К 30-летию покушения на В. Воровского // Часовой (Париж-Брюссель) № 336, 1953, с. 22. Дело слушалось в уголовном суде Лозаннского округа с участием присяжных заседателей 5-16 ноября 1923 г. Защищали подсудимых: М. Конради – лозаннский адвокат Сидней Шопфер, А. Полунина – женевский адвокат Шарль Обер. См.: Речь Обера произнесенная в защиту Полунина перед судом присяжных в Лозанне по делу об убийстве Воровского. Перевод с французского. Белград, 1924. 103 с.*

Ларионов Виктор Александрович *(13.07.1897, С.-Петербург – после 1984, ФРГ), окончил в Петербурге гимназию, в 1916–17 учился в отдельных гардемаринских классах, с июня 1917 г. учился в Константиновском артиллерийском училище, откуда осенью 1917 года вместе с другими юнкерами поехал на Дон. Капитан, воевал в Марковском артиллерийском дивизионе, дважды тяжело ранен, награжден «Знаком отличия первого Кубанского похода» 1-й степени. В июне 1927 г. Виктор Ларионов с двумя молодыми помощниками проник в СССР и осуществил взрыв в ленинградском Центральном партклубе. Всем троим боевикам удалось невредимыми вернуться назад. В 30-е годы он возглавлял в Париже кружок «Белая идея», в 1938-м выслан из Франции за активную антисоветскую деятельность. Был членом НТС, в годы войны работал в Комитете освобождения народов России. Еще в конце 50-х Виктор Ларионов, живший в ФРГ, поддерживал контакты с русскими в Финляндии, в связи с чем им, помимо КГБ, интересовалась и Охранная полиция Финляндии. См.: Ларионов В.А. Боевая вылазка в СССР. Париж, 1931. Он же. Последние юнкера. М.,1997.*

чем ежедневная нелегкая работа недавних воинов, избравших подвиг иночества…

Ведь убийцы Воровского вышли из зала суда национальными героями и, что гораздо более важно, героями оправданными, получившими официальное юридическое подтверждение правомерности продолжения Белой борьбы с оружием в руках даже на территории нейтрального Швейцарского государства... Их оправдание стало поводом к созданию т. н. «Лиги Обера», принявшей на себя труды по объединению антибольшевистских сил во всем мире и нанесшей непоправимый ущерб деятельности коммунистического Интернационала.



Архимандрит Иов (Леонтьев), бывший офицер Северо-Западной Армии генерала Н.Н. Юденича, сотрудник Типографского братства прп. Иова Почаевского в Ладомировой

И все же первые Ладомировские братия приняли на себя не менее героическое и, возможно, более изнурительное повседневное служение – духовному просвещению порабощенного русского народа.

Основные средства для содержания Православной Миссии и материального обеспечения подготовки кандидатов в священники приносила братии именно издательская работа.

Главным послушанием в Братстве стало печатание богослужебных книг. Первые издания Ладомировской обители напечатаны русским шрифтом на американской бумаге: Молитвенник, Литургии Иоанна Златоустого и Василия Великого, Служебник: Последование бдения, вечерни и утрени (1924. 200 стр.). «Хотя сии книги, – писал о. Виталий, – отпечатаны гражданским шрифтом, все же Русский Заграничный Синод, нужды ради, одобрил их к временному употреблению при богослужении»[15].

С 1926 года богослужебные книги печатались уже церковно-славянским шрифтом. По «преподанному указом» благословению Архиерейского Синода изданы были Требник, Помянник, Малый Сборник, Литургия Преждеосвященных Даров, Православный сборник для мирян, несколько молитвословов, начато печатание Великого Православного Сборника.

Книги печатались иногда в нескольких вариантах – на бумаге разного качества и в различных переплетах, но всегда отличались высокохудожественным оформлением.

В 1925 г. Братство приступило к изданию Русского Церковного Календаря с Типиконом, которым к 1940 г. руководствовалось «по крайней мере 75% церквей Русского Зарубежья»[16]. Кроме того выходили Православные народные календари, тираж которых достигал 2000 экз. Такие Календари составлялись, как правило, из Церковного Календаря и религиозно-просветительных брошюр, выпущенных издательством в предшествующем году и соединенных в один том с Календарем. Таким образом, постоянные покупатели Календаря становились, со временем, обладателями небольшой духовной библиотеки. Редакция прилагала все силы, чтобы Календари улучшались «внешне и внутренне», став настольной книгой каждого церковного человека. «С каждым годом экономический кризис все более и более дает себя чувствовать, что особенно отражается на всех сторонах быта эмиграции, поставленной в исключительно тяжелые жизненные условия, – отмечалось на обложке Календаря на 1936 год. – Отразилась депрессия и на книжном рынке: издательства вынуждены выпускать все меньше и меньше книг, и по цене они становятся совершенно недоступны для рядового эмигранта. И вот здесь то наши календари (трех типов) идут широко навстречу эмиграции, становясь почти единственной настольной книгой. Где, помимо самого календаря и связанных с ним отделов, мы помещаем еще ряд статей и очерков для широкого чтения».

Братство с момента его основания занималось просветительской деятельностью в среде местного населения, и выпуск нравственно-религиозных и апологетических брошюр становится еще одним важнейшим направлением издательской работы.

В 1930 г. вышел противоуниатский катехизис «Где искать правду?», составленный на карпаторусском наречии бывшим униатским священником прот. Алексеем Товтом, которого именовали «батькой Православия в Америке», и который «хорошо знал все униатские обманы и смело обличил их в своей знаменитой брошюре». В свое время этот катехизис послужил «лучшим орудием для борьбы православных с униатами в Америке, – борьбы, закончившейся переходом более 50.000 униатов в православие»[17]. В 1933 г. был издан «Православный катехизис для карпаторуссов» (в двух частях на карпаторусском наречии), проредактированный митрополитом Антонием (Храповицким) и прот. Иринеем Ханатом – бывшим униатским священником, принявшим православие.

Как отмечал о. Серафим (Иванов), «все православные дети в здешнем крае учатся по трижды нами изданному: в 1925, 33 и 32 гг. катехизису и по „Начаткам православного учения“, изданному нами дважды: в 1929 и 1931 гг. В 1929 г. мы денежно и технически принимали участие в издании проф. Г. Г. Геровским в Ужгороде „Ветхого и Нового Завета в изложении для школ“. А ныне [в 1941

г. – *Т. Б., А. К.*] нами изданы учебники Ветхого и Нового заветов»[18]. К 1940 г. выпустили также несколько номеров периодических листков для народа «Православная Лемковщина» и три номера журнала «Русский Пастырь».

Самой известной заслугою Братства стало учреждение выходящей и сегодня церковной газеты «Православная Русь» – старейшего и самого авторитетного православного русского периодического издания.

С большим трудом удалось добиться разрешения на ее печатание. Первый номер газеты, первоначально носившей заглавие «Православная Карпатская Русь» (с подзаголовком «церковно-народный орган православного движения на Карпатской Руси и Восточном Словенску»), вышел 2 апреля 1928 года. Редакция обращалась к своим читателям: «Каждый православный священнослужитель, приход и мирянин откликнитесь: кто подпиской, кто трудами своими и помощью украсьте нашу православную русскую газету, поставившую себе задачу: служить интересам Православия на Карпатской Руси и Восточной Словакии, освещать православное движение, руководить церковным народом в вопросах веры и жизни и по мере сил наших честно и смело отводить несправедливости и обиды от нашего православного движения»[19].

Первым официальным редактором новой газеты стал чехословацкий гражданин прот. о. Всеволод Коломацкий[20], затем в состав редакции вошли о. Серафим (Иванов) и о. Нафанаил (Львов), а в годы войны о. Савва (Струве).

Постепенно «Православная Карпатская Русь» становится церковной газетой всего русского рассеяния. В сентябре 1934 г. Духовный собор Братства принял решение «о расширении газеты, увеличении ее формата, расширении ее названия»[21]. В объявлении о подписке на 1935 г. (помещенном в номере от 2 октября 1934 г.) газета названа «Православная Зарубежная Русь». Затем «ради пользы дела распространения газеты в Польше и Прибалтике и заменили его названием „Православная Русь“»[22], под которым газета стала выходить с января 1935 г. (с подзаголовком «Церковно-народный орган Православного движения Зарубежной Карпатской и Пряшевской Руси»).

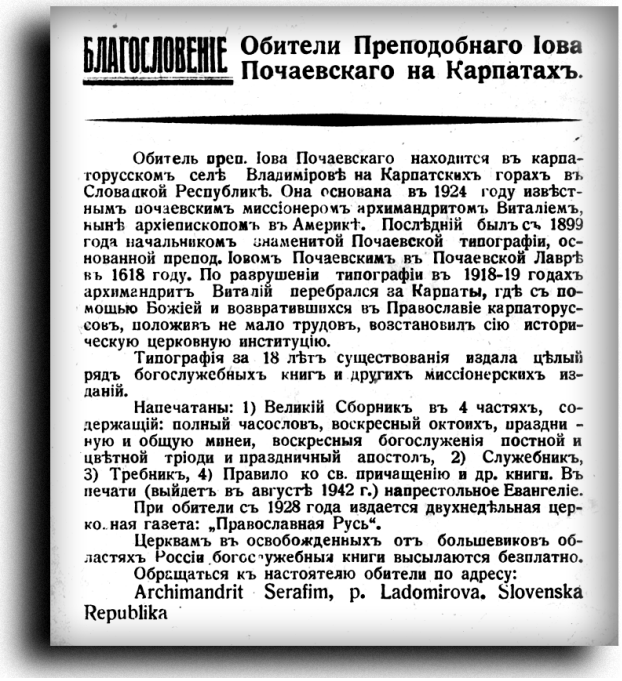
Редакция так определила задачи издания: «Укрепить Православное Церковное самосознание русских зарубежников, помочь им найти себя в Церкви Христовой; […] осведомлять читателей об общецерковных событиях и вообще о религиозной жизни русского зарубежья, а равно имеющих отношение к вере политических событиях. […] бороться с воинствующим безбожием и раскрывать полную его несостоятельность»[23].

С 1930-х гг. в газете сотрудничали о. Аверкий (Таушев), И.А. Ильин, Н.Д. Тальберг, И.С. Шмелев, А.В. Карташев. Двое последних посетили Ладомирову в канун 950-летия крещения Руси, а И. С. Шмелев намеревался переехать на жительство в Ладомирову (чему воспрепятствовало начало Мировой войны), а, после войны, собирался поселиться в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле, чему помешала скоропостижная смерть писателя.

В 1939 г. тираж газеты достигал 2500 экз., ее рассылали в 48 государств. Перед самой войной «Православную Русь» за правдивое и решительное отстаивание общерусских церковных интересов, запрещают к распространению в Польше и Литве.

Выходило и несколько приложений к газете. В 1938 г. готовится отдельное приложение-вкладка «Русского христианского национального движения» – «Вера, Родина, Семья».

С 1935 г. по 1941 г. в качестве приложения к «Православной Руси» Братство публиковало «Детство во Христе» (с 1939 г. – «Детство и юность во Христе»),



БЛАГОСЛОВЕНІЕ Обители Преподобнаго Іова Почаевскаго на Карпатахъ.

Обитель преп. Іова Почаевскаго находится въ карпаторусскомъ селѣ Владиміровѣ на Карпатскихъ горахъ въ Словацкой Республикѣ. Она основана въ 1924 году извѣстнымъ почаевскимъ миссіонеромъ архимандритомъ Виталіемъ, нынѣ архіепископомъ въ Америкѣ. Послѣдній былъ съ 1899 года начальникомъ знаменитой Почаевской типографіи, основанной препод. Іовомъ Почаевскимъ въ Почаевской Лаврѣ въ 1618 году. По разрушеніи типографіи въ 1918-19 годахъ архимандритъ Виталій перебрался за Карпаты, гдѣ съ помощью Божіей и возвратившихся въ Православіе карпаторусовъ, положивъ не мало трудовъ, возстановилъ сію историческую церковную институцію.

Типографія за 18 лѣтъ существованія издала цѣлый рядъ богослужебныхъ книгъ и другихъ миссіонерскихъ изданій.

Напечатаны: 1) Великій Сборникъ въ 4 частяхъ, содержащій: полный часословъ, воскресный октоихъ, праздничную и общую минеи, воскресныя богослуженія постной и цвѣтной тріоди и праздничный апостолъ, 2) Служебникъ, 3) Требникъ, 4) Правило ко св. причащенію и др. книги. Въ печати (выйдетъ въ августѣ 1942 г.) напрестольное Евангеліе.

При обители съ 1928 года издается двухнедѣльная церковная газета: „Православная Русь“.

Церквамъ въ освобожденныхъ отъ большевиковъ областяхъ Россіи богослужебныя книги высылаются безплатно.

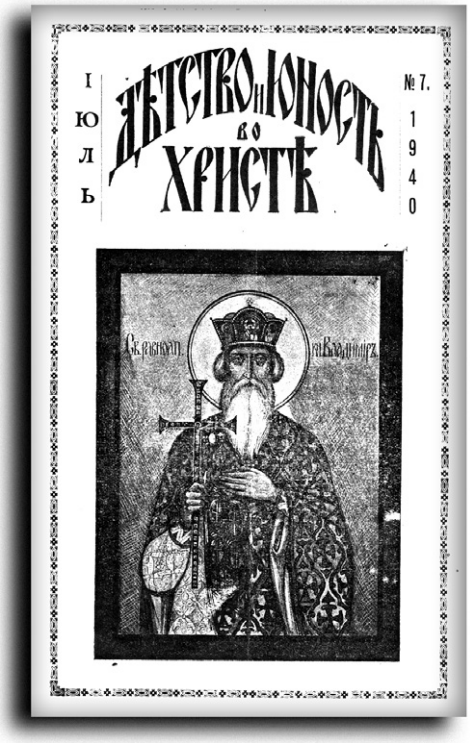
Обращаться къ настоятелю обители по адресу:

Archimandrit Serafim, p. Ladomirova. Slovenska Republika

Ладомирова. Монастырь и типография прп. Иова Почаевского. С рисунка архимандрита Киприана (Пыжова)

Информация об обители, помещенная на обороте краткого молитвослова, изданного типографским братством в 1942 году

– «единственный религиозный детский журнал на русском языке в целом свете»[24]. Основателем его стал инок Алексей (Дехтерев)[25], оформлением занимался о. Киприан (Пыжов). 24 ноября 1939 г. с Дальнего Востока прибыл архимандрит Нафанаил (Львов)[26], с приездом которого «сильно оживилась» газета «Православная Русь» и журнал «Детство и юность во Христе». В 1941 г. журнал был приостановлен в связи с увеличившимся объемом печатных работ.



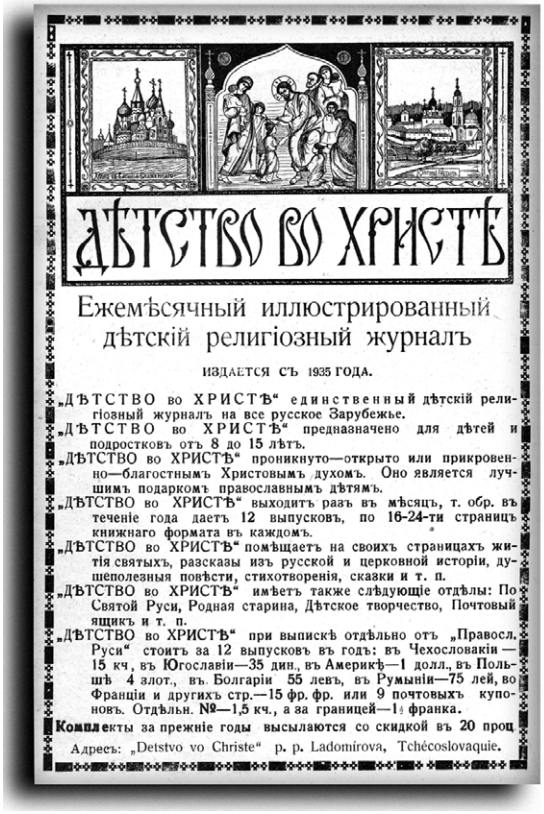
Еще в середине 1920-х годов, по словам о. Виталия, были предприняты попытки к изданию церковного журнала, но они не увенчались успехом[27]. Решение о возобновлении издания почаевского журнала «Русский Инок», принятое в сентябре 1934 г. с тем «чтобы „Р.[усский] И.[нок]“ выделить в особое издание, спонсировать и выпустить № 1 к Вел.[икому] Посту»[28] 1935 года, по-видимому, так и не было претворено в жизнь…

В 1939 г. Братство отпечатало первый выпуск «Православного Пути», как непериодического органа «строго-православной, богословской и церковно-общественной мысли». Единодушное пожелание необходимости подобного печатного органа было высказано в 1938 г. на Втором Всезарубежном Церковном Соборе. Редакционный комитет возглавил игумен Филипп (Гарднер, † 1984), секретарь миссионерско-просветительной комиссии, настоятель русской церкви в Вене[29]. «На русских православных людях в рассеянии сущих лежит большая ответственность перед своими братьями, томящимися под властью безбожников, и перед Святою Русью. Мы должны сохранить в чистоте дар Православия и принести на освобожденную Родину плоды нашей молитвы, мысли и труда»[30], – отмечалось в редакционном предисловии к первому выпуску.

«Православный Путь», очевидно, задумывался в противовес «Пути» парижскому, как отпор соблазну, вызванному «прикосновением к инославию», ласкающему «самолюбие самостного и неподготовленного к богословствованию рядового верующего»[31].

Усиленно подчеркивалась строго православная направленность журнала, как «противоположность схоластическому Западу и любопытствующим религиозным мыслителям, которые ищут отвлеченную от жизни истину или интересных мыслей, обычно не задавая себе вопроса, спасительны они или душевредны»[32].

Предполагалось, что журнал будет выходить 3–4 раза в год, причем Братство готово было «позволить себе роскошь выпустить хотя бы в убыток несколько номеров»[33].


ДѢТСТВО ВО ХРИСТѢ

Ежемѣсячный иллюстрированный дѣтскій религіозный журналъ

ИЗДАЕТСЯ СЪ 1935 ГОДА.

„ДѢТСТВО во ХРИСТѢ“ единственный дѣтскій религіозный журналъ на все русское Зарубежье.

„ДѢТСТВО во ХРИСТѢ“ предназначено для дѣтей и подростковъ отъ 8 до 15 лѣтъ.

„ДѢТСТВО во ХРИСТѢ“ проникнуто—открыто или прикровенно—благостнымъ Христовымъ духомъ. Оно является лучшимъ подаркомъ православнымъ дѣтямъ.

„ДѢТСТВО во ХРИСТѢ“ выходитъ разъ въ мѣсяцъ, т. обр. въ теченіе года даетъ 12 выпусковъ, по 16-24-ти страницъ книжнаго формата въ каждомъ.

„ДѢТСТВО во ХРИСТѢ“ помѣщаетъ на своихъ страницахъ житія святыхъ, разсказы изъ русской и церковной исторіи, душеполезныя повѣсти, стихотворенія, сказки и т. п.

„ДѢТСТВО во ХРИСТѢ“ имѣетъ также слѣдующіе отдѣлы: По Святой Руси, Родная старина, Дѣтское творчество, Почтовый ящикъ и т. п.

„ДѢТСТВО во ХРИСТѢ“ при выпискѣ отдѣльно отъ „Правосл. Руси“ стоитъ за 12 выпусковъ въ годъ: въ Чехословакіи — 15 кч, въ Югославіи—35 дин., въ Америкѣ—1 долл., въ Польшѣ 4 злот., въ Болгаріи 55 левъ, въ Румыніи—75 лей, во Франціи и другихъ стр.—15 фр. фр. или 9 почтовыхъ купоновъ. Отдѣльн. №—1,5 кч., а за границей—1½ франка.

Комплекты за прежніе годы высылаются со скидкой въ 20 проц

Адресъ: „Detstvo vo Christe“ p. p. Ladomírova, Tchécoslovaquie.

Духовный журнал «Детство во Христе», с 1939 года – «Детство и юность во Христе», издававшийся в обители в Ладомировой в 1935–1941 годах

ДѢТСТВО и ЮНОСТЬ ВО ХРИСТѢ.

Ежемѣсячное приложеніе къ газетѣ „Правосл. Русь“.

№ 8. (67) августъ 1940 г. 6-й годъ изданія.

Адресъ Редакціи: A. Serafim, Ladomírová u V. Svidníka. Slovenská rep.

Užívanie novinových známok povolené vynosom riaditel'stva pošt. a tel. v Košiciach čís. 28 794 — VI — 1937.

Природа передъ Творцемъ

Вся природа въ молитвѣ застыла
Средь безмолвія, въ ночной тишинѣ.
Какъ лампады, какъ искры кадила,
Звѣзды ярко зажглись въ вышинѣ.

И въ глубокомъ смиреньи склоняся
Передъ дивнымъ величьемъ Творца,
Вся вселенная тихо молися,
Какъ дитя, проситъ ласки Отца.

Ты великъ въ Своемъ мірѣ, Создатель,
Дивно дѣло Божественныхъ словъ!
Твоя воля — маякъ указатель,
Свѣтъ незримый надъ міромъ міровъ.

Это небо — Твое покрывало,
Эти звѣзды, какъ перлы на немъ,
И земля лишь обломокъ коралла
На священномъ хитонѣ Твоемъ.

О, простри Твою Отчую руку
Надъ ничтожной песчинкой земли,
Утоли нашу жалкую муку,
Нашимъ жалкимъ молитвамъ внемли.

В. В. Л

ПРАВОСЛАВНАЯ

КАРПАТСКАЯ РУСЬ.

ЦЕРКОВНО-НАРОДНЫЙ ОРГАНЪ ПРАВОСЛАВНАГО ДЕНЖЕНІЯ НА КАРПАТСКОЙ РУСИ И ВОСТОЧНОМЪ СЛОВЕНСКЪ.

ГОСПОДИ БЛАГОСЛОВИ

КОЗДЕНІЮ АМЕРИКАНЦОКЪ КЪ СВОЯМЪ КРЕЛАНАМЪ

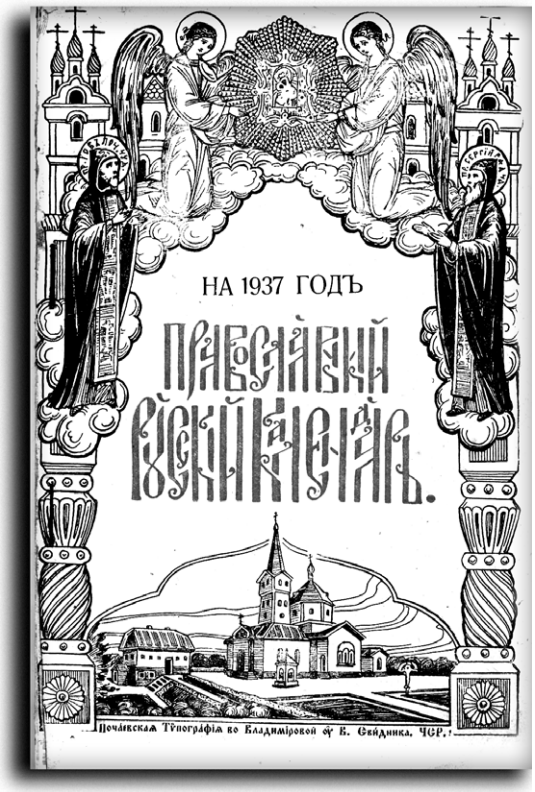
Первый выпуск газеты «Православная Карпатская Русь». Ладомирова. 1928 год

Иеромонах Виталий (Устинов, †2006) за работой в типографии прп. Иова в Ладомировой

поскольку бюджет его выравнивался доходами от других изданий. С началом Второй мировой войны денежные поступления и заказы Братства сократились «ровно в ПЯТЬ РАЗ», в связи с чем издатели не гарантировали выход четырех выпусков в год. Желание же подписаться на журнал высказало всего 60 человек, из них почти половина проживала в странах, почтовое сообщение с которыми из Словакии было затруднено или вовсе прервано и откуда, следовательно, невозможно было получить деньги. Тем не менее Братство готово было выпустить к Пасхе 1940 г. второй выпуск, если наберется «хотя бы сто платных подписчиков»[34], однако, до войны вышел лишь первый выпуск. Церковно-богословско-философский ежегодник был возобновлен только после переезда братства в США и продолжает выходить поныне.

В «Православном Календаре на 1937 год» помещен первый систематический каталог изданий Братства (осуществленных в 1924-1936 гг.), включающий 38 названий книг и брошюр, распределенных по четырем отделам: богослужебные книги и молитвословы, богословие и учебники, религиозно-нравственные книги и разные издания. Кроме того, Братство печатало разрешительные грамоты, венчики (в две краски с золотом), изготавливало нательные образки (Божией Матери Знамения Курской-Коренной, Целителя Пантелеимона, «освященные на мощах целителя, после акафистного пения ему о даровании душевного и телесного здравия всем носящим их с благоговением», преп. Серафима, «освященные на камне, на котором молился Преподобный и окропленные водицей, вывезенной из его цельбоносного источника в Сарове») и нательные крестики («изящной работы белого металла под серебро, белого металла с синей эмалью и серебряные с пробой»), информация о чем также помещена в каталоге. Впоследствии Каталоги изданий братства периодически помещались на страницах «Православной Руси» и Церковных календарей. Последний Каталог, насчитывающий 56 изданий, был отпечатан отдельной брошюрой в 1940 г.[35] Всего за время существования Типографии в Ладомировой в ней было напечатано свыше ста наименований книг, брошюр и листков.[36]

7 октября 1938 г. правительство Чехословакии под давлением Германии предоставляет автономию Словакии, а 8 октября и Закарпатской Украине, президентом которой стал греко-католический священник о. Августин Иванович Волошин (†1945, Бутырская



Одно из изданий братства прп. Иова: «Православный Русский Календарь»

тюрьма в Москве), 14 марта 1939 года объявивший Карпатскую Украину независимым государством. Главой правительства словацкой автономии стал католический священник Йозеф Тисо (казнен в 1947 году), выпускник Семинарии в Нитре и Венского университета, один из умеренных лидеров Словацкой Народной (Глинковой) партии.

После того как 9 марта 1939 г. сохранявшие верность пражскому правительству части чехословацкой армии заняли территорию Словакии, Й. Тисо направился в Берлин, где 13 марта встретился с А. Гитлером, который вынудил его заявить о независимости Словацкой республики. Словацкий парламент провозгласил независимость 14 марта, а на следующий день германские войска оккупировали Богемию и Моравию. 26 октября 1939 г. Й. Тисо стал президентом Словацкой республики.

Премьер-министром стал Войтех Тука (Vojtech (Bela) Tuka, казнен в 1946 году), венгр по происхождению, бывший профессором в Будапеште и Братиславе и один из лидеров радикального крыла Словацкой Народной Партии, сторонник тесного союза с Германией.

Новое государство признали многие страны, в том числе Швейцария, Испания, Венгрия, Италия, Япония, Маньчжурская Империя, Китай, Эстония, Литва, Хорватия, Советский Союз, Сальвадор, Ватикан.

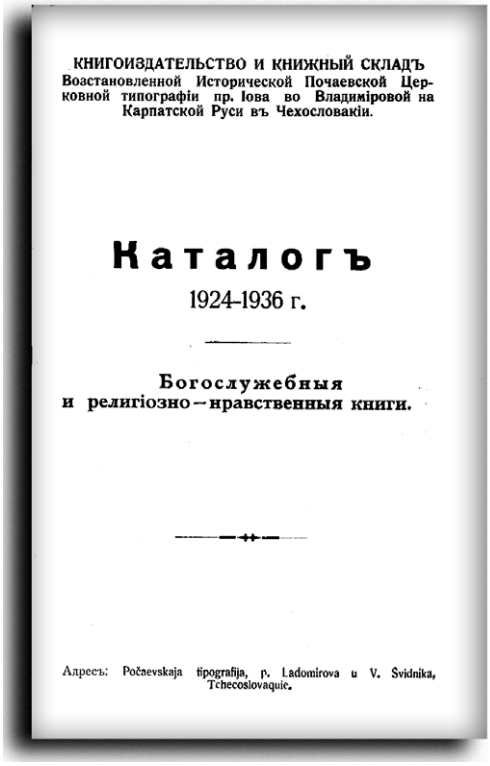
Таким образом, Ладомировское Типографское Братство оказалось на территории нового государства с населением в 2 миллиона 650 тысяч человек, в течение последующих шести лет существовавшего в тесном союзе с Германской империей и под ее защитой. Этот вынужденный союз позволил Словакии в течение почти всей Мировой войны сохранять государственную независимость и основные гражданские свободы для большинства населения. На ее территории находилось крайне незначительное число германских военных, не вмешивавшихся во внутреннюю жизнь государства.

Находясь в центре охваченной войною Европы, Братство получило вскоре единственную в своем роде возможность для продолжения своей миссионерской работы уже на территории России.

«Совершаются великие события, смысл которых мы не можем еще уразуметь в настоящее время, – говорил Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви митрополит Анастасий (Грибановский, †1965) 29 августа 1940 г. во время посещения обители в Ладомировой. – Перевертывается страница всемирной истории. Прежний мир колеблется на чашке весов и как бы изживает себя; нам кажется по временам, что уже секира лежит пред корнем бесплодного дерева всей современной гордой культуры, забывшей вечные заповеди Христовы»[37].

Неисповедимы пути Господни… Типография, основанная более трехсот лет назад преп. Иовом Почаевским, дала жизнь обители в Ладомировой, и возможно, существеннейшую часть своей миссии иноческое Братство исполнило именно в годы войны.

После четвертого раздела Польши и присоединения к Советскому Союзу Западной Белоруссии и Украины, стран Прибалтики, а после Советского нападения на Финляндию – и Карельского перешейка «замолк призывный гул большого Почаевского колокола в плененной безбожниками Лавре, как замолк он на Валааме, Коневце, Печорах и во всех других русских Обителях, так-сяк еще существовавших в Польше и Прибалтике. Только с Карпатских гор, почти с самого порубежья советского, слышится еще звон монастырских колоколов и, о чудо, сей звон малых колоколов достигает иногда


КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Возстановленной Исторической Почаевской Церковной типографіи пр. Іова во Владиміровой на Карпатской Руси въ Чехословакіи.

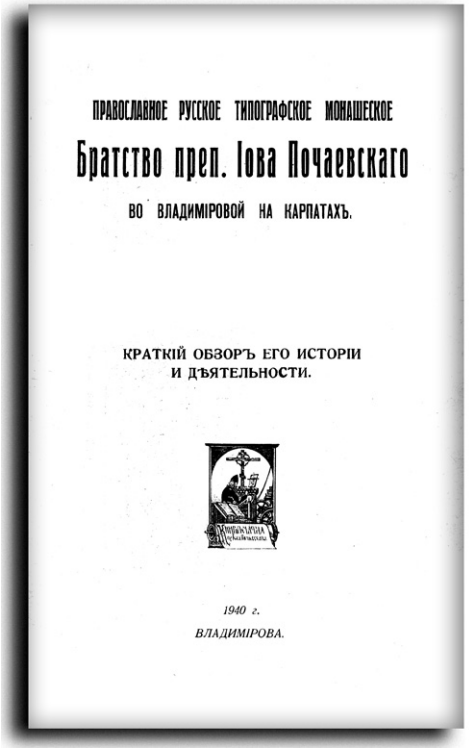
Каталогъ
1924–1936 г.

Богослужебныя
и религіозно–нравственныя книги.

Адресъ: Počnevskaja tipografija, p. Ladomirova u V. Svidnika, Tchecoslovaquie.

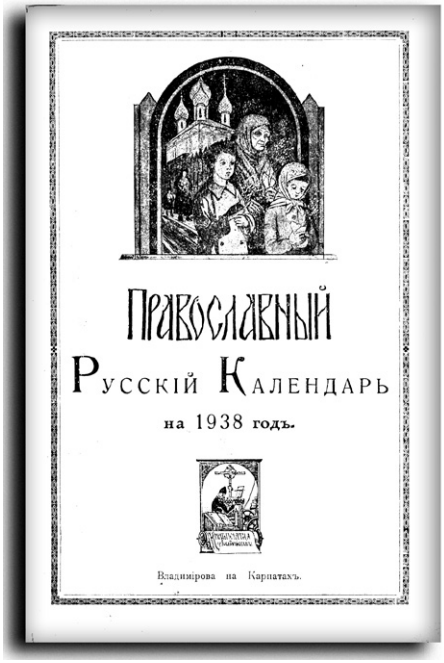
Марка книгоиздательства в Ладомировой

Издания книгопечатни прп. Иова Почаевского, рассказывающие о широкой просветительской деятельности обители в Ладомировой в 1920-е – 1940-е годы


ПРАВОСЛАВНОЕ РУССКОЕ ТИПОГРАФСКОЕ МОНАШЕСКОЕ
Братство преп. Іова Почаевскаго
ВО ВЛАДИМІРОВОЙ НА КАРПАТАХЪ.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ЕГО ИСТОРІИ
И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

1940 г.
ВЛАДИМІРОВА.



Такие Православные Русские календари издавались типографским братством в Ладомировой в 1930-х – 1940-х годах

слуха русских людей, живущих в самых удаленных концах мира»[38]. Действительно, обитель в Ладомировой осталась фактически единственным настоящим русским монастырем в свободной от большевизма части Европы.

Вследствие трагических для зарубежного русского Православия событий 1939–1940 годов почти все чудом существовавшие до этого времени русские зарубежные монастыри и православные церковные книгоиздательства были разорены. Обитель в Ладомировой приобретает с этого момента исключительное значение живого свидетельства непрерывности русской монашеской книгопечатной традиции, становится символом продолжающегося служения русской Церкви делу подлинного просвещения русского народа, несмотря на внешне очевидную победу безбожных сил…

Однако война приближалась и к воротам Типографского Братства, будущее которого представлялось неясным – 30 апреля/13 мая 1941 г. Духовный Собор (в состав коего к тому времени входили: настоятель обители архимандрит Серафим (Иванов, †1987), архимандрит Нафанаил (Львов, †1986), игумен Савва (Струве, †1949), валаамец игумен Филимон (Никитин, †1953), иеромонах Иов (Леонтьев, †1959), иеромонах Киприан (Пыжов, †2001), иеромонах Антоний (Ямщиков, †1994)[39]) обсуждал «общее положение в связи с усилением слухов о возможности военной опасности»[40]. Тогда же постановили поминать за богослужением «страждущий православный русский народ», а желающим «разрешить поминовение по более пространной формуле, предложенной о. архим. Серафимом „и всех верных чад Пр.[авославной] Рус.[ской] Церкви, во отечестве, рассеянии, изгнании и заточении сущих“»[41].

В самый же день начала военного противостояния Германии и советской России, 9/22 июня в Духовном Соборе «слушали сообщение о начавшихся военных действиях между Германией и СССР, в связи с чем в этот день был совершен молебен всем свв. земли русской об избавлении ее от безбожного обстояния»[42].

15/28 июня 1941 г. вышел первый «военный» номер «Православной Руси» с описанием событий первых «военных» дней в обители: «Уже давно, с того времени, когда для всех стала ясна неотвратимость наступления столь давно ожидаемых событий, у нас в обители говорили о том, что хорошо было бы, если бы эти события наступили около дня праздника всех святых в земле русской просиявших, ибо в этом обстоятельстве мы могли бы увидеть и узнать знамение Божьего ободрения в тревогах о судьбе нашей родины.

Однако суббота 8/21 июня, канун праздника всех русских святых прошла совсем спокойно, и никаких конкретных указаний на близость начала событий не было. Даже разнообразные и смутные слухи, давно уже назначавшие различные, иногда самые фантастические сроки, как будто смолкли, те, кто недавно утверждали, что дело начнется завтра или послезавтра, стали говорить, что пожалуй все отложится до осени.

В воскресенье утром многие священноиноки монастыря разошлись по окрестным селам. В этот день Божественная литургия совершалась во всех пяти обслуживаемых монастырем сельских храмах, что бывает не каждое воскресение, так как часто для того не хватает священнослужителей, отвлекаемых иногда на различные неотложные срочные дела.

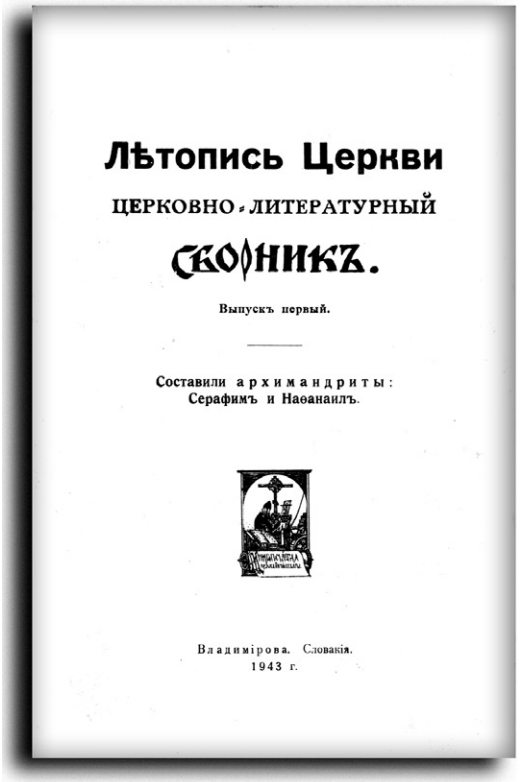
В монастыре оставался о. настоятель и два священноинока. На средине церкви были поставлены аналои с многочисленнейшими иконами всех русских святых.

Пришедшие на утреню крестьяне с волнением сообщили, что “уж, началось”… Но этому слуху никто не придал значения. Все же жарче молились, волнительнее думалось о судьбах “страждущего православного русского народа”, явственнее звучало молитвенное прошение “о еже избавитися ему от лютых безбожников обстояния”. После литургии и обычной трапезы о. настоятель открыл в своей келии наш скромный примитивный радиоаппарат и услышал из Братиславы первое официальное сообщение о начале военных действий. Они начались на рассвете 9-22 июня, при светании дня праздника всех святых в земле русской просиявших. Явственнее, утешительнее, ярче знамения не могло быть для нас – изгнанников, истомившихся в тревогах и боли за родную землю.

О. настоятель сообщил новость братии, и все поспешили в церковь, где пред аналоями с иконами всех святых совершен был молебен Спасителю, Божией Матери и всем святым в земле русской просиявшим.

В 3 часа дня была воскресная вечерня, на которую собрались все крестьяне нашего села. Храм осветился множеством свечей, возжженных крестьянами. Здесь этот обычай гораздо менее распространен, чем в коренной России, и потому такое возжжение многих свечей указывает на необычайно большое душевное движение местных поселян. Братия обители, в большинстве изгнанники, представители самых разнообразных слоев и уголков необъятной России, вместе с местными жителями – представителями русского народа, искони обитавшего здесь за пределами русского государства, слились в одной пламенно жаркой молитве за родной народ и родную землю в самый важный, самый судьбоносный час в истории.

Решением Духовного Собора обители постановлено ежедневно совершать молебен Спасителю, Божией Матери и всем святым в земле русской просиявшим о спасении России и об избавлении ее от безбожного обстояния, всем же иночествующим взять на себя усиленное молитвенное правило и коленопреклонения с молитвой о воскресении святой православной Руси. Это древний испытанный путь, которым не раз спасалась русская земля. Нет у нас иных средств и возможностей служения ей, но это средство самое прямое, важное и действенное.



Лѣтопись Церкви

ЦЕРКОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

СБОРНИКЪ.

Выпускъ первый.

Составили архимандриты:
Серафимъ и Наѳанаилъ.

Владимірова. Словакія.
1943 г.

Церковно-литературный сборник «Летопись Церкви», издававшийся в 1943 году. Выпуск 1

Кроме того, настоятель обители от имени всего братства обратился к высшей церковной власти с просьбой вполне располагать всеми силами нашей братии для возможной миссионерской работы на русской территории, или с русскими пленными, или иными какими путями. Одновременно о. настоятель предложил в распоряжение церковных властей для тех же миссионерских целей все имеющиеся у нас на складе запасы религиозных миссионерских и богослужебных изданий. Как раз ныне в нашей типографии заканчивается печатанием второе издание Великого Сборника (собрания богослужебных книг) в количестве двух с половиной тысяч экземпляров и заново составленный учебник Закона Божьего, включающий в себя ряд антиатеистических уроков в количестве полутора тысяч экземпляров. Это конечно капля в море будущей нужды в такого рода литературе, но и эта наша посильная лепта может оказаться полезной.

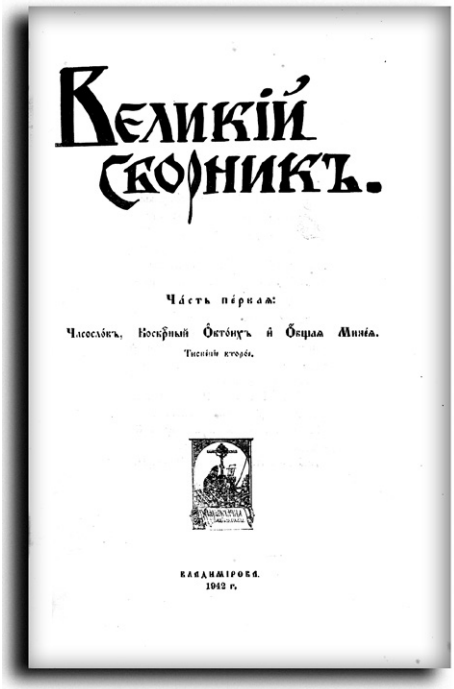
От времени до времени в нашей обители слышится отдаленная канонада. Сознание того, что это за канонада, ее значения для судеб нашей родины, для всего самого любимого и дорогого нам, сжимает душу и горче делает нашу немощную молитву»[43].

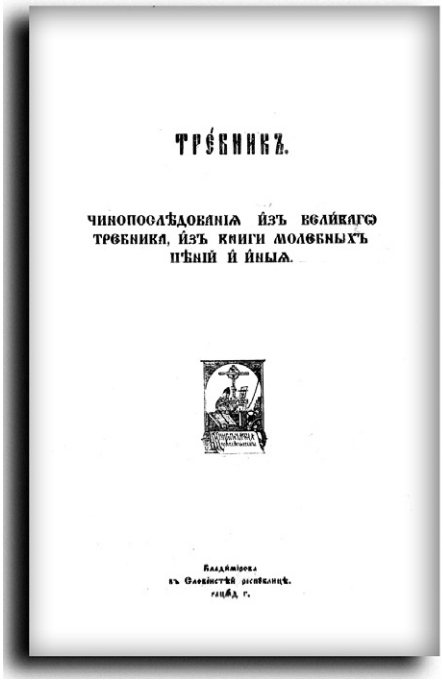
С началом военных действий на восточном фронте Братство во Владимировой перешло под каноническое управление Берлинского архиепископа Серафима (Ляде, †1950)[44].

XX век – останется в истории России одним из самых трагических, обнаружив плоды того «освободительного движения», под знаком которого прошли век XIX-й и часть века XVIII-го. На месте православной веками собираемой Империи было сперва провозглашено внеконфессиональное, а после создано откровенно атеистическое государство, начавшее жесточайшую борьбу с Православною Церковью, с Православною Верою, с народом, эту веру исповедовавшим, государство, задавшееся целью явить миру невиданную доселе систему общественного устройства – многомиллионный союз безбожников.

Разве не было это новым игом, куда более страшным, нежели иго иноверных племен прежних столетий… И освобождение России от этого антихристианского завоевания не являлось ли обязанностью и нравственным долгом каждого православного человека, любящего свое отечество и желающего ему возрождения и процветания как государству православному…

От ответа на этот вопрос зависит оценка очень мно-





Богослужебные книги и молитвослов, отпечатанные типографией монашеского братства в Ладомировой в 1942 и 1944 годах для православных христиан оккупированных районов России и для зарубежья

гих действий, которые пришлось совершать в военные годы православному духовенству и мирянам, почти четверть века проведшим в условиях беженства, которое они рассматривали как состояние, хотя и затянувшееся, но все же временное…

Анализируя страшные прошедшие десятилетия и события современные, редакция «Православной Руси» усматривала в них действия промысла Божия, направляющего Россию на путь исцеления от затмившей душу народа коммунистической заразы:

«Мы должны осмысливать, понимать страшные, но глубокие по смыслу знаки, которые дает нам наше время, но понимать верно, достойно, без истерики, без бунта, просветленно, как подобает христианам»[45], – писал архимандрит Нафанаил, стремясь ответить на вопрос, почему освобождение от большевизма приходит от «внешних» – германцев, традиционных соперников России, – а не от «своих», и какою ценой придется за это платить: «Совершить для ее очищения массовую кровавую кару? Но разве можно в страну, измученную четверть вековым морем крови, придти снова с кровью, и ее истерзанную шпионством, пытками, допросами, страхом, терзать опять тем же, потому что без этого ведь нельзя было бы совершить отделение правого от виноватого. В результате гигантских катаклизмов происходит массовое очищение России от самого распропагандированного большевиками элемента, зараженного единой кровавой, разрушительной идеей и сражающегося с упорством отчаяния в первых рядах», «[…] наши руки Господь благоволил сохранить чистыми от этого», – был его ответ, ибо трудно опустить карающий меч на «солдата, хотя бы и красного», но простить виноватых, значило оставить нетронутой массу «сильных людей, насыщенных ядовитейшими миазмами внутреннего разложения, залог растлевания России в дальнейшем»[46].

«Господь производит уничтожение безбожного коммунизма германской рукой, – читаем на страницах «Православной Руси». – И в этом нельзя не видеть Промыслительную Десницу Божию, если припомнить, кто помог вождям большевизма прибыть в Россию в роковой 1917 год. Но именно потому, что не сама Россия своей силою сбрасывает с себя это сатанинское ярмо, не можем мы предначертывать политического облика будущей России. […] Возможно, что России придется отказаться от гордого звания владычицы шестой части суши земного шара.

Все возможно в наше время. И благоразумнее не обольщать себя особенно радужными надеждами, чтобы не пришлось после претерпевать горького разочарования.

Лучше будем помнить евангельские слова:

Ищите прежде всего Царствия Божия и правды его, и все остальное приложится вам (Мф. VI, 33)»[47].

Вследствие перегруженности работой Братство принуждено было «елико возможно сократить» издание газеты «Православная Русь», принимая все меры, чтобы продолжать это дело и довести издание газеты до дня, когда «она получит возможность распространения на родной земле»[48]. С июня 1941 г. газета стала выходить один раз в месяц сдвоенными выпусками.

С осени 1941 г. отдельной вкладкой для русских на Родине и для вывезенных в Германию выходило приложение «Православная Русь. Зарубежная Русь – родной

освобожденной Руси», печатавшееся в нескольких тысячах экземпляров. Первый такой номер вышел уже 30 октября/12 ноября 1941 г. (приложением к № 19/20 «Православной Руси»).

Тогда же, по предложению настоятеля одного из берлинских русских храмов архим. Иоанна (кн. Шаховского, †1989)[49] и с благословения архиепископа Серафима (Ляде), вкладные листы газеты «Православная Русь», предназначаемые для России, и таковые же брошюры, стали печатать по новой орфографии, остальной материал продолжали печатать по традиционной русской. В январе 1942 г. вышел № 2 приложения «Зарубежная Русь – родной освобожденной Руси», в котором приводилось толкование молитвы Господней и помещены были объяснения смысла православного богослужения.

Печатание крупных тиражей апологетических брошюр и других изданий требовало значительных затрат, существенно возросших в военное время, и русские беженцы не оставались безучастными к постоянным призывам Братства, помещаемым в русской периодической печати. В 1941-1943 гг. от русских эмигрантов поступило пожертвований на сумму в 1.225.000 болгарских левов (или около 460.000 крон), на которые было напечатано 145.000 экземпляров различных книг и брошюр[50].

Однако наиболее существенный вклад в деятельность Типографского Братства принадлежит Синоду Болгарской Православной Церкви, многие из членов которого были воспитанниками русской Духовной школы… Болгарским иерархам достало мудрости и такта разглядеть в маленьком Ладомировском Братстве необычайно значительное явление, каковым оно стало ко времени начала новой войны, приняв на себя изматывающе тяжкое, но спасительное послушание нести Свет Христова Учения на вытоптанную иноплеменными сапогами русскую почву, обратившись фактически в единственный мостик, соединяющий Россию ушедшую с Россией, могущей возродиться… Систематическая материальная помощь Болгарского Синода, очень значительная для весьма небогатой Болгарской Церкви позволила десяткам тысяч русских людей впервые взять в руки книги Священного писания, молитвословы, православные газеты и журналы…

За годы войны издано было свыше тридцати книг и брошюр, в числе которых семнадцать богослужебных, причем одна и та же книга печаталась в нескольких вариантах, отличающихся качеством бумаги, художественным оформлением, переплетом[51].

В декабрьском номере «Православной Руси» за 1941 г. помещен каталог изданных и намеченных к печатанию книг, включающий 56 названий по четырем отделам: Богослужебные книги и молитвословы (21), Богословие и учебники (14), Религиозно-нравственные книги (9), Разные издания (12)[52].

На страницах «Православной Руси» регулярно помещалась хроника издательских трудов Братства. Так летом 1941 г. продолжали печатать Великий сборник, сборник противоатеистических бесед, Краткий богослужебный устав, Православный русский Календарь[53]. К осени 1941 г. из типографии Братства вышел новый «Учебник Закона Божия в двух книжках: Священная история Ветхого и Нового Завета»[54], составленный архим. Нафанаилом (Львовым).

Кокарда словацких воинских формирований, участвовавших в боях на Восточном фронте

В декабре 1941 г. после Николина дня по благословению архиепископа Берлинского Серафима (Ляде) Братство приступило к печатанию напрестольного Евангелия[55]. Заграницей св. богослужебное Евангелие ни разу не переиздавалось, и в нем ощущалась нужда даже для заграничных русских церквей. Этот нелегкий труд (не допускавший опечаток набор 400 страниц, каждая в стильной, древнего образца рамке) предполагалось окончить к середине 1942 года. При условии печатания на бумаге высшего качества минимум 3000 экземпляров необходимо было затратить 25000 крон. Деньги на бумагу для первой тысячи экземпляров собрали в Женеве (1000 франков) по инициативе протопресвитера Сергия Орлова (†1944). Некоторую сумму обещал прислать из Берлина архимандрит Иоанн (Шаховской), однако, перевод денег из Германии был весьма сложен и долог.

Печатание напрестольного Евангелия (3000 экз.) было закончено только к концу октября 1942 г. (задержка произошла из-за отсутствия необходимых средств для покупки переплетного материала). Издание было осуществлено в четырех вариантах: в папке (100 крон = 10 рейхсмарок), то же с приложением страстных евангелий (125 кр. = 12 р. м.), в бархатном переплете с золотым тисненым крестиком посередине и металлическими углами (100 кр. = 10 р. м.), в металлическом окладе ручной работы с двумя металлическими застежками (200 кр. = 20 р. м. = 50 рублей)[56].

Первые бархатные переплеты были трех цветов: темно-красного, темно-синего и зеленого. Поскольку фабричное изготовление традиционного бархатного оклада «с металлическими изображениями Воскресения Хри-

стова и 4-х евангелистов» стоило весьма дорого (50.000 крон для первой 1000 окладов[57]) иконописец Братства о. Киприан (Пыжов) начал изготовление металлических деталей окладов вручную, за что Духовный Собор Братства выразил ему глубокую благодарность[58].

Параллельно печатанию напрестольного Евангелия в обители усиленными темпами продолжались работы по изданию миссионерской и богослужебной литературы для России. В апреле 1942 г. закончено печатание Евангелия от Матфея, напечатан (в количестве 10.000 экземпляров) предельно насыщенный содержанием для своего размера краткий православный молитвослов в 32 страницы, содержащий необходимые частные молитвы, все песнопения литургии и важнейшие песнопения вечерни и утрени, заканчивалось печатание брошюры Д. С. Мережковского «Был ли Христос?» и ее продолжения, приступили к печатанию брошюры «Почему коммунисты гонят Христа?»[59].

В мае 1942 г. начат был набор св. Евангелия от Луки[60], законченный печатанием к середине июля, и тогда же приступили к изданию Евангелия от Иоанна, предполагая напечатать его к сентябрю[61]. К июлю 1942 г. были отпечатаны четыре части Великого сборника, Богослужебная Псалтирь, I-я часть Требника (всего IV части) и ряд других книг[62]. Тогда же вышли два выпуска Служебника: Последование литургии св. Иоанна Златоуста и Последование литургии св. Василия Великого, отпечатанные «на особо прочной и красивой бумаге».

Сообщая о выходе книг, редакция «Православной Руси» информировала: «Церквам и священникам в освобожденных областях сии служебники посылаются бесплатно по одному экземпляру»[63]. Заказывать книги предлагалось через Миссионерский комитет Берлинской епархии, который возглавлял архим. Иоанн (Шаховской). Поскольку в Германии «из-за недостатка бумаги» невозможно было печатать богослужебную литературу, архим. Иоанн передал Братству большой заказ на печатание 300.000 экз. Евангелия от Иоанна и 60.000 молитвенников[64]. Книги предназначались для распространения среди военнопленных и рабочих из областей, освобожденных от большевиков[65].

Последней отпечатанной в Ладомировой богослужебной книгой стал «Требник» (5000 экз.), вышедший к середине мая 1944 г. и переизданный по новому плану, включающему четыре части: таинства, чины погребения, последования молебнов, чины освящения храмов[66]. Он является наиболее полным из всех требников, когда-либо изданных Русской церковью, и своеобразным памятником издательскому подвигу братии. Несколько сот экземпляров Требника отправлено было тогда же в оккупированные области. На последней странице Требника помещено обращение:

*«**Православным богомольцам***

Егда отцы и братие, будете молиться по книзе сей, помяните в ваших молитвах и потрудившихся при ее напечатании: Настоятеля Братства Преп. Иова Почаевского архимандрита Серафима, справщика – архим. Нафанаила, наборщиков иеромонаха Виталия и иеродиакона Сергия, печатника иеромонаха Антония и брошюровщиков игумена Филимона, иеромонаха Антония и трудника Михаила»[67].

В 1942 г. выходит вторым изданием 1-ая часть Великого Сборника. На очереди было переиздание разошедшихся к тому времени 2-й и 3-й частей. Но приступить к этой работе монастырю уже не пришлось в виду быстрого приближения фронта.

С первых дней войны Братство по благословению Первоиерарха Зарубежной Церкви митрополита Анастасия занялось составлением и печатанием «противоатестической» апологетической литературы. К осени 1942 г. в серии «За Веру!» было издано шесть брошюр общим тиражом 30000 экз. (по 3000-5000 экз. каждая). Поскольку к осени 1943 г. весь тираж почти полностью разошелся, Братство приступило к переизданию этой серии, наметив к выпуску девять брошюр.

Помимо издания литературы Братство, с благословения Архиепископа Серафима (Ляде), приняло на себя еще одно послушание – исключительно важное для возобновления нормальной церковной жизни в России. Оно приступило к печатанию священных антиминсов, полагая, что именно в них «будет самая первая нужда у русских церквей», ибо прежняя антиминсная доска (с которой до 1917 г. происходило печатание антиминсов) находилась в Москве и была еще в 1918 г. захвачена большевиками. В результате в продолжение 24 лет ни в России, ни за рубежом Русская церковь не имела возможности печатать антиминсы – они изготавливались от руки, или предоставлялись братскими церквами: Сербской, Болгарской, Греческой. Только теперь Братству удалось изготовить «прекрасное клише» и к ноябрю 1941 г. напечатать первые «10 антиминсов на шелку, часть которого пожертвовала одна добрая русская братиславчанка»[68]. 13/26 ноября в день Св. Иоанна Златоуста состоялось освящение этих первых десяти антиминсов в православной церкви г. Братислава[69]. Всего Братство предполагало тогда отпечатать до 50 антиминсов, для изготовления которых русских дам призывали жертвовать шелковые платы, а позднее и «простое белое полотно».

Печатание антиминсов стало важнейшим делом Братства. Так, до середины декабря 1941 г. отпечатали 30 антиминсов, из них пять отправили в Россию[70]. К июлю 1942 г. в Братстве изготовлено еще 70 антиминсов (60 на средства самого Братства и 10 на пожертвованные)[71]. Свыше 100 отпечатанных в Братиславе антиминсов были освящены митрополитом Серафимом в Берлине и отправлены в Белоруссию и на Украину. К июлю 1942 г. на них уже служили в Минской, Мстиславской, Витебской епархиях и в Киеве[72]. К июлю 1942 г. на деньги, выделенные Болгарским Синодом,

Братством было изготовлено 500 антиминсных платов, из них 350 тогда же отправлены в Россию[73]. Как сообщалось в сборнике «Летопись Церкви» (февраль 1943 г.) митрополит Серафим передал управляющему Киевской епархией епископу Пантелеимону (Рудыку, †1968) 200 антиминсов, «печатанных в обители преп. Иова для новооткрытых храмов Киевской епархии, а также ряд Антиминсов для новооткрытых храмов Херсонско-Николаевской епархии»[74] .

Мы не располагаем точной информацией, сколько всего антиминсов изготовлено Братством в годы войны. Согласно Хронике, помещавшейся в «Православной Руси», и отчетам, сохранившимся в архивах, по-видимому, не менее 800.

По свидетельству о. Серафима (Иванова), «С 1941 г., несмотря на запреты немцев, „Православная Русь“, всеми правдами и неправдами, при помощи русских переводчиков и карпаторусов – словацких солдат, проникает в оккупированные немцами русские области и читается там с огромным интересом». Редакция получала из России «немало трогательных благодарственных отзывов»[75]. По отзыву не названного епископа, более 20 лет подвизавшегося под духовным руководством схи-архиепископа Антония (Абашидзе, †1942), «по своей идее и содержательности» газета «Православная Русь» не имела себе равных. «Радуется мое сердце, видя в лице вашей обители и ее насельников оплот нашего святого православия»[76], – замечал он.

С 1 января 1943 г. «Православная Русь» (в числе других 109 газет и журналов) была закрыта «для достижения экономии бумаги в Словакии»[77]. Архим. Серафим, ездивший в Братиславу для выяснения обстановки, обрисовал Духовному Собору «положение, как серьезное: на Православие – нажим. Священники лишаются подданства. Об открытии Пр. Руси не может быть и речи»[78]. Тогда же решено было «издавать в 1-2 месяца раз сборничек с текущим церковным материалом, формата Детства и Юности, обратиться к болгарам, просить защиты, лучше всего о. архим. Серафиму ехать с докладом в Софию, если же не поедет, составить подробное письмо митр. Стефану с изложением положения»[79].

Ввиду закрытия газеты Братство по совету М.М. Банько приступило к изданию церковно-литературных сборников «Летопись Церкви» размером в 32 и 64 страницы (ценою в 7 и 14 крон соответственно), предполагая выпускать их не реже чем раз в два месяца. Первый выпуск (в 64 страницы) вышел в начале февраля 1943 г.[80], составителями указаны архимандриты Серафим и Нафанаил. В конце 1943 г. вышел и второй выпуск «Летописи Церкви».

Издание «Православной Руси» удалось возобновить с 28 мая/10 июня 1943 г. Как писала редакция, «В студеную зимнюю ночь неожиданно, негаданно, вдруг умерла она. […] И вот, тоже темным субботним вечером, снова неожиданно, негаданно, под неделю Антипасхи, когда весело цвели черешни в нашем саду, поднесли нам красное яичко, возвестили: воскресла „Православная Русь“ – отменено январское распоряжение о закрытии 109 газет»[81].

По предложению словацкой администрации редакция газеты уже в первом выпуске 1943 г. поместила подписанный представителями 12 европейских государств официальный протокол следствия по Катынской трагедии – одному из наиболее страшных военных преступлений большевиков, совершенных ими против иностранных граждан[82].

В сентябре 1943 г. Венское совещание русских архипастырей заграницей постановило считать газету «Православная Русь» «общецерковным органом» и изыскать возможности перейти на еженедельное ее издание.

Один из местных жителей, словак, вернувшийся с восточного фронта осенью 1943 г., делился с редакцией газеты своими впечатлениями. Он преодолел пешком около 2000 км от Воронежа до Дона («аж до Овруч и Коростень»): «Много радостного я слышал о вас. В городе Белгороде показали мне вашу газету. Ее переносят потихоньку из деревни в деревню, из города в город»[83].

С начала 1944 г. некоторые статьи «Православной Руси» печатались по современной орфографии, т. к., сброшюрованными в отдельные книжки, посылались в русские рабочие лагеря. Редакция вела переговоры с «большим газетным представительством в Германии о рассылке газеты в Германии и в оккупированных ею странах»[84]. Но события развивались быстрее… 8/21 июля 1944 г. выходит последний «ладомировский» номер «Православной Руси» – № 382-383. В августе братия эвакуируется. Попытка возобновить газету в Братиславе приводит к появлению 22 октября 1944 г. лишь одного пробного выпуска. Следующий, 384-ый номер газеты, вышел 18/31 января 1947 г. уже в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле.

Во время войны Братство продолжало выпускать Православные церковные и народные календари, в конце декабря 1943 г. вышел «Православный народный календарь на 1944», последний из отпечатанных в Ладомировой. Помимо общекалендарных сведений, месяцеслова и именослова в него вошли материалы, доставленные из России: рукопись Наталии С. «Епископ Мануил». Жизнь и подвиги современного исповедника в России, составленная В.П. Колоколовым корреспонденция «Из славного прошлого», и новый сборник стихотворений поэта А.А. Алексеева. Кроме того, в Календаре были помещены редкие фотографии мучеников и исповедников православия, доставленные приехавшими из России.

По мере развития событий на восточном фронте меняется тон статей, помещаемых на страницах «Православной Руси». Все больше остается неразрешенных вопросов, а с ними и… растущей тревоги. Высказываемая в первых номерах уверенность в скором освобождении России от безбожного большевизма благодаря

Типографское Иноческое Братство Преп. Іова Почаевскаго

во ВЛАДИМІРОВОЙ на КАРПАТАХЪ.

(Типографія основана въ Почаевѣ на Волыни въ 1618 году).

Адресъ: Archimandrit Serafim, p. Ladomirova u Svidnika, Slovenska Republika.

Исх. № ..... „15" VI. 1944

„Слово Божіе живо и дѣйственно и острѣе всякаго меча обоюдоострого: оно проникаетъ до раздѣленія души, и духа, составовъ и мозговъ и судитъ чувствованія и помышленія сердечныя"...

Евр. IV, 12.

„Жизнью нашей должны мы защищать Церковь нашу, которая вся есть жизнь; благоуханіемъ душъ нашихъ должны мы возвѣстить ея истину".

Н. В. Гоголь.

Все на 1 л. 20
Нѣмо по бѣлки за
отпускане сумата.

Святѣйшему Синоду Православной Болгарской Церкви.

Ваши Высокопреосвященства

милостивые Архипастыри и Владыки!

Одновременно отдѣльной посылкой препровождаю одинъ экземпляръ полнаго требника въ четырехъ частяхъ, печатаніе котораго мы недавно закончили. Хотя намъ и не хватило на изданіе его средствъ, ассигнованныхъ въ свое время священнымъ Синодомъ /300000 лева, ассигнованныхъ въ ноябрѣ 1943 года мы такъ и не получили/, мы тѣмъ не менѣе на первомъ листѣ на память потомству напечатали, что Требникъ напечатанъ "великодушной помощью Болгарскія Православныя Церкви".

Требникъ нашего изданія, по содержанію, полнѣе даже великаго требника и является самымъ полнымъ изъ всѣхъ напечатанныхъ въ послѣднемъ столѣтіи. Онъ содержитъ въ одной книгѣ всѣ послѣдованія встрѣчающіяся въ современной богослужебной практикѣ, конечно русской.

Мы слыхали, что зданіе св. Синода въ Софіи разрушено. Вѣроятно погибъ и книжный складъ. Поэтому, если у Болгарской Церкви теперь ощущается недостатокъ въ богослужебныхъ книгахъ, мы съ радостью и охотой готовы выслать изъ нашихъ запасовъ нужное число книгъ, конечно безплатно. Для выбора прилагаемъ каталогъ, а образцы книгъ имѣются въ Синодѣ.

15/10-44

Испрашивая святительскихъ молитвъ и благословенія

остаюсь Вашихъ Высокопреосвященствъ

нижайшій послушникъ и покорный слуга

Настоятель Типографскаго Братства
Преп. Іова Почаевскаго.

Архимандрит Серафим

LADOMIROVA 15.VI.44-10

Письмо архимандрита Серафима (Иванова) в Синод Православной Болгарской Церкви от 15 июня 1944 года.
(Фонд 791 Синода Болгарской Православной Церкви, оп. 2, ед. хр. 28, л. 1.
Подлинник: Центральный Государственный Архив, София). Публикуется впервые

«доблестной немецкой армии» довольно быстро сходит со страниц газеты. А надежды на политическое освобождение родной страны отделяются от видения путей ее духовного возрождения. Идет лишь первый год войны, а редакторы «Православной Руси», живущие вдали от политических центров и надежных источников сведений о ходе военной кампании, проявляют разумную сдержанность и совершенно изумительную трезвость в оценке происходящих событий, что разительно отличает ладомировскую газету от почти всех современных ей русских периодических изданий, продолжавших выходить как на территории других государств-союзников Германии, так и на оккупированных землях, и в самом Германском Рейхе…

25 мая (ст. ст.) 1942 г. в «духовную годовщину» начала русско-германской войны (день памяти всех святых в земле Русской просиявших, в чем усматривалось особое знамение Божие) архимандрит Серафим писал: «Нам рисовались картины быстрого разложения большевизма, внутренней революции, появления русского Петэна и быстрого окончания войны. Время возвращения на родину мы считали уже не месяцами, а неделями. И вот, прошел долгий, долгий год, а все, как будто, происходит не так, как нам хотелось, как думалось нам.

Все еще сидим мы, русские зарубежники, у бурного вспененного моря и ждем погоды, а там, на Востоке, начинается новая жестокая отчаянная весенняя битва, в которой не дано нам принять участие.

Такова, видно, воля Божия, но отчаиваться и унывать нам отнюдь не следует. Не прошел этот год даром для спасения нашей Родины. Возрождается, воскресает она духовно, – в этом нет никакого сомнения. Жива русская душа, жива и русская вера, – об этом в один голос свидетельствуют все побывавшие в очищенных от большевиков областях русских. Не умерла и русская духовная культура, а это-то и есть самое важное. Народ, обладающий такой высокой духовной культурой, как наша, и не потерявший ее даже под большевиками, уже не пропадет, что бы с ним не случилось»[85].

Двумя годами позже, 9/22 июня 1944 г. редакция газеты решительно отвергала утверждения некоторых «теплохладных зарубежников», что советская власть эволюционировала и переродилась. Ладомировские братия, основываясь на собственном опыте общения в течение трех военных лет с «Русью подъяремной», утверждали, что эти перемены только внешнего, но не внутреннего порядка: «Большевики-то остались прежними, да народ русский стал другим, включая и молодежь, которую напрасно считают совсем обезбожившейся. Те, кто побывал теперь в России, если он хоть немного сумел заглянуть в душу русского человека, все утверждают, что духовная нива побелела, налились душевные колосья, ждут серпа доброго жателя. Война самых равнодушных заставила так или иначе задуматься над вопросами вечности, инобытия. „Кто на войне не бывал – Богу не маливался“. Нет, мы не боимся, – грядет спасение русского народа. Пусть торжествующие большевики хохочут у ворот Европы, пусть при помощи руководимых мировым иудейством англо-американцев готовятся овладеть всем миром. Внутренне они надломлены. Песня их допевается. Торжество их у конца»[86].

5 апреля 1944 г. в Риге Совещанием клириков Прибалтийского Экзархата Российской Православной Церкви было принято воззвание «Православным людям в Литве, Латвии и Эстонии». Документ этот рассылался с сопроводительным письмом митрополита Литовского и Виленского, Экзарха Латвии и Эстонии Сергия (Воскресенского) главам Православных церквей и инославных исповеданий союзных Германии и нейтральных государств, что весьма способствовало увеличению помощи русским церковным организациям, находившимся на оккупированных территориях. Был изготовлен также специальный кинофильм, в котором текст воззвания был зачитан митр. Сергием (Воскресенским), широко распространявшийся и в оккупированных областях и за рубежом. Это резкое предостережение от доверия советскому правительству, обращенное ко всем православным, было принято и подписано находившимися вне досягаемости большевиков четырьмя архиереями, наместником Псково-Печерского монастыря игуменом Павлом (Горшковым) и виднейшими представителями духовенства Экзархата Московской патриархии в тот момент, когда неминуемость нового прихода советской армии на землю Прибалтики уже почти ни у кого не вызывала сомнения. Оно явилось особенно ощутимым, исходившим изнутри самой Русской Церкви ударом по престижу советского руководства, лишь недавно начавшего заигрывания с останками этой православной церковной организации на территории советской России. 16 апреля 1944 г. текст был разослан, а уже 29 апреля 1944 г. митр. Сергий был убит в автомобиле по пути из Вильнюса в Ригу, в 25 км от Каунаса, вместе со своими спутниками – диаконом Ионой Фокичем Редикульцевым, его супругой Марией Михайловной и шофером, советским военнопленным майором Кулаковым. Согласно показаниям свидетелей покушавшиеся были одеты в немецкую военную форму. По свидетельству сотрудника Псковской миссии рижского священника о. Николая Трубецкого, ему довелось получить в лагере признание одного из советских диверсантов, участвовавших в этом покушении (См.: *Шеметов Н*. Единственная встреча // Вестник РХД № 128, январь-февраль 1979 г.). Полный текст воззвания публикуется здесь фототипически, по экземпляру, заверенному Секретарем Экзархата проф. И.Д. Гриммом и печатью Экзархата и направленному вместе с оригиналом письма митр. Сергия в г. Софию, митрополиту Видинскому Неофиту, главному благодетелю Ладомировского типографского братства (Ф. 791, оп. 2, ед. хр. 22, лл. 13-18. Центральный Государственный архив. София).

К о п и я

ПРАВОСЛАВНЫМ ЛЮДЯМ В ЛИТВЕ, ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ.

Благодать вам и мир да умножится!
1 Петра 1,2.

Мы, ваши архипастыри и пастыри, собрались сегодня в Риге на Совещание, созванное Высокопреосвященным СЕРГИЕМ, Митрополитом Литовским и Виленским, Экзархом Латвии и Эстонии, чтобы, первее всего, обсудить меры к наилучшему обслуживанию ваших духовных нужд, а затем и для обсуждения других назревших вопросов нашей церковной жизни.

Еще недавно в нашем Балтийском краю духовные нужды ваши были обслужены достаточно, но в последнее время к нам прибыло с Востока так много православных беженцев, что не оказалось возможным сразу же удовлетворить все их духовные запросы. Чтобы успешнее и скорее наладить дело их духовного окормления и просвещения, ныне во всех трех епархиях нашего Экзархата,- Литовской, Рижской и Нарвской,- учреждены Внутренние Миссии, состоящие в ведении епархиальных архиереев и об"единенные под общим смотрением Высокопреосвященного Экзарха.

Во многих местах миссионерская работа началась уже давно, почти сразу после прибытия беженцев, но она требует большей стройности, развития и расширения. К работе этой привлекаются как постоянные священнослужители Экзархата, особенно из потрудившихся миссионерами в освобожденном германцами русском краю, так и священнослужители, в большем числе прибывшие сюда вместе с прочими беженцами из этого, ныне эвакуированного, края. У себя на родине, под владычеством большевиков, они претерпевали гонения и вынуждены были скрывать свой священный сан, а затем, под германской защитой, вновь получили возможность свободно и почетно нести свое пастырское служение.

На миссионеров возлагается бремя большой работы, в которой да поможет им Господь! Они будут заботиться о совершении богослужений и треб для беженцев, об устройстве для сего временных храмов там, где нет храмов постоянных, о предоставлении беженцам беспрепятственной возможности посещать богослужения в свободное от трудовых обязанностей время, о проповедании беженцам Слова Божия, об обучении детей Закону Божию в открываемых для беженцев школах, об устройстве духовных собеседований с беженцами, о снабжении их духовными изданиями разного рода, в том числе и повременными, о наделении их образками, нательными крестами и всем вообще, что могло бы служить их назиданию и утешению.

Православные беженцы! Знайте, что Церковь Божия широко открывает вам свои врачующие об"ятия, изливает на вас благодать святых своих Таинств, приобщает вас соборней своей молитве и несет страждущим душам вашим бесценное сокровище любви Христовой, вселяющей в измученные сердца мир и кротость, терпение и неосуждение. Идите в Церковь с верой и надеждой, с покаянием и молитвой, выплакайте в Ней свое горе,- и Она исцелит ваши раны душевные, духовно украпит и утешит вас. Отзовитесь сердцем на наш от сердца идущий призыв и не сомневайтесь, что, с Божьей помощью, нами будет сделано все человечески возможное, чтобы помочь вам в беде, скрасить вашу жизнь на чужбине и братолюбно поддержать ваши силы в годину столь страшных испытаний.

Помимо вопроса об устроении Внутренней Миссии, наше Совещание занялось также и вопросом о том, как обеспечить сохранность наших святынь, предметов церковного обихода и других церковных ценностей, подвергающихся опасности по причине воздушных налетов или близости

Обращение архипастырей и пастырей Прибалтийского экзархата к пастве. 5.04.1944. Заверенная машинописная копия. Центральный Государственный Архив. София. Фонд 791 Синода Болгарской Православной Церкви, оп. 2, ед. хр. 22, лл. 13-18.

Пу ые

фронта. Опасность эта воистину велика. Ведь установлено с совершенной достоверностью, в Новгороде Великом и во многих других местах, что большевики преднамеренно, как с воздуха, так и пушечными снарядами, разрушают православные храмы и монастыри, в том числе и наиболее древние, и уничтожают, таким образом, обитающие там честные Мощи, чудотворные иконы и иные святыни.

Дабы оградить священное достояние Церкви от поругания и уничтожения, Совещание наше приняло определенные решения, согласованные с соответственными распоряжениями государственных властей. Повсюду будут заблаговременно приняты меры к тому, чтобы наши святыни и другие церковные ценности сберегались в помещениях, дающих защиту от воздушных налетов, и чтобы в случаях, когда это требуется, они удалялись в более глубокий тыл из слишком близкой к фронту полосы.

Такие меры отчасти и в некоторых местах были уже своевременно осуществлены. Так, из Новгорода доставлены в Литву честные мощи святителей Новгородских Никиты и Иоанна, св. муч. Георгия, свв.благоверных князей Феодора, Владимира и Мстислава и княгини Анны; из Пскова доставлены в Эстонию честные мощи блаженного Николая, Христа ради юродивого и св. благоверного князя Довмонта-Тимофея; оттуда же доставлена в Латвию чудотворная икона Тихвинской Божьей Матери. Православные люди имеют ныне живительную радость благочестиво покланяться сим великим святыням в здешних наших храмах. Помимо сего, удалены в безопасный тыл и переданы на церковное хранение исторические сокровища Успенского Псково-Печерского монастыря и некоторые священные предметы из Нарвских храмов. Доставка этих и иных святынь из угрожаемых мест в безопасные неизменно совершалась при деятельном участии германских властей, как военных, так и гражданских. Господь да вознаградит их за это!

Само собой разумеется, что священные предметы, удаляемые из подверженных опасности мест, остаются собственностью церковных учреждений, которым принадлежат, и что они, по миновании опасности, будут незамедлительно возвращены в храмы и сокровищницы, из которых были или будут из"яты. На время такого из"ятия они передаются на хранение другим церковным учреждениям нашим и непрерывно остаются, таким образом, в ведении и на попечении Высокопреосвященного Экзарха и уполномоченных им для сего лиц.

Православные обитатели близких к фронту мест! Нам понятна ваша скорбь при расставании с родными святынями, увозимыми от вас в более глубокий тыл. В разлуке с ними вы чувствуете себя как бы осиротелыми, как бы лишенными их покрова, в осязательной близости которого вы так нуждаетесь в нынешние грозные времена. Но не смущайтесь! Они и издали чудотворно вас осеняют, излучая благодать, которой преисполнена об"емлющая всех нас, православных, Церковь Христова. Вы не вышли из под покрова родных святынь, любимых вами с детства, но лишь утратили радостную возможность умиленно созерцать их и благоговейно к ним прикладываться. Вы тоскуете по ним, но и они ждут часа возвращения своего к вам, в тот любезный им край, где они просияли и откуда на время удалились. Так постарайтесь же приблизить этот радостный час! Направьте все силы ваши на борьбу с безбожным большевизмом, содействуйте отражению его нашествия и победе над ним. Тогда и родные святыни ваши к вам возвратятся.

Враги наши, большевики, приблизились к границам нашего края и грозят нам завоеванием. Если бы им это удалось, то край наш обратился бы в безлюдное пепелище, свободолюбивое население его было бы истреблено или уведено в рабство, вся культура здешняя была бы разрушена, великие святыни и незаменимые ценности, создания человеческого гения и труда бесчисленных поколений, были бы преданы уничтожению. Такая судьба грозит не нам одним, но всякому народу и всякой стране, которые подверглись бы большевицкому нашествию, Одного этого сознания доста-

точно для того, чтобы все силы свои посвятить делу обороны.

Но большевизм несет с собой не только физическое истребление, не только ужасы огня и меча, пыток и казней. Большевизм несет с собою умерщвление духа. Отвергнув Бога, большевизм отверг и образ Божий в человеке. Для большевизма нет ничего святого ни на небесах, ни на земле. Большевизм попирает самое дорогое для человека,- его свободу, его религию, его национальность. Большевизм все приносит в жертву сатанинскому замыслу мировой революции, которая должна уничтожить все религии, смешать все народы в одну безликую массу и поработить все человечество Иудину отродью, возглавившему международную шайку разноплеменных злодеев, бесстыдных лицемеров и беспощадных палачей.

Большевизму, благодаря стечению особых обстоятельств, удалось заполонить Россию. Он поработил русский народ, чтобы его силами и кровью выиграть мировую войну и совершить мировую революцию. Русский народ стал орудием и, вместе с тем, первой жертвой большевизма, но большевицким русский народ не стал. Он сохранил любовь к отечеству, к родной Церкви и к человеческой свободе. Все упования свои он возлагает на свержение советского ига. Проливать на войне кровь свою за торжество большевизма он не хочет. Большевики понимают это и потому, средствами своей обманной пропаганды, внушают русскому народу, будто ведут войну не за всемирную революцию, а за Отечество и даже за Церковь. Такую же пропаганду они ведут в стане своих заграничных союзников и пособников. Большевики притворяются, будто они теперь не те, какими были четверть века назад, и будто противникам коммунизма теперь уже нечего их опасаться.

Такое притворство, такая ложь, такая пропаганда свидетельствуют о слабости большевиков, о том, что их неприкрашенный облик внушает отвращение, что их идеология утратила привлекательность, что продолжать войну собственными силами они не в состоянии, что вся их надежда теперь только на то, чтобы выиграть своб большевицкую войну силами небольшевицкими, а затем их же и раздавить. Борясь за собственное существование, большевики взывают теперь к патриотизму и религиозности русского народа, но, если победят, то отомстят ему за такую живучесть его исконного, небольшевицкого духа, окончательно догромят Церковь и вытравят из русской жизни все русское.

Православные люди! Мы призываем вас не поддаваться большевицким наущениям и не верить большевицким посулам! Большевизм есть безбожие и бесчеловечность, насилие и ложь. Такова его неизбывная сущность, его неизменная природа. Таков он был четверть века назад, таков он и теперь. Можно ли думать, что после двадцати пяти лет свирепого преследования Церкви большевики вдруг стали Ее поборниками, после двадцати пяти лет террористического попрания свободы вдруг стали ее защитниками, после двадцати пяти лет рабовладельческого издевательства над Россией вдруг прониклись любовью к ней? Было бы безумием поверить этому. Сталин не Савл и Павлом не станет.

Пусть слова большевиков звучат иногда по-новому,- дела их остаются прежними. С той стороны фронта до нас доходят достоверные сведения о том, что за время войны большевицкий террор еще более усилился. Большевизм всей тяжестью своей попрежнему давит также и на уцелевшие остатки православного духовенства. Церковь Православная задыхается в большевицком плену. Клириков ее, вместе с прочими рабами и рабынями Сталина, гонят на фронт. Иерархов православных, начиная с Первосвятителя, принуждают к обнародованию унизительных посланий, продиктованных советскими палачами. К иерархам применяют при этом методы того же насилия, к какому прибегали в довоенное время, когда вымучивали у них ложные заявления, особенно о том, будто Церковь в Советском Союзе свободна. Нам известны недавние факты такого насильничания, но мы вынуждены воздержаться от их обнародования, чтобы не подвести под ответственность лиц, которых большевики держат в своих руках. Таким образом, своего прежнего отношения к Церкви большевики по существу ни в чем не изме-

нили. Лишь напоказ, для успеха своей заграничной пропаганды, они водружают на развалинах Церкви какую то картонную декорацию, чтобы она прикрыла разрушенное ими здание, вновь отстроить которое они не позволяют.

Чтобы жила свободная Россия, большевизм надо уничтожить. Только тогда будет свободна и Церковь. Не забывайте об этом, православные русские люди, и знайте, что каждый день войны ослабляет большевтков, облегчает возможность ниспровергнуть их власть и тем способствует разрешению этой первейшей для нас национальной задачи. Сознавайте отчетливо, что место ваше - в рядах борцов за новую, свободную, счастливую Россию, в рядах Русской Освободительной Армии, которая сама уже является зародышем этой будущей России,- а затем и в рядах других армий, воюющих против большевизма, под знамена которых вы, по месту вашего жительства, призываетесь. Те же из вас, кому ратный подвиг непосилен, да отдадут, послушно и ревностно, весь труд свой делу обороны, которая, увенчавшись успехом, неминуемо приведет к падению большевизма. Церковь Божия святыми молитвами своими осенит вас на поле брани и на поприще труда.

Господи, спаси и освободи Россию!

Смиренный СЕРГИЙ
Митрополит Литовский и Виленский
Экзарх Латвии и Эстонии

Смиренный Павел Архиепископ Нарвский
Смиренный Иоанн Епископ Рижский
Смиренный Даниил Епископ Ковенский
Протопресвитер Кирилл Зайц, Руководитель Внутренней Миссии в Литве.
Протоиерей Проф. Иоанн Янсон, Рижский Благочинный
Протоиерей Иоанн Богоявленский, Благочинный Ревельского округа и Председатель Нарвского Епархиального Совета
Протоиерей Лука Голод, Благочинный Виленского округа и Председатель Литовского Епархиального Совета
Протоиерей Николай Маведонский, Председатель Латвийского Епархиального Совета
Протоиерей Николай Перехвальский, Член Латвийского Епархиального Совета
Протоиерей Герасим Шорец, Благочинный Поневежского округа
Священник Николай Демьянович, Настоятель Виленского Кафедрального Собора
Священник Николай Веглайс, Настоятель церквей Рижского женского монастыря
Священник Алексей Тихомиров, Помощник Начальника Экзаршей Канцелярии
Благочинный Печерского округа, Протоиерей Эллий Верхоустинский
Протоиерей профессор В. Мартинсон
Игумен Павел Горшков, Наместник Печерского монастыря

Рига, 5-го апреля 1944 г.

С подлинным верно

Начальник Экзаршей Канцелярии

Рига, "16" апреля 1944

Metropolit von Litauen, Exarch von Lett- und Estland * KANZLEI

ORTHODOXE KIRCHE

METROPOLIT
von Litauen und Wilna
EXARCH
von Lettland und Estland

Nr. 345-1

Рига, ~~Riga~~, den 15 Апреля 1944

Х Р И С Т О С В О С К Р Е С Е!

Высокопреосвященному
Н Е О Ф И Т У,
митрополиту Видинскому

Позвольте довести до сведения Вашего Высокопреосвященства воззвание, изданное состоявшимся 5-го Апреля с.г. в Риге Совещанием клириков Прибалтийского Экзархата Российской Православной Церкви.

К Экзархату принадлежит в настоящее время около 850.000 верующих, из которых приблизительно 800.000 русских. Соответственно сему, также и клир Экзархата почти весь состоит из русских.

Экзархат состоит в канонической юрисдикции Московского Патриершего Престола. Однако, на основании Указа Святейшего Патриарха Тихона и его преемников касательно порядка управления Епархиями Российской Православной Церкви, лишенными, почему либо., возможности поддерживать сношения с Московским Патриаршим Престолом, Экзархат временно, впредь до восстановления сношений между ним и названным Престолом, управляется автономно.

Соблюдение в Экзархате св. канонов Вселенской Православной Церкви и, в частности, пребывание Экзархата в канонической юрисдикции Московского Патриаршего Престола не встречают никаких препятствий со стороны германской государственной власти, освободившей нас от большевистского насилия и обеспечившей полную свободу нашей церковной жизни.

Признавая себя состоящими в канонической юрисдикции Московского Патриаршего Престола, мы, вместе с тем, отвергаем ту политическую установку, которую большевики насильственно ему навязали.

Послание митрополита Литовского и Виленского Сергия, экзарха Латвии и Эстонии, митрополиту Виденскому Неофиту (Болгарская Православная Церковь) о положении Церкви на территории экзархата, заверенное подписью И. Гримма, начальника канцелярии экзархата. 15 апреля 1944 года. Публикуется впервые

В Советском Союзе Православная Церковь жаждет освобождения от большевизма, в котором усматривает своего непримиримого врага. Мы утверждаем это с уверенностью, ибо сами принадлежим к Российской Православной Церкви, знаем ее чаянья и на себе испытали весь ужас большевистского гнета. Призывая к борьбе с большевизмом, мы высказываем то, что Православная Церковь в Советском Союзе хотела бы, но не может высказать.

Наш призыв к борьбе с большевизмом есть, вместе с тем, призыв к сотрудничеству со всеми, кто против него борется, не взирая на то, что в других вопросах между нами и ими могут быть глубокие расхождения.

Усматривая в большевизме основное и величайшее зло нашего жестокого времени, мы призываем всех противников большевизма забыть на время этой общей борьбы все, что их между собою разделяет.

Осмеливаюсь надеяться, что христианская мудрость Вашего Высокопреосвященства одобрит изложенную здесь точку зрения.

Вашего Высокопреосвященства покорнейший

слуга Сергий

Митрополит Литовский и Виленский
Экзарх Латвии и Эстонии

Начальник Канцелярии

В начале 1944 г. газета «Православная Русь» писала: «Война на Востоке началась в день всех святых в Земле Российской просиявших […] Мы и тогда писали и ныне утверждаем, что это было знамением Божиим о том, что спасется народ русский от безбожного ярма и начнет возрождаться святая православная Русь.

Теперь мы видим, что процесс этого возрождения уже начался. Религиозное чувство в русском народе настолько окрепло, что с ним оказались вынужденными считаться Сталин и его безбожное окружение. […] это великая могучая стихия. Ее не победить уже большевизму, даже если он победит Европу. Живые струи духа на наших глазах перерождают русский народ, и коммунисты сдают свои идеологические позиции одну за другой»[87].

В это духовное освобождение и возрождение русского народа и России свою лепту внесла и обитель в Ладомировой, малое числом, но крепкое духом и молитвами преп. Иова Почаевского Типографское Братство.

Братство направляло в Россию специальных курьеров с целью установления связей со священнослужителями и отдельными иерархами русской православной церкви, и для выяснения общей церковно-административной ситуации в занятых областях[88]. Первым из таких посланцев стал иеромонах Иов (Леонтьев), отправившийся на занятые территории вместе со своим соучеником по Петроградскому Пажескому корпусу бароном Владимиром фон Каульбарсом, германским офицером, родившимся в России.

Переправляли газету, книги и все необходимое для обустройства храмов и через друзей обители, имевших возможность приезжать в Словакию по делам службы.

Один из посланников Братства в первую очередь разыскал в Киеве известного подвижника, чудом уцелевшего схиархиепископа Антония (кн. Абашидзе). Об

Схиархиепископ Антоний (князь Давид Ильич Абашидзе) (12.10.1867–01.11.1942) В 1891 пострижен в мантию с именем Димитрий. Выпускник Киевской Духовной академии. С 1902 – епископ. Занимал различные кафедры, с 1915 – архиепископ. С 1921 г. – на покое. Арестовывался в 1923 и 1933 гг. С 1928 – в схиме. Проживал в Киеве на частной квартире. Тайно совершал службы и рукоположения. Похоронен у входа в Ближние Пещеры Лавры

Епископ Леонтий (Филиппович), (06.08.1904–02.07.1971) С ноября 1941 года – епископ Бердичевский, в 1942 –1943 годах также управляющий Житомирской епархией. С 1943 года – в эмиграции. В 1946–1971 гг. возглавлял кафедры РПЦЗ в Южной Америке

этом курьер сообщал братии: «Прежде всего я должен передать вам благословение схиархиепископа Антония Абашидзе […], переносившего большевизм в К.[иеве]. Я передал ему образок святого Владимира и ваши газеты. Преосвященный архиепископ плакал от умиления. Несмотря на преклонный возраст владыка говорил со мной о многом. Бог сохранил его жизнь, дабы он был бы свидетелем возрождения нашей Родины»[89].

Далее («в Ж.» – Житомире?) последовала встреча курьера с владыкой Пантелеимоном (Рудыком)[90]. «В Почаеве, – писал тот же автор, – я к сожалению владык Симона и Вениамина не встретил, так как они отправились в другие монастыри. Зато познакомился с двумя архимандритами из России»[91].

Другой корреспондент Братства сообщал из Житомира (где было открыто пять церквей) о встрече с архиепископом Леонтием (здесь речь идет вероятно о епископе Леонтии (Филипповиче), занимавшем с 1941 г. Житомирскую кафедру)[92], которому передал литературу, полученную в обители.

В Россию уезжали и сотрудники Братства, один из них писал братии из Таврии: «Много можно было бы писать о том, но что человек переживает того нельзя передать на бумаге. Не верьте никому, если кто будет говорить, что русский народ потерял веру в Бога. Теперь именно больше, чем когда-либо, молится, искупает свои грехи русский народ без исключения партийной, политической, и какой бы то ни было принадлежности. Партийцы и комсомольцы, молодежь (в меньшем количестве) и старики все они поняли карающую руку Божию, ибо всех постигло одно.

Из ваших книг я уже кое-что раздал, а именно в эту церковь: евангелие, требник, служебник 2 экз. и мелкую литературу для селян. Очень подходят маленькие молитвословы, которые я раздал детям. В следующем письме пришлю письмо о. Михаила Кожухова, настоятеля этого прихода, или вернее целой епархии. Остальные книги постараюсь передать дальше – епископу Серафиму [Кушнерюку, бывшему прежде настоятелем Мелецкого монастыря в Польше, вскоре захваченному большевиками – *Т.Б., А.К.*], который в настоящее время находится в Мелитополе. От него надеюсь получить в

скором времени более подробные сведения относительно административного положения Православной Церкви в занятых областях»[93].

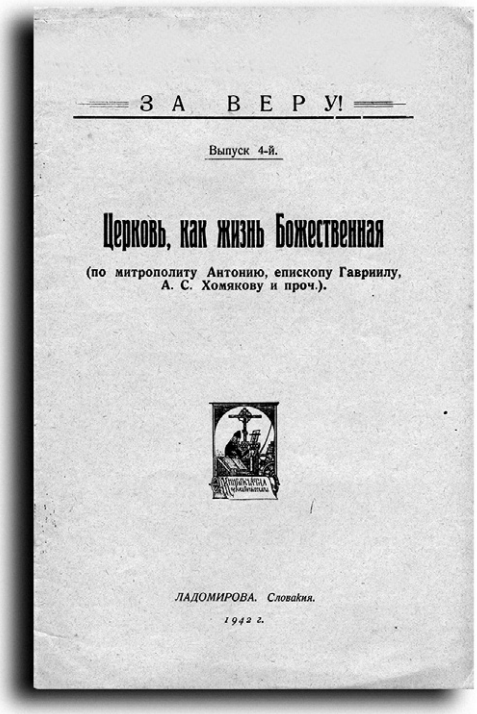
Вместе с литературой Братство переправляло в Россию машинописные «Сборники постановлений и распоряжений митрополита Берлинского Серафима»[94]. Для православных жителей занятых германской армией областей эти документы имели, в первую очередь, психологическое значение – они свидетельствовали, что организованная русская церковная жизнь существует в Европе и помимо для многих в России неприемлемой церкви митрополита Сергия Страгородского. Это документальное свидетельство о работе самостоятельной русской церковной администрации было особенно важно, поскольку, с наступлением религиозной свободы на всей занятой территории начали возрождаться и многочисленные религиозные организации – от традиционных местных сект до еще недавно процветавшего обновленчества, сохранившего немало искренних приверженцев даже несмотря на советские гонения.

«Мы приносим глубокую благодарность за присланные нам „Сообщения и распоряжения его высокопреосвященства“, – писали в обитель из г. Орла. – Они еще раз убеждают нас, что Орловская епархия самая отдаленная от Берлина, на грани военных действий, не забыта… Ознакомившись со сборником „Сообщений…“, мы убеждаемся в том, что взятый нами курс на чистоту и охрану канонических правил св. Православной Церкви, – правильный путь»[95].

По мере увеличения числа приходов и поставления новых епископов церковная ситуация претерпевала значительные изменения, и «Православная Русь» помещала сведения, разъясняющие особенности структуры церковной организации в занятых германскими войсками областях[96].

Вот другое письмо из «восточных областей»: «Как в начале христианства, всюду у нас идет организация новой церковной жизни. Спадает плесень обновленчества; не давая всхода, замирают семена сектантства; омытая кровью своих мучеников, победно встает Православная Церковь в своей древне-тихоновской ориентации. Но у нас почти нет пастырей Церкви… Большинство их, как жертва за паству, погибла в застенках и местах ссылок, иные и поныне томятся там, где почти не живут люди. Возрождающиеся общины верующих просят пастырей, а пастырей почти нет. И в этом наша драма! Сад Христов дает свежие, живые ростки, – дайте нам садовника»[97].

В течение короткого времени братии удалось создать единственную общерусскую газету, служившую именно объединению вокруг Православной Церкви русских людей в рассеянии сущих независимо от их политических симпатий. Совершенно удивительным является тот факт, что «Православная Русь» и в годы войны продолжала выполнять эту функцию объединителя, но уже всех русских людей – и в отечестве, и в изгнании… Примечательно, что газета оставалась и в годы войны единственным крупным периодическим изданием на русском языке, выходившим без какой-либо цензуры и распространявшимся во многих европейских государствах (даже в 1943–1944 г., после возобновления газеты, по подписке


ЗА ВЕРУ!

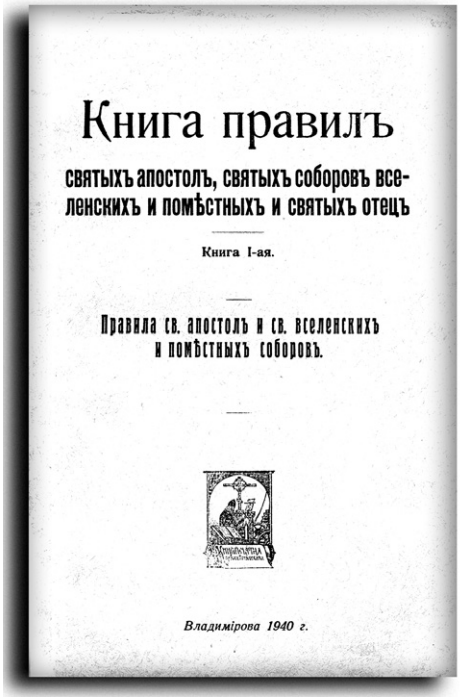
Выпуск 4-й.

Церковь, как жизнь Божественная

(по митрополиту Антонию, епископу Гавриилу, А. С. Хомякову и проч.).

ЛАДОМИРОВА. Словакия.

1942 г.

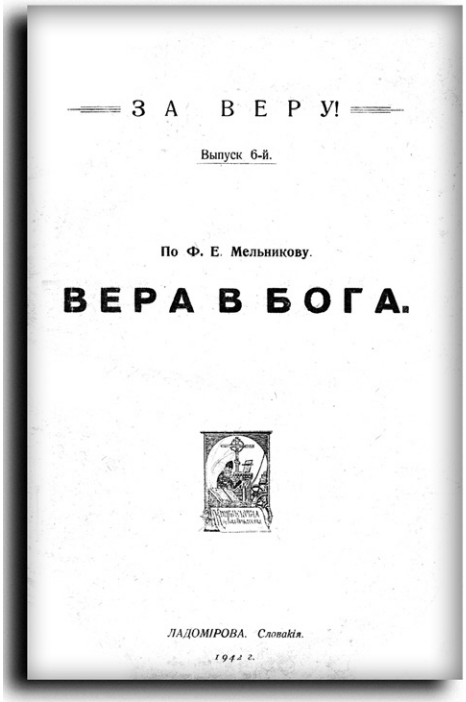

Книга правилъ

святыхъ апостолъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ

Книга I-ая.

Правила св. апостолъ и св. вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ.

Владимірова 1940 г.


ЗА ВЕРУ!

Выпуск 6-й.

По Ф. Е. Мельникову.

ВЕРА В БОГА.

ЛАДОМІРОВА. Словакія.

1942 г.

Издания, вышедшие в Ладомировой в годы Второй Мировой войны: «Книга правил святых апостол, святых соборов Вселенских и Поместных и святых отец» (1940); брошюры, издававшиеся в серии «За Веру!» – «Церковь, как жизнь Божественная», «Вера в Бога» (1942)

Царь Болгарии Борис III и наместник-председатель Св. Синода митрополит Софийский Стефан. София. 1942–1943 годы.

При непосредственной финансовой поддержке Болгарской Православной Церкви, оказывавшейся с согласия и при содействии Болгарского государства, стало возможным издание в 1939-1944 годах типографским братством прп. Иова Почаевского в Ладомировой на Карпатах многих богослужебных и духовно-просветительных книг и брошюр. Публикуется впервые

рассылали в Словакии до 250 экз., в Болгарии – до 100 экз., в Швейцарии – до 20 экз., кроме того, по несколько экземпляров посылали в письмах или передавали различным путями в Германию и Протекторат (Богемию и Моравию), в Сербию, Францию, Бельгию, Люксембург, Испанию и страны Скандинавии).

Печатание Богослужебных книг церковно-славянским шрифтом, возобновленное братией после закрытия всех прежних русских церковных типографий, также следует расценивать как событие исключительное. Качество подготовки и полиграфическое оформление изданий является образцовым и для сегодняшних редакторов и типографов, готовящих церковно-славянские книги…

Из числа братии в газету писали, главным образом, архимандриты Серафим и Нафанаил, реже иеромонах Антоний (Ямщиков). «Уж, какие мы писатели! – сетовала редакция газеты. – А, взявши карандаш в руку, помолишься горячо Богу, вспомнишь о дорогих братьях читателях, друзьях о Господе, подумаешь – покроют любовью своею слабость свою писательскую. И… пишешь от души, что Господь в сердце вложит. Вынашивать, да обрабатывать статьи некогда бывало. Так и даешь в печать прямо в черновике, карандашом набросанное, к огорчению наборной братии. Потом, правда, полегче стало, начали со стороны много хорошего матерьяла присылать, да и дома народу прибавилось»[98]. В годы войны для «Православной Руси» писали также проф. Сергей Груздев (Одесса), Владимир Поляков, Ю. Сазонова, Николай Лупандин, П. С. Лопухин. Много корреспонденции приходило из России, в том числе и повествующей о жизни катакомбной церкви[99].

Большинство таких материалов по понятным причинам помещалось в газете или подписанными лишь инициалами, или, чаще, без всякой подписи. Некоторые из них мы перепечатываем сегодня.

«Лучше будем помнить евангельские слова: Ищите прежде всего Царствия Божия и правды его, и все остальное приложится вам (Мф. VI, 33)»[100], – писала «Православная Русь» в первом «военном» номере. Все сотрудники Типографского иноческого Братства – монашествующие и миряне, заступники и жертвователи старались жить в согласии с этой истиной, памятуя о том, что действительное «освобождение может быть только духовное!» Нет сомнения, что оставленное ими богатейшее историческое и духовное наследие продолжает приносить обильные добрые плоды в их земном отечестве…

А.К. Клементьев, Т.А. Богданова.

ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ.

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ОРГАНЪ

ORTHODOX RUSSIA

Основана Братствомъ преподобнаго Іова Почаевскаго въ 1928 году во Владиміровой на Карпатахъ.

Годъ изданія 23-й. Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ. № 2 (500) January 28, 1952 15/28 января 1952 г.

Подписная плата въ годъ $ 6.00. Отдѣльн. № $ 0.20, съ прилож. $ 0.30. Subscription $ 6.00 a year. Single No. — $ 0.20, with suppl. $ 0.30

Published twice a month, by Holy Trinity Monastery, Jordanville, New York, (County Herkimer).

Entered as second-class matter at the post office at Jordanville, New York

500-ый номеръ.

Православная Русь.

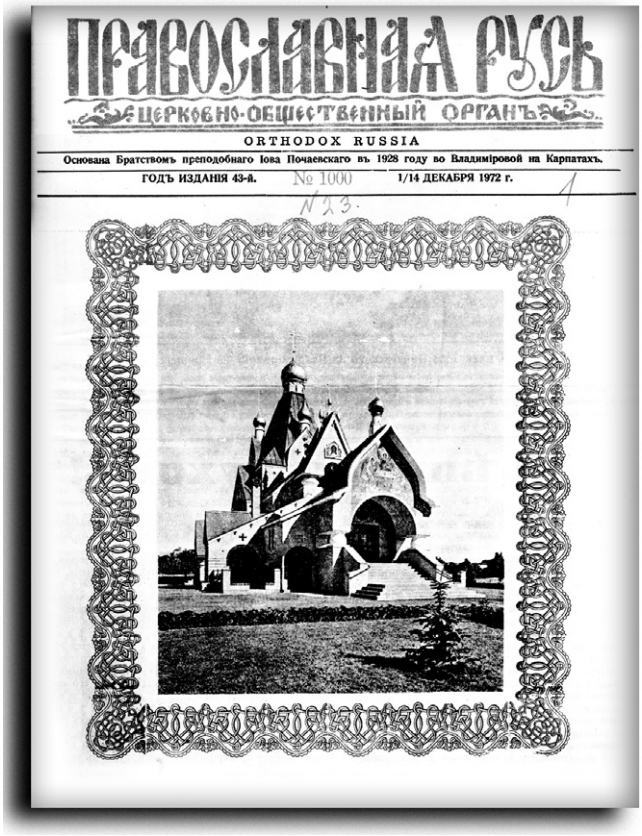
Пятисотый разъ ударилъ колоколъ!

—Пятисотый разъ, на протяженіи уже почти четверти вѣка, громогласно, до всю ширь русскаго зарубежья, то-есть по всей свободной отъ совѣтскаго ига вселенной, по которой разсѣялось русское бѣженство, возвѣстилъ онъ, что живетъ на всемъ этомъ безбрежномъ пространствѣ, пусть разобщенная иногда океанами и пустынями, но единая духомъ—Православная Русь.

Въ пятисотый разъ напоминаетъ онъ русскимъ людямъ, въ тяжкихъ обстояніяхъ въ разсѣяніи сущимъ, что не пыль они людская: не шлакъ, отброшенный машиной Исторіи, разрабатывающей на прежнемъ мѣстѣ ихъ обитанія новыя залежи жизни; не "бывшіе люди", которымъ остается только становиться людьми будущаго въ новыхъ для нихъ условіяхъ: не "эмигранты", отрекающіе прахъ отъ сапогъ своихъ и у чужихъ очаговъ строящіе новую жизнь, сливающую неразличимо ихъ съ новыми родинами ихъ! Нѣтъ! То не просто "эмиграція" и не просто "иммиграція"; то не просто уходъ изъ историческаго своего дома и переходъ въ историческій домъ чужой. То—инстинктивный жестъ самосохраненія Великаго Народа, спасающаго свою душу, огрождающаго свою историческую личность, охраняющаго духовное свое лицо, несущаго міру—самого себя—въ Исходѣ Великомъ предъ угрозой гибели въ пасти Звѣря, овладѣвшаго Отечествомъ нашимъ.

Безпримѣрно то, что произошло въ Россіи. Безпримѣрно и то, что являемъ мы ея сыны, унесшіе ее съ собою за ея историческіе рубежи, чтобы лагеремъ раскинуться по всему міру—въ чаяніи грядущихъ событій...

Сбывается населеніе этого лагеря—Зарубежной нашей Руси! Не выдерживаютъ многіе и многіе! Кто—забираетъ пожитки и уходитъ полностью въ мѣстную жизнь, осѣдаетъ безъ оглядки, пускаетъ въ самую толщу корни. Можетъ быть, если и не въ красномъ уже углу, то гдѣ-то хранится у него Икона, свидѣтельствующая объ его прошломъ. Можетъ быть, и иныя реликвіи иногда напомнятъ ему о быломъ,—книги, письма, картины, одежды... Было все же то:—хорошо, если еще дорогое! Настоящее до отказа наполнено нимъ, какъ и будущее. То—человѣческій матеріалъ уже, не сыны то Россіи... Съ ними бываетъ хуже: раскиваются они въ уходѣ, на-ново видятъ то, что заставляетъ ихъ бѣжать—въ пасть Звѣря устремляются! То просто гибель, если, дѣйствительно, возвращаются они,—гибель физическая, цѣной которой иногда, можетъ быть, спасаются они духовно,—прозрѣли! Но еще болѣе страшенъ удѣлъ, въ планѣ духовномъ, тѣхъ, кто, становясь "возвращенцами", остаются за-рубежомъ, обращаясь въ



ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ОРГАНЪ

ORTHODOX RUSSIA

Основана Братствомъ преподобнаго Іова Почаевскаго въ 1928 году во Владиміровой на Карпатахъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 43-й. № 1000 1/14 ДЕКАБРЯ 1972 г.

Юбилейные – 500-й и 1000-й выпуски «Православной Руси», изданные уже в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле, в январе 1952-го и в апреле 1972-го годов соответственно

Примечания

[1] Авторы выражают признательность за предоставленные документальные материалы, устные свидетельства и доброжелательное содействие Владыке Митрополиту Лавру, Владыке Архиепископу Марку, иеромонаху Евфимию (Логвинову), протопресвитеру Борису Бобринскому, протоиерею Стефану Пружинскому, монахине Евфросинии (Молчановой), Лилии Цветковой и Ивете Коцваровой.

[2] Русская Зарубежная Церковь и ее задачи // Православная Русь [Далее – ПР.]. 1940. № 20, 15/28 октября. С. 5.

Об истории типографского братства см.: 5-летие существования церковной типографии при Православн. Миссии на Словенску // Православный Русский календарь на 1933 год. С. 70-74. *Епископ Серафим [Иванов]*. «Православная Русь» в Америке // ПР. 1947. № 1 (384); *Тальберг Н.* К пятисотому номеру «Православной Руси». Историческая справка // ПР. 1952. № 2 (500), *15/28 января. С. 5-9; Архим. Константин [Зайцев]*. Возникновение «Православной Руси» // ПР. 1972. № 23 (1000), 1/14 декабря. С. 5-6; 70 лет «Православной Руси» // ПР. 1998. № 1, 1/14 января. С. 1-2; Незабываемые страницы Православной Руси. Начало «Православной Руси» // ПР. 1998. № 1, 1/14 января. С. 2-4; Истории «Православной Руси» посвящен почти весь номер: ПР. 1998. № 24 (1621), 5/28 декабря. С. 1-15. *Harbul'ova L.* Ladomirovske reminiscencie. Z dejin ruskej pravoslavnej misie v Ladomirovej 1923-1944. Presov. 2000. 127 S. *Данилець Ю.* Інституційна організація єпархіального управління карпаторуської православної церкви (1926-1930). Отдельный оттиск. Б. м., Б. г. (Неопубликовано. Размещено в Internet: http://www.ukrterra.com.ua/chronology/10/danylets_cerkva.htm). *Калканджиева Д.* Съдбата на Софийски митрополит Стефан – последния български екзарх // Държава & Църква – Църква & Държава в българската история. София, 2006. С. 438-448.

[3] *Архимандрит Виталий.* Реставрация русской церковной типографии Преп. Иова Почаевского // Православный Русский Календарь на 1934 год. Часть III-я. Чтение. Владимирова, 1933. С. 49-56. Статья датирована 10 мая 1933 г. и сопровождена примечанием: «Считаю своим долгом опубликовать настоящую статью, как мой отчет перед Русскою Православною церковью и Русским народом в порученном мне церковно-общественном деле» (Там же. С. 49).

[4] *Верин С.* Православное русское типографское монашеское Братство преп. Иова Почаевского во Владимировой на Карпатах. Краткий обзор его истории и деятельности. Ладомирово, 1940. С. 7. Очерк также напечатан в качестве приложения к «Русскому православному календарю на 1941 год» (23 с.).

[5] *Архиепископ Виталий (Максименко).* Мотивы моей жизни. Издание 3-е. Jordanville. [Б. г.]. С. 185-187 (Глава «Владимирова»).

[6] *Верин С.* Православное русское типографское монашеское Братство… С. 8.

[7] *Архимандрит Виталий.* Реставрация русской церковной типографии Преп. Иова Почаевского // Православный Календарь на 1934 год. Владимирова, 1933. С. 54. Типография Почаевской Лавры располагала примерно 100 тоннами шрифтов.

[8] Там же. С. 10.

[9] *Грузин В. Г.* Православная Церковь в ЧСР // Православный русский календарь на 1927 год. Составил архим. Виталий. Типография Юрия П. Лажо. Вышний Свидник на Словенску. 1926. С. 31. Архиепископ Савватий был рукоположен в 1923 г. в Константинополе и возглавил Пражскую Архиепископию в составе Константинопольского Патриархата. После того как Чехословацкое государство признало в конце 1925 г. законной юрисдикцию Сербской Церкви и передало право управления чешской православной общиной хиротонисанному еще в 1921 г. в Белграде епископу Горазду (Павлику) архиепископ Савватий постепенно отошел от активной церковной работы, сохраняя свое влияние в восточной Словакии и Закарпатье.

[10] Там же. С. 11-12.

[11] Книга постановлений Духовного Собора миссионерского брат-

ства при Типографии Преп. Иова Почаевского во Владимировой у Вышнего Свидника. Начата 6/19 сентября 1934 г., Владимирова. [Протокол] № 8, 24 октября 1934 г. (Архив монастыря преп. Иова Почаевского. Мюнхен).

[12] Православное движение на Пряшевской Руси в 1930 году. … // Православный Русский Календарь на 1931-й год. С. 77.

[13] *Архимандрит Виталий.* Русским людям, духа не угасившим // Православный Русский Календарь на 1932 год. Русская Церковная Типография – Владимирова на Словенску. 1931. С. 36.

[14] *Верин С.* Православное русское типографское монашеское Братство... С. 16.

[15] *Архимандрит Виталий.* Реставрация русской церковной типографии… С. 54.

[16] *Верин С.* Православное русское типографское монашеское Братство… С. 12.

[17] Каталог 1924-1936 г. Богослужебные и религиозно-нравственные книги. Почаевская Типография. Ladomirova u V. Svidnika. 1937. С. 9.

[18] Книга протоколов Духовного Собора… Протокол № 168. 16/29 октября 1941 г.

[19] Цит. по: Начало «Православной Руси» // ПР. 1998. № 1, 1/14 января. С. 2.

[20] Впоследствии о. В. Коломацкий был пострижен в монашество в именем Андрея, скончался 13 февраля 1980 г. в сане архимандрита. (*Harbul'ova L.* Ladomirovske reminiscencie. S. 83-84).

[21] Книга постановлений Духовного Собора … Протокол № 3. 20 сент.[ября] 1934 г.

[22] Книга постановлений Духовного Собора… Протокол № 12. 12/25 декабря 1934 г.

[23] Цит. по: «Православная Русь». Краткая история // ПР. 1998. № 24 (1621). 15/28 декабря. С. 6.

[24] Книга протоколов Духовного Собора… Протокол № 168. 16/29 октября 1941 г.

[25] Александр Иванович Дехтерев (19 апреля 1899, Вильно – 9 апреля 1959, Там же) из военных Войска Донского. В Ладомировой находился с октября 1934 г., в 1935 г. принял монашество с именем Алексий, в апреле 1936 г. покинул Ладомирову, некоторое время жил в Африке, вернулся в Чехословакию и 12 февраля 1950 г. был возведен в сан епископа Пряшевского. С 22 ноября 1955 – епископ Виленский и Литовский, с 1957 – архиепископ.

[26] *Harbul'ova L.* Ladomirovske reminiscencie. S. 82-83.

[27] *Архим. Виталий.* Реставрация русской церковной типографии… С. 54.

[28] Книга постановлений Духовного Собора… Протокол № 3. 20 русск.[ого] сент.[ября] 1934 г.

[29] В первом выпуске журнала опубликован Указ Архиерейского Синода от 31 января/13 февраля 1939 г., преподавшего благословение на издание журнала Братством и на его редактирование игуменом Филиппом (Гарднером) (Православный Путь. Выпуск 1. Владимирова, 1939. С. 3).

[30] От издательства // Православный Путь. Выпуск 1. Владимирова, 1939. С. 5.

[31] Православный Путь // Там же. С. 9.

[32] Там же. С. 8.

[33] От издательства // Православный Путь. Выпуск 1. Владимирова, 1939. С. [76].

[34] Там же.

[35] Восстановленной Исторической Почаевской Церковной типографии пр. Иова во Владимировой на Карпатах. Каталог 1924 – 1940 г. Богослужебные и религиозно-нравственные книги. Ladomirova. 1940. 21 с.

[36] *Harbul'ova L.* Ladomirovske reminiscencie. S. 108-109.

[37] Слово произнесенное Высокопреосвященным Митрополитом Анастасием в обители преподобного Иова Почаевского во Владимировой в день Усекновения Главы Иоанна Крестителя, 29 августа 1940 г. // ПР. 1940. № 23 (303), 1/15 [sic!] декабря. С. 3.

[38] *Верин С.* Неделя с Первосвятителем // ПР. 1940. № 18-19 (298-299), 1 октября /20 сентября. С. 1.

[39] Книга протоколов Духовного Собора… Протокол № 161. 23 мая / 5 июня 1941 г.

[40] Книга протоколов Духовного Собора… Протокол № 159. 30 апреля/13 мая 1941 г.

[41] Там же.

[42] Тогда же постановили «всем братством присутствовать на следующий день на утрени и литургии, оставить образы рус. свв. в церкви на все время войны и во все это время совершать пред ними ежедневно молебен Спасителю, Бож.[ией] Матери и всем рус. свв.; всем монахам ежедневно творить по 25 поклонов с молитвой: „Господи Иисусе Христе спаси Россию и воскреси св. Пр. Русь"; в конце иноческих служб петь: „все свв. земли Русския молите Бога о нас"» (Книга протоколов Духовного Собора… Протокол № 163. 9/22 июня 1941 г.).

[43] Обитель преп. Иова в наступившие судьбоносные дни // ПР. 1941. № 12 (316), 15/28 июня. С. 4.

[44] С момента основания Братство находилось в юрисдикции Сербской Православной Церкви, формально входя в состав Мукачевско-Пряшевской епархии. В феврале 1939 г. епископ Мукачевско-Пряшевский Владимир (Раич) официально признал Братство канонически подчиненным Архиерейскому Синоду РПЗЦ.

В период с 9 по 22 октября 1941 г. архиепископ Серафим (Ляде) посетил Словакию и принял в свое управление здешние русские приходы (Архиепископ Серафим в Словакии // ПР. 1941. № 19-20 (323-324), 30 октября/12 ноября. С. 8). Во время посещения Братства во Владимировой он совершил поставление в иеромонаха о. иеродиакона Виталия (Устинова), в будущем первоиерарха РПЦЗ.

[45] *Архим. Нафанаил.* Страшное время // ПР. 1944. № 9-10 (378-379), 10/23 мая. С. 1.

[46] *Архим. Нафанаил.* Божий Промысл в судьбах России в наши дни // ПР. 1941 № 13-14 (317-318), 15/28 июля. С. 2.

[47] *Архим. Серафим.* Господи Иисусе Христе, воскреси святую Православную Русь! // ПР. 1941. № 12 (316), 15/28 июня. С. 1.

[48] Дни войны в нашей обители // ПР. 1941. № 13-14 (317-318), 15/28 июля. С. 6.

[49] Архимандрит Иоанн (кн. Шаховской), впоследствии архиепископ Сан-Франциссий в юрисдикции православной церкви в Америке, известнейший радио-проповедник Русской службы радиостанции «Голос Америки» и церковный писатель, наиболее печатаемый в современной России из церковных авторов, работавших в эмиграции (ныне практически все его сочинения многократно переизданы в России массовыми тиражами), являлся автором одного из первых и самых панегирическх заявлений по поводу начала военных действий германской армии на территории советской России и рассматривал их как очевидное проявление милости Божией к русскому народу. В своей статье «Близок Час», опубликованной 29 июня 1941 г., архим. Иоанн, между прочим, писал: «До каких дней, желанных и подсоветской, и Зарубежной России довелось дожить. Не сегодня-завтра откроются пути свободных слов о Боге. […] Невозможно было более ждать, что за эту задачу возьмутся те, так называемые „христианские" правительства, которые в недавней испанской борьбе были и материально, и идеологически не на стороне защитников христианской веры и культуры. Обессиленные и закрепощенные по лагерям, заводам и колхозам русские люди были бессильны подняться против международной атеистический силы, засевшей в Кремле. Понадобилась железно-точная рука германской армии. Ей ныне поручено сбить красные звезды со стен русского Кремля. И она их собьет, если русские люди не собьют их сами. Эта армия, прошедшая своими победами по всей Европе, сейчас сильна не только мощью своего вооружения и принципов, но и тем послушанием высшему зову, провидением на нее наложенному сверх всяких политических и экономических расчетов. Сверх всего человеческого действует меч Господень. … Иван великий заговорит своим голосом над Москвой и ему ответят бесчисленные русские колокола.

ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ.
ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ОРГАНЪ
Русской Православной Церкви Заграницей
ORTHODOX RUSSIA
ГОДЪ ИЗДАНІЯ 70-й. ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ. №24 (1621) 15/28 ДЕКАБРЯ, DECEMBER 15/28, 1998
70-ЛѢТІЕ «ПРАВОСЛАВНОЙ РУСИ»

Юбилейный номер «Православной Руси», изданный к 70-летию выхода в Ладомировой первого номера газеты. 1998 год

Это будет „Пасха среди лета“, о которой 100 лет тому назад, в прозрении радостного духа пророчествовал великий святой Русской земли преподобный Серафим.
Лето пришло. Близко русская Пасха…» (*Шаховской, архим. Иоанн.* Близок час // Новое слово. Берлин. № 27, 29 июня 1941.).

[50] *Архим. Серафим.* Краткий отчет в напечатанных по поручению Св. Синода Болгарской Церкви БОГОСЛУЖЕБНЫХ КНИГ и иных изданий [sic!] от 3/16 ноября 1943 г. // Централен Държавен Архив (далее ЦДА (София)). Ф. 791. Оп. 2. Ед. хр. 166. Л. 85.

[51] Великий сборник (Части I-IV), Краткий богослужебный устав, Напрестольное Евангелие; Евангелие от Матфея, Евангелие от Луки, Евангелие от Иоанна, Краткий Православный молитвослов, Богослужебная Псалтирь, Требник (Части I-IV), Служебник: Ч. I. Последование литургии св. Иоанна Златоуста; Ч. II. Последование литургии св. Василия Великого.

[52] ПР. 1942. № 23-24 (350-351), 25 декабря 1942 г./7 января 1943 г. С. 8.

[53] Дни войны в нашей обители // ПР. 1941. № 13-14 (317-318), 15/28 июля. С. 6.

[54] [Объявление о поступлении в продажу] // ПР. 1941. № 15-16 (319-320), 15/28 августа. С. 8.

[55] Хроника работы на Родину // ПР. 1941. № 21-22 (325-326), 30 ноября/13 декабря. С. 8. К этому времени получена была первая партия бумаги для его печатания, за которую пришлось уплатить 8000 кр. В двухмесячный срок надо было внести еще 8000 кр. Сообщая об этом братия обращалась к читателям «Православной Руси»: «Уповаем, что добрые русские люди не оставят нас своей помощью и помогут собрать к 15-му февраля по н. ст. нужную сумму» (Пришла бумага для святого Евангелия // Там же С. 8).

[56] Летопись Церкви. … Выпуск первый. 1943. С. 64; О напрестольном Евангелии // ПР. 1942. № 23/24 (350-351), 25 декабря 1942 г./7 января 1943 г. С. 8.

[57] Напрестольное Евангелие // ПР. 1942. № 19/20 (346-347), 15/28 октября. С. 8.

[58] Книга протоколов Духовного Собора… Протокол № 184. 2/15 декабря 1942 г.

[59] Хроника печатной работы // ПР. 1942. № 5-6 (333-334), 23 марта/5 апреля. С. 6.

[60] [Извещение о начале набора св. Евангелия от Луки] // ПР. 1942. № 9-10 (336-337), 11/24 мая. С. 8.

[61] Хроника // ПР. 1942. № 13/14 (340-341), 15 июля/28 июня. С. 7.

[62] Письмо архим. Серафима (Иванова) Святейшему Синоду Болгарской Церкви от 5/18 июня 1942 г. // ЦДА (София). Ф. 791. Оп. 2. Ед. хр. 166. Л. 15. Письмо зарегистрировано в Синоде 2 июля 1942 г.

[63] Заканчиваются печатанием и в июне выйдут в свет служебники // ПР. 1943. № 1-2 (356-357). 28 мая/10 июня. С. 16.

[64] Прошение архим. Серафима (Иванова) Св. Синоду Болгарской Церкви от 15 марта 1943 г. [составлено во время его пребывания в Софии] // ЦДА (София). Ф. 791. Оп. 2. Ед. хр. 166. Л. 45-49.

[65] Поездка архимандр. Серафима в Берлин // ПР. 1942. № 11-12 (338-339), 15/28 июня. С. 8.

[66] «1-ая часть содержит св. Таинства, к которым из Вел. требника присоединен чин присоединения уклонившихся в безбожие и еретиков до сих пор в обыкновенных требниках не помещавшийся. Во 2-ой части находятся чины погребений, в том числе и монашеского из В. Требника, и равно последование парастаса. 3-ая часть содержит последования разных молебнов, а так же молитвы на разные случаи. До сего времени молебны не включались в требник, а печатались в книге молебных пений и отдельно. Редакторы требника братства прп. Иова приняли меры, чтобы в эту часть были включены все молебны, принятые в современной богослужебной практике. Наконец, 4-ая часть содержит чины освящения храмов архиереем, иереем по поручению архиерея, иконостасов, различных икон и т.п.» (Закончено печатание требника // ПР. 1944. № 9/10 (378-379), 10/23 мая. С. 16).

[67] Цит. по: *Архиепископ Лавр.* Памяти архимандрита Антония // ПР. 1993. № 19, 1/14 октября. С. 6.

[68] 13/26 ноября в день Св. Иоанна Златоуста состоялось освящение этих десяти антиминсов в православной церкви г. Братислава (Освящение свв. Антиминсов в Братиславе // ПР. 1941. № 21-22 (325-326). 30 ноября/13 декабря. С. 8).

[69] Там же

[70] Хроника работы на Родину // ПР. 1941. № 21-22 (325-326), 30 ноября/13 декабря. С. 8.

[71] Церковное зарубежье – Церкви на Родине // ПР. 1942. № 13/14 (340-341). 15/28 июля. С. 7.

[72] Там же. Кроме того, в 1942 г. в Белграде был создан специальный комитет «по сбору пожертвований на церковные нужды в освобожденных от большевиков областях», которым собраны были средства для изготовления более 80 антиминсов, приобретено несколько церковных облачений и «довольно большое количество богослужебных книг» (Там же).

[73] Письмо архим. Серафима (Иванова) Священному Архиерейскому Синоду св. Болгарской Церкви от 5 августа 1942 г. // ЦДА (София). Ф. 791. Оп. 2. Ед. хр. 166. Л. 76. Письмо получено в Софии 15 августа 1942 г.

[74] Св. Антиминсы в России // Летопись Церкви. … Выпуск первый. 1943 . С. 60.

[75] *Епископ Серафим.* «Православная Русь» в Америке // ПР. 1947. №1 (384), 18/31 января. – Цит. по: «Православная Русь». Краткая история // ПР. 1998. № 24 (1621), 15/28 декабря. С. 8.

[76] Письмо Епископа N // Летопись церкви. … Выпуск первый. 1943. С. 26.

[77] Книга протоколов Духовного Собора… Протокол № 185. 19 декабря 1942 г./1 января 1943 г.

[78] Книга протоколов Духовного Собора… Протокол № 186. 20 января/1 февраля 1943 г.

[79] Книга протоколов Духовного Собора… Протокол № 186. 20 января/1 февраля 1943 г.

[80] На странице 50 сборника указана дата напечатания: 6-II – 24-I 1943 г. В сборник вошли статьи *Павла Перова* «Ложь коммунизма – правда

христианства», *Епископа Х* «Песнь о новомучениках русских», *М. В.* «О самоубийцах», *А. Н.* «Житие св. Афанасия Великого», *свящ. Л. Антоновича* «Из моей жизни и деятельности», «Положение православной Церкви на Украине», Письмо епископа N, *Епископ N.* Памяти схи-архиепископа Антония, Послание схи-архиепископа Антония, рассказ *А. Юрковского* «Борьба», *И[гумен] Х[аритон].* «Вторая поездка на Валаам», *Н. К[итер].* «Письма о Церкви-мученице», Разбор послания митрополита Сергия (сентябрь 1927 года), Хроника церковной жизни и другие материалы.

[81] Воскресение «Православной Руси»! // ПР. 1943. № 1-2 (356-357), 28 мая (10 июня). С. 1.

[82] Катынское злодеяние // Там же. С. 14.

[83] Письмо вернувшегося с фронта солдата // ПР. 1943. № 15-16 (368-369), 25 декабря 1943/7 января 1944. С. 15.

[84] [Объявление о подписке на 1944 год] // ПР. 1944. № 1-2 (370-371). С. 16.

[85] *Архимандрит Серафим.* Пути небесные // ПР. 1942. № 9-10 (336-337), 11/24 мая. С. 1.

[86] *Архим. Серафим*. В третию годовщину // ПР. 1944. № 11-12 (380-381), 9/22 июня. С. 1.

[87] *Архим. Серафим*. 1944 // ПР. 1944. № 1-2 (370-371), 15/28 января. С. 1.

[88] *Михаил К.* Из письма бывшего сотрудника Братства, находящегося в настоящее время в Таврии // Православная Русь. 1943. № 5-6 (360-361), 25 июля/7 августа. С. 16.

[89] Долгожданные вести // ПР. 1942. № 1-2 (329-330), 25 января 1941/7 февраля 1942. С. 8. Это важнейшее свидетельство, к сожалению, не нашло отражения в недавно изданном очерке биографии Владыки Димитрия (Абашидзе): *Марущак, протодиакон Василий.* Архиепископ Димитрий в схиме Антоний (Абашидзе). Жизнеописание. Слова, воззвания и письма. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, [Сергиев Посад], 2006. 240 с.

[90] Там же.

[91] Там же.

[92] О жизни владыки Леонтия (Филипповича) в 1930-1940-е гг. известно достаточно много, благодаря исследованию А. В. Псарева «Архиепископ Леонтий Чилийский (1904-1971 гг.). Материалы к жизнеописанию архипастыря гонимой Церкви Российской» // Православная жизнь. №№ 3, 4, 5, 1996.

[93] *Михаил К.* Из письма бывшего сотрудника Братства, находящегося в настоящее время в Таврии // Православная Русь. 1943. № 5-6 (360-361), 25 июля/7 августа. С. 16.

[94] Летопись Церкви. … Выпуск первый. 1943. С. 61.

[95] Церковная жизнь в г. Орле // Летопись Церкви. … Выпуск первый. 1943. С. 60. Далее следовал подробный отчет о состоянии церковной жизни в Орле и его окрестностях, где на то время служило 37 священников: об открытии Пастырских курсов, чтении в кафедральном соборе лекций о «христианской религии», проведении для молодежи семинаров по Закону Божию, устройстве приходских попечительств о бедных (на 12. 000 рублей), организации помощи находящимся в германских лагерях русским военнопленным (собрано около 10.000 рублей и много вещей). Сообщалось также, что на реставрацию храмов г. Орла потрачено свыше 600.000 рублей – огромная по тем временам сумма (Там же).

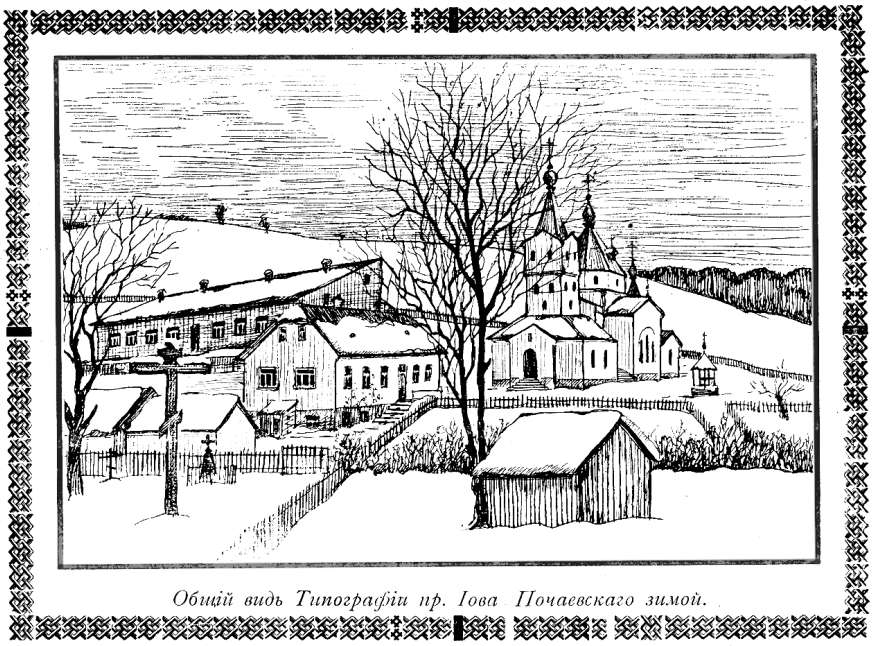
[96] Структура православной церкви в освобожденных областях // ПР. 1942. № 11-12 (338-339), 15/28 июня. С. 8.

[97] Хроника церковной жизни // Летопись Церкви. … Выпуск первый. 1943. С. 61-62.

[98] Воскресение «Православной Руси»! // ПР. 1943. № 1-2 (356-357), 28 мая (10 июня). С. 1.

[99] Автором многих из них была Наталия Китер, перед войною проживавшая, как можно заключить из ее слов, в Царском Селе: Восходящая Церковь // ПР. 1943. № 1-2 (356-357), 28 мая/10 июня. С. 13; Письма о Мученице-Церкви // Там же. С. 12-13; Жизнь и страдание преосвящ. Арсения, епископа Серпуховского // ПР. 1943. № 9-10 (364-365), 25 сентября/8 октября. С. 10-12; Епископ Стефан // ПР. 1944. № 1-2 (370-371), 15-28 января. С. 11-13; Русские страстотерпцы нашего времени (Из рассказов недавно прибывшей из СССР). Митроп. Серафим Чичагов, Митрополит Вениамин, о. Михаил Чельцов, Иеромонах Сергий Ляпунов // ПР. 1943. № 5-6 (360-361), 25 июля/7 августа. С. 13-15; Путешествие в Макарьевскую пустынь // ПР. 1943. № 1-2 (356-357), 28 мая/10 июня. С. 2-8.

[100] Господи Иисусе Христе, воскреси святую Православную Русь! // ПР. 1941. № 12 (316), 15/28 июня. С. 1.



Общий вид обители в Ладомировой
и типографии прп. Иова Почаевского зимой.
Слева – типография и семинария. В центре – братский корпус.
Справа – храм св. Архангела Михаила

И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ...

В подборку семейного чтения вошли воспоминания о духовной жизни в России в эпоху гонений на веру.

Авторами ее являются петербуржцы, чья несомненная любовь к Богу двигала ими в годы, когда многие православные святыни были поруганы и разрушены, когда погибли за веру многие русские архипастыри, пастыри, монашествующие и миряне. Любовью и верой дышат строки русского юноши – выпускника знаменитой Петершуле на Невском проспекте,– прибывшего тайным паломником в Россию из-за рубежа (статья «Молебен в антирелигиозном музее»). Все остальные рассказы принадлежат перу другого автора и повествуют о духовной жизни Петрограда и его окрестностей в 1920–30-е гг. Написавшая их Наталия Георгиевна фон Китер (7.09.1881–после 1944) – жительница Царского Села, родилась в Новгороде, в дворянской семье. Детские годы ее прошли вдали от родителей, возможно, в одном из петербургских женских учебных заведений. На рубеже веков она пережила духовный кризис, глубокое обращение ее к православной вере происходит уже после революции, под влиянием трагических событий в России. В 1920 году вместе с матерью она уезжает из Петрограда и живет в Царском Селе, где работает врачом, а также в течении более чем двадцати лет читает и поет на клиросе в Екатерининском соборе (с 1921 по 1938 год). После закрытия и разрушения собора, в 1938–1943 гг. пела в хоре Знаменской церкви, в 1920–30-х гг. посещала службы в храмах С.-Петербурга: Киево-Печерского подворья, Преображенской (Гренадерской) церкви на Песочной улице, Лаврской Киновии на правом берегу Невы, Троицкой церкви в Лесном, была знакома с многими выдающимися архипастырями и пастырями Русской Церкви, окормлялась у них. После кончины своей матери Елены (в монашестве Евгении, †16.02.1932) полностью отдает себя служению Церкви и ближнему (в больнице). Во время оккупации, в 1943 году была эвакуирована немцами в Гатчину, позже оказалась в Латвии, в Риге, к лету 1944 г. проживала в Берлине. Рассказы Наталии Георгиевны о довоенной жизни в Петербурге и Петербургской губернии были присланы ею в редакцию газеты «Православная Русь», когда та издавалась в Ладомировой, на Карпатах. О дальнейшей судьбе автора этих строк после 1944 года нам ничего не известно. Возможно, проживала в Германии еще в 1948 году.

Письма о Церкви

1.

... Письмо Ваше последнее было для меня особенной радостью. То, что мои скромные, наспех набросанные письма Вас интересуют, как голос далекой Родины, меня радует. Хотелось бы сказать, да не умею выразить, что значат для меня Ваши письма, какая это для меня радость. Ведь мы за последние годы так изголодались без живого слова Божия, были оставлены, как дети еще не умеющие ходить, без опоры. Одно у нас оставалось – книги свв. отцов, и по ним пытались налаживать жизнь нашу, как и было заповедано нам на случай, когда не станет у нас отцов духовных. Оставшиеся у нас священники, глубокие старцы, так перегружены были работой, что мы не решались еще обременять их, да кроме того, не осталось у нас ни одного инока. Осталось так много неразрешенных вопросов. И я крепко надеюсь, что Вы и впредь не оставите меня без весточки.

Да, удивительно и радостно, что, находясь на разных концах Европы, мы жили одной жизнью, одними идеями, одними стремлениями и чувствами. Да, вот она, наша православная святая соборность! Вы мне послали статьи Ваши, угадав, как близки и дороги душе моей эти темы. В них мучительная, глубокая правда. Слава Богу за все! За все муки наши, за огненные испытания, посланные Родине нашей, из которых, верю я, выйдет она обновленной, словно очнувшейся от «тяжкого сна греховного». И мы готовы принять еще многие бури, лишь бы раздули они в нас готовую угаснуть искру – во всеочищающее пламя. Исполняются на родине нашей слова ап. Павла – предать сатане во изможденіе плоти, да дух

спасется. На глазах наших пробуждались, обращались к Богу души, никогда о Нем раньше не помышлявшие. Слава Богу за все!

Воспоминается прощальная, тихой радостью исполненная беседа мученика старца о. Х. (в тайном постриге иеромонаха Петра. Не помню, писала ли я Вам о нем?) С «волчьим билетом» странствовавший долгие годы по Руси, тайно совершавший св. Литургию в частных домах, он говорил на тему: «Се, ныне время благоприятно, се ныне день спасения». «Родина наша – самая счастливая страна», – восклицал он. Если не писала Вам о нем, охотно расскажу подробнее об этом светлом, истинном ученике Христовом.

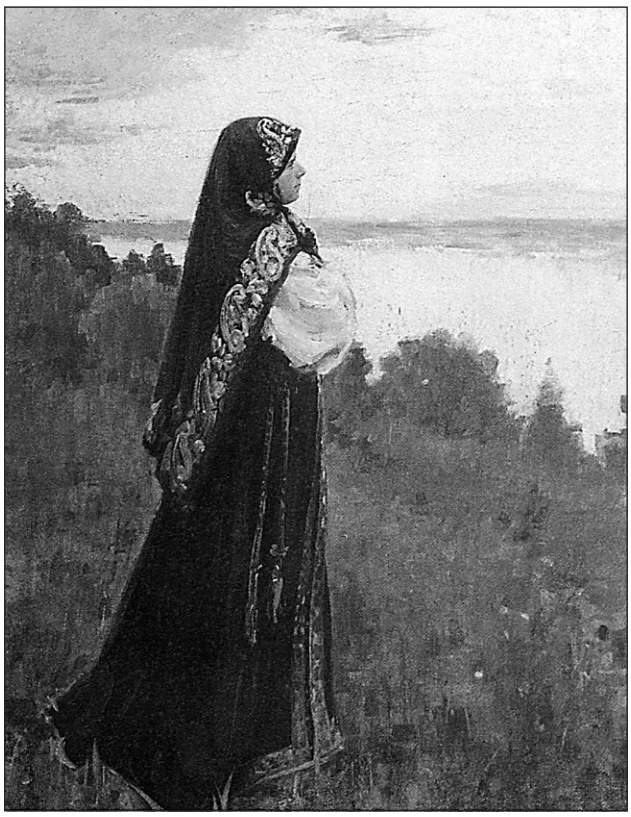
Пишу, и глубокое умиленное волнение охватывает от сознания близости к нам, окаянным, Господа Милосердного.

В России народ как-бы расслоился на две части. И одной из них, отдавшейся лишь материальным интересам, неведомо даже существование другой – подпольной, но истинной соли земли Русской. Они искренно убеждены, что вера Православная убита торжествующими безбожниками.

Встретила здесь на одном докладе одного недавно вернувшегося из России профессора, с уверенностью заявившего в своем докладе, что «юродство – минувший исторический факт, невозможный в настоящее время». Я не выдержала, и несмотря на обычную мою застенчивость, возразила ему, что он совершенно не знает истинной русской жизни. Я сама лично знала одну известную в Петербурге и окрестностях юродивую, прозорливую старицу подвижницу, и от близких друзей моих слышала рассказы о других. А сколько странников, словно с полотна Нестерова сшедших, бродит с посошком по Руси, истекающей кровью, умученной, опозоренной, но все же святой!

А результаты последней народной переписи, совсем «сконфузившие» большевиков? В одной Ленинградской области, если не ошибаюсь, оказалось 85% верующих. Знаю неверов, записавшихся верующими. А храмы наши, когда их еще было достаточно, все же были переполнены до давки. По воскресеньям причащалась обычно вся церковь. Приходилось делать общую исповедь. Люди стояли по 4–6 часов в очереди вокруг храма, чтобы приложиться к Плащанице.

В светлую Пасхальную ночь за 2–3 года до войны и до последней Пасхи площадь-сквер вокруг храма князя Владимира на Петроградской Стороне и прилегающие к нему улицы были запружены народом, стоящим плечо к плечу, с зажженными свечами, певших пасхальную службу. Никакая милиция справиться не могла. В последний год к нам в г. N. приезжали из других областей, лишенных храмов.



«Мечтательница». С картины И.С. Куликова. 1905 год. Муромский краеведческий музей

Нет, жива вера на Руси, пробуждаются спящие, мертвые духовно воскресают!

Вы пишете о любимом Вами святителе Анастасии. Знаете ли что? Когда еще впервые я приехала в Берлин, мне попалась в одном журнале статья этого владыки, и сразу потянулась к нему душой, сразу почувствовала, что он – истинный пастырь Христов.

Посылаю вам стихи знакомого уже Вам поэта А.А. Алексеева и наспех написанный отрывок: «Путешествие в Макариевскую пустынь».

Как хотелось бы побеседовать с вами не «чернилами и тростью». Уж очень длинно выходит!

2.

...Получила письмо Ваше, пересланное мне, как всегда так порадовавшее меня. Спаси Вас Господь. Очень я огорчена, что посланное мною письмо с заметкой о кактакомбной «Восходящей» Церкви Вы не получили. Посылаю вторичною. Также не получила я посланного вами сборничка, к великому моему огорчению.

Как рада я была бы внести свою убогую посильную лепту в Ваш труд, печататься в Ваших изданиях. Знаю, что Вам интереснее и ценнее всего материал об исповедниках, но, может быть, пока посылать вам записки о случаях характерных, о явлениях из мира иного.

Когда мне было года 4-5, сидела я однажды в спальной нашей, в любимом уголку своем, под образами. святых икон было много, большинство из них было вставлено в огромный дубовый угольный киот,

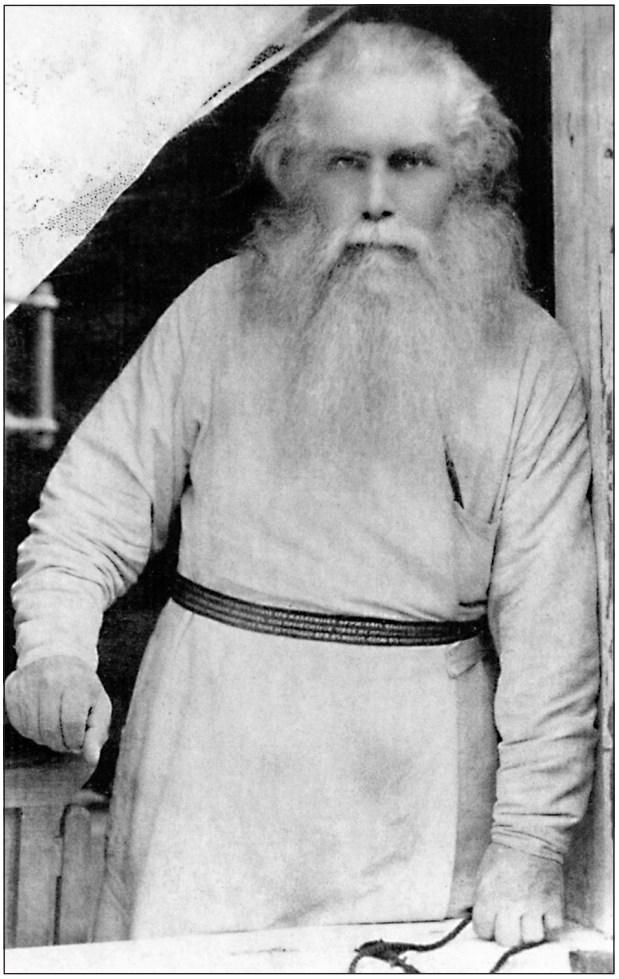
висевший в углу. Под ним-то обычно я и играла. И вот однажды, когда я была одна, вдруг неодолимая сила заставила меня оттуда уйти. Как-то не могла больше там оставаться. Стала постепенно перетаскивать все свои игрушки, которых была огромная куча, в противоположный угол большой комнаты, к кровати. Работа была нелегкая и потребовала порядочно времени. Едва я перетащила последнюю вещь и уселась играть, как со страшым грохотом упал тяжелый киот на то самое место, где я только что сидела, с такой силой, что иконы разлетелись до половины комнаты. Помню маму, в ужасе вбежавшую и не чаявшую видеть меня живой. А я спокойно сидела в противоположном углу и играла – цела и невредима.

+++

Переехала я наконец в Б[ерлин?]. Имею свою комнатку и даже машинку. Правда, все 25 лет я писала по «новой орфографии», простите, если когда-нибудь ошибусь в старой. Сразу не привыкнешь, да и грамматики нет.

Главное: пристанище есть. Раньше просто беда была с работой, ничего не выходило.

Вы не можете себе представить, как не хватает мне Вашей газеты. Если найду где-нибудь старый номер – накидываюсь и поглощаю.



Митрополит Казанский и Свияжский Кирилл в Туруханской ссылке

+++

Были у нас в России подвижники-юродивые. Одну я лично знала: прозорливая старица-подвижница была «Ленушка-Мокрая Голова». Являлась еще при жизни людям во сне на большом расстоянии. Всю войну эту она предсказала, и все взывала к посту и покаянию. Начала о ней писать.

Близкая моя подруга, покойная теперь Н[ина] открыла в дремучих Х-х [Старорусских] лесах и болотах несколько хижин отшельников-подвижников и подробно мне об этом рассказывала. Был у нее даже дневник, в котором все это было описано, да сожгла его из боязни повредить старцам, если большевики найдут. Из самых ярких случаев у меня заметки о последних минутах митр. Вениамина, митр. Серафима (Чичагова), о прот. Михаиле Чельцове, казненном в первый день Рождества Христова, шедшим на смерть с радостным пением тропарей Рождества, он был близким другом А. Алексеева, от него я все подробно и знаю. Яркая и многострадальная жизнь друга митр. Кирилла прот. У., которого я лично знала, по пятам преследуемаго ГПУ, тайно ежедневно совершавшего св. литургию, в свои 75 лет без крова и куска хлеба, как апостола по всей Руси странствовавшего и многих других...

Восходящая Церковь

Митрополит Кирилл в 1925 году завещанием свят. патриарха Тихона был назначен первым местоблюстителем Патриаршего престола; за отсутствием его, (в ссылке) – а так же и второго назначенного, место это принял третий кандидат – Петр, митрополит Крутицкий, (передавший позднее свою власть волею или неволею, митрополиту Нижегородскому Сергию).

В 1930–31 году м. Кирилл оказывается в Гжатске*, где отбывает ссылку, или «минус шесть» до 1937–1938 гг., откуда негласно руководит всем отколовшимся от митрополита Сергия православным (в отличии от обновленцев и прочих толков) духовенством, с послушными ему мирянами. Движение это новое, чрезвычайно благоговейное и глубоко тайное, берегущее своих выдающихся вождей и, поэтому сказать о нем можно очень немного.

Среди духовенства немало монашествующих, что достойно замечания, потому что к среде обновленцев и живоцерковников монашество не примкнуло, чем всего более обличается неправда этих раскольников. К иосифлянам почему-то примкнуло много (большинство)

* Митрополит Кирилл (Смирнов) был освобожден из Туруханской ссылки 19 августа 1933 г. и в конце 1933 г поселился в Гжатске (в доме 102 по Бельской ул.)

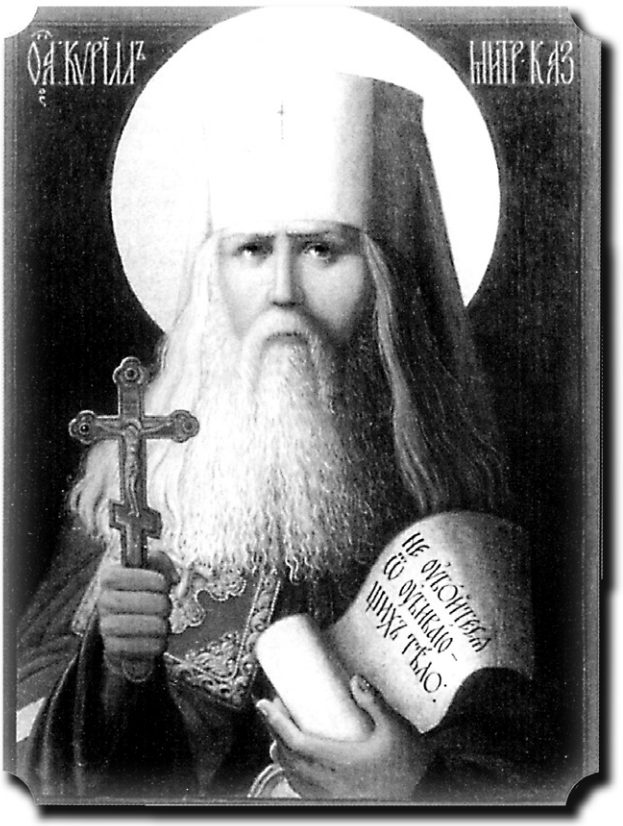
монахинь, монахов же, наоборот – почти нет. Так было, по крайней мере, в Ленинградской области.

Почти все духовенство, примкнувшее к митрополиту Кириллу, запрещено в священнослужении митрополитом Сергием, как и сам м. Кирилл. Те священники и иеромонахи, которые избежали ссылки, проживают тайно от властей, укрываясь у доверенных лиц, бесстрашных верующих душ, снимающих специальные помещения в пригородах, с лишней комнатой для своих «затворников», живущих истинно почти в затворе. Они не выходят днем на улицу, службу совершают ежедневно шепотом, не имеют ни паспортов, ни продовольственных карточек – истинные евангельские птицы Царя Небесного, не жнущие, и не сеющие и не собирающие в земную житницу.

А если надвигалась назойливая перепись или «всеобщие, тайные и равные» выборы, на дверь заветных комнат, во избежание непременного приглашения, навешивается на три дня замок. Однако, ночью пробираются в город, к своим духовным детям и к больным, разнося утешение.

Кроме этого основного, уже «скомпрометировавшего» себя перед властями духовенства, подготовлялось единственной кажется, Русской Церковью, в недрах этого движения священство новое, молодое, имевшее наследовать его крестный путь и мученический конец и смело шедшее всему этому навстречу – из преданных Богу, горячо верующих людей: студентов, служащих, врачей, техников, таившихся, как в светлые дни зари христианства – днем в одежде своего мирского призвания, а ночью совершающих святое служение Богу. И в целом ряде городов, лишенных последнего храма Божия, эта ночная литургия, где-нибудь в углу 7-ми метровой комнаты, ведущаяся шепотом, в присутствии 5-6 верных, была единственным богослужением, единственной жертвой благодарения, может быть, в самом сердце «престола сатаны». И в каком-же постоянном трепете, в постоянной мольбе должна была жить жена, семья такого, тайно принявшего сан молодого священника. Каким непрерывным горением должен был гореть он сам, агнец посреди волков.

За время пребывания своего в Гжатске митрополит Кирилл написал руководство тем мирянам, которые не вынесли двойственной политики митрополита Сергия и откололись, пастырей же единомысленных, по разным причинам, не имели. Оттуда же вел он осторожную переписку с многочисленными духовными детьми, посильно ему помогавшими.



Священномученик Кирилл,
Митрополит Казанский и Свияжский.
Современная икона

В 1938 (если не ошибаюсь)* году был он в Гжатске арестован и увезен в неизвестном направлении. Все попытки что-нибудь о нем нем узнать через служившую в его доме женщину, окончилась исчезновением также и этой женщины.

Заменил ли его кто-нибудь в возглавлении основанного им церковного движения, – не знаю. Так же терпеливо и тихо продолжают свое дело его единомышленники, пламенно ожидая, когда же им можно будет вынести свой свет и свою святыню из подполья, пока же принося свой плод в терпении. Зовут они свою Церковь «Восходящей».

В числе их о. В., один из священников кафедрального собора, человек истинно благочестивый, достойный пастырь душ и прекрасный семьянин, в числе других попавший в тюрьму и на принудительное строительство канала Москва-Волга. Применив там свои фельдшерские знания, остался он помогать своим братьям и по истечении срока своего «наказания» добровольным лекпомом (помощник лекаря). Туда же к нему, после многих мытарств, перебралась семья – жена и трое дочерей. Несмотря на преданную делу беззаветную работу, через два года он был снова арестован и выслан «без права переписки». Семья выгнана из казенного помещения при канале.

* Владыка Кирилл был вновь арестован в Гжатске 14 июля 1934 года.

Свободу во Христе возлюбившие

Странники и юродивые в Советской России

Часто слышится мнение, что святая Русь умерла, огнем и мечом уничтожено Православие, погашена вера, вытравлено в сердцах все святое. Еще недавно русский не смел назвать себя русским, слово «Россия» было изгнано. Остались лишь обезличенные граждане Советского Союза. Храмы заперты. «Вера... Кто верит теперь? И что такое «вера»? Старушонка, крестящаяся под общий хохот при выходе из дома, или на развалины храма. «Поп», спешно идущий по улице, как сквозь строй, провожаемый градом насмешек, комьев грязи, камней. Какая уж тут «Святая Русь»!

Ибо, если за рубежом люди, не имеющие представления о сущности большевизма и увлекаются иллюзиями по поводу «эволюции» большевизма в сторону религии и патриотизма, – человека подсоветского не обманешь (или уж очень наивен должен быть). Знает он, что лишь пройдет нужда, гонение обрушится на доверчивых с новой удесятеренной силой.

Случилось мне слышать и публично высказанное одним, только что приехавшим из России профессором мнение, что «юродство – явление историческое, в настоящих условиях в России невозможное. (Моментально забрали бы за бродяжничество)». – И еще: «в Сов. России давно ни одной духовной книги достать нельзя было...», – так могут говорить только люди, хотя и живущие в России и, даже, может быть не враждебно к вере настроенные, но совершенно не знающее истинного лика Руси.

С.-Петербург. Киево-Печерское подворье на Николаевской набережной. Фото 1910-х годов

Странным может эти показаться на первый взгляд: как это жить в России и не знать ее?

Россия разделилась как бы на два слоя: верхний –официальный, советский и нижний слой – Русь истинная, сокровенная. Живущие в верхнем слое, зачастую тоже под невыносимым гнетом изнемогающие, граждане, н не подозревают о существовали потаенной Руси. А там – живо и действенно древнее Православное благочестие, и вера святая от гонений только ярче разгорается. Лишь ушла Русь от взоров нечестивых в глубины духа человеческого, сокрылась, как Китеж-град. Но чистая, ищущая Бога душа услышит звон колоколов невидимых миру храмов и найдет к ним путь.

Великая мгла покрыла родную страну, но свет веры православной и во тьме светит, и тьма его не объят...

Мгла эта потоками злобы нечеловеческой заливает мир, но народ богоносец из страны безбожной призван нести святой огонь Православия погибающему миру. И вечно будет этот свет светить, и тьма не обымет его?..

Живы в душе моей бескрайные просторы земли родной. По прежнему бредут по ней, – странствуют Христа ради нищету подъявшие, мира и суеты его тягостной отвергшиеся, свободу во Христе возлюбившие. Бредут с сумой и посохом, творят молитву Иисусову, именем Христовым питаются, как птицы небесные, – не от мира сего безумного. Слышат зов Господа, идут, идут Христа ради юродивые, взывают к посту и покаянию, идут в самом юродстве своем такие родные, близкие и понятные сердцу русскому.

И нет им дела до насмешек, – не слышат они их. Идут, творят себе молитву Иисусову, града небесного взыскуя. Каждый из них не раз бывал в тюрьмах, взятый «за бродяжничество». Но речи их являли премудрым века сего – юродство, и безумие их. А бесстрашные обличения его подтверждали. Кто нормальный решился бы на такие речи? А так как дома для умалишенных в Сов. России безнадежно переполнены, то подержав их со смехом и угрозами выгоняли. А они перекрестятся и дальше идут, несут правду Божию, тревожат косные сердца, будят спящих.

Не раз приходилось мне видеть таких странников и беседовать с ними. Некоторые наружно ничем не отличались от окружающих, как например «брат Михаил», приходивший в наши края, примерно раз в год, дававший мне читать Игнатия Брянчанинова. С виду средних лет крестьянин, в полугородской опрятной одежде, – но бездомный скиталец, делатель молитвы Иисусовой. Или одна немолодая девушка из интеллигентных, незадолго до смерти моей матери появившаяся у нас и рассказы-

вавшая, что побывала в нашей фамильной усыпальнице в Новгороде, в Покровском монастыре, как бы привет из потустороннего мира ей принесшая. (Странно: она нас совершенно не знала, а запомнила фамилию, начертанную на усыпальнице и нам рассказала).

Но вот старец, имени которого я не помню, часто появляющийся в Киевском подворье в Ленинграде, в 1930–1932 годах, словно сошедший с картины Нестерова «Святая Русь». Худой, слегка согбенный, с бледным лицом, длинными белоснежными волосами и бородой. В долгополом старом армяке, в лапотках и с сумой за плечами. В руках посох с серебряным набалдашником. На груди большой медный крест. Женщины в церкви робко и почтительно подходили к нему, застенчиво совали монетку, просили помолиться, называя имя. Он светло всем улыбался, шепча молитву и часто монетки эти давал нищим, толпами стоящим на паперти.

Вот «брат Михаил», как его называли, тоже появлявшийся в Киевском подворье в 1930–1934 годах. Высокий и худой, не старше 30–32 лет, с длинными до плеч темными вьющимися волосами и бородой. Тонкое иконописное лицо Ивановского «Иоанна Крестителя». На нем длинный белый балахон и лапти. На груди крест, в руках посох. За плечами котомка. Однажды видела я, как он неспешно шел по набережной. За ним с криком и хохотом бежали мальчишки. Он остановился и только поглядел на них молча своими большими строгими глазами. Мальчишки мгновенно исчезли.

Около 1930–34 годов известен был также в Петербурге юродивый, еще сравнительно не старый человек, приютившийся возле Новодевичьего монастыря в Петербурге, в котором жило еще несколько сестер. Имени его не помню*. Для него будущее не имело тайн. Говорил он всегда как нибудь иносказательно или какими нибудь, на первый взгляд странными действиями. О нем рассказывали много. Запомнился один случай. Зашел он однажды в одно из помещений монастыря, где сестры как раз белье гладили. Забравшись на одну из гладильных досок, вытянулся на ней, скрестив на груди руки, изображая покойника, – к немалому негодованию сестер. Через пару дней одна из работавших сестер скоропостижно скончалась. Сам он тоже вскоре умер.

Были и другие, более или менее юродствующие. открыто носящие на груди иконы или крест. В Царском, например, каждое утро на площади перед развалинами собора появлялась какая-то женщина, всенародно становилась на колени и долго молилась, не замечая насмешек, ругани и угроз. И, наконец, знаменитая «Ленушка – Мокрая Голова». Но с ней мне привелось

Царское Село.Екатерининский собор. Вид с юго-восточной стороны. Фото 1910-х годов

познакомиться ближе и потому хочу рассказать о ней подробнее.

«Ленушка – Мокрая Голова»

Знаешь, – однажды взволнованным шепотом заговорила со мной Мария Алексеевна, когда я вечером по пути с работы, забежала к ней, – с Ленушкой-то я познакомилась! – добавила она едва слышно, озираясь в сторону полуотворенной двери, за которой сидел ее муж, – вот хорошо-то, что зашла!

Мария Алексеевна N-ва, соседка моя, занимала с мужем верх хорошенького деревянного, окруженного елями и соснами домика. Это была одна из тех чистых, горящих, одним Богом живущих душ, огонь униженной ревности которых не могли погасить ни беды, ни суета замужней жизни, ни постоянные издевательства, иногда даже побои мужа, за приверженность к святой вере Православной.

Настоящая подвижница в миру, с постоянной молитвой на устах, отдалась она всем существом своим Господу и делам милосердия. Ни разу раньше не приходилось мне встречать человека, который бы так радостно, при первой вести о нужде готов был отдать все, до последней нитки. Муж из себя выходил, но исправить ее не мог.

Была она из когда то очень богатой купеческой семьи. Отец ее совершенно разорился, поручившись за товарища. Нищета не испугала его: с истинным христианским смирением принял удар, сказав только: «Господь дал, Господь и взял. Слава Богу за все». Не могу удержаться, чтобы не рассказать тут одного случая из ее ранней юности. Приехал как-то в город, где она

* Блаженный Гриша (Григорий Калинович Деянов; 1844–1932?), Христа ради юродивый, отличался прозорливостью. Около 1922 года появился в Воскресенском Новодевичьем монастыре. Арестован 29.03.1932. Не дал никаких показаний. Скончался через месяц после ареста в тюремной больнице доктора Гааза. – *Ред.*

жила с семьей, о. Иоанн Кронштадтский. Толпа окружала его по обыкновению. Отец Марии Алексеевны, которой было тогда 16 лет, сказал: «Не старайся проталкиваться к нему, чтобы подойти под благословенье. Достаточно если хоть сзади прикоснешься к рясе его». Мария Алексевна так и сделала. Маленькая и худенькая, незаметно пробралась в толпе и коснулась его рясы Но о. Иоанн мгновенно обернулся, почувствовав в толкотне прикосновение веры. Улыбнувшись, благословил, положив на ее голову руку.

Теперь Мария Алексеевна уже давно была замужем. Было ей уже 54 года, но душа ее, необыкновенно юная и свежая, заставляла забывать о ее годах. Детей не было. Пока муж был на работе, она принимала у себя странных и убогих, обмывала и кормила их с великим усердием. Бывало, что муж возвращался раньше времени, заставал ее врасплох, тогда разражались дикие сцены, и странники яростно изгонялись.

Про «Ленушку – Мокрую Голову», получившую свое прозвище за то, что куда бы она ни пришла, первым делом опускала голову под кран, слыхала я уже давно. Это была старая уже женщина, крестьянка, смолоду подъявшая подвиг юродства. Не имея своего угла, скиталась она по Петербургу и окрестностям его, ночуя то у добрых людей, а то и под открытым небом. Ходили рассказы о великой силе молитвы ее и о прозорливости.

Мария Алексеевна провела меня в свою крохотную комнатку. Перед угольничком со старинными иконами, с которого спускалось вышитое полотенце, кротко теплилась лампада. Узенькая железная кровать, пара стульев, маленький стол, – вот все ее убранство. Было чисто и как-то отрадно-уютно.

Иконостас Знаменской церквив Царском Селе. Фото 1920-х годов

Усадив меня поближе к печке, сама уселась рядом, – небольшая, худенькая, в своем опрятном темном платье и с платочком на голове, с бледным, очень моложавым лицом и большими, «не от мира сего» глазами она казалась молодой девушкой.

«– Зашла ко мне N. и приглашает к себе, – принялась она рассказывать:

– Ленушку ждем!

Знала ведь, что давно хотелось мне ее повидать. Собралась я идти, купила шоколадных конфет, чтобы ей подарить, да одну из них дома отложила. Пошла.

Прихожу к N. Все сидят, чай пьют, сидит и Ленушка. Поклонилась я, а она будто и не видит, – с хозяйкой разговаривает:

– Собралась это я старушку одну навестить. Шоколадных конфет в подарок купила. Да одну дома и оставила. Да дома-то хлопот очень много: рубашки себе батистовые вышиваю, да платье модное, – стала подробно фасон описывать.

Я сижу – ни жива, ни мертва. Это ведь она про меня говорит! Ведь и платье я точно такое себе шью и рубашки. Муж давно из себя выходит, на мой костюм глядя:

– Гости придут – стыдно за тебя!

– Вот я и решила, чтобы не сердился».

Это было первым знакомством Марии Алексеевны с Ленушкой.

Ленушка очень полюбила М. А. и стала всегда захаживать к ней, когда бывала в Царском. Мария Алексеевна каждый раз купала ее и стирала ее рубище, в котором та спала не раздеваясь.

Хотела она все и меня познакомить с ней, да я все что-то не решалась, – боялась прозорливости ее. В то время близкая мне душа брошена была большевиками в тюрьму. Никакие хлопоты не принесли ни малейшей вести. Мало было надежды, что она жива. И вот я, в немощи моей, все боялась, что Ленушка скажет мне что-то страшное, убаюкивала себя надеждами, боялась страшной правды, при одной мысли все холодило.

Кроме того не уверена была в Ленушке – истинно ли юродство ее? Не «слева» ли ее прозорливость?

Но М. А. не сомневалась в том, что юродством прикрывала Ленушка истинный тайный подвиг. И укрепляло ее в этой уверенности то, что Ленушка часто сама ходила к исповеди и причастию и всех постоянно к тому призывала.

Ленушка рассказала Марии Алексеевне, что юной девушкой бросила все и пошла странствовать по святым местам. Один старец в одном из монастырей (к сожалению память мне изменяет) при обстоятельствах, в которых ясно видна была воля Божия, благословил ее на подвиг юродства. И с тех пор, вот уже почти 60 лет,

она бродит по Руси.

Всюду, куда бы она не пришла, она первым долгом увещевала не есть мяса, каяться, почаще причащаться.

Познакомилась М. А. с Ленушкой за год до последней войны. Люди жили мирно. Ничто, казалось, не угрожало общему спокойствию. А Ленушка ходила, плакала и с глубоким волнением молила:

– Не ешьте мяса! Кайтесь! Молитесь! Причащайтесь почаще! Крови то! Крови сколько! Всюду кровь! – волнение ее все росло. – Великое разделение народа будет! Одна часть здесь останется, а другая далеко-далеко пойдет... А крови-то... Крови-то...

И горько плача, бессвязно говорила о грядущих страшных бедствиях.

Ее не понимали: Господь ее знает. Что за разделение? – Многие смеялись. Но М. А. тревожно задумывалась.

– Раз Ленушка говорит – значит правда. Но что? Как понять?!

Однажды Мария Алексеевна отправилась навестить заболевшую Ленушку. Приютил ее один профессор, глубоко верующий, иногда читавший в церкви апостола. Приютил в своей богатой квартире на Каменноостровском проспекте, несмотря на брезгливое возмущение и протесты жены. Сам убирал за ней и прислуживал ей, как умел. У него был Ю., небольшой сын, тихий застенчивый мальчик, тоже очень любивший ее.

Поднявшись по красивой лестнице, М. А. в нерешительности остановилась перед дверью. Ее смущало, как она войдет к таким «богатым важным господам». Не успела она еще позвонить, как дверь открылась, и маленький сын профессора пригласил ее войти.

Сидим мы с Ленушкой, говорил он, а она вдруг и говорит: «Там гостья ко мне пришла, перед дверью стоит, войти не решается»!

Ленушка обрадовалась М. А. Между прочем сказала:

– А мясо ты все-таки ела!

М. А. вспомнила, что пришлось ей однажды при гостях поесть мяса. А Ленушка из Петербурга видела!

Иногда являлась она М. А. во сне, и что-нибудь ей говорила. Потом при свидании повторяла или на эту тему говорила.

Однажды ночевала Ленушка у Марии Алексеевны Засидевшись за работой (шитьем) М. А. поздно ночью зашла в комнату, где спала Ленушка, чтобы что-то взять, да и видит к ужасу своему: лежит Ленушка мертвая. Руки, ноги – как плети, и холодная вся.

Что делать? Муж приедет – беда! Пока она ломала себе голову, вдруг встрепенулась Ленушка. Села на кровати. Смотрит пристально – Что испугалась? Померла думала? – Далеко была я... Смотри, никому не рассказывай…

Ленушка могла по своей воле покидать тело, чтобы явиться кому-нибудь во сне.

Интерьер Знаменской церкви в Царском Селе. Фото 1920-х годов

Однажды шла я домой по улице своей. С двух сторон легкие деревянные домики утопали в зелени садов. Прямо виднелась полуразрушенная Царская ветка и, сквозь проезд – далекие поля до самаго Петербурга. Любила я улочку свою.

Вдруг мне навстречу, – сразу догадалась, – Ленушка (До тех пор я ее еще ни разу не видела). Издали она казалась толстой, так как под рубищем своим она носила массу разных бутылок, некоторые из них спускались из под ветхой кофты на веревочках. Все это гремело при каждом шаге. На веревочках же разной длины висели и волоклись за ней комки старой газеты и из всех карманов торчали такие же комки газеты, узелки, – не весть что.

Шла она легкой походкой, словно на кончиках пальцев, опираясь на палку, покачивалась в стороны, слегка подавшись вперед. Голова повязана старой тряпкой. Лицо худое, сильно загорелое и обветренное. Глаза глубоко впалые, широко раскрытые. Мудрые, незабываемые глаза. Страшно заглянуть было в их глубину. Острый взгляд их словно пронизывал душу.

Бормотала на ходу что-то, словно сердито поравнявшись со мной, махнула рукой. Пройдя несколько шагов, я невольно обернулась. В тот же момент обернулась и она и снова пронзила меня своим острым взглядом.

Я не ошиблась. Это была Ленушка. Через несколько дней я встретила ее у М. А. и познакомилась с ней. На этот раз она казалась простой доброй крестьянкой, с умным хорошим лицом.

Я дала М. А. маленькую иконку преп. Сергия своей работы для передачи в больницу умирающему нашему о. Сергию*. Ленушка попросила показать ей. Поглядела, перекрестилась, поцеловала, отдала. Говорила совсем просто.

---

* Священник Сергий Васильевич Сырнёв (3.04.1858–1938?) Рукоположен во священника 9.09.1884. До 1919 года служил в различных храмах Вятской епархии. С 31.08.1919 служил настоятелем Софийского Собора в Царском Селе. С 1929 по март 1938 г. служил настоятелем Знаменской церкви в Царском Селе.

На другой день я пошла в церковь. Алтарь ремонтировался, и потому слева было отгорожено место, и поставлен временный престол. Рядом с аналоями стояло несколько певчих, среди них и я.

Вдруг вижу,– идет Ленушка. Подошла прямо ко мне, просит позвать батюшку – поисповедаться. Я передала ее просьбу псаломщику и вскоре вышел о. Иоанн* с крестом и Евангелием.

О. Иоанн имел обыкновение очень громко говорить во время исповеди. И на этот раз он первым дело громко спросил:

– Чайку-то пила утром?

– Пила, батюшка, – также громко говорит Ленушка.

– Так что ж ты, аль не знаешь что перед Причастием есть нельзя? Иди! Иди! Другой раз придешь!

– Слабая я, – говорит Ленушка. Сердце болит!

– Иди, иди! – строго повторил о. Иоанн, взял крест и Евангелие и ушел.

Ленушка покорно отошла, подошла ко мне и жалобно так говорит:

– Не разрешил батюшка-то! – А сама как-то пытливо в глаза заглядывает. А псаломщик наш — хохол, гусар бывший, смеется хитро и громко говорит:

– Подвижница-то наша! «Чайку» попила!... А еще подвижница!

Рассказала я потом все это М. А.

– Господь ее знает! – задумчиво промолвила она, –У нее ведь все неспроста.

Мне кажется, что тут Ленушка нарочно разыграла все это перед народом, зная, что многие почитают ее великой подвижницей.

Однажды Мария Алексеевна видела сон: Просыпается будто в комнате своей, садится на кровати, пораженная ярким светом. А перед ее образами, воздев руки, молится Ленушка, в белоснежной одежде, вся пронизанная светом.

При следующей встрече Ленушка неожиданно говорит М. А., не дожидаясь ее рассказа:

–Ты смотри, никому не говори, как меня ночью видела…

Огненной бурей прошла по Родине небывалая война, заливая ее потоками крови. Рушились и пылали города, бесценные памятники старины и искусства обращались в прах. Смерть торжествовала. Неслыханным голодом, ливнем снарядов и бомб настигала она обезумевшие толпы беженцев, бросавших родные гнезда, терявших все дорогое сердцу; подстерегала на каждом шагу.

Люди пухли от голода, умирали в страшных муках. Появилось людоедство: заманивали и убивали детей, в безумии отрывали давно зарытые трупы убитых лошадей, или исковерканные снарядами человеческие трупы.

Сотнями тысяч уходили работать на чужбину. Другие оставались на истекающей кровью Родине на смерть.

«Один возьмется, другой оставится»... Вот когда исполнились слова Ленушки о разделении.

Юродивая Дунюшка

В районе Старой Руссы, среди почти непроходимых болот, подруга моя Нина N-ва (вокруг которой группировалось братство, после получившее название Ихтиофоров), набрела в 1936 г. в лесу на полуразвалившуюся хижину, в которой спасался неизвестный никому старец отшельник, высокодуховный и мудрый. В нескольких верстах от места этого, в избушке, жила некая юродивая. Ходить она не могла. Звали ее Дунюшка. За много верст ходили к ней. Отличалась поразительной прозорливостью. Потому крестьянки решались ходить к ней только уже после исповеди и причастия, т. к. иначе она при всех обличала их самые тайные грехи. Все, что ей приносили, она сливала в один горшочек: тут было вместе и соленое, и сладкое. От того, что копилось это в одном горшочке постепенно, давно заплесневело и прокисло. Этим она угощала посетителей, и сама питалась. Никто из посетителей не решался поесть ее угощения, но Нина ела. Ей она с поразительной ясностью и точностью раскрыла ее внутренний мир и сделала несколько предостережений, называя даже имена, что впоследствии в точности и исполнилось. Ее дальнейшая судьба неизвестна.

Новгород. Покровский Зверин монастырь, на кладбище которого находился родовой склеп семейства Китер

---

*Протоиерей Иоанн Лаврентьевич Коляденко (25.05.1873 – после 1944). До 1904 г. – сверхштатный диакон церкви Третьего Стрелкового Императорской Фамилии полка в Царском Селе. Рукоположен 28.02.1904 г. С апреля 1938 года служил вторым священником Знаменской церкви. В 1942-1943 гг. совершал богослужения во дворце кн. Кочубея в Софии, куда были перенесены богослужения из Знаменской церкви), а также в храмах Павловска (в Никольском соборе и в кладбищенской церкви свв. Иоакима и Анны) и в Тярлево. Проживал в Тярлево на Новосадовой улице. Остался на родине. Судьба его после сентября 1944 г. неизвестна.

В Царском Селе

...Напишу я кое-что о нашей катакомбной церкви и ее деятелях за последнее предвоенное время в бывшем Царском Селе, где до 38-го года было еще два открытых храма: городской собор во имя великомученицы Екатерины и церковь (бывшая придворная) Знамения Божией Матери; оба храма Екатерининского времени*. Службы совершались ежедневно утром и вечером, и много чудес видели и испытали молящиеся пред чудотворными иконами – исторической Знаменской Новгородской**, целителя Пантелеймона с мощами***, «Всех скорбящих Радости»**** и даже вне этих явленных святынь.

Так например, к Пасхе 35-го года мне трудно было достать муки на кулич. «Та, которую достали, оказалась не вполне доброкачественной, и все же сделали из нее 3 куличика – для батюшки, для одной бедной семьи и для себя, и еще маленькую пробную булочку, которая показала, что печенье вышло совершенно невкусное – горькое, с затхлым запахом, поэтому батюшке постеснялись дать, высушили на сухари вместе со своим, а третий кулич все-же отдали, т. к. люди были очень бедны и неразборчивы в еде. Этот кулич они снесли к Светлой Заутрени, после которой освятили его вместе с красным яичком, освященным и разговелись. Каково

Царское Село (Детское Село). Екатерининский собор. Фото 1920-х годов

же было их радостное удивление, когда кулич оказался очень вкусным и без всякаго дефекта. Благодать Божия очистила его. Радостно благодарили Господа за чудесное знамение в Светлую Христову ночь.

Вот человек, недавно уверовавший, но горячо молившийся за чтением 12-ти евангелий в Великий Четверг, выходит со всеми после службы из собора и видит, что люди несут домой свечечки с «четверговым» огоньком, кто в фонарике, кто в удобно сделанном свертке бумаги. Он не учел этого заранее, у него ничего не было в защиту своего огонька. Попросив у соседа кусочек бумаги, он сделал из него лишь маленький щиток, с которым и вышел на паперть. Но слабое сооружение было моментально вырвано из рук сильным ветром, и пламя свечечки безпомощно замоталось: вот-вот погаснет. Сердцу стало очень больно в этот момент за свою оплошность, за свою неосмотрительность. Но прошла секунда, а огонек не гас, хоть пламя его трепало в разные стороны порывами сильного ветра. Страстное желание зажгло веру в возможность чуда в сердце этого недавнего, но уже искреннего члена Церкви, оно все загорелось молитвой ко Господу о даровании радости – донести домой святой огонек. Через минуту трепетная надежда стала уже твердой уверенностью, и он спокойно и победно нес свою горящую свечу в протянутой руке, ничем не защищенную, пламя которой продолжало трепетать на ветру, но не погасло в течении 12–15 минут, во всю дорогу домой. Велика была благодарность умиленного сердца, получившего от Господа чудесное знамение в укрепление его недавней, еще немощной вере.

Вот врач – прихожанин собора – пришел на ночное дежурство в больницу. Сделал обход палат, заперся в комнате «дежурного врача». Вынул и уставил на столике у кровати принесенные с собой иконочки, налил из пузырька масло в

---

* Знаменская церковь построена в XVIII веке повелением цесаревны Елизаветы Петровны, и закончена постройкой уже когда та была Императрицей (строилась в 1734–1747 гг., арх. М.Г. Земцов и И.Я. Бланк). В связи с близостью Екатерининского (Большого Царскосельского) дворца часто была местом богослужений, совершавшихся в Высочайшем присутствии, в том числе и в Екатерининскую эпоху.

Екатерининский собор, стоявший на Центральной (Соборной) площади Царского Села, был заложен по повелению Императора Николая I и строился в 1835–1852 гг. по проекту архитектора К.А. Тона. Был закрыт в марте 1938 г. и через год, в ночь на 10 июня 1939 г. взорван. С 1960 по 2004 г. на его месте стоял памятник В. Ульянову (Ленину), в апреле 2004 г. сброшенный с постамета неизвестными. С 2006 г. ведется восстановление собора по его первоначальному проекту на историческом месте.

** Чудотворная Царскосельская икона Божией Матери – чтимый с елизаветинского времени (XVIII в.) список с новгородской иконы Божией Матери – Знамение. Помещался в Знаменской церкви Царского Села. Изъятый большевиками в конце 30-х гг. чудотворный образ изчез. В Знаменской церкви с 1938 года помещался чтимый список с него, происходивший из царскосельского Екатерининского собора. В годы войны был вывезен в Латвию и позже был помещен в храме С.-Петербургской Духовной семинарии.

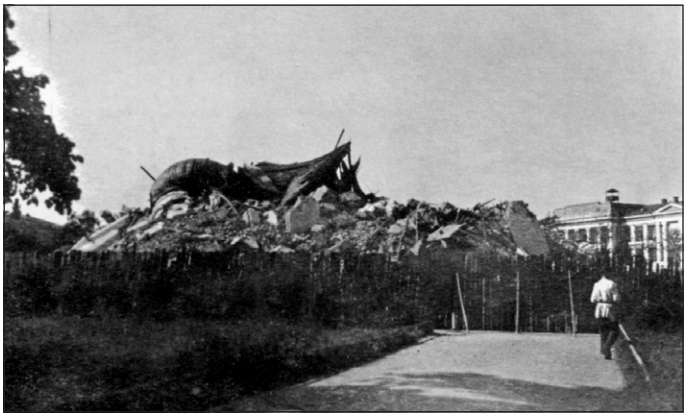
*** Образ святого великомученика Пантелеимона с нагрудной частицей его мощей был пожертвован в Екатерининский собор 20 августа 1871 г. вдовою придворного лакея Агафьей Констатиновой. И помещался у правого переднего пилона храма. До 1938 г. образ находился в Царскосельском Екатерининском соборе, позже – в Знаменской церкви. Вместе с эвакуированными немцами жителями Царского Села был перевезен в Гатчину, где находится в Павловском соборе и по настоящее время.

**** Образ Божией Матери «Всех скорбящих Радости» составлял главную святыню храма дворцового госпиталя в Царском Селе. Был написан академиком К.А. Горбуновым и «украшен сребропозлащенной ризой с драгоценными камнями». После закрытия храма в феврале 1930 года был передан в Екатерининский собор, а затем, после его закрытия – в Знаменскую церковь. В 1943 г. был перевезен в Гатчину.

Разоренный Екатерининский собор . Интерьер 1938 года

походную лампадку и стал ее зажигать. Но дело на этот раз не клеилось: лампадка то начинала сильно коптеть, то при уменьшении фитиля – совсем гасла. Не понимая в чем дело, и потеряв терпение от бесплодных стараний, врач обращается с горячей молитвой к тем, лики которых стояли пред ним на принесенных иконах – Пречистой Богоматери и св. Архистратига Михаила, – обращается просто, по детски, что ведь святой тайный уголок созидается в месте, откуда давно изгнана всякая святыня, и многим верующим, здесь лежащим и страждущим, не на чем успокоить свой взор, измученный страданием, тоскующий, и если им желательно, чтобы этот уголок, ими осененный, стал средоточием молитвы за всех здесь находящихся болящих, то пусть сами они зажгут себе этот светильник, символ сердечной молитвы. Вслед за тем, зажженный спичкой засветился фитилек лампадки ровным, ясным огоньком и горел до утра. Врача не тревожили в эту ночь, в больнице все было спокойно.

Вот женщина. Сердце ее переполнено глубокой, мучительной скорбью: любимый муж, с которым сжилось, сроднилось скорбящее сейчас сердце за долгие годы, ей изменяет, и покидает – завтра. Кажется, что этого страшнаго «завтра» не пережить, т. к. вся душа разрывается безнадежной мукой, почти физической болью. И все-таки сохраняется сознание, что эта отчаянная скорбь оскорбляет



Царское Село. Екатерининский Собор после взрыва. Июль 1939 года

Бога, является как бы немым протестом Его святой воле. И вот – еще до ранней литургии, до рассвета – она несет и горе свое, и смущение о нем в храм Божий и слагает у креста и Евангелия. Она почти не сознает, не слышит и потом не помнит, что говорит ей, чем утешает ее долго-долго ее духовный отец, не помнит совсем и бывшей затем ранней литургии, за которой она причащается св. Тайн Христовых, но вкусив Их, она приходит в себя и совершенно успокаивается. Она чувствует, что бремя скорби ее, казавшееся невыносимым, непосильным, стало совсем легким, и после молебна пред праздничной Казанской иконой Царицы Небесной, она пошла домой с глубокой благодарностью ко Господу, обновившему ее в Своих свв. Тайнах, без тени горечи к виновнику несчастья, готовая с улыбкой встретить и начать новую страницу своей жизни, с полным спокойным доверием к воле Господней.

Так молились мы, и молились о нас наши пастыри – подвижники, истинные отцы чад своего стада духовного. Мы жили одной душой. Наша домашняя жизнь не отделялась от церковной, она освящалась и освещалась ею и вместе с нею составляла одно, и чем теснее нам было совне, чем тяжелее становились бытовые и служебные условия, тем наша связь с Церковью становилась крепче, неразрывнее.

В 38-м году была перепись населения Пушкина (бывш. Царское Село). В анкете стояла фраза: «веру-ющий или неверующий», причем и в печати и изустно предупреждалось – не бояться этой графы, за которую не будет никаких неприятных последствий. Результат этой переписи был совершенно неожиданный для властей: подсчет дал 80% «верующих». В действительности эта цифра была еще выше, т. к. все же не все поверили уверениям и были откровенны.

После этого вскоре закрыли, а потом и взорвали Екатерининский собор. Закрыли в субботу 3-й недели в пост, накануне крестопоклонной недели, которая для нас стала сугубо крестоносной.

Пишу вам обо всем этом по двум причинам. Во первых – «что у кого болит, тот о том и говорит», болит сердце, тоскует о дорогом прошлом, хоть и благодарит Господа за него. А во вторых, хочется немного познакомить вас с бывшей нашей церковной жизнью, хоть и в советское время. Ведь издали людям казалось, что у нас и вовсе этой жизни не было, что мы совсем одичали. Нет, внутри «советского рая» был свой рай – истинный, – где мы отдыхали о тяготы внешнего, где набирались сил и бодрости в условиях этого последнего. Может быть, что-нибудь из написанного Вам и в газету пригодится.

Живо представила я себе, как у Вас в храме совершается великопостная служба. Как люблю я ее! Больше двадцати лет – с 21 по 42 год – читала и пела я на клиросе, из них 17 лет – в Екатерининском соборе. Моим обязательным послушанием было чтение праздничного канона. Какая это была радость! Давно уже я лишена ее. А нынче в N…

ской церкви великопостная литургия совершалась всего 3 раза за пять с половиной недель, а в другие дни часов и вовсе не было. Батюшка живет в Риге и только приезжает сюда на некоторые службы, поэтому клирос, к сожалению, плохо знает службу. Дома утешаюсь чтением паремий на каждый день, в Библии есть указатель.

В Царском Селе у меня была большая духовная библиотека и все богослужебные книги, а здесь в изгнании – одна Библия и молитвенник, даже Часослова нет. Все там сгорело. Всю жизнь, (а мне уже 64-й год) я работала как врач, очень много, имела по нескольку служб сразу, но Господь всегда помогал мне так располагать служебные обязанности, чтобы для богослужений, для храма Его, место оставалось. В настоящее время у меня официальной службы нет (первый раз в жизни), живу лишь частными больными, которые и ко мне заходят и к себе зовут; зато дает Господь мне время для чтения, благодаря чему прочла всю Библию подряд, чего не сумела сделать раньше, т.к время для чтения имела лишь урывками. Благодарю Господа за эту радостную возможность. Проследив последовательно всю историю «жестоковыйного» народа, еще ярче, виднее становится жестоковыйность собственной души, всегда Господу изменяющей, не доверяющей, несмотря на все явленные Им милости и чудеса, которыми всю жизнь жила, начиная с семилетнего возраста, когда на мои настойчивые обращения к иконе Спасителя с вопросом о том, любит ли Он меня, лик Его мне улыбнулся, – и сейчас живу этими чудесами и милостями.

Часовенка на Николаевском мосту

(Из письма)

Когда я приехала с матерью в Петербург (в 1930 г.) весь город еще говорил от поразительном случае, бывшем зимой 1924 г.:

На Николаевском мосту, что перекинут через Неву, ближайшем к заливу, стояла часовенка и на ней видной итальянской работы мозаичный образ свт. Николая, во весь рост, очень чтимый в народе. Часовенка эта была поставлена после знаменитого страшного наводнения, 100 лет назад*, как бы в ограждение от губительных волн. Для большевиков она была, конечно, нестерпима и была предназначена к слому, но пока что только закрыта. Образ еще не был вынесен.

Прохожие стали замечать, что в закрытой часовенке теплится лампада, и видна сквозь окна молящаяся склоненная фигура. Слух об этом дошел до властей.

Четыре милиционера вошли в часовню и нашли там молящегося неизвестного старого человека. В самых грубых выражениях велели ему следовать за собой.

Он молча повиновался. Заинтересованный народ окружал это шествие. Когда дошли до конца моста – старец на глазах у всех внезапно изчез. Можно себе представить, какое впечатление произвело это на народ и даже милиционеров.

Поразительнее всего то, что в тот же год, после того, что был удален образ, страшное небывалое наводнение затопило Петербург. По силе своей оно превзошло даже бывшее 100 лет назад, после которого была построена часовенка. Что удивительного? Заграждение волнам было уничтожено.

* Благовещенский (с 1855 г. – Николаевский мост через Большую Неву был построен в 1843–1850 гг. повелением Императора Николая I (инженер С.В. Кербедз, архитектор А.П. Брюллов). Часовня свт. Николая между разводными пролетами моста была сооружена по проекту арх. А.И. Штакеншнейдера в 1854 году.

Владыка Стефан (Бех)*

Приехали мы с мамой моей в Петербург в 1930 г., после десятилетнего отсутствия. Мама была пенсионеркой (за долголетнюю педагогическую деятельность) и назначена на переосвидетельствовавание Врачебно-Контрольной Комиссией. Пенсии получала, не помню точно – не то 12, не то 18 руб в месяц. Поехала она темным морозным утром и вернулась лишь поздно вечером, полумертвая от усталости. Весь день во рту у нее ни крошки не было.

– Врач нашел у меня рак и велел немедленно делать операцию, – сказала она, в изнеможении опускаясь на кровать.

Сердце дрогнуло. Но постаралась совершенно спокойно сказать: Завтра же пойдем. Если рано захватить, – это не опасно.

Бодро говорила на эту тему. Мама была спокойна.

Без особых затруднений удалось поместить ее в больницу.

Вечером зашла ко мне соседка по комнате, одна очень верующая интеллигентная старушка, Вера Александровна Арбузова, жившая с дочерью своей, Мусей, сестрой милосердия.

К этому времени не имела я еще понятия об истинной духовной жизни, и недавно лишь, «назло большевикам» стала ходить в церковь. Душа давно чего-то искала, жизнь казалась бесцельной. В 18 лет нападало подчас тяжелое раздумье, лишавшее силы жить. Для чего двигаться, работать, учиться, искать, надеяться на что-то, если – все равно – смерть? – Тут путь мой скрестился с теософами, и мне, не знающей истины, учение это показалось откровением. Должна добавить, что с 9 лет росла я вне благодетельного влияния глубоко и искренно верующих родителей.

Когда начались гонения на Церковь, я, из возмущенного чувства протеста, стала посещать храм, там отдыхая душой (хотя не имела и представления об истинной жизни духа). В храме только и чувствовала себя в России – настоящее бесследно исчезало.

И вот Вера Александровна пыталась наставить меня па путь истинный, но я не очень-то поддавалась, самонадеянно опираясь лишь на свой опыт.

– Знаете, Ната, (так она называла меня), – Хочу предложить вам попросить владыку Стефана, – помните, я вам рассказывала о нем, – помолиться о Вашей маме. Пойдемте завтра на Песочную** (в церковь, где он обычно бывает).

---

* Сохраняются орфография и пунктуация автора.

** Речь здесь идет о храме Преображения Господня (б. л.-г. Гренадерского полка) на Песочной улице (ныне ул. проф. Попова) – на Аптекарском острове.

Епископ Стефан (в миру – Валерий Степанович Бех), родился в 1872 г. в Житомире. В 1897 г. – окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. С 01.07.1899 по 1901 гг. служил земским начальником Яренского уезда Вологодской губернии. С 1901 г. – законоучитель церковно-приходской школы. 20 декабря 1903 г. – пострижен в мантию с именем Стефан. 5 ноября 1906 г. – рукоположен во иеромонаха. В 1907 – окончил Московскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. В 1908 г. – помощник смотрителя Соликамского Духовного училища, с июля 1911 – Менгрельского Духовного училища, в сане архимандрита. В 1913 г. – смотритель Каргопольского училища и военно-морского для духовенства училища. В 1914–1915 гг. – протопресвитер военно-морского духовенства. С 1915 по 1918 гг. – смотритель Каргопольской Духовной семинарии. В 1918 – 1920 гг. – архимандрит Александро-Невской Лавры. В 1919 – арестован в Петрограде. 26 сентября 1921 – хиротонисан во епископа Ижевского. Вновь арестован 9 ноября 1922 года и 27 декабря приговорен к 2 годам ссылки в Нарымский край. В начале 1924 г. – заключенный в Таганской тюрьме. С 1924 по 1926 гг. – в заключении в Соловецком лагере особого назначения. Не признал местоблюстительских полномочий митр. Петра (Полянского). Освобожден из лагеря в августе 1926 г. Осенью 1926 года – проживал в Ленинграде, в. у. Вятской епархией. После Декларации — в оппозиции митр.Сергию. В начале 1928 – запрещен им в священнослужении. В 1929 г. опять арестован в Ленинграде. Приговорен по ст. 58-10 УК РСФСР к 3 годам ссылки в Северный край. Отправлен в с. Помоздино Коми АССР. 7 сентября 1932 г. – арестован в ссылке. 21 апреля 1933 приговорен к «ВМН» с заменой на 10 лет тюремного заключения. 26 марта 1933 – скончался в тюрьме (по другим сведениям—расстрелян 13/26 апреля).

Я не особенно надеялась на молитвы незнакомого епископа, но – за что не схватишься, когда горе нагрянет?

На следующее утро мы отправились втроем к обедне.

Во время службы заметила я недалеко от себя, среди молящихся, старенькаго худощаваго монаха в ветхой заплатанной ряске. Профиль аскетически-бледного лица, жидкие пряди седых волос из-под старенькой потертой скуфейки. Что-то все влекло меня глядеть в его сторону.

После службы Вера Александровна обратилась ко мне, указывая на старца: «Это и есть Владыка».

Народ стал толпиться к нему, подходя под благословение. Образовалась длинная очередь. Встали и мы.

Никогда раньше я не целовала руки священника, а тут заметила, что большинство не только руку Владыки целует, но и земно ему кланяется. Я была смущена. Странно и дико казалось все это, растерянность охватила. Как быть?

Но пока я была в нерешительности, вдруг увидала себя уже стоящей перед Владыкой. Подняла на него глаза, встретила взор его... Что тут со мною сталось? Взор этот проник в самую глубину души моей и сразу, как вспышка молнии, осветил ее. Сразу увидала всю черноту свою и всю его святость. Вдруг почувствовала святость. Чувство было ново в необычайно, и поразило меня, как удар.

Плача, упала к ногам его и не могла успокоиться. И на его участливый вопрос, могла только пробормотать: Помолитесь, Владыко, о маме. Она очень больна.

– А чем больна?

Я сказала. Владыка поморщился и покачал головой.

– Хорошо, но и Вы сами молитесь.

– Не умею я, Владыко.

– Как умеете. Вместе будем молиться.

Вернулась домой как-то успокоенная.

Операция была назначена утром, как раз во время литургии.

Прямо из церкви помчалась в больницу. Что застану? Жива ли?

В страхе и волнении входила в палату.

С койки, издали, улыбаясь, кивала мне мама. Слабая, но в полним сознании и бодрая, как всегда.

Рассказывала мне Муся Арбузова:

Врач ее, как сестру, предупредил, что боится, что больная под ножем умрет.

Вы понимаете, эфир нельзя дать из-за легких, хлороформ – из-за сердца. Выбрали наименьшее зло – эфир (У мамы был порок сердца, огромное, двухстороннее расширение аорты, грозившее при малейшем напряжении моментальной смертью, и застарелый туберкулез легких).

Последнее, что слышала мама, засыпая, – это слова профессора: Здесь нужна особая быстрота.

Но операция прошла не только благополучно, но даже не было нагноения, от которого погибало так

С.-Петербург. Храм Преображения Господня Лейб-гвардии Гренадерского полка. Фото 1910-х годов

много больных, и даже температура не повысилась. Маму выписали через две недели. Швы зажили, словно после простого пореза у молодого здорового человека.

– Ничего не понимаю, – разводил руками профессор. Так кончится не могло.

Больные рассказывали, что была поражены, как спокойно и весело мама шла на тяжелую операцию. «Словно на прогулку».

Первый выход мамы был на «Песочную». После службы Владыка долго и ласково с нами беседовал, шутил, стараясь ободрить. Обе мы плакали.

Тихонько шли мы из церкви. Владыка нас обогнал, приветствуя и светло улыбаясь. Его высокая фигура долго еще виднелась в глубине аллеи. Больше мы его не видели. Вскоре после этого его арестовали* и сослали. Обвинение гласило: «Опиум для народа».

До старости сохранила мама детскую чистоту и ясность души, детскую нерассуждающую веру, довер-чивость и простоту. Самые тяжкие удары принимала она всегда с кроткой улыбкой, оскорбления и пренебрежение людей – с истинным и глубоким святым смирением. Больше: оскорбления она даже словно и со-всем не замечала.

И, видно по молитвам Владыки, дана была маме отсрочка на два года, чтобы увенчать жизнь ее, исполненную великих и тяжких страданий – образом ангельским.

---

* Владыка Стефан (Бех) был арестован в Ленинграде в 1929 году, приговорен к трем годам ссылки в Северный край. В ссылке – в с. Помоздино Коми АССР. Арестован там вновь 7.09.1932 г. 21.04.1933 г. приговорен к «высшей мере наказания». 23.03.1933 – скончался в тюрьме, по другим сведениям, расстрелян 13/26 апреля 1933 г.

Свято-Троицкая церковь Лютикова подворья. Фото 1950-х годов

Через некоторое время после операции, когда я вела ее под руку по пустынной улице, налетела на нее, со всего размаху ударив головой в область операции, девчонка, – видно нарочно. Меня охватил страшный гнев. Поняла, что она убила маму. Мама же, остановившись, только тихо заплакала от боли.

Начался рецидив. Страдания были невыносимы. Но ни разу ни вздоха ропота не сорвалось с уст ея. За малейшую услугу тихо благодарила.

Я ухаживала за ней варварски, ничего тогда еще не смысля в медицине, нетерпеливо, ленилась ночью вставать, когда слышала стоны ее, и вставала не сразу. Однажды сидела мама, обхватив колени руками, вся дрожа и тихо покачиваясь. Поразил меня вид ее. Невыра-зимый взор ее огромных, прекрасных, детских глаз устремлен был вверх, улыбка освещала прозрачное лицо.

– Что ты? – спросила я.

– Ничего...

– Но отчего ты дрожишь? Больно, верно?

И едва добилась я, что «больно»... «Но это – ничего»...

Месяца за два до смерти она келейно приняла постриг, с именем Евгении (при крещении дано ей было имя Елена).

Случалось это так:

Посещали мы с мамой бывшее Лютиково подворье, что в Лесном. Иноков давно всех сослали, но настоятелем был назначен молодой иеромонах Вениамин, (Эссен) лишь в 1930 г.*, принявший постриг, душа пламенная и детски чистая.

До этого я встречала лишь отрицательные типы монахов – (Владыка мне представлялся единичным, чудом каким-то) – а тут потрясена я была чистотой устремленности о. Вениамина, его бескорыстным слу-жением, тем, что он для Господа презрел мирскую славу (он был талантливый художник).

Стали мы с мамой петь и читать на клиросе. Красота уставной службы до того захватила меня, так пле-нила внешняя красота монашеских облачений, всего вообще монашеского, (внутренней красоты я еще не знала), что я стала просить пострига.

– Нет еще, рано, отвечал о. Вениамин – Но рано или поздно, через год или через 10 лет, вы будете монахиней.

– Мне нельзя, так хоть маме, – пришла мне мысль.

– Мама, хотела бы ты принять постриг? — спросила я.

Маме, по смирению ее, самой никогда бы не пришло этого в голову, но тут она светло обрадовалась.

– Хотела бы,– тихо сказала.

Я полетела к о. Вениамину. Он сразу согласился.

Принялась за приготовления. Сама (впервые в жизни) платье сшила, четки и пояс достала, апостольник одна старушка сшила.

Постриг должен был происходить в глубокой тайне, так как грозил смертью о. Вениамину.

В день пострига мама в последний раз была на ногах. Была так слаба, что я стояла рядом, поддерживая ее. О. Вениамин дал ей свою мантию и клобук. Лицо ее, прозрачно-бледное, с тонкими чертами, и огромными, просветленными, – как на иконе – глазами, было так дивно прекрасно, что даже о. Вениамин был поражен. После пострига обернулся к ней, взял за голову, долго глядел.

– Какая хорошая старица, – промолвил.

Потом долго беседовал. «Какая вы теперь счастливая. Подумайте: образ ангельский»...

Вместо всех правил велел лишь читать молитву Иисусову по четкам.

После ухода о. Вениамина мама легла и больше не вставала.

Болезнь, и с ней страдания, развивались бурно. Помню ее, лежащую и перебирающую слабыми руками четки. О. Вениамин часто навещал ее со Св. Дарами.

Настала последняя ночь.

Началась агония, а я, не ведавшая ни разу смерти, не понимала этого. Однако утром, позвонила о. В. как он мне приказал, что очень плохо. Он обещал быть.

Мама то теряла сознание, то приходила в себя. Тяжко дышала, Лицо сводила судорга. Но по прежнему за все благодарила. Я – умираю, – тихо сказала. Потеряла сознание.

Вдруг взор ея прояснился и ясно устремился на что-то перед нею. Лицо дивно просветлело. Я не понимала.

– Куда ты смотришь, – спрашивала я, но она молчала. Пыталась проследить взор ее, но она смотрела и явно видела что-то, через все.

И, на глазах моих, лицо ее всегда прекрасное, стало так выразительно просветляться, такой дивной невероятной, духовной красотой, и стало, наконец, таким

* в 1927 году – *Ред.*

прекрасным, что, потрясенная, подумала: Вот бы икону написать с нее. Я и тут еще не понимала!

Потом – сразу глаза потухли... Вздох... Конец...

О. Вениамин приехал через полчаса после кончины. Был второй день Сретения Господня.

Ночью возвращавшегося с панихиды о. Вениамина арестовали. На другой день оказались арестованными все иноки в городе, и большинство священников, так что с трудом нашли православнаго священника для отпевания.

Жили мы к этому времени уже на Васильевском острове. Был первый чудный совсем весенний день. Снег почти весь стаял, ярко светило солнце. Когда вынесли гроб, откуда ни возьмись, собралась целая толпа совершенно незнакомых детей. Словно стайка ангелов слетелась встретить чистую душу. Мама... неужели это мама моя – в гробу...

Приехавшая Вера Александровна рассказывала.

Маргарита Юльевна Мей (лютеранка одна, жившая с нами и Арбузовыми вместе на квартире, милая, но совершенно не церковная и равнодушная к вере дама) видела во сне мою маму, в самый день ее смерти, лежащую во гробе. Рядом стоял незнакомый старец монах и усердно молился. Веру Александровну осенила мысль: она показала ей фотографию владыки Стефана

– Он! Он! – воскликнула Маргарита Юльевна, хотя наяву Владыку ни разу не видела.

Прошло около года. Вижу я однажды сон. Быстро распахивается дверь, и входит Владыка в шубе и меховой шапке. В жизни я его таким никогда не видала.

– Помню, Наталия, помню, – произнес он только. Я проснулась. Скоро пришла весть о его смерти в ссылке.

Рассказывали, что Владыка постом не ел ничего, кроме одной просфоры в день со св. водой.

– Причащайтесь, пока есть чаша, – были его постоянные слова.

Прот. о. Василий Бондарев, отбывавший с Владыкой первую ссылку и позже расстрелянный, рассказывал: Повадился к нам на лесозаготовки огромный медведь, наводивший на всех ужас. Ходили мы в то время с Владыкой и другими ссыльными лес рубить. Работаем мы однажды, вдруг, слышим, ломится кто-то сквозь чащу.

Иеромонах Вениамин (в миру – Владимир Михайлович Эссен) родился 25.07.1902 г. в городе Янове Люблинской губернии в семье остзейского дворянина, генерал-майора М.О. фон Эссена. Внук губернатора Эстляндии О.В. фон Эссена, племянник командующего Балтийским флотом адмирала барона Н.О. фон Эссена (1860–1915). Рано потерял отца и воспитывался матерью, а затем – отчимом, генерал-майором В.В. Салтыковым, умершим во время I Мировой войны в плену, в Германии. Детство провел в Польше, учился в Варшаве. После начала I Мировой войны, в 1914 году семья эвакуировалась в Харьков, где в 1919 г. он окончил Вторую гимназию и поступил палатным надзирателем в 17-й эвакуационный госпиталь Красного Креста, где прослужил полгода. В 1919–1921 гг. сражался в рядах Белой армии ген. А.И. Деникина (под командованием генерала Эрдели), позже – в армии у генерала барона П.Н. Врангеля, в Крыму. Остался в Севастополе. Красные его арестовали, но он остался жив. (Мать и брат Николай успели уехать и позже проживали в Ревеле). В 1921–23 годах работал делопроизводителем в лесничестве в Туапсе, и там же – грузчиком в порту. В 1923 г. приехал в Петроград к другому своему брату. Учился в художественном высшем промышленном техникуме, который окончил в 1927 г. Одновременно, в последние годы учебы в техникуме, посещал богословские курсы, которые окончил также в 1927 году. В этом же году (27 июля) на Феодоровском подворье принял постриг с именем Вениамин от епископа Сергия (Зенкевича). Был иеродиаконом, затем иеромонахом. Являлся членом Александро-Невского братства. Служил в Серафимовской церкви в Графской, в Борисоглебской церкви на Калашниковской наб., Николо-Богоявленском соборе. С 1928 года служил в Феодоровском соборе 300-летия Дома Романовых в Петрограде, познакомился там с архимандритом Львом (Егоровым). «Вокруг о. Вениамина всегда был кружок – интеллигентные дамы, девушки, студенты». Когда в 1930 году (с 4 ноября) иеромонаха Вениамина перевели в Тихвинскую церковь в Лесном, из собора он увел с собой «много братчиц», которых привлекали его талантливые проповеди, даже польские ксендзы приходили послушать его. Архимандрит Вениамин был арестован 18.02.1932 на своей квартире на Петроградской Стороне вместе с находившемся у него на тот момент иеромонахом Сергием (Борисом Сергеевичем Ляпуновым, 1901–9.03.1936). С 1932 по июнь 1937 года архимандрит Вениамин находился в Темниковских лагерях, работал художником, руководил художественной мастерской. После освобождения проживал в Малоярославце под Москвой, работал художником-графиком, часто приезжал в город для заключения договоров на работу. 27 февраля 1938 года был арестован в Москве на Чистых прудах во время облавы на уголовников и проходил в документах как уголовник, затем как «ранее судимый», «бывший», «церковник». 20 мая 1938 года осужден тройкой при УНКВД по Московской обл. Расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой 4 июня 1938 года.

Медведь! Все разбежались – кто куда. Спрятался и я. Только выглядываю и вижу: стоит владыка на месте, а медведь-то у ног его растянулся. Владыка, его хлебом кормит и гладит. И стал медведь с тех пор совсем ручным, приходил, ложился возле Владыки, а тот его кормил.

Разсказывала Вера Александровна Арбузова — из своей жизни:

1) «Раз стоим мы в церкви. Владыка на противоположном конце народ благословляет. Пошла и я. А Муся удерживает: Подожди, пусть раньше баб переблагословляет». Под конец пошли и мы. Подходим, а Владыка улыбается: «Баб переблагословлял, теперь и вас можно!» – Слышать на противоположном конце церкви сказанных шепотом слов Владыка никак не мог. Муся готова была провалиться от стыда».

2) «Бывала у нас одна дама, не церковная. Однажды и говорит:

– Вот вы все про епископа вашего рассказываете, о чем бы ни помолился, – вымолит. Пойду к нему. Пусть помолится, чтобы такой-то жену бросил и на мне женился.

– Ну, знаете, не советую вам с такими просьбами к Владыке идти, запротестовала В. А. Но ведь не запретишь человеку в церковь идти. Пошла. Перед нами подходила под благословение. Когда подошла, – рта открыть не успела – всегда ласково улыбающееся лицо Владыки вдруг омрачилось, он нахмурился и, ни слова не говоря, отстранил ее, обратившись к следующему. Дама эта на Владыку и на нас страшно обиделась».

3) Вот как Владыка Стефан вступил на путь иноческий Вера Александровна мне рассказывала:

Будущий Владыка, тогда еще молодой студент, однажды шел по улице. Видя у одного подъезда большую толпу народа, спросил

– Что такое?

– А дорогого батюшку, о. Иоанна Кронштадтского поджидаем.

Остался и он в толпе. Подкатила карета. Народ ринулся к ней и напором своим так толкнул юношу, будущего Владыку Стефана, что он налетел на выходящего в это время о. Иоанна. Тот внимательно посмотрел на него и прошел в дом.

Толпа осталась возле дома. Остался и будущий Владыка, сам не зная, почему.

Вдруг из дома выходит незнакомый человек и спрашивает:

– Тут ли такой-то?

Изумленный юноша говорит:

– Это я.

– Батюшка зовет Вас.

Изумление возросло. Никто ни в доме этом, ни в толпе его не знал. Пошел за посланным. О. Иоанн встал навстречу и назвал его «Владыкой», что и исполнилось со временем.

Наталия К.

Макарьевская пустынь. Слева направо: иеромонах Аверкий, неизвестный священник (паломник?), иеромонах Петр, неизвестный священник или диакон (паломник?). Фото ок. 1905–1907 года

Путешествие в Макариевскую Пустынь

В незапамятные времена прибыл на Русь старец-инок – Макарий Римлянин. Ища уединения, поселился в дремучем бору Новгородской губ., среди непроходимых болот. Но скоро молва о нем дошла до окрестных жителей, и вокруг него стали собираться преданные ему любители безмолвия.

Скоро среди болот, трудами братии, возникла убогая обитель.

Так как нигде поблизости не было пригодной для питья воды, по молитвам Преподобного явился источник чистейшей воды, оказавшейся целебной.

К нашему времени пустынная обитель эта, мало доступная из-за окружающих болот, славилась строгостью древнего иноческого устава и святостью своих прозорливых старцев. Иноки жили почти оторванные от мира, заготовляя на зиму грибы и ягоды, которыми изобиловали окружающие леса.

Большевики долго не знали о существовании обители и, когда обнаружили случайно, с особой яростью накинулись на нее и разгромили.

Даже в газетах были карикатуры на иноков – якобы упивающихся и объедающихся.

Иноки в большинстве своем приняли венец мученический.

Так был потушен последний святой огонек, тихо мерцавший в глубине дремучих лесов, среди непроходимых болот – последняя на Руси пустынька… (в 1932 г.)

Макариевская пустынь. Старинная Успенская церковь над мощами прп. Макария. Существовала с XVI века, сгорела в 1895 году

Однажды перед самым моим отъездом в Шапки,* зашла я к N-ным** проститься. Когда собралась уходить, Лева выскочил за мной на лестницу.

– Знаете что? – таинственно зашептал он в темноте. – Ведь от Шапок недалеко Макарьевская пустынь, всего 25 верст. Мы там часто подолгу с аввой*** жили. Я приеду к вам (будто за грибами). Мы с вами пойдем в Макарьевскую. Ладно? Посмотрим, нельзя ли спасти что-нибудь. Там ведь мощи Преподобного под спудом, вериги его – открыто на престоле лежали. Сам видел. Только маме не говорите – не пустит.

Я, конечно, согласилась.

И вот, однажды, вскоре по приезде моем в Шапки, как раз в день моего рождения 7-го сентября, кто-то постучался. Открываю. – Под проливным дождем, насквозь мокрый, передо мной стоял Лева. Ребячье лицо его с большими круглыми очками сияло. Должен был согнуться в три погибели, чтобы войти в мою хибарку.

– Идем?

К обеду дождь перестал, и мы решили идти. Было свежо и очень сыро. Всюду стояли огромные лужи.

– А мы босиком.

Оставили сапоги дома, взяли по корзинке, в которую положили немного провизии, и пошли.

О дороге понятия не имели,**** но решили в церкви не спрашивать, чтобы не возбудить подозрений. Пошли наугад. – По дороге где-нибудь спросим.

Лева дурачился, по обыкновению, с самым серьезным видом, передразнивая финнов.

Оставив за собой деревню, скоро вошли в огромный темный лес. Встретившаяся старушка указала дорогу, сказав: «Идите все прямо, прямо до самого лесника. У него переночуете. У него завсегда ночуют все, кто в Макарьевскую идет. Он вам и дорогу дальше укажет».

---

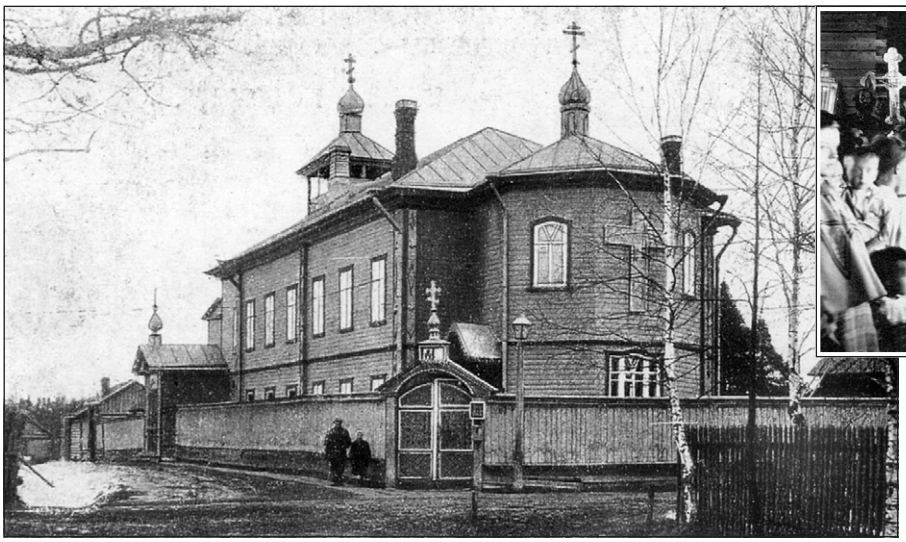
* Станция Шапки названа так из-за покрытых лесом гор.

** Лева N. и приемная мать его – духовные дети иеромонаха В[ениамина (Эссена)]. Лева в свои 17 лет был сущим ребенком. Студент медицинского института, он все же как-то сумел не подпасть разлагающему влиянию среды советской молодежи и, несмотря на чисто ребячий нрав, вечно готовый подурачиться, был не только глубоко религиозен, но даже мечтал о монашестве, читал на клиросе и души не чаял в отце нашем духовном, всюду сопровождая его. Вместе с ним был арестован и брошен в тюрьму, где его продержали 3 месяца и освободили по молодости (в 1932 г.).

Речь идет о Льве Полякове (1913–1990), некоторое время бывшего послушником у иеромонаха Вениамина (Эссена). Позже–врач, с 1949 г. – священник, в постриге (1952) – Леонид, впоследствии (с 1959) – епископ. С 1966 – архиепископ (с 1979 – митрополит) Рижский и Латвийский. Подробнее о нем см. С. 257–258. – *Ред.*

*** Так называли мы о. В[ениамина (Эссена)].

**** Лева с о. В[ениамином (Эссеном)]. приезжал другим путем, от Любани по проезжей дороге.



Макариевская пустынь. В домовой церкви св. Архистратига Михаила в верхнем этаже настоятельскогокорпуса монастырского подворья в Любани

Любань. Макарьевское подворье. Фото 1900-х годов

Лева, наконец, угомонился. Шли молча, захваченные почти первобытной красотой окружающей нас природы. То поднимались на высокую гору – тогда под нами на необозримые пространства расстилалось море векового леса. Как отдаленный прибой, доносился его ритмичный шум. По волнующимся глубоко внизу вершинам пролетали легкие тени. А над нами, в синей пустыне далекого неба, проносились тучи, солнце то исчезало за ними, то заливало все золотистым светом.

Временами дорога исчезала в лесу. Тогда сразу охватывал таинственный золотисто-зеленый полумрак. Прохлада лесной сырости освежала разгоряченное лицо. Охватывало невыразимое, восторженно-умиленное настроение. Душа молилась радостно и легко, сливаясь с тихой симфонией хвалы лесных звуков. Лес казался дивным храмом, в котором незримо, но так ощутимо, так близко был Господь, что душа трепетала от сладостного страха. О, блаженны те, что могут уйти в пустыню, навсегда порвав с шумным, враждебным и суетным миром.

Лес превращался здесь в первобытную тайгу. Вскоре почва стала топкой. Кое-где заблестела вода. Солнечный свет уже не проникал сквозь густые ветки, переплетенные в сплошной покров. Мы очутились среди болота… Огромные деревья стояли над водой, как на колоннах – на высоких корнях; невиданные сказочно-странные, бледно-восковые цветы, удивительные ягоды попадались все чаще. Передвигаться мы могли только по корням, цепляясь за свисающие ветви. Где осталась дорога? Куда не обернешься – болото, болото, деревья без конца… Никаких следов дороги. Мы заблудились. Темнело. Пошел дождь. Сели под ель. Отдохнули.

– Идемте, – говорю. – Стемнеет – беда!

Пошли наугад, прыгая с кочки на кочку, длинными шестами нащупывая грунт, который зыбко пружинил под ногой. Иногда выше колен проваливались в воду.

Вдруг набрели на огромный черный крест. Лева вспомнил: «Говорили, кто-то погиб в трясине. Верно здесь».

– Знаете, что? Давайте вечерню и молебен Преподобному петь, – предложил Лева.

Река Лезна возле Макариевской пустыни Макариевская пустынь. Церковь во имя преподобных Отцов и Матерей, в посте и подвиге просиявших на островке (месте первоначальных подвигов прп. Макария) – в скиту сбители

Итак, мы, мокрые, с длинными шестами, прыгали по кочкам – наугад – и пели. Выходило не очень складно, – у Левы совершенно отсутствовал слух, – но усердия было много и настроение соответствующее.

– Преподобне отче Макарие, моли Бога о нас!

Темнело все больше.

Вдруг издали послышалось мычание коровы. Направились в ту сторону. Долго шли, и все впереди где-то звучало путеводное мычание.

Стемнело почти совершенно. Неожиданно вышли на берег реки, которая поблескивала во мраке. Через нее перекинут был когда-то мост, остались одни, высоко торчащие сваи, скрепленные приблизительно на середине высоты поперечными балками. А на том берегу смутно вырисовывалось жилье, призывно мычала корова.

Страшно было по сваям этим перебираться на ту сторону, но выбора не было. Спустились, не рассуждая, к речке и, держась за сваи, боком стали двигаться по поперечным балкам, стараясь не глядеть, не думать ни о чем. Перебрались.

На берегу стояла женщина, в недоумении поглядывая на нас.

– Пустите, тетенька, переночевать.

– Идите, – отозвалась она и повела к большому сеновалу.

Оказывается, мы, без дороги, через непроходимые болота, выбрались как раз, куда путь держали – к леснику. Забрались на сеновал и, прочитав вечерние молитвы, уснули мертвым сном.

Наутро лесник вывел нас на тропинку, объяснил, как сворачивать, чтобы не сбиться опять. Шли бодро, пели церковные песни.

Заросли становились все причудливей. Появились огромные папоротники, выше роста человеческого, опять заблестела вода. Тропинка вдруг исчезла. Куда ни оглянешься – и следа нет. Опять заблудились.

– Преподобне отче Макарие, моли Бога о нас!

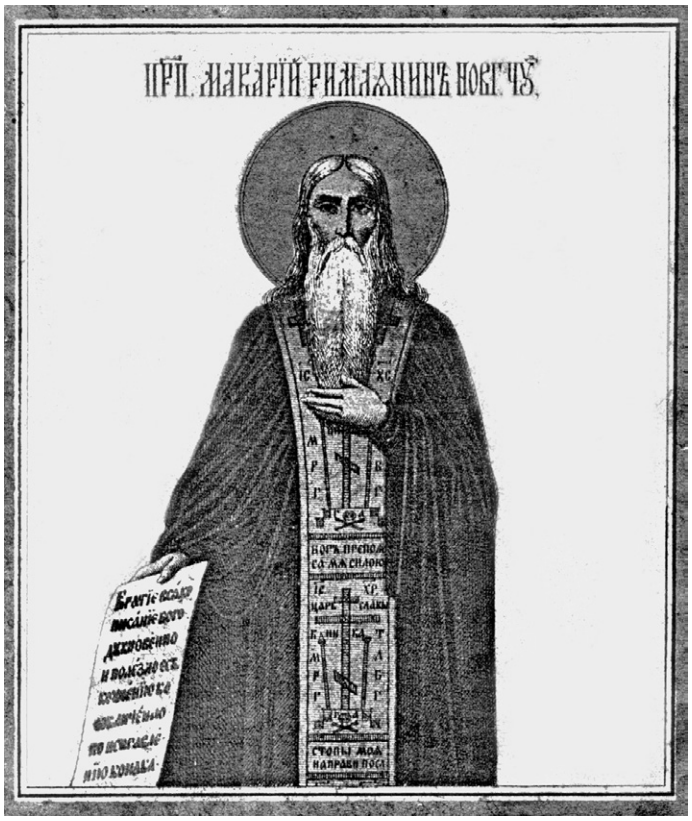
Но страха не было. Стоял безсолнечный, но ясный белый день.

Вдруг набрели на следы какой-то древней дороги. Настланы были березовые бревна. Не раздумывая, поставила на них ногу и сразу провалилась в ледяную воду почти до бедер. Бревна прогнили, но где-то внизу был довольно твердый грунт. Смело пошли, проваливаясь на каждом шагу выше колен и – пели. Должна же была нас вывести куда-нибудь эта дорога!

– Преподобне отче Макарие, моли Бога о нас!

Вдруг набрели мы на огромную кадку с солеными грибами. Что бы это значило? Среди леса. – Пустынька должна быть недалеко.

И действительно, стволы стали редеть, сквозь них виднелось, казалось, белесоватое небо. Слава Богу! К опушке подошли. Но то была не опушка.



Преподобный Макарий Римлянин .
Икона начала XX века

Не небо виднелось среди стволов, а белые стены пустыньки.

Опять без дороги пришли! Вышли на маленький пригорок, посредине стояла небольшая белая каменная церковь старинного стиля. Рядом несколько полуразрушенных домиков.

– Это «Островок», – воскликнул Лева. – Пустынька в 2-х верстах от главной пустыни. Островок среди болота, где любил уединяться еще Преподобный. И как мы только прошли? С другой стороны к Островку вела от Пустыни проложенная дорога, здесь же место считалось непроходимым.

Несколько женщин собирали грибы. Невдалеке от церкви разложен был костер, варилась грибная похлебка. Нас радушно пригласили присесть.

Провизия наша, не рассчитанная на такое долгое путешествие, пришла к концу, и мы усердно стали печь собранные по дороге грибы, которые нам казались очень вкусными, несмотря на то, что были без соли, как и похлебка женщин.

– А они-то, видно, монашки, тоже поклониться Преподобному пришли, – шепнул Лева. – Монашку сразу узнаешь, как ни переодень.

Женщины, между тем, рассказали, что приходят сюда на грибной сезон, – грибы и бруснику заготовлять.

– А нельзя ли в самую пустынь пройти – спросили.

– Боже упаси! – Ахнули все хором и замахали даже

руками. – ГПУ-шники серебро еще не вывезли, с собаками стерегут. Близко никого не подпускают.

Ночевать мы устроились в полуразрушенном флигеле. Растопили русскую печь, чтобы обсохнуть немного. Лева забрался на раскаленную лежанку, – я легла на куче соломы, на полу.

Когда наступила ночь, пробрались в храм. С великим трудом сняли со стены красивый огромный образ Преподобного. Для этого Леве пришлось лезть на перила клироса, причем тяжелый образ, не удержанный нами, упал с таким грохотом, что мы думали, сбегутся все.

Кое-что из книг взяли, что найти могли, в общем – немного. Лик Преподобного с благословляющей рукой вырезали, остальное решили сжечь, чтобы большевики не надругались.

Утром решили пробраться в самую пустынь. Шли березовой аллеей, укрепленной щебнем. По обеим сторонам тянулась непроходимая трясина, усеянная спелой клюквой. Отклонялись неподалеку, чтобы собирать и жадно есть.

Это было царство ягод и грибов. Брусники и клюквы – словно нарочно кто рассыпал – сидя на одном месте, можно было набрать. Попадались целые поляны маслят – такого количества в жизни не видала. Подберезовиков и подосиновиков тоже было такое множество, что брали мы только самые молодые шапочки. Набрели на полуразрушенную часовенку, неподалеку от которой умирал старый тетерев. В часовенке тоже кое-что из книг нашли.

Наконец, сквозь деревья мелькнули стены пустыни. Осторожно раздвинули ветви, выглянули. Прямо против нас стояла сторожка, перед ней сторож с ружьем. Дальше виднелись две церкви, одна каменная, другая деревянная, и монастырские постройки. Осторожно обошли с другой стороны, за церковь, подошли к окну.

Макарьевская пустынь.
Храм Успения Пресвятой Богородицы. Фото 1900-х годов

Заглянули. На подоконник небрежно брошена толстая чугунная цепь с огромным крестом.

– Вериги! – воскликнул Лева. Но как их достать? Казалось невозможным. Церковь была заколочена. Отправились в обратный путь.

Шли уже без приключений. Опять с горы на гору через болота и вековую тайгу, мимо прекрасных круглых зачарованных озер.

– А все-таки надо попытаться достать вериги, – говорил Лева. – Я через два дня опять приеду, опять пойдем. Теперь мы легко найдем дорогу.

Через два дня он, действительно, приехал опять. Отправились пораньше, стараясь незаметно миновать лесника, и быстро прошли все 25 верст. Решили переночевать во флигеле, прямо утром подойти к сторожу – будто дорогу спросить. А там – будь, что будет.

Братия Макариевской пустыни у входа в келейный корпус. В центре – настоятель монастыря иеромонах Арсений. Фото начала 1900-х годов

Монахини все еще были на месте. Поужинали и переночевали с ними. Наутро отправились.

Вышли на опушку. На этот раз перед сторожкой не было никого. Сторож, видно, сам ушел в лес, уверенный, что никто не отважится подойти. Мы решили не колебаться и действовать.

Все время молясь Преподобному, подошли к церкви. Лева был очень близорук, стеречь не мог, потому я влезла на камень, чтобы лучше обозревать окрестности, а ему велела разбить окно и взять вериги. Тут на Леву напал непреодолимый ужас. Но он, сжав зубы, стал бить стекло. Правда, мой наблюдательный пост мало мог принести пользы, т.к., если бы мы сторожа и увидели, то и он нас заметил бы, наверное, еще раньше, бегство было бы бесполезным – застрелил бы.

Первое стекло со страшным звоном упало. Лева, зеленый от страха, с округлившимися глазами и подгибающимися коленями, бил второе, шепча:

– Наталия Георгиевна, Наталия Георгиевна! ГПУ-шники с собаками…

Наконец упало и второе стекло. Сунул вериги в мешок.

– Бегите, – шепнула Леве. – Ждите меня у островка.

Лева зайцем метнулся в кусты. Я же, словно повинуясь чьей-то непреклонной воле, не отдавая себе отчета в своих действиях, подошла к заколоченной двери, и словно дома, оторвала доски – удивительно – без малейшего усилия. Вошла в храм.

Картина неописуемого разрушения и поругания предстала глазам моим. Целебный святой источник в притворе, вызванный на свет Преподобным, был засыпан мусором – старыми вениками, сапогами, невесть чем. Двери в храм стояли настежь. Царские врата были сорваны, престол сдвинут, мраморные плиты облицовки валялись разбитыми. Пол – усеян сплошным ковром битого стекла. В страшном хаосе валялись старинные кожаные богослужебные книги, причем видно было, как усердно, как яростно отрывали массивные переплеты. Тут же разломанный запрестольный крест, иконы, лампады… Нашла маленький медный крест, старательно разломанный на три части. Казалось, здесь бесновалось, радуясь свободе своей, целое полчище демонов.

У ступеней амвона стояли ящики, полные церковных вещей, которые еще не успели увезти.

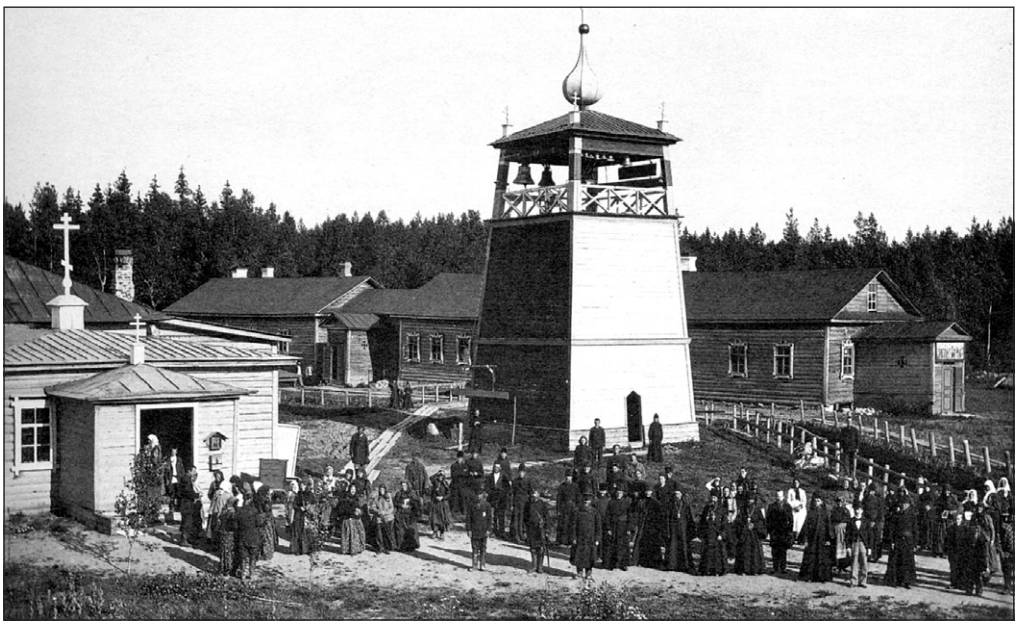
Поднялась к алтарю. Разве будет нарушение церковных правил, если я войду? Не раздумывая, вошла.

Над престолом, в огромном дубовом киоте, висел весьма чтимый образ Преподобного. Едва могла дотянуться до него пальцами, так высоко висел. Но опять, словно повинуясь не своей воле, – сняла его. И даже в тот момент не была поражена, как я могла снять страшную тяжесть, при том не имея возможности крепко ухватиться за киот. Но в тот миг было не до рассуждений. Положила киот на то, что было некогда престолом, вынула образ. И он как раз вошел в мой заплечный мешок, который словно по нем сшит оказался. Взяла еще несколько икон и пошла к двери.

Осторожно открыла ее. Передо мной, в нескольких шагах, на паперти, но спиной ко мне, стоял сторож с ружьем и глядел в лес. И даже не заметил взломанной двери!

Раздумывать было некогда. Каждую минуту он мог оглянуться, – тогда верная смерть. Ведь я шла из взломанного мною помещения, где хранились охраняемые им ценности, с мешком на спине!

Все время сосредоточенно шепча: «Преподобне отче Макарие, моли Бога о мне», – неслышно спустилась за спиной сторожа по боковым ступеням паперти и старалась обойти двор как можно дальше, по самой живой изгороди. Но все же выход был как раз в том направлении, куда смотрел сторож, и я несколько десятков шагов до ворот, должна была пройти,



Макариевская пустынь. Вид деревянной Успенской церкви (слева), колокольни и братских корпусов. Фото начала 1900-х годов

обернувшись к нему спиной, каждую минуту ожидая пули, все шепча молитву.

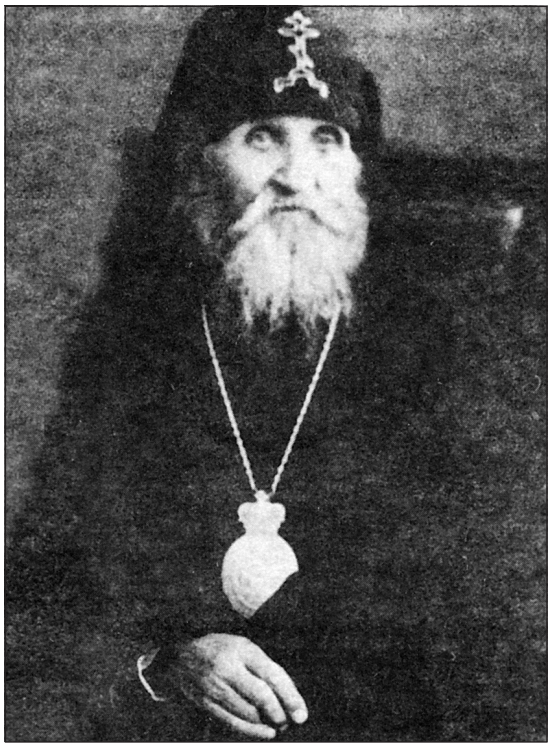
Но вот – вышла за ворота. Выстрела не было. В сторону сторожа я не глядела. Может быть, в тот момент, когда я должна была выйти перед ним, он повернулся в другую сторону?

В кустах нашла скорчившегося Леву. Быстрым шагом пошли домой. Когда вышли из леса, Лева вдруг сел на край дороги.

– Не могу больше. Волнение совершенно лишило его сил.

Я взяла у него вериги, надела на шею. На спине был мешок с огромным образом и десятком меньших, с книгами. Но тяжести не чувствовала.

– Теперь мне Вас еще на спину взвалить! – смеялась я.



Схиепископ Макарий

Легко дошла до дому, и в голову не пришло сесть отдохнуть после долгого пути с таким грузом. Развешивала иконы, зажгла перед ними лампады.

– Как хорошо у Вас! – заметила вошедшая хозяйка-финка.

Потом только вспомнила, что я была нездорова, когда приехал ко мне Лева, но я, не желая откладывать путешествия, все же пошла. И дорога по обжигающей ледяной воде – выше колен – не принесла вреда. Даже насморка не получила. А в церкви я все время по битому стеклу, сплошь устилавшему пол, босиком ходила, и хоть бы поцарапала ногу!

Лева приехал домой в таком состоянии, что не мог даже без посторонней помощи покинуть вагона. Мать ворчала:

– Эво, называется – за грибами поехал. Заставь дурака Богу молиться – лоб расшибет.

Немного смягчила большая корзина, полная чудных грибов.

Настал страшный 1937 г. Надо было подумать о том, где бы надежнее было спрятать вериги, т.к. участились обыски. Решили свезти их сослуживице моей и другу Б.А. N-ой. Казалось, надежным. Отец ее, хоть и известный геолог, профессор,– из крестьян, – самородок, один из наших Ломоносовых.

Б. А. С радостью согласилась их спрятать.

К этому времени пришла весть об аресте отца моего духовного, и я поехала в Боровичи.

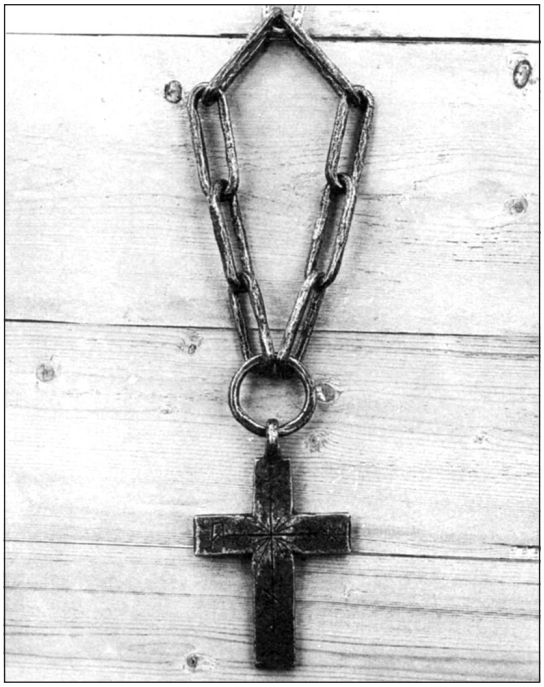
Когда вернулась, встретила у друзей своих духовную дочь схиепископа Макария, бывшего настоятеля Макарьевской пустыни, тайную монахиню Анну Николаевну.

– Знаете, ведь владыку Макария отпустили!

Я обрадовалась. Рассказала ей про вериги. Попросила съездить за ними и отвезти Владыке Макарию. Она согласилась.

Вот что она мне рассказала при следующем свидании:

N-вы за это время пережили много тревог. Брат N-вой, молодой ученый, работавший на Пулковской обсерватории, был обвинен в религиозной пропаганде. Нагрянул обыск. Вериги лежали в ящике ночного столика. С ужасом думали, что будет, если найдут у них знаменитые вериги.



Крест (вериги) прп. Макария. Фото начала 1910-х годов

Агенты ГПУ перевернули весь дом, до последней спичечной коробки. Но в ящик, где лежали вериги, не заглянули. Брата Б. А., за неимением улик, через несколько дней освободили, что уже тоже было чудом, т.к. в 1937 г. улик для ареста не требовалось.

В настоящее время вериги находятся в г. N., в церкви, под престолом, у Преосвященного, которому передал их схиепископ Макарий, как великую святыню.

Н. К.

Св. Макарьевская Пустынь*

В окрестностях Петрограда в начале 30-х годов оставался лишь один маленький монастырь, куда многие совершали паломничество – Пустынь св. Макария Римлянина.

Рано утром мы сели на поезд и доехали до станции Любань. Нас, паломников, было 30 человек. Остановившись попить чаю в монастырском подворье в городке, мы пешком направились в монастырь.

Сперва дорога пролегала через поля. Вокруг нас качались колосья ржи, затем мы миновали поля с овсом, затем розовые поля цветущей гречихи, по которым ветер гнал сиреневые волны. Мы, горожане, радовались открытому пространству, солнцу, природе.

Передохнув в деревне, мы вошли в лес. Отец П., ведущий нас, начал читать наизусть акафист Божией Матери Всех Скорбящих Радость. Все подхватили припев, а потом и песни канона. Молитва продолжалась долго, наконец последние звуки затихли вдали, но лес все тянулся такой густой и нескончаемый, как всегда. Все утомились и шли молча. Наши ноги распухли и начали болеть.

Мы шли и шли, и густому зеленому лесу не было конца. Сгустились сумерки, и уже не знали, сколько нам осталось идти. Над лесом появилась луна, ее лучи освещали нам путь. Наконец мы вышли на поляну. С холма сбегал ручеек, за ним показался храм. На фоне неба выделялся силуэт колокольни, под ним виднелись темные крыши монастырских корпусов. С далекого расстояния до нас донесся звук монастырского колокола. Мы так давно не слышали церковных колоколов! Все оживились и почти бегом спустились со склона, надеясь успеть к началу вечерни.

В давние времена здесь, на крошечном островке твердой земли, окруженном со всех сторон непроходимыми болотами, поселился и проводил отшельническую жизнь пр. Макарий Римлянин. Его мощи почивали под спудом в монастырской церкви. На месте его кельи была выстроена маленькая часовня. Монахи расчистили большую поляну в лесу для храма и жилых корпусов, проложили дорожки, распахали участки под поле и огороды. Большевики отобрали поля, лишив монахов средств к существованию. Верующие приносили из города мешки с сухарями, и монахи готовили из сухарей хлеб для себя и паломников.

Множество нищих и юродивых о Христе нашли убежище в монастыре. Одним из них был Миша, хорошо известный нам еще по Александро-Невской Лавре в Петрограде. Его громкий голос был хорошо знаком всем нам, и мы с уважением относились к этому седовласому старику с молодыми черными глазами. Я помню, как один раз, когда врач неаккуратно удалил мне зуб, щека у меня распухла и болела несколько месяцев. Я была вынуждена носить повязку. Миша подошел однажды ко мне во время литургии и прошептал на ухо: «Иди в Новодевичий монастырь, возьми маслица от лампады перед образом Св. Мученика Антипы и помаж свою щеку. Посмотри на себя – ты думаешь, что поступила правильно, пойдя лечиться к доктору!» Я обернулась, но он уже отошел. Я пошла на литургию в Новодевичий монастырь, но матушки, продававшие свечи, не знали, где находится образ Св. Муч. Антипы. С трудом мы смогли найти небольшую икону. Я поступила как научил меня Миша: помазала щеку маслом и взяла немного масла из лампады с собой. Вскоре все прошло: воспаление прекратилось и челюсть перестала болеть. Раньше этот Миша был интеллигентом – атеистом, инженером. Но когда Господь коснулся его души, Миша избрал для себя суровый аскетический жизненный путь юродства о Христе. После моей встречи с ним в монастыре он исчез. Мы слышали, что он был арестован и застрелен по прихоти следователя.

Время, когда я приехала в монастырь, было трудным и страшным. «Молись преп. Макарию и Иверской Божией Матери!» – утешил меня отец Н. Икона Божией Матери в монастыре была особенной. Пресвятая Дева

Макариевская Пустынь. Интерьер Успенской церкви. Фото 1900-х годоа

* Орфография и пунктуация автора

была изображена в полном монашеском облачении, в мантии и с четками в руках.

Настоятель монастыря, епископ Макарий, редко выходил из своей кельи и еще реже беседовал с паломниками, за исключением некоторых его духовных чад. Несколько раз мы встречались с ним в коридоре в храме, но однажды мне выпала возможность посетить его и побеседовать с ним. Сдержанный, серьезный, скорбный, он производил сильное впечатление паломников. Если кто-нибудь из них вел себя шумно или вообще неприемлемо, или пропускал церковные службы, владыка через своего келейника просил такого оставить монастырь. Молодежь побаивалась его и старалась не нарушать строгих монастырских правил.

Схиепископ Макарий

Утреня начиналась в 4 часа, за ней следовала ранняя литургия. Затем в 9 утра были поздняя литургия и молебен, заканчивавшийся между полуднем и часом дня. В 4 часа дня совершалась вечерня или бдение, акафист или панихида. Службы заканчивались между 8 и 9 часами. Затем следовал ужин и около полуночи молитвы ко сну.

Проведя в монастыре некоторое время, я должна была возвращаться в город. В станционном городке, в храме монастырского подворья, я отстояла всенощную. Я стояла на коленях перед образом св. Макария. Мне казалось, что своим взглядом он ободрял меня. И действительно, все прошло хорошо и я вернулась домой, избежав ареста.

Мы посещали Пустынь еще несколько раз. В жестокие морозы в конце Рождественских праздников мы приехали в монастырь, чтобы вместе с монахами отпраздновать помять прп. Макария. Отец П. хотел, чтобы владыка соборовал его. Наше духовенство давало Соборование не только серьезно больным. В те страшные времена каждый жил под угрозой внезапной насильственной смерти в условиях, когда будет невозможно приступить к Св. Таинствам. Монахи и многие из мирян обычно собирались во время Рождественских праздников или Великого поста, чтобы получить Соборование.

В тот день отец П. служил литургию в маленькой церкви, построенной на месте отшельнической кельи преподобного. Владыка Макарий пришел помолиться с нами. Я подошла к Владыке под благословение и сказала ему о желании отца П. «Почему отец П. так хочет получить Соборование?» – спросил Епископ. «У него тяжелый груз на душе», – ответила я. Владыка строго посмотрел на меня и внезапно слезы показались на его глазах. Он зарыдал не сдерживаясь. «Если бы вы только знали, какие тяжелые испытания предстоят нам всем, какие страдания! Наш монастырь будет разорен, наши святыни осквернены!»

Он продолжал рыдать. Испуганный послушник хотел было броситься к Владыке, но отец П. остановил его. Все остались на своих местах.

Я стояла перед скорбящим иерархом, глубоко потрясенным, охваченным предчувствием надвигающейся бури. Он как будто говорил сам с собой, забыв обо мне. Понемногу прийдя в себя, он подошел к иконе Преподобного, облобызал ее и, выйдя из храма, пошел к воротам монастыря. Его высокая темная фигура ярко выделялась на фоне чистого белого снега, искрившегося в ярких лучах зимнего солнца.

Макариевская пустынь. Крест (Голгофа) на Афонской горке. Современный вид

В течение года его пророчество исполнилось. Аресты в «Святую ночь» (когда тысячи духовенства и верных были арестованы в одну ночь) стерли с лица земли оставшиеся монастыри и монашествующих. В ту ночь я тоже была арестована.

Владыку отправили в концлагерь в Сибири, где он был ночным сторожем.

Монахиня Вероника (Котляревская)

Митрополит Рижский Леонид (в миру – Лев Львович Поляков)

К рассказу Н.Г. Китер «Путешествие в Макарьевскую пустынь»

Высокопреосвященнейший Леонид, митрополит Рижский и Латвийский (в миру – Лев Львович Поляков) родился 19 февраля 1913 года в Петербурге в семье врача. Получил религиозное воспитание, еще подростком состоял членом Александро-Невского братства (вместе с будущими: митр. Иоанном (Вендландом), архиеп. Никоном (Фомичевым), митр. Михеем (Хархаровым), архиеп. Леонтием (Филлиповичем) и другими будущими священнослужителями[1]. Его мать, Мария Васильевна Полякова была членом приходского совета церкви Св. Троицы Лаврской Киновии, ее часто можно было видеть за свечным ящиком Киновиевского храма. В 1930 г. Лев Поляков прислуживал за богослужениями в Феодоровском соборе архиепископу Гавриилу (Воеводину). В 1930–1931 гг. брал частные уроки иностранных языков и Закона Божия у служившего в этом же соборе иеромонаха Афанасия (Карасевича). В 1930 –1932 гг. был духовным сыном, состоял послушником иеромонаха Вениамина (Эссена) и помогал тому по хозяйству. Прихожанин церкви Тихвинской Божией Матери в Лесном. Был арестован одновременно с иеромон. Вениамином (Эссеном) и иеромонахом Сергием (Ляпуновым) по делу Александро-Невского братства, но из-за несовершеннолетнего возраста через месяц был освобожден и дело его прекращено*.

По окончании средней школы был студентом химического факультета университета, потом оставил его. В 1939 году окончил Педиатрическийимедицинский институт, работал врачом-терапевтом. В годы Финской (1939–1940) и во время Великой Отечественной войны (1941–1945) Лев Львович Поляков работал в госпиталях под Ленинградом и в самом городе в качестве военного врача. В блокаду он регулярно передавал провизию (часть своего повышенного пайка) митрополиту Алексию (Симанскому), делившему со своей паствой все тяготы блокады.

В конце войны его направили в международный госпиталь, в котором проходили лечение и реабилитацию заключенные концентрационных лагерей. До него там уже успело смениться несколько врачей, на которых поступало очень много жалоб, так что ему поручили разобраться, в чем дело. Владыка любил вспоминать, как он почти сразу же догадался, что люди, прошедшие через ужас заключения, хотели уезжать их госпиталя не по одному, а вместе. И он стал присматриваться, выяснять, кто с кем дружит, и таких «товарищей» стал выписывать одновременно (чуть передерживая одних, и выпуская других немного недолеченными). Жалобы сразу же прекратились. С 1946 по 1949 гг. – начальник терапевтического отделения Ленинградского госпиталя инвалидов Великой Отечественной войны.

13 ноября 1949 года в Князь-Владимирском соборе митрополитом Ленинградским Григорием (Чуковым) Лев Львович Поляков был рукоположен целибатом во диакона, а 20 ноября того же года – во иерея, с назначением в Спасо-Преображенский собор. В 1952 году он был переведен в храм святого праведного Иова на Волковом кладбище.

В 1952 году иерей Лев Поляков окончил экстерном Ленинградскую Духовную академию и был оставлен при ней профессорским стипендиатом. 1 сентября 1952 года священник Лев Поляков был пострижен в монашество с именем Леонид в Псково-Печерском монастыре наместником архимандритом Пименом (Извековым).Через год началась его педагогическая деятельность в Ленинградской Духовной академии, где он состоял доцентом кафедры Истории Русской Церкви (1953–1957 гг.).

18 июля 1957 г. в Троице-Сергиевой лавре Святейший Патриарх Алексий I возвел отца Леонида в сан архимандрита и благословил на новое послушание – инспекторство в Московской Духовной академии и семинарии с 21 июля 1957 года. Кроме того, архимандрит Леонид вел курс Гомилетики в 3 и 4 классах Московской Духовной семинарии и на I-м и II-м курсах Московской Духовной академии. За это время состоялась защита его магистерской диссертации на тему: «Схиархимандрит Паисий Величковский и его литературная деятельность».

За эти два года он успел ввести много преобразований в семинарии, а главное – приобрести себе друзей в лице семинаристов. Преобразований было много, назовем только два. Первое – это обязательная, ежедневная проповедь в академическом храме (причем проповедовали не только студенты, но и преподаватели). А второе – замена вступительного диктанта на изложение. В то время в семинарию многие поступили по заданию партии, и, чтобы отсеять таких абитуриентов, было введено изложение. Поступавшие тогда в семинарию со смехом вспоминают, как их посадили в класс, вышел старенький священник с очень плохой дикцией (он шепелявил) и прочитал отрывок из Евангелия (про Преображение) на церковно-славянском (!). Читал он его таким образом, что *понять* его было невозможно, можно было только *узнать*, на что и рассчитывал владыка Леонид. Церковные ребята без труда изложили этот отрывок, а вот комсомольцы чего только не написали – владыка позже любил зачитывать выписки из этих «изложений». Владыка обладал необычайным чувством юмора (даже близкие его, например мама, никогда не знали, серьезен он, или шутит). Это чувство, вместе с врожденным даром педагога, сделало его прекрасным инспектором и руководителем для нескольких десятков мальчишек. Между собой они называли его «Миленький» – так он обращался к ним на исповеди, но вытягивал при этом всю душу. Строгий, но в то же время заботливый инспектор заменил многим семинаристам отца (больше половины мальчишек росло без отцов – ему досталось самое «военное» поколение). Он всегда знал, какую шалость можно спустить, а за что надо наказывать. Те, кого он «простил», изо всех сил старались не подводить его. Часто он подкидывал мальчишкам деньги, покупал угощение, всегда учил тех, кто был иподиаконами, делиться с остальными (см. воспоминания о годах учебы митр.

* См. об этом: Шкаровский М.В. Александро-Невское братство 1918 - 1932 годы. СПб, 2003).

Филарета (Вахромеева) и о. Вячеслава Винникова). Чем выше он ценил человека, тем строже к нему относился, и тем ближе сходился с ним. Одного из тогдашних семинаристов (впоследствии близкого друга Владыки, московского протоиерея) он выделил еще при поступлении и тогда же взялся за него. Сначала он долго выяснял у перепуганного юноши, почему тот не состоит в комсомоле («Вы что же это, не относитесь к передовой молодежи?»). Потом он больше часа гонял его по Св. Писанию и Закону Божию, заставил наизусть пересказать половины последования литургии, и напоследок сказал: «Как я вижу, вы нам не подходите для первого класса семинарии. Совсем не походите, молодой человек». Абитуриент не обратил внимания на слова «для первого класса» и удрученно поплелся, со слезами на глазах, к преподобному, в полной уверенности, что провалился. А на следующий день увидел свою фамилию под словами «Зачислен во второй класс семинарии».

После двух лет инспекторской деятельности архимандрит Леонид присутствовал на обеде в Чистом переулке. Обстановка была домашней, и Патриарх заинтересовался фамилией отца архимандрита: «Поляков? Во время блокады начальник госпиталя, Лев Львович Поляков, спас меня от голодной смерти, передавая мне часть своего пайка. Только жаль, что я его никогда не видел… Он, случайно, не Ваш родственник?». По реакции отца Леонида Патриарх все понял и был растроган до слез. Через несколько недель отца архимандрита рукоположили во епископы и направили в Курскую епархию.

27 мая 1959 года архимандрит Леонид получил патриарший указ о назначении на Курскую кафедру. Наречение во епископа состоялось 9 июня, а 11 июня, в день праздника Вознесения Господня, в московском храме Преображения митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем), архиепископом Виленским и Литовским Романом (Тангом) и епископом Дмитровским Пименом (Извековым) была совершена его хиротония во епископа Курского и Белгородского.

В 1962 году Владыка Леонид вернулся в Москву, был назначен викарным епископом Можайским и стал настоятелем Елоховского собора. В декабре 1963 года он представил в Совет Московской Духовной академии работу «Афон в истории Русского монашества XI–XVIII вв.» на соискание ученой степени доктора богословия. Защита состоялась 16 июня 1964 года. Был одним из наиболее просвещенных православных епископов, доктор церковной истории (1964). Инициативный, деятельный епископ, говорящий блестящие проповеди и умеющий привлекать молодежь, был сразу же замечен властями, и через год его перевели из Москвы, он сменил за два с небольшим года три кафедры. Владыка Леонид последовательно занимал кафедры городов Можайска (с 9.04.1962), Ярославля (с 5.08.1963) и Перми (с 20.05.1964). Здесь он сыграл большую роль в обеспечении приходов епархии богослужебной литературой – тогда потребность в ней была очень острой. С июля до октября 1966 времеено управлял Екатеринбургской (Свердловской) и Челябинской епархией. Летом 1965 г., будучи епископом Пермским и Соликамским, вместе с восемью епископами подписал письмо на имя Патриарха Алексия I о негативных последствиях реформы приходского управления 1961 г., составленное по инициативе архиепископа Гермогена (Голубева). По некоторым сведениям, опасаясь, что «видимую Церковь» могут полностью уничтожить, епископ Леонид рукополагал тайных священников.

В 1966 году Владыку назначили на Рижскую кафедру – теперь уже навсегда. Ею он управлял почти четверть века, до самой своей кончины 8 сентября 1990 года. Сначала (с 8 октября 1966 г.) архиепископ, затем (с 07.09.1979) – митрополит Рижский и Латвийский.

Владыка Леонид приглашал в Рижскую епархию многих образованных людей из Москвы и Петербурга для возможного рукоположения в священники и дальнейшего служения. Незадолго до кончины духовника епархии архимандрита Кирилла (Смирнова) – схиархимандрита Косьмы (†1968), сам оперировал его, соборовал и совершил постриг в схиму. Оказывал покровительство почитаемому многимии верующими архимандриту Тавриону (Батозскому; †1978), который в период его управления епархией был духовником Рижского женского монастыря и пустыньки близ Елгавы. Пользовался уважением прихожан.

С приездом владыки Леонида в Ригу у большинства его учеников никогда не вставал вопрос – куда ехать в отпуск. Вплоть до 1990 года самые разные московские священники с матушками и детьми (а также многие архиереи) отправлялись на Рижское взморье угощаться шпротами и угрями и наслаждаться общением с родным Владыкой. Владыка часто заранее знал (или вычислял), когда кто приедет, и, по многочисленным свидетельствам, высылал машину, или ехал сам встречать даже тогда, когда человек был уверен, что «делает сюрприз». Сюрпризы же и шутки самого владыки продолжали ставить всех в неловкое положение, отчего тот получал неизменное удовольствие. Но кроме того, владыка часто возил московских гостей по епархии, и молодые священники могли поучиться у него мудрости и быстроте реакции. Однажды его московский друг стал свидетелем того, как к митрополиту пришел клирик с отвратительной кляузой на собрата-священника. Тот начал свою жалобу словами: «Владыка, Вы недостаточно строго относитесь к священникам и их прегрешениям», после чего изложил «суть дела»: у старенького настоятеля храма, отсидевшего в свое время в лагере «за веру», дома живет женщина, которая помогает ему по хозяйству. По его словам выходило, что настоятель, вдовец, фактически таким образом вступил во второй брак. Владыка Леонид самым любезным образом поблагодарил жалобщика, пообещал принять меры и предложил «прийти завтра». Сам же в тот же день позвонил в Ленинградскую семинарию, которую окончил жалобщик, и проведя небольшое расследование, быстро обзавелся списком всех прегрешений «добродетельного» священника. Когда тот пришел на другой день, владыка с абсолютно непроницаемым лицом сказал ему: «Вы правы. Я тут долго думал, и понял что я *действительно* недостаточно строго отношусь к священникам. Вот, вы например (тут последовал долгий список). Теперь я больше не буду либеральничать…» Священник буквально бросился ему в ноги и стал умолять о прощении. Только тут владыка повысил голос, и сказал, чтобы больше ни-ког-да он не слышал ни единой жалобы, а не то…

Сравнивая нашу духовную жизнь с цветком, владыка говорил в своей проповеди (1967): «посмотрите на цветок, поставленный зимой в полутемную комнату. Он увядает и только-только не умирает в такой обстановке; о росте и о цветении не может быть и речи. И посмотрите на этот же цветок в залитой светом и и солнцем комнате или саду летом <…>. Так и в духовной жизни. Христос – наш Свет, лучезарное Солнце, озаряющее нашу жизнь. Но мы обыкновенно живем вне этого Света, мы заслонились от него и даже как будто чувствуем себя спокойно, не ощущая этот яркий свет <…>. Но зачем нам оставаться в полутьме, когда около нас стоит сияющий светом, животворящий благодатью Господь и Бог наш Иисус Христос? Пойдем же за Ним, с готовностью ответим на Его призыв, решительным порывом, горячей молитвой пойдем в пути новой жизни в сиянии благодатных лучей животворящего Солнца Правды – Иисуса Христа! И Господь Сам даст нам силы на этом пути и управит нас, лишь бы пламенно горело наше сердце устремлением к Нему! Аминь.»

Скончался митрополит Леонид в Риге, чин его отпевания был совершен в соборе Рижского Троице-Сергиева монастыря 11.09.1990 года архиепископом Курским Ювеналием, епископом Даугавпилсским Александром и епископом Подольским Виктором. Погребен митрополит Леонид на кладбище Спасо-Преображенской пустыни в Валгунде, близ Риги.

Составлено И.П.
по: Анна Федорова. Владыка Леонид (Поляков), современник и епископ отца Тавриона (http://www.sfi.ru/forum.asp)

Митрополит Серифим Чичагов

Многострадальная жизнь этого непобедимого борца за православие, этого мудрого и доброго архипастыря, музыканта, поэта и художника, его многократные аресты, ссылки, преследования и мученическая смерть в тюрьме прекрасно описаны в поэме – жизнеописании его духовной дочерью и старым другом – врачом Софией Николаевной Микешиной. К сожалению, труд этот при большевиках записанным храниться не мог, при поспешной же моей эвакуации, после вступления немецких войск, я не имела уже возможности записать его с ее слов. Хотя тогда уже мысль о том, как хорошо бы было его напечатать, меня охватила. Но, если будет на то воля Божия, труд этот будет напечатан.

Владыка митрополит был духовным композитором и художником. В комнате С. Н. висел портрет его за рабочим столом. Рядом на стене – огромная прекрасная картина «Христос благословляющий». Его литературные труды широко известны в России и, как один из лучших – огромный труд его, написанный им, когда еще был архимандритом, «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря», написанный увлекательно и легко, читаемый с захватывающим интересом.

Митрополит Петроградский Серафим (Чичагов)

Митрополит Серафим (Чичагов) за рабочим столом в своем кабинете. Фото конца 1920-х – начала 1930-х годов

К митрополиту Серафиму, как к великому знатоку Православия, обращались за советом все, даже крупные духовные деятели.

С властями у него было неизбежно много столкновений. Но ни на какие компромиссы он никогда не шел, ни на йоту не отступая от того, что считал правдой, какими бы опасностями это ни грозило. Подвергался всяческим преследованиям, не раз был в ссылке. Но крутых мер тогда еще не решались применять, слишком большая величина была.

Время шло, сила зла сбросила с себя последние оковы. Как можно было терпеть во главе церкви бывшего адмирала*, приближенного Александра III?

Ему были предъявлены такие требования, на которые, большевики отлично знали это, он не пойдет. И он ушел,

* Митрополит Серафим (в миру Леонид Михайлович Чичагов; 9.06.1856–11.12.1937) был полковником Императорской армии. – *Ред.*

уехал в Москву, к дочери своей, монахине Серафиме. Он был очень болен и слаб, но это не помешало его аресту.

Вот что рассказывала дочь его Софии Николаевне: «Во время ареста горлом хлынула кровь. Унесли на носилках».

«Столп Православия», – как мы его называли, богатырь духа, был и сложением богатырь. Около года был в тюрьме в самых ужасных условиях. Потом пришла весть о его смерти. По другим сведениям, он был расстрелян.

Лично мне пришлось говорить с ним два раза. В первый раз – по поводу церкви, где я состояла в двадцатке. Впервые увидала я его лицом к лицу, не в церкви, в торжественной обстановке, а в келье его. Высокий, очень худой в старенькой ряске, с глубокими, проницательными и такими усталыми глазами, и ласковый-ласковый. Я тогда еще ничего не знала о нем, о жизни его, наоборот, враги его, которых было много и среди верующих, всячески ругали и осуждали его. Но какая-то сила невольно влекла к нему, и я повинуясь ей, с глубокими благоговением, земно ему поклонилась. В церкви он говорил всегда лишь несколько слов, тихим голосом, с полузакрытыми глазами и всегда об одном: «Стойте твердо в Православной вере».

Во второй и последний раз видела я его, когда приехал он к нам в Царское Село, в собор, проститься. Тут он говорил много и серьезно, строго и вдохновенно, смело укрепляя и ободряя нас, особенно остерегая от обновленцев, лишенных благодати. И кончил опять: «Что бы ни случились, твердо стойте в православной вере». Потом все по очереди подходили под благословение. Народу было немного. И опять меня охватило чувство, что теряем мудрого правителя и наставника и доброго отца и опять с глубоким благоговением земно ему поклонилась Странно, что наперекор всем толкам душа с полным доверием тянулась к нему. (Софию Николаевну, так много мне о нем рассказавшую, я узнала лишь потом).

Когда он сел в автомобиль, он еще раз выглянул и благословил народ. Потом обернулся ко мне, стоявшей на ступенях и благословил отдельно большим крестом. При этом, взгляд его, прямо на меня устремленный, глубоко проник в мою душу.

Уехал... Больше мы его не видели.

Митрополит Вениамин

Вот, что рассказала мне о последних минутах мученика одна женщина, со слов сторожей НКВД:

Раздев догола, били и издевались над ним всячески. Затем выстроили отряд солдат для расстрела. В момент, когда командир хотел подать знак, митрополит Вениамин, подняв обе руки, благословил убийц. Солдаты побросали винтовки, и никакие угрозы не могли заставить их стрелять.

Тогда призвали латышей (или китайцев). Они привели приговор в исполнение.

О. Михаил Чельцов

Вот что рассказал мне о нем Александр Александрович Алексеев, автор помещенных в «Православной Руси», в статье «Поэзия мучеников» стихотворений. Он был близким другом о. Михаила.

«Несколько раз он был арестован и приговорен к расстрелу. Но каждый раз приговор отменялся, и он был совершенно освобождаем.

В последний раз он уже совсем приготовился к смерти и ждал ее радостно, но опять был «прощен».

– Знаете, – говорил он Александру Александровичу, – я уже не радуюсь освобождению. Опять в жизнь. А я так свыкся с мыслью о переходе в иной мир. Уже как бы живу в нем, а этот мне чужд.

Но недолго пришлось ждать нового ареста и нового приговора к расстрелу. И на этот раз он был приведен в исполнение – в первый день от Рождества Христова...

Один из конвойных (или сторожей присутствующих) потом рассказывал вдове о. Михаила:

– Ну и старик был. Его на смерть ведут. а он тропари Рождеству поет...

Каждый раз, когда вспоминаю об этом и сейчас, когда пишу, озноб охватывает. Вижу его, бодро и радостно идущего на смерть, вижу лицо его, просветленное нездешним светом, слышу голос его, радостный и звучный:

«Рождество Твое, Христе Боже наш, Возсия мирови свет разума...»

Дивен Бог во святых Своих и теперь, в это время, казалось безнадежного мрака...

На другой день после расстрела пришел из Москвы приказ: «Освободить ввиду отсутствия состава преступления».

Иеромонах о. Сергий Ляпунов

К сожалению, могу сказать о внешней жизни его лишь немного. Знаменитого старинного рода, внук* известного композитора Ляпунова.

Близкий друг первого отца моего духовного, иеромонаха о. Вениамина Эссена, арестованного вместе с ним на его квартире на Петроградской Стороне, в ночь с 17 на 18 февраля 1932 г., когда поджидал он его возвращения. Осталась у о. Сергия старушка мать.

Совсем молодой, не старше 25 лет, высокий, очень худой, он, со своим прозрачно-бледным лицом, обрамленным черными волосами и огромными, глубокими, темными глазами, глядящими куда-то поверх всего, каким-то не

---

* В действительности не внук, а сын композитора и пианиста Сергея Михайловича Ляпунова (8/30.11.1859, Ярославль – 8.11.1924, Париж). Дедом о. Сергия был известный астроном М. Ляпунов, братья отца: старший Александр, известный математик, младший Борис, филолог-славист. Композитор С.М.Ляпунов принадлежал эпохе позднего русского романтизма. С 1910 по 1923 год профессор Петербургской (Петроградской) консерватории, в Париже руковидил музыкальной школой для русских эмигрантов и выступал в качестве дирижера. – *Ред.*

Свято-Троицкий храм в Киновии Александро-Невской лавры. Фото 1910-х годов

видящим ничего земного взором и молчаливым, плотно сомкнутым ртом, казался сошедшим с полотна Нестерова. Очень тихий, какой-то воистину не от мира сего. Детски-чистая собранная, живущая лишь небом душа. И двигался он легко и бесшумно. словно не касаясь земли.

Встречала его часто в трамвае, среди хохота и ругани, – сидел, закрыв глаза и, видимо, молился.

Служил он в церкви Киновии, что за Стеклянным заводом, на том берегу Невы. Это был один из оазисов, где собиралась молодежь, не могущая примириться с советской действительностью, увлеченная уставной службой монастырской – чтобы петь и читать на клиросе. Не выпускали ничего из положенного, читали даже синаксарий, что не делалось нигде. И длинные монастырские службы проходили незаметно.

Какой мир спускался на душу когда сядешь, бывало, на пароходик, чтобы переплыть через Неву, и уже всей душой там, в храме. Мир современный словно исчезнет бесследно, и Русь, Святая Русь, опять жива.

К сожалению, стала бывать там, когда о. Сергий был уже арестован.

Среди молодежи, посещающей Киновию, близко знала я одну девушку. Очень земная, веселая хохотушка, все же какой-то неодолимой силой влеклась она к Богу. И при одном воспоминании об о. Сергии, как-то сразу задумчиво и благоговейно притихала.

И вот однажды, через год приблизительно, после его ареста, видит она сон. Сходит он по ступеням Киновии, какой-то особенно прозрачный, воздушный, как видение. Она подошла под благословение. Он молча благословил и, отвернувшись, пошел своей скользящей походкой через лежащее за церковью огромное, зеленое, все залитое вечерними лучами поле, прямо к заходящему солнцу. Она, потрясенная, долго глядела вслед удаляющейся белой воздушной фигуре, пока та не исчезла. Все было сковано какой-то особой, торжественной тишиной...

Через некоторое время пришла весть о его смерти в ссылке... Он молчаливо, словно видение бесплотное, прошел среди бушующей злобы безумного мира, чуждый его суете и эгоистическим стремлениям, прямо к вечному свету Солнца Незаходимого.

Н.К.

Интерьер Свято-Троицкого храма в Киновии Александро-Невской лавры Фото 1900-х годов

Иеромонах Сергий (Борис Сергеевич Ляпунов, 21.04.1901–9.03.1936) родился в С.-Петербурге, сын известного композитора С.М. Ляпунова, профессора консерватории. Он окончил гимназию и до 1918 г. учился в Петроградском университете (на факультете общественных наук), затем по мобилизации служил в красной армии, заведуя библиотекой Кавказского полка. Демобилизовавшись в 1921 г., Борис продолжил учебу в университете и одновременно работал в Библиотеке Академии наук. В 1921–1922 гг. он также читал и пел в хоре консерваторской церкви, старостой которой был его отец. В 1925 г. был исключен в ходе чистки из университета, и перешел учиться в библиотечный институт, продолжая работать в Академии наук. В 1926–1928 гг. состоял в монашеском кружке прп. Иоанна Лествичника. В братии Александро-Невской лавры. Первым из братства св. Александра Невского, существовавшего при Лавре – в начале января 1928 г., был пострижен архим. Львом (Егоровым) в монахи с именем Сергий. Вскоре после принятия пострига был рукоположен во иеродиакона и иеромонаха, являясь ближайшим помощником о. Гурия. После ареста архимандрита Гурия в декабре 1928 г. иеромонах Сергий занял место настоятеля киновийских церквей и фактически стал одним из руководителей братства. С 1928 г. служил в лаврской Киновии на правом берегу Невы. Занимался организацией помощи ссыльному епископу Иннокентию (Тихонову). Арестован 18.02.1932 вместе с архимандритом Вениамином (Эссеном) по делу Александро-Невского братства и Ленинградского филиала ИПЦ. На допросах держался твердо. 29.02.1932 приговорен к 10 годам концлагерей. Скончался через четыре года, 9.03.1936 в Темниковских лагерях от туберкулеза.

Молебен в антирелигиозном музее

(Рассказ из советской жизни)

Рославль. Вид города. Справа – Спасо-Преображенский монастырь. С акварели начала XX века

Преподаватели и учащиеся Петершуле. С.-Петербург. 1910-е годы

С трепещущим сердцем переехал я советскую границу. Шведский паспорт и иностранное происхождение отца дали мне эту возможность, о которой, как о несбыточной, только мечтали мои русские друзья в Европе. То, что моя мать – русская, что я родился в Смоленской губернии в городе Р[ославле] и воспитывался в прекраснейшем на свете городе Петербурге, что я – православный, что с детских лет Россия была для меня не приемной кормилицей, но беспредельно любимой матерью, я утаил при подаче прошения о месячной туристической визе в Советский Союз. Тщательной тренировкой я выработал себе иностранный акцент для лучшего камуфляжа и визу получил. Итак, я получил возможность своими руками прикоснуться к ранам своей страны, своими глазами посмотреть, что с ней сталось.

Кроме того, у меня была и еще одна причина для поезки. Моя мать – очень верующая женщина. Когда я родился, я был очень слаб, и моя мать горячо за меня молилась в нашем родном городе Р[ославле], в тамошнем старинном монастыре, перед чудотворной иконой св. великомученицы Варвары. И тогда же моя мать дала обещание, что куда бы нас не забросила впоследствии судьба, она привезет меня помолиться к этой иконе, если я только вырасту здоровым. Но до сих пор этого обета выполнить не удалось. Мой отец – инженер-специалист по котлам, и судьба все время бросала нас то по всей России, то в командировки за границу. Великая война застала моих родителей в Голландии, а меня в Петербурге, в Петершуле. Во время революции с группой знакомых шведов мне удалось проехать к родителям, в Голландию, а теперь, через пятнадцать лет, экскурсия, организованная международным туристическим обществом позволила мне снова на минуту заглянуть на родину.

Когда я решился на поезку, мать увидела в этом Божий перст и взяла с меня слово, что я побываю в городе Р[ославле] в Преображенском монастыре и, или если его уже нет, хотя бы на месте, где он был, и постараюсь найти там священника, чтобы отслужить молебен перед образом великомученицы Варвары. Мне было уже почти тридцать лет, но судьба моя все никак не могла устроиться, и моя мать думала, что это происходило именно из-за невыполненного обещания.

По тем же белесым балтийским волнам, что и при отъезде пятнадцать лет тому назад, подъезжал я к родному красавцу Петербургу. Не буду описывать своих чувств, не стану говорить о тысячекрат описанном обычном пути советского туриста, повторять пропагандных речей в Петропавловском каземате – единственной старой тюрьме, которая может быть только для этих именно речей и сохранена в тюремном виде советским правительством, вспоминать тяжелое зрелище Исаакия в виде антирелигиозного музея, описывать поездки по заводам. Не буду говорить и о Москве: ее, также как и Ленинград, я видел лишь мельком с интуристической высоты.

Расскажу прямо о своей поездке в город Р[ославль] Осуществить эту поездку мне едва ли бы удалось,

если бы не счастливый случай – Промысл Божий, как сказала моя мать и как глубоко верю и я. Как раз, когда я был в советских пределах, в Р[ославле] в бывшем Преображенском монастыре открылся новый «краевой антирелигиозный музей», о котором советские газеты дали ряд рекламных статей. Я стал убеждать моих спутников-интуристов, что нам необходимо осмотреть этот музей. Спутники мои, среди которых было несколько американских миссионеров, приехавших со специальной целью – изучать душу русского народа и его отношение к религии, охотно согласились. Наша экскурсия была несколько привелегированной. Почти все мы, как и я, имели командировки от крупных металлургических заводов, ведших дела в СССР и потому разрешение на посещение музея в городе Р[ославле] нам было легко дано.

Я плохо помню Р[ославль] дореволюционных времен. Тогда был он городком маленьким и убогим. За время революции он стал обширнее, но при этом стал еще более убогим. Однако монастырь, построенный в начале XVI века – прекрасен.

Стиснув зубы от горечи за его попранную красоту и святость, я переступил порог антирелигиозного музея – бывшего храма. Еще моя мать рассказывала мне, что на стенах монастыря сохранилось много древних фресок, частично замазанных в разные времена и покрывшихся копотью до неузнаваемости. В первые же годы советской власти комиссия по реставрации памятников искусства под руководством знаменитого И. Грабаря произвела реставрацию этих фресок, которые предстояло мне увидеть.

При входе в музей я купил несколько брошюрок с описанием этих фресок. Между прочим в одной брошюре было помещено новооткрытое изображение св. Георгия Победоносца, строгого старинного новгородского письма, этой высшей молитвенной ступени искусства, на которую во всем мире сумела подняться только древняя Россия.

Я показал моим американским и швейцарским спутникам эту вопиющую безграмотность, но они ничего не поняли и кажется вполне присоединились к точке зрения советского комментатора.

Всей гурьбой стали мы подниматься по старой винтовой лестнице на колокольню монастыря. Лестница заключена в темную каменную коробку, на половине подъема широкая ниша открывает вид на внутренности самой колокольной башни, достаточно освещенной солнцем благодаря многочисленным створчатым окнам.

Какая гениальная мысль того древнерусского человека, который строил эту башню: он заставляет посетителя из темной лестничной клетки смотреть на тот художественный шедевр, который он сам, или его друг иконописец написал на внутренней стене колокольни. Перед нами была та самая икона, снимок с которой был

Рославль. Общий вид города со стороны Московского шоссе. Слева – Спасо-Преображенский монастырь. Фото начала XX века

помещен в брошюре. Но тут , на присущем ей месте она производила новое незабываемое впечатление. Я никогда не видел такой композиции. Высоко, под самым куполом башни на летящем коне изображен св. Георгий. В коне полет, сила, стремление, в святом же, сидящем на коне – полное спокойствие и мир. Ни борьбы, ни напряжения; никакого намека на при вычное в западных изображениях взмахивание руки с занесенным копьем или мечом. Уверенным, совершенно спокойным движением св. Георгий длинным копьем поражает дракона, простершегося далеко внизу, почто на самом полу колокольни. Прямо же против ниши, лицом к лицу со зрителем, написана женская фигура, над которой видна надпись: «спасаемая царевна – душа человеческая». Удивительно ее лицо, никогда я еще не видел, чтобы художник мог так изобразить не одно, а два совершенно противоположных выражения человеческого лица: безумный страх – муку, и сияющую беспредельную радость. На зеленом фоне, пестрящем множеством красиво стилизованных цветов, фигура царевны выделяется очень ясным рельефным пятном.

Даже мои спутники американцы и швейцарцы что-то почувствовали в этой картине и долго стояли

Рославль. Крестный ход возле собора, в центре города. Фото начала XX века

Рославль. Современный вид Спасо-Преображенского монастыря. На переднем плане – колокольня, в которой помещались спасенные святыни и храм о. Митрофана.

у ниши, ничего не говоря. Меня же икона потрясла. Я не помню, как спустился с колокольни в музей – бывшую монастырскую церковь. Святой Георгий и душа, застывшая на грани спасения и гибели, стояли у меня перед глазами.

Я не стал осматривать многочисленные плакаты и диагаммы, лозунги и портреты вождей, висящие по стенам. В дальнем углу музея я увидел икону святой Великомученицы Варвары, хорошо мне знакомую с детства по фотографиям и копии с нее, виквшей в божнице в маминой комнате. Пользуясь тем, что сопровождавшие нас гиды увлеклись разъяснением плакатов моим спутникам, я отделился от общей толпы, прошел к иконе Великомученицы и, спрятавшись там за колонну, опустился на колени. Иного способа выполнить обет моем матери у меня не было. Но конечно, не только исполняя желание моей мамы, склонился я с молитвой пред этой иконой и залился невольными слезами. Вся напряженнсть последних дней, долго сдерживаемая боль обиды за родную мне землю, за все, что мне пришлось видеть на ней, все, что пиходилось затаивать в душе в эти дни, вся гамма глубоких, больных непередаваемых словами чувств, вылилась в этх моих слезах перед с детства знакомым мне образом в антирелигиозном музее родного мне города.

Я так увлекся своей молитвой, болью и слезами, что не заметил, как старичок в форме музейного сторожа подошел ко мне и тихо сказал на ухо: «плачьте, плаче, гражданин, многие плачут здесь, и сладко это – поплакать перед Богом в Божием, хотя и оскверненном храме». Потом, когда я поднял к нему свое заплаканное лицо, он продолжал, глядя ласково, приветливо, мирно, совсем не похожий на других, встречавшихся обычно подсоветских людей: «вся-то наша Россия сейчас, как вот этот храм опаганенный. Опаганенный, а всеж таки храм Божий она».

Голоса наших экскурсантов раздались за колоннами, и я поспешил подняться с колен. Старичок отошел.

Когда мы выходили из музея-церкви, один из наших гидов – еврей, обратил наше внимание на этого старика. «Успехи культурно-просветительной работы в Советском Союзе чрезвычайно велики, – говорил гид. – Они захватывают не только молодежь, но и старшее поколение, которое массами отказывается от прежних предрассудков. Даже отдельные представители служителей культа сбрасывают гнет давивших их предрассудков и

Пожилые прихожане часто рассказывают о том, что в то время, когда в стенах монастырского храма располагался музей, его директор неоднократно замечал, как лампады перед иконами сами собой зажигались, и что он сошел с ума, устрашенный этим явлением. До последнего времени подобные рассказы считались легендой. Но в обнаруженной недавно автором данного труда газетной заметке того времени утверждается, что стеклянные лампады красного стекла отражают солнечный свет от серебряных окладов, укрепленных на образах, и это воспринимается многими людьми как чудесное явление. Вот текст этой заметки:

«После закрытия монастырского храма среди отсталого населения города распространились слухи, что в храме без человеческой помощи загорались лампады. Представители адмотдела немедленно прибыли на место. В монастыре находилось несколько любопытных женщин. Представители адмотдела приглашали их с собой в помещение храма для того, чтобы они могли убедиться в поповском обмане. Часть из них идти в храм отказалась, мотивируя это тем, что женщинам по религиозным законам вход в алтарь запрещен. Некоторые из присутствовавших женщин все же вошли в храм и ясно увидели, что лампадки не горели, а лишь красное стекло отражало свет, который падал на ризы икон. Но слух о чуде в монастыре продолжает распространяться».

Что же это было? Мистификация? Божье чудо? Махинации священников (в запертом властями храме)? Каждый волен остаться при своем мнении. Не менее загадочна смерть директора музея. Он застрелился в алтаре монастырского собора (его собака никого не подпускала к телу хозяина, так что и ее пришлось пристрелить). Божье наказание? Возможно. Народ по-разному воспринял эти события. Но посещаемость музея с этого времени резко сократилась, говорят старожилы. Во время Великой Отечественной войны пропала и сама коллекция музейных экспонатов.

суеверий и становяться сознательными последователями нового свободного строя жизни. Вот, посмотрите на этого старика. Он раньше был церковным сторожем в этой церкви, чуть не поступил в монахи, а теперь он служит охранителем антирелигиозного музея, и при том одним из самых ревностных».

Это обстоятельство заинтересовало американских миссионеров, и они записали его в свои записные книжки. «Вероятно, тут сказалась слепая приверженность к месту, свойственная примитивным личностям», догадался один из них.

Когда мы выходили из музея, я увидал этого старичка на пороге небольшого двухэтажного домика, пристроенного вплотную к музею. Старичок стоял на верхнем крыльце и приветливо мне улыбнулся. На дверях этого домика была надпись: «сторож № 2, звонить 2 раза». И все-таки словам гида-ж...да я, конечно, ни на секунду не поверил.

Вечером, в гостинице, после того, как мы уже разошлись по нашим номерам, меня неудержимо потянуло снова в церковь, к чудному образу спасаемой человеческой души и к с детства любимой иконе св. великомученицы Варвары. Я понимал, что открыто попасть мне туда не удастся. Но все же решил попытаться.

Вместо того, чтобы выйти по главной лестнице, где надо было проходить через прихожую с дежурными слугами и шпиками ГПУ, я пошел по черному ходу. Ни одного человека мне не встретилось.

Только уже на дворе, в воротах меня окликнули: «куда вы, гражданин?» «За папиросами», – спокойно ответил я, и не оглядываясь быстро зашагал дальше. Будь что будет. Не расстреляют же меня за это. Ну, вышлют немного раньше срока. Так не все ли равно, как выезжать из моей поруганной, порабощенной страны – в первом классе, или по этапу. По этапу-то еще почетнее.

Но меня, видимо, никто не стал преследовать. Слишком неожиданной была моя эскапада.

На улицах – ни души. Я прошел к музею, благо до него было недалеко. В музее не видно было ни искорки света, но в окнах квартиры сторожа № 2 светил приветливый огонек. Я сразу решился: смело поднялся на крыльцо и позвонил два раза.

Бородатый ласковый старичок отворил мне дверь и в первое мгновение видимо испугался. Я поспешил успокоить его: «Простите за то, что не во время Вас беспокою. Но мне очень хотелось снова помолиться в церкви, то есть в музее перед образами там одному, без гидов-ж...дов, без американцев и других иностранцев. Пожалуйста, не могли бы вы сделать это. Я посильно вознагражу вас».

«Ну, награды-то мне не надо, да и исполнить вашу просьбу я, кажется, не могу, ключи от музея ведь не у меня. Но вы проходите пока ко мне, мы подумаем, что можно было бы для вас сделать, если у вас так душа заговорила».

Я с какой-то глубокой острой радостью вошел в комнату, чуть-чуть не сказал келию, старика-сторожа. С таким именно чувством, помню я, будучи два года назад в Палестине, ходил в самом строгом на свете монастыре – в Лавре св. Саввы в келии тамошних монахов-подвижников.

Старичок усадил меня за стол и налил кружку липового чая, который он пил с маленьким куском сахара вприкуску. Какое-то теплое-теплое ласковое чувство доверия к этому старичку охватило меня.

– Простите, как вас звать? – спросил я.

– Зовите Митрофаном.

– А по отчеству?

– Степанович.

– Митрофан Степанович, я ведь не просто турист, я можно сказать богомолец, паломник в вашу церковь, по обету, – и я в коротких словах рассказал Митрофану Степановичу свою истоию и причину заставившую меня приехать в г. Р[ославль].

– Вот как..., – протянул он, глядя на меня умными, ласковыми и в то же время страшно проницательными глазами. – Так богомолец говорите... Ну, богомольцу можно показать то, что мало кому я показывал... Пойдем!

Он взял электрический фонарик, засветил его и повел меня по крутой лестнице на чердак своего домика. Спотыкаясь через балки, я прошел за ним в самый дальний угол чердака, где Митрофан Степанович неторопливо стал вынимать из стены кирпичи, так что получился узкий проход. В этот проход он вошел. Я за ним.

Мы очутились на лестнице колокольни. По ней мы стали еще подниматься вверх. Не останавливаясь у ниши, о которой я говорил, Митрофан Степанович провел меня еще выше, на самую верхнюю площадку колокольни, где раньше, видимо, помещались колокола. Здесь, опять пройдя в закуток, он стал вынимать кирпичи из стены и ввел меня в крохотную комнатку, наполо-

Рославль. Спасо-Преображенский собор мужского монастыря. Современный вид со стороны алтаря. Вдали видна колокольня обители, где в 1930-х гг. помещался тайный храм

вину занятую небольшим столом, на котором лежали крест и Евангелие. Сзади стояла дарохранительница. Микроскопическая церковь-алтарик. Над престолом висела мне также хорошо известная с детства, очень чтимая в Р[ославле] Тихвинская икона Божией Матери, а сбоку еще более знакомая мне и горячо мной любимая икона великомученицы Варвары, совершенно сходная с той, пред которой я молился днем. Когда же я, повинуясь указанию Митрофана Степановича, повернулся назад, я увидел при свете электрического фонаря, что мы находимся прямо против изображения св. великомученика Георгия на колокольной стене. Строгий, спокойный, торжествующий лик Победоносца прямо смотрел на нас. Замершая на грани спасения и гибели царевна – человеческая душа виднелась много ниже, а совсем внизу простирался побежденный змей.

Чудотворный образ великомученицы Варвары из Рославльского монастыря

Я стоял изумленный. Митрофан Степанович тихо улыбнулся.

– Как же вы сумели это сделать? – наконец нашелся я спросить.

– Не сразу, не вдруг. Господь помог. Тайничок этот мне, как монастырскому сторожу был давно известен. Здесь мы раньше старые ризы хранили, да сюда же вешали и ту вот икону Божией Матери, что теперь в музее висит. Той иконой мы, бывало подменяли настоящую, эту вот, когда эту икону носили в апреле на крестный ход к монастырской Кирилловской часовне. А Варвары Великомученицы икону, что в музее находится, написал Соковкин, художник известный, что с Грабарем к нам в 23 году приезжал писать копии с наших икон. Он-то мне и мысль дал подменить иконы, когда будет удобный случай. Случаев таких много было, потому что, кроме меня никому здесь иконы не интересны. Ж...дам гидам что ни повесь – все равно не узнают, не разберут. Им бы только было над чем кощунствовать. А меня как Господь поставил церковное монастырское добро сторожить, так я до смерти исполнять это буду. Перед Богом покойному настоятелю монастырскому отцу Спиридону обещался это.

Тихо и неспеша рассказывая мне свою удивительную повесть, Митрофан Степанович закладывал кирпичами проход. Когда же мы очутились в четырех стенах, без единого окошка он засветил свечу и протянул руку к висевшей на гвозде епитрахили.

– Ну вот теперь и помолимся, как вы мамаше вашей обещались.

– Разве вы священник? – с удивлением спросил я.

– Давно уж, лет десять как посвятил меня владыка Иоанн, когда проезжал здесь. Спаси его Христос. Где-то на БАМе он теперь. – Ты все со святынями, Митрофан, так тебе лучше иереем быть, – говорил он. – Здесь вот и посвящал. И престол этот он же освятил.

– А как же нам ж...д говорил, что вы от веры отказались под влиянием советского культурно-просветительного воздействия?

– Врет он, врет, и знает, что врет. У меня с ними сговор сам собой получился. Они меня про веру не спрашивают, и я молчу. А сторожем я за семерых работаю. Один только и работаю тут. Ну, конечно про тайник этот и про священство мое никто, кроме самых верных людей здесь не знает. И к вам у меня также просьба. Богом вас заклинаю, ни здесь, ни там, за границей никому не проговоритесь про эту тайну, что я вам показал. Душа моя почему-то к вам потянулась, поверил я вам и знаю, что не обманете.

Никогда не забуду я этого молебна в крохотной потаенной церковке внутри антирелигиозного музея перед чудными древними образами.

Взволнованный вернулся я в гостиницу.

Дежурные агенты ГПУ долго расспрашивали меня куда я ходил ночью. Я сказал, что пошел за папиросами, а потом просто прогулялся по городу.

Последствием этого было только то, что на следующий день нас неожиданно всех вызвали в комиссариат, где всем учинили детальный обыск, а в это время такой же обыск, особенно у меня был произведен и в гостинице во всех наших вещах. Еще раз с исключительным старанием обыскивали меня и при проезде через границу на обратном пути. Благодарня этим обыскам я лишился многих своих фотографий, но другого, конечно, ничего у меня не нашли.

Лет через семь, уже в Голландии я читал в «Антирелигиознике», что антирелигиозный музей города Р[ославля] присоединили к Смоленскому музею и вывезли в Смоленск все экспонаты, а помещении бывшей церкви и музея устроили зерновую ссыпку, потому что какие-то колхозы около Р[ославля] поставили какие-то сверхстахановские рекорды по собиранию и сдаче зеркна, которое некуда было девать.

Я подумал об отце Митрофане и о его святом тайнике. Удалось ли ему его сохранить?

Ответ на этот вопрос я получил на днях. Недавно в газетах промелькнуло известие, что Р[ославль] зянят германцами, и вот ко мне пришло письмо моего хорошего знакомого, немецкого офицера. Он пишет:

«Был я в твоем родном городе Р[ославле]. Знаешь, какой интересный случай прооизошел при его взятии?

Рославль. Немецкие машины возле Спасо-Преображенского монастыря. Слева – Святые ворота, справа – колокольня. Фото 1943 года

К середине сентября неприятель захватил почти всю Смоленщину. Оккупационная власть, желая привлечь на свою сторону симпатии местного населения, не препятствовала возрождению церковной жизни. Это привело к тому, что население области, измученное десятилетиями безбожного режима, начало повсеместно восстанавливать храмы и создавать новые приходы. В 1942–1943 гг. в Рославле вновь стали действовать монастырский собор, церкви Вознесения Христова и Рождества Богородицы. Люди поспешили в храмы. Приходится сожалеть, что лишь вражеское нашествие, принесшее стране и народу бесконечные бедствия, позволило воскресить в Рославле храмы!

Архимандрит Рафаил (Ивочкин). История Православия в Рославльском уезде XII – XX вв.

Большевики реквизировали у всех жителей города и окрестностей весь хлеб, который свезли на ссыпной пункт в бывший монастырь, с тем, чтобы или эвакуировать этот хлеб в тыл, или, если не удастся эвакуировать, сжечь его при отступлении. Этим они обрекли бы на голодную смерть добрую половину округи. И вот, в последнюю минуту, когда они, чтобы испортить и зажечь зерно, провели шланг из цистерны с керосином через лестницу на колокольне в храм, где зерно было ссыпано, кто-то на лестнице обрезал шланг, хотя никто туда не входил. Керосин весь пролился на каменный пол колокольни, и хлеб уцелел. Люди приписали это чуду. Еще большую радость вызвало во всех известие, что совершенно неожиданно оказались целыми в этой церкви старинные иконы Божией Матери и великомученицы Варвары, которая пользовалась тут издавна большим почитанием. Даже и из окрестных сел к этим иконам идут сейчас богомольцы. Служит им старый священник отец Митрофан, который в течении всего времени советской власти служил сторожем сначала при антирелигиозном музее, а потом при ссыпнм пункте в бывшей церкви. Его все очень любят».

Ну теперь я уже имею право нарушить молчание и рассказать о тайне церкви в городе Р[ославле].

Господи, как хотелось бы и мне быть с теми, кто молится сейчас вместе с отцом Митрофаном и снова взглянуть на чудный и страшный лик души, застывшей на грани гибели и спасения.

А. Нельский

Рославль Спасо-Преображенский мужской монастырь. Современный вид

Публикация материалов из военных номеров газеты «Православная Русь» подготовлена Т.А. Богдановой и А.К. Клементьевым

Алексей Хомяков

РОССИИ

«Гордись! – тебе льстецы сказали. –
Земля с увенчанным челом,
Земля несокрушимой стали,
Полмира взявшая мечом!

Пределов нет твоим владеньям,
И, прихотей твоих раба,
Внимает гордым повеленьям
Тебе покорная судьба.

Красны степей твоих уборы,
И горы в небо уперлись,
И как моря твои озеры...»
Не верь, не слушай, не гордись!

Пусть рек твоих глубоки волны,
Как волны синие морей,
И недра гор алмазов полны,
И хлебом пышен тук степей;

Пусть пред твоим державным блеском
Народы робко клонят взор
И семь морей немолчным плеском
Тебе поют хвалебный хор;

Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись -
Всей этой силой, этой славой,
Всем этим прахом не гордись!

Грозней тебя был Рим великой,
Царь семихолмного хребта,
Железных сил и воли дикой
Осуществленная мечта;

И нестерпим был огнь булата
В руках алтайских дикарей;
И вся зарылась в груды злата
Царица западных морей.

И что же Рим? и где монголы?
И, скрыв в груди предсмертный стон,
Кует бессильные крамолы,
Дрожа над бездной, Альбион!

Бесплоден всякой дух гордыни,
Неверно злато, сталь хрупка,
Но крепок ясный мир святыни,
Сильна молящихся рука!

И вот за то, что ты смиренна,
Что в чувстве детской простоты,
В молчаньи сердца сокровенна,
Глагол Творца прияла ты, –

Тебе Он дал Свое призванье,
Тебе Он светлый дал удел:
Хранить для мира достоянье
Высоких жертв и чистых дел;

Хранить племен святое братство,
Любви живительный сосуд,
И веры пламенной богатство,
И правду, и бескровный суд.

Твое всё то, чем дух святится,
В чем сердцу слышен глас небес,
В чем жизнь грядущих дней таится,
Начало славы и чудес!..

О, вспомни свой удел высокой!
Былое в сердце воскреси
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси!

Внимай ему – и, все народы
Обняв любовию своей,
Скажи им таинство свободы,
Сиянье веры им пролей!

И станешь в славе ты чудесной
Превыше всех земных сынов,
Как этот синий свод небесный –
Прозрачный Вышнего покров!

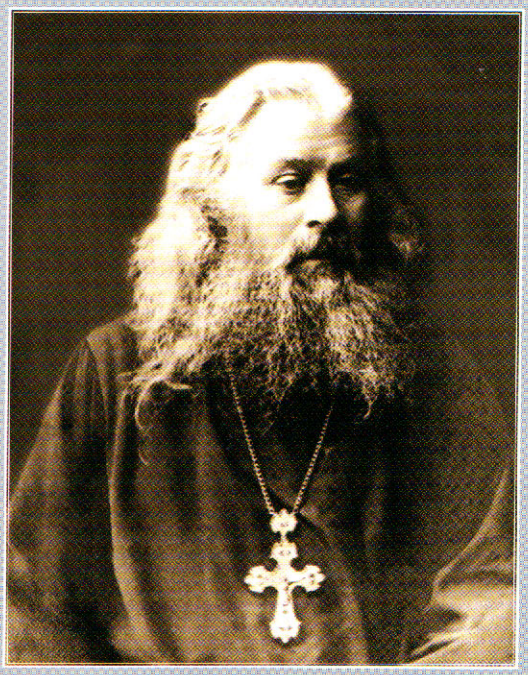
Осень 1839

Редакция благодарит за помощь при работе над этим выпуском журнала,
а также за предоставленные материалы и фотографии:
игумена Варфоломея (Чупова), настоятеля Никольского Староладожского мужского монастыря,
монахиню Ангелину (Васильеву) – настоятельницу Старо-Ладожского Свято-Успенского женского монастыря,
священника Александра Дягилева, иеромонаха Давида (Титова), профессора А.Н. Кирпичникова, Т.А. Богданову, А.К. Клементьева,
Ивету Коцварову (Прешов, Словакия), Эмилию Волеву, Лилию Цветкову, профессора Николу Казанского и Огняна Пунева (София, Болгария),
иеромонаха Евфимия (Логвинова) (Мюнхен, Германия), монахиню Евфросинию (Молчанову) (Лесненский монастырь, Франция),
А.К. Галкина, А.А.Бовкало, послушника Романа Левшина, инокиню Феодосию (Лебедеву), Т.И. Ганф, А.В.Ефимова, В.Д. Капиноса,
Н.Н. Каравашкину (Выборг), В.В. Псарёва (Выборг), Н.В. Лаврентьева, Н.Д. Голубятникову, Д.Е. Михайлова,
А.Д. Лукашова, Н.Н. Наумову, И.А. Сергееву, Н.Ф.Шверикаса, Е.А. Юшкову, Н.Ф. Морозову (Новая Ладога), А.Ю. Егорова, В.В. Саблину
Центральный Государственный архив кинофотофонодокументов (С.-Петербург); Российский Государственный Исторический архив (С.-Петербург); Архив Института истории материальной культуры РАН (С.-Петербург); Архив Санкт-Петербургской епархии,
Российский этнографический музей (С.-Петербург); Ленинградский Областной Государственный архив в Выборге;
Архив библиотеки Конгресса США (Вашингтон)

На 1 стороне обложки: Новая Ладога. Общий вид города со стороны р. Волхов. Климентовская и Спасская церкви (слева) и собор. Фото С.М. Прокудина-Горского 1909 год.

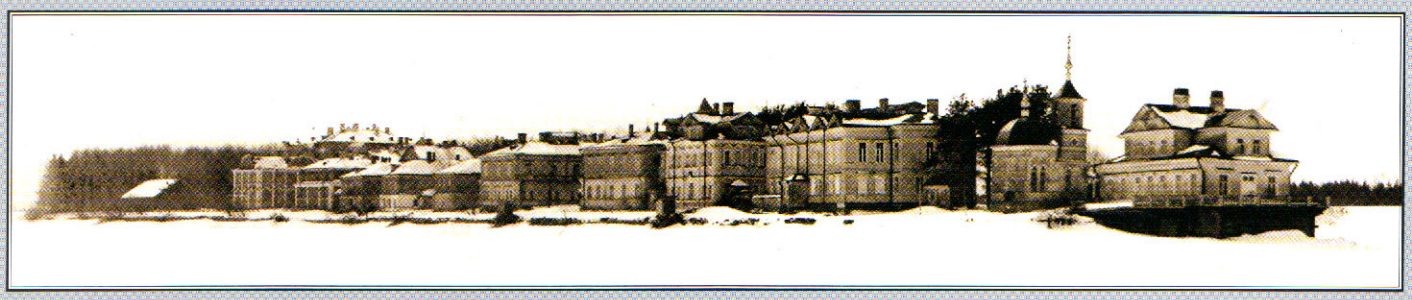
На 4 стороне обложки: могила архиепископа Хайларского Димитрия (Вознесенского) на Большеохтинском кладбище в С.-Петербурге. Фото А.К. Клементьева

Издание Санкт-Петербургской митрополии
Ответственный секретарь Издательского отдела И.Н. Судоса
Председатель Издательского отдела протоиерей Александр Сорокин
Технический редактор: И.А. Шумакова. Корректор Т.В. Иванова. Компьютерный набор и верстка О.Ю. Куликов, А.С. Бучас.
Фото Ю.П. Костыгова, И.В. Попова, А.К. Галкина, С.М. Прокудина-Горского, В.Д. Капиноса, В.П. Абламского, А.К. Клементьева.
Адрес редакции: 193167, С.-Петербург, наб. реки Монастырки, д.1; тел./факс. (812)-274-04-54; e-mail: vedy@sp.ru; vedomosty@gmail.com http://www.mitropolia-spb.ru/vedomosty
Подписано в печать 25.05.2009. Формат 60x90 1/8. Печ. л. 34. Тираж 998. Заказ Отпечатано в типографии «Береста»



Протоиерей Алексий Колоколов.
Здание благотворительных заведений Успенского острова и храм Успения Пресвятой Богородицы. Фото ок. 1900 года

Успенский остров. Крестный ход возле здания хирургической больницы и часовни.
Фото 1890-х годов



Панорама Успенского острова.
Фото 1926 года